ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 3 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2026

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
канд. ист. наук *А.А. Чижевский*

Редакционная коллегия номера:

М.Ш. Галимова к.и.н. (Казань); **А.М. Губайдуллин** д.и.н. (Казань); **Ю.А. Зеленеев** д.и.н. (Йошкар-Ола); **Д.Г. Мухаметшин** к.и.н. (Болгар); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., член-корр. АН РТ (Казань); **А.А. Чижевский** к.и.н. (Казань); **Е.М. Пигарев** д.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2026
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2026

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Candidate of Historical Sciences **Andrei A.Chizhevsky**

Editorial board:

Madina Sh. Galimova, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Airat M. Gubaidullin**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Yurii A. Zeleneev,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); **Andrei A. Chizhevsky,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Evgeni M. Pigarev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

© Tatarstan Academy of Sciences, 2026
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Первобытная археология Северной Евразии

Холматов Н.У., Эргашев О.Т. *(Самарканд, Узбекистан),* **Воробьева Е.Е***.(Казань, Россия),* **Абриев Р.Б., Умаров У.А., Бердикулов М.Т.** *(Самарканд, Узбекистан)*
Ювелирные украшения верхнепалеолитической Самаркандской стоянки 8

Тишкин А.А. *(Барнаул, Россия),* **Идэрхангай Т.-О***. (Улаанбаатар, Монголия),* **Бондаренко С.Ю., Му Цю** *(Барнаул, Россия)* О необходимости современного документирования «оленных» камней, обнаруженных в Синьцзяне 20

Оруджов Э.И., Чижевский А.А. *(Казань, Россия)* Геопространственный анализ и реконструкция системы расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье: от эмпирической констатации к структурной модели* 34

Новиков А.В. *(Кострома, Россия)* Обзор коллекции индивидуальных находок Одоевского городища из раскопа 2025 г. * 52

Борзунов В.А. *(Екатеринбург, Россия)* Новые карты памятников гамаюнской культуры* 73

Овсянников В.В., Воробьева С.Л., Проценко А.С. *(Уфа, Россия)*
Материалы археологических раскопок городища Кара-Абыз А.В. Шмидта в 1928 г. из фондов Национального музея Республики Башкортостан * 100

Красноперов А.А., Арматынская О.В. *(Ижевск, Россия)*
Культурная стратиграфия комплекса памятников в районе д.Икское Устье* 118

Дупчур Ч.И. *(Кызыл, Россия)*, **Зубов С.Э.** *(Самара, Россия)*, **Саттаров Р.Р.** *(Казань, Россия)* Классификация и хронология наконечников стрел Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры* 129

Смирнов А.Л. *(Москва, Россия)* Городище Отолово: железоделательное производство раннего железного века в истоках Западной Двины * 147

Макарова И.Н. *(Сыктывкар, Россия)* Антропоморфные личины раннего железного века с территории Европейского Северо-Востока * 161

Морозов В.В. *(Москва, Россия)*, **Ставицкий В.В.** *(Пенза, Россия)*
Комплекс предметов VI в. из Восточного Закамья * 171

Актуальные проблемы средневековой археологии Волго-Уралья

Хузин Ф.Ш. *(Казань, Россия)* К вопросу об общих компонентах в этнической истории средневековых татар и башкир 181

Акынджы М. *(Анталья, Турция)* Волжские болгары в современной турецкой историографии 192

Ставицкий В.В. *(Пенза, Россия)*
Вопросы этногенеза волжских финнов в работах А.Х. Халикова..... 200

Сарапулкин В.А. *(Белгород, Россия)***, Соловьев Д.С.** *(Астрахань, Россия)***, Бездудный В.Г., Валиев Р.Р., Хазиев А.И., Ситдиков А.Г**. *(Казань, Россия)*
Сооружение хазарского времени в Приволжском районе Астраханской области..... 208

Губайдуллин А.М. *(Казань, Россия)* О некоторых вопросах изучения булгарских домонгольских городищ** 226

Гисматулин М.Р. *(Ульяновск, Россия)*
Каменные литейные формы из Муранского могильника** 233

Семыкин Ю.А. *(Ульяновск, Россия)***, Руденко К.А.** *(Казань, Россия)* Технология изготовления кузнечной продукции из Лаишевского селища** 238

---

* Материалы Всероссийской конференции «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения А.В. Шмидта)»

** Материалы Международного научного семинара «Актуальные проблемы средневековой археологии Волго-Уралья» посвященного к 75-летию д.и.н. Ф.Ш.Хузина

Нигамаев А.З. *(Елабуга, Набережные Челны, Россия)*
Ромашкинский археологический комплекс: к вопросу о гибели поселения 248

Марыксин Д.В. *(Актобе, Казахстан)*
«Всадническое» погребение в сырцовой ограде могильника Лебедевка VIII 261

Зиливинская Э.Д. *(Москва, Россия)* Строительные материалы и строительные технологии в степных городах Золотой Орды по материалам Селитренного городища 270

Никитина Т.Б. *(Йошкар-Ола, Россия)***, Мухаметшин Д.Г.** *(Болгар, Россия)*
Булгарское наследие в материалах Амоксарского могильника X–XII вв. ** 286

Пигарёв Е.М., Храмченкова Р.Х. *(Казань, Россия)* Химический состав стекла из стеклоделательной мастерской Селитренного городища (материалы 2017–2018 гг.) ** 302

Петров П.Н. *(Казань, Россия)* Участие джучидских монет Среднего Поволжья в денежном обращении Приаралья в XIII – XIV вв. ** 311

Алексеев И.Е., Алексеева Л.И. *(Казань, Россия)* К вопросу о находках в Поволжье и Северном Кавказе средневековых китайских монет 318

Хроника

Кузьминых С.В. *(Москва, Россия)* «И тем сильнее у меня желание обменяться с Вами мыслями по поводу науки»: А.В. Шмидт и А.М. Тальгрен в переписке (1922–1929 гг.)* 329

Мельникова О.М. *(Ижевск, Россия)* Археолог А.В. Шмидт: у истоков университетской археологии в Приуралье (к 130-летию со дня рождения)* 357

Список сокращений.....366

Правила для авторов.....369

CONTENT

The Primeval Archaeology of Northern Eurasia

Kholmatov N.U., Ergashev O.T. *(Samarkand, Uzbekistan),* **Vorobeva E.E.***.(Kazan, Russian Federation),* **Abriev R.B., Umarov U.A., Berdikulov M.T.** *(Samarkand, Uzbekistan)*
Jewelery from the Upper Paleolithic Campsite of Samarkand 8

Tishkin A.A. *(Barnaul, Russian Federation),* **Iderkhangai T.-O.** *(Ulaanbaatar Mongolia),* **Bondarenko S. Yu., Mu Ts.** *(Barnaul, Russian Federation)*
On the Necessity of Modern Documentation of "Deer" Stones Discovered in Xinjiang 20

Orudzhov E.I., Chizevsky A.A. *(Kazan, Russian Federation)* Geospatial Analysis and Reconstruction of the Settlement System of the Ananyino Cultural and Historical Area Bearers in the Kazan Volga Region and the Lower Kama Basin: from empirical statement to a structural model 34

Novikov A.V. *(Kostroma, Russian Federation)* Overview of the Collection of Individual Finds from the 2025 Excavation Area at the Odoyevskoye Hillfort..... 52

Borzunov V.A. *(Yekaterinburg, Russian Federation)* New Maps of Gamayun Culture Sites 73

Ovsyannikov V.V., Vorobyeva S.L., Protsenko A.S. *(Ufa, Russian Federation)*
Materials of the Archaeological Excavations at the Kara-Abyz Hillfort, Conducted by A.V. Schmidt in 1928, from the Holdings of the National Museum of the Republic of Bashkortostan..... 100

Krasnopeorov A.A., Armatynskaya O.V. *(Izhevsk, Russian Federation)*
Cultural Stratigraphy of the Archaeological Complex nearby the Village of Ikskoye Ustye 118

Dupchur Ch.I. *(Kyzyl, Russian Federation)*, **Zubov S.E.** *(Samara, Russian Federation)*, **Sattarov R.R.** *(Kazan, Russian Federation)* Classification and Chronology of Arrowheads from the Staroe Kirgizovo Burial Ground of the Pyany Bor Culture 129

Smirnov A.L. *(Moscow, Russian Federation)* The Otolovo Hillfort: early iron age ironworking in the headwaters of the Western Dvina river..... 147

Makarova I.N. *(Syktyvkar, Russian Federation)*
Anthropomorphic Face Masks of the Early Iron Age from the North-East of Europe..... 161

Morozov V.V. *(Moscow, Russian Federation)*, **Stavitsky V.V.** *(Penza, Russian Federation)*
An artifact assemblage of the VI century from the Eastern Trans-Kama region..... 171

Actual issues of medieval archaeology of the Volga-Ural region

Khuzin F.Sh. *(Kazan, Russian Federation)* On the Issue of Shared Components in the Ethnic History of the Medieval Ancestors of the Tatars and Bashkirs 181

Akinci M. *(Antalya, Turkey)* The Volga Bolgars in Modern Turkish Historygraphy 192

Stavitsky V.V. *(Пенза, Russian Federation)*
Issues of Ethnic Genesis of the Volga Finns in the Studies of A.Kh. Khalikov..... 200

Sarapulkin V.A. *(Belgorod, Russian Federation)***, Solovyov D.S.** *(Astrakhan, Russian Federation),* **Bezdudny V.G., Valiev R.R., Khaziev A.I., Sitdikov A.G.** *(Kazan, Russian Federation)*
A Khazar-Period Construction in Privolzhsky District of the Astrakhan Region..... 208

Gubaidullin A.M. *(Kazan, Russian Federation)*
On Some Issues of Studying the Pre-Mongol Bolgar Fortified Settlements 226

Gismatulin M.R. *(Ulyanovsk, Russian Federation)*
Stone Casting Moulds from the Muranka Burial Ground 233

Semykin Yu.A. *(Ульяновск, Russian Federation)***, Rudenko K.A** *(Kazan, Russian Federation)*
Technology for Manufacturing Blacksmith Products from the Laishevo Settlement..... 238

Nigamaev A.Z. *(Elabuga, Russian Federation)* The Romashkino Archaeological Assemblage: on the issue of the settlement's destruction..... 248

Maryksin D.V. *(Aktobe, Kazakhstan)* A “Horseman” Burial in a Mudbrick Enclosure at the Lebedevka VIII Burial Ground 261

Zilivinskaya E.D. *(Moscow, Russian Federation)* Construction Materials and Construction Technologies in the Steppe Cities of the Golden Horde 270

Nikitina T.B. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation)*, **Mukhametshin D.G.** *(Bolgar, Russian Federation)* Bolgar Heritage in Materials from the Amoksar Burial Ground of the X–XII Centuries 286

Pigarev E.M., Khramchenkova R.Kh. *(Kazan, Russian Federation)* Chemical Composition of Glass from the Glass-Making Workshop at the Selitrennoye Settlement (materials from the 2017–2018 field seasons) 302

Petrov P.N. *(Kazan, Russian Federation)* The Participation of Juchid Coins from the Middle Volga Region in the Monetary Circulation of the Aral Sea Area in the XIII – XIV Centuries 311

Alekseev I.E., Alekseeva L.I. *(Kazan, Russian Federation)* On the Issue of Finds of Medieval Chinese Coins in the Volga Region and the North Caucasus 318

Chronicle

Kuzminykh S.V. *(Moscow, Russian Federation)* «And the Stronger My Desire is to Exchange Thoughts with You About Science»: A.V. Schmidt and A.M. Tallgren in correspondence (1922–1929) 329

Melnikova O.M. *(Izhevsk, Russian Federation)* Archaeologist A.V. Shmidt: at the origins of university archaeology in the cis-urals (on the 130th anniversary of his birth) 357

List of Abbreviations 366

Instructions for Authors 369

ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.8.19

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ САМАРКАНДСКОЙ СТОЯНКИ

©2026 г. Н.У. Холматов, О.Т. Эргашев, Е.Е. Воробьева, Р.Б. Абриев, У.А. Умаров, М.Т. Бердикулов

Украшения верхнего палеолита, такие как бусы и амулеты, являются важнейшим признаком когнитивного и символического развития древних сообществ. Несмотря на значительный прогресс в изучении древнекаменных украшений с точки зрения их происхождения, хронологии, типологии, технологии изготовления и сырьевой базы, на евразийском пространстве в историографии палеолита вопросам изучения древнейших украшений Центральной Азии уделено крайне мало внимания. На наш взгляд, комплексные исследования древнейших украшений Центральной Азии до сих пор носят фрагментарный характер, что во многом обусловлено редкостью соответствующих археологических находок. Одним из ключевых, но все еще недостаточно опубликованных материалов памятников региона является Самаркандская стоянка. Цель данной работы — введение в научный оборот и систематизация доступного фонда украшений Самаркандской стоянки. На основе детального описания морфологии, технологии изготовления и сырьевой базы артефактов, а также с привлечением современных данных о хронологии и семантике палеолитических орнаментов, предлагается предварительная интерпретация их культурного и символического значения. Исследование позволяет по-новому оценить уровень торговых связей, высказать предположения о миграционных путях, определить особенности технологических навыков древних людей на рассматриваемой территории. Данная работа носит характер первой научной публикации коллекции и призвана заложить основу для дальнейшего, более углубленного изучения раннего этапа каменного века.

Ключевые слова: археология, украшения, верхний палеолит, стоянка, Узбекистан, Самарканд, кости, камень, бусы, раковины, символы, перфорация

JEWELERY FROM THE UPPER PALEOLITHIC CAMPSITE OF SAMARKAND

N.U. Kholmatov, O.T. Ergashev, E.E. Vorobeva, R.B. Abriev, U.A. Umarov, M.T. Berdikulov

Upper Paleolithic jewelry, such as beads and amulets, serves as key indicators of cognitive and symbolic development of the early human communities. Despite significant progress in the study of ancient stone ornaments concerning their provenance, chronology, typology, manufacture, and raw materials, the earliest ornaments of Central Asia have received remarkably little attention in Eurasian Paleolithic scholarship. In the authors' opinion, comprehensive studies of the oldest ornaments of Central Asia are still fragmentary, which is largely due to the rarity of the relevant finds. One of the key, but still insufficiently published, monuments of the region is the Samarkand campsite. This paper aims to introduce the jewelry from the Samarkand campsite into scientific discourse and provide a systematic preliminary analysis of its morphology, manufacturing techniques, and raw materials. Additionally, it offers a preliminary interpretation of its cultural and symbolic significance based on a detailed description of these artifacts, as well as current data on the chronology and symbolism of Paleolithic ornaments. This research provides a new perspective on the extent of exchange networks, potential migration routes, and the technological skills of ancient populations in the region. This study serves as the first research publication of this assemblage and seeks to provide a foundation for further, more comprehensive investigation of the Upper Paleolithic in Central Asia.

Keywords: archaeology, jewelery, Upper Paleolithic, campsite, Uzbekistan, Samarkand, bones, stone, beads, shells, symbols, perforation.

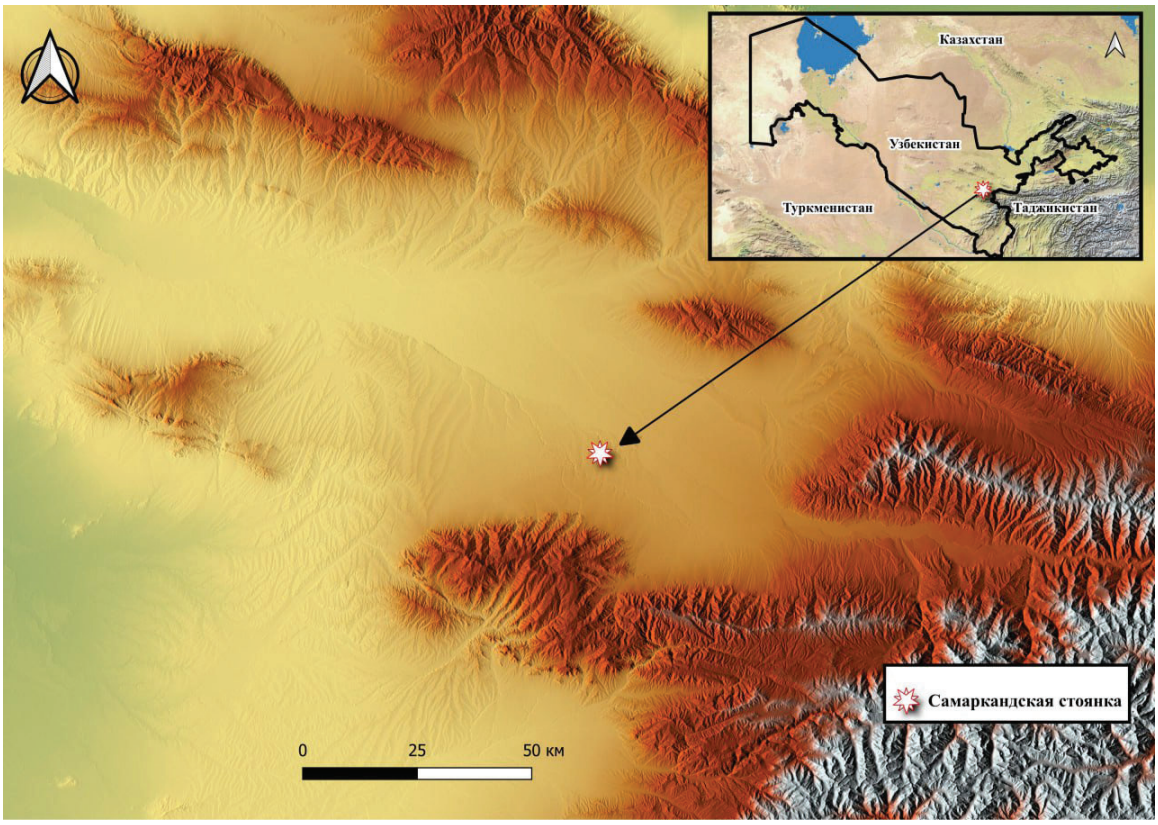

Рис. 1. Самаркандская стоянка.
Fig. 1. Samarkand campsite.

Введение

Изучение древнейших украшений давно перестало быть периферийной темой в археологии палеолита. Эти артефакты рассматриваются как прямой источник информации о сложных формах поведения, включая развитие абстрактного мышления, символической коммуникации, социальной дифференциации и обменных сетей (D'Errico et al., 2005; Kuhn, Stiner, 2007; Vanhaeren, 2010). Дискуссия о времени и причинах возникновения, по сути, ювелирного дела остается одной из наиболее динамичных в мировой археологической науке. Если ранее её истоки однозначно связывали с верхним палеолитом Европы, то открытия последних десятилетий (перфорированные раковины в Северной Африке и на Ближнем Востоке, относящиеся к среднему палеолиту и даже к ашелю) кардинально изменили эту парадигму (Henshilwood et al., 2004; Bouzouggar et al., 2007; Bar-Yosef Mayer et al., 2020). Сегодня очевидно, что традиция изготовления и использования украшений имеет глубокие корни и, вероятно, возникала неоднократно и независимо в разных группах Homo sapiens, а возможно, и у других видов рода Homo.

В этом контексте регион Центральной Азии, являвшийся коридором для расселения и взаимодействия древних популяций, представляет исключительный интерес. Однако в силу ряда причин (включая фрагментарность археологической летописи и исторически сложившиеся приоритеты исследований первобытной археологии) комплексные работы, посвященные палеолитическим украшениям региона, практически отсутствуют. Существующие публикации носят, как правило, обзорный характер (Robert G.Bednarik, 2016), а сами артефакты часто остаются неописанными в соответствии с современными стандартами (отсутствие метрических данных, трасологических наблюдений, точного определения сырья).

В данной ситуации особую ценность приобретает каждая новая коллекция. Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка – эталонный памятник центральноазиатского региона, на котором, в отличие от других стоянок Узбекистана, был обнаружен немногочисленный, но выразительный набор украшений: каменные и костяные бусы, перфорированные раковины, гравированные предметы. Очень

важно понимать, что изготовление даже самого примитивного предмета требовало от древнего человека не только физических навыков, но и способности к планированию, прогнозированию и абстрактному мышлению. Необходимо было представить конечный результат, выбрать подходящий материал, разработать технологию обработки и реализовать задуманное.

Несмотря на свою уникальность, эти находки Самаркандской стоянки до сих пор не стали предметом специального исследования, а их публикации в ранних работах (Лев, 1960; 1961, с. 108; 1964а; 1964 б; 1972; Джуракулов, 1972, 1987, 1992, 2000) ограничиваются краткими упоминаниями. Таким образом, основная проблема заключается в пробеле между значительным потенциалом этой коллекции как исторического источника и её фактическим отсутствием в актуальной научной дискуссии.

Методы и материалы

Самаркандская стоянка была обнаружена археологом Самаркандского краеведческого музея Н.Г. Харламовым в 1939 г. в бассейне р. Зеравшан. Она занимает правый берег сая Чашмасиаб в черте г. Самарканда (рис. 1).

В 1940 г. на вновь открытой стоянке первые полевые исследования были проведены М.В. Воеводским (Воеводский, 1940). Тем не менее систематические исследования Самаркандской стоянки начались лишь в 1958 г. под руководством Д.Н. Лева. На протяжении 1958–1969 гг. Д.Н. Лев совместно с сотрудниками Института археологии Академии наук Республики Узбекистан Н.Х. Тошкенбаевым и Р.Х. Сулеймановым проводил раскопки Самаркандской стоянки. В результате было вскрыто и исследовано 783 кв. м культурного слоя памятника, выделено три основных археологических горизонта, обнаружено 11 456 артефактов: каменные орудия, многочисленные кости диких животных, следы костров, остатки природной красной охры, а также остатки жилых сооружений (Лев, 1960; 1961, с. 108; 1964а; 1964 б; 1972).

В 1969–1972 гг. раскопки продолжил археолог М.Д. Джуракулов, который сумел достичь значительных результатов (Джуракулов, 1972). Им были не только открыты и исследованы новые участки стоянки, но и уточнена стратиграфия культурных слоёв, но и обнаружены редкие находки, включая антропологические останки и украшения из кости, раковин и зубов животных и т.п. Это позволило по-новому взглянуть на духовный и эстетический мир древнего населения самаркандского региона (Джуракулов, 1992, с. 47).

В ходе полевых исследований Р.Х. Ташкенбаева и Н.Х. Сулейманова на территории Самаркандской стоянки было найдено около 20 овальных предметов, в каждом из которых имелось небольшое сквозное отверстие (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980). По мнению специалистов, эти предметы являлись элементами женского украшения – бус. Кроме того, на стоянке были найдены два круглых, одинаковых по размеру тонких белых галечных камня. В центре одного из них было зафиксировано отверстие. По предположению специалистов, это могли быть каменные амулеты, предназначенные для ношения в волосах или на шее. Два подобных круглых амулета являются полуфабрикатами – их отверстия не были полностью просверлены.

Еще одна важная особенность полевых исследований Самаркандской стоянки Р.Х. Ташкенбаевым и Н.Х. Сулеймановым заключается в том, что ими также были обнаружены древнейшие находки, связанные с искусством и религиозными представлениями, в частности плоский камень, предназначенный для приготовления красной охры, и фрагмент кости животного с нанесёнными на поверхность линиями (рис. 2:2; Табл. 1; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 91).

Следует отметить, что данные артефакты в настоящее время не локализованы в музейных коллекциях и, как результат, не могли быть включены в непосредственный анализ. Таким образом, репрезентативность настоящего исследования определяется именно детальным изучением доступных (9 экз.) предметов, каждый из которых является эталоном для своего типа.

Всего за весь период археологического изучения Самаркандской стоянки общая исследованная площадь составила 950 кв. м (Коробкова, Джуракулов, 2000, с. 388–389).

Основу настоящего исследования составила коллекция украшений Самаркандской стоянки, доступная для непосредственного изучения в фондах археологического музея Самаркандского государственного университета. В анализ включены артефакты, имеющие четкую археологическую привязку

Рис. 2. Украшения Самаркандской стоянки:1, 3, 8 – бусины; 4, 6 – раковины; 2, 5, 7, 9 – гравированные и символические предметы.
Fig. 2. Jewelery from the Samarkand campsite: 1, 3, 8 – beads; 4, 6 – shells; 2, 7, 9 – engraved and symbolic items.

к культурным слоям памятника. Всего было изучено девять предметов (рис. 2), которые по типологии делятся на три основные категории: бусины (каменные и костяные), подвески из раковин и гравированные предметы.

Для каждого артефакта проведена следующая процедура документации и анализа:

Макрофотография и морфометрический анализ. Каждый предмет сфотографирован в масштабе 1:1 на контрастном фоне с использованием масштабной линейки. Измерены основные параметры: длина, ширина, толщина, диаметр отверстия (где применимо) с точностью до 0,1 мм.

Микроскопическое исследование. Для изучения технологических следов обработки (резки, сверления, шлифовки) и следов износа (потертости, патина) использован бинокулярный микроскоп с увеличением до ×60. Следует отметить, что особое внимание уделялось характеру краев отверстий и поверхности артефактов.

Атрибуция сырья. Определение сырья проводилось визуально, с учетом макро- и микроскопических характеристик материала. Для раковин отмечены общие морфологические признаки, однако точная видовая идентификация требует отдельного малакологического анализа.

Все полученные данные сведены в единую каталогизированную таблицу (Табл. 1).

Следует отметить, что выборочный характер сохранившейся коллекции не позволяет провести полноценный статистический анализ всего массива когда-либо найденных украшений. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на интерпретацию материала в некоторых аспектах. В частности, интерпретации, касающиеся сырья раковин и дальних связей, носят предварительный характер и должны быть проверены в будущем методами малакологии и петрографии.

Результаты и обсуждение

Украшения Самаркандской стоянки выполнены с применением нескольких технологических операций.

Костяная цилиндрическая бусина (рис. 2:1, Табл. 1) изготовлена из компактной ткани трубчатой кости. Её изготовление требовало последовательного выполнения следующих операций: раскалывание кости, формовка цилиндра и двустороннее коническое сверле-

Таблица 1. Украшения Самаркандской стоянки
Table 1. Jewelery from the Samarkand campsite

форма / тип артефакта (номер на рис.)	Сырье	Размеры (Д×Ш×Т), мм / Диаметр отверстия, мм	Технологические наблюдения	Сохранность
Группа I: БУСИНЫ				
Цилиндрическая (рис.2:1)	Кость (среднее млекопитающее?)	8.2×5.5×4.8 / Ø 2.1-2.3	Отверстие коническое, просверлено с двух сторон. Поверхность интенсивно заглажена, следы продольной шлифовки.	Удовл.
Овальная 1 (рис.2:3)	Мягкий камень (мергель?)	6.5×4.8×3.1 / Ø 1.8	Отверстие цилиндрическое, одностороннее сверление. Края отверстия сглажены. Поверхность подвергалась минимальной обработке.	Скол с одной стороны
Овальная 2 (рис.2:8)	Мягкий камень (мергель?)	7.1×5.2×3.5 / Ø 2.0	Аналогично овальной 1. На поверхности видны естественные трещины породы.	удовл
Группа II: ПЕРФОРИРОВАННЫЕ РАКОВИНЫ (ПОДВЕСКИ)				
Подвеска 1 (рис.2:4)	Раковина (род *Cypraea*?)	22.8×15.3×9.5 / Ø 3.0 (на узком конце)	Технология перфорации аналогична подвеске 2. На спинке раковины микроскопические царапины, возможно, от трения о шнур.	удовл
Подвеска 2 (рис.2:6)	Раковина (род *Cypraea*?)	25.4×16.7×10.2 / Ø 3.5 (на узком конце)	Отверстие пробито (?) с внутренней стороны раковины, края неровные, частично сколоты. Естественный глянец поверхности сохранен, следов искусственной полировки нет	удовл, естественные повреждения устья.
Группа III: ГРАВИРОВАННЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ				
Фрагмент кости (рис.2:2)	кость	81.3×18×5.7	На одной из сторон сохранились массивные следы растирания красной охры (яркий красный пигмент).	неудовл. (фр-т)
Фрагмент ребра животного с гравировкой (рис.2:5)	Кость (крупное копытное?)	84.5×21.3×8.7	На плоскую сторону нанесено пять параллельных коротких насечек красной охрой. Линии четкие, выполнены острым предметом. Охра сохранилась в углублениях.	неудовл. (фр-т)
Амулет (полуфабрикат) (рис.2:7)	Речная галька (?)	31.2×28.5×5.8 / незавершенное отверстие (глубина ~2 мм)	В центре заготовки начато двустороннее сверление. Следы сколов по краям будущего отверстия. Остальная поверхность предмета не обработана.	неудовл. (фр-т)
Галька-амулет (рис.2:9)	Речная галька (?)	30.5×29.1×6./ Ø 4.0 (центральное	Отверстие полностью просверлено, двустороннее, коническое. Края отверстия зашлифованы.	Удовл.

ние отверстия диаметром 2,1–2,3 мм. Интенсивное заглаживание поверхности и сглаженные края отверстия указывают на длительное использование в качестве либо подвески, либо элемента бус. Подобная технология двустороннего сверления известна в позднем палеолите Восточной Европы и Сибири (Синицын, 2016, с. 325), что может свидетельствовать о распространении общих технологических навыков.

В контрасте с вышеуказанной практикой изготовления украшений из кости каменные овальные бусины (рис. 2: 3, 8; Табл. 1, бусина овальная 1,2 ~~2,3~~) из мягкого камня (вероятно, мергеля) представляют иной принцип. Основное внимание сконцентрировано на создании отверстия (использование одностороннего сверления) и, судя по характеру краев, сохранении естественной формы. Минимальная обработка поверхности, помимо сверления, позволяет отнести их к категории «бусин с естественной формой», где основное технологическое усилие было направлено именно на создание отверстия для нанизывания. Разница в технологиях обработки кости и камня может указывать на разные функциональные или символические значения этих предметов.

Процесс производства от заготовки до готового изделия демонстрируют амулеты из галек (рис. 2: 7, 9; Табл. 1). Полуфабрикат (рис. 2: 7) с незавершенным двусторонним сверлением (Лев, 1972, с. 24) показывает начальную стадию процесса. Использование для этой цели специально отобранных плоских галек из кварцита указывает на эстетический выбор сырья. Подобные предметы могли выполнять функции личных амулетов или подвесок, а их миниатюрный размер и тщательность изготовления подчеркивают нематериальную ценность.

Особый интерес вызывает фрагмент ребра с пятью насечками (рис. 2: 5; Табл. 1). Насечки нанесены острым предметом и заполнены красной охрой. Регулярность и расположение линий исключают их утилитарное происхождение (например, разделка туши). Наиболее вероятные интерпретации – это счетные метки или символические знаки, возможно связанные с календарными или ритуальными практиками, что находит параллели на ряде палеолитических памятников Сибири (Деревянко и др., 1994, с. 47).

Наиболее дискуссионными являются две раковины-подвески (рис. 2: 4, 6; Табл. 1, подвеска 1,2), имеющие ключевое значение для реконструкции культурных и торговых связей. Подвески из раковин изготовлены методом перфорации (единичный скол/пробивка с внутренней стороны на узком конце), который характерен для ранних этапов использования раковин в качестве украшений и отличается от более позднего аккуратного сверления (D'Errico et al., 2005). Морфология раковин-подвесок (овальная форма, закрученная спираль, гладкая поверхность) позволяет предварительно отнести их к роду *Cypraea* (каури). Ближайшее естественное местообитание таких моллюсков – побережье Индийского океана (Умаров, 2025, с. 93). Однако, прежде чем однозначно делать выводы о «морском» происхождении и «дальних торговых связях», необходимо рассмотреть альтернативные гипотезы:

1. Использование местных ископаемых (субфоссильных) форм. В четвертичных отложениях региона могли встречаться ископаемые раковины морских моллюсков, вымытые реками и доступные для сбора без необходимости дальнего обмена. В частности, в 1965 г. подобная раковина была найдена также на улице Дахбет в г. Самарканде на глубине 6 м от дневной поверхности. Здесь же были обнаружены орудия труда из кремня, относящиеся к эпохе верхнего палеолита (Ташкенбаев, Сулейманов, с. 93).

2. Использование пресноводных моллюсков. Некоторые виды пресноводных моллюсков (например, из родов Theodoxus или Melanopsis) имеют прочные и эстетически привлекательные раковины, которые могли использоваться для изготовления подвесок. Их перфорация известна на ряде неолитических памятников региона.

Таким образом, тезис о прямых связях бассейна р. Зеравшан в окрестностях современного г. Самарканда с побережьем Индийского океана, хотя и остается интригующей возможностью, не может считаться окончательным без строгой верификации. Окончательный выбор в пользу той или иной гипотезы будет возможен только после точной видовой идентификации и установления происхождения самих раковин. Тем не менее, если идентификация украшений как *Cypraea sp.* подтвердится, это станет серьезным аргу-

ментом в пользу существования дальних обменных связей. В этом случае самаркандские украшения могли бы рассматриваться в одном ряду с транспортировкой раковин на большие расстояния в верхнем палеолите Евразии (например, средиземноморские раковины в Центральной Европе).

Детальный анализ артефактов не только фиксирует высокий уровень технологического мастерства древних жителей стоянки, но и позволяет выдвигать гипотезы об их социальной организации, символическом мышлении и интеграции в обширные культурные ареалы Евразии.

Явный контраст между тщательно изготовленными предметами (костяная бусина, галечный амулет) и простыми каменными бусинами позволяет предположить возможность зарождении элементов социальной дифференциации. Высокотехнологичные и потенциально экзотические украшения (такие как раковины каури) могли выступать в роли престижных маркеров, обозначая особый статус, авторитет или ритуальную роль их владельцев в рамках общины. Однако эта гипотеза остается предварительной в силу неполноты контекста находок и утраты части артефактов, что не позволяет реконструировать их связь с конкретными индивидами или зонами памятника. Наличие подобных предметов указывает не только на личные предпочтения, но и на формирование социального языка, в котором материальные объекты становятся средствами коммуникации и выражения положения индивида. Альтернативно, это разнообразие может отражать разный функциональный контекст: простые бусины предназначались для повседневной носки, в то время как сложные артефакты использовались в особых, церемониальных обстоятельствах или выполняли функции сакральных амулетов, наделенных защитной или магической силой. Предположение о том, что украшения изготавливались преимущественно для женщин, находит косвенное подтверждение в образах «палеолитических Венер» Евразии, где детально изображены элементы убора (Деревянко и др., 1994, с. 229). Однако, на наш взгляд, прямая проекция этих данных на самаркандские материалы была бы некорректна.

Прямым свидетельством развитой символической деятельности является фрагмент ребра с насечками, заполненными красной охрой (рис. 2: 5, Табл. 1). Регулярность и неутилитарный характер этих меток указывают на их знаковую или счетную функцию, возможно связанную с календарными наблюдениями, ритуальными циклами или сакральными подсчетами. Само применение охры – пигмента, повсеместно в палеолите ассоциировавшегося с жизненной силой, кровью, трансформацией и сакральной сферой, – подчеркивает ритуализированный характер действия. Этот артефакт материализует абстрактное мышление и стремление фиксировать информацию, выходящую за рамки непосредственных хозяйственных нужд.

Разнообразие сырьевой базы коллекции (местная кость и галька, мягкий камень, потенциально экзотические раковины) отражает разные механизмы ее формирования и может указывать на сложную экономику ресурсов. Использование местных материалов свидетельствует о прекрасном знании окружающей среды и навыках ее освоения. В то же время наличие раковин, предположительно морского происхождения, ставит вопрос о характере культурных связей (Ртвеладзе, 1993, с. 62). Их присутствие может быть интерпретировано либо как результат дальних обменных сетей, связывавших Среднюю Азию с отдаленными регионами (например, побережьем Индийского океана), что подразумевает развитые социальные контакты, либо как использование местных ископаемых форм. В любом случае целенаправленный отбор и обработка такого сырья подчеркивают его особую культурную и, вероятно, символическую ценность.

Уровень изучения ювелирных изделий из памятников верхнего палеолита Сибирского региона, который генетически считается относительно близким к палеолиту Центральной Азии, достаточно высок. Известно, что к верхнему палеолиту широко распространились такие методы, как полировка, шлифовка, прокалывание и сверление, при изготовлении предметов из камня и органических материалов. В результате стало возможным изготовление личных украшений, таких как бусы, браслеты, амулеты и кольца. Техника и технология изготовления таких предметов, обнаруженных на стоянке Малая Сия в Сибири, хорошо изучены (Лбова и др., 2014, с. 92). Технология изготовления бусин из скорлупы страусиных яиц, найденная на стоянке Усть-

Кяхта в Западном Байкале, свидетельствует о том, что технологические достижения людей верхнего палеолита значительно опережали предыдущие периоды (Зоткина и др., 2018, с. 181–197).

Технологические и стилистические особенности самаркандских находок не являются изолированным феноменом, но вписываются в широкий контекст верхнего палеолита Евразии. Такие технические приемы, как двустороннее коническое сверление кости и нанесение геометрических гравировок, находят прямые аналоги в индустрии Южной Сибири и Восточной Европы (Солдатова, 2014, с. 293–295). Например, палеолитические находки Сибири украшены различными орнаментами, в частности параллельными и косыми насечками, рядами точек, изображениями в виде «ёлочки», зигзагов, крестов и сетчатых узоров (Деревянко и др., 1994, с. 47).

Принцип изготовления галечных подвесок через стадию стандартизированного полуфабриката известен на памятниках Иранского нагорья (Вишняцкий, 2010). Эти параллели не обязательно свидетельствуют о прямых миграциях или заимствованиях, но четко демонстрируют, что население Самаркандской стоянки существовало в едином информационно-технологическом пространстве. Оно было частью обширной позднепалеолитической ойкумены, где схожие культурные потребности – такие как необходимость в социальной маркировке, символическом выражении идентичности и мировоззренческих концепций – закономерно порождали схожие материальные решения и технологические ответы. Несомненно, простая констатация технологических параллелей с сибирскими материалами (Малая Сыя, Усть-Кяхта) требует более глубокого осмысления. Также сходство в приемах сверления или нанесения гравировки может быть следствием разных процессов: миграции населения, диффузии идей через контактные зоны или же конвергентного развития в сходных адаптивных и социальных условиях. Для Самаркандской стоянки, учитывая ее географическое положение, наиболее вероятным представляется сочетание культурной диффузии и самостоятельного изобретения. Отсутствие на современном этапе исследований прямой типологической и сырьевой преемственности с конкретными сибирскими индустриями склоняет нас к гипотезе о том, что общие технологические идеи (например, двустороннее сверление) являлись частью «технологического пакета» верхнего палеолита, который мог распространяться независимо, но в сходной культурной среде. Постановка вопроса о причинах сходства, а не только его фиксация, открывает перспективы для будущих исследований, направленных на различение этих механизмов.

Таким образом, локальная культура проявляла специфику не только в выборе и комбинации сырья, но следовала общим тенденциям эпохи.

Заключение

Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка, расположенная в долине Среднего Зеравшана в центре современного города Самарканда, считается одним из ключевых памятников при изучении материальной культуры позднепалеолитических сообществ Центральной Азии и соседних регионов. Несмотря на то, что на этой территории выявлено и исследовано множество стоянок, относящихся к позднему палеолиту, среди найденных на них артефактов сравнительно немного предметов, отражающих духовную жизнь (в частности украшения) каменного века. Согласно исследованиям, на территории Центральной Азии на сегодня исследовано 125 археологических объектов каменного века, на которых обнаружено 1331 экз. украшений. Их них только 10 экз. относятся к позднему палеолиту (1%), 101 экз. – к мезолиту (10,1%), а 1220 экз. – к неолиту (89%) (Умаров, 2025, с. 32).

Проведенное исследование коллекции украшений Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, являющейся опорным памятником региона, позволило выйти за рамки простой констатации факта их малочисленности и впервые осуществить её комплексный системный анализ.

Исследования коллекции украшений Самаркандской стоянки показали, что население стоянки в совершенстве владело комплексом навыков обработки разнородных материалов – камня, кости и раковин. Полученные результаты имеют принципиальное значение. Были зафиксированы конкретные технологические стандарты, такие как двустороннее сверление при работе с костью и использование охры в декоративной практике.

Особую научную проблему, требующую решения, ставит вопрос о происхождении сырья для раковин-подвесок, который напрямую связан с реконструкцией дальних культурных или обменных связей. Само наличие этой коллекции, сочетающей, вероятно, предметы повседневного и престижно-ритуального назначения, однозначно свидетельствует о развитой символической деятельности и сложной социальной коммуникации в верхнем палеолите региона.

Итак, исследование переводит палеолитические самаркандские находки из разряда статистического курьёза в категорию важного исторического свидетельства. Это, в свою очередь, определяет направления дальнейшего исследования. Перспективы углубленного изучения видятся в реализации междисциплинарного подхода, включающего абсолютное датирование (AMS), малакологический, трасологический и спектроскопический анализы. Это позволит дать более точную хронологию, происхождение сырья и детали технологии. Ключевым этапом станет и целенаправленное сравнительное изучение с синхронными памятниками от Южной Сибири до Иранского нагорья, направленное на выявление культурных параллелей и контактов.

В конечном итоге реализация этих задач откроет путь от анализа артефактов к глубокой социокультурной реконструкции. Она позволит определить специфическую роль украшений и символических практик в жизни верхнепалеолитического общества Самаркандского оазиса и более точно оценить его место в общей панораме культурных процессов Евразии в позднем плейстоцене. Данная работа закладывает прочную основу для такого комплексного исследования, демонстрируя, что даже небольшая коллекция при детальном изучении способна стать окном в духовный мир древних сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

Вишняцкий Л. Б. К вопросу о направленности культурных изменений в среднем палеолите (на примере Южной Африки) // Археологические вести. Вып. 16 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 190–193.

Воеводский М. В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. // Вестник древней истории. 1940. № 2 (11). С. 180–197.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 290 с.

Джуракулов М. Д. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского Госуниверситета в 1970 г. // Материалы по истории и археологии Узбекистана / Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 218 / Отв. ред. К.Х. Самибаев, М.Д. Джуракулов. Самарканд: СамГУ, 1972. С. 68–70.

Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987. 174 с.

Джуракулов М.Д. Каменный век бассейна Заравшана. Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 1992. 58 с.

Зоткина Л.В. Павленок Г.Д,. Ташак В.И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum plus. 2018. № 1. С. 181–197.

Коробкова Г.Н., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // Stratum plus. 2000. № 1. С. 385–462.

Лбова Л.В, Волков П.В, Долгорукова Н.А, Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 5: Археология и этнография. С. 91–100.

Лев Д.Н. Стоянка древнего человека // Природа. 1960. № 8. С. 77–78.

Лев Д. Н. Раскопки Самаркандской палеолитической стоянки в 1959–1960 гг. // Материалы 3-й объединенной конференции ученых г. Самарканда. Серия гуманитарных и общественных наук. Самарканд. 1961. С. 108–110.

Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде: Исследования 1958-1960 гг. // Труды СамГУ. Новая серия. Вып.135 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1964а. С. 47–49.

Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Раскопки 1962 г. // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 136 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1964б. С. 23–24.

Лев Д.Н. Итоги археологических раскопок Самаркандской палеолитической стоянки в 1964 г. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. ТД. Баку, 1965. С. 45–46.

Лев Д.Н. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности / Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 166 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1967. С. 100–124.

Лев Д.Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского государственного университета в 1966 г. / Труды СамГУ. Вып. 218. Новая серия. Самарканд: СамГУ, 1972. 101 с.

Ртвеладзе Э.В. Каури и их роль в культовых обрядах народов Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1993. Вып. 9–10. С. 62–64.

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.

Солдатова Т.Е. Особенности костяного орудийного набора памятников ранней поры верхнего палеолита Европы // Проблемы археологии эпохи камня / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 293–300.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Заравшана. Ташкент: Фан, 1980. 125 с.

Умаров У.А. Украшения каменного века Средней Азии (техника изготовления, топология и функция). Автореферат дисс. доктора философии (PhD) по историческим наукам. Ташкент, 2025. 57 с.

Bar-Yosef Mayer D.E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O. Shells and ochre in Middle Paleolithic Qafzeh Cave, Israel: indications for modern behavior // Journal of Human Evolution. 2020. Vol. 56. P. 307–314.

Bouzouggar A., Barton N., Vanhaeren M., d'Errico F., Colleutt S., Higham T., Hodge E., Parfitt S., Rhodes E., Schwenninger J.-L., Stringer C., Turner E., Ward S., Moutmir A., Stambouli A. 82,000-year-old shell beads from North Africa and implications for the origins of modern human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104(24). P. 9964–9969.

d'Errico F., Henshilwood C., Vanhaeren M., van Niekerk K. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behaviour in the Middle Stone Age // Journal of Human Evolution. 2005. Vol. 48(1). P. 3–24.

Henshilwood C.S., d'Errico F., Vanhaeren M., van Niekerk K., Jacobs Z. Middle Stone Age shell beads from South Africa // Science. 2004. Vol. 304(5669). P. 404.

Kuhn S.L., Stiner M.C. Paleolithic ornaments: implications for cognition, demography and identity // Diogenes. 2007. Vol. 54(2). P. 40–48.

Peter B. Beaumont and Robert G. Bednarik. Tracing the emergence of palaeoart in Sub-Saharan Africa // Rock Art Research. Vol. 30. N. 1. 2013. P.15–22.

Robert G. Bednarik. The Significance of the Earliest Beads // Advances in Anthropology. Vol. 5. N. 1. 2015. P. 51–66.

Vanhaeren M. Speaking with beads: The evolutionary significance of bead making and use // Homo Symbolicus: The dawn of language, imagination and spirituality / C. S. Henshilwood, F. d'Errico (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 193–211.

Информация об авторах:

Холматов Нормухаммад Уразович, доктор исторических наук, профессор, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); normahammadholmatov@gmail.com

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

Эргашев Одил Турсунович, PhD, доцент, заведующий кафедрой, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); odil.arxeolog@mail.ru

Абриев Рузикул Буранович, PhD, доцент, декан исторического факультета, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); ruzikulabriyev2022@gmail.com

Умаров Улугбек Абдужабборович, PhD., ассистент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); u@mail.ru

Бердикулов Миролим Тугалвоевич, PhD., ассистент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); Mirolim1729@gmail.ru

REFERENCES

Vishnyatsky, L. B. 2010. In Nosov, E. N. (ed. in chief.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 16. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 190–193 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1940. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 11 (2), 180–197 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Markin, S. V., Vasiliev, S. A. 1994. *Paleolitovedenie: vvedenie i osnovy (Paleolithic studies: introduction and fundamentals).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1972. In Samibaev, K. Kh., Dzhurakulov, M. D. (ed.). *Materialy po istorii i arkheologii Uzbekistana (Materials on the history and archeology of Uzbekistan)*. Series: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series) Vol. 218. Samarkand: Samarkand State University, 68–70 (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1987. *Samarkandskaia stoianka i problemy verkhnego paleolita v Srednei Azii (Samarkand Site and the Issues of the Upper Paleolithic in Central Asia).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1992. *Kamennyi vek basseina Zaravshana (The Stone Age of the Zarafshon basin).* Diss. of the Doctor of Historical Sciences in the form of a scientific report. Samarkand: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan (in Russian).

Zotkina, L. V., Pavlenok, G. D., Tashak, V. I. 2018. In *Stratum plus* (1), 181–197 (in Russian).

Korobkova, G. N., Dzhurakulov, M. D. 2000. In *Stratum plus* (1), 385–462 (in Russian).

Lbova, L. V., Volkov, P. V., Dolgorukova, N.,A., Barkov, A. V., Larichev, V. E. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5 (13), 91–100 (in Russian).

Lev, D. N. 1960. In *Priroda (Nature)* (8), 77–78 (in Russian).

Lev, D. N. 1961. In *Materialy 3-i obieedinennoi konferentsii uchenykh g. Samarkanda. Seriia gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk (Proceedings of the III Joint Conference of scientists of Samarkand. Series of humanities and social sciences).* Samarkand., 108–110 (in Russian).

Lev, D. N. 1964. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 135. Samarkand: Samarkand State University, 47–49 (in Russian).

Lev, D. N. 1964. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 136. Samarkand: Samarkand State University, 23–24 (in Russian).

Lev, D. N. 1965. In *Materialy sessii, posviashchennoi itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii 1964 g. v SSSR (Materials of the session following the results of archaeological and ethnographic research in 1964 in the USSR).* Baku, 45–46 (in Russian).

Lev, D. N. 1967. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 166. Samarkand: Samarkand State University, 100–124 (in Russian).

Lev, D. N. 1972. *Itogi raboty arkheologicheskogo otriada Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta v 1966 g. (The results of the work of the archaeological team of Samarkand State University in 1966).* Series: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series) Vol. 218. Samarkand: Samarkand State University (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1993. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* (9–10), 62–64 (in Russian).

Sinitsyn A.A. 2016. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Verkhnii paleolit: obrazy, simvoly, znaki (Upper Paleolithic: images, symbols, signs).* Saint Petersburg: "Ekstraprint" Publ., 320–337 (in Russian).

Soldatova, T. E. 2014. In Savinov, D. G. (ed.). *Problemy arkheologii epokhi kamnia (Issues of archaeology of the Stone Age).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 293–300 (in Russian).

Tashkenbayev, N. Kh., Suleymanov R. Kh. 1980. *Kultura drevnekamennogo veka doliny Zaravshana (The culture of the Ancient Stone Age of the Zaravshan Valley).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russain).

Umarov, U. A. 2025. *Ukrasheniia kamennogo veka Srednei Azii (tekhnika izgotovleniia, topologiia i funktsiia) (The Stone Age jewelery from Central Asia (manufacturing technique, topology and function).* Thesis of the Diss.of Doctor of Philosophy (PhD) in historical sciences. Tashkent (in Russian).

Bar-Yosef Mayer, D.E., Vandermeersch, B., Bar-Yosef, O. 2020. In *Journal of Human Evolution* 56, 307–314 (in Russian).

Bouzouggar, A., Barton, N., Vanhaeren, M., d'Errico, F., Colleutt, S., Higham, T., Hodge, E., Parfitt, S., Rhodes, E., Schwenninger, J.-L., Stringer, C., Turner, E., Ward, S., Moutmir, A., Stambouli, A. 2007. In *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 104 (24), 9964–9969.

d'Errico, F., Henshilwood, C., Vanhaeren, M., van Niekerk, K. 2005. In *Journal of Human Evolution* 48 (1), 3–24.

Henshilwood, C. S., d'Errico, F., Vanhaeren, M., van Niekerk, K., Jacobs, Z. 2004. In *Science* 304 (5669), 404.

Kuhn, S. L., Stiner, M. C. 2007. In *Diogenes* 54 (2), 40–48.

Beaumont, P.B., Bednarik, R. G. 2013. In *Rock Art Research* 30 (1), 15–22

Bednarik, R. G. 2015. In *Advances in Anthropology* 5 (1), 51–66.

Vanhaeren, M. 2010. In Henshilwood, C. S., d'Errico, F. (eds.). *Homo Symbolicus: The dawn of language, imagination and spirituality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 193–211.

About the Authors:

Kholmatov Normakhammad U. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; normahammadholmatov@gmail.com

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Ergashev Odil T. PhD, Assistant Professor, Head of the Department. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; odil.arxeolog@mail.ru

Abriyev Ruzikul B. PhD, Assistant Professor, Dean of the Faculty. Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; ruzikulabriyev2022@gmail.com

Umarov Uligbek A. Assistant. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; u@mail.ru

Berdikulov Mirolim T. Assistant. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; Mirolim1729@gmail.ru

Статья поступила в журнал 10.11.2025 г.
Статья принята к публикации 04.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.2(516) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.20.33

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВРЕМЕННОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ В СИНЬЦЗЯНЕ[1]

©2026 г. А. А. Тишкин, Т.-О. Идэрхангай, С. Ю. Бондаренко, Ц. Му

Синьцзян является крупной историко-культурной областью на западе Внутренней Азии. Такое географическое положение указывает на важное место данного региона в системе длительных взаимодействий кочевых народов с оседлым населением в древности. К настоящему времени в Синьцзяне известно более 140 «оленных» камней, которые в разном виде введены в научный оборот. Они маркируют западную и юго-западную границу распространения этих специфических изваяний. Для их эффективного изучения требуется современный уровень документирования с использованием цифровых технологий. В статье демонстрируется опыт таких исследований на примере «оленных» камней, находящихся в долине р. Булган на территории Западной Монголии, около границы с Китаем. Отражены иллюстрации и сделаны описания четырех древних изваяний, которые были открыты в разное время в ходе плановых экспедиционных работ. Они демонстрируют изобразительные традиции древних кочевников Внутренней Азии и конкретные предметы материальной культуры, что позволяет осуществлять необходимые реконструкции.

Ключевые слова: археология, Синьцзян, «оленные» камни, фотограмметрия, рендер, компьютерная прорисовка, цифровые технологии, культурно-хронологическая идентификация

ON THE NECESSITY OF MODERN DOCUMENTATION OF "DEER" STONES DISCOVERED IN XINJIANG[2]

A. A. Tishkin, T.-O. Iderkhangai, S. Yu. Bondarenko, Ts. Mu

Xinjiang is a major historical and cultural region in western Inner Asia. Its geographical location underscores the region's significant role in the long-term relationships between nomadic peoples and settled populations in ancient times. To date, more than 140 "deer" stones are identified in Xinjiang, introduced into scientific discourse in various forms. They mark the western and southwestern limits of the distribution of such specific sculptures. Effective study requires modern documentation using digital technologies. This paper presents the experience of such research using "deer" stones located in the Bulgan River basin in Western Mongolia, near the Chinese border. It provides illustrations and descriptions of four ancient megaliths discovered at different times during planned field expeditions. They showcase the artistic traditions of ancient Inner Asian nomads and specific material culture items, enabling necessary reconstructions.

Keywords: archaeology, Xinjiang, "deer" stones, photogrammetry, 3D rendering, digital drawing, digital technologies, cultural-chronological identification

Введение

Находки «оленных» камней, по всей видимости, маркируют во Внутренней Азии территорию архаичной кочевой империи, существовавшей в конце II – начале I тыс. до н. э. (Тишкин, 2017). В настоящее время актуальной проблемой является установление западной и юго-западной границы распространения таких древних изваяний. В этой связи изучение археологических памятников Синьцзяна позволяет в определенной мере решать обозначенную задачу. Судя по опубликованным данным, в указанном крупном регионе известно более 140 «оленных» камней (Му, 2024), которые обнаружены в разных местах, но только на части рассматриваемой территории (Тишкин, Чань, 2020; Төрбат и др., 2021, с. 327–363; и др.).

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»), https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

2 The research was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470-П «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy»), https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Эти сведения могут быть дополнены результатами обследований, которые в ходе плановых работ осуществлял в Западной Монголии известный отечественный исследователь В.В. Волков. Он зафиксировал и кратко описал несколько «оленных» камней в долине р. Булган (Уенч сомон Ховдского аймака), неподалеку от границы с Китаем (Волков, 2002, с. 111–112, табл. 129: 5–7). В 2010 г. участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции под руководством одного из авторов статьи проводился мониторинг этих изваяний в рамках выполнения международной исследовательской программы Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов (Тишкин, 2024, с. 35). В результате не все из них были обнаружены, но при этом оказались выявлены ранее неизвестные. Делались описания, всесторонняя фотосъемка и микалентное копирование найденных «оленных» камней. Позднее такие объекты неоднократно осматривались разными специалистами. Они вошли в сводный каталог «оленных» камней Монголии с разными наименованиями и краткой информацией, сопровождаемой отдельными фотоснимками (Монгол ба бүс…, 2018, с. 278–282).

В 2013 г. состоялась совместная поездка китайских и российских исследователей в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, в ходе которой осматривались и фотографировались древние изваяния, в основном находящиеся в парках и музеях таких городов, как Цинхэ, Фуюнь и Алтай. Некоторые их них опубликованы (Тишкин, Чжан, 2014).

В рамках решения вышеуказанной задачи реализовывались плановые обследования в Кыргызстане, а также проводился осмотр экспонатов в нескольких музеях этой страны. Часть известных и вновь выявленных «оленных» камней введена в научный оборот с использованием цифровых технологий (Тишкин, Табалдиев, Бондаренко, 2023; Тишкин и др., 2024). Эти изваяния маркируют отдельную зону полупериферии распространения рассматриваемых памятников. Поэтому работу в Кыргызстане стоит продолжить.

В настоящее время информационный потенциал опубликованных «оленных» камней Синьцзяна оставляет желать лучшего, что связано с комплексом разных причин (Му, 2024). Поэтому на начальном этапе необходимы разработка и внедрение современной программы документирования уже известных там изваяний ранних кочевников как важных исторических источников. Целью данной статьи является демонстрация опыта такой деятельности на примере четырех «оленных» камней, обнаруженных в Монголии около границы с Синьцзяно-Уйгурским автономным районом Китая, что является наиболее оптимальным вариантом и дополняет ранее отмеченную региональную специфику обозначенной историко-культурной области (Тишкин, Чань, 2020).

Методика проведения исследований

Согласно специально разработанной методике, процесс создания релевантной цифровой 3D-копии археологического объекта в виде изваяния для всестороннего анализа состоит из нескольких последовательных этапов. Они уже неоднократно были нами реализованы в ходе экспедиционных и кабинетных исследований при документировании «оленных» камней Монголии, Алтая, Тувы и Кыргызстана.

Сначала подготовленное каменное изваяние тщательно обследовалось для определения всех изображений и ключевых деталей у них, которые необходимо отразить с максимально возможной точностью. Затем проводилась всесторонняя фотофиксация по апробированному алгоритму так, чтобы получаемые кадры неоднократно перекрывали друг друга. Съемка публикуемых ниже «оленных» камней велась в ручном режиме с настройками, которые позволяли минимизировать цифровой «шум» и добиться максимальной глубины резкости. Несмотря на то, что поверхность камня сама по себе в разной степени шероховатая, наличие лишней ее детализации может быть ошибочно интерпретировано алгоритмами компьютерного анализа при дальнейшей работе с созданной моделью. На третьем этапе полученные фотоснимки обрабатывались и на их основе создавалась высокополигональная модель, в точности повторяющая геометрию отснятого исходного объекта. Следующий шаг связан с анализом созданной цифровой копии. Полученный размер полигонов в сотые доли миллиметра обеспечивает возможность изучения мельчайших деталей без риска что-либо упустить. Для анализа применялось специальное программное обеспечение, предназначенное для автомати-

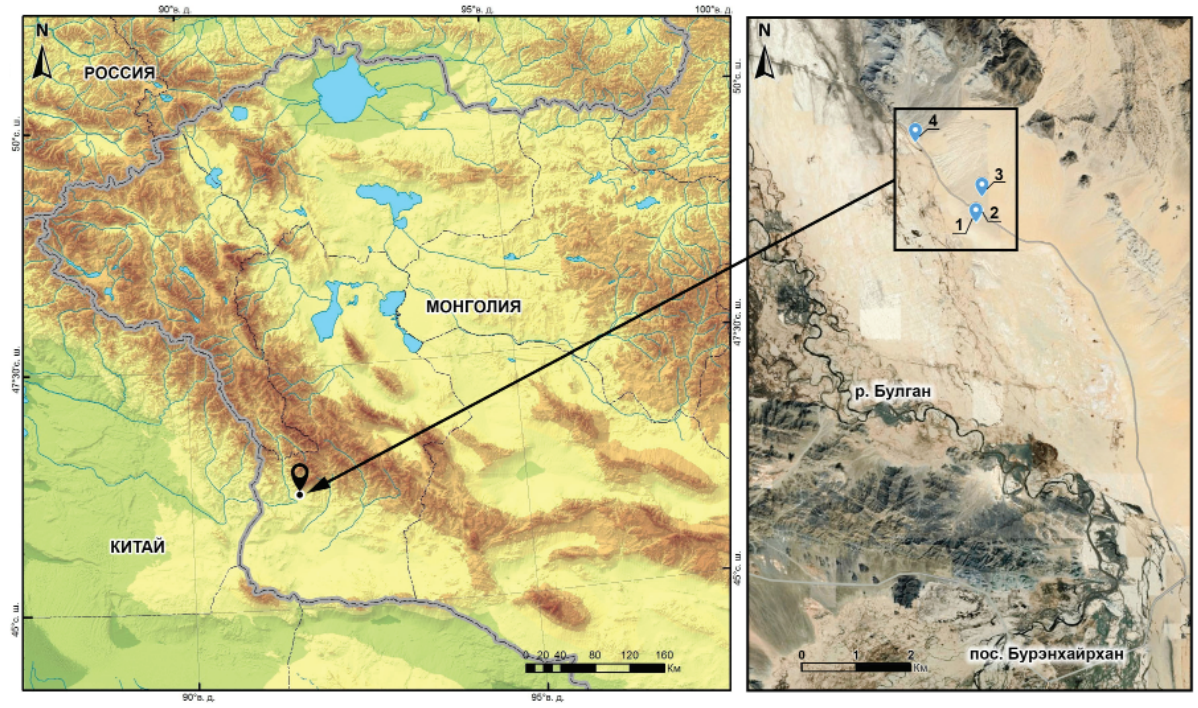

Рис. 1. Карта-схема с расположением «оленных» камней на левом берегу р. Булган в Уенч сомоне Ховдского аймака Монголии, около границы с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая

Fig. 1. Sketch map showing the location of "deer" stones on the left bank of the Bulgan River in Üyench Somon, Khovd Aimag, Mongolia, near the border with the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China

ческого выявления выбитых форм на поверхности каменных артефактов, разработанное авторами и защищенное патентом (Бондаренко, Тишкин, 2024). Компьютерная программа дифференцирует поверхность камня, отсеивая естественные шероховатости и выделяя те изображения, которые интерпретируются как рукотворные. Работа алгоритма не является абсолютной. Она базируется на критериях, которые задает сам исследователь. Основными из них являются величины вероятностей, выраженные в форме математических зависимостей и представляющие собой сложный алгоритм взаимодействия ряда связанных величин. Однако реализуемый анализ позволяет получить текстурную карту, на которой демонстрируются выбитые формы с указанием вероятности их искусственного происхождения (Тишкин и др., 2024). Это сильно облегчает необходимую оценку, позволяя сконцентрироваться на нужных участках, а также дает основу для объективного восприятия объекта изучения. Дальнейшая деятельность отражает визуализацию с помощью системы рендеринга с трассировкой лучей, несколькими алгоритмами глобального освещения и разным текстурированием для создания 2D-иллюстраций с четко фиксируемыми переходами и деталями (что практически недостижимо при обычном фотографировании), а также с полученными прорисовками имеющихся форм и детальных изображений. К сожалению, печатный формат статьи не позволяет в полной мере продемонстрировать все возможности кратко представленного подхода, ограничиваясь рисунками более низкого разрешения. При этом нужно понимать, что цифровые копии являются очень ценными источниками и позволяют специалистам проводить более качественные и глубокие исследования. В связи этим опубликованные результаты выставляются в открытой базе данных на сайте вышеуказанного проекта РНФ (http://nomads-asia.ru) в разделе «3D-модели» (надо кликнуть на представленное изображение и прочитать инструкцию, как пользоваться программой, нажав в левом углу кнопку со знаком вопроса «?»).

Полученные результаты и их обсуждение

На основе разработанного и неоднократно апробированного алгоритма были проведены исследования в Уенч сомоне Ховдского аймака Монголии недалеко от пос. Бурэнхайрхан

(рис. 1). Сначала осуществлялось документирование «оленного» камня, который нашел отражение в монографии В.В. Волкова (2002, с. 111–112, табл. 129: 5). К сожалению, информация и изображения в ней немного перепутаны и не совсем полные, что будет уточнено в данной публикации. Место, где стоит изваяние, имеет следующие GPS-координаты: N 46˚10'41.57", E 91˚32'3.25" (рис. 1: 1). Съемка проводилась 16 сентября 2024 г. фотоаппаратом SONY ILCE-7RM4A (с объективом 55 мм и кольцевой вспышкой). Было сделано около 400 снимков с расстояния 60–75 см. Созданная модель содержит более 670 млн полигонов. Это огромное число указывает на высочайшую детализацию цифровой копии.

«Оленный» камень № 1[1] выполнен в виде прямой стелы, вкопанной в землю, со скругленным контуром (рис. 2). Видимые размеры изваяния, зафиксированные примерно по центральным линиям, 229×38,2×38 см. Низ статуи на высоту около 80 см от современной поверхности грунта имеет следы утрат, которые заузили основную форму обелиска. На расстоянии около 8 см от верхушки (рис. 2: 1; 3: 1) обозначена часть головного убора в виде полосы шириной 3,5 см (рис. 2: 2–9; 3: 2–9). На лицевой стороне ниже ее (по диагонали справа налево и вниз под углом 360˚ к горизонту) желобками оформлены три полосы длиной 15,5–16 см и шириной 1,5 см (рис. 2: 2, 3, 9; 3: 2, 3, 9). Промежутки между линиями также равны 1,5 см. По обеим сторонам расположены кольца, выбитые линией шириной 1,3–1,4 см и интерпретируемые как изображения сережек. У правой из них (размерами 11×9,5 см) часть дуги почти утрачена (рис. 2: 4, 5; 3: 4, 5), а левая (размерами 9,5×9,5 см) фиксируется полностью (рис. 2: 7–9; 3: 7–9)[2]. Ниже их наклонно расположено ожерелье в виде 13 сохранившихся углублений округлой и овальной формы (рис. 2: 2–9). Часть таких изображений (предположительно, шесть, если принять за основу средний размер и расстояния между ними) была утрачена из-за повреждений поверхности камня (рис. 2: 6; 3: 6). Самая большая «лунка» (размерами 5,6×3,6 см) находится на лицевой стороне, под тремя полосами (рис. 2: 2; 3: 2). Остальные имеют такие размеры: 3,2–4×2,1–2,5 см. На расстоянии 130 см ниже верхушки «оленного» камня горизонтально расположена выбитая линия шириной 1,5–1,7 см, демонстрирующая пояс (рис. 2: 2–9; 3: 2–9), к которому как бы подвешены горит с луком (размерами 16×2,5 см) и кинжал (размерами 14,5×6,5 см). Самая нижняя часть горита, показанная с пробелом, имеет такие параметры: 2,4×2 см, а основная – 7,1×2,5 см. Выступающая часть лука выполнена в рамках следующих показателей: 6,1×2,5 см. Это изображение сделано более тонкой линией (шириной около 0,2 см). Оно верхней частью касается пояса (рис. 2: 8, 9; 3: 8, 9). Кинжал находится на лицевой стороне изваяния (рис. 2: 2, 3, 9; 3: 2, 3, 9). Он слегка смещен от центра и располагается на расстоянии 3,5 см от края нижней линии пояса. Возможно, имелась выбивка ремешка-подвеса, но, к сожалению, в этом месте идет скол камня, и точно утверждать наличие данной детали не приходится, хотя от навершия и немного выше отмечены остатки возможной линии (рис. 3: 2). Клинок у кинжала прямой и характерной вытянуто-пламевидной формы. Длина его 9,4 см, а ширина до 1,3 см (в самой широкой части). Размах перекрестия составляет 6,5 см при ширине до 0,5 см. Рукоять длиной 4,6 см и шириной 0,6 см имеет, по всей видимости, грибовидное навершие с основанием в 1,1 см.

В целом представленное каменное изваяние – это относительно хорошо обработанная в верхней части стела с относительно гладкой лицевой поверхностью и сохранившимися четкими линиями выбивок с подшлифовкой, сделанных довольно аккуратно и профессионально.

«Оленный» камень № 2 лежал на земле рядом с предыдущим изваянием и имеет следующие GPS-координаты зафиксированного местонахождения: N 46˚10'41.93", E 91˚32'3.08" (рис. 1: 2)[3]. Фотографирование его проводилась в тот же день и тем же оборудованием. Объект небольшой (размерами 87×31,5×30 см), поэтому было сделано около 200 снимков. Полученная цифровая копия содержит более 200 млн полигонов при такой же вышеуказанной детализации. Этот «оленный» камень был обнаружен в 2010 г. Исходя из имеющихся изображений (рис. 4 и 5), становится понятным, что сохранилась верхняя его часть (рис. 4: 1, 2; рис. 5: 1, 2). Нижний фрагмент не удалось найти. К сожалению, материал для изготовления изваяния был выбран неудачно. Он представляет собой крупнозернистую породу (наподобие

Рис. 2. Долина р. Булган, левый берег. Рендеры цифровой копии «оленного» камня №1
Fig. 2. Bulgan River valley, left bank. Renders of the digital copy of "deer" stone No. 1

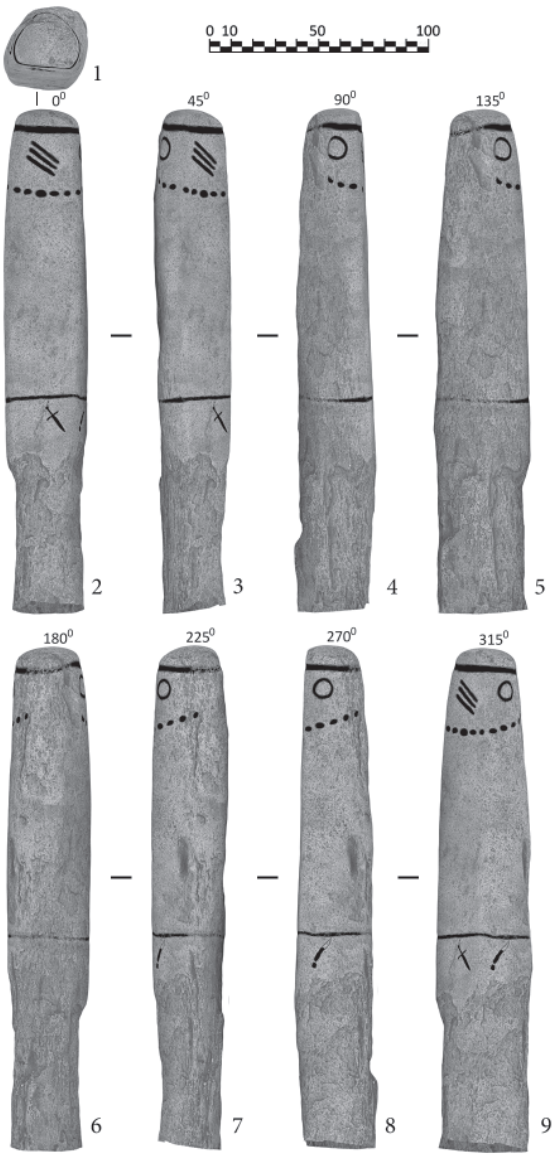

Рис. 3. Долина р. Булган, левый берег. Графическая прорисовка «оленного» камня №1
Fig. 3. Bulgan River valley, left bank. Graphic drawing of "deer" stone No. 1

эпидотизированного гранита), нестойкую к атмосферным и другим воздействиям. Склонность ее к разрушению привела к плохому состоянию поверхности. Однако часть выбитых элементов сохранилась, и компьютерный анализ помог их выявить (рис. 4 и 5).

На лицевой стороне (рис. 4: 3, 4 , 10; 5: 3, 4, 10) остались следы от двух полос длиной соответственно 9,3 и 10 см при максимальной ширине в 1,5 см. Несмотря на вероятность наличия третьей линии между ними, точно локализовать ее не удалось. На боковых сторонах выбиты кольца шириной 1,4–1,6 см. Правая серьга имеет внешние размеры 10,2×9,5 см (рис. 4: 4–6; 5: 4–6), а левая – 9,8×9,5 см (рис. 4: 8–10; 5: 8–10). У каждой из них от нижней части кольца перпендикулярно видна различимая линия, которая, вероятнее всего, обозначала подвеску или подобный дополнительный элемент оформления. На правой серьге она более выражена и имеет длину 2,6 см (рис. 5: 5). На левом изображении просматривается отрезок длиной всего 1,1 см (рис. 5: 9). Ниже расположено ожерелье из 13 уцелевших «лунок». Некоторые из них едва определяются. Самое большое углубление (размерами 3,7×3,4 см) расположено на левой, наиболее сохранившейся стороне камня (рис. 4: 8–10; 5: 9). В 25–30 см ниже ожерелья выбита полоса шириной до 2 см,

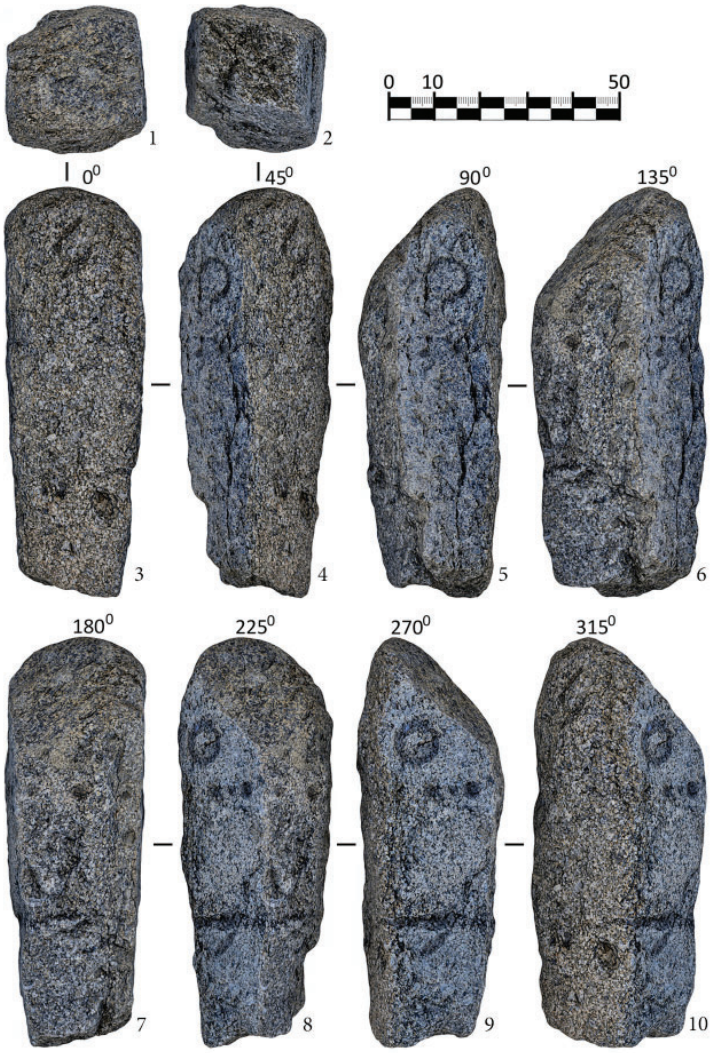

Рис. 4. Долина р. Булган, левый берег. Рендеры цифровой копии «оленного» камня №2
Fig. 4. Bulgan River valley, left bank. Renders of the digital copy of "deer" stone No. 2

демонстрирующая пояс, часть которого тоже едва просматривается (рис. 4: 3–10; 5: 3–10). Стоит обратить внимание на заднюю сторону изваяния (рис. 4: 6, 7, 5: 6, 7), где видно, что выбитая линия огибает скол на камне. Это указывает на то, что заготовка уже имела такой изъян при нанесении необходимой полосы. Ниже пояса видны остатки изображения с заостренным верхним краем длиной 9,2 см и шириной 2,5 см (рис. 4: 8–10). Судя по всему, это был горит с луком. Выбивка имеет такой обобщенный вид не потому, что сильно пострадала от разрушения, а она изначально так получилась. Вероятно, сыпучесть и крупнозернистость поверхности не позволили мастеру сделать необходимую форму.

«Оленный» камень № 3 находится в 523 м к северо-востоку от предыдущих изваяний (рис. 1: 3)[4]. GPS-координаты его местонахождения такие: N 46˚10'57.88", E 91˚32'8.26". Фотограмметрия осуществлялась тем же оборудованием. Было сделано 250 снимков. Получена 3D-модель, содержащая более 250 млн полигонов. Этот «оленный» камень был также обнаружен в 2010 г. в центре небольшого херексура, расположенного недалеко от шоссе (рис. 1: 3). Он представляет собой стелу в виде вытянутого овоида размерами 100×32×27 см с заглаженной поверхностью (рис. 6 и 7), характерной для речных валунов. Верхняя часть камня дополнительно обработана (рис. 6: 1), а нижняя, похоже, корректировке не подвергалась, но на основании,

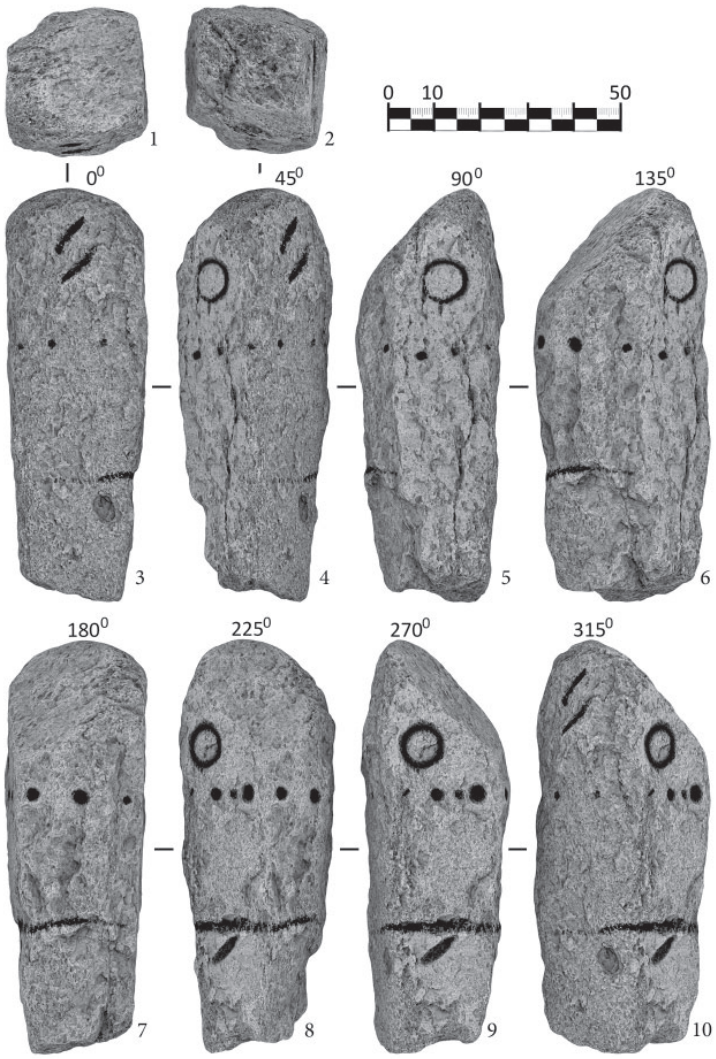

Рис. 5. Долина р. Булган, левый берег. Графическая прорисовка «оленного» камня №2
Fig. 5. Bulgan River valley, left bank. Graphic drawing of "deer" stone No. 2

вероятно для устойчивости изваяния, был сделан перпендикулярный скол (рис. 6: 2). На передней грани под углом 40˚ к горизонту (справа налево и вверх) желобками выбиты три не совсем ровные наклонные полосы шириной около 1,5 см (рис. 6: 3; 7: 3). Верхняя имеет длину 8,5 см, средняя – 9,2 см и нижняя – 8,1 см. Расстояние между ними составляет 1–1,2 см. С правой и левой сторон традиционно расположены выбитые кольца (ширина линии 0,8–1,1 см). Внешние размеры их соответственно такие: 7,5×6,7 см (рис. 6: 4–7; 7: 4–7) и 8,1×8 см (рис. 6: 3, 9, 10; 7: 3, 9, 10). Немного ниже изображено ожерелье из 16 «лунок» разной формы, отличающихся размером. На лицевой части «оленного» камня под тремя полосами располагается более крупное выбитое углубление 5,5×3 см (рис. 6: 3; 7: 3). Возможно, мастер таким образом хотел показать перспективу, увеличив самую близкую «лунку», или действительно эта бусина была самой крупной в наборе. На задней стороне изображена застежка в виде сплошного круга размерами 7,3×6,7 см (рис. 6: 8; 7: 8). Изображений предметов вооружения нет.

«Оленный» камень № 4[5] находится у дороги, в 1690 м от предыдущего изваяния на северо-запад (рис. 1: 4). Его GPS-координаты: N 46˚11'32.68", E 91˚31'7.3". Этот объект представлен в монографии В.В. Волкова (2002, с. 112, табл. 129: 6) под номером 2, но в кратком описании и на рисунке только одной стороны не отражены все особенности его оформления. В ходе фотограмметрии было сделано

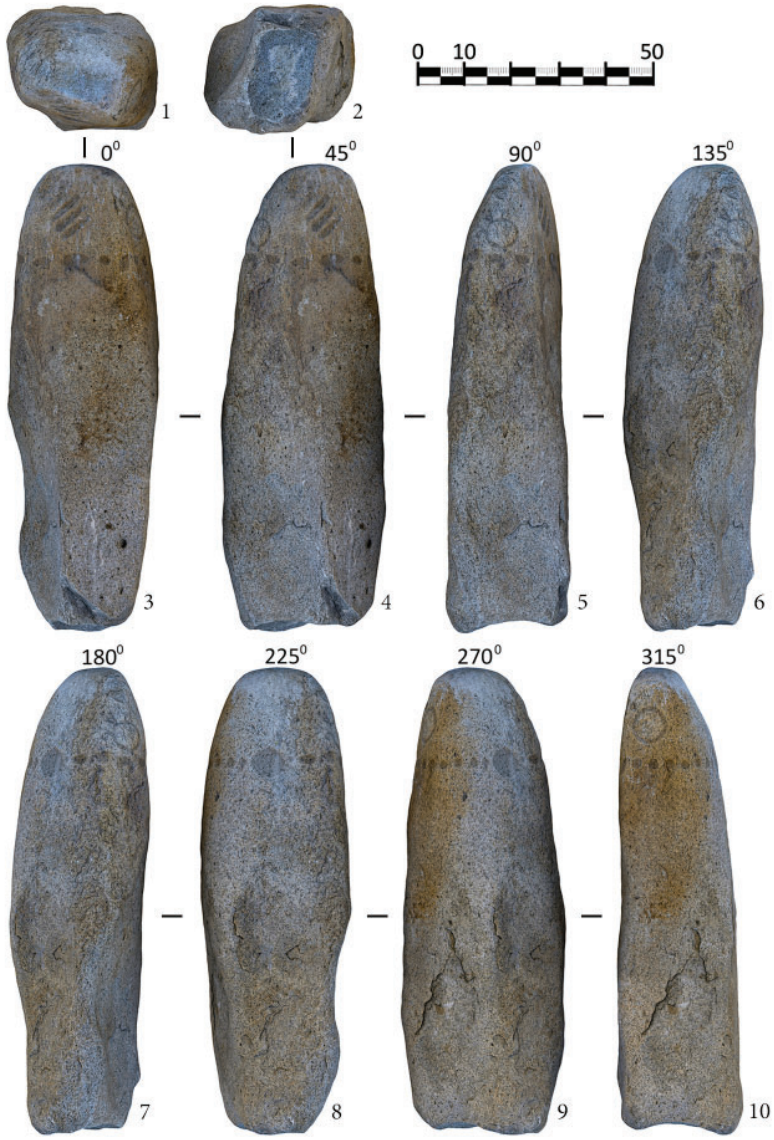

Рис. 6. Долина р. Булган, левый берег. Рендеры цифровой копии «оленного» камня №3
Fig. 6. Bulgan River valley, left bank. Renders of the digital copy of "deer" stone No. 3

200 снимков. Само изваяние относительно небольшое (рис. 8 и 9), примерно прямоугольное в сечении и с заостренным верхом (рис. 8: 1; 9: 1). Выступающая над землей часть имеет размеры 97×30×22 см. У камня хорошо обработана одна сторона (рис. 8: 2, 3; 9: 2, 3) и верхняя половина противоположной плоскости (рис. 8: 6, 7; 9: 6, 7). Лицевая грань повреждена, имеет сколы и неровности (рис. 8: 4, 5; 9: 4, 5). Вверху на обеих боковых сторонах довольно небрежно линией шириной 0,7–0,8 см выбиты крупные кольца-серьги. Левое изображение имеет размеры 14,1×13,7 см (рис. 8: 2, 3, 9; 9: 2, 3, 9). Внутри него (ниже центра) еле заметной линией шириной 0,4 см процарапана вторая окружность диметром 3,5 см. У правого кольца (частично поврежденного, размерами 15,8×15,4 см) расположен знак в виде перевернутой буквы U (5,8×4,8 см), сделанный линией толщиной 0,8–1 см (рис. 8: 5–7; 9: 5–7). Ниже представленных реалий показано ожерелье (рис. 8: 2–9; 9: 2–9) из 15 овальных лунок (размерами от 2×1,3 см до 3,3×1,7 см) с застежкой на задней стороне в виде неправильного круга (6,8×4,8 см). На лицевой грани должны были находиться еще две или три «лунки», но их там нет (рис. 8: 4; 9: 4). Возможна ситуация отслоения тонкой пластины поверхности вместе со сколом верхней части. На левой стороне ниже центра и со

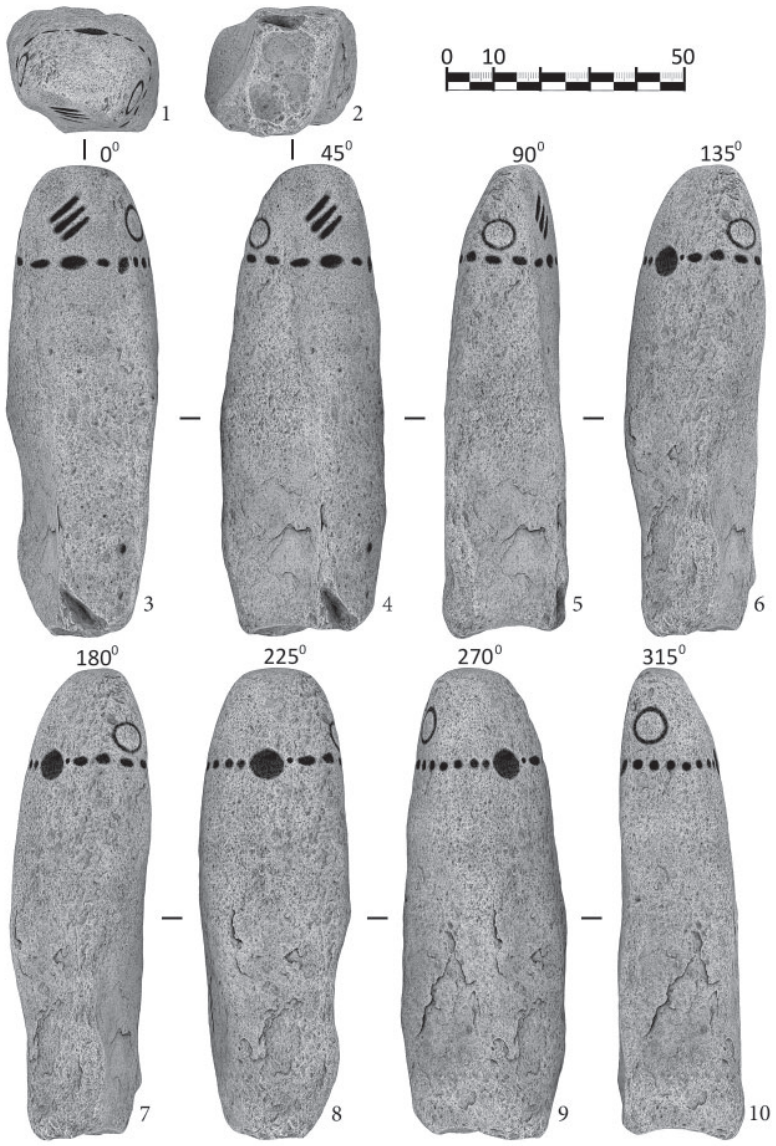

Рис. 7. Долина р. Булган, левый берег. Графическая прорисовка «оленного» камня №3
Fig. 7. Bulgan River valley, left bank. Graphic drawing of "deer" stone No. 3

смещением к задней грани выбит щит в виде пятиугольника размерами 13,5×9 см (рис. 8: 2, 3, 9; 9: 2, 3, 9). Под ним можно увидеть еле заметную линию выемки. Точно определить, является ли она искусственной или имеет естественное происхождение, затруднительно. Далее на трех сторонах расположен пояс, выбитый неровной полосой шириной от 1,2 до 1,5 см (рис. 8: 2–6, 9; рис. 9: 2–6, 9). На задней грани такое изображение утрачено (рис. 8: 7, 8; 9: 7, 8). На лицевой плоскости под поясом, который изгибается в этом месте вверх, сохранился выбитый контур кинжала длиной 16,6 см (рис. 8: 3–5; 9: 3–5). Клинок показан немного изогнутым. Он составляет 11 см в длину и до 1,6 см в ширину (у перекрестия). Рукоять кинжала от перекрестия до навершия имеет длину 3,5 см. Ширина ее 0,8–1 см. Навершие имеет оригинальную Г-образную форму размерами 2,3×1,1 см. От него отчетливо к поясу идет подвес длиной 0,8 см. Перекрестие прямое: длиной 4 см и шириной около 1 см.

Нижняя часть изваяния ниже пояса частично обломана и находится в земле. На ней наблюдаются линии, демонстрирующие части других предметов вооружения, не замеченных В.В. Волковым (2002, с. 112, табл. 128: 5). Так, с правой стороны на подвесе (длиной 6,1 см) показан чекан размерами 7 см с частью рукояти (рис. 8: 5–7; 9: 5–7). На левой грани просматривается длинная наклонная линия

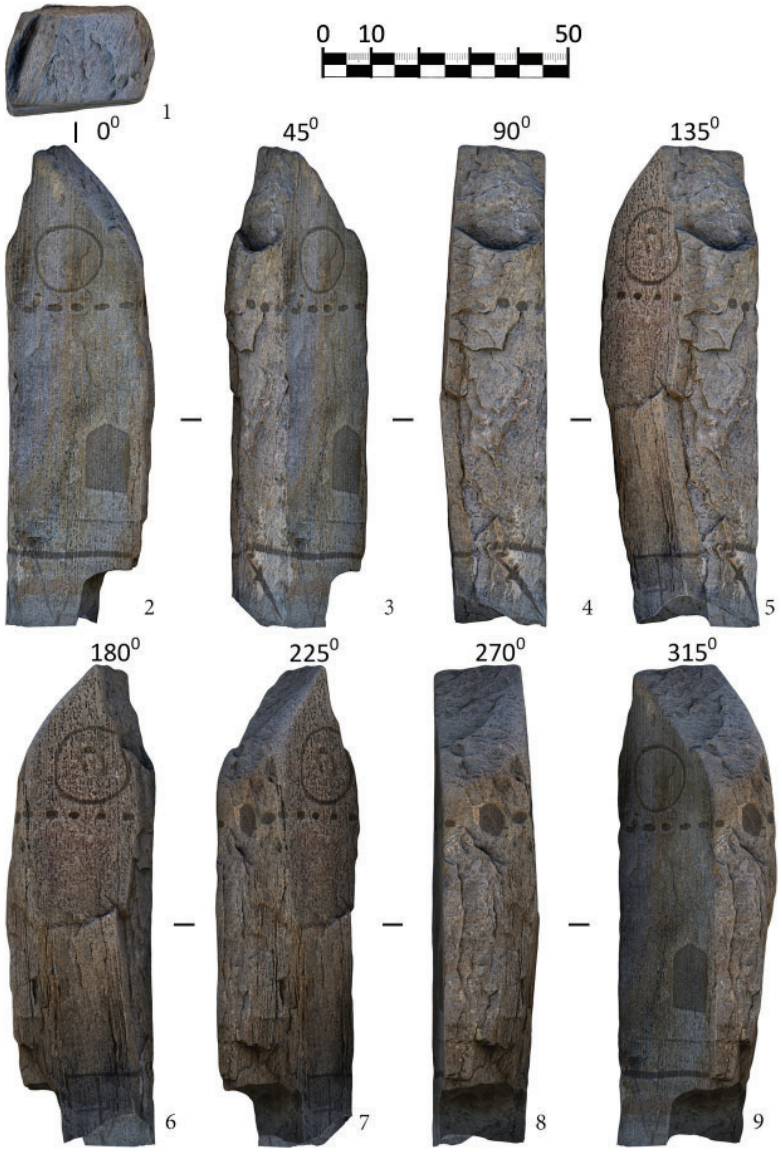

Рис. 8. Долина р. Булган, левый берег. Рендеры цифровой копии «оленного» камня №4
Fig. 8. Bulgan River valley, left bank. Renders of the digital copy of "deer" stone No. 4

подвеса и небольшой фрагмент лука (рис. 8: 2, 3, 9; 9: 2, 3, 9), который, вероятнее всего, был показан в горите (удаление грунта для такого уточнения не осуществлялось). Несмотря на малые размеры «оленного» камня, на нем демонстрируется существенный комплект вооружения. Отличается расположение щита и его изображение сплошной выбивкой. Чаще такой предмет обороны обнаруживается на задней стороне изваяний.

Детально представленные «оленные» камни имеют свои специфические черты, но находят широкие аналогии среди таких же древних изваяний, обнаруженных на территории Внутренней Азии (Савинов, 1994; Төрбат и др., 2021; и др.). Стоит лишь обратить внимание на отсутствие изображений каких-либо животных. Детально зафиксированные с помощью цифровых технологий конкретные реалии позволяют осуществлять культурно-хронологическую идентификацию каждого объекта, что предстоит сделать на следующем этапе научного анализа. Важно отметить, что в ходе обследований у «оленных» камней № 1 и 2 были обнаружены обломки каменных пестов со следами сработанности. Аналогичные орудия найдены при раскопках на Юстыдском комплексе (Юго-Восточный Алтай), а также на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия) и на некоторых

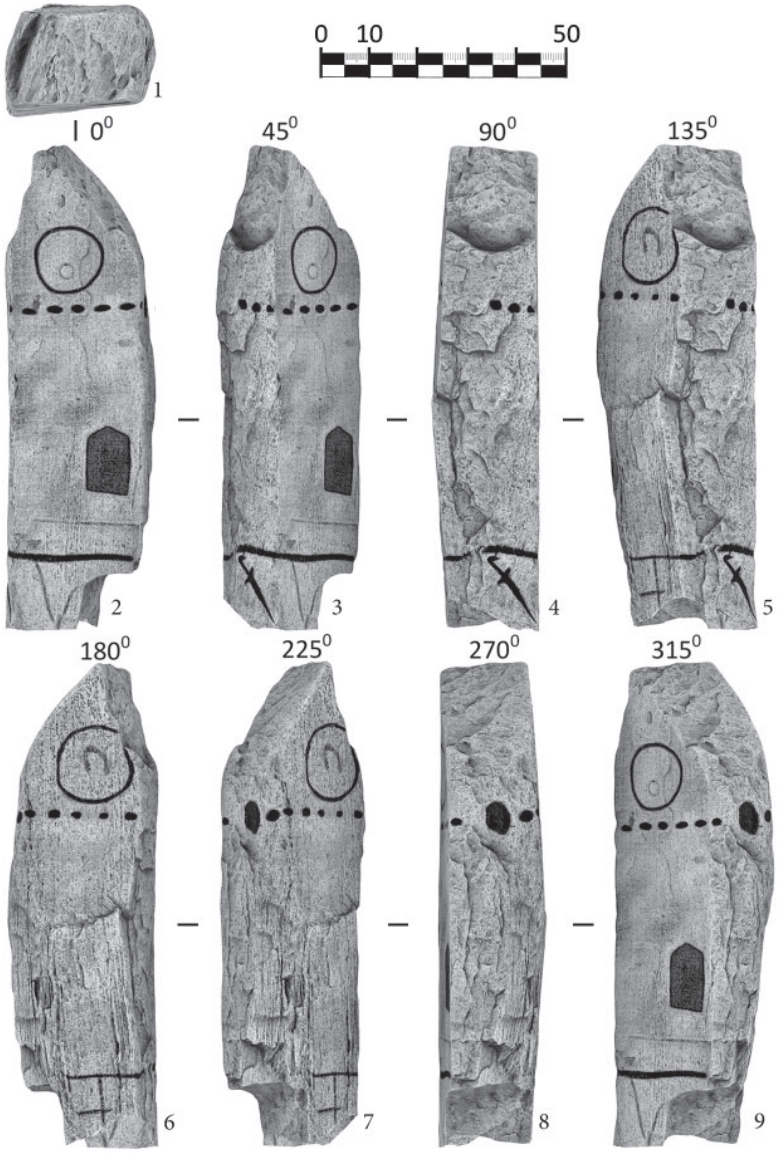

Рис. 9. Долина р. Булган, левый берег. Графическая прорисовка «оленного» камня №4
Fig. 9. Bulgan River valley, left bank. Graphic drawing of "deer" stone No. 4

других археологических объектах (Кубарев, 1979, с. 18–20, рис. 10 и 11; Тишкин и др., 2024; и др.). Данная закономерность указывает на необходимость внимательного осмотра прилегающей территории, на которой располагаются «оленные» камни. Конечно, стоит производить раскопки, обязательно исследуя ямы под изваяниями.

Заключение

Продемонстрированный опыт документирования «оленных» камней с помощью цифровых технологий обеспечивает широкие возможности для изучения предметов материальной культуры, а также для реконструкции военного дела, социальной структуры, мировоззрения и многих других сторон жизни и деятельности древних кочевников Внутренней Азии в период существования архаичной империи. В этом процессе важными источниками являются «оленные» камни, обнаруженные на территории Синьцзяна. Они обеспечивают не только возможность установления западных и юго-западных границ крупного объединения, существовавшего в конце II – начале I тыс. до н. э., но и позволяют рассматривать локальные особенности изучаемого явления и существовавшие традиции. Стоит надеяться, что в ближайшее время будут получены цифровые копии «оленных» камней Синьцзяна, которые станут доступны

исследователям, изучающим древнюю историю Евразии. Кроме этого, имеется существенный потенциал для обнаружения других изваяний, оставленных древними кочевниками на территории Северо-Западного Китая.

Примечания:

[1] В монографии В.В. Волкова (2002, с. 112, табл. 129: 5), по всей видимости, описание частично отражает «оленный» камень под номером 3, но рисунок его не соответствует подписи в таблице, поэтому в сноске указан более реальный показатель. Номер 1 для публикуемых изваяний вообще не представлен в тексте книги. В каталоге «оленных» камней Монголии он обозначен как Хярваан зоо-1 (Монгол ба бүс…, 2018, с. 279–280).

[2] Все описания изображений в данной статье с указанием разных сторон делаются исходя из понимания, что изваяние отражает фигуру человека.

[3] В каталоге «оленных» камней Монголии он не указан (Монгол ба бүс…, 2018, с. 278–282).

[4] В каталоге «оленных» камней Монголии он обозначен как Хярваан зоо-2 (Монгол ба бүс…, 2018, с. 281).

[5] В каталоге «оленных» камней Монголии он обозначен как Чацарганы Хар үзүүр (Монгол ба бүс…, 2018, с. 282).

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко С.Ю., Тишкин А.А. Способ выделения рельефных форм на 3D-моделях каменных изваяний, полученных с помощью фотограмметрии // Бюллетень ФИПС РФ. 2024. №23. С. 1–22.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.: ил.

Му Ц. История изучения «оленных» камней в Синьцзяне китайскими исследователями // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 5 (139). С. 79–84.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.

Тишкин А.А. «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (электронное издание) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2017. С. 1026

Тишкин А.А. «Оленные» камни Монгольского Алтая: результаты документирования в ходе выполнения исследовательской программы Музея-института семьи Рерихов // Н.К. Рерих и археологические исследования в Сибири и Центральной Азии: Тезисы докладов / Отв. ред. А.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов; Барнаул: Алт. ун-т, 2024. С. 34–36.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Бондаренко С.Ю., Горбунов В.В., Эрдэнэпурэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж. Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья / Отв. ред. В.П. Никоноров, Е.О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 260–263. DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-260-263

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю. Использование цифровых технологий при документировании «оленных» камней в Кыргызстане // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 281–286. DOI: 10.14258/msapea.2023.3.57

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю., Бообек уулу Б. Современное документирование простых «оленных» камней в Кыргызстане // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №1. С. 212–223. DOI: 10.14258/tpai(2024)36(1).-11

Тишкин А.А., Чань А. «Оленные» камни в Синьцзяне: распространение и особенности изучения // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: В 3 т. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 119–121.

Тишкин А.А., Чжан Л. «Оленные» камни в западных отрогах Монгольского Алтая (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2014. С. 131–135.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний каталог. Дэд боть / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2018. 496 нүүр. (На монг. яз.)

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Нэгэн сэдэвт бүтээл. 3. Улаанбаатар: Мөнхийн усэг, 2021. 448 с. (На монг. яз.)

Информация об авторах:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Идэрхангай Тумур-Очир, кандидат исторических наук, доцент, Монгольский национальный университет (г. Улаанбаатар, Монголия); iderkhangai2022@gmail.com

Бондаренко Сергей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); bonsu@yandex.ru

Му Цилэ, аспирант, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tsile.mu@mail.ru

REFERENCES'

Bondarenko, S. Yu., Tishkin, A. A. 2024. In *Biulleten FIPS RF Bulletin* of *Federal Institute of Industrial Property)* 23, 1–22 (in Russian).

Volkov, V. V. 2002. *Olennye kamni Mongolii (Deer stones of Mongolia)*. Moscow: “Nauchny Mir” Publ. (in Russian).

Kubarev, V. D. 1979. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni) (Ancient Altai sculptures (deer stones))*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mu, Ts. 2024. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 139 (5), 79–84 (in Russian).

Savinov, D. G. 1994. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii (Deer stones in the culture of Eurasian nomads)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Tishkin, A. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource]).* Barnaul: Altai State University, 1026 (in Russian).

Tishkin, A. A. 2024. In Tishkin, A. A. (ed.). *N.K. Rerih i arheologicheskie issledovaniya v Sibiri i Central'noj Azii: Tezisy dokladov (Nicholas Roerich and archaeological studies in Siberia and Central Asia: Abstracts of papers)*. St. Petersburg: The State Roerich Family Museum-Institute of St. Petersburg; Barnaul: Altai State University, 34–36 (in Russian).

Tishkin, A. A., Iderkhangai, T.-O., Bondarenko, S. Yu., Gorbunov, V. V., Erdenepurev, P., Tsend, D., Enkhzul, Zh. 2024. In Nikonorov, V. P., Stoyanov, E. O. (eds.). *Kul'tury i civilizacii Central'noj Azii ot neolita do srednevekov'ya (Cultures and Civilizations of Central Asia from the Neolithic to the Middle Ages)*. St. Petersburg: Institute of History of Material Culture Russian Academy of Sciences, 260–263 (in Russian).

Tishkin, A. A., Tabaldiev, K. Sh., Bondarenko. S. Yu. 2023. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 3. Barnaul: Altai State University, 281–286 (in Russian).

Tishkin, A. A., Tabaldiev, K. Sh., Bondarenko, S. Yu., Boobek uulu, B. 2024. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and practice of archaeological research)* 36 (1), 212–223 (in Russian).

Tishkin, A. A., Chan, A. 2020. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (ed.). *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara)* III. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 119–121 (in Russian).

Tishkin, A. A., Zhang, L. 2014. In Tishkin A.A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye izvaianiia Tsentral'noi Azii (Ancient and Medieval Statues of Central Asia).* Series: Altai na perekrestke vremen i smyslov (Altai at the crossroads of times and meanings) 4. Barnaul: Altay State University, 131–135 (in Russian).

Turbat, C. (ed.) 2018. *Mongol ba bus nutgijn bugan hushuunij soyol. Erdem shinzhilgeenij katalog. Ded bot' (Mongolian and regional deer statue culture. Scientific catalog. Vol. 2).* Ulaanbaatar: Institute of History and Archaeology Academy of Sciences (in Mongolian).

Turbat, C., Gantulga, Z., Bayarhuu, N., Batsuh, D., Turbayar, N., Erdene-Ochir, N., Batbold, N., Celhagarav, C. 2021. *Mongol ba bus nutgijn bugan hushuunij soyol: Negen sedevt byteel. 3 (Mongolian and regional deer statue culture: A monograph. Vol. 3).* Ulaanbaatar: “Munkhiin Useg” Publ. (in Mongolian).

About the Authors:

Tishkin Alexey A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Iderkhaigai Tumur-Ochir, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Mongolian National University, Luvsantsaveena street, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13343, Mongolia; iderkhangai2022@gmail.com

Bondarenko Sergey Yu., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; bonsu@yandex.ru

Mu Tsile, Postgraduate Student, Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tsile.mu@mail.ru

Статья поступила в журнал 08.11.2025 г.
Статья принята к публикации 20.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.34.51

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В КАЗАНСКОМ ПОВОЛЖЬЕ И НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ: ОТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ КОНСТАТАЦИИ К СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ[1]

© 2026 г. Э.И. Оруджов, А.А. Чижевский

Настоящая статья посвящена результатам комплексного геопространственного исследования памятников ананьинской культурно-исторической области (АКИО) на территории Республики Татарстан, основанного на анализе массива из 226 объектов. В работе представлен переход от традиционной описательной археологии к реконструкции динамической системы расселения раннего железного века с применением метода пространственных контуров. На основании расчетов зон хозяйственного освоения (радиус 5 км) и критериев группировки (расстояние 11 км) выделены 37 локальных групп, объединенных в три региональных кластера: средневолжский, усть-вятский и усть-бельский. Детальный анализ культурного состава выявил принципиальные различия между волжским бассейном, который характеризуется доминированием постмаклашеевской культуры, и камским бассейном. Камский бассейн, в отличие от волжского, представляет собой зону интенсивного межкультурного взаимодействия с участием ананьинской классической и вятско-ветлужской культур. Предложенная корректируемая структурная модель системы расселения, базирующаяся на объективных количественных показателях, позволяет проследить динамику заселения региона и зоны взаимодействия культурных компонентов ананьинской культурно-исторической области в IX–III веках до н.э. и открывает новые возможности для дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, ананьинская культурно-историческая область, геопространственный анализ, система расселения, метод пространственных контуров, постмаклашеевская культура, ананьинская классическая культура, Казанское Поволжье, Нижнее Прикамье, ранний железный век.

GEOSPATIAL ANALYSIS AND RECONSTRUCTION OF THE SETTLEMENT SYSTEM OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA BEARERS IN THE KAZAN VOLGA REGION AND THE LOWER KAMA BASIN: FROM EMPIRICAL STATEMENT TO A STRUCTURAL MODEL[2]

E.I. Orudzhov, A.A. Chizevsky

This paper deals with the results of a comprehensive geospatial study of sites belonging to the Ananyino cultural-historical area (АКИО) within the Republic of Tatarstan territory, based on the analysis of a data-set comprising 226 objects. The study demonstrates a methodological transition from traditional descriptive archaeology to the reconstruction of a dynamic Early Iron Age settlement system using the spatial contour method. Based on calculations of economic exploitation zones (5-km radius) and clustering criteria (11-km distance), 37 local groups were identified and consolidated into three regional clusters: Middle Volga, the Mouth of Vyatka and the Mouth of Belaya. A detailed analysis of the cultural composition revealed fundamental differences between the Volga basin, characterized by the dominance of the Post-Maklashevka culture and the Kama basin. Unlike the Volga basin, the Kama one represents a zone of intensive intercultural interaction

[1] Исследование выполнено в рамках п. 27 «Организация и проведение историко-археологических исследований культуры Западного Приуралья в эпоху великого переселения народов» региональной программы Республики Татарстан «История и культура народов Степной Евразии».

[2] This study was conducted as a part of item No. 27 "Organization and implementation of historical and archaeological research on the culture of the Western Urals during the Migration Period", under the programme of the Republic of Tatarstan "History and culture of the peoples of Steppe Eurasia".

involving the classic Ananyino and Vyatka-Vetluga cultures. The proposed adaptable structural model of the settlement system, grounded in objective quantitative metrics, enables the tracing of regional settlement dynamics and the interaction zones of cultural components within the Ananyino cultural-historical area during the IX–III centuries BC, opening new avenues for future research.

Keywords: archaeology, Ananyino cultural-historical area, geospatial analysis, settlement system, method of spatial contours, Post-Maklashevka culture, Classical Ananyino culture, Kazan Volga region, Lower Kama region, Early Iron Age.

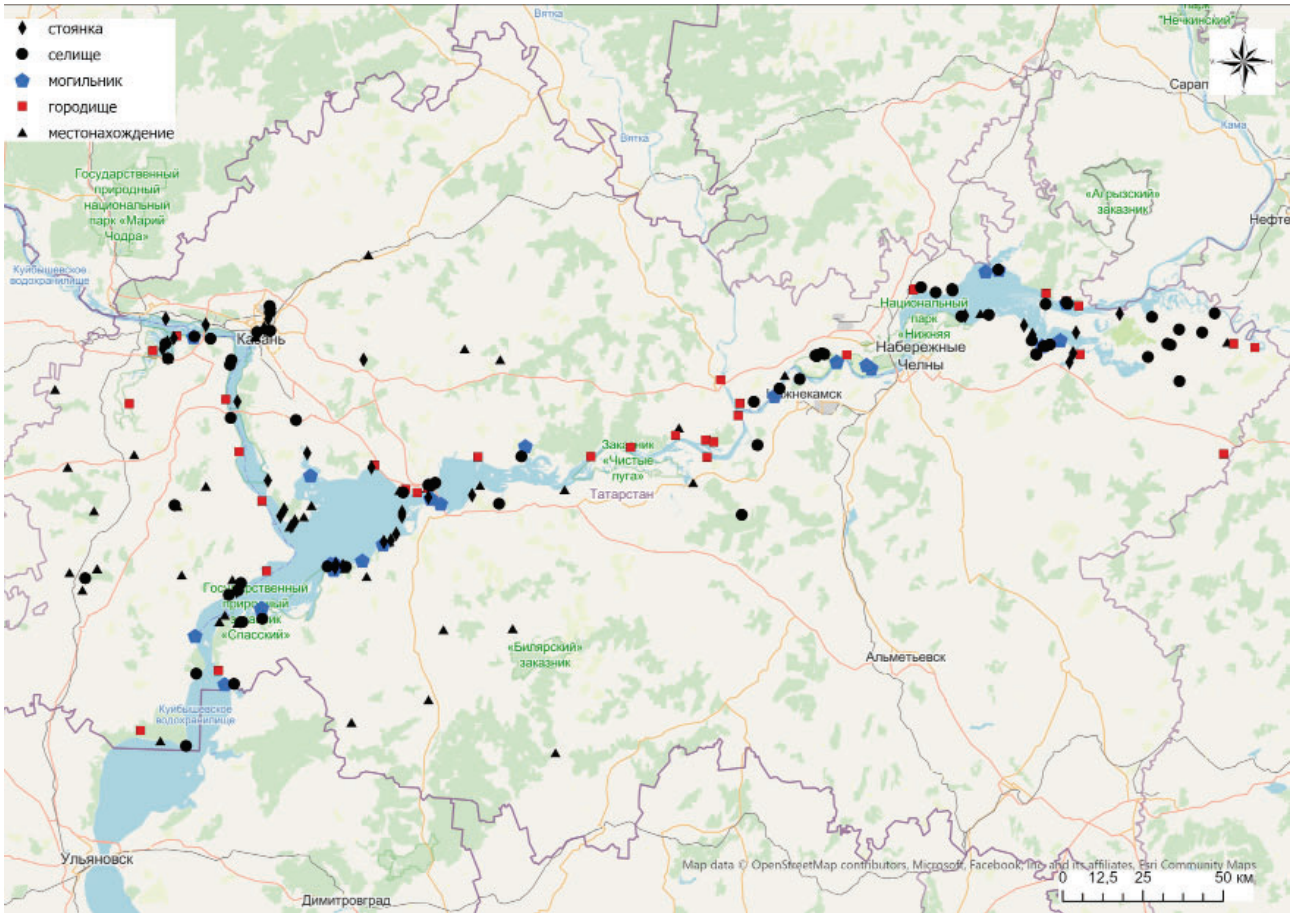

Рис. 1. Памятники ананьинской культурно-исторической области на территории Республики Татарстан.
Fig. 1. Ananyino cultural and historical area monuments in the Republic of Tatarstan.

На сегодняшний день на территории Республики Татарстан накоплен значительный массив данных по памятникам ананьинской культурно-исторической области (АКИО). В результате длительной научно-исследовательской работы на территории Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья с XIX по XXI вв. было выявлено 226 объектов археологии первой фазы раннего железного века (рис. 1) (Халиков, 1977; Марков, 2007; Чижевский, 2008).

Плотность заселения побережья рек Волги и Камы, а также поликультурный характер АКИО в пределах обозначенной территории дают возможность построить модель расселения носителей АКИО, которая может быть корректируемой.

Ананьинская эпоха в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье представляет собой сложный поликультурный конгломерат, где на одной территории сосуществовали и взаимодействовали носители постмаклашеевской, ананьинской классической, акозинско-ахмыловской и вятско-ветлужской культурных традиций (Кузьминых, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2020; Kuzminykh, Chizhevsky, и др., 2024). Без применения современных геопространственных методов анализа невозможно объективно оценить степень интеграции этих культур, понять логику расселения

их носителей в раннем железном веке, реконструировать зоны хозяйственного освоения и выявить структуру поселенческих групп. В этой связи задача настоящего исследования заключается в разработке и апробации корректируемой структурной модели системы расселения, которая позволит преодолеть фрагментарность существующих представлений и представить целостную картину распространения и взаимодействия носителей АКИО на данной территории.

Целью данной работы является интеграция генеральной совокупности археологических объектов АКИО в единую пространственно-хронологическую модель, базирующуюся на объективных количественных показателях.

В качестве основного инструмента изучения системы расселения населения АКИО в Казанском Поволжье и на Нижней Каме используется метод пространственных контуров (Афанасьев, 1989). Данный метод, базирующийся на разработках антропологии и экономической географии, был адаптирован к исследованиям в области локализации и группировки древних поселений. В основе его методологического подхода лежит простая, но фундаментальная логика хозяйственного поведения человека, которая утверждает, что люди, покидая свое жилище в поисках ресурсов – пищи, строительных материалов, сырья для ремесел, неизбежно возвращаются обратно. Этот процесс циклического перемещения имеет свои энергетические и временные ограничения. Чем дальше человек уходит от места постоянного проживания, тем больше энергии он тратит на перемещение и тем меньше времени остается на непосредственную хозяйственную деятельность. Следовательно, интенсивность хозяйственного освоения территории закономерно убывает по мере удаления от поселения, образуя зону с максимальной плотностью использования ресурсов в непосредственной близости от жилища и зону с минимальной интенсивностью на периферии.

Научное обоснование параметров этой зоны было получено в результате исследований ведущих антропологов и этнографов, таких как М. Джармен, Ч. Вита-Финци и Э. Хиггс (Higgs, Jarman, 1969; Vita-Finzi, 1969; Vita Finzi, Higgs, 1970). Их работы, посвященные изучению стратегий выживания оседлых земледельческих сообществ, показали, что для данной категории населения затраты энергии становятся неприемлемо высокими уже на расстоянии, превышающем один час пешего пути, это расстояние приблизительно равно пяти километрам. Таким образом, теоретически экономическая зона поселения, или зона его непосредственного хозяйственного влияния, может быть представлена в виде круга с радиусом пять километров. Эта гипотеза, предложенная в 1989 году Г.Е. Афанасьевым, легла в основу нашего исследования и стала отправной точкой для всех последующих вычислений и построений (Афанасьев, 1989).

Применение данного метода в нашем исследовании заключалось в построении буферных зон вокруг каждого из 157 поселений АКИО из числа выявленных на территории Республики Татарстан. Каждое отдельно взятое поселение (городище, селище, стоянка) фиксировалось в качестве центра хозяйственной деятельности, вокруг которого формировалась зона интенсивного освоения радиусом в пять километров. Последующий анализ пересечений этих буферных зон позволил выявить закономерности в расположении поселений и сформировать гипотезы об их взаимосвязи. Там, где зоны хозяйственного освоения отдельных памятников пересекались, мы выдвинули предположение о наличии тесных социальных и экономических контактов между их населением. На основе этого принципа были выделены локальные группы поселений, представляющие собой единые хозяйственные комплексы.

Далее, на втором этапе анализа, локальные группы были соединены в более крупные региональные объединения. Критерием для этого стало расстояние между локальными группами. Если расстояние между локальными группами превышало одиннадцать километров, то это являлось свидетельством слабости хозяйственных связей и формирования самостоятельных региональных групп. При этом учитывалась специфика расселения вдоль русел рек, которые являются наиболее исследованной территорией и определяют линейный характер расселения в регионе. Таким образом, метод пространственных контуров позволил не просто сгруппировать памятники по географическому признаку, а реконструировать структуру расселения, основанную на экономических возможностях и ограничениях ананьинского населения.

Таблица 1. Список памятников АКИО на территории Республики Татарстан.
Table 1. List of AKIO sites in the Republic of Tatarstan.

Локальные группы	№	памятники	культура
Средневолжская региональная группа			
I	1	городище Большие Тарханы	ПМК
	2	селище Зольное	ПМК
II	1	городище Балымерский Шолом	ПМК
	2	городище Маклашеевское II	ПМК, АКАХ
	3	селище Маклашеевское	ПМК
	4	селище Кашкинское	ПМК
III	1	селище Тетюшское	ПМК, АКАХ
	2	могильник Тетюшский	ПМК
IV	1	городище Кирельское II (Сокол)	ПМК
	2	городище Елховское (Сюкеевское)	ПМК, АКАХ
	3	селище Болгарское I	ПМК
	4	селище Болгорское II	ПМК
	5	селище Ржавецкое	ПМК
	6	селище Елховское (Сюкеевское)	ПМК, АКАХ
	7	селище Сюкеевское III	ПМК, ВВК
	8	селище Чачлы-Кульское	ПМК
	9	стоянка Сюкеевский Взвоз II	ПМК
	10	могильник Новомордовский	ПМК
	11	могильник Новомордовский VII	ПМК
	12	могильник Новомордовский VIIIa	ПМК
	13	находка у п. Подгорный	ПМК
	14	Булгарские находки	ПМК
	15	Ага-Базарские находки	АКАХ
	16	Сюкеевские находки III	АКАХ
V	1	селище Чирки-Кильдуразы V	ПМК
	2	Черки-Бибкеевские находки	ПМК
	3	Черкинские находки	ПМК
	4	Быковские II находки	ПМК
VI	1	Нижнебарышевское селище	ПМК
	2	Барышевские находки II	ПМК
VII	1	Карамышихинское городище	ПМК
VIII	1	Макарьевское городище	ПМК, АКАХ
	2	Исаковское городище	АКАХ
	3	Татарско-Бурнашевское селище	ПМК
	4	селище Татариха	ПМК, АКАХ
	5	Пустомарквашинское II селище	ПМК
	6	Набережно-Морквашинское селище	ПМК
	7	Студенецкое селище	ПМК
	8	Нижне-Услонское IV селище	ПМК
	9	Сумская I стоянка	ПМК
	10	Займищенская II стоянка	ПМК
	11	Займищенская IIIa стоянка	ПМК
	12	Мизиновская I стоянка	ПМК, АКАХ
	13	Свияжская находка	ПМК
	14	Пустомарквашинский могильник	ПМК
IX	1	городище Казанка I	ПМК, АКАХ
	2	городище Казанка II	ПМК, АКАХ
	3	селище Казанка	ПМК, АКАХ
	4	селище Казанка II	ПМК, АКАХ
	5	Аэродромное селище	ПМК
	6	Борисоглебское селище	ПМК

	7	поселение на кремлевском мысу	ПМК, АКАХ
	8	Борисоглебская стоянка	ПМК
	9	Савиновская стоянка	ПМК
	10	Казанская стоянка	ПМК, АКАХ
	11	Бакалдинские находки	ПМК
X	1	Ташевкинское городище	ПМК
	2	Наримановское селище	ПМК
	3	Матюшинская островная стоянка	ПМК
XI	1	Лабышкинское городище	ПМК
XII	1	Пестречинская II стоянка	ПМК
XIII	1	Кирбинское селище	ПМК
XIV	1	Курманаковская VI стоянка	ПМК
XV	1	Антоновское городище	ПМК
	2	Атабаевская I стоянка	ПМК
	3	Атабаевская II стоянка	ПМК
	4	Атабаевская III стоянка	ПМК
	5	Карташихинская I стоянка	ПМК
	6	стоянка Биостанция V	ПМК
	7	Атабаевские I, II находки	ПМК
	8	Ташкирменские находки	ПМК, АКАХ
XVI	1	Именьковское городище	ПМК
	2	Усть-Брыскинская стоянка	ПМК
XVII	1	селище Курган	ПМК
	2	Семеновское IV селище	ПМК
	3	Измерская VII стоянка	ПМК
	4	Измерская VIII стоянка	ПМК
	5	Нижнемарьянская IX стоянка	ПМК
	6	Измерская находка	ПМК
	7	Христофоровские находки	ПМК
	8	Измерский VII могильник	ПМК
	9	Семеновский VI могильник	ПМК, АКАХ
	10	Нижнемарьянский III могильник	ПМК
XVIII	1	Гремячеключинское городище	ПМК
	2	городище Кирюшкин городок	ПМК
	3	городище Кашанская Шишка	ПМК
	4	городище Сорочьи Горы	ПМК
	5	Сорочьегорское I селище	ПМК
	6	Сорочьегорское II селище	ПМК
	7	Камское I селище	ПМК
	8	Камское II селище	ПМК
	9	Камское III селище	ПМК
	10	Мурзихинская III стоянка	ПМК
	11	Кузькинская X стоянка	ПМК
	12	Кузькинская XI стоянка	ПМК
	13	Кузькинская XVII стоянка	ПМК, АКАХ
	14	Лебединская VII стоянка	ПМК
	15	Лебединская VIII стоянка	ПМК
	16	Березовогривская II стоянка	ПМК
	17	Березовогривская III стоянка	ПМК
	18	Березовогривский II могильник	ПМК
	19	Мурзихинский I могильник	ПМК
	20	Мурзихинский II могильник	ПМК
	21	Шуранские находки	ПМК
	22	Сорочьегорские находки	ПМК
	23	Первомайское I местонахождение	ПМК

XIX	1	Сахоровское селище	ПМК
	2	Саконская VI стоянка	ПМК
	3	Саконское II местонахождение	ПМК
XX	1	Троицко-Урайское I городище	ПМК
XXI	1	Николаевское I городище	ПМК
	1	Урахчинский могильник	ПМК
	2	Урахчинские находки	ПМК
Усть-Вятская региональная группа			
XXII	1	городище Черепашье	ПМК, ВВК
XXIII	1	городище Сухой Берсут	ПМК, ВВК
XXIV	1	Омарское городище	ПМК
	2	Секинесьское I городище	ПМК
	3	Секинесьское II городище	ПМК
	4	городище Красный Исток	ПМК
	5	Беляхчинское городище	ПМК, АКК
	6	местнахождение Омарский починок	ПМК
XXV	1	селище Ошкинское "Жмяк"	ВВК
XXVI	1	Смысловское городище	ПМК, АКК
	2	Смысловское селище	АКК
XXVII	1	Мамадышское городище	ПМК, ВВК
	2	городище Грахань	ПМК, ВВК
	3	Свиногорское I городище	ВВК, АКК
	4	Свиногорское II городище	ВВК, АКК
	5	Свиногорское селище	ВВК, АКК
XXVIII	1	Светлоключинское городище	ПМК, АКК
	2	Танайское городище	ПМК, АКК
	3	Елабужское (Чортово) городище	ПМК, АКК
	4	Котловское II селище	АКК
	5	Танайское I селище	ПМК, АКК
	6	Танайское II селище	ПМК, АКК
	7	Танайское III селище	ПМК, АКК
	8	Танайское IV селище	ПМК
	9	Танайское V селище	ПМК, АКК
	10	Светлоключинское селище	ПМК
	11	Котловский могильник	АКК
	12	Гремячеключинский могильник	АКК
	13	Ананьинский могильник	ПМК, АКК
	14	Луговской могильник	ПМК, АКК
	15	Покровское местонахождение	АКК
Усть-Бельская региональная группа			
XXIX	1	Тихогорское I городище	ПМК, АКК
	2	Тихогорское II городище	ПМК, АКК
	3	Сетяковское селище	АКК
	4	Безяковское селище	АКК
	5	Икское I селище	АКК, ВВК
	6	Икское III селище	АКК
	7	Икское V селище	АКК
	8	Дубовогривское III селище	АКК
	9	Кырнышинское III селище	АКК
	10	Дубовогриская II стоянка	АКК
	11	Кырнышское I местонахождение	АКК
XXX	1	Рысовское селище	АКК
	2	Рысовский I могильник	АКК
	3	Рысовский II могильник	АКК
XXXI	1	Малиновское большое городище	АКК
	2	Верхнемалиновское городище	АКК

	3	Муновское I городище	АКК
	4	Муновское II городище	АКК
	5	Усть-Мензельское городище	ПМК
	6	Курьинское I селище	АКК
	7	Муновское селище	АКК
	8	Муновское II селище	АКК
	9	Муновское III селище	АКК
	10	Деуковское IV селище	АКК
	11	селище Икский мост II	АКК
	12	Подгорнобайларское I селище	АКК
	13	Подгорнобайларское II селище	АКК
	14	Подгорнобайларское III селище	ПМК, АКК
	15	Подгорнобайларское V селище	ПМК
	16	Подгорнобайларское VI селище	ВКК
	17	Подгорнобайларское VII селище	АКК
	18	Мензелинская I стоянка	АКК
	19	стоянка Золотая Падь II	АКК
	20	Гулюковская I стоянка	АКК
	21	Гулюковская II стоянка	АКК
	22	могильник Релка	АКК
	23	Подгорнобайларский могильник	АКК
	24	Мензелинский могильник	АКК
XXXII	1	Каракульская стоянка	ПМК, АКАХ
XXXIII	1	Тат-Азибейское I селище	АКК
	2	Булякское I селище	АКК
	3	Адаевское II селище	АКК
	4	Татарско-Суксинское селище	АКК
	5	Мари-Суксинское селище	АКК
XXXIV	1	Массадынское III селище	ПМК
	2	Нижнегареевское селище	ПМК
XXXV	1	Ирмяшевское городище	ПМК, АКК
	2	Ильчебаевское городище	ПМК
	3	Такталачукское местонахождение	ПМК
XXXVI	1	Чинниковское селище	АКК
XXXVII	1	Чиялекское селище	АКК

Исходным материалом для проведения геопространственного анализа послужил массив данных, накопленный на сегодняшний день по памятникам АКИО на территории Республики Татарстан. Всего в базе данных зафиксировано 226 объектов, что представляет собой репрезентативную выборку для проведения статистического и пространственного анализа. Структура этого массива по типам памятников является следующей: 45 местонахождений, 38 стоянок, 73 селища, 46 городищ и 24 могильника (рис. 1) (Марков, 2007; Халиков, 1977; Чижевский, 2008). Такое разнообразие типов памятников позволяет рассматривать систему расселения не как набор изолированных поселений, а как сложную сеть, включающую в себя как постоянные места жительства (городища, селища), так и сезонные или временные (стоянки, местонахождения), а также места захоронений (могильники), что дает возможность реконструировать полный цикл жизнедеятельности древнего населения.

Использование метода пространственных контуров на этом массиве данных привело к выделению 37 локальных групп поселений (рис. 2; табл. 1). Каждая из этих групп представляет собой совокупность памятников, зоны хозяйственного освоения которых перекрываются, что свидетельствует о тесном взаимодействии их жителей. Среднее расстояние между поселениями внутри выделенных локальных групп в большинстве случаев не превышает пяти километров, что полностью соответствует теоретическим расчетам зоны хозяйственного освоения. Более того, обоб-

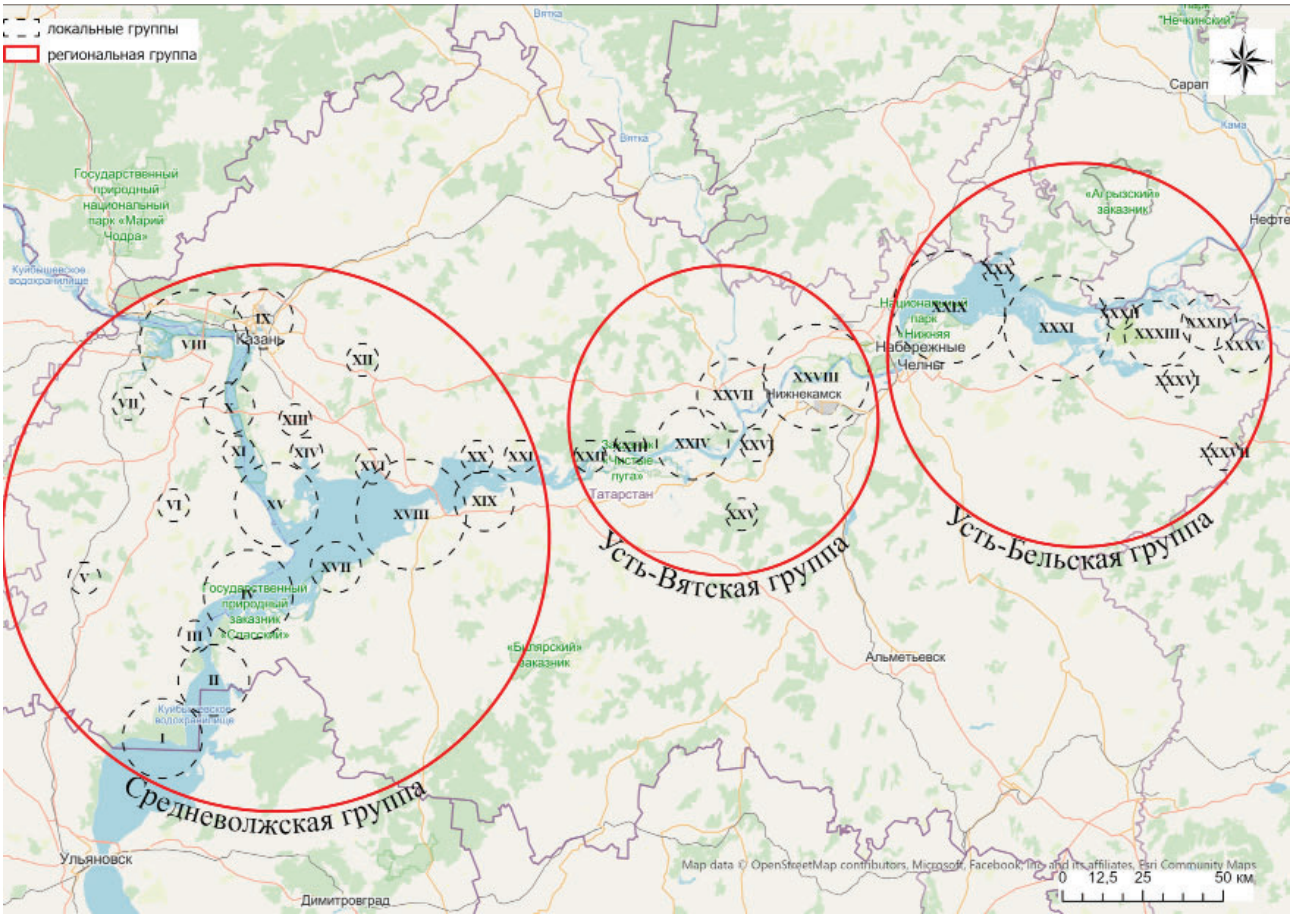

Рис. 2. Локальные и региональные группы АКИО.
Fig. 2. Local and regional groups of Ananyino cultural and historical area.

щенное среднее расстояние между поселениями внутри групп составляет всего 2,8 километра (табл. 2). Этот показатель является важным для понимания плотности заселения и интенсивности контактов внутри локальных сообществ.

В большинстве случаев, согласно данным табл. 2, пересечение зон хозяйственного освоения внутри локальных групп превышает 50%. Это означает, что более половины территории, используемой каждым поселением, является общей для всего сообщества данной группы. Такое значительное перекрытие зон свидетельствует о тесных контактах между поселениями, о возможном совместном использовании ресурсов, о существовании общих ритуальных практик и, возможно, о единой политической или административной структуре, объединяющей эти поселения. Высокий уровень пересечения зон также указывает на то, что население не рассматривало эти территории как изолированные владения отдельных общин, а воспринимало их как единое пространство жизнедеятельности.

На основе анализа пересечений хозяйственных зон локальных групп и расстояний между ними были выделены три региональные группы расселения: средневолжская (включает также приустьевое Прикамье), усть-вятская и усть-бельская. Наименование групп определено с учетом географической дифференциации культурных компонентов: доминирование постмаклашеевской культуры в общем массиве памятников и четкая привязка ананьинской классической (АКК), вятско-ветлужской (ВВК) и акозинско-ахмыловской (АКАХ) культур к бассейнам рек Белой, Вятки и Волги соответственно. Это позволило корректно отразить зоны культурной диффузии в построенной геопространственной модели (рис. 3). Эти группы различаются как по своему культурному составу, так и по хронологии, что позволяет говорить о существовании различных моделей расселения и

Таблица 2. Расстояния между поселениями АКИО в локальных группах.
Table 2. Distances between AKIO settlements in local groups.

№	Среднее расстояние между поселениями в группе, км	№	Среднее расстояние между поселениями в группе, км	№	Среднее расстояние между поселениями в группе, км
I	7,569	XIV	0	XXVI	0,16
II	8,565	XV	4,35	XXVII	5,94
III	0,35	XVI	1,1	XXVIII	4,48
IV	5,402	XVII	1,954	XXIX	4,308
V	4,599	XVIII	2,952	XXX	4,076
VI	0,942	XIX	7,126	XXXI	4,968
VII	0	XX	0	XXXII	0
VIII	4,722	XXI	3,557	XXXIII	6,543
IX	1,988	XXII	0	XXXIV	7,15
X	4,725	XXIII	0	XXXV	4,401
XI	0	XXIV	4,988	XXXVI	0
XII	0	XXV	0	XXXVII	0
XIII	0				
Итого	Среднее арифметическое расстояние – 2,889594595 км				

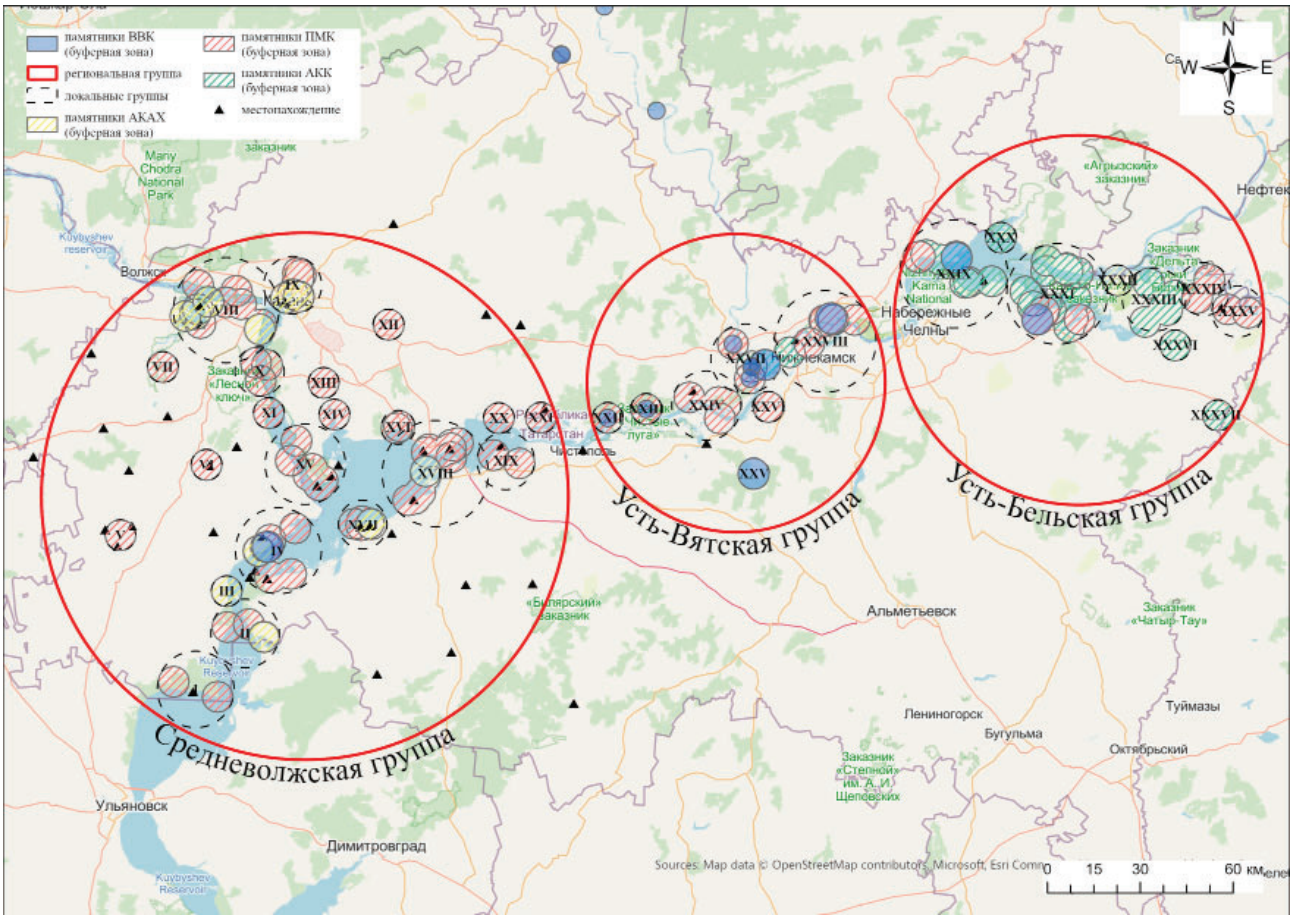

Рис. 3. Буферные зоны распространения культур АКИО на территории Республики Татарстан.
Рис. 3. Buffer zones for the distribution of Ananyino cultural and historical area in the Republic of Tatarstan.

культурных процессов в разных частях изучаемого региона.

Одним из наиболее важных результатов проведенного исследования является анализ культурного состава выделенных локальных и региональных групп. Этот анализ позволил выявить сложную картину культурного взаимодействия, характерную для ананьинской культурно-исторической области в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье. Прежде всего, обращает на себя внимание высокая степень смешения культурных традиций, что свидетельствует о динамичном процессе формирования культурной идентичности населения в раннем железном веке.

Чистые постмаклашеевские группы, в которых представлены исключительно материалы постмаклашеевской культуры, составляют 43% от общего числа выделенных групп. Это указывает на то, что постмаклашеевская культура играла ведущую роль в формировании культурного ландшафта региона. Однако почти такая же доля – 43% – приходится на группы смешанного состава, где одновременно представлены материалы разных культур. Это свидетельствует о высокой степени взаимодействия между культурами внутри АКИО на обозначенной территории.

Наиболее часто встречающимися сочетаниями культурных традиций являются следующие: постмаклашеевская культура (ПМК) в сочетании с акозинско-ахмыловской культурой (АКАХ) встречается в 16% групп. Эти группы локализованы преимущественно в западной части региона (средневолжская группа), что указывает на специфическую зону взаимодействия этих двух культурных традиций в данном районе. К таким группам относятся II, III, VIII, IX, XVIII и XXXII (рис. 4). Сочетание постмаклашеевской культуры с ананьинской классической культурой (АКК) составляет 8% от общего числа групп. Это смешение характерно преимущественно для восточной части региона (усть-бельская группа) и представлено группами XXIV, XXVI, XXVIII и XXXV (рис. 5–6). Наличие таких групп свидетельствует о проникновении ананьинской классической культуры в зону расселения постмаклашеевского населения и о процессе культурной ассимиляции в восточных районах.

Тройные сочетания, включающие постмаклашеевскую, акозинско-ахмыловскую и вятско-ветлужскую культуры (ПМК + АКАХ + ВВК) или постмаклашеевскую, ананьинскую классическую и вятско-ветлужскую культуры (ПМК + АКК + ВВК), встречаются в четырех группах, что составляет 11% от общего числа. Эти группы представляют собой зоны наиболее интенсивного культурного синтеза, где вятско-ветлужские компоненты накладываются на местную подоснову, представленную постмаклашеевской культурой, и взаимодействуют с другими культурными традициями. Чистые ананьинские классические группы составляют 11% от общего числа и сосредоточены в восточном ареале региона, представлены группами XXX, XXXIII, XXXVI и XXXVII (усть-вятская группа).

Таким образом, анализ культурного состава показывает, что ананьинская культурно-историческая область в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье не была монолитным образованием, а представляла собой сложную мозаику культурных традиций, находящихся в постоянном взаимодействии. Доминирование постмаклашеевской культуры не исключает активного участия других культур в формировании культурного ландшафта региона.

Для более глубокого понимания региональных особенностей системы расселения было проведено разделение всей совокупности выделенных групп на два крупных бассейна: Волжский и Камский. Это разделение позволило выявить принципиальные различия в культурном составе и динамике развития поселений в этих двух частях региона.

Волжский бассейн, включающий группы с I по XXI, демонстрирует абсолютное доминирование постмаклашеевской культуры. В этом регионе чистая постмаклашеевская культура составляет 66,7% от общего числа групп, что является преобладающим показателем. Сочетание постмаклашеевской культуры с акозинско-ахмыловской культурой (ПМК + АКАХ) составляет 26,7% групп, а тройное сочетание с вятско-ветлужской культурой (ПМК + АКАХ + ВВК) встречается лишь в одной группе, что составляет 6,7% (рис. 4). Вятско-ветлужские элементы проникают в этот регион лишь эпизодически, что свидетельствует о слабом влиянии этой культурной традиции на Волжском направлении. Таким образом, Волжский бассейн представляет собой зону, где постмаклашеевская культура сохраняла свои позиции в чистом виде либо в тесном контакте с

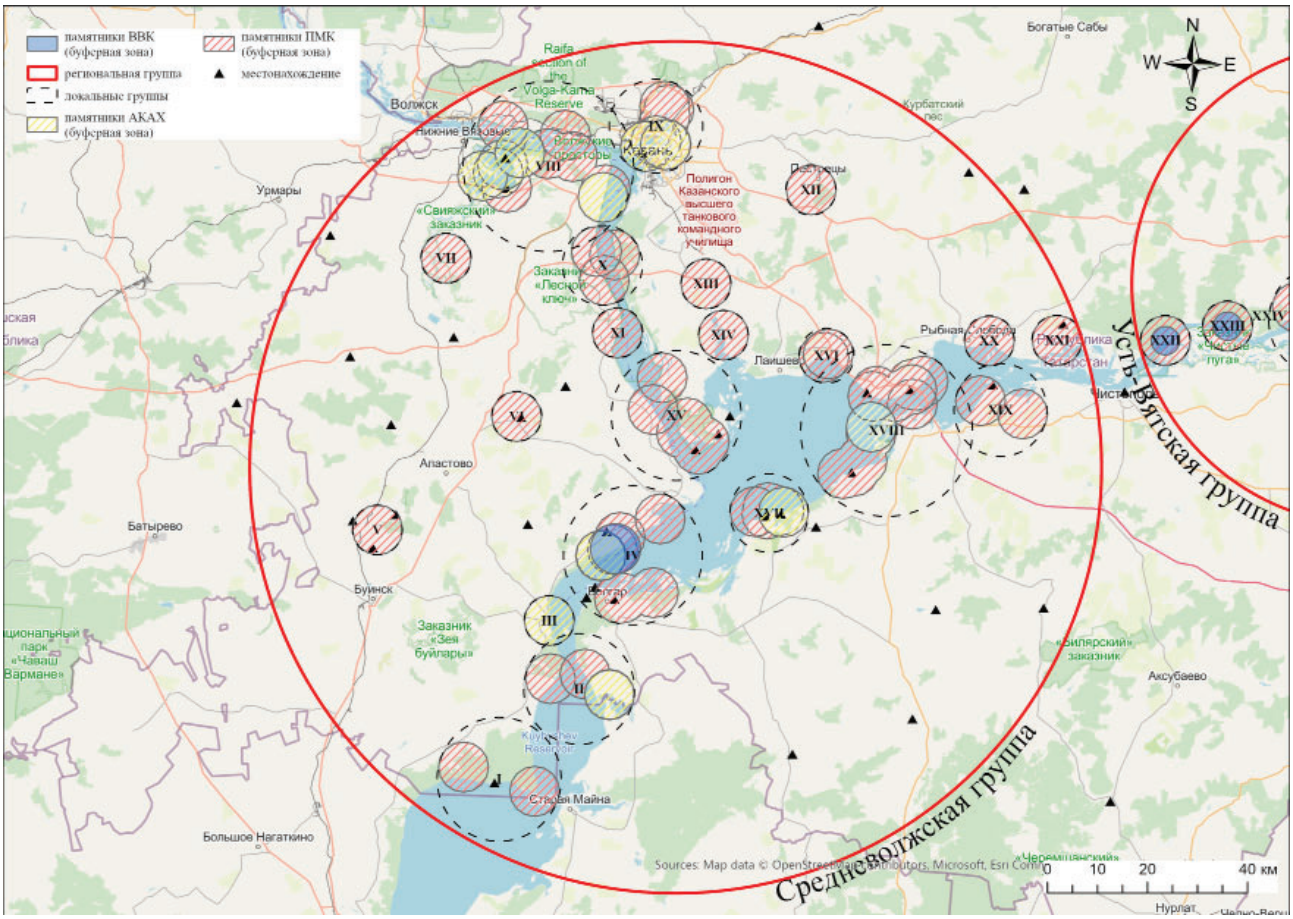

Рис. 4. Средневолжская региональная группа.
Fig. 4. Middle Volga regional group.

носителями акозинско-ахмыловской культуры как минимум по VI век до н. э. (Марков, 1992, с. 103)

В Камском бассейне, охватывающем группы XXII–XXXVII, картина принципиально иная. Здесь мы видим гораздо более разнообразный культурный состав поселений, что свидетельствует о более интенсивном процессе межкультурного взаимодействия. Чистая постмаклашеевская культура составляет здесь лишь 6,25% от общего числа групп, что является низким показателем по сравнению с Волжским бассейном. Чистая ананьинская классическая культура (АКК) составляет 25%, а чистая вятско-ветлужская культура (ВВК) – 6,25% (рис. 5–8).

Смешанные группы в Камском бассейне составляют 62,5% от общего числа, что является доминирующим показателем. Ведущую роль здесь играет ананьинская классическая культура: в чистом виде она представлена четырьмя группами, а с учетом смешанных сочетаний присутствует в 11 из 16 групп. Это указывает на то, что ананьинская классическая культура была основным фактором культурного развития в этом регионе (рис. 5–6).

Акозинско-ахмыловская культура проникает в Камский бассейн очень слабо, присутствуя лишь в одной смешанной группе (рис. 6). Это указывает на то, что данная культурная традиция не имела значительного влияния в этом регионе. Сочетание постмаклашеевской и вятско-ветлужской культур (ПМК + ВВК) составляет 12,5%, а тройное сочетание (ПМК + АКК + ВВК) – 8,75%. Таким образом, Камский бассейн представляет собой зону активного культурного взаимодействия между различными культурными традициями ананьинского мира.

На основе проведенного анализа были выделены три региональные группы, каждая из которых имеет свои уникальные характеристики по культурному составу и хронологии. Эти группы позволяют реконструировать

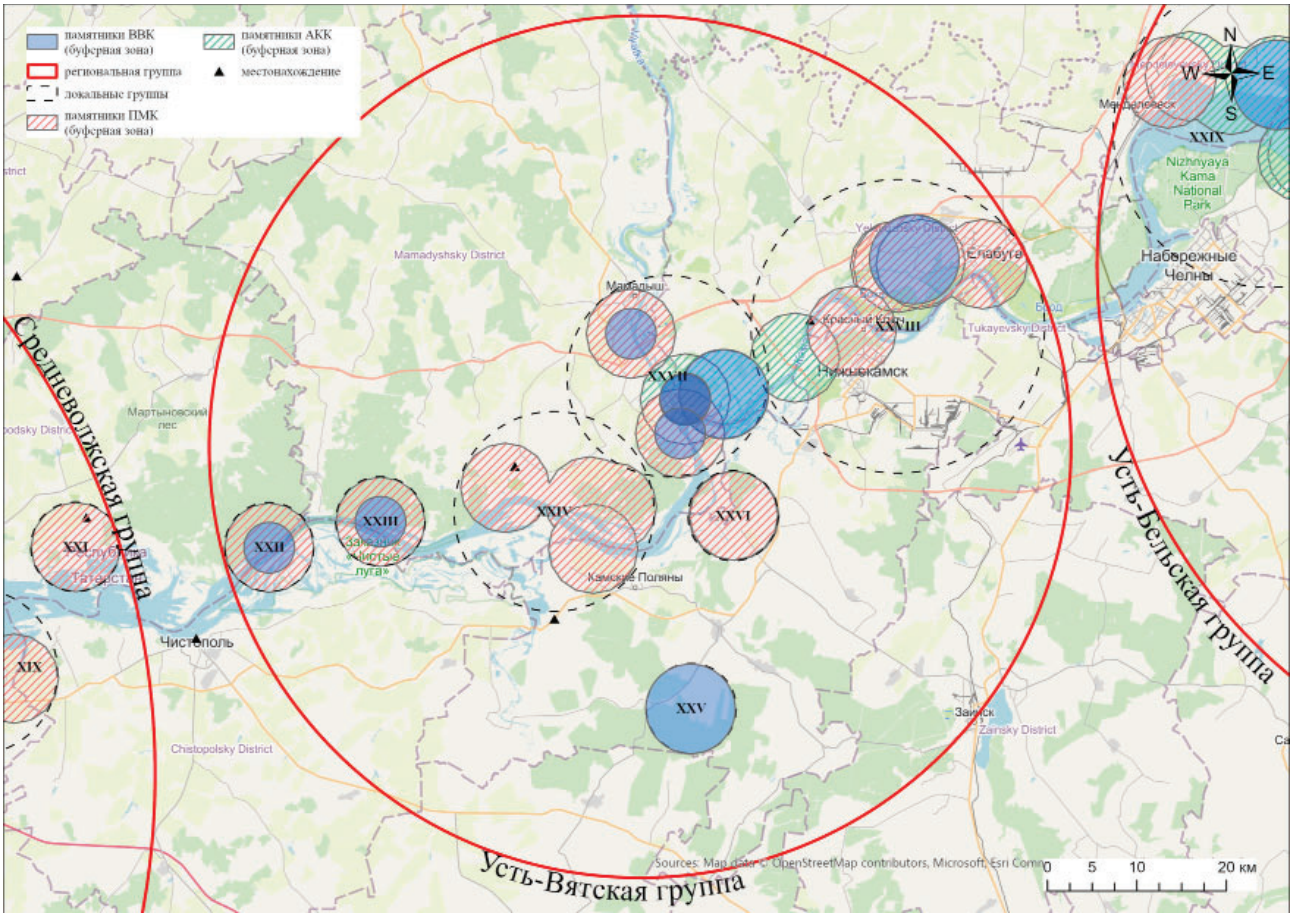

Рис. 5. Усть-вятская региональная группа.
Fig. 5. The Mouth of Vyatka regional group.

динамику заселения региона и эволюцию культурных традиций на протяжении всего существования АКИО (IX–III вв. до н. э.).

Средневолжская группа, включающая группы I–XXI, состоит из 21 локальной группы. Из них 15 групп являются чистыми постмаклашеевскими, пять групп представляют собой сочетание постмаклашеевской и акозинско-ахмыловской культур, и одна группа включает тройное сочетание с вятско-ветлужской культурой (рис. 4). Основу этой группы составляет постмаклашеевская культура, существовавшая на протяжении IX–IV/III веков до нашей эры. Присутствие акозинско-ахмыловского компонента маркирует ранний этап развития группы, который датируется IX–VI веками до нашей эры (Марков, 1992, с. 103). Единичное включение вятско-ветлужских элементов не меняет общей картины доминирования постмаклашеевской культуры. Формирование этой группы приходится на ранний период с IX–VIII вв. до н. э. (Макарьевское, Казанка II, Гремячий ключ, Сорочьи горы, Той-Урай I городища; Полянский II, Тетюшский I, Новомордовский I, Пустоморквашинский II, Измерский VII, Мурзихинский II могильники) (Халикова, 1967; Халиков, 1977; Кузьминых, Чижевский, 2014; Чижевский, Хисяметдинова, 2020; Оруджов, Асылгараева, 2025).

Усть-вятская группа, включающая группы XXII–XXVIII, состоит из семи локальных групп. В этой группе нет чистых постмаклашеевских или ананьинских классических групп, но есть единственная чистая вятско-ветлужская группа (XXV). Преобладают смешанные сочетания постмаклашеевской культуры с ананьинской классической (43%) и с вятско-ветлужской (29%), а также тройные комплексы (рис. 5). Отсутствие чистых акозинско-ахмыловских групп подтверждает, что акозинско-ахмыловские традиции здесь не укоренились. Хронологически эта группа охватывает весь период бытования ананьинской культурно-исторической области – с IX

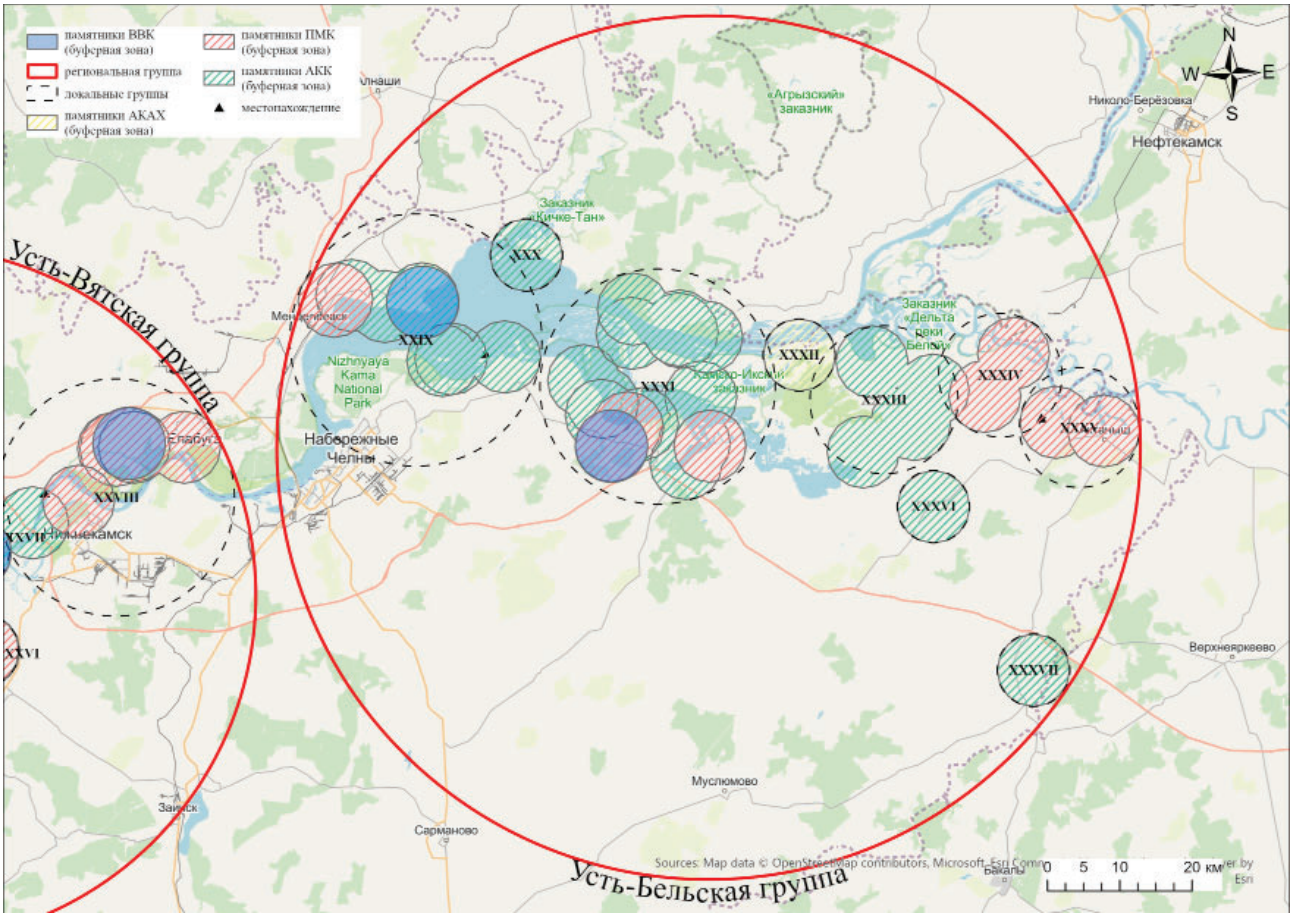

Рис. 6. Усть-Бельская региональная группа.
Fig. 6. The Mouth of Belaya regional group.

по III век до н. э. (Грахань, Свиногорское I и II, Сухой Берсут, Черепашье городища; Танайское I селище; Ананьинский, Гремячеключинский, Луговской могильники) (Збруева, 1947а; 1947б; Халиков, 1977; Марков, 1988; Чижевский, Шаталов, Губайдуллин, 2011; Чижевский, Хисяметдинова, 2020; Чижевский, Нигамаев, Храмченкова, 2020). Это указывает на то, что данный регион был зоной постоянного культурного взаимодействия в течение всего ананьинского периода.

Усть-бельская группа, включающая группы XXIX–XXXVII, состоит из девяти локальных групп. Четыре из них являются чистыми ананьинскими классическими группами, что составляет почти 50% от остальных локальных групп (рис. 6). Также в этой группе присутствуют два сочетания постмаклашеевской, ананьинской классической и вятско-ветлужской культур, одно сочетание постмаклашеевской и ананьинской классической культур (XXXV), одно сочетание постмаклашеевской и акозинско-ахмыловской культур (XXXII) и одна чистая постмаклашеевская группа (XXXIV). Географически центральное положение здесь занимает ананьинская классическая культура. Присутствие сочетания постмаклашеевской и акозинско-ахмыловской культур (XXXII) указывает на заселение данной территории в раннем периоде АКИО, датируемом IX–VI вв. до н. э. Чистая постмаклашеевская группа (XXXIV) и смешанные группы с ананьинской классической и вятско-ветлужской культурами охватывают весь ананьинский период с IX по IV–III веков до нашей эры. Общая датировка усть-бельской группы укладывается в рамки IX–III вв. до н. э., причем поздний период (IV–III вв.) выражен наиболее ярко, практически все продатированные памятники, за исключением Мензелинского могильника, относятся к позднеананьинскому времени (Верхнемалиновское, Малиновское большое, Муновское II, Усть-Мензельское городища; Подгорно-байларская III стоянка; Татарско-Суксинское поселение) (Бугров, Чижевский, 2009;

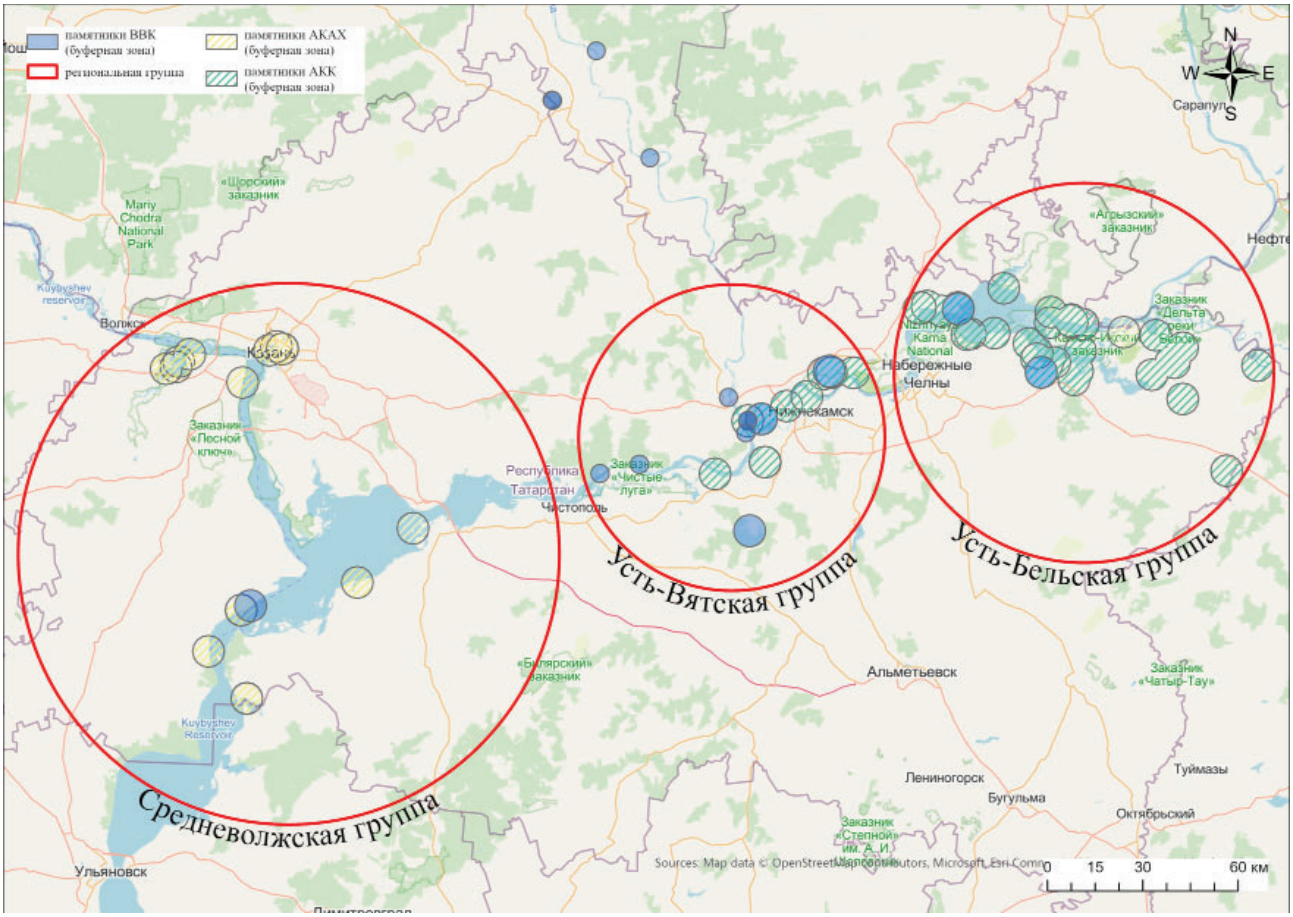

Рис. 7. Распространение акозинско-ахмыловской, вятско-ветлужской и ананьинской классической культуры АКИО на территории Республики Татарстан.
Fig. 7. Distribution of the Akozino-Akhmylovo, Vyatka-Vetluga and Ananyino classical culture of AKIO in the Republic of Tatarstan.

Чижевский, 2017; Чижевский, Хисяметдинова, 2020). Это свидетельствует о том, что данный регион был зоной активного развития ананьинской классической культуры, распространение которой с территории Нижнего Прикамья на реку Белую приходится в поздний период АКИО.

В результате проведенного анализа была получена корректируемая структурная модель системы расселения носителей ананьинской культурно-исторической области на территории Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья. Данная модель базируется на объективных количественных показателях – расстояниях между памятниками, размерах зон хозяйственного освоения и культурной принадлежности памятников. Она позволяет наметить зоны взаимодействия разных групп населения, а также проследить динамику заселения региона в течение раннего железного века.

Суть данной модели заключается в том, что она не является статичной и неизменной. Она носит базовый характер и открыта для дальнейших уточнений. Любые новые данные – будь то открытие ранее неизвестных памятников, уточнение их местонахождения, пересмотр культурно-хронологической атрибуции – могут быть легко интегрированы в эту модель.

Полученные в результате данного исследования результаты демонстрируют тот факт, что Казанское Поволжье было преимущественно территорией размещения носителей постмаклашеевской культуры, которые вступили во взаимодействие с носителями акозинско-ахмыловской культуры. Тогда как Нижнее Прикамье является областью активного межкультурного взаимодействия носителей постмаклашеевской, ананьинской классической и вятско-ветлужской культур. При всем при этом на территории Казанского Повол-

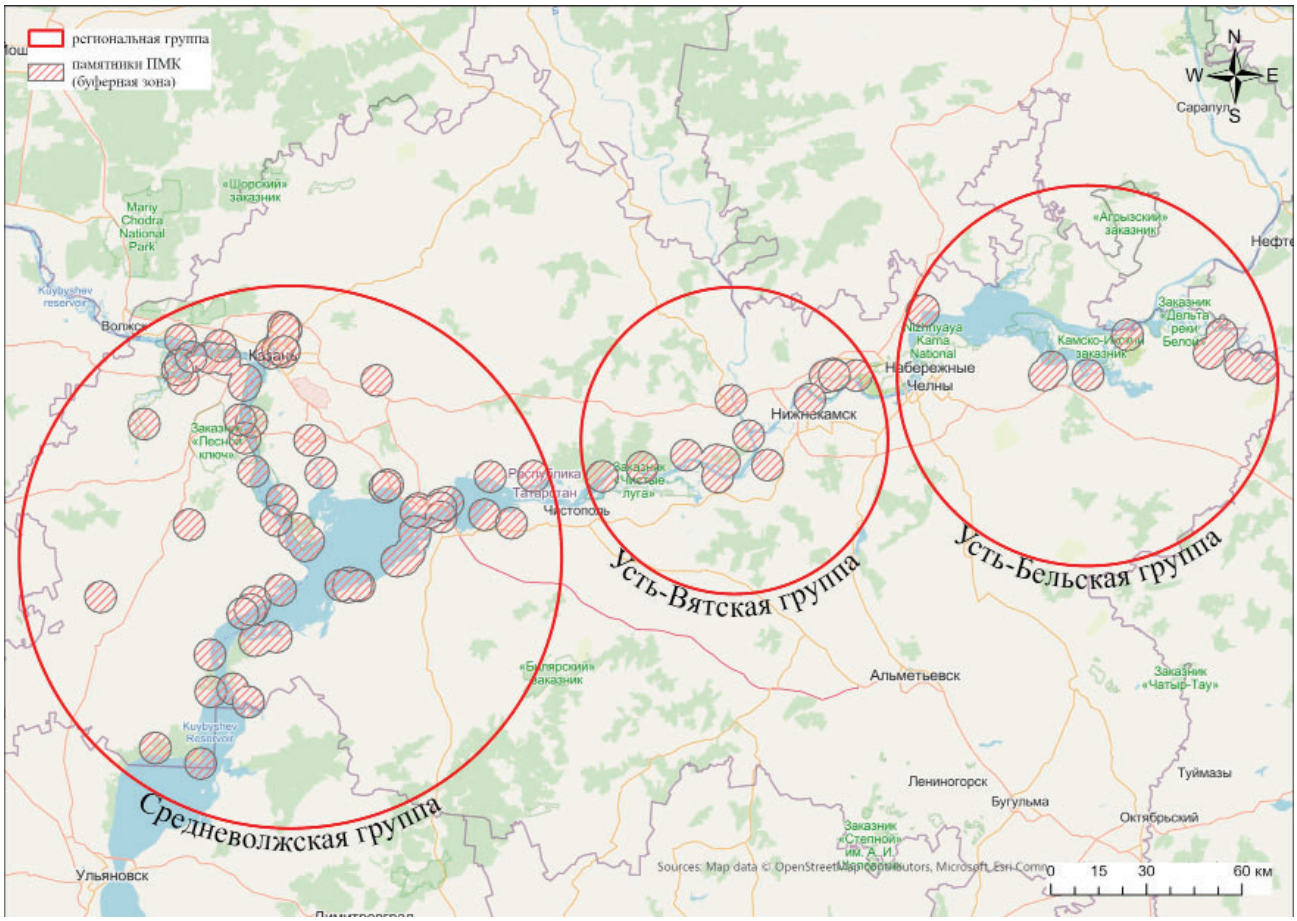

Рис. 8. Распространение постмаклашеевской культуры на территории Республики Татарстан.
Fig. 8. Distribution of the Post-Maklashevka culture in the Republic of Tatarstan.

жья и Нижнего Прикамья памятники постмаклашеевской культуры составляют 50% от общего количества памятников АКИО. Это подтверждает доминирующую роль постмаклашеевской культуры в регионе, несмотря на её активное взаимодействие с другими культурными традициями.

Проведенное исследование методом пространственных контуров позволило перейти от простой констатации наличия памятников ананьинской культурно-исторической области на определенной территории к реконструкции их системы расселения. Выделенные 37 локальных групп и три региональные группы (средневолжская, усть-вятская, усть-бельская) демонстрируют сложную картину культурного взаимодействия и динамики заселения рассматриваемого региона.

Полученная корректируемая структурная модель системы расселения предоставляет исследователям новый инструмент для анализа пространственной организации древних обществ и позволяет более точно реконструировать их социальную и экономическую структуру.

В подготовке данной статьи использовался искусственный интеллект. В работе применялся инструмент Госпромт (дата последнего использования 01.06.2026) для стилистической редактуры текста. Авторы подтверждают, что научное содержание, анализ данных и выводы выполнены самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. Вып. 196 / Отв. ред. И. Т. Кругликов. М.: Наука, 1989. С. 3–12.

Бугров Д.Г. Чижевский А.А. Мензелинский могильник // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 61–80.

Збруева А.В. О датировке акинака из Луговского могильника // КСИИМК. Вып. 15 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947а. С. 141–145.

Збруева А.В. Луговской могильник // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 2 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1947б. С. 257–281.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2000. С. 104–113.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки / Ред. А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 92–113.

Марков В.Н. Антоновское городище (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Науч. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 98–107.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Оруджов Э.И., Асылгараева Г.Ш. Макарьевское городище. Хронология и материальная культура // Поволжская археология. 2025. № 3 (53). С. 171–182.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116–132.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А. А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196-256.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 6–277.

Чижевский А.А., Нигамаев А.З., Храмченкова Р.Х. Комплекс предметов вооружения ананьинского времени из Танаевского леса // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 181–195.

Шаталов В.А., Чижевский А.А., Губайдуллин А.М. Исследования Танайского I селища // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 540–548.

Higgs E.S., Jarman M.R. The origins of agriculture: a reconsideration // Antiquity. 1969. № 43. P. 31–41.

Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A., Vaskul I.O., Krenke N.A., Lopatina O.A., Pereskokov M.L., Stolyarov E.V. The Early Iron Age Western Forest Zone // Encyclopedia of Archaeology. 2nd Edition. vol. 4 / Rehren, T., Nikita, E. (Eds.). London: Academic Press. 2024. Pp. 683–711.

Vita-Finzi Cl. The Mediterranean Valleys: Geological Changes in Historical Times. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 140 p.

Vita Finzi Cl., Higgs E.S., Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine; Site Catchment Analysis // Proceedings of the Prehistoric Society. 1970. XXXVI. P. 1–37.

Информация об авторах:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

REFERENCES

Afanas'ev, G. E. 1989. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 196. Moscow: "Nauka" Publ., 3–12 (in Russian).

Bugrov, D. G., Chizhevsky, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 61–80 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 15. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 141–145 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Tolstov, S. P. (ed.). *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology of the USSR).* Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series* vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 257–281 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2000. In Goldina, R. D. (ed.). *Rossiyskaya arkheologiya: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of the the 20th and Prospects of the 21st Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University, 104–113 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskiy Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n. e. Katalog vystavki (The Iron Age. Europe without Borders. First Millennium Before the Common Era. Catalogue of Exhibition).* Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ., 244–255 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Markov, V. N. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamyatniki pervobytnoy epokhi v Volgo-Kam'e (Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–113 (in Russian).

Markov, V. N. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 98–107 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Orudzhov, E. I., Asylgaraeva, G. Sh. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 53 (3), 171–182 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n. e.) (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikova, E. A. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Trudy IV Ural'skogo arkheologicheskogo soveshhaniya (Proceedings of the 4th Ural Archaeological Conference)*. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 116–132 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) (Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Oboronitel'nye sooruzheniya mysovykh gorodishch Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke i rannem srednevekov'e (Defensive Structures of the Forts on Promontories of the Volga-Kama Region in the Early Iron and Early Middle Ages)* In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 6–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Nigamaev, A. Z., Khramchenkova, R. Kh. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 181–195 (in Russian).

Shatalov, V. A., Chizhevsky, A. A., Gubaidullin, A. M. 2011. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 13, no. 3 (2), 540–548 (in Russian).

Higgs, E. S., Jarman, M. R. 1969. In *Antiquity*. (43), 31–41.

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A., Vaskul, I. O., Krenke, N. A., Lopatina, O. A., Pereskokov, M. L., Stolyarov, E. V. 2024. In Rehren, T., Nikita, E. (eds.). *Encyclopedia of Archaeology. 2nd Edition*. vol. 4. London: Academic Press, 683–711.

Vita-Finzi Cl. 1969. *The Mediterranean Valleys: Geological Changes in Historical Times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vita Finzi, Cl., Higgs, E. S. 1970. In *Proceedings of the Prehistoric Society* XXXVI, 1–37.

About the Authors:

Orudzhov Eduard I., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Chizhevsky Andrei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Статья поступила в журнал 20.05.2026 г.
Статья принята к публикации 04.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.52.72

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НАХОДОК ОДОЕВСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ РАСКОПА 2025 Г.

© 2026 г. А.В. Новиков

В статье представлен обзор индивидуальных находок, полученных при раскопках Одоевского городища в 2025 г. Памятник располагается на коренной террасе правого берега р. Ветлуги в Шарьинском районе Костромской области. В 2025 г. О.В. Новиковой на городище заложен раскоп площадью 39 кв. м, в котором собрано 12832 предмета из камня, глины, кости, стекла, черного и цветного металлов. В коллекции имеются различные поделки из глины, включая предметы производственного характера. Комплекс находок из камня содержит терочники, обломки молотов и другие поделки. Изделия из кости и стекла немногочисленны. Находки из цветных металлов представлены украшениями, предметами ременной гарнитуры и вооружения, из железа – ножами, шильями, стержнями, пластинами, иглами, пряжками и наконечником стрелы. Обнаруженные предметы относятся к I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.

Ключевые слова: археология, Поветлужье, Одоевское городище, находки, ранний железный век, вятско-ветлужская культура ананьинской культурно-исторической области, первая половина I тыс. н. э., эпоха Великого переселения народов

OVERVIEW OF THE COLLECTION OF INDIVIDUAL FINDS FROM THE 2025 EXCAVATION AREA AT THE ODOYEVSKOYE HILLFORT

A.V. Novikov

This paper presents an overview of individual finds discovered during the 2025 excavations at the Odoyev hillfort. The site is located on the bedrock terrace of the right bank of the Vetluga River in the Sharya district of the Kostroma Oblast. In 2025, O.V. Novikova laid an excavation trench covering an area of 39 sq. m, where 12,832 artifacts made of stone, clay, bone, glass, and ferrous and non-ferrous metals were found. The collection includes various clay objects, including production-related implements. The stone artifact assemblage contains grinders, hammer fragments and other tools. Bone and glass artifacts are few in number. Non-ferrous metal finds are represented by ornaments, belt parts and weaponry, while iron artifacts include knives, awls, rods, plates, needles, buckles and an arrowhead. The discovered items date from the I millennium BC to the third quarter of the I millennium AD.

Keywords: archaeology, Vetluga River region, Odoyevskoye hillfort, finds, Early Iron Age, Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino cultural-historical area, first half of the I millennium AD, the Migration Period.

Местность, к которой приурочено Одоевское городище, находится в пределах ландшафтной провинции Ветлужско-Унженской низменности (Костромское Заволжье…, 2001, с. 128; Хорошев и др., 2013, рис. 3). Непосредственно памятник располагается на коренной террасе правого берега р. Ветлуги на длинном узком мысу и занимает площадь 1,08 га. Высота над уровнем реки достигает 18–24 м (рис. 1: А). Исследования на городище в 2025 г. выполнены ООО «КАЭ» под руководством О.В. Новиковой. Экспедиция проведена на средства гранта ВОО «Русское географическое общество» (проект 07/2025-Р от 26.05.2025). На памятнике был заложен раскоп площадью 39 кв. м (рис. 1: Б–В), которым изучено 44 объекта, связанных с позднеананьинским периодом (наземная постройка, очаг, хозяйственная яма), этапами бытования памятника в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. (траншея вдоль западного склона, производственная яма, очаги) и серединой – третьей четвертью I тыс. н. э. (остатки деревянной изгороди) (рис. 1: Г). Мощность культурного слоя составила 33–145 см.

Наиболее интересным объектом являлась наземная постройка каркасно-столбовой конструкции с очагом, расположенным в южной части. Длина восточной стены составляла около 740 см, изученная часть северной –

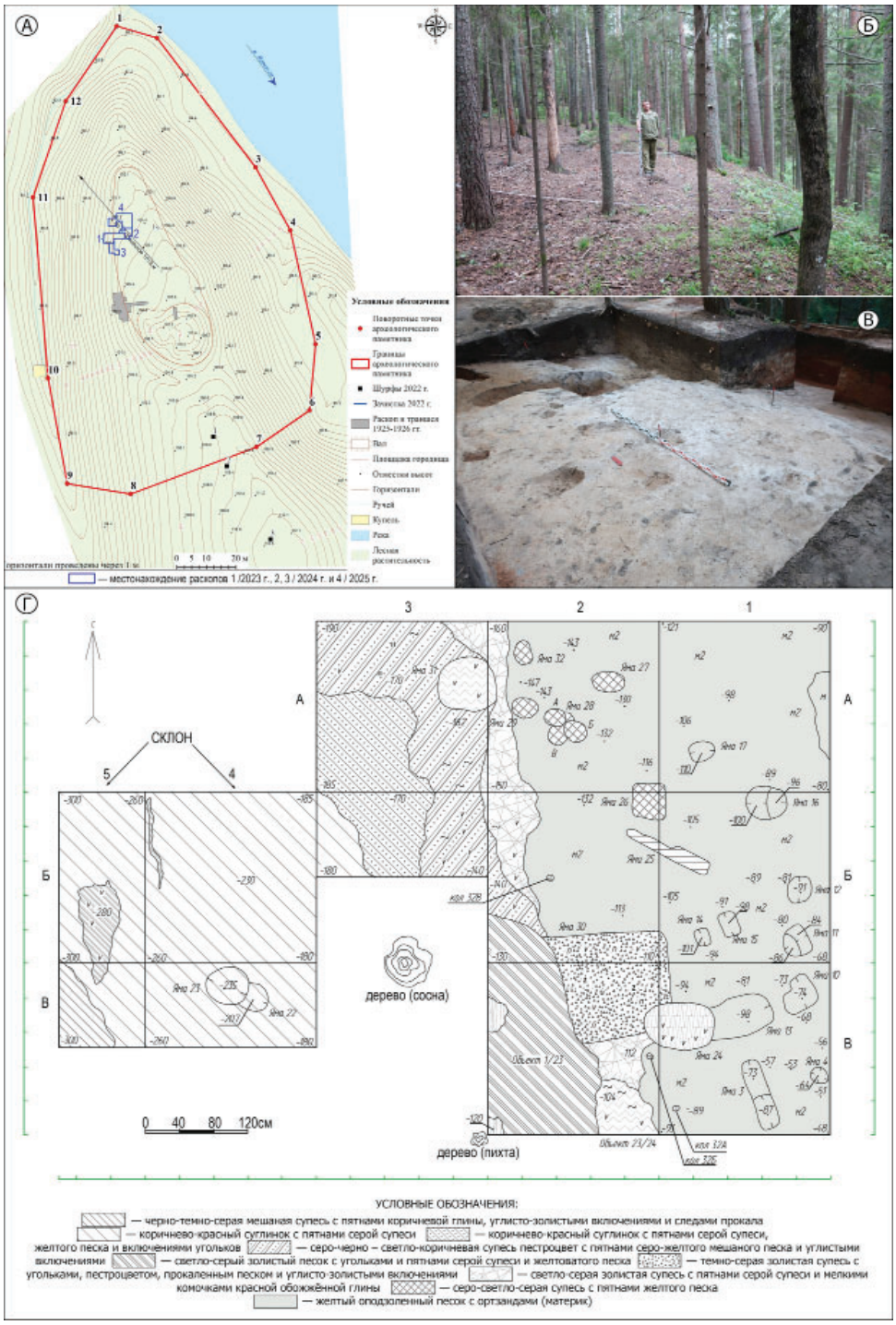

Рис. 1. Одоевское городище: А – план памятника с месторасположением раскопа 2025 г; Б – место раскопа 2025 г; В – раскоп 2025 г. на уровне материка; Г – раскоп 2025 г. после снятия 6 пласта (нижний уровень постройки).

Fig. 1. Odoevskoye hillfort: A – monument plan indicating the location of excavations in 2025; Б – excavation site in 2025; B – excavations in 2025 at the bedrock level; Г – excavations in 2025 after the removal of layer 6 (lower level of construction).

300 см. Столбовые ямки от постройки имели подовальную (чаще всего), подпрямоугольную или подквадратную форму и плоское, относительно ровное, или округло-уплощенное дно. Радиоуглеродный возраст угля из сопутствующего культурного слоя указывает на позднеананьинский период объекта – 2250 ± 30 BP (2σ 392–204 calBC). С внешней стороны от постройки находился еще один очаг, который был изучен раскопом 2024 г.

Радиоуглеродная датировка по углю из очага – 2258 ± 25 BP (2σ 393–208 calBC).

Всего в раскопе 2025 г. обнаружено 12 832 находки (в т. ч. 104 предмета индивидуального облика). Основные хронологические рамки полученного материала соотносятся с I тыс. до н. э. – третьей четвертью I тыс. н. э. Самой представительной категорией находок являются фрагменты керамики (11 539 экз.) ВВК АКИО, периода формирования археологических культур в последней четверти I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. и середине – третьей четверти I тыс. н. э. Найден один фрагмент донца от кругового сосуда XIX в. В число находок также вошли девять кусочков металлургических шлаков и 288 мелких фрагментов глиняной обмазки, встречающихся как в горизонтах позднеананьинского времени, так и конца I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.

Среди находок выделяются необработанные костные фрагменты диких и домашних животных – 622 шт., это значительно меньше, чем в раскопе 2024 г., когда количество таких находок составляло 9343 шт. В этой связи важно заметить, что в 2024 г. существенное возрастание количества костей животных фиксировалось в слое черно-темно-серой мешаной супеси с пятнами коричневой и красноватой обожженной глины, углистозолистыми включениями и следами прокала, который в раскопе 2025 г. был представлен не так выразительно.

Предметы из камня представлены терочниками и абразивами из кварцита и кремнистого песчаника. На памятниках АКИО терочники встречаются с раннеананьинского времени (Халиков, 1977, с. 156–157; Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 2011, с. 31). Представлены они в комплексах V–III вв. до н. э. Дьякова городища (Кренке, 2019, с. 53) и в верхнем слое этого памятника (Кренке, 2011, рис. 117). В раскопе 2025 г. все предметы данной категории обнаружены в наслоениях ананьинского времени, в т. ч. на уровне пола наземной постройки. Среди них обломок плоского терочного камня с двумя растиральными площадками, со следами заполировки рабочих поверхностей (рис. 2: 2); обломок терочного камня с несколькими растиральными площадками и следами заполировки поверхностей (рис. 2: 5); обломок, подтреугольный в сечении, с гладкой заполированной поверхностью и сглаженными гранями (рис. 2: 7); обломок терочника со сглаженными гранями и шероховатой поверхностью (рис. 2: 6).

В числе других изделий из камня стоит упомянуть предмет подтреугольной формы с выраженными мягкими гранями (трехгранный) (рис. 2: 3); поделку округлых форм (рис. 2: 9); обломок изделия из камня подтрапециевидной формы в сечении (рис. 2: 1). Эти находки могут быть широко датированы в пределах I тыс. до н. э. – 1-й пол. I тыс. н. э. Один обломок изделия овальной в сечении формы с залощенной поверхностью (рис. 2: 4) найден при разборе наслоений, связанных с позднеананьинской постройкой.

Определенный интерес представляют обломки топоров-молотов или молотков. В 2025 г. найден один обломок, у которого сохранилась плоская обушковая часть (рис. 2: 8). В раскопах 2023–2024 гг. было обнаружено шесть обломков таких предметов и одна заготовка с намеченным перехватом из мягких пород камня. Еще один топор, найденный на склоне Одоевского городища, упоминает О.Н. Бадер (Бадер, 1951, с. 115). Изделия из камня, интерпретируемые как кузнечные молотки, встречаются на памятниках предананьинского времени (Колев, Мышкин, 2014, рис. 11: 7–8). По мнению А.А. Чижевского, топоры-молоты, распространенные у населения АКИО, датируются IX – первой половиной VII вв. до н. э. (Чижевский, 2022, с. 172) и являются хроноиндикаторами раннего периода развития.

Особое место в коллекции занимает обломок изделия из аргиллита, обнаруженный в слое черной супеси. Предмет оригинальный, расколот (вероятно, еще в древности). На нем имеется небольшой уступ, орнаментированный короткими нарезками с небольшим уклоном, замкнутыми с двух сторон горизонтальными линиями. Здесь же присутствует одна округлая ямка. С боковой стороны изделия выполнены нарезные концентрические круги – всего их фиксируется пять. Поверхность предмета вне сколов гладкая (рис. 2: 10/2). Первый обломок этого изделия, сколотый с трех сторон, был найден в раскопе 3/2024 г. на склоне (рис. 10/1), примерно в 12 м от места находки 2025 г. На нем также имеется небольшой уступ, украшенный нарезками, сделанными с небольшим уклоном. С двух боковых сторон предмет орнаментирован нарезными горизон-

Рис. 2. Предметы из камня.
Fig. 2. Artifacts made of stone

тальными линиями. С лицевой, третьей стороны прочерчены концентрические круги разного диаметра – всего их насчитывается шесть. Изделие относится к периоду формирования археологических культур в конце I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.

В раскопе 2025 г. была собрана также представительная коллекция изделий из кремня. Полная ее характеристика будет представлена в отдельной статье.

Бусы. В 2025 г. найдена только одна бусина из черного стекла – непрозрачная шаровидная, продольно сжатая (рис. 3: 1), которая может быть датирована в широких пределах I тыс. н. э., до VII в. включительно. Близкие черные непрозрачные бусы из могильников Неволинской культуры датируются VI–IX вв. н. э. (Голдина, 2010, с. 60, рис. 35).

Еще несколько бусин было найдено при раскопках Одоевского городища в 2023 и 2024 гг. В раскопе 2023 г. обнаружена бусина IV–III вв. до н. э. зонной формы, выполненная из глухого бирюзового стекла и украшенная тремя сине-белыми слоисто-щитковыми глазками (Чижевский, Новиков, 2024, с. 143).

В 2024 г. получено четыре бусины. Одна из них изготовлена из синего глухого стекла и украшена слоистыми сине-белыми глазками (рис. 3: 3). Бусина соотносится с позднеаньинским периодом (концом V–III вв. до н. э.). Канал у нее широкий, на стенках отверстия заметна керамическая основа. Е.М. Алексеева близкие бусы из синего стекла с глазчатым орнаментом (тип 78, вариант «а», табл. 15: 8) относит к V в. до н. э. – II в. н. э., отмечая при этом, что керамическая основа характерна

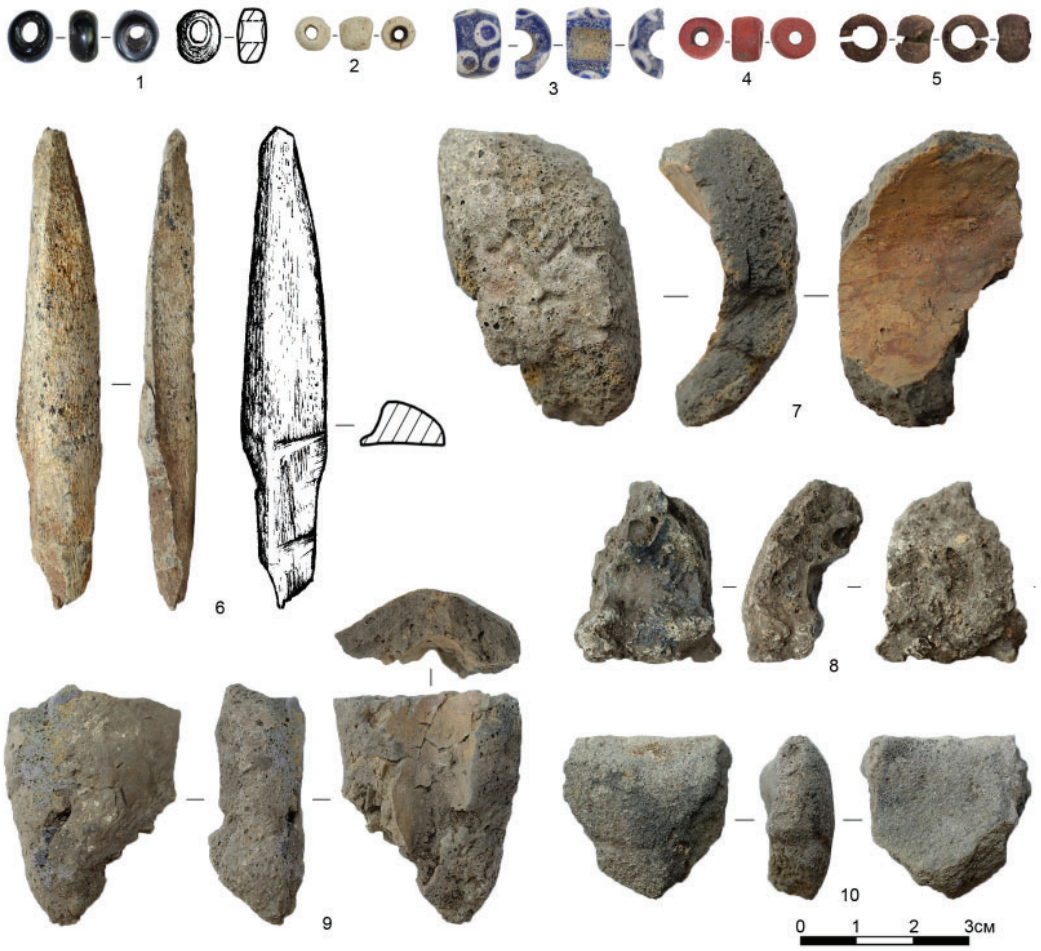

Рис. 3. Бусы (№ 1-4 – стекло, 5 – янтарь), заготовка костяного наконечника стрелы (№ 6), фрагменты керамических тиглей (№ 7–10).
Fig. 3. Beads (No. 1-4 – glass, 5 – amber), bone arrowhead preform (No. 6), fragments of ceramic crucibles (No. 7-10).

именно для наиболее ранних бус V–III вв. до н. э. (Алексеева 1975, с. 68). Близкая бусина была найдена в верхней части нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, с. 54, рис. 17:227/82, 18:227/82, с. 290–291). Подобные бусы, датируемые IV в. до н. э., имеются в коллекции ГИМ (Железный век, 2020, с. 531, № 168: 11). В погребальном комплексе Чагода I схожая бусина обнаружена в сооружении IV–III вв. до н. э.

Еще две бусины были найдены в наслоениях черной супеси и предварительно могут быть отнесены к первой трети I тыс. н. э. Одна их них – янтарная округло-уплощенная с поперечной трещиной (рис. 3: 5). Отверстие этой бусины выполнено в виде широкого цилиндрического канала (сверлением). В Северном Причерноморье янтарные бусы были распространены преимущественно в I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 22; Голдина, Голдина, 2021, с. 137). В Нижнем Поволжье близкие по форме округлые поперечно сжатые бусы единично встречаются в слоях с VI в. до н. э. по III в. н. э., при этом наибольшая их масса приходится на II – середину III вв. н. э. (Мошеева, 2021, с. 89). Бусы из Тарасовского могильника датированы III–V вв. н. э. (Голдина, Голдина, 2021, таб. 1). Для Среднего Поочья в эпоху римских влияний и Великого переселения народов изделия из янтаря не были характерны вовсе и составляют там незначительные проценты в коллекциях (Сыроватко, Трошина, 2017, с. 180). Вторая бусина, округлая (бочонковидная) усеченной дважды формы, изготовлена из глухого желтовато-белого стекла (рис. 3: 2).

Самой поздней в коллекции 2024 г. может считаться короткая цилиндрическая бусина из красного (красновато-коричневого) глухого стекла (рис. 3: 4). Канал бусины с одной сторо-

ны расширяется. Изделие можно датировать V–VI/VII вв. н. э. На Средней Оке бусы подобного типа, «печеночно-красные», выполненные в технике навивки, распространяются в конце V – первой половине VII вв. (Румянцева, 2007, с. 215, 220–221). Близкие красные (печеночные) бусы шаровидно-уплощенной формы (тип 2 по Розенфельдт) известны на позднедьяковских городищах (Розенфельдт, 1982, с. 63; рис. 14: 17) и датируются там в основном V–VII вв. н. э. (Розенфельдт, 1982, с. 64).

Изделия из кости. В раскопе 2025 г. найдено только одно костяное изделие, однако ранее, при исследованиях памятника в 2023–2024 гг., таких находок собрано значительное количество – подвески, амулеты, фигурки, предметы быта и орудия труда, охотничье-промысловые принадлежности. Самая многочисленная категория находок была представлена кочедыками, проколками, различными остриями, а также их заготовками и обломками (Чижевский, Новиков, 2024, рис. 4). Большое число костяных изделий обнаружено и при раскопках памятника в 1925–1926 гг. Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером (Бадер, 1951; Новиков, 2021).

Изделия из кости имеют широкие хронологические рамки бытования – на всем протяжении развития городища в ананьинский период (VIII/VII–III вв. до н. э). Реже они встречаются в слоях, соотносимых с этапами формирования археологических культур в конце I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э. При раскопках памятника в 2024 г. было замечено, что в слое черно-темно-серой мешаной супеси с пятнами коричневой глины, углистозолистыми включениями и следами прокала, соотносимом с ананьинским периодом, в сравнении с верхним слоем черной супеси происходит резкое увеличение количества костей животных и поделок из них. В раскопе 2025 г. горизонт черно-темно-серой супеси представлен слабо, что объясняет заметное уменьшение количества находок из кости и рога на конкретном локальном участке городища.

В коллекции находок из раскопа 2025. г. присутствует заготовка (трехгранного?) костяного черешкового наконечника стрелы, найденная в слое серой золистой супеси с углистыми включениями (ананьинском горизонте). Длина изделия составляет 8,2 см (рис. 3: 6). Можно предложить широкую датировку этому предмету – в пределах VIII/VII–III вв. до н. э. А.В. Збруева отмечала, что трехгранные и четырехгранные наконечники в ананьинской среде встречаются чаще всего (Збруева, 1952, с. 51). Массово они распространяются и на поселениях АКИО бассейна р. Вятки (Митряков, Черных, 2014, с. 161). Характерны такие наконечники стрел для раннеананьинских памятников Марийского Поволжья (Патрушев, 2011, рис. 24). Присутствуют они и в коллекции находок из раскопок Одоевского городища 1925–1926 (Новиков, 2021, рис. 15: 3–4, 6, 8, 12), и 2023–2024 гг. По мнению А.Х. Халикова, костяные наконечники стрел находились в широком употреблении у населения «ананьинской культуры» на всем протяжении ее развития (Халиков, 1977, с. 204).

Предметы из глины. Предметы производственного характера, связанные с металлургическими процессами, представлены восемью фрагментами тиглей, бывших в употреблении (рис. 3: 7–10). Цвет обломков тиглей из коллекции находок 2025 г. в основном темно-серый. Черепки в изломе пористые (губчатые), поверхность некоторых твердая, остекленевшая. Все фрагменты обнаружены в верхних горизонтах и, согласно стратиграфическому контексту, могут относиться к концу I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э. Обломки тиглей, побывавших в производстве, встречались и в раскопах 2023–2024 гг. Следующая категория находок производственного характера – это металлургические (11) и керамические (3) шлаки, в т. ч. спекшиеся с металлом. Шлаки найдены в слое I тыс. н. э. и горизонте позднеананьинского/раннепьяноборского времени. В 2024 г. было собрано 42 таких предмета, шесть из которых происходили из слоя позднеананьинского времени.

Кроме производственных вещей, в раскопе 2025 г. обнаружены следующие изделия из глины: обломок рельефной фигурки (зооморфной?) коричневого цвета, напоминающей голову животного (лошади или лося) с вытянутой мордочкой и торчащими ушками (рис. 4: 1); обломок изделия (бочонкообразной формы?) с продольным неотцентрированным каналом (пряслице или бусина) (рис. 4: 6); фрагмент поделки с плоским основанием и заглаженной поверхностью, одна грань острая, другая – плавная (рис. 4: 2); поделка овальной формы с плоским слегка вогнутым основанием, без отверстия (статуэтка)

Рис. 4. Изделия из глины
Fig. 4. Clay products

(рис. 4: 5); фрагмент поделки с скругленным краем (диск?), по одной поверхности орнаментированной спаренными наколами (рис. 4: 7); фрагмент поделки с плоским основанием и скругленным краем (рис. 4: 4); поделка с плосковогнутым основанием с небольшими бортиками по краям (статуэтка) (рис. 4: 11); обломок поделки плавной скругленной геометрической формы (цилиндр?) (рис. 4: 3); обломок дисковидной поделки (рис. 4: 8); обломок пряслица (рис. 4: 13); изделие округлой мисковидной формы (детская игрушка) (рис. 4: 12); поделка с заглаженной поверхностью и скругленным краем (дисковидной формы) (рис. 4: 10); обломок изделия (округлой формы?) с желобком по боковой части, орнаментированного парными наколами округлой и неправильной формы, сделанными в несколько рядов по окружности боковой и фронтальной части (рис. 4: 14); диск ошлакованный (пористый) (рис. 4: 9). Всего найдено 14 предметов. Примерно такое же количество керамических поделок собрано и в раскопе 2024 г. – 13.

Из наслоений черной и черновато-серой супеси, относящихся к периоду формирования археологических культур в конце I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э., происходит четыре поделки из глины (рис. 4: 1, 2, 5, 7). В целом для этого хронологического этапа подобные предметы обычны. Глиняные зооморфные изделия известны, например, на Тарасовском святилище (группа I) (Голдина и др., 2013, с. 45, табл. 27: 1–2), встречаются они и на памятниках именьковской культуры

(Старостин, 1967, табл. 22). Керамические поделки в форме диска хорошо представлены на Тарасовском святилище (группа III, тип 5) (Голдина и др., 2013, с. 46; табл. 30). В Среднем Прикамье такие изделия активно использовались в IV–III вв. до н. э., встречаются они и в культурных слоях первых веков нашей эры (Голдина и др., 2013, с. 80–81).

В наслоениях конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. Одоевского городища найдено глиняное пряслице (рис. 4: 13). По мнению Р.Д. Голдиной, пряслица начинают преобладать на поздних стадиях развития АКИО и в постаньинское время (Голдина и др., 2013, с. 41), но известны уже в раннеаньинских могильниках (Халиков, 1977, с. 154, рис. 55). Небольшие по размеру и толщине пряслица, к примеру, встречаются на Тарасовском святилище (Голдина и др., 2013, табл. 18: 4).

Ряд изделий в раскопе 2025 г. (рис. 4: 4, 6, 9, 10, 12) находились на стыке наслоений позднеаньинского/раннепьяноборского времени и имеют широкие хронологические рамки – в пределах V–I вв. до н. э. Похожие на одоевские предметы глиняной пластики распространены, в частности, на позднеаньинских памятниках Прикамья (Голдина и др., 2013). Диски хорошо представлены на Тарасовском святилище, Зуево-Ключевском I городище (Голдина и др., 2013, табл. 30, 34). Остальные предметы из раскопа 2025 г. (рис. 4: 3, 8, 11, 14) связаны с поздним периодом развития ВВК АКИО (V–III вв. до н. э.), хроноиндкаторами которого А.А. Чижевский определяет в т. ч. глиняные фигурки (Чижевский, 2017, с. 218). Обломок поделки геометрической формы (цилиндр?) (рис. 4: 3) был обнаружен рядом с наземной позднеаньинской постройкой. Цилиндры и другие близкие глиняные изделия известны, например, на Тарасовском святилище (Голдина и др., 2013, табл. 27–29). При расчистке пола постройки был найден обломок дисковидной поделки (рис. 4: 8). На стыке слоев серо-черно-светло-коричневой супеси и серой золистой супеси с углистыми включениями обнаружен обломок изделия, орнаментированного парными наколами (рис. 4: 14). Наколы часто применялись при украшении глиняной посуды жителями Одоевского городища и в принципе являлись здесь традиционным элементом орнамента. Орнаментированные наколами изделия из глины встречаются также на памятниках Среднего Прикамья (Голдина и др., 2013).

Таким образом, время, когда поделки из глины были наиболее популярны у обитателей Одоевского городища, можно определить второй половиной I тыс. до н. э. и первыми веками нашей эры. Самой поздней поделкой может считаться обломок рельефной фигурки (рис. 4: 1), предварительно отнесенной к середине – третьей четверти I тыс. н. э.

Изделия из цветных металлов. Предметов этой категории в раскопе 2025 г. обнаружено всего 12. Небольшое количество таких находок было собрано и при раскопках памятника в предыдущие годы: в 2024 г. – 11, в 2023 г. – 2.

К середине – третьей четверти I тыс. н. э. следует отнести следующую группу изделий:

1. Трубочки с валиками (пронизки) (рис. 5: 1, 4). Массово присутствуют на Чепце в поломских и поздне/постазелинских памятниках (Стефанова, 1982, рис. 3:2; Иванова, 1988, рис. 9; Голдина, 1995, рис. 4: 44, 51, 53; Лещинская, 1995, рис. 17 Б:5), реже встречаются в неволинских древностях (Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 15: 6; 18:10, 20, 21). Датировка – VI–VII вв. н. э.

2. Крепежный наконечник ремня, состоящий из прямоугольной рамки и кольцевидной части (рис. 5: 2). Соотносится с гуннским и постгуннским («шиповский горизонт») временем, от середины V до середины VI в. (Гавритухин, 2015, с. 87–88, рис. 10, 11).

3. «Колесовидная» бляха с петлеобразным креплением (рис. 5: 7). Бляху можно датировать концом IV – V в. н. э. по аналогии с известными подобными шумящими украшениями с вятских могильников (Лещинская, 2014, табл. 97; Лещинская, 2012, рис. 19).

В группу изделий, относящихся к концу I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э., могут быть включены:

1. Бляшка нашивная с двумя умбоновидными элементами и «точечной» окантовкой (полугорошины), петельным креплением на обратной стороне (рис. 5: 3). Вероятная датировка изделия – II/III–V вв. н. э. (азелинское время). По мнению канд. ист. наук Д.Г. Бугрова, это местный дериват пьяноборской вещи, уже с элементами умбоновидных блях азелинского времени. Одиночные бляшки-застежки с полугорошинами по внешнему контуру известны на Сендемиркинском могильнике, датирующемся второй половиной II – первой половиной III вв. н. э. (Гришаков, Мясников, 2022, с. 249; рис. 5: 20). Бляхи с окантовкой

характерны и для гляденовских памятников (Голдина, 2025, рис. 1). Парные умбоновидные бляшки с окантовкой (только ложножгутовой), напаянной планкой с обратной стороны найдены в Староардатовском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33: 4). Бляшка с ложножгутовой окантовкой с четырьмя элементами известна на Младшем Ахмыловском могильнике (Никитин, 2009, рис. 30: 14). Парные, но без окантовки встречаются на Писеральском и Климкинском курганном могильниках (Зубов, 2011, рис. 59: 19–23) и других многочисленных памятниках первой половины I тыс. н. э. (Лещинская, 2014; Голдина, Лещинская, 2021).

2. Бусина металлическая (или пронизка) с двухскатной лицевой поверхностью (рис. 5: 6). Похожие бронзовые бусы-пронизи известны на Пильнинском I могильнике (I–II вв. н. э.) (Зубов, 2011, рис. 38: 10). Бронзовые пронизи несколько бóльших размеров и с более широким внутренним каналом обн ружены на Таутовском могильнике, II–III вв. н. э. (Мясников, 2013, рис. 7: 20–21). Близкие бронзовые бусы, датируемые VI–IX вв. н. э., можно встретить на неволинских памятниках (тип XIII А1) (Голдина, 2010, с. 46, 61).

3. Обломок подтрапециевидной привески с отверстием, изготовленной из тонкого штампованного листа бронзы (рис. 5: 5). Этому изделию пока можно предложить только широкую датировку в рамках III/II вв. до н. э. – середины I тыс. н. э. Привески подобного типа распространены на многих памятниках. Так, в кара-абызском костюме они появляются в IV–III вв. до н. э. (Воробьева, 2014, с. 325). Найдены такие привески на Шиховском могильнике IV–III/II вв. до н. э. (Чижевский, 2017, рис. 2: 11) и в верхнем слое Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 69), на Ошкинском и Первомайском могильниках I–V вв. н. э. (Лещинская, 2014, табл. 14: 5, 154: 9). Привески подобного облика популярны у населения пьяноборской культурно-исторической области (Голдина, Лещинская, 2021, рис. 6:24, с. 453), характерны они и для позднедьяковских памятников (Розенфельдт, 1982, рис. 5:1–12). Подобные обнаружены в погребениях Младшего Ахмыловского могильника, датируемого VI–VII вв. н. э. (Никитина, 2002, с. 178; рис. 36), встречаются на именьковских памятниках (Старостин, 1967, табл. 17; Казаков, 2021, рис. 73).

4. Ременная пряжка трехсоставная с подпрямоугольной пластиной, практически одинаковой по ширине, и округлым приемником (рис. 5: 8). Игла выступает за круглопроволочное кольцо, язычок прогнут. Пряжка может быть датирована III в. н. э. Близкие аналоги известны на Ошкинском могильнике (Лещинская, 2014, табл. 83; Лещинская, 2000, рис. 14) и в погребении 53 (сер. III в. н. э.) Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье (Гришаков, Давыдов, 2014, рис. 2: 8; с. 11).

5. Сильно оплавленный предмет с округлым отверстием посередине (рис. 5: 12). Найден в объекте 1/23 (траншея), датирующемся концом I тыс. до н. э. – самым началом I тыс. н. э.

6. Трубчатая пронизка, расплющенная с одного конца (рис. 5: 13). Является составным элементом пронизей, входивших в нагрудные, поясные наборы костюмных комплексов. Найдена в объекте 30. Судя по местонахождению, относится к периоду формирования археологических культур конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. Трубчатые пронизки встречаются и в более ранних комплексах, например в погребениях 200, 203 и др. Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, с. 29, табл. 34, 1г; 35, 1б; и др.).

7. Трубчатая привеска с подвижным кольцом овальной формы. Кончик у трубки, к которому крепилось кольцо, расплющен (рис. 5: 9). Предмет является составной частью шумящего украшения. Найден в объекте 30 (кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э.).

С ананьинским горизонтом памятника соотносится обломок втульчатого трехлопастного наконечника стрелы. Лопасти изделия заостренные, втулка с отверстием (рис. 5: 10). Фрагмент обнаружен в слое серой золистой супеси с углистыми включениями. Близкий втульчатый трехлопастной наконечник типа С-34 был найден в слое коричнево-красного суглинка с пятнами серой супеси в 2024 г. Лопасти наконечника заостренные, втулка с отверстием в верхней части (рис. 5: 11). Наконечники этого типа получили широкое распространение на всей территории АКИО и бытовали с VI по III вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 107–108).

Изделия из железа. Находки этой категории представлены 37 предметами и их обломками, которые чаще всего происходят из верхних горизонтов культурного слоя. В

Рис. 5. Изделия из цветных металлов.
Fig. 5. Non-ferrous metal products

предыдущие годы исследований изделия из железа также встречались: в 2023 г. их было найдено шесть, в 2024 г. – 20, – все они относятся исключительно к периоду формирования археологических культур в конце I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.

Наибольшее количество в раскопе 2025 г. составляют обломки железных тонких пластин, нередко изогнутых (рис. 6: 1–7), относящихся к концу I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. Близкие пластины имеются в коллекции находок из верхнего слоя Дьякова (Кренке, 2011, рис. 130: 1297-86, 1234-85) и Чортова городища (Ефремова, 2010, с. 38). Одна железная пластина (долотце) из раскопа 2025 г. изогнута с одной стороны и постепенно расширяется к другому краю (рис. 6: 23). Вторая пластина более толстая (рис. 6: 24), однако ее атрибуция затруднена из-за фрагментарности. Можно предположить, что это фрагмент шлема или стенки котла. Шлемы из железных пластин встречаются на вятских могильниках первой половины I тыс. н. э. (Лещинская, 2014, с. 73).

Кроме пластин, обнаружены три шила, квадратных и подпрямоугольных в сечении (рис. 6: 10–12). Подобные шилья известны на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 14), найдены они при раскопках Чортова городища (Ефремова, 2010, с. 37), могильника VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, с. 116). Шилья с прямоугольным и округлым сечением имеются на вятских могильниках I–V вв. н. э. (Лещинская, 2014, с. 75), подпрямоугольным и квадратным – на

Рис. 6. Изделия из железа.
Fig. 6. Items made of iron.

ананьинских памятниках: Аргыжском городище, Ананьинском и Старшем Ахмыловском могильниках (погребение 203) (Черных и др., 2002, рис. 39; Халиков, 1977, рис. 55; Патрушев, Халиков, 1982, с. 29, 54).

В коллекции находок 2025 г. присутствуют две железные иглы (рис. 6: 8–9). У первой иглы стержень округлого сечения, а со стороны обломанного ушка она приплюснута (рис. 6: 9). Судя по расположению предмета в верхнем слое, игла может относиться к концу I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. Железная игла с ушком имеется, к примеру, в комплексах Гляденовского костища (Коренюк, Перескоков, 2021, рис. 19: 11). В целом подобные иглы с ушком известны еще на раннеананьинских памятниках (Халиков, 1977, рис. 55: 1–3), однако изготовлены они из бронзы. Обломок

второй железной иглы также имеет стержень округлого сечения (рис. 6: 8).

Следующая категория находок из железа представлена стержнями (6 шт.), обнаруженными в слое черной супеси и светло-серого золистого мешаного песка с угольками (конец I тыс. до н. э. – третья четверть I тыс. н. э.). Стержни в сечении округлые, подквадратные или подпрямоугольные (рис. 6: 13, 15, 18, 20–21). Стержни близких форм встречаются на Тарасовском святилище (Голдина и др., 2013, табл. 23: 1) и в верхнем слое Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 133). Один из стержней имеет расплющенное прямоугольное окончание в форме лопаточки (рис. 6: 20) – подобные встречаются среди находок верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 134: 28–82, 893–84).

В единственном экземпляре в слое черной супеси обнаружен черешковый наконечник стрелы с упором и хорошо выраженной шейкой. Черешок округлый в сечении, перо плоскоромбическое (рис. 6: 14). Аналогичные находки имеются на Тетюшском II и Именьковском I городищах (IV–VII вв. н. э.) (Старостин, 1967, табл. 15: 5,8), Коминтерновском II могильнике – в погребении 7 (VI–VII вв. н. э.) (Казаков, 2021, рис. 15: 4). Наконечники близкой формы известны на памятниках Бахмутинской культуры (III–VII вв.) (Голдина, 2025, рис. 9: 68). Еще один, слегка изогнутый на месте перехода пера во втулку, ромбический втульчатый наконечник стрелы был найден в 2024 г. Вес наконечника 21 г, перо ромбической формы с расширением в нижней части, ромбовидное в сечении (рис. 6: 22). Его можно датировать серединой – третьей четвертью I тыс. н. э. Практически аналогичный известен на Скорняковском городище (Чижевский и др., 2016, с. 62; рис. 49: 2). Присутствуют такие и в погребальных памятниках Вятского края (Лещинская, 2014, табл. 48: 5). Наконечник близкой формы зафиксирован также в погребении 23 Мари-Луговского могильника (Халиков, 1962, табл. XXXVI: 2).

В верхних горизонтах культурного слоя (черной супеси) в 2025 г. также обнаружена В-образная пряжка с утраченной иглой (рис. 6: 19). В-образные пряжки самых разных вариаций получили широкое распространение в Волго-Уралье с IV в. н. э. (Гавритухин, Красноперов, 2022, с. 189), подобные пряжки (железные и бронзовые) бытовали в V–VII вв. н. э. (Старостин, 1967, с. 24, табл. 19: 24). С этим же горизонтом соотносятся обломок изделия из железа, атрибуция которого затруднена из-за фрагментарности; изогнутый, округлого сечения предмет (звено цепи или деформированное кольцо от В-образной пряжки?) (рис. 6: 17); обломок железной пряжки с сохранившимся фрагментом подпрямоугольной рамки (рис. 6: 16). Находки, аналогичные последней, известны на именьковском Рождественском могильнике (Старостин, 1967, табл. 19: 20).

В 2025 г. на Одоевском городище собрана представительная серия ножей и их обломков (11 шт.).

Три ножа из этой коллекции можно причислить к ананьинским (рис. 7: 7, 9–10):

– обломок серповидного ножичка с вогнутой спинкой и выпуклым лезвием. Черешок обломан (рис. 7: 10). Найден в слое коричнево-серой супеси пестроцвета на уровне пола наземной постройки IV–III вв. до н. э.;

– обломок однолезвийного ножа с выраженным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Лезвие в сечении клиновидное. Кончик черешка скруглен (рис. 7: 9). Подобного типа ножи с уступом со стороны лезвия и округлым окончанием черешка распространяются уже в раннеананьинское время: тип II, 2 вид В (25) (Патрушев, Халиков, 1982 табл. 67, 78, 121, 126; и др.). Нож можно широко датировать в пределах VII–III вв. до н. э.;

– обломок однолезвийного ножа с дуговидной плавновыгнутой спинкой и вогнутым лезвием, плавным скошенным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Лезвие в сечении клиновидное. Кончик черешка и лезвия обломаны. На черешке сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 7: 7). Нож найден в слое серой золистой супеси с углистыми включениями. Ножи подобного типа (тип III 2б) встречаются в комплексах не ранее VI в. до н. э. (Халиков, 1977, с. 148). Вероятная датировка предмета – V–III вв. до н. э.

Еще один нож может относиться как к ананьинскому, так и последующему периоду развития памятника. Это нож с уступами при переходе черешка к клинку – выраженными со стороны спинки и скошенными со стороны лезвия. Лезвие в сечении клиновидное. Спинка практически прямая. Конец лезвия округло-скошенный, черешок приостренный

Рис. 7. Изделия из железа.
Fig. 7. Items made of iron.

(рис. 7: 2). Подобные ножи встречаются в погребальном инвентаре вятских могильников (Лещинская, 2014, с. 73, табл. 61:9, 62:3), однако близкого типа ножи с округло-скошенным концом лезвия известны уже в раннеананьинское время (Халиков, 1977, рис. 53; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 60).

Остальные ножи принадлежали представителям археологических культур конца I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.:

– обломок ножа со скошенным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Спинка изделия дуговидная, лезвие слегка вогнутое (рис. 7: 3). Подобные ножи, встречающиеся на вятских могильниках I–V вв. н. э., отнесены Н.А. Лещинской к типу 1 (Лещинская, 2014, с. 73). Близкие ножи имеются в коллекции находок из верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 131: 5-82);

– обломок железного ножа (сохранился кончик клинка) (рис. 7: 11);

– нож с выраженным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Спинка ножа прямая, лезвие в сечении клиновидное. Черешок продолжает линию обушка (рис. 7: 1). Схожие по форме ножи найдены на Мари-Луговском могильнике IV–VI вв. н. э. в погребении 30 (Халиков, 1962, табл. XXXVII)

и памятниках именьковской культуры (тип 1) (Старостин, 1967, с. 22, табл. 14: 2, 5). Нож можно датировать серединой – третьей четвертью I тыс. н. э.;

– нож с выраженным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Спинка практически прямая, лезвие в сечении клиновидное. Черешок приострен, расширяется в сторону лезвия и продолжает линию обушка (рис. 7: 4). Найден в слое черной супеси. Ножи с уступом со стороны лезвия распространены на вятских могильниках I–V вв. н. э. (Лещинская, 2014, с. 72–73). Популярны они были и у населения именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 22). В VI–VII вв. н. э. у марийцев распространяются ножи как с уступом, так и без него (Никитина, 2002, с. 131);

– обломок железного ножа (сохранился кончик клинка). Спинка изделия прямая (?). Лезвие клиновидное (рис. 7: 5);

– обломок миниатюрного ножика со скошенным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Лезвие в сечении клиновидное. Черешок обломан (рис. 7: 6).

Эту серию может дополнить еще один весьма оригинальный предмет – *ножичек или кочедык, возможно, и часть ножниц (*?). Стержень предмета округлый в сечении, со стороны рабочего края расплющен. Предмет имеет форму удлиненной лопаточки со скругленным окончанием, загнутым вбок. С противоположного конца утолщен (рис. 7: 8). Инструмент найден в слое черной супеси (первая половина – третья четверть I тыс. н. э.).

Предметы из железа в подавляющем большинстве относятся к периоду формирования археологических культур конца I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э. Самым поздним в коллекции является кованый гвоздь, который датируется XIX – нач. XX вв. и относится ко времени функционирования часовни на валу Одоевского городища. Еще О.Н. Бадер при описании памятника отмечал, что на срытой вершине вала стоит ветхая часовня (Бадер, 1951, с. 114, рис. 3), она же присутствует на рисунке Ф.Д. Нефедова (Анучин, 1895).

Результаты исследований 2025 г. в совокупности с материалами изысканий прошлых лет позволяют говорить о следующих крупных этапах заселения «Одоевского мыса». Отметим, что в задачи настоящей статьи не входила характеристика керамических комплексов, также ярко отражающих периоды развития памятника, однако эти материалы, безусловно, учтены при выделении этапов. Первый этап соотносится с населением ВВК АКИО. Начало его функционирования можно определить VIII/VII вв. до н. э. (соответствует слою серо-черной углистой супеси с пятнами желто-коричневой супеси и серой золистой супеси с углистыми включениями), завершающая фаза приходится на III в. до н. э. (соотносится с отложениями черно-темно-серой мешаной супеси). Важно отметить, что на ананьинских памятниках Верхней Ветлуги, Одоевском городище в первую очередь, во второй четверти – середине I тыс. до н. э. формируются истоки керамических традиций, связанных с орнаментацией сосудов оттисками рамчатого штампа, что в определенной степени выделяет и придает оригинальность памятникам бассейна р. Ветлуги в рамках вятско-ветлужской культуры и АКИО в целом. На втором этапе (слой серо-черно-светло-коричневой и черновато-серой супеси, светло-серого золистого мешаного песка с угольками) в постананьинское время городищенская площадка обживается практически сразу во II в. до н. э. Памятник продолжает функционировать и в первые века нашей эры, встречаются вещи и азелинского времени (II/III–V вв.). Заключительный этап бытования памятника приходится на середину – третью четверть I тыс. н. э. и совпадает по времени с развитием на сопредельных территориях именьковских древностей и памятников безводнинско-ахмыловского круга. Находки приурочены к наслоениям черной супеси.

Таким образом, актуальным и назревшим на сегодняшний день является вопрос выделения в Поветлужье поселений конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. и середины – третьей четверти I тыс. н. э., определения отличительных характерных признаков их материальной культуры. Результаты исследований Одоевского городища приближают нас к пониманию, в каких историко-культурных традициях происходило развитие поселений в Поветлужье в это время и под воздействием каких внешних культурных импульсов протекал этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 94 с. Табл. 1–19.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 104 с. Табл. 20–34.

Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды девятого археологического съезда. Т. I / Под редакцией графини Уваровой и С.С. Слуцкаго. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. С..

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР. 1951. С. 110–158.

Воробьева С.Л. Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 314–330.

Гавритухин И.О. Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 80–102.

Гавритухин И.О., Красноперов А.А. Тураевский курганный могильник // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 175–192.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удм. ун-т, 2010. 264 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. К вопросу о датировке и хронологии бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 124–147.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удм. ун-т, 1995. С. 16–30.

Голдина Р.Д. Великое переселение народов в Приуралье (по материалам археологии) / МИКВАЭ. Т. 33. Ижевск: Удмуртский университет, 2025. 192 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск: УдмГУ, 2013. 184 с.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. Пьяноборская культурно-историческая область // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 443–453.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI–начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э.–XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удм. ун-т, 2012. С. 321–375.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск: Удм. ун-т, 2018. 720 с.

Гришаков В.В., Давыдов С.Д. Древнейшее погребение мордовской литейщицы III в. н. э. Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 3 (31). С. 7–12.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 241–250.

Ефремова Д.Ю. Отчет о раскопках Чортова городища в Нижегородской области летом 2009 г. Йошкар-Ола, 2010. 196 с. // Архив МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева. Оп. 1. № 1138.

Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / под ред. А.Ю. Алексеева, М. Наврота, А. Гасса, Ю.Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.

Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1988.С. 4–24.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Кн. 1. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Колев Ю.И., Мышкин В.Н. Комплекс позднего бронзового века поселения Елховка II на реке Кондурче // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 192–210.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Памятники гляденовской культурно-исторической области Среднего Прикамья // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 539–561.

Костромское Заволжье: природа и человек. Эколого-социальный очерк / Под ред. Л. Хенса, Э.К. Буна, В.Н. Солнцева, М.Г. Синицына, А.В. Русанова. М.: Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцева РАН, 2001. 199 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы–реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2014. 472 с.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удм. ун-т, 1995. С. 88–128.

Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып. 2. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2000. 55 с.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 124–163.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Мошеева О.Н. Янтарные бусы из погребений 2-й пол. VI в. до н.э.–IV в. н.э. Нижнего Поволжья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14 / под ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невской. Ставрополь: Печатный Двор, 2021. С. 80–101.

Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных / Научный ЧГИГН. Вып. 13. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 72 с.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: ОАО «МПИК», 2009. 415 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 108–169.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 177 с.

Румянцева О.С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Отв. ред.: И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 214–246.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д 1-32. М.: Наука, 1967. 96 с.

Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103.

Сыроватко А.С., Трошина А.А. Позднедьяковские бусы Щурово: первый опыт разделения коллекции // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья. Сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции (Ступино. 2017 г.) / Под общей ред. Э. Э. Фомченко. Ступино, 2017. С. 175–183.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. II / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Хорошев А.В., Немчинова А.В., Авданин В.О. Ландшафты и экологическая сеть Костромской области. Ландшафтно-географические основы проектирования экологической сети Костромской области. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 428 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Чижевский А.А. Каменные молоты ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2022. №1 (39). С. 159–177.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чижевский А.А., Новиков А.В. Зооморфная фигурка из Одоевского городища // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 138–151.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисемятдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); novikov-kostroma@mail.ru; kae44@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Anuchin, D. N. 1895). In Uvarova, P. I., Slutskiy, S.S. (eds.). *Trudy IX Arkheologicheskogo sezda (Proceedings of the 9th Archaeological Congress)* Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 283–298 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledo-

vaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Vorobieva, S. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 314–330 (in Russian).

Gavritukin, I. O. 2015. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Era of Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 80–102 (in Russian).

Gavritukin, I. O., Krasnoperov, A. A. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 175–192 (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 124–147 (in Russian).

Goldina, R. D. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 16–30 (in Russian).

Goldina, R. D. 2025. *Velikoe pereselenie narodov v Priurale (po materialam arkheologii) (The Migration Period in the Urals (based on archaeological materials)).*Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 33. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zheleznogo veka v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Leshchinskaia, N. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 443–453 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 321–375 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saja v Kungurskoj lesostepi ((Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe)* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Grishakov, V. V., Davydov, S. D. 2014. In *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the research Institute of Humanities Under the government of the Republic of Mordovia)* 31 (3), 7–12 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 241–250 (in Russian).

Efremova, D. Yu. 2010. *Otchet o raskopkakh Chortova gorodishcha v Nizhegorodskoi oblasti letom 2009 g. (Report on the excavations of the Chortovo hillfort in the Nizhny Novgorod region in the 2009 summer).* Yoshkar-Ola. Archive of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History I. Inv. 1, dossier 1138 (in Russian).

Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskiy Yu. Yu. (eds.). 2020. *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n. e. Katalog vystavki (The Iron Age. Europe without Borders. First Millennium Before the Common Era. Catalogue of Exhibition).* Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethnic-Cultural Milieu, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–24 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2021. *Volgo-Kame v epokhu tiurkskikh kaganatov. Kn. 1. Kominternovskii II mogilnik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Komintern II burial ground).* Series: *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Kolev, Yu. I., Myshkin, V. N. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 192–210 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 539–561 (in Russian).

Khens, L., Bun, E. K., Soltsev, V. N., Sinitsyn, M. G., Rusanov, A. V. (eds.). 2001. *Kostromskoe Zavolzhe: priroda i chelovek. Ekologo-sotsialnyi ocherk (Kostroma Trans-Volga region: nature and a human. Ecological and social essay).* Moscow: Severtsev Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* (*Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages).* Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–128 (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 2000. *Oshkinskii mogil'nik – pamiatnik p'ianoborskoi epokhi na Viatke (Oshki Burial Ground, a Site of the Pyany Bor Culture on the Vyatka River Bank)*. Izhevsk: Udmurt University Press (in Russian).

Leshhinskaya, N. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 124–163 (in Russian).

Mitryakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 147–186 (in Russian).

Mosheeva, O. N. 2021. In Prokopenko Yu. A., Nevskaya T. A. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the North Caucasus peoples)* 14. Stavropol: "Pechatnyy Dvor" Publ., 80–101 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2013. *Etnokul'turnye protsessy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vekakh nashey ery v svete arkheologicheskikh dannykh (Ethnic-cultural Processes in the Chuvash Volga Region in the 1st–8th Centuries AD in the Light of Archaeological Data).* Series: Nauchnye doklady ChGIGN (Scientific Reports of Chuvash State Institute for Humanities) 13. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities (in Russian).

Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskо-izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Novikov, A. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 108–169 (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 2011. *Mogil'niki Volgo-Kam'ya ranneanan'inskogo vremeni (The Burial Grounds of the Volga-Region of the Early Ananyino Period)*. Series: Arkheologiia Povolzhia i Urala: materialy i issledovaniia (Archaeology of the Volga Region and the Urals: Materials and Studies). 2. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Rozenfeldt, I. G. 1982. *Drevnosti zapadnoi chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ia v VI—IX vv. (Antiquities of the Western Part of the Volga-Oka Interfluve in the 6th—9th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 214–246 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stefanova, I. I. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsa River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

Syrovatko, A. S., Troshina, A. A. 2017. In Fomchenko, E. E. (ed.). *Oki sviazuiushchaia nit: arkheologiia Srednego Poochia (Connecting thread of Oka River: archaeology of the Middle Oka region).* Stupina, 175–183 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khoroshev, A. V., Nemchinova, A. V., Avdanin, V. O. 2013. *Landshafty i ekologicheskaia set Kostromskoi oblasti. Landshaftno-geograficheskie osnovy proektirovaniia ekologicheskoi seti Kostromskoi oblasti (Landscapes and ecological network of the Kostroma Region. Landscape and geographical framework for designing the ecological network of the Kostroma region).* Kostroma: Kostroma State University (in Russain).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chizhevsky A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 159–177 (in Russian).

Chizhevsky A. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky A. A., Novikov, A. V. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 138–151 (in Russian).

Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisiametdinova A. A., Mitriakov A. E, Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Vyatka River).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

About the Author:

Novikov Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences, LLC "Kostroma Archaeological Expedition". Marshal Novikov str., 10 , Kostroma, 156013, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; кае44@mail.ru; novikova-kostroma@mail.ru

Статья поступила в журнал 15.05.2026 г.
Статья принята к публикации 17.06.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.73.99

НОВЫЕ КАРТЫ ПАМЯТНИКОВ ГАМАЮНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2026 г. В.А. Борзунов

В статье представлены уточненные характеристики гамаюнской культуры X–V/IV вв. до н.э. и ее новые карты, на которые нанесены 290 памятников Зауралья, Прикамья и Западной Сибири. Новый «этнос» начал формироваться в верховьях Тавды во время плювиала начала I тыс. до н.э., в процессе взаимодействия мигрировавших к югу рыболовов-охотников-собирателей лозьвинской культуры бассейна Конды и атлымской Нижнего Приобья. Гамаюнская культура сложилась в IX–VI вв. до н.э. в горно-лесном Зауралье. Благодаря местному населению, пришельцы научились разводить и содержать лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, освоили азы меднолитейного производства, но почти все орудия изготавливали из камня, кости, глины и дерева. В V–IV вв. до н.э. остатки гамаюнских коллективов влились в состав общин иткульских металлургов.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Урал, тайга, лесостепь, финал эпохи бронзы, ранний железный век, гамаюнская культура, новая концепция, карты памятников.

NEW MAPS OF GAMAYUN CULTURE SITES [2]

V.A. Borzunov

This article presents revised characteristics of the Gamayun culture of the X–V/IV centuries BC and its new distribution maps, which plot 290 archaeological sites across the Trans-Urals, Kama River region, and Western Siberia. A new “ethnic group” began to emerge in the upper reaches of the Tavda River during the pluvial period of the early I millennium BC, resulting from the relationships between southward-migrating fisher-hunter-gatherers of the Lozva culture (Konda basin) and the Atlym culture (Lower Ob region). The Gamayun culture developed in the IX–VI centuries BC in the mountain-forest Trans-Urals. Influenced by the local population, the newcomers learned to breed and raise horses, cattle, and small livestock, and acquired the basics of copper metallurgy; however, almost all their tools were manufactured from stone, bone, clay, and wood. In the V–IV centuries BC the remnants of the Gamayun groups joined the Itkul metallurgists.

Keywords: archaeology, Western Siberia, the Urals, taiga, forest-steppe, final Bronze Age, Early Iron Age, Gamayun culture, new concept, maps of monuments.

Введение. *Главной целью данной работы является публикация новых уточненных карт гамаюнской культуры.*

Не останавливаясь подробно на характеристике данного культурного образования, отмечу несколько важных моментов. Согласно последним данным, эта культура является оригинальным и долго существовавшим «этносом» рубежа бронзового и железного веков (X–V/IV вв. до н. э.) (рис. 1–7). Ее детальная уточненная характеристика представлена в ряде публикаций автора, при этом в системе двух других культур горно-лесного Зауралья – исетской и иткульской, а также среди десятка других культурных образований первой половины раннего железного века (РЖВ I) Восточного склона Урала и Нижнего Притоболья (VII–IV/III вв. до н. э.) (Борзунов, 2014а; 2019а; 2023а; 2023б; Борзунов, Кузьминых, 2025).

Они характеризовались не только своеобразием генезиса и специфическими этнокультурными своеобразием, но и – главное – разной хозяйственной специализацией. Это послужило причиной формирования в данном регионе в период РЖВ I оригинальной системы разделения общественного труда при тесном взаимодействии данных «этносов».

Среди последних выделялись пришлые общества – мигранты с севера (гамаюнская культура), аборигенные коллективы (большинство культур и культурных групп Зауралья),

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № FEUZ-2026-0015.

[2]The article was prepared as a part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. FEUZ-2026-0015.

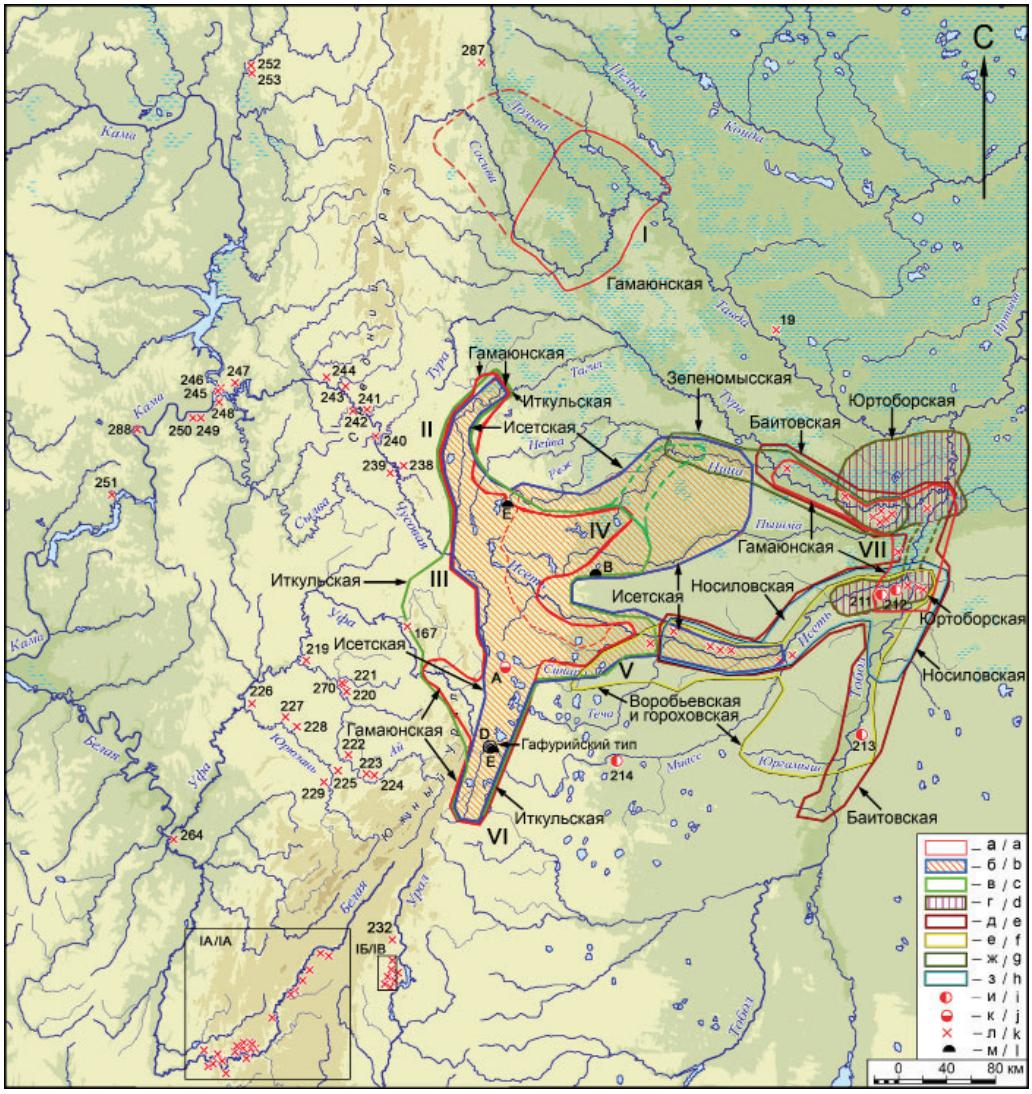

Рис. 1. Ареалы лесных и северных лесостепных культур Зауралья и Нижнего Притоболья первой половины раннего железного века: а – ареал памятников гамаюнской культуры (I – вагильский вариант, памятники с керамикой вагильского типа; II – тагильский вариант; III – верхне-исетский вариант; IV – ирбитско-пышминский (бывший ирбитский) вариант; V – иткульско-синарский (бывший каслинско-синарский) вариант; VI – уфимско-миасский (бывший миасско-аргазинский) вариант, VII – нижне-тобольский (бывший тюменский) вариант); б – ареал памятников исетской культуры; в – ареал памятников иткульской культуры; г – ареал памятников юртоборской культуры; д – ареал памятников баитовской культуры; е – ареал памятников воробьевской и гороховской культур; ж – ареал памятников зеленомысской культуры; з – ареал памятников носиловской культуры; и – бархатовско-гамаюнские городища (214 – Миасское I; 213 – Усть-Утяк I, ранний горизонт; 211 – Красногорское/Лизуново; 212 – Коловское, ранний горизонт); к – городище с бархатовской и иткульской керамикой (А – Иткуль 20. Городище III); л – памятники и места находок гамаюнской керамики за пределами основного гамаюнского ареала; м – гороховские (В – Куртугуз I; С – Березки VIIIA; D – погребение на поселении Малый Вишневый Остров) и иткульский / иткульско-гороховский? (Е – Шайдурихинский) могильники в горно-лесном Зауралье.

Памятники с гамаюнской керамикой за пределами основного ареала гамаюнской культуры: 19 – гор. Фунтусовское; 167 – пос. Шокурово I (м.); 211 – гор. Красногорское (Лизуново)*; 212 – гор. Коловское, ранний период*; 213 – гор. Усть-Утяк I*; 214 – гор. Миасское I*; 219 – пос. Усть-Айское (м.)*; 220 – ст. Русская Сальевка (Русско-Сальевская) (м.); 221 – пос. Сельзегутово (Сальзегутово) (м.); 222 – пос. Кадырово, Верхне-Кадыровское (м.); 223 – пос. Ново-Мухаметовское (м.); 224 – пос. Кульметовское (м.); 225 – пос. Козырбакское (м.); 226 – пос. Усть-Юрюзанское (м.)*; 227 – пос. Сарапулка (Сарапульское) (м.)*; 228 – пос. Таш-Аулово (м.); 229 – пещ. Барановская (м.)*; 232 – ст. Мурат (м.)*; 238 – грот Дождевой, в Камне Дождевом (м.)*; 239 – пещ. Туристов, Камень Дыроватый I (м.)*; 240 – грот Камень Денежный, в Камне Денежном (м.)*; 241 – грот Котёл, в

Камне Котёл (м.)*; 242 – пещ. Кумышанская (м.)*; 243 – пещ. Усть-Койвинская, Дыроватые Рёбра (м.)*; 244 – грот Глухой (м.)*; 245 – ст. Усть-Чусовская (м.)*; 246 – гор. Галкинское (м.)*; 247 – ст. Нижнеадищевская (м.)*; 248 – ст. на оз. Грязное (м.)*; 249 – пос. Заюрчимское VI (м.)*; 250 – пос. Заюрчимское I (м.)*; 251 – пос. Ерзовка (м.)*; 252 – пос. Васюковское II (м.)*; 253 – пос. Чирва I–III (м.)*; 264 – пос. Акбердино 3*; 270 – Большеустьикинское 1 (м.); 287 – пещ. Лаксейская (Мамонтова), ст. в Лаксейской пещ.*; 288 – Вятское (Больше-Вятское) селище*. Примечания: на рис. 1–10 указан истинный (географический) север; звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

Сокращения: гор. – городище; к.м. – культовое (жертвенное) место, святилище на скалах и каменных палатках; к.пл. – культовая площадка с остатками кальцинированных человеческих костей; м. – местонахождение; мог. – могильник; пещ. – пещера; пл. – площадка; пр.пл. – производственная площадка; пос. – поселение; свят. – святилище; сел. – селище; ст. – стоянка; у.ж. – укрепленное жилище; рудник.

Fig. 1. Areas of forest and northern forest-steppe cultures of the Trans-Urals and Lower Tobol River region of the first half of the Early Iron Age: а – area of monuments of the Gamayun culture (I – Vagil variant, monuments with ceramics of the Vagil type; II – Tagil River variant; III – Upper Iset River variant; IV – Irbit-Pyshma (formerly Irbit) variant; V – Itkul-Sinara (formerly Kasli-Sinara) variant; VI – Ufa-Miass (formerly Miass-Argazi) variant, VII – Lower Tobol River (formerly Tyumen) variant); б – area of monuments of Iset culture; в – area of monuments of Itkul culture; г – area of monuments of the Yurtobor culture; д – area of monuments of the Baitovo culture; е – area of monuments of the Vorobyovo and Gorokhovo cultures; ж – area of monuments of Zelenomys culture; з – area of monuments of the Nosilovo culture; и – Barkhatovo-Gamayun fortified settlements (211 – Krasnogorskoe/Lizunovo; 212 – Kolovskoe, early horizon; 213 – Ust-Utyak I, early horizon; 214 – Miasskoe I); к – settlement with Barkhatovo and Itkul ceramics (A – Itkul 20. Fortified settlement III); л – sites with Gamayun ceramics outside the main area of the Gamayun culture; м – Gorokhovo and Gorokhovo-Itkul burial grounds in the mountain-forest Trans-Urals (B – Kurtuguz I; C – Beryozki VIIIA; D – burial at the settlement of Maly Vishnevy Ostrov; E – Shaydurikhinskiy). Sites with Gamayun ceramics outside the main area of the Gamayun culture: 19 – Funtusovskoye; 167 – Shokurovo I; 211 – Krasnogorskoye (Lizunovo); 212 – Kolovskoye, early period; 213 – Ust-Utyak I; 214 – Miasskoye I; 219 – Ust-Ayskoye; 220 – Russkaya Salyevka (Russko-Salyevskaya); 221 – Selzegutovo (Salzegutovo); 222 – Kadyrovo, Verkhne-Kadyrovskoye; 223 – Novo-Mukhametovskoye; 224 – Kulmetovskoye; 225 – Kozyrbakskoye; 226 – Ust-Yuryuzanskoye; 227 – Sarapulka (Sarapulskoye); 228 – Tash-Aulovo; 229 – Buranovskaya cave ; 232 – Murat; 238 – Dozhdevoy grotto, grot in Kamen Dozhdevoy; 239 – Turistov cave, Kamen Dyrovaty I; 240 – Kamen Denezhnyy grotto, in Kamen Denezhnoy; 241 – Kotyol grotto, in Kamen Kotyol; 242 – Kumyshanskaya cave; 243 – Ust-Koyvinskaya cave, Dyrovatye Ryobra; 244 – Glukhoy grotto; 245 – Ust-Chusovskaya; 246 – Galkinskoye; 247 – Nizhneadishchevskaya; 248 – on Lake Gryaznoye; 249 – Zayurchimskoye VI; 250 – Zayurchimskoye I; 251 – Yerzovka; 252 – Vasyukovskoye II; 253 – Chirva I–III; 264 – Akberdino 3; 270 – Bolsheustikinskoye 1; 287 – Lakseyskaya (Mamontova) cave, campsite in Lakseyskaya cave; 288 – Vyatskoye (Bolshe-Vyatskoye). Notes: in fig. 1–10 indicates the true (geographic) north; asterisks mark the sites on which were excavated or prospected with trenches.

а также гетерогенные объединения (исетская культура). При этом север Зауральского ареала, включавший горную и равнинную южную тайгу, занимали в основном стоянки и селища традиционных охотников-рыболовов-собирателей либо поселения общин с формирующимся комплексным хозяйством. В нем заметную роль играли присваивающие отрасли хозяйства, а разведение домашних животных оставалось вспомогательной деятельностью. Главным носителем такого образа жизни являлось население гамаюнской культуры. На самых южных территориях обитали оседлые и подвижные скотоводческие коллективы. В «центральных» районах, в северной лесостепи, селились многочисленные общества, характеризовавшиеся примерно равным соотношением производящих и присваивающих отраслей хозяйства. Особое место среди всех остальных занимали большесемейные общины (кланы) металлургов иткульской культуры. Они специализировались на производстве цветного металла (медь) из местных источников и снабжали изделиями из цветного металла – напрямую или посредством «торговых» групп исетского населения – окружающие и более удаленные лесные и лесостепные общества Урала, Приуралья, Западной Сибири, а главное – кочевников Южного Урала и представителей ананьинского мира Волго-Камья.

По особенностям генезиса, ареалу распространения основных памятников и своему окружению гамаюнская культура входила в несколько разных «систем».

Во-первых, в общность лесных и лесостепных западносибирских культур так называемой «крестовой» (точнее, фигурно-штампованной) керамики рубежа бронзового и железного веков. К последней также относят атлымскую культуру Нижнего и Сургутского

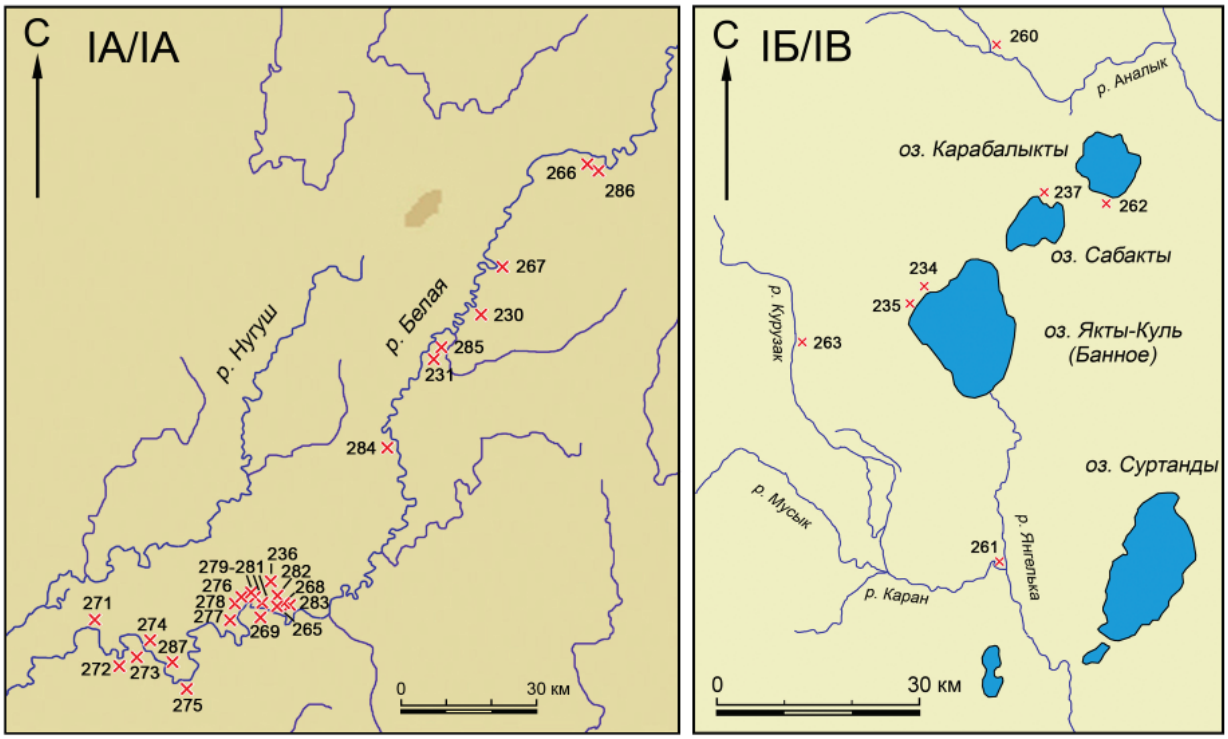

Рис. 2. Местонахождения гамаюнской керамики на памятниках в бассейнах рек Белой (IA) и Урал (IБ): 230 – ст. Кага (Кагинская) 1*; 231 – ст. и сел. Бельская (Бельский) 1*; 233 – грот Песчаный; 234 – ст. Банное 6 (Кусимовская); 235 – пос. и ст. Банное 5 (Березки)*; 236 – ст. «Курган Бабсак-Бия»; 237 – пос. Сабакты III (3)*; 260 – пос. Теляшево 4*; 261 – ст. Елимбетово 7*; 262 – ст. Карабалыкты 10 (X) (Ташбулатово I); 263 – святилище Курузак 2*; 265 – ст. Акбулатово 3 (III); 266 – сел. Азапкин 3 (III); 267 – сел. Узян 3 (III); 268 – ст. Ново-Акбулатово 1; 269 – ст. Шульганово 5; 271 – пос. Азануй 1; 272 – пос. Каргисаар; 273 – пос. Акаваз 1; 274 – пос. Сакаска 1; 275 – сел. Батран 2; 276 – пещ. Жемчужная; 277 – ст. Акбулатово 1; 278 – ст. Ново-Акбулатово 4; 279 – ст. Шульганово 2; 280 – ст. Акбулатово 2; 281 – ст. Шульганово 3; 282 – ст. Акбулатово 3А; 283 – сел. Ново-Акбулатово 2; 284 – сел. Мурадымово 1; 285 – сел. Нижнебельская (Нижне-Бельская) 1; 286 – ст. Азапкин 4.
Fig. 2. Location of Gamayun ceramics on the sites in the basins of the Belaya (IA) and Ural (IB) Rivers: 230 – Kaga (Kaginskaya) 1; 231 – Belskaya (Belsky) 1; 233 – Peschany grotto; 234 – Bannoye 6 (Kusimovskaya); 235 – Bannoye 5 (Beryozki); 236 – “Kurgan Babsak-Biya”; 237 – Sabakty III (3); 260 – Telyashevo 4; 261 – Elimbetovo 7; 262 – Karabalykty 10 (X) (Tashbulatovo I); 263 – Kuruzak sanctuary 2; 265 – Akbulatovo 3 (III); 266 – Azapkin 3 (III); 267 – Uzyan 3 (III); 268 – Novo-Akbulatovo 1; 269 – Shulganovo 5; 271 – Azanuy 1; 272 – Kargisaar; 273 – Akavaz 1; 274 – Sakaska 1; 275 – Batran 2; 276 – Zhemchuzhnaya cave; 277 – Akbulatovo 1; 278 – Novo-Akbulatovo 4; 279 – Shulganovo 2; 280 – Akbulatovo 2; 281 – Shulganovo 3; 282 – Akbulatovo 3A; 283 – Novo-Akbulatovo 2; 284 – Muradymovo 1; 285 – Nizhnebelskaya (Nizhne-Belskaya) 1; 286 – Azapkin 4.

Приобья, лозьвинскую бассейна Конды, красноозерскую Среднего Прииртышья, карьковскую Среднего Приишимья, молчановскую Томско-Нарымского Приобья и бассейна Кети, завьяловскую Новосибирского Приобья. Кроме того, небольшие пришлые группы с такой же ямочно-крестовой посудой проживали на Верхней Оби, рядом с местными большереченскими племенами, либо входили в их состав. Общины, населявшие в это время таежную зону Приобья, а также бассейнов Конды и Надыма, являлись по большей части рыболовами, охотниками и собирателями, не занимавшимися ни скотоводством, ни земледелием (Троицкая, 1968; 1985; Генинг, Евдокимов, 1969; Викторова, 1969; 1970; Абрамова, Стефанов, 1981; Косарев, 1981, с. 181–205; 1987; Васильев, 1982; Борзунов, 1982; 1986; 1987; 1990, с. 16–17, рис. 1; 1992, с. 87–91, 107–115; Труфанов, 1988; Троицкая, Зах, Сидоров, 1989; Бобров, 1999; Сладкова, 1999; 2003; 2007; Чемякин, 2008, с. 53–59).

Во-вторых, носители гамаюнской культуры, как и родственные им лесные коллективы, переместившиеся в поисках лучшей доли на юг, вклинились в ареал лесостепных культур межовско-ирменского культурно-исторического пласта конца эпохи брон-

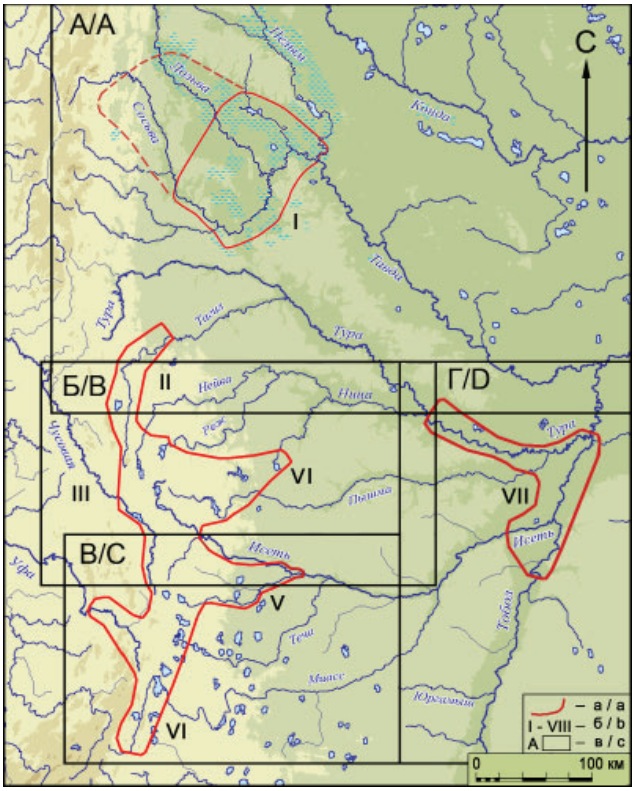

Рис. 3. Горно-лесное Зауралье и Нижнее Притоболье. Ареал основных памятников гамаюнской культуры: а – границы ареала; б – номера локальных вариантов гамаюнской культуры (см.: рис. 1); в – рамки карт А–Г.

Fig. 3. Mountain-forest Trans-Urals and Lower Tobol River region. Area of the main sites of Gamayun culture: a – area limits (boundaries of the area of the main sites of the Gamayun culture); , – numbers of local variants of the Gamayun culture (see: fig. 1); d – frames of maps А–Г.

зы. Последние общества традиционно вели многоотраслевое хозяйство, основанное на доминировании скотоводства при вспомогательной роли рыболовства, охоты, собирательства, иногда – земледелия. Пришельцы, вступившие в тесные контакты с аборигенами юга Западной Сибири, позаимствовали у них основы производящей экономики, прежде всего приемы разведения и содержания лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Одновременно с этим в системе хозяйства местных общин увеличился сектор присваивающих отраслей.

В-третьих, гамаюнская культура являлась частью целого ряда местных, пришлых и смешанных разноэтничных обществ, сформировавшихся в лесном Зауралье и Нижнем Притоболье, благодаря разнонаправленным миграциям, усиливающейся специализации хозяйства и большой «пестроте» экологических ниш. На этой сравнительно небольшой территории, расположенной между Уральским хребтом и р. Тобол (около 300–500×250–300 км), в первой половине раннего железного века кроме гамаюнской культуры фиксируется до десятка разноэтничных образований со скотоводческим и комплексным (производящим и присваивающим) хозяйством (рис. 1). Последние представлены памятниками исетской (IX/VIII–IV вв. до н. э.), иткульской (VII–III/II вв. до н. э.), юртоборской (IX/VIII–VI вв. до н. э.), носиловской (VII–VI/V вв. до н. э.), баитовской (VII/VI–IV/III вв. до н. э.), воробьевской (VI–V вв. до н. э.), гороховской (VI/V–II вв. до н. э.), зеленомысской (около середины I тыс. до н. э.), кашинской (по разным оценкам: около V–III вв. до н. э. либо IV в. до н. э. – IV/V вв. н. э.) и гафурийской (V–IV/II вв. до н.э.) культур (Сальников, 1960; 1961; 1962; 1966; 1967; Викторова, 1967; 1969; 1970; 2008; Стоянов, 1969; 1970; 1973; 1975; 1989; Борзунов, Нохрина, 1981; Борзунов, Стоянов, 1981; Борзунов, 1981; 1982; 1987, с. *23–27*; 1992, с. 91–99; 1993; 2014а; 2019а; 2019б, с. 360; 2022, с. 86; 2023а; 2023б; Корякова, 1988, с. 138–169; 1991, с. 20–30, 35–36, 41; 1993, с. 23–51; Матвеева, 1989; 1996; 1998; 2000, с. 291–303; Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 185 и др.; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 103–107; Ковригин, Шарапова, 1998; Чаиркина и др., 2001; Мосин и др., 2002, с. 161–183; Викторова, 2002, с. 26–27; 2008; Чикунова, 2005; Кузьминых, 2007; Борзунов, Шорин, 2008; Таиров, 2008; 2016а, с. 16–17, 21 и др.; 2016б, с. 443–468; Сериков, 2009; 2013; Цембалюк, 2009; 2017; Чаиркина, 2011; Виноградов, 2015, с. 188–195; 2022, с. 290–293; 2023, с. 22–24).

Некоторые исследователи объединяют памятники с керамикой носиловского и баитовского типов в одну баитовскую культуру (Стоянов, 1970, с. 252; 1975, с. 133; Матвеева, 1986, с. 90; 1987, с. 11; Могильников, 1992, с. 275 и др.; Зимина, Цембалюк, 2013, с. 65; Таиров, 2016а, с. 20–21). В свою очередь, иткульские, воробьевские, носиловские и зеленомысские памятники – на правах локальных вариантов – включают в своеобразную исетскую общность или ассоциацию (Стоянов, 1970, с. 252). Воробьевские и гороховские комплексы иногда рассматривают как разные стадии единой гороховской

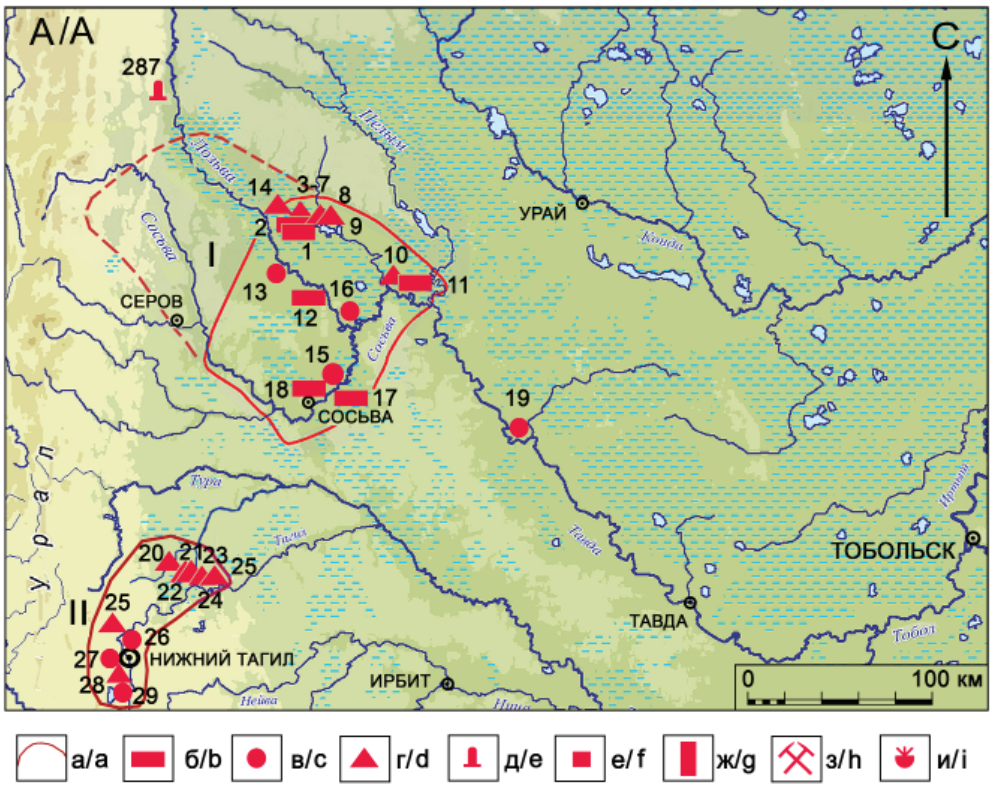

Рис. 4. Карта А памятников гамаюнской культуры вагильского (I) и тагильского (II) локальных вариантов: а – границы локального варианта; б – укрепленное жилище; в – поселение, селище; г – стоянка; д – пещера, грот; е – городище; ж – производственная металлургическая площадка; з – рудник; и – культовое (жертвенное) место, святилище на скалах и каменных палатках. Памятники: 1 – у.ж. Туманское нижнее*; 2 – у.ж. Туманское верхнее*; 3 – сел. Туманское I*; 4 – ст. Туманская II; 5 – сел. Туманское VI*; 6 – сел. Тыня I*; 7 сел. Тыня XIII; 8 – сел. Рыбацкое; 9 – гор. Исток II у д. Заозерная (м.)*; 10 – гор. Усть-Вагильское (пос., у.ж.?)*; 11 – гор., у.ж. Капочское; 12 – у.ж. Илюшинское IV; 13 – пос. Ликинское; 14 – ст., сел. Синдея (м.)*; 15 – сел. Махтыли («курган» в 3 км от д. Махтыли) на левом берегу р. Сосьвы; 16 – гор. и сел. Мишинское I на левом берегу р. Лозьвы; 17 – гор. Оськинское I (могильник на правом берегу р. Сосьвы), нижний горизонт (у.ж.)*; 18 – пос. Мишинское, Мишино левом берегу р. Сосьвы, у д. Мишино и п. Сосьва, (у.ж.)*; 19 – гор. Фунтусовское (у.ж.?); 20 – ст. Выйка II (м.)*; 21 – ст. Исток II (м.)*; 22 – ст. Кокшаровско-Юрьинская (м.)*; 23 – пос. Юрьино IV (м.)*; 24 – пос. Морщинино (ст.); 25 – ст. Медведка (м.); 26 – пос., ст. Евстюниха III (м.)*; 27 – пос. Муринское, ст. Мурино I (м.)*; 28 – ст. Вторая Береговая на Горбуновском торфянике (м.)*; 29 – Тимина Пашня, Крутяки I (м.)*; 287 – пещ. Лаксейская (Мамонтова), ст. в Лаксейской пещ.*

Fig. 4. Map A of the Gamayun culture sites of the Vagil (I) and Tagil River (II) local variants: а – limits of the local variant; б – fortified dwelling; в – settlement; г – campsite; l – cave, grottoto; е – fortified settlement, hillfort; ж – metallurgical production site; з – mine; и - a cult (sacrificial) place, a sanctuary on rocks and stone tents. Sites: 1 – Tumanskoye nizhneye; 2 – Tumanskoye verkhneye; 3 – Tumanskoye I; 4 – Tumanskaya II; 5 – Tumanskoye VI; 6 – Tynya I; 7 – Tynya XIII; 8 – Rybatskoye; 9 – Istok II near the village of Zaozernaya; 10 – Ust-Vagilskoye; 11 – Kapochskoye; 12 – Ilyushinskoye IV; 13 – Likinskoye; 14 – Sindeya; 15 – Makhtyli (a "mound", 3 km from the village of Makhtyli) on the left bank of the Sosva River; 16 – Mishinskoye I on the left bank of the Lozva River; 17 – Oskinskoye I fortified settlement (burial ground on the right bank of the Sosva River), lower horizon; 18 – Mishinskoye, Mishino on the left bank of the Sosva River, near villages of Mishino and Sosva; 19 – Funtusovskoye; 20 – Vyyka II; 21 – Istok II; 22 – Koksharovsko-Yurinskaya; 23 – Yurino IV; 24 – Morshchinino; 25 – Medvedka; 26 – Yevstyunikha III; 27 – Murinskoye, Murino I; 28 – Vtoraya Beregovaya on the Gorbunovsky peat bog; 29 – Timina Pashnya, Krutyaki I; 287 – Lakseyskaya (Mamontova) cave, campsite in Lakseyskaya cave.

культуры (Матвеева, 1987, с. 12–15; 1991а, с. 84; 1991б, с. 149–158). Наконец, поселения с керамикой «второго иткульского», карагайаульского и вак-куровского типов выделяют в так называемый «восточный вариант иткульской культуры» (Зах, Зимина, 2004; Зимина, Зах, 2009; Таиров, 2016а, с. 23–*25*; Зимина, Сизов, Цембалюк, 2021). Как установлено

мной, такого варианта в действительности не существовало. Кланы иткульских горняков и металлургов, первоначально обитавшие в зауральской лесостепи (концепция) и получавшие заказы от степного савромато-сарматского населения на производство оружия из цветного металла, не интересовало Нижнее Притоболье, лишенное источников медных руд. Свидетельством этому этого является полное отсутствие в этом регионе иткульской керамики «первого типа» и больших иткульских производственных емкостей. Равно как наличие у местных общин VIII/VII–VI вв. до н. э., которые я называю юртоборскими, весьма скромной металлообработки, основанной не на зауральском, а ином, восточно-казахстанском медно-бронзовом «сырье» (Борзунов 2014а; 2019а; Борзунов, Кузьминых 2025).

Важно отметить, что в своей основе представители культур Зауралья и западных областей Западной Сибири, включая гамаюнскую, относились, скорее всего, к разным генерациям угорского мира – древнейшим предкам манси и ханты.

Кроме того, следует упомянуть о проникновении в северную лесостепь Зауралья и Притоболья с юга, начиная с VI–IV вв. до н. э., ираноязычного населения: саков из Северного Казахстана и Приаралья, савромат и сармат из южно-уральских степей. Кроме того, с V–III вв. до н. э. в Нижнее Притоболье из Ишимо-Иртышья начинают переселяться богатые, сильные и многочисленные племена носителей саргатской культуры (V в. до н. э. – V в. н. э.), вероятно, древнейшие предки венгров. Последствием взаимодействия разноэтничных коллективов стало появление в обществах коренных обитателей западносибирской лесостепи элементов материальной и духовной культуры южных обществ, в том числе бастионно-башенных фортификаций, предметов скифского, сакского и савромато-сарматского облика, курганного погребального обряда, новых идей и образов, связанных с мифологической картиной мира, культа воина и многого прочего. Помимо этого, по археологическим данным, прослеживается формирование в составе населения гороховской и саргатской культур правящей вождеской прослойки с участием ираноязычных кочевников, а также начало включения лесостепных и южнотаежных угорских обществ в систему общеевразийской торговли на правах посредников в поставке пушнины из лесных областей Тобол-Иртышья, Среднего и Нижнего Приобья (Корякова, 1988; 1991; 1993; Матвеева, 1989; 1996; 1997; 1998; 2000; Мосин и др., 2002; Борзунов, 2002; 2014б; 2019б, с. 360; Таиров, 2008; 2016а, с. 16–17).

Наконец, гамаюнская культура, хотя и по большей части опосредованно, была включена в систему функционирования Зауральского очага цветной металлургии раннего железного века (Борзунов, 1992, с. 140–141; Борзунов и др., 2023, с. 238).

Основные характеристики и особенности генезиса гамаюнской культуры. Данное культурное образование является типичным для особого переходного периода между финалом эпохи бронзы и началом железного века. Ее северный и самый ранний, вагильский вариант сформировался на реках Сосьве, Лозьве, Пелыме и Тавде в процессе взаимодействия мигрировавших к югу – во время катастрофического похолодания и увлажнения климата начала I тыс. до н. э. – рыболовов-охотников-собирателей лозьвинской культуры бассейна р. Конды и атлымской Нижнего Приобья.

Гамаюнская культура окончательно сложилась в IX–VIII/VII вв. до н. э. в горно-лесном Зауралье и развивалась здесь вплоть до V–IV вв. до н. э. Именно здесь у пришельцев, сохранявших в основном присваивающий тип хозяйства, благодаря воздействию аборигенного населения появились посуда с примесью толченого талька, а также минимальные навыки разведения и содержания домашних животных (лошади, крупный и мелкий рогатый скот). Кроме того, в новой среде особого расцвета у мигрантов достигла обработка камня. Из него, а также других традиционных материалов – кости, дерева, глины – производился основной набор орудий труда и оружия. Это отличает данное общество от всех окружающих остальных. С гамаюнскими общинами в лесах восточного склона Урала появились оригинальные малые крепости – окруженные рвами больших размеров дерево-земляные «укрепленные жилища» (Шайдурихинское, Мелкое озеро, Палкинское, Второе Катайское). Возможно, у населения эпохи поздней бронзы Нижнего Притоболья и бассейна р. Миасс гамаюнское население со временем позаимствовало опыт строительства мысовых городищ.

Рис. 5. Карта Б памятников гамаюнской культуры верхне-исетского (III) и ирбитско-пышминского (IV) локальных вариантов: Памятники: 110 – Лосиный остров на оз. Черном (м.); 111 – пос., ст. Второе (2-е) Карасье озеро (м.)*; 112 – сел. Юдинское (м.)*; 113 – пос. Белое озеро III (м.); 114 – пос. у д. Малышево; 115 – ст. Ирбитское озеро VII; 116 – ст. Ирбитское озеро XIII; 117 – ст. Малый Таушкан I; 118 – ст. Малый Таушкан IV; 119 – ст. Малый Таушкан VII; 120 – ст. Малый Таушкан XXIV; 121 – ст. Урочище Горелки (Малый Таушкан XX-VII?); 122 – ст. Ирбитское озеро, ст. № 2; 123 – ст. Пашня за урочищем Кормленым; 124 – ст.. у мыса Березового; 125 – ст. на восточной окраине д. Малый Таушкан; 126 – сел. Сухоложское*; 127 – ст. Беткулово II; 128 – ст. Мелёхино I; 129 – м. Куртугуз IX; 130 – м. Куртугуз X; 131 – м. Куртугуз XIV; 155 – м. Камышинское III; 289 – ст. Ключевая (Ключевская)*. Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 5. Map B of the Gamayun culture monuments of the Upper-Iset River (III) and Irbit-Pyshma (IV) local variants: Sites: 110 - Losiny Island on Lake Chyornoye; 111 – Vtoroye (2nd) Karasye ozero; 112 – Yudinskoye; 113 – Beloye ozero III; 114 – settlement near village of Malyshevo; 115 – Irbitskoye ozero VII; 116 – Irbitskoye ozero VIII; 117 – Malyy Taushkan I; 118 – Malyy Taushkan IV; 119 – Malyy Taushkan VII; 120 – Malyy Taushkan XXIV; 121 – Urochishche Gorelki (Malyy Taushkan XXVII?); 122 – Irbitskoye ozero, campsite № 2; 123 – arable land behind Kormlenoye tract; 124 – campsite nearby Berezovyy cape; 125 – campsite on the eastern outskirts of the village of Malyy Taushkan; 126 – Sukholozhskoye; 127 – Betkulovo II; 128 – Melyokhino I; 129–131 – Kurtuguz IX; 130 – Kurtuguz X; 131 – Kurtuguz XIV; 155 – Kamyshinskoe III; 289 – Klyuchevaya (Klyuchevskaya).

Очень важно учесть, что в Среднем Зауралье северные мигранты не встретили общин скотоводов-охотников-рыболовов позднего, березовского этапа развития межовской культуры. В условиях катастрофического плювиала начала I тыс. до н. э. они также временно мигрировали на юг: по всей видимости, в зауральскую лесостепь – в междуречье Багаряка и Миасса. По этой причине пришельцы вступили в тесные контакты со скотоводами бархатовской культуры. Некоторые группы последних проникли из Нижнего Притоболья в горно-лесные области Зауралья, явно неудобные для ведения высокопроизводительного «сельского» хозяйства, скорее всего, в поисках источников медных руд. В итоге параллельно с гамаюнской в лесах Зауралья и Притоболья появилась гетерогенная исетская (бархатовско-гамаюнская) культура IX/VIII–IV/III вв. до н. э. На Тоболе она стала основой развития юртоборской культуры IX/VIII–VI вв. до н. э. В горно-лесном Зауралье пришельцы стали поставщиками продуктов питания – в обмен на медь и изделия из нее – горнякам и металлургам аборигенной иткульской культуры VII–III/II вв. до н. э., наследникам березовско-межовских общин и основным мастерам Зауральского очага цветной металлургии, проживавшим в хорошо укрепленных центрах. При этом «торговые» группы именно исетской, а не иткульской культуры стали главными экспортерами зауральской меди

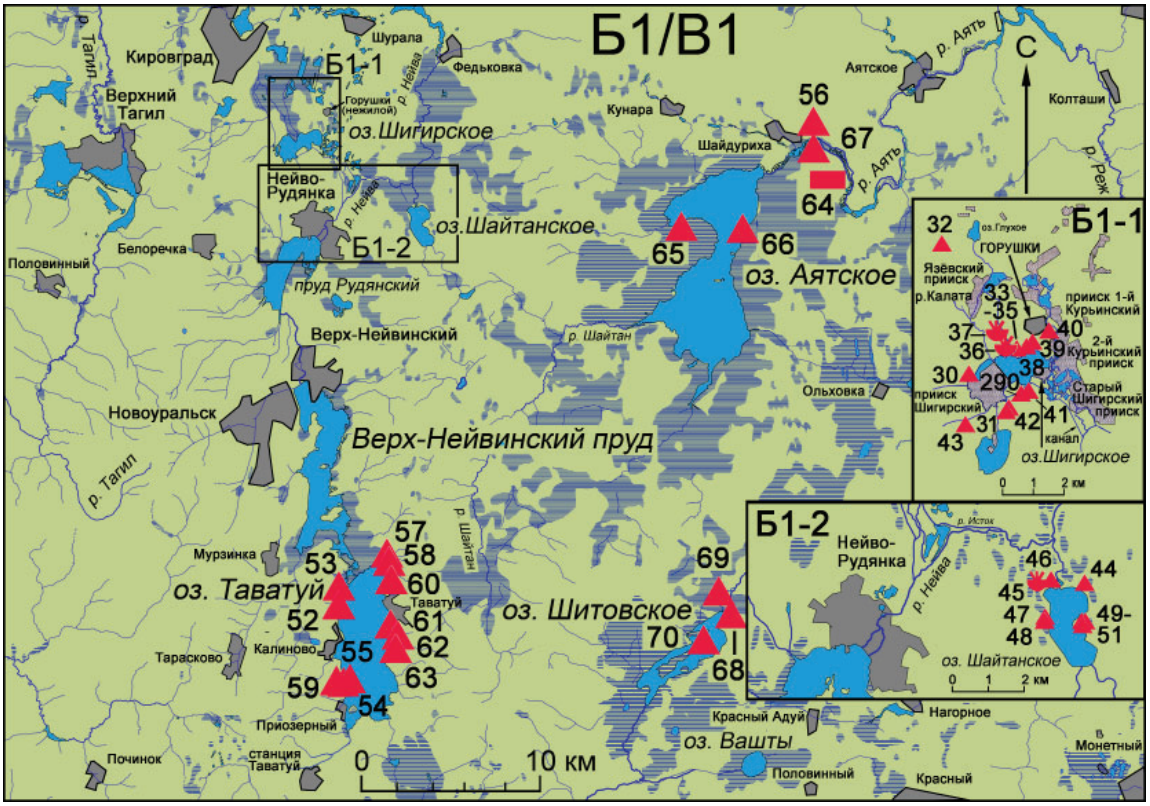

Рис. 6. Карта Б1 памятников гамаюнской культуры верхне-исетского (III) локального варианта:
Памятники: 30 – ст. Анин остров (м.)*; 31 – Шигирское озеро VIII; 32 – ст. Западный берег Шигирского торфяника; 33–35 – ст. Скворцовская гора I–III*; 36 – к.пл. Скворцовская гора V*; 37 – к.пл. Скворцовская гора VII*; 38 – ст. Островок с глиняными горшками, Болотная; 39 – гор. или пос. Шигирское (Болотное) (м.)*; 40 – ст. Горушки II; 41 – ст. Шигирский Исток III*; 42 – ст. Шигирское озеро VII; 43 – ст. Андреевская, Андреевское болото; 44 – пос., ст. Шайтанское 4–6 (м.)*; 45 – к.м. Шайтанский Шихан*; 46 – ст. Шайтанское озеро VI (Северный остров)*; 47 – ст. Шайтанское озеро I (м.)*; 48 – ст., пос. Шайтанское озеро II (м.)*; 49 – ст. Шайтанское озеро IV (Каменушки I)*; 50 – ст. Шайтанское озеро IV (Гриб)*; 51 – ст. Шайтанское озеро IV (Гранитный грот)*; 52 – ст. Таватуй XII; 53 – ст. Таватуй X (мыс Камушек); 54 – ст. Таватуй I; 55 – Таватуй III; 56 – Шайдурихинское I (на левом берегу р. Аять)*, пос. (ст.); 57 – ст. Таватуй XVI (мыс Дрянищный); 58 – ст. Таватуй XVII; 59 – урочище Шаманиха (в заливе), пос.*; 60 – ст. Таватуй XX; 61 – ст. Таватуй XXII; 62 – ст. Таватуй XXXI; 63 – ст. Таватуй XXXIII; 64 – у.ж. Шайдурихинское, нижний горизонт*; 65 – ст. Сухой Ельник; 66 – ст. Молебный остров*; 67 – ст. Аятская I*; 68 – ст. Шитовское озеро IV; 69 – ст., пос. Шитовские 4–6 (IV–VI); 70 – ст. Репный остров III; 290 – ст. Шигирское озеро II.
Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 6. Map Б1 of the Gamayun culture sites of the Upper-Iset River (III) local variant:
Sites: 30 – Anin ostrov; 31 – Shigirskoye ozero VIII; 32 – Zapadny bereg of the peat bog of Shigir; 33–35 – Skvortsovskaya Gora I–III; 36 – Skvortsovskaya Gora V; 37 – Skvortsovskaya Gora VII; 38 – Ostrovok s glinyanymi gorshkami (Island with clay pots), Bolotnaya; 39 – Shigirskoye (Bolotnoye); 40 – Gorushki II; 41 – Shigirskiy Istok III; 42 – Shigirskoye ozero VII; 43 – Andreyevskaya, Andreyevskoye boloto; 44 – Shaytanskoye 4–6; 45 – Shaytanskiy Shikhan; 46 – Shaytanskoye ozero VI (Severnyy ostrov); 47 – Shaytanskoye ozero I; 48 – Shaytanskoye ozero II; 49 – Shaytanskoye ozero IV (Kamenushki I); 50 – Shaytanskoye ozero IV (Grib); 51 – Shaytanskoye ozero IV (Granitnyy grotto); 52 – Tavatuy XII; 53 – Tavatuy X (Cape Kamushek); 54 – Tavatuy I; 55 – Tavatuy III; 56 – Shaidurikhinskoe I (on the left bank of the Ayat River)*; 57 – Tavatuy XVI (Cape Dryanishchnyy); 58 – Tavatuy XVII; 59 – Shamanikha tract (in the bay); 60 – Tavatuy XX; 61 – Tavatuy XXIII; 62 – Tavatuy XXXI; 63 – Tavatuy XXXII; 64 – Shaydurikhinskoye (lower horizon); 65 – Sukhoy Yelnik; 66 – Molebnyy ostrov; 67 – Ayatskaya I; 68 – Shitovskoye ozero IV; 69 – Shitovskiye 4–6 (IV–VI); 70 – Repnyy ostrov III; 290 – Shigirskoye ozero II.

окружающим и более удаленным лесным и степным «народам» Приуралья, Урала и Западной Сибири.

В IV–III вв. до н. э. остатки гамаюнского и исетского населения, вместе с «беженцами» из Нижнего Притоболья (воробьевские,

гороховские и, возможно, баитовские группы) влились в состав иткульских коллективов.

С уходом в конце IV–II вв. до н. э. на запад больших масс сарматских племен, по-видимому, основных потребителей иткульского цветного металла, и по причине повсеместного распространения черной металлургии Зауральский (иткульский) очаг металлургии прекратил свое существование как некая целостность во II в. до н. э.

Новая карта памятников гамаюнской культуры. Подавляющее большинство древних и средневековых поселенческих, производственно-хозяйственных и культовых памятников, открытых в лесном Зауралье, Нижнем Притоболье, на р. Чусовой и северо-востоке Башкирии, являются многослойными. В первую очередь это относится к горно-уральским объектам. Помимо небольших инородных включений, в том числе каменного века, эпохи бронзы и Средневековья, эти памятники содержат артефакты четырех основных культур: гамаюнской (по уточненным данным – 290 памятников, в том числе 19 с вагильской керамикой, то есть ранней северной гамаюнской), иткульской (212), исетской (98 зауральских) и юртоборской (81 поселение, из них 41 – исетского периода) (рис. 1). При этом без учета сотен находок медно-бронзовых изделий РЖВ I (птицевидные и древовидные «идолы», наконечники стрел, круглые петельчатые бляхи-«зеркала» и др.), обнаруженных на поселениях и святилищах туристами, любителями археологии и кладоискателями (Берс, 1951; 1958; 1959; 1963; Сальников, 1960; 1961; 1963; 1966; Липский, 1964; Викторова, 1969; 1970; 2002; 2004; 2008; Бельтикова, 1977; 1993; 1997а; 1997б; 2002; 2005; 2023; Борзунов, 1981; 1982; 1984; 1990; 1992; 2014а, с. 229–230, 233; 2019а; 2019б; 2019в; 2023а; 2023б; 2023в; Борзунов, Стоянов, 1981; Борзунов, 1981; 1982; 1987; 1990; 1992; 2014а; 2018б; 2019а; 2019б; 2919в; 2021; 2023а; 2023б; 2023в; 2024; Борзунов, Липский, 1984; Борзунов, Новиченков, 1988; Бельтикова, Борзунов, 1989; Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991; Бельтикова, Викторова, Панина, 1993; Борзунов, Морозов, 1994; Зимина, Зах, 2009; Чемякин, Кузьминых, 2009; 2011; Чаиркина, 2011; Рыжников, 2012; Зах и др., 2014; Чемякин, 2014; 2016; Пименов, 2019; Зимина, Сизов, Цембалюк, 2021; Борзунов и др., 2023).

Известно также 10 поселений в Пермском Прикамье, на которых найдена посуда гамаюнской культуры с типично зауральской примесью толченого талька, а на некоторых из них – фрагменты исетских и иткульских сосудов (рис. 1).

При характеристике гамаюнской культуры один из ее авторов, Е.М. Берс, использовала 40 памятников (1960, с. 75, 86).

Мной первоначально были учтены 148 поселений и культовых мест, расположенных на основной территории обитания вагильских и гамаюнских общин, а также шесть местонахождений гамаюнской посуды, выявленных за ее пределами. Картографирование этих объектов позволило наметить в лесном Зауралье семь (I–VII) локальных вариантов гамаюнской культуры (Борзунов, 1982, с. 78, рис. 2; 1990, рис. 2; 1992, с. 116–125, рис. 1; 3).

Последующее расширение данного списка и уточнение местонахождения новых гамаюнских памятников подтвердили правомерность выделения данных территориальных образований. Тем не менее это же вынудило меня изменить наименования некоторых из них. В итоге современные названия локальных вариантов гамаюнской культуры таковы: I – вагильский; II – тагильский; III – верхне-исетский; IV – ирбитско-пышминский (ранее – ирбитский); V – иткульско-синарский (каслинско-синарский); VI – уфимско-миасский (миасско-аргазинский), VII – нижнетобольский (тюменский) (рис. 1–11). При этом необходимо отметить известную условность некоторых определений. Так, например, вагильский локальный вариант включает памятники с вагильской керамикой, выявленные не только на р. Вагиль и оз. Большой Вагильский Туман, но также на реках Сосьве и Лозьве. В свою очередь, в рамки верхне-исетского варианта включены гамаюнские памятники, обнаруженные в верховьях рек Нейвы, Режа, Пышмы, Исети, Чусовой, а также вокруг близлежащих больших и малых озер.

К настоящему моменту, как упоминалось выше, выявлено 290 вагильских и гамаюнских памятников. Основная их масса локализуется в основном ареале распространения гамаюнской культуры – на восточном склоне Уральских гор, соседних равнинных территориях Зауралья, Нижнего Притоболья и верховьев Тавды, включая бассейны Сось-

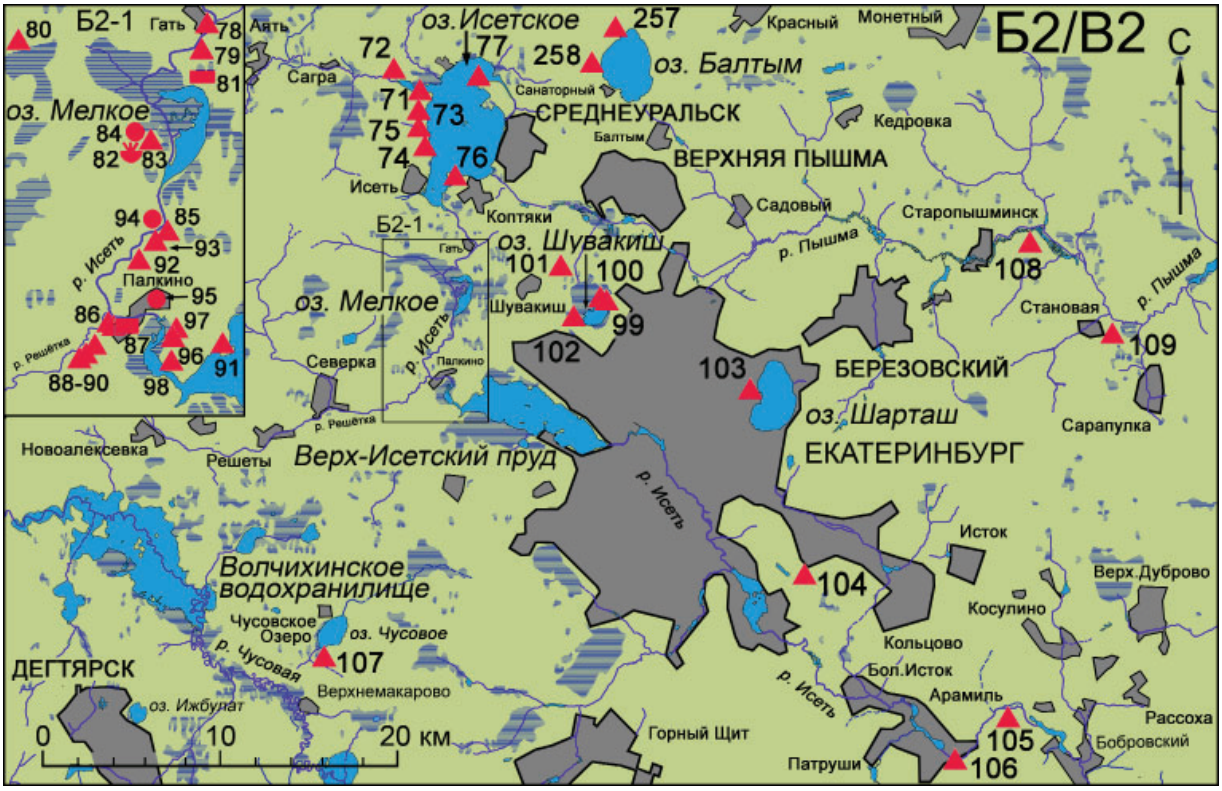

Рис. 7. Карта Б2 памятников гамаюнской культуры верхне-исетского (III) локального варианта:
Памятники: 71 – гор. Чернореченское, на р. Черной, ст. Коптяки 11 (ст. № 11. Городище) (м.)*; 72 – ст. Черноречье (Чернореченская) VI; 73 – ст. Шанаиха, Шанайная горка, Коптяки XI (11) (м.)*; 74 – мыс Толстик, гора Толстик, Коптяки XII (ст. № 12) (м.)*; 75 – ст. Исетское озеро XIV (ст. № 14)*; 76 – ст. Коптяки VI, Коптяки 6 на юго-востоке мыса Листвянка (ст. № 6)*; 77 – ст. Коптяки IX (ст. № 9)*; 78 – пос. Калмацкий брод (м.)*; 79 – Новая I–II (м.)*; 80 – к.м. Чертово городище (м.)*; 81 – гор. Мелкое озеро, у оз. Мелкого (у.ж.)*; 82 – к.м. Мыс Еловый, Ельничный мыс*; 83 – пос. Мыс Еловый II* (ст.); 84 – пос. в болоте у подножья скалы Мыс Еловый*; 85 – пос., ст. Исетское Правобережное III (м.); 86 – ст. Палкинские Правобережные (м.); 87 – гор. Палкинское на горе Малой (у.ж.)*; 88 – ст. Перегон I; 89 – ст. Перегон II; 90 – ст. Перегон V*; 91 – ст. мыс Гамаюн; 92 – ст. Рыбачья Поляна (м.); 93 – пос., ст. Пашня Комарова I (м.)*; 94 – пос., сел. Макуша, верхний горизонт; Верхне-Макушинское, Верхняя Макуша (м.)*; 95 – сел., пос. Палкинское Левобережное*; 96 – ст. Верх-Исетская (Левобережная) I; 97 – ст. Верх-Исетская (Левобережная)II; 98 – ст. Верх-Исетская (Левобережная) III; 99 – ст. Шувакиш I; 100 – ст. Шувакиш II; 101 – ст. Шувакиш VIII; 102 – ст. Шувакиш IX (м.); 103 – ст. Шарташ II (м.); 104 – пос. Первое (1-е) Карасье озеро, Карасье озеро I (м.)*; 105 – ст. Мельзавод I; 106 – ст. Полетаевка II; 107 – ст. Чусовское озеро V; 108 – ст. Пышминская (Старопышминская) II; 109 – ст. Становая II; 257 – ст. Балтым XIII, 258 – ст. Балтым VI. Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 7. Map Б2 of the Gamayun culture sites of the Upper-Iset River (III) local variant:
Sites: 71 – Chernorechenskoye, on Chernaya River, Koptyaki 11 (campsite № 11. Gorodishche)*; 72 – Chernorechye (Chernorechenskaya) VI; 73 – Shanaikha, Shanaynaya Gorka, Koptyaki XI (11); 74 – Cape Tolstik, mount Tolstik, Koptyaki XII (№ 12)*; 75 – Isetskoye ozero XIV (№ 14); 76 – Koptyaki VI, Koptyaki 6 in the south-east of Cape Listvyanka (№ 6); 77 – Koptyaki IX (№ 9); 78 – Kalmatskiy brod; 79 – Novaya I–II; 80 – Chertovo gorodishche; 81 – Melkoye ozero, near Lake Melkoye; 82 – Cape Yelovy, Cape Yelnichny; 83 – Cape Yelovy II; 84 – settlement in the swamp at the foot of the cliff Mys Yelovy; 85 – Isetskoye Pravoberezhnoye III; 86 – Palkinskiye Pravoberezhnye; 87 – Palkinskoye on mount Malaya; 88 – Peregon I; 89 – Peregon II; 90 – Peregon V; 91 – Cape Gamayun; 92 – Rybachya Polyana; 93 – Pashnya Komarova I; 94 – Makusha, upper horizon; Verkhyaya Makusha, Verkhne-Makushinskoye; 95 – Palkinskoye Levoberezhnoye; 96 – Verkh-Isetskaya (Levoberezhnaya) I; 97 – Verkh-Isetskaya (Levoberezhnaya) II; 98 – Verkh-Isetskaya (Levoberezhnaya) III; 99 – Shuvakish I; 100 – Shuvakish II; 101 – Shuvakish VIII; 102 – Shuvakish IX; 103 – Shartash II; 104 – Pervoye (1st) Karasye ozero, Karasye ozero I; 105 – Melzavod I; 106 – Poletayevka II; 107 – Chusovskoye ozero V; 108 – Pyshminskaya (Staropyshminskaya) II; 109 – Stanovaya II; 257 – Baltym XIII; 258 – Baltym VI.

Рис. 8. Карта В памятников гамаюнской культуры иткульско-синарского (V) и уфимско-миасского (VI) локальных вариантов, а также местонахождений гамаюнской керамики на инокультурных памятниках среднего течения р. Исеть:
Памятники: 111 – пос., ст. Второе Карасье озеро*; 151 – гор. Второе Катайское, Катайское Второе (у.ж.)*; 168 – гор. Серный Ключ, средний горизонт (сел.)*; 169 – гор. Уфа VI, 1-я и 2-я пл.*; 170 – ст. Большая Егуста; 195 – пос. Шабарчино (м.); 214 – бархатовско-гамаюнское гор. Миасское I; 215 – пос. Долматовское (Далматовское), ст. Долматовская (Далматовская) (м.); 216 – насыпь кургана III у г. Шадринска (м.)*; 217 – гор. Носиловское II (м.)*; 218 – пос. Бабарыкино (Боборыкино) II (м.)*; 219 – пос. Ташково II (м.)*.
Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 8. Map B of the Gamayun culture sites of the Itkul-Sinara (V) and Ufa-Miass (VI) local variants, as well as the locations of Gamayun ceramics at foreign cultural sites of the Iset River middle reaches.
Sites: 151 – Vtoroye Karasye ozero; 151 – Vtoroye Katayskoye, Katayskoye Vtoroye; 168 – Serny Klyuch, middle horizon; 169 – Ufa VI, 1 and 2 sites; 170 – Bolshaya Yegusta; 195 – Shabarchino III; 214 – Barkhatovo-Gamayun fortified settlement Miasskoye I; 215 – Dolmatovskoye (Dalmatovskoye), Dolmatovskaya (Dalmatovskaya); 216 – Mound III near of the Shadrinsk town; 217 – Nosilovskoye II; 218 – Babarykino (Boborykino) II; 219 – Tashkovo II.

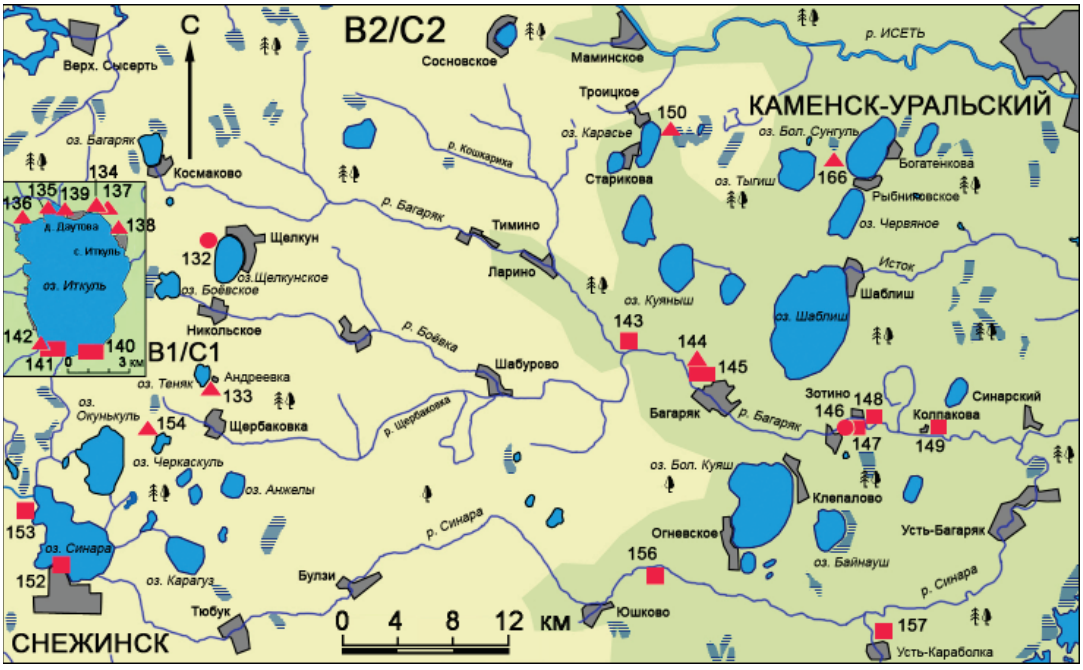

Рис. 9. Карты В1 и В2 памятников гамаюнской культуры иткульско-синарского локального варианта (V):
Гамаюнские памятники: 132 – сел. Щелкун, на оз. Щелкун (м.); 133 – ст. Теняк I; 134 – гор. Иткульское I, Иткульское Большое, Даутовское Большое (м.)*; 135 – ст. Иткульская 4-я, мыс Коровий; 136 – ст. Иткуль 47; 137 – ст. Иткуль 7; 138 – ст. Иткульская 5-я; 139 – ст. Абселямовская*; 140 – пос. Иткуль 19 (у.ж.); 141 – пос. Иткуль 26 на Лосином «острове» (2 у.ж.); 142 – ст. Иткуль 27 (возможно, Иткуль-3 или Иткуль-4 – по М.Н. Зименко); 143 – гор. Боёвское, Боевое; 144 – гор. Дальнее Багарякское, Дальне-Багарякское (м.)*; 145 – гор. Ближнее Багарякское, Ближне-Багарякское (у.ж.)*; 146 – Красный Камень, Зотинское I, ранний горизонт*; 147 – гор. Зотинское II, 1-я пл.*; 148 – гор. Зотинское IV*; 149 – гор. Колпаковское, ранний горизонт*;

150 – пос. Троицкое (м.); 152 – гор. Синарское I, мыс Небаской, ранний горизонт*; 153 – гор. Теплая гора, ранний горизонт*; 154 – ст. Черкаскуль I* (м.); 156 – гор. Каменогорское*; 157 – гор. Усть-Караболкское, Усть-Карабольское; 166 – пос. Сунгульское (м.). Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 9. Map B1 and B2 of the Gamayun culture sites of the Itkul-Sinara local variant (V):
Gamayun sites: 132 – Shchelkun, on Lake Shchelkun; 133 – Tenyak I; 134 – Itkulskoye I, Itkulskoye Bolshoye, Dautovskoye Bolshoye; 135 – Itkulskaya 4, Koroviy mys; 136 – Itkul 47; 137 – Itkul 7; 138 – Itkulskaya 4; 139 – Abselyamovskaya; 140 – Itkul 19; 141 – Itkul 26 on the “island” Losinyy; 142 – Itkul 27 (possibly Itkul-3 or Itkul-4 – according to M.N. Zimenko); 143 – Boyovskoye, Boyevoye; 144 – Dalneye Bagaryakskoye, Dalne-Bagaryakskoye; 145 – Blizhneye Bagaryakskoye, Blizhne-Bagaryakskoye; 146 – Krasny Kamen, Zotinskoye I, early horizon; 147 – Zotinskoye II, 1st site; 148 – Zotinskoye IV; 149 – Kolpakovskoye, early horizon; 150 – Troitskoye; 151 – Vtoroye Katayskoye, Katayskoye Vtoroye; 152 – Sinarskoye I, Cape Nebaskoy, early horizon; 153 – Teplaya Gora; 154 – Cherkaskul I; 156 – Kamenogorskoye; 157 – Ust-Karabolkskoye, Ust-Karabolskoye; 166 – Sungulskoye.

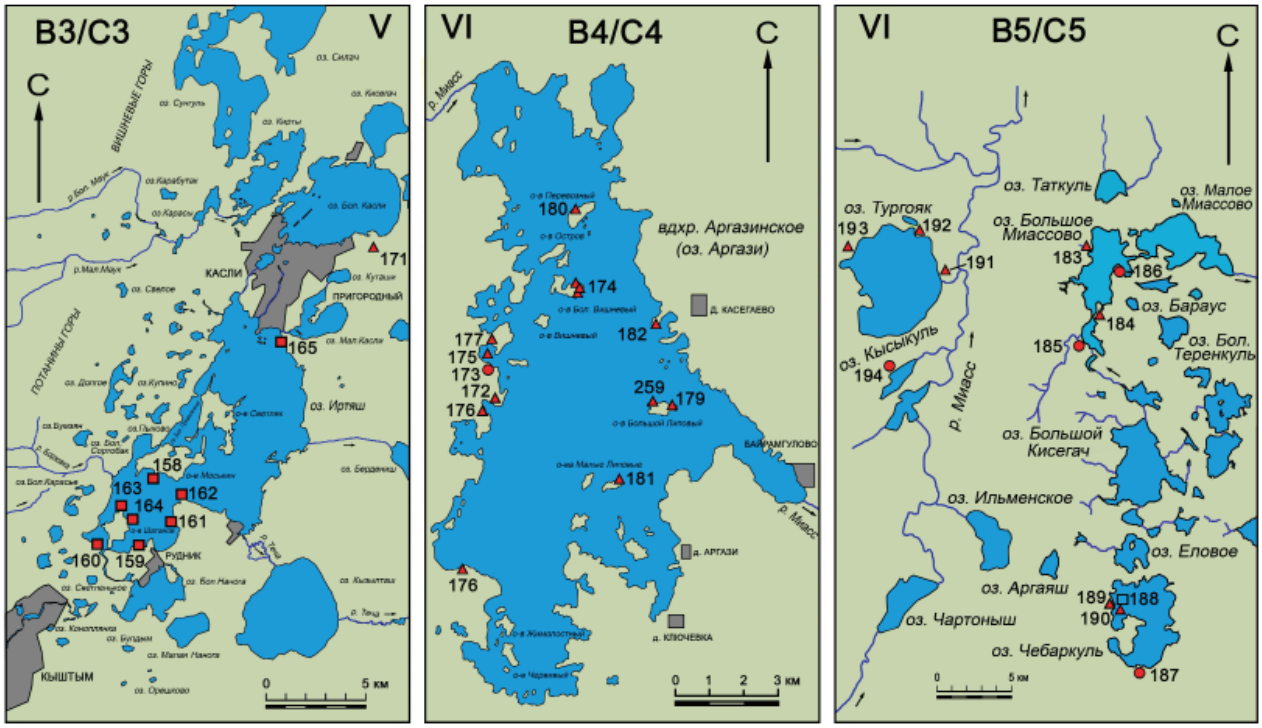

Рис. 10. Карты B2, B3, B4 некоторых памятников гамаюнской культуры иткульско-синарского (V) и уфимско-миасского (VI) локальных вариантов: Гамаюнские памятники: 158 – гор. Иртяшское I (1), Семёновское, Островки, Иртяш 9*; 159 – гор. Иртяшское II (2), Старая Займа*; 160 – гор. Иртяшское IV (4); 161 – гор. Иртяшское 6, Беседка*; 162 – гор. Иртяшское 7, Козий остров; 163 – гор. Иртяш 10, Шатанов 1*; 164 – гор. Иртяш 11, Шатанов 2*; 165 – гор. Иртяш 12, Толстый мыс; 172 – пос. Березки I (м.)*; 173 – пос. Березки II*; 174 – пос., ст. Березки V*, Va*, Vв* (м.); 175 – пос. Остров VIII (м.); 176, 177 – ст. Березки VIII*, XII* (м.); 178 – пос., ст. Аргази VI (м.); 179 – ст. Большой Липовый (остров) IV (м.); 180 – ст. Перевозный III; 181 – ст. Малый Липовый (остров) (м.); 182 – ст. Сигаево III (м.); 183 – Латочка*; 184 – ст. «В воротах»*; 185 – ст. Няшевка VII*; 186 – пос. Липовая Курья*; 187 – ст. Чебаркуль IV*; 188 – пос. Остров Липовый (гор.?); 189 – ст. Коровий мыс, Чайка II; 190 – ст. Остров Песчаный, пос. на острове Песчаный; 191–193 – ст. Тургояк I, IV, XIX; 194 – пос. Кысы-Куль, ст. Кысыкульская (м.)*; 259 – ст. Большой Липовый (остров) I (м.). Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 10. Maps B2, B3, B4 some of the Gamayun culture sites of the Itkul–Sinara (V) and Ufa–Miass (VI) local variants: Gamayun sites: 158 – Irtyashskoye I (1), Semyonovskoye, Ostrovki, Irtyash 9; 159 – Irtyashskoye II (2), Staraya Zayma; 160 – Irtyashskoye IV (4); 161 – Irtyashskoye 6, Besedka; 162 – Irtyashskoye 7, Koziy ostrov; 163 – Irtyash 10, Shatanov 1; 164 – Irtyash 11, Shatanov 2; 165 – Irtyash 12, Tolstyy mys; 172 – Berezki I; 173 – Berezki II; 174 – Berezki V, Va, Vв; 175 – Ostrov VIII; 176, 177 – Berezki VIII, XII; 178 – Argazi VI; 179 – Bolshoy Lipovy (island) IV; 180 – Perevozny III; 181 – Malyy Lipovy (island); 182 – Sigayevo III; 183 – Latochka; 184 – «V vorotakh»; 185 – Nyashevka VII; 186 – Lipovaya Kurya; 187 – Chebarkul IV; 188 – Ostrov Lipovy; 189 – Koroviy mys, Chayka II; 190 – Ostrov, on the island Peschany; 191–193 – Turgoyak I, IV, XIX; 194 – Kysy-Kul, Kysykulskaya; 259 – Bolshoy Lipovyy (island) I.

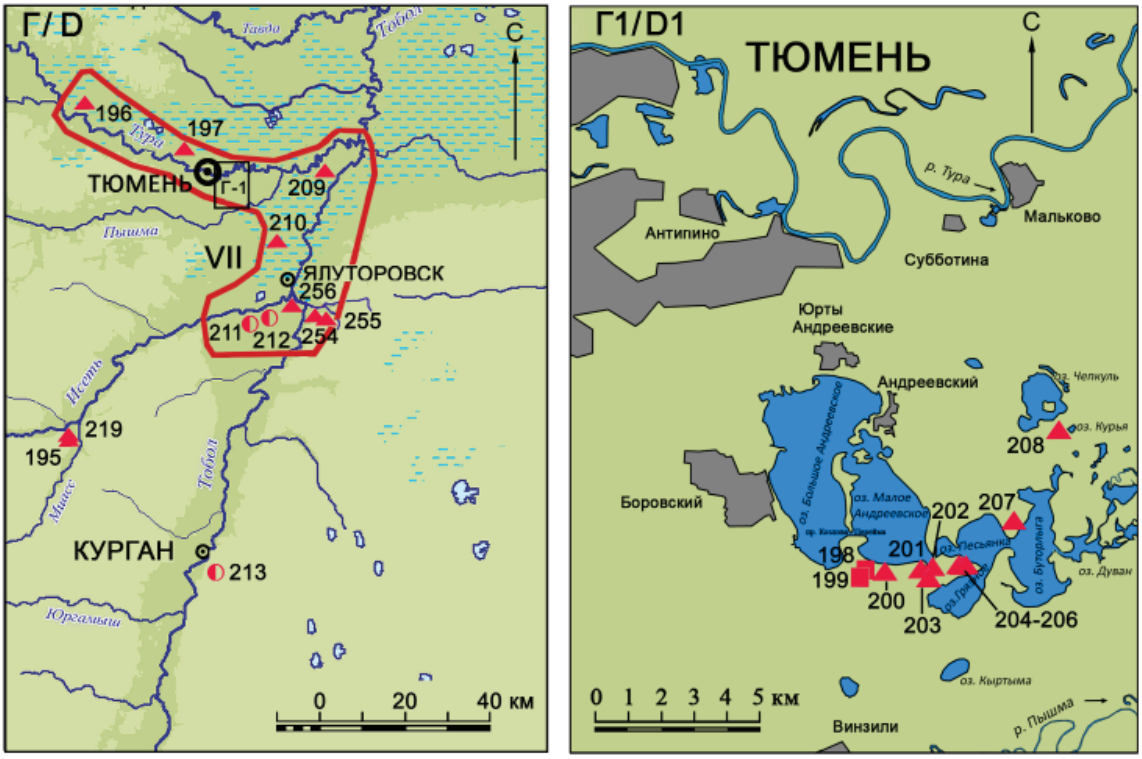

Рис. 11. Карты Г и Г1 памятников гамаюнской культуры нижне-тобольского (VII) локального варианта и нижнего течения р. Исеть: Гамаюнские памятники: 195 – пос. Шабарчино III (м.);196 – ст. Липчинская (м.)*; 197 – пос. Верхний Бор I (м.)*; 198 – гор. Андреевское № 5*; 199 – гор. Андреевское № 7*; 200 – ст. Андреевская 2, 2-я Андреевская, Вторая Андреевская (м.)*; 201 – гор. Андреевское 9 (м.); 202, 203 – пос. ЮАО (Южный берег Андреевского озера) 12 (XII)*, 17 (XVII) (м.); 204–206 – ст. Песьянка 5–7 (м.)*; 207 – ст. Буторлыжский мыс 3 (м.)*; 208 – ст. Курья I (м.)*; 209 – пос. Калачик 3 (м.)*; 210 – пос. Черемуховый Куст (м.)*; 211 – гор. Красногорское, Лизуново (м.)*; 212 – гор. Коловское, ранний горизонт (м.)*; 213 – гор. Усть-Утяк (Усть-Утякское) I, ранний горизонт*; 219 – пос. Ташково II (м.)*; 254 – ст. Заводоуковское 9 (м.)*; 255 – Заводоуковское 9 (м.)*; 256 – Щетково 2 (м.)*. Условные обозначения и сокращения – см. на рис. 1 и 4.

Fig. 11. Maps Г and Г1 of the Gamayun culture sites of the Lower Tobol River (VII) local variant and lower reach of the Iset River: Gamayun sites: 196 – Shabarchino III; 196 – Lipchinskaya; 197 – Verkhniy Bor I; 198 – Andreyevskoye № 5; 199 – Andreyevskoye № 7; 200 – Andreyevskaya 2, 2nd Andreyevskaya, Vtoraya Andreyevskaya; 201 – Andreyevskoye 9; 202, 203 – YUAO (Yuzhnyy bereg Andreyevskogo ozera, Southern shore of Lake Andreyevskoye) 12 (XII), 17 (XVII); 204–206 – Pesyanka 5–7; 207 – Butorlyzhskiy mys 3; 208 – Kurya I; 209 – Kalachik 3; 210 – Cheremukhovy Kust; 211 – Krasnogorskoye, Lizunovo; 212 – Kolovskoye, early horizon; 213 – Ust-Utyak (Ust-Utyakskoye) I, early horizon; 219 – Tashkovo II; 254 – Zavodoukovskoye 9; 255 – Zavodoukovskoye 9; 256 – Shchetkovo 2.

вы и Лозьвы (214). Остальные объекты находятся за его пределами: на р. Чусовой (7), в средних течениях Тавды, Пышмы, Исети и Миасса (13), в Пермском и Верхнем Прикамье (10), а также на северо-востоке Башкирии (46) (рис. 1–6).

Всего с гамаюнской керамикой на всех территориях известно до 13 укрепленных жилищ, восемь мысовых городищ, около 260 стоянок и селищ, а также девять местонахождений в пещерах и гротах. При этом гамаюнские материалы в большинстве случаев происходят с многослойных и инокультурных памятников (Берс, 1958; 1960; 1963; Сальников, 1960; 1963, с. 26, 46; Викторова, 1969; 1970; 2004; Борзунов, Стоянов, 1981; Борзунов, Нохрина, 1981; Борзунов, 1982; 1990; 1992, с. 34–43; 1999; 2014а; 2018а; 2018б; 2019а; 2019б; 2019в; Борзунов, Липский, 1984; Борзунов, Новиченков, 1988; Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993; Борзунов, Морозов, 1994; Любчанский, Наумов, 1996; Чаиркина и др., 2001; Гаврилюк, Наумов, 2004; Сериков, 2009; 2013; Чаиркина, 2011; Рыжников, 2012; Наумов, 2016; Мосин, 2020).

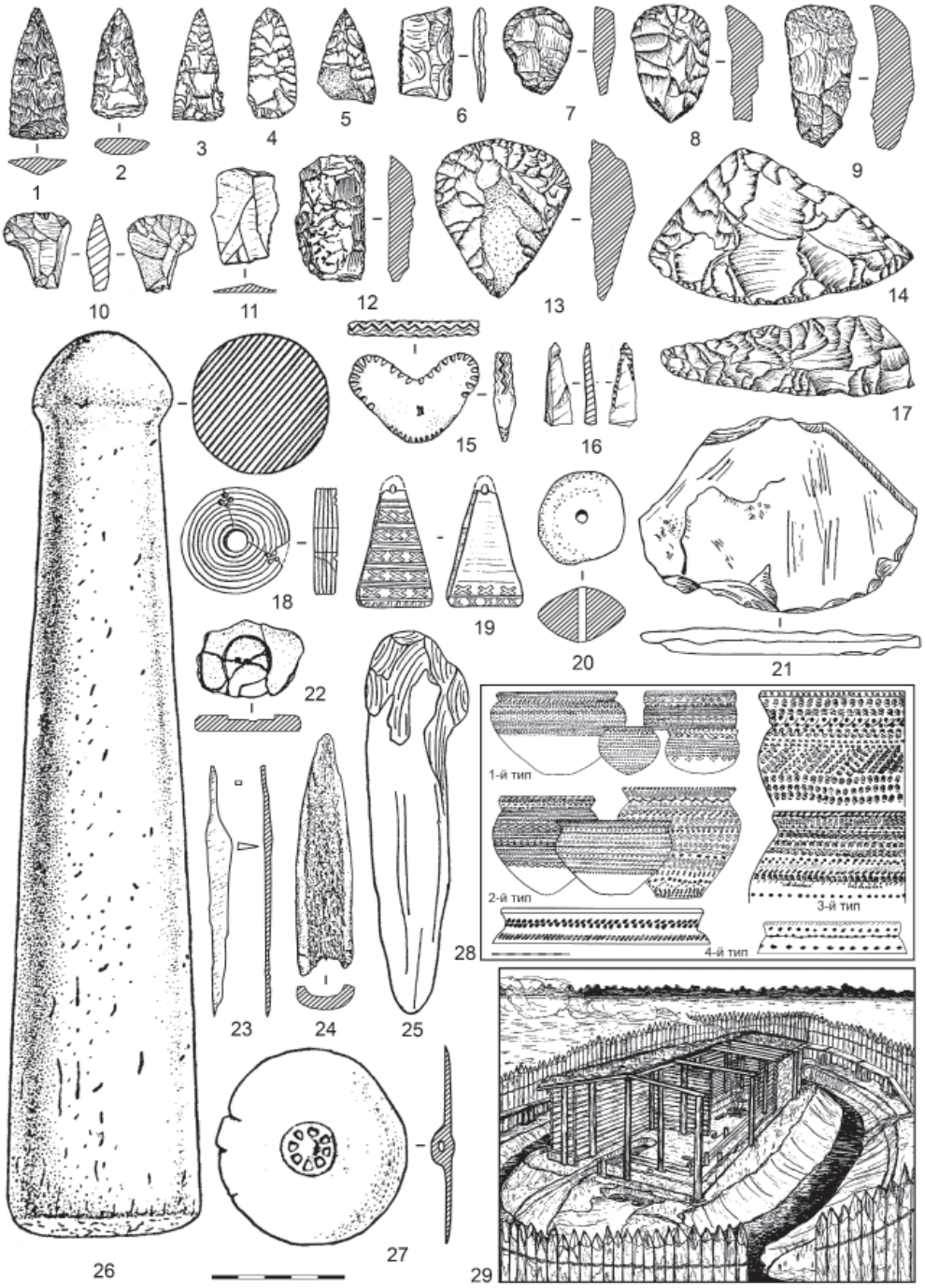

Рис. 12. Гамаюнская культура. Артефакты и укрепленное поселение:
1–5, 24 – наконечники стрел; 6 – пилка-нож; 7, 8 – скребки; 9, 12, 13 – скобели; 10 – долото; 11 – мясной нож; 14, 17 – кожевенные ножи; 15 – штамп для орнаментации керамики; 16 – сверло; 18 – диск с отверстием (деталь устройства для добывания огня); 19 – подвеска; 20 – грузило для рыболовной сети; 21 – скребло; 22 – формочка для отливки медной пуговицы; 23 – нож; 25 – кайло-мотыжка; 26 – пест; 27 – петельчатая бляха-«зеркало»; 28 – керамика четырех типов; 29 – Туманское Нижнее укрепленное жилище X–VIII вв. до н.э. (раскопки В.Д. Викторовой и В.И. Липского в 1963 г., В.И. Липского в 1966 г.; реконструкция В.А. Борзунова). 1–14, 16, 17 – кремень; 15, 19, 20, 22, 28 – глина, керамика; 18 – песчаник; 21 – сланец; 23 – железо; 24, 25 – кость; 26 – габбро; 27 – бронза. 1, 3, 8, 13 – городище Уфа VI; 2, 11, 12 – городище (укрепленное жилище) Мелкое Озеро; 4, 14, 22, 26, 27 – городище Зотинское IV; 6, 21 – Шайдурихинское укрепленное жилище; 7, 9, 10, 16, 19 – поселение на мысу Еловом; 15 – Туманское Нижнее укрепленное жилище; 17 – городище Зотинское II, 1-я пл.; 18, 23 – Палкинское левобережное селище на горе Маленькой; 20, 25 – Оськинское I укрепленное жилище.

Fig. 12. The Gamayun culture. Artifacts and fortified settlement:
1–5, 24 – arrowheads; 6 – saw-knife 7, 8 – scrapers; 8 – file–knife; 9, 12, 13 – push-planes; 10 – chisel; 11 – meat knife; 14, 17 – leather knives; 15 – stamp for decorating ceramics; 16 – drill; 18 – disk with a hole (part of a device for making fire); 19 – pendant; 20 – sinker for a fishing net; 21 – scraper; 22 – mould for casting a copper button; 23 – knife; 25 – pick–hoe; 26 – pestle; 27 – looped plaque -"mirror"; 28 – four types of ceramics; 29 – Tumanskoye Nizhneye (Lower) fortified dwelling of the 10 – 8 centuries BC (excavations by V.D. Viktorova and V.I. Lipsky in 1963, V.I. Lipsky in 1966; reconstruction by V.A. Borzunov). 1–14, 16, 17 – flint; 15, 19, 20, 22, 28 – clay, ceramics; 18 – sandstone; 21 – slate; 23 – iron; 24, 25 – bone; 26 – gabbro; 27 – bronze.
1, 3, 8, 13 – Ufa VI fortress (fortified settlement, hillfort); 2, 11, 12 – hillfort (fortified dwelling) Melkoye Ozero; 4, 14, 22, 26, 27 – Zotinskoye (Zotino) IV fortress (fortified settlement, hillfort); 6, 21 – Shaidurikha fortified dwelling; 7, 9, 10, 16, 19 – unfortified settlement on Cape Yelovy (mys Yelovyy); 15 – Tumanskoye Nizhneye (Lower) fortified dwelling; 17 – Zotinskoye / Zotino II fortress (fortified settlement, hillfort), 1 site; 18, 23 – Palkinskoye Levoberezhnoye settlement on Mount Malenkaya; 20, 25 – Oskinskoye I fortified dwelling.

Кроме того, следует заметить, что на территории Башкирии гамаюнские группы появились вследствие общей миграции зауральских общин на юг в начале I тыс. до н. э. – с целью поиска мест, благоприятных для ведения активного рыболовческо-охотничьего промысла. На этой территории практически не выявлено остатков долговременных гамаюнских поселений, тем более укрепленных. Впрочем, уфимские коллеги утверждают, что в горной долине р. Белой все же существовали поселки с «зауральским населением гамаюнской и иткульской культур» (Савельев, 2017, с. 120, рис. 4: 1–14). Эти «памятники представлены как сезонными стоянками, так и базовыми поселениями» (Савельев, 2017, с. 120; также см.: Обыденнов, 1997; Савельев, 2011; Котов, Румянцев, Савельев, 2014). Тем не менее на опубликованных рисунках среди явно инородной для данных мест тальковой посуды фиксируется только гамаюнская и исетская, и нет ни одного иткульского черепка.

Итог. К данной работе приложена общая карта культур первой половины раннего железного века лесного и северной части лесостепного Зауралья (рис. 1), 10 карт памятников гамаюнской культуры (рис. 2–10), а также изображение артефактов данной культуры и реконструкция одного укрепленного поселения-жилища с керамикой вагильского типа (рис. 12).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 92–104.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Вып. 21 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1993. С. 93–106.

Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 23 с.

Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.). Дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997б / Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 383, 383А.

*Бельтикова Г.В. Б*ольшегорское городище // Екатеринбург. Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: Академкнига, 2002. *С. 61*–62.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.

Бельтикова Г.В. Исетский куст Зауральского (иткульского) очага металлургии // Екатеринбург. Энциклопедия. Т. 1 (А – М) / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 480–481.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989. С. 88–98.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1991. С. 102–114.

Бельтикова Г.В., Викторова В.Д., Панина С.Н. Металлургические комплексы на острове Каменные Палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 134–158.

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II / МИА. № 21 / Ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951. С. 182–243.

Берс Е.М. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья (По материалам раскопок Средне-Уральской археологической экспедиции (СУАЭ) // Вопросы истории Урала. Вып. 1 / Ред. М.Я. Сюзюмов. Свердловск: УрГУ, 1958. С. 3–21.

Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1959. 83 с.

Берс Е.М. Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала / Ред. Ф.П. Быстрых и др. Свердловск: Средне-Урал.е кн. изд-во, 1960. 75–86.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1963. 84 с.

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 32–43.

Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 112–118.

Борзунов В.А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 78–118.

Борзунов В.А. Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 47–63.

Борзунов В.А. Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТГУ, 1987. С. 23–27.

Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. 1990. № 1. С. 15–33.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 189 с.

Борзунов В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 111–134.

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014а. С. 212–245.

Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2014б. С. 380–415.

Борзунов В.А. Варианты реконструкции стационарных жилищ конца бронзового – начала железного века западносибирской тайги // *Поволжская археология. 2018а. № 3. С. 169–190.*

Борзунов В.А. Зотинское III городище – укрепленный центр зауральских металлургов раннего железного века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018б. № 3 (46). С. 66–74.

Борзунов В.А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // РА. 2019а. № 3. С. 131–146.

Борзунов В.А. Зотинское II городище – пограничное укрепление раннего железного века горно-лесного Зауралья // Stratum plus. 2019б. № 3. С. 339–363.

Борзунов В.А. Городище Мелкое озеро (VIII в. до н. э. – VI в. н. э.) в горно-лесном Зауралье // РА. 2019в. № 2. С. 50–62.

Борзунов В.А. Шайтанское Озеро II: памятник раннего железного века в горно-лесном Зауралье // РА. 2021. № 3. С. 176–193.

Борзунов В.А. Серный Ключ – городище раннего железного века в верховьях Уфы // РА. 2022. № 2. С. 76–90.

Борзунов В.А. Гамаюнская культура // Екатеринбург. Энциклопедия. Т. 1 (А – М) / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: УрГУ, 2023а. С. 207–208.

Борзунов В.А. Исетская культура // Екатеринбург. Энциклопедия. Т. 1 (А – М) / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: УрГУ, 2023б. С. 479–480.

Борзунов В.А. Палкинское (Чудское, у д. Палкино) городище // Екатеринбург. Энциклопедия. Т. 2 (Н – Я) / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: УрГУ, 2023в. С. 85–87.

Борзунов В.А. Шайтанское городище конца эпохи бронзы в бассейне р. Кеть (Западная Сибирь): новая интерпретация // Stratum plus. 2024. № 2. С. 319–353.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинцев П.А., Кузьминых С.В. Металлургический «завод» раннего железного века в Уральских горах // Stratum plus. 2023. № 2. С. 201–242.

Борзунов В.А., Кузьминых С.В. Четыре культуры первой половины раннего железного века лесного Зауралья и Притоболья // Stratum plus. 2025. № 3. С. 97–148.

Борзунов В.А., Липский В.И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 90–105.

Борзунов В.А., Морозов В.М. К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) // РА. 1994. № 3. С. 136–153.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири ВАУ. Вып. 19 / / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 88–103.

Борзунов В.А., Нохрина Т.И. Березки II – поселение раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 52–62.

Борзунов В.А., Стоянов В.Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 27–40.

Борзунов В.А., Шорин А.Ф. Гафурийский тип памятников // Челябинская область. Энциклопедия. Т. I (А–Г) / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 813.

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: ТГУ, 1982. С. 3–14.

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейна рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Дисс. … канд. ист. наук. Рукопись (1-й вариант). Свердловск, 1967 / Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1970. С. 254–270.

Викторова В.Д. Археологические памятники // Екатеринбург. Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: Академкнига, 2002. *С. 18*–28.

Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 158–173.

Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник УрО РАН. 2008. № 2 (24). С. 79–93.

Виноградов Н.Б. Южный Урал в древности и средневековье. Учебное пособие. Челябинск: Абрис, 2015. 240 с.

Виноградов Н.Б. Южный Урал в древности и Средневековье. Научно-популярный очерк. Челябинск, 2022. 449 с.

Виноградов Н.Б. Бронзовые крылья истории. Челябинск: ГИМЮУ, 2023. 39 с.

Гаврилюк А.Г., Наумов А.М. Иртяшские городища // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2004. С. 35–40.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. Вып. 8 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1969. С 57–64.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 5 / Ред. В.Р. Цибульский и др. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. С. 103–106.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы. Т. 1: Археологические памятники / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зимина О.Ю., Сизов О.С., Цембалюк С.И. Стратегия заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная – подтаежная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 50–60.

Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Начало раннего железного века в Притоболье // Переходные эпохи в археологии / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 65–67.

Ковригин А.А., Шарапова С.В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН; БКИ, 1998. С. 67–73.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: УрГУ, 1988. 241 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, УрГУ, 1991. 53 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века). Дисс. … докт. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1993. 72 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. Т. 8 / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 289–304.

Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 / Отв. ред. С.Л. Воробьев. Уфа: Наследие, 2014. С. 16–17.

Кузьминых С.В. Гороховская культура // БРЭ. Т. 7 / Гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Российская энциклопедия, 2007. С. 488.

Липский В.И. Каменогорская культурная общность Урала. Дипломная работа. Екатеринбург, 1964 / Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 15б.

Любчанский И.Э., Наумов А.М. Иртяшское II городище // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим / Ред. тома А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 159–174.

Матвеева Н.П. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул, 1986. С. 88–90.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 21 с.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков / Ред. М.Ф. Косарев и др. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П. О гороховской культуре // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях / Ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов. Уфа: БГУ, 1991а. С. 84–87.

Матвеева Н.П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 1991б. С. 148–164.

Матвеева Н.П. О гороховской культуре в Зауралье // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Отв. ред. М.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 83–86.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА.1997. № 2. С. 63–77.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1998. 46 с.

Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 292–312.

Мосин В.С. Археологические исследования в Ильменском государственном заповеднике, Южный Урал // Минералогия. 2020. № 6 (2). С. 112–122.

Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самигулов Г.Х. История археологии Южного Зауралья. Челябинск: ЧГУ, 2002. 352 с.

Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртяшских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Ред. колл. С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, Н.А. Берсенева, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2016. С. 188–317.

Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели / Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Вып. 1. Уфа: Изд-во БЭК, 1997. 135 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. университет, 1995. 196 с.

Петрин В.Т. Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища. Эпохи камня и бронзы. Новосибирск: *Наука,* 1993. 212 с.

Пименов А.Б. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 640 с.

Рыжников Н.А. Археологические памятники окрестностей Екатеринбурга. Екатеринбург: Грачёв и партнёры, 2012. 76 с.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А. П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.

Сальников К.В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала / Отв. ред. Ф.П. Быстрых. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1960. С. 7–17.

Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961. № 2. С. 37–48.

Сальников К.В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки Челябинского областного краеведческого музея. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Челябинск: Челябгиз, 1962. С. 21–46.

Сальников К.В. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 1966. № 5. С. 118–124.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 366 с.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.

Сладкова Л.Н. Жилище лозьвинской культуры на поселении Сатыга // Тезисы докладов и сообщений 2-й Региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 1999. С. 60–63.

Сладкова Л.Н. Поселение Сатыга – памятник позднего бронзового века в верховьях р. Конды // Ежегодник Тобольского музея-заповедника 2002. Вып. I / Отв. ред. Е.М. Акулич. Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. С. 75–80.

Сладкова Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья – Западной Сибири // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 164–167.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. Вып. 119 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 52–61.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1970. С. 238–253.

Стоянов В.Е. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1973. С. 44–57.

Стоянов В.Е. Носиловское II поселение (О зауральских памятниках начала железного века) // ВАУ. Вып. 13 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1975. С. 115–136.

Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989. С. 98–103.

Таиров А.Д. Гороховская культура // Челябинская область. Энциклопедия. Т. I (А–Г) / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 934–935.

Таиров А.Д. Ранний железный век лесостепной зоны Южного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов» / Ред. С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, Н.А. Берсенева, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2016а. С. 16–31.

Таиров А.Д. Взаимодействие населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII-II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов» / Ред. С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, Н.А. Берсенева, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2016б. С. 443–467.

Троицкая Т.Н. Поселение VI–VI вв. до н.э. у с. Завьялово // КСИА. Вып. 114 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука,1968. С. 99–104.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков / Ред. М.Ф. Косарев и др. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. В.И. Матющенко, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1988. С. 57–77.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57–64.

Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 20 с.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург: БКИ, 2001. 196 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Иткульские древности из грабительских раскопок // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 207–211.

Чемякин Ю.П. Иткульские орнитоморфы, потерянные для науки // Седьмые Берсовские чтения (Екатеринбург, 2–4 декабря 2014 г.) / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 265–275.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА АН РТ, 2009. С. 216–238.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник Вып. 8. Т. II / Отв. ред. Е.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

Чикунова И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 82–91.

Информация об авторе:

Борзунов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); victor.borzunov@mail.ru

REFERENCES

Abramova, M. B., Stefanov, V. I. 1981. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 15. Sverdlovsk: Ural State University, *92–104* (in Russian).

Beltikova, G. V. 1977. In Stoianov, V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Urale i v Zapadnoi Sibiri (Archaeological studies in the Urals and Western Siberia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 119–133 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1993. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 21. Sverdlovsk: Ural State University, 93–106 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1997. *Zaural'skii (itkul'skii) ochag metallurgii (VII–III vv. do n.e.) (Trans-Urals (Itkul') Center of Metallurgy (5th — 3rd Centuries BC))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Beltikova, G. V. 1997. *Zaural'skii (itkul'skii) ochag metallurgii (VII–III vv. do n.e.) (Trans-Urals (Itkul') Center of Metallurgy (5th — 3rd Centuries BC))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Yekaterinburg. Archive of the Archaeological Museum of the Ural Federal University. F. III. dossier 383, 383A (in Russian).

Beltikova, G. V. 2002. In Maslakov, V. V. (ed. in chief.). *Yekaterinburg. Entsiklopediia (Yekaterinburg: Encyclopaedia).* Yekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 61–62 (in Russian).

Bel'tikova, G. V. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (Archaeology of the Urals and Western Siberia*). Ekaterinburg: Ural State University, 162–186 (in Russian).

Beltikova, G. V. 2023. In Maslakov, V. V. (ed. in chief.). *Yekaterinburg. Entsiklopediya. (Yekaterinburg. Encyclopedia)* 1. Yekaterinburg: Ural University, 480–481 (in Russian)

Beltikova, G. V., Borzunov, V. A. 1989. In Preobrazhenskii, A. A. (ed.). *Istoriia Urala s drevneishikh vremen do 1861 g. (History of the Urals from the ancient times till 1861).* Moscow: "Nauka" Publ., 88–98 (in Russian).

Beltikova, G. V., Borzunov, V. A., Koriakova, L. N. 1991. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 20*.* Yekaterinburg: Ural State University, 102–114 (in Russian).

Beltikova, G. V., Viktorova, V. D., Panina, S. N. 1993. In Koryakova, L.N. (ed.). *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri (Sites of ancient culture in the Urals and Western Siberia)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ., *134–158* (in Russian).

Bers, E. M. 1951. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, *182–243* (in Russian).

Bers, E. M. 1958. In Syuzyumov, M. Ya. (ed.). *Voprosy istorii Urala (Issues of the history of the Urals)* 1. Sverdlovsk: Ural State University*,* 3–21 (in Russian).

Bers, E. M. 1959. *Katalog arkheologicheskikh kollektsiy Sverdlovskogo krayevedcheskogo muzeya (The Catalog of Archaeological Collections of the Sverdlovsk Museum of Local Lore).* Sverdlovsk: "Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Bers, E. M. 1960. In Bystrykh, F. P. et al. (eds.). *Iz istorii Urala (From the History of the Urals)*. Chelyabinsk: "Middle Ural book publishing House" Publ., 75–86 (in Russian).

Bers, E. M. 1963. *Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovska i ego okrestnostey (Archaeological Sites of Sverdlovsk and its Neighbouring Area)*. Sverdlovsk: "Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Bobrov, V. V. 1999. In Bobrov, V. V. (ed.). Arkheologiya, etnografiya i muzeynoye delo (Archaeology, Ethnography and Museum Studies). Kemerovo: Kemerovo State University, 32–43 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1981. *In Stoyanov, V. E. (ed.). Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 15. Sverdlovsk: Ural State University*, 112–118 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1982. In Stoyanov V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii (Archaeological Studies of the North of Eurasia).* Sverdlovsk: Ural State University, *78–118* (in Russian).

Borzunov, V. A. 1986. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii (Issues of Ural-Siberian Archaeology).* Sverdlovsk: Ural State University, *47–63* (in Russian).

Borzunov, V. A. 1987. In Pletneva, L. M. (ed.). *Smeny kul'tur i migratsii v Zapadnoy Sibiri (Changes of cultures and migration in Western Siberia).* Tomsk: Tomsk State University, 23–27 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 15–33 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1992. *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura)* (*Trans-Urals between the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture))*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Borzunov, V. A. 1993. In Koryakova, L.N. (ed.). *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri (Sites of ancient culture in the Urals and Western Siberia)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ., 111–134 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1999. In *Rossiyskaya Arkheologija (Russian Archaeology)* (4), 5–23 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 79–97 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research).* Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 212–245 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2014. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* 12. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 380–415 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2018. In Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 46 (3), 169–190 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (3), 66–74 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3)*,* 131–146 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2019. In *Stratum plus* (3), 339–363 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 50–62 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3)*,* 176–193 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2)*,* 76–90 (in Russian).

Borzunov, V. A. 2023. In Maslakov, V. V. (ed. in chief.) *Yekaterinburg. Entsiklopediia (Yekaterinburg: Encyclopedia)* 1. Yekaterinburg*:* Ural University, *207–208 (in Russian).*

Borzunov, V. A. 2023. In Maslakov, V. V. (ed. In chief.) *Yekaterinburg. Entsiklopediia (Yekaterinburg: Encyclopedia)*. Vol. 1. Yekaterinburg*:* Ural University, *479–480 (in Russian).*

Borzunov, V. A. 2023. In Maslakov, V. V. (ed. In chief.). *Yekaterinburg. Entsiklopediia (Yekaterinburg: Encyclopedia)*. Vol. 2. Yekaterinburg*:* Ural University, *85–87 (in Russian).*

Borzunov, V. A. 2024. In *Stratum plus* (2), 319–353 (in Russian).

Borzunov, V. A., Beltikova, G. V., Kosintsev, P. A, Kuzminykh, S. V. 2023. In *Stratum plus* (2), 201–242 *(in Russian).*

Borzunov, V. A., Kuzminykh, S. V. 2025. In *Stratum plus* (3), 97–148 (in Russian).

Borzunov, V. A., Lipsky, V. I. 1984. In Stoyanov V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 90–105 (in Russian).

Borzunov, V. A., Morozov, V. M. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 136–153 (in Russian).

Borzunov, V. A., Novichenkov, N. N. 1988. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Material'naia kul'tura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri (Material culture of ancient population of the Urals and Western Siberia)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 19. Sverdlovsk: Ural State University, 88–103 (in Russian).

Borzunov, V. A., Nokhrina, T. I. 1981. In Troitskaya, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza (Issues of West Siberian Archaeology. The Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 52–62 (in Russian).

Borzunov, V. A., Stoianov, V. E. 1981. *In Stoianov, V. E. (ed.). Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 15. Sverdlovsk: Ural State University*, 27–40 (in Russian).

Borzunov, V. A., Shorin, A. F. 2008. In Bochkarev, K. N. (ed.). *Chelyabinskaya oblast'. Entsiklopediya (Chelyabinsk Region. Encyclopedia)* I. Chelyabinsk: "Kamenny poyas" Publ., 813 (in Russian).

Vasiliev, E. A. 1982. In Lukina, N. V. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya (Archaeology and Ethnography of the Ob River region).* Tomsk: Tomsk State University, 3–14 (in Russian).

Viktorova, V. D. 1967. *Arkheologicheskaya karta basseyna rr. Tury i Tavdy (opyt sistematizatsii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov). (Archaeological map of Tura and Tavda rivers basins. (experience of systematization and periodization of archaeological sites))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences.

Manuscript (1st version). Archive of the Archaeological Museum of the Ural Federal University. Yekaterinburg. F. III, dossier 127 (in Russian).

Viktorova, V. D. 1969. *Naseleniye epokhi zheleza lesnoy polosy Srednego Zaural'ya (Population of the Iron Age of the forest belt of the Middle Trans-Urals).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Sverdlovsk (in Russian).

Viktorova, V. D. 1970. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri (Issues of Chronology and Cultural Attribution of the West Siberian Archaeological Sites)*. Tomsk: Tomsk State University, 254–270 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2004. In Maslakov, V. V. (ed.). *Yekaterinburg. Entsiklopediia (Yekaterinburg: Encyclopaedia).* Yekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 18–28 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2004. In Viktorova, V. D. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala (Ceremonial sites of the mountain-forest Urals).* Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 158–173 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2008. In *Vestnik Uralskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk (The herald of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 24 (2), 79–93 *(in* Russian).

Vinogradov, N. B. 2015. *Iuzhnyi Ural v drevnosti i srednevekov'e. Uchebnoe posobie (Southern Urals in antiquity and Middle Ages: Textbook).* Chelyabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).

Vinogradov, N. B. 2022. *Yuzhniy Ural v drevnosti i Srednevekov'ye. Nauchno-populyarny oche rk (Southern Urals in antiquity and Middle Ages. Popular Scientific Essay)*. Chelyabinsk (in Russian).

Vinogradov, N. B. 2023. *BronzovYe kryl'ya istorii (Bronze wings of History)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of the Southern Urals (in Russian).

Gavrilyuk, A. G., Naumov, A. M. 2004. In Tairov, A. D., Ivanova, N. O. (eds.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals).* Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 35–40 (in Russian).

Gening, V. F., Evdokimov, V. V. 1969. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 8. Sverdlovsk: Ural state University, 57–64 (in Russian).

Zakh, V. A., Zimina, O. Yu. 2004. In *Problemy vzaimodeystviya cheloveka i prirodnoy sredy (Issues of interaction between a human and the natural environment)* 5. Tyumen: Institute for Problems of Northern Development. Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 103–106 (in Russian).

Zakh, V. A., Usacheva, I. V., Zimina, O. Yu., Skochina, S. N., Chikunova, I. Yu. 2014. *Drevnosti Andreevskoy ozernoy sistemy. Tom 1. Arkcheologicheskiye pamyatniki (Antiquities of the Andreevskoye Lake system. Vol. 1: Archaeological sites)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area at the Turn of Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zimina, O. Yu., Sizov, O. S., Tsembalyuk, S. I. 2021. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 72 (3), 50–60 (in Russian).

Zimina, O. Yu., Tsembalyuk, S. I. 2013. In Vaskul, I.O. (ed.). *Perekhodnyye epokhi v arkheologii (Transitional periods in archaeology)***.** Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 65–67 (in Russian).

Kovrigin, A. A., Sharapova, S. V. 1998. In Alekseev, V. V. (ed. in chief.). *Ural v proshlom i nastoyashchem (The Ural region in the past and present).* Part I. Ekaterinburg: SPC UB RAS; "Bank kulturnoi informatsii" Publ., 67–73 (in Russian).

Koryakova, L. N. 1988. *Ranniy zheleznіy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Koryakova, L. N. 1991. *Kulturno-istoricheskie obshchnosti Urala i Zapadnoi Sibiri (Tobolo-Irtyshskaia provintsiia v nachale zheleznogo veka)(Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province at the beginning of the Iron Age)).* Preprint. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural State University (in Russian).

Koryakova, L. N. 1993. *Kul'turno-istoricheskiye obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya na ranney i sredney stadiyakh zheleznogo veka) (Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province in the Early and Middle Stages of the Iron Age)).* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences in the form of Scientific Report. Novosibirsk (in Russian).

Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri (Bronze Age of Western Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kosarev, M. F. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 289–304 (in Russian).

Kotov, V. G., Rumyantsev, M. M., Savelyev, N. S. 2014. In Vorobyova, S. L. (ed.). *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan)* 1. Ufa: "Naslediye" Publ., 16–17 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2007. In Osipov, Yu. S. (ed.). *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (Great Russian Encyclopedia)* 7. Moscow: "Russian Encyclopedia" Publ., 488 (in Russian).

Lipsky, V. I. 1964. *Kamenogorskaya kul'turnaya obshchnost' Urala. (Kamenogorskaya cultural community of the Urals).* Archive of the Archaeological Museum of the Ural Federal University. Yekaterinburg. F. III. dossier 15б (in Russian).

Lyubchansky, I. E., Naumov, A. M. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals).*Series: Trudy muzeia-zapovednika Arkaim (Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve). Chelyabinsk: "Kamennyi poia" Publ., 159–174 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1986. In Kiryushin, Yu. F. (ed.) *Skifskaya epokha Altaya (Scythian era of Altai).* Barnaul, 88–90 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1987. *Ranniy zheleznyy vek Srednego Pritobol'ya (Early Iron Age of the Middle Tobol River region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Matveeva, N. P. 1989. In Kosarev, M. F., et al. (eds.). *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (West Siberian forest steppe at the turn of the Bronze and the Iron Ages).* Tyumen': Tyumen State University Publ., 77–102 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1991. In Mazhitov, N. A., Obydennov, M. F., Gorbunov, V. S. (eds.). *Problemy pozdney bronzy i perekhoda k epokhe zheleza na Urale i sopredel'nykh territoriyakh (Issues of the Late Bronze Age and the transition to the Iron Age in the Urals and nearby areas).* Ufa: Bashkirian State University, 84–87 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1991. In Matveeva, N. P. (ed.). *Istochniki po etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri (Sources on the ethnic-cultural history of Western Siberia).* Tyumen: Tyumen State University, 148–164 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1996. In Mazhitov, N. A., Obydennova, M. F. (ed). *Aktual'nye problemy drevnei istorii i arkheologii Iuzhnogo Urala (Current Issues of Ancient History and Archaeology of the Southern Urals).* Ufa: "Vostochnyi universitet" Publ., 83–86 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 63–77 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1998. *Sotsial'no-ekonomicheskiye struktury drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri (ranniy zhelezni vek lesostepnoy i podtayezhnoy zon). (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia (Early Iron Age of Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas)).* Thesis of Diss. od Doctor of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas)*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 292–312 (in Russian).

Mosin, V. S. 2020. In *Mineralogiya (Mineralogy)*, 2 (6), 112–122 (in Russian).

Mosin, V. S., Grigor'ev, S. A., Tairov, A. D., Botalov, S. G., Samigulov, G. Kh. 2002. *Istoriia arkheologii Iuzhnogo Zaural'ia (History of Archaeology in the Southern Trans-Urals Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).

Naumov, A. M. 2016. *In Botalov, S. G., Tairov, A. D., Berseneva, N. A., Ivanova, N. O. (eds.). Arkheologiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis).* Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnic genesis of the Ural peoples). Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 188–317 (in Russian).

Obydennov, M. F. 1997. *Arkheologicheskie pamiatniki verkhov'ev Agideli (Archaeological Sites in the Upper Agidel (Belaya) River Area)*. Series: Otchety Ishtuganovskoi kompleksnoi ekspeditsii (Reports of the Ishtuganovo Complex Expedition) 1. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

Obydennov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of the Ancient Ural Population (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Ekaterinburg: Ural University (in Russian).

Petrin, V. T., Nokhrina, T. I., Shorin, A. F. 1993. *Arkheologicheskie pamiatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokha kamnia i bronzy) (Archaeological Sites of Argasi Reservoir (the Stone and Bronze Age)).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pimenov, A. B. 2019. *Kul'tovye bronzy zaural'skikh metallurgov rannego zheleznogo veka. Itkul'skaya arkheologicheskaya kul'tura: katalog. (Cultic bronzes of Trans-Ural metallurgists of the Early Iron Age. Itkul archaeological culture: catalogue).* Yekaterinburg: "Izdatelskie resheniia" Publ. (in Russian).

Ryzhnikov, N. A. 2012. Arkheologicheskiye pamyatniki okrestnostey Ekaterinburga (Archaeological sites from the environs of Yekaterinburg).Yekaterinburg: "Grachev i partner" Publ. (in Russian).

Savelyev, N. S. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, *42–70* (in Russian).

Savelyev, N. S. 2017. *In Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology) 19 (1), 114–129 (in Russian).*

Salnikov, K. V. 1960. In Bystrykh, F. P. et al. (eds.). *Iz istorii Urala (From the History of the Urals)*. Chelyabinsk: "Middle Ural book publishing House" Publ., 7–17 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 37–48 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1962. In *Kraevedcheskie zapiski Cheliabinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Local history transactions of the Chelyabinsk Regional Museum of Local Studies)* 1. Chelyabinsk: "Cheliabgiz" Publ., 21–46 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1966. In *Sovetskaya Etnografiya (Soviet Ethnography)* (5), 118–124 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2009. *Peshchernye svyatilishcha reki Chusovoy. (Cave sanctuaries of the Chusovaya River).* Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Academy (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2013. *Shaitanskoe ozero – sviashchennoe ozero drevnosti (Shaitanskoye Lake, an ancient time sacral lake).* Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Academy (in Russian).

Sladkova, L. N. 1999. In *Tezisy dokladov i soobshcheniy 2-y Regional'noy muzeynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu KhMAO (Abstracts of papers of the II Regional Museum Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug).* Nizhnevartovsk, 60–63 (in Russian).

Sladkova, L. N. 2003. In Akulich, E. M. (ed.). *Yezhegodnik Tobol'skogo muzeya-zapovednika 200 (Yearbook of the Tobolsk Museum-Reserve 2002)* I. Tobol'sk: Tobol'sk State Historical and Architectural Museum-Reserve, 75–80 (in Russian).

Sladkova, L. N. 2007. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (17th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 164–167 (in Russian).).

Stoyanov, V. E. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 119. Moscow: "Nauka" Publ., 52–61 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1970. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri (Issues of Chronology and Cultural Attribution of the West Siberian Archaeological Sites)*. Tomsk: Tomsk State University, 238–253 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1973. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Archaeology of the Urals)* 12. Sverdlovsk: Ural State University, 44–57 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1975. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Archaeology of the Urals)* 13. Sverdlovsk: Ural State University, 115–136 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1989. In Preobrazhenskii, A. A. (ed.). *Istoriia Urala s drevneishikh vremen do 1861 g. (History of the Urals from the ancient times till 1861).* Moscow: "Nauka" Publ., 98–103 (in Russian).

Tairov, A. D. 2008. In Bochkarev, K. N. (ed. In chief.). *Cheliabinskaia oblast': Entsiklopediia (Chelyabinsk Oblast': Encyclopedia)* I. Chelyabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 934–935 (in Russian).

Tairov, A. D. 2016. *In Botalov, S. G., Tairov, A. D., Berseneva, N. A., Ivanova, N. O. (eds.). Arkheologiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest,*

forest-steppe (problems of cultural genesis). Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnic genesis of the Urals peoples). Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 16–31 (in Russian).

Tairov, A. D. 2016. *In Botalov, S. G., Tairov, A. D., Berseneva, N. A., Ivanova, N. O. (eds.). Arkheologiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis).* Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnic genesis of the Urals peoples). Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 443–467 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1968. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 114. Moscow: "Nauka" Publ., 99–104 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1985. In Vasilievsky, R. S. (ed.). *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e (Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages).* Tyumen: Tyumen State University, 54–69 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Zakh, V. A., Sidorov, E. A. 1989. In Kosarev, M. F. et al. (eds.). *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (West Siberian forest steppe at the turn of the Bronze and the Iron Ages).* Tyumen': Tyumen State University Publ., 103–116 (in Russian).

Trufanov, A. Ya. 1988. *In Matyushchenko, V. I., Tomilov, N. A. (erds.). Problemy etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Issues of the ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent areas). Omsk: Omsk State University, 57–77 (in Russian).*

Tsembaliuk, S. I. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 10, 57–64 (in Russian).

Tsembaliuk, S. I. 2017. *Baitovskaia kul'tura nachala rannego zheleznogo veka v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e (Bayitovo culture of the Early Iron Age in the forest-steppe and sub-taiga parts of the Tobol River basin).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Tyumen (in Russian).

Chairkina, N. M. 2011. *Pogrebal'nye kompleksy epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaia Gora V) (Burial assemblages of the Eneolithic and the Early Iron Ages of Trans-Urals: materials of the burial site of Skvortsovskaya Gora V)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

Chairkina, N. M., Savchenko, S. N., Serikov, Yu. B., Litvyak, A. S. 2001. *Arkheologicheskiye pamyatniki Shigirskogo torfyanika (Archaeological sites of the peat bog of Shigir)*. Yekaterinburg: "Bank kulturnoi informatsii" Publ. (in *Russian).*

Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity).* Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

Chemiakin, Yu. P. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research).* Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 207–211 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2016. In Viktorova, V. D. (ed.). *Sed'mye Bersovskie chteniia (Seventh Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 265–275 (in Russian).

Chemiakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 216–238 (in Russian).

Chemiakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8) II. Tver: "Triada", 43–74 (in Russian).

Chikunova, I. Yu. 2005. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 6, 82–91 (in Russian).

About the Author:

Borzunov Victor A. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; victor.borzunov@mail.ru

Статья поступила в журнал 10.02.2025 г.
Статья принята к публикации 05.06.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.100.117

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ГОРОДИЩА КАРА-АБЫЗ А.В. ШМИДТА В 1928 Г. ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН[1]

©2026 г. В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева, А.С. Проценко

Основная цель публикации – введение в научный оборот материалов раскопок городища Кара-Абыз, произведенных совместной экспедицией ГАИМК и Правительством Башкирской АССР в 1928 году под руководством А.В. Шмидта. Городище Кара-Абыз является эпонимным для кара-абызской культуры, которая была выделена в основном по результатам раскопок 1928 года. Однако, до последнего времени, несмотря на неоднократные исследования, материалы памятника полноценно так и не введены в научный оборот. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел. В публикации представлена коллекция предметов, хранящаяся в Национальном музее Республики Башкортостан (НМ РБ). Также в статье использованы архивные документы из фондов НМ РБ и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: археология, городище, лесостепное Предуралье, ранний железный век, кара-абызская культура, история археологии, археологические раскопки, культурный слой, керамика.

MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE KARA-ABYZ HILLFORT, CONDUCTED BY A.V. SCHMIDT IN 1928, FROM THE HOLDINGS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN[2]

V.V. Ovsyannikov, S.L. Vorobyeva, A.S. Protsenko

The main objective of this publication is to introduce into scientific discourse the excavation materials from the Kara-Abyz hillfort, discovered in 1928 by a joint expedition of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK) and the Government of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, directed by A.V. Schmidt. The Kara-Abyz hillfort is eponymous for the Kara-Abyz culture, which was originally defined largely based on the findings from these 1928 excavations. However, despite subsequent investigations, the materials from this archaeological resource has never been fully published or made accessible to the academic community. This paper aims to partially bridge this gap. It presents a collection currently housed at the National Museum of the Republic of Bashkortostan, supplemented by archival documents from the museum holdings and the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Keywords: archaeology, hillfort, forest-steppe Fore-Urals, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, history of archaeology, archaeological excavations, cultural layer, ceramics.

Впервые городище Кара-Абыз упоминается в дневниковых записях капитана Н.П. Рычкова (Рычков, 1770, с. 140–142). Николай Петрович Рычков в рамках Академических экспедиций под руководством П.С. Палласа совершил путешествие по Уфимской губернии в 1769 году. Помимо прочего, он посетил «старинный городок», известный местному населению. Н.П. Рычков составил первый топографический план памятника (рис. 1: 1). Датировку данного памятника в XVIII веке установить было невозможно.

Дальнейшие исследования памятника связаны с именем Филиппа Диомидовича Нефедова, журналиста и этнографа, проводившего раскопки археологических памят-

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01627 «Многослойные городища лесостепного Предуралья: ландшафтно-климатические изменения и культурно-исторические процессы».

[2]The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01627 "Multilayered settlements of the forest-steppe Urals: landscape and climatic changes and cultural and historical processes".

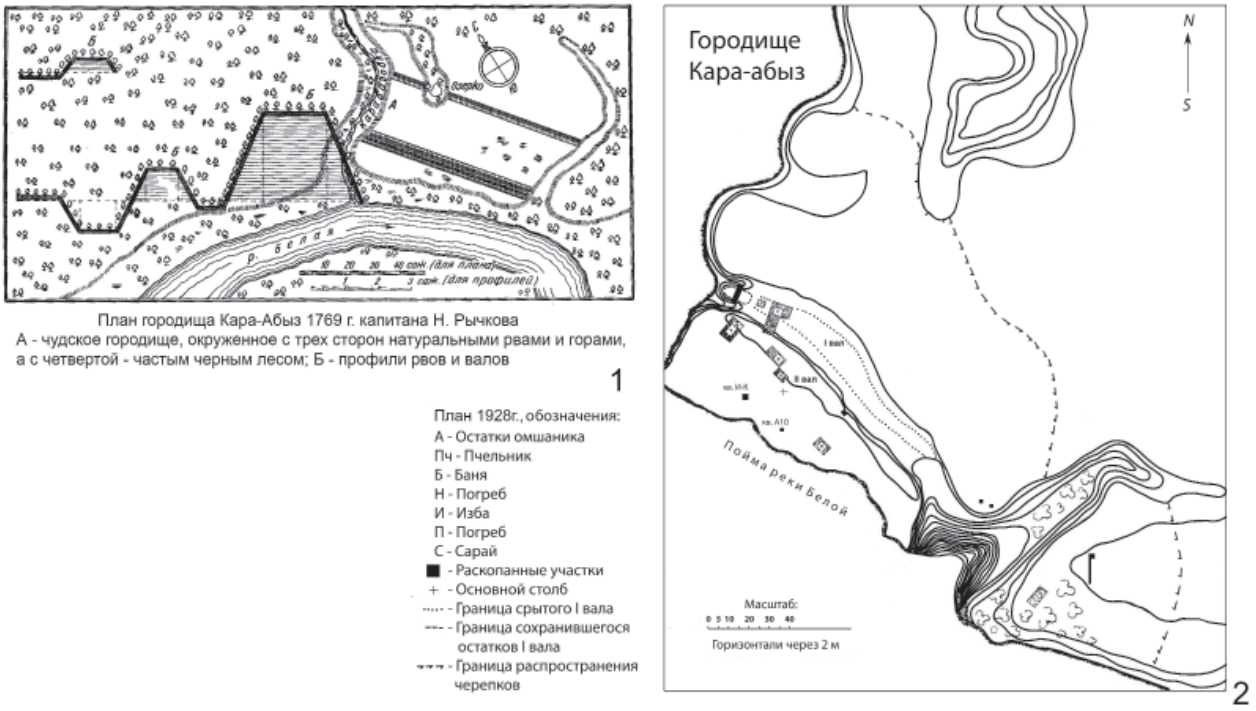

Рис. 1. 1 – план городища Кара-Абыз 1769 г.; 2 – план городища Кара-Абыз, выполненный А.В. Шмидтом в 1928 году

Fig. 1. 1 – plan of the Kara-Abyz hillfort (1769); 2 – plan of the Kara-Abyz hillfort by A.V. Schmidt in 1928.

ников в Прикамье и Приуралье по заданию Московского археологического общества в 1893–1894 гг. Летом 1894 года им были произведены небольшие раскопки на городище Кара-Абыз (Нефедов, 1899, с. 70–71). Раскопки не документированы. Коллекция предметов хранится в Государственном историческом музее в г. Москве.

В 1921 г. сотрудник Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьянов был командирован в «район Юж. Уралья (уезды Уфимский, Бирский, Златоустовский, Челябинский, Верхне-Уральский, Троицкий и смежные с ними)» (НМ РБ. ДФ. НВ 23903/78). В ходе этой экспедиции он побывал на городище Кара-Абыз и купил у местного жителя найденную на городище или где-то в его окрестностях бронзовую секиру с головой птицы (рис. 2: 1). На закупки экспонатов у местных жителей М.И. Касьянову в этот год было выделено 75 000 руб. (НМ РБ. ДФ. НВ 23903/80). В этой же экспедиции М.И. Касьянов собрал небольшую коллекцию: бронзовый чекан (рис. 6: 1), бронзовый кельт (рис. 6: 2), бронзовую бляху, точильный камень, замок и несколько фрагментов керамики (НМ РБ. ФА. ОФ 255). В документах музея не сохранилась информация, каким образом М.И. Касьянов получил эти вещи. Вероятнее всего, часть он сумел собрать на городище, часть получил от жителей деревни.

В 1920-е гг. музей посетил финский археолог А.М. Тальгрен (1885–1945 гг.), занимавшийся изучением ананьинской культуры эпохи раннего железа. Он опубликовал секиру с изображением птицы в своей работе (Tallgren, 1937, p. 18, d. 5). Впоследствии предмет был украден в 1939 г. из экспозиции музея (Акты приема…, с. 102). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Важным событием для археологии Башкортостана стал приезд комплексной Уральской экспедиции Академии наук СССР из Ленинграда под руководством С.И. Руденко, в составе которой работал археологический отряд известного советского археолога Алексея Викторовича Шмидта (1894–1935 гг.). Немалая заслуга принадлежит здесь активистам «Общества по изучению Башкирии»[1]. В первоначальном варианте плана работ экспедиции АН СССР проведение археологических работ не предусматривалось. Однако, учитывая недостаточные сведения об археологических памятниках региона, Совет «Общества», озна-

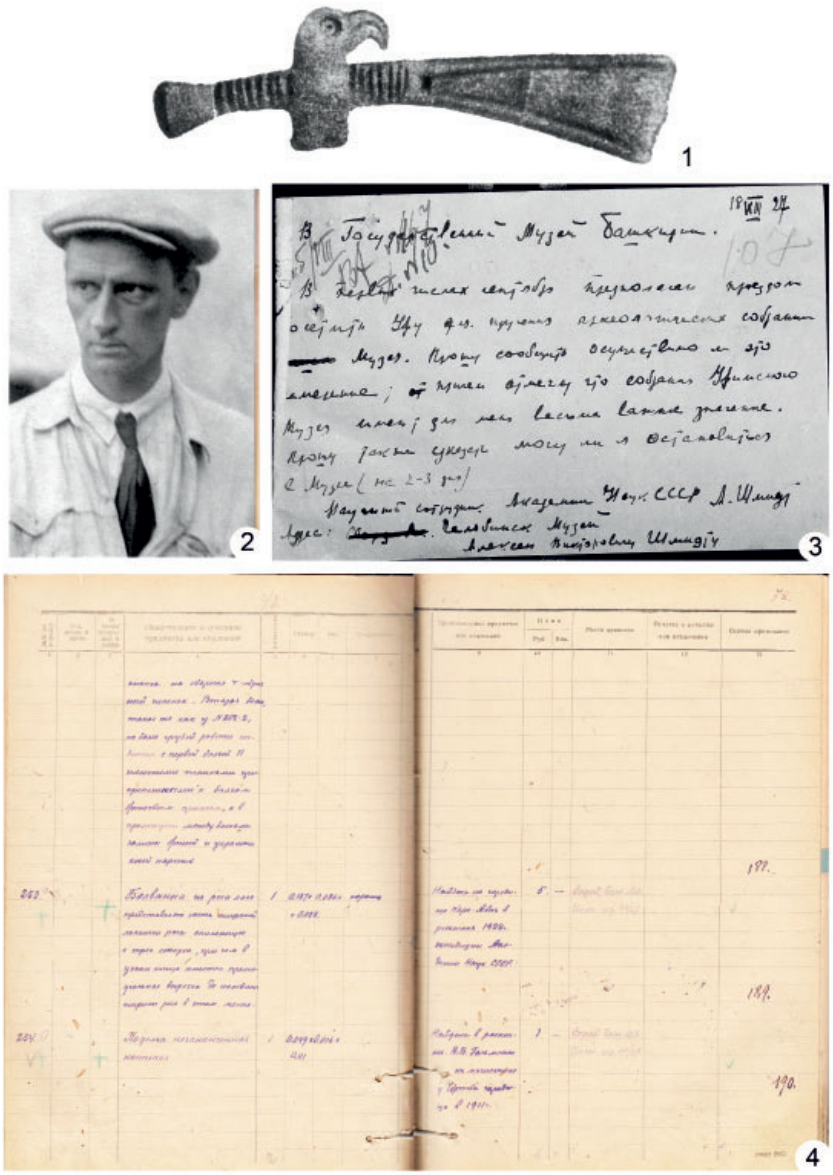

Рис. 2. 1 – фотография топора-секиры, найденного на городище Кара-Абыз (НМ РБ. ДФ. НВ 18829/2/29); 2 – фото Шмидта Алексея Викторовича из фондов НМ РБ (1894 – 1935) (НМ РБ. ДФ. ОФ 4012); 3 – письмо А.В. Шмидта в музей (НМ РБ. ДФ. НВ 23909/26); 4 – инвентарная опись коллекции 1938-1939 гг. (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 39)

Fig. 2. 1 – photo of a battle-axe found at the Kara-Abyz hillfort (National Museum of the Republic of Bashkortostan [NM RB]. Documentary Fund [DF]. HB 18829/2/29); 2 – photo of Alexey Viktorovich Schmidt from the collections of the NM RB (1894–1935) (NM RB. DF. OB 4012); 3 – letter from A.V. Schmidt to the museum (NM RB. DF. HB 23909/26); 4 – inventory list of the collection from 1938–1939 (NM RB. Scientific Archive [NA]. Series 1 [Оп. 1]. File 39 [Д. 39]).

комившись с планом экспедиции АН СССР, на своем заседании от 16 августа 1927 г. вынес пожелание включить в него историко-археологические и лингвистико-фольклорные исследования. Просьба была удовлетворена правительством республики и АН СССР, результатом чего явился приезд археологического отряда под руководством А.В. Шмидта. В состав группы А.В. Шмидта входили сотрудники АН СССР: А.П. Булгаков (ведавший фотографической частью), А.Г. Томас (лаборант), Н.Б. Эмлер (приняла участие в обработке материала) и научно-технический сотрудник А.И. Хвостов. Кроме того, в работах экспедиции принимали участие: ассистент Ленинградского университета Р.В. Шмидт

(родная сестра А.В. Шмидта, художница), сотрудник Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьянов (Шмидт, 1929, с. 3–4), который вступил в Общество по изучению Башкирии в 1924 г. (Воробьева, 2021, с. 75). Работы проводились в августе и сентябре 1928 г.

В фондах археологии Национального музея Республики Башкортостан (далее – НМ РБ) хранится коллекция из раскопок А.В. Шмидта 1929 г. (НМ РБ. ФА. ОФ 189, 191, 194–254, 17048), коллекция из сборов М.И. Касьянова 1920-х гг. В документальном фонде (НМ РБ. ДФ. Ф. 308) и научном архиве музея (НМ РБ. НА. Оп. 1) имеются документы, рассказывающие об экспедиции 1928 г.: фотография А.В. Шмидта (рис. 2: 2), протоколы заседаний Научного совета музея, приказы директора, протоколы производственных заседаний, отдельные письма и служебные записки. Все они свидетельствуют о том, что экспедиция под руководством А.В. Шмидта проводилась при финансовом и организационном участии нескольких учреждений: Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, сейчас – ИИМК РАН), Башкирского центрального краеведческого музея (сейчас – НМ РБ), Общества по изучению Башкирии при Наркомпросе.

Полевые материалы А.В. Шмидта о раскопках городища Кара-Абыз хранятся в Научном архиве ИИМК РАН: «полевой дневник раскопок (176 л.) с глазомерными и раскопочными планами, описаниями пластов, стратиграфии, полевыми описями находок, фотографиями (РО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 84); отдельная опись керамики (стандартная и поквадратная) (РО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 85); комплекс фотографий, на которых запечатлены общие виды памятника, процесс раскопок (ФО. Отп. О.94/21–38; О.95/21–38), находки и керамика (ФО. Отп. О.94/15–17, 19)» (Григорьева, 2025, с. 30).

Впервые А.В. Шмидт как научный сотрудник Академии наук СССР написал в музей в 1927 г. с просьбой принять его «для изучения археологического собрания на 2–3 дня» (рис. 2: 3). При этом он хотел «остановиться в здании музея». В ответ он получил письмо, что «музей готов его принять, но свободных квартир нет» (НМ РБ. ДФ. НВ 23909/26).

Судя по архивным документам НМ РБ, экспедиция 1928 г. должна была финансироваться Обществом по изучению Башкирии и музеем (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 10, л. 15). На деньги музея было закуплено оборудование, в том числе и сита для просеивания земли (НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2а. НВ 18962/1-2. Л. 1–2; Д. 1. ОФ 4012. Л. 1).

В фондах музея сохранились как археологические коллекции из раскопок в фондах археологии, так и документальные источники: полевые фотографии А.В. Шмидта, его переписка с музеем и финансовые документы экспедиции (НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2а, НВ 18962/1-2. Л. 1–2; Д. 1. ОФ 4012. Л. 1).

В 1929 г. материалы археологических находок с городища Кара-Абыз поступили в археологические фонды НМ РБ. Всего А.В. Шмидтом сдано 1275 предметов (НМ РБ. ФА. ОФ 189, 191, 194–254, 17048), из них 718 предметов было списано в разные годы. Сейчас в наличии 557 артефактов (из них 30 пр. не обнаружено), которые полностью описаны и опубликованы на портале Государственного каталога Музейного фонда РФ (https://goskatalog.ru/). В коллекции всего 488 массовых предметов (фрагменты лепных сосудов) и 69 индивидуальных предметов. Полное описание коллекции в инвентарных книгах музея впервые сделал археолог Б.А. Коишевский (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 39) (рис. 2: 4).

Материалы раскопок А.В. Шмидта были частично опубликованы в двух статьях автора раскопок (Шмидт, 1929; Шмидт, 1933). В том числе опубликован план городища (рис. 1: 2). Обращает на себя внимание изменившаяся ситуация со времени составления первого плана памятника Н.П. Рычковым в 1769 году. Значительно увеличилась пойменная часть реки. Вероятно, это связано с изменением русла, произошедшим за 159 лет, прошедших со времени составления первого плана. Также на плане А.В. Шмидта отсутствует второй напольный вал, отмеченный Н.П. Рычковым. Вероятно, этот вал был распахан крестьянами д. Городок, которая возникла неподалеку от городища, уже после посещения памятника Н.В. Рычковым. В период обследования городища Н.П. Рычковым окрестности городища были не заселены, а местность вокруг городища покрыта лесом, за исключением самой площадки памятника. А.В. Шмидтом уже зафиксированы различные хозяйственные и жилые постройки, принадлежавшие жителям этой деревни на цитадели городища. Сама

цитадель и валы практически свободны от лесной растительности. Пашня, относящаяся к деревне, подходила вплотную к линии вала с напольной стороны. Границы культурного слоя, расположенные за пределами первого вала городища и определенные А.В. Шмидтом по подъемному материалу на пашне, совпадают с линией напольных укреплений плана Н.П. Рычкова. Таким образом, общая площадь укрепленной площадки памятника должна рассчитываться с учетом этого обстоятельства. А.В. Шмидтом был также обнаружен культурный слой на мысу к юго-востоку от основной площадки памятника. Эта неукрепленная часть поселения являлась селищем синхронным городищу.

В настоящее время площадка памятника свободна от хозяйственных построек и заросла лесом. Пространство за первым валом занято сосновыми насаждениями. Непосредственно к границам культурного слоя примыкают садовые участки, возникшие на месте пашен бывшей д. Городок (Проценко, Курманов, 2019).

В 1928 г. А.В. Шмидтом было заложено несколько небольших раскопов на цитадели, оборонительной линии и соседнем мысу. Непосредственно на цитадели заложено два раскопа, обозначенные как квадрат А10 (размер 2×2 м) и квадрат И–К (размер 3×3 м). Именно материалы этих раскопов были переданы на хранение в Национальный музей РБ, остальные коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Поэтому в данной публикации нами будут рассмотрены материалы двух раскопов, заложенных А.В. Шмидтом на цитадели городища.

Раскопы вскрывались по штыкам 20–25 см (лопатам – в полевом дневнике А.В. Шмидта). После каждого штыка поверхность раскопов зачищалась и расположение прослоек наносилось на план (рис. 3: 1). Глубина раскопа фиксировалась после каждого штыка по углам и центру квадратов. Культурный слой просеивался через сито. Об этом говорят документы о закупке этого оборудования для нужд экспедиции, а также полевые фотографии.

Стратиграфия раскопов была довольно сложной. В полевой документации А.В. Шмидта сохранились подробные прорисовки профилей центральной части раскопа И–К – квадрата К1 (рис. 3: 2). Общая глубина квадрата – от 1,92 до 1,96 м. Все прослойки раскопа объединяются в три основных слоя. В верхней части – слой В, состоящий из гумуса. Мощность данного слоя 0,45–0,46 м (1–2 штыки). Под ним залегал слой А, насыщенный различными прослойками глины, золы и углей. Мощность этого слоя около 1,05 м (3–6 штыки). Под слоем А залегал слой погребенного гумуса мощностью 0,35 м (7–8 штыки). На поверхности этого слоя зафиксированы столбовые ямки – следы какого-то легкого сооружения. Исследователем делается вывод об отсутствии нарушений слоя в этом квадрате раскопа.

К первоначальному квадрату К1 были прирезаны с севера квадрат К2, а с запада – квадраты И1 и И2 (рис. 3: 1). В полевом дневнике отмечается, что в этих квадратах культурный слой сильно нарушен современной деревней, так как на глубине более метра здесь встречались обломки стекла и гвозди. Прорисовки стенок этих квадратов в архиве ИИМК РАН нами не обнаружены.

Глубина раскопа А10 достигала 2,4 м (всего 11 штыков). Общая стратиграфическая картина аналогична кв. К1. В верхней части – слой гумуса до глубины 0,8 м. Далее шли прослойки глины, золы и углей до глубины 1,17–1,4 м. Под ними залегал слой погребенного гумуса с прослойками золы, углей и обожженного грунта до глубины 2,4 м (Шмидт, 1928, с. 8). На глубине около 2,0 м обнаружено захоронение ребенка. К погребению относятся пять подвесок из заячьих косточек (рис. 5: 1–5), бронзовая обойма, железный нож и, возможно, глиняный горшочек, залегавший выше костяка на 0,4 м (Шмидт, 1929, с. 9). Данный сосуд сохранился в фондах НМ РБ. Это глиняный горшочек темно-серого цвета. Размеры сосуда: 9,5 см в высоту и 10 см в диаметре по венчику. Шейка низкая небрежно выделенная, тулово реповидное, дно округлое. По верху шейки сосудик орнаментирован круглыми ямками. В тесте примесь раковины. Поверхность обработана грубо и небрежно. Горшочек не имеет следов длительного использования, вероятно, изготовлен специально для погребения (рис. 6: 3). Культурный слой раскопа А10 не нарушен поздними проникновениями.

Индивидуальные находки из коллекции НМ РБ включают изделия из глины, камня, кости и металла. Наиболее многочисленную категорию индивидуальных находок состав-

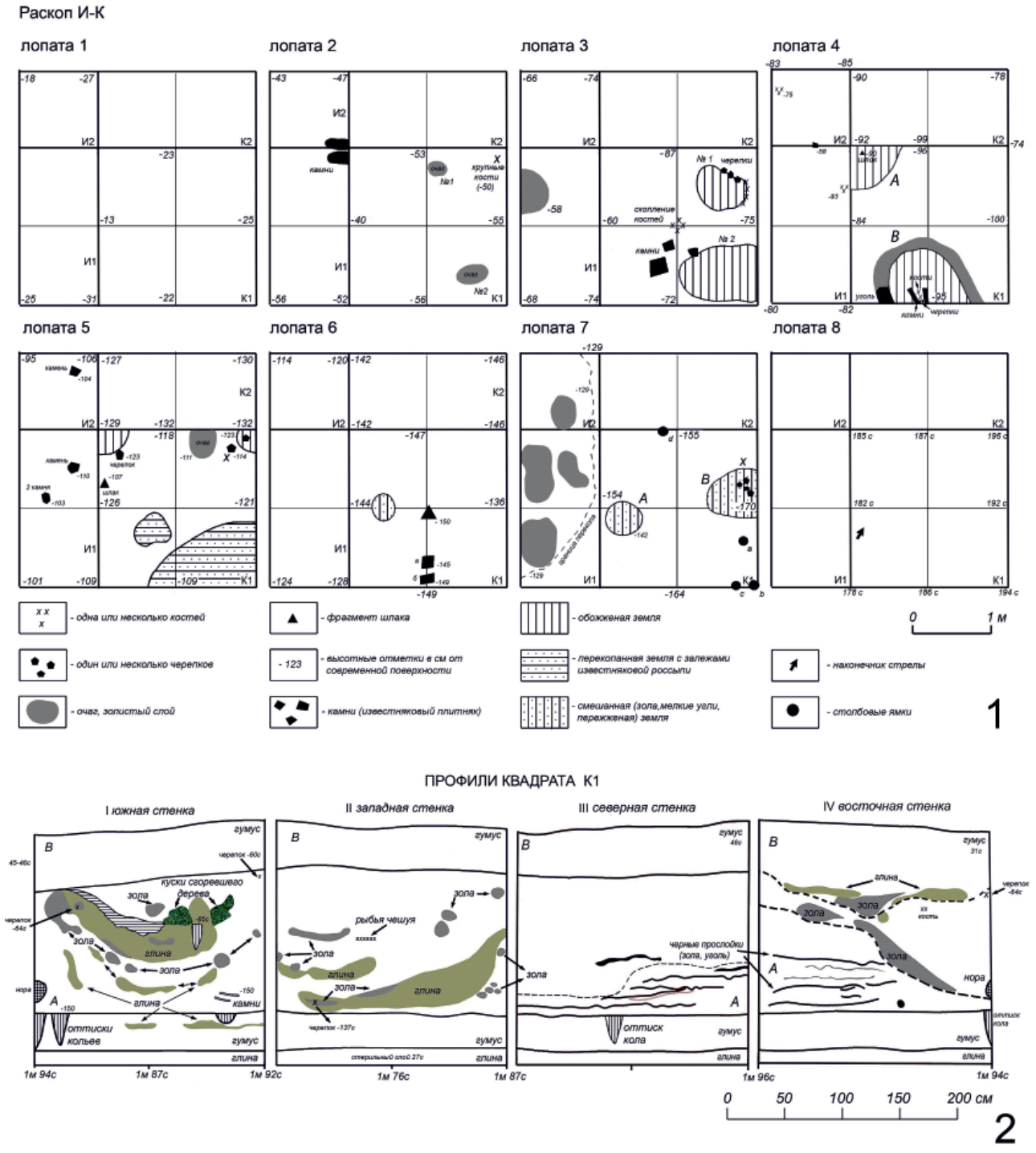

Рис. 3. Планиграфия и профили раскопа И-К. Цифровая обработка полевых дневников А.В. Шмидта из фондов НА ИИМК РАН

Fig. 3. Planigraphy and profiles of excavation area И-К. Digital processing of A.V. Schmidt's excavation journal from the holdings of the Academic Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IHMC RAS)

ляют дисковидные пряслица, изготовленные из глины, камня и стенок лепных сосудов (с примесью раковины в тесте, в одном случае с примесью шамота и раковины). Диаметр изделий варьируется от 3,7 до 5,7 см, высота от 0,7 до 1,4 см, диаметр сквозного отверстия от 0,7 до 1,0 см. Большинство пряслиц неорнаментировано, в одном случае (рис. 4: 1) орнамент представлен насечками, расположенными горизонтальным зигзагом. Данный орнамент

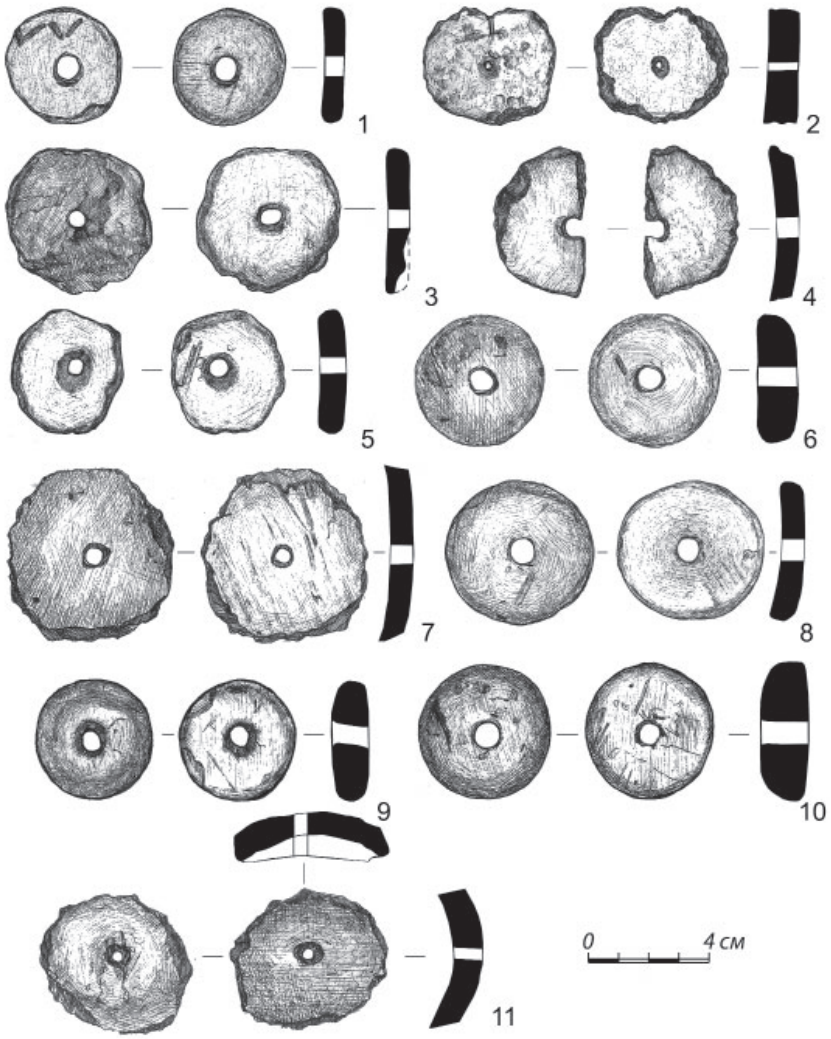

Рис. 4. Глиняные пряслица. 1 – кв. А10, сл. 6; 2 – кв. И2; 3, 10 – кв. А10; 4-5, 7 – подъемный материал; 6, 8, 11 – кв. А10, сл. 9; 9 – кв. И2, сл. 7
Fig. 4. Clay spindle whorls. 1 – grid A10, stratum 6; 2 – gr. И2; 3, 10 – gr. A10; 4–5, 7 – surface finds; 6, 8, 11 – gr. A10, str. 9; 9 – gr. И2, str. 7

характерен для посуды гафурийского облика. Концентрация данного вида находок приходится на кв. А-10 (слои 5, 7–9), относящийся к эпохе раннего железного века. Следует отметить, что дисковидные пряслица широко встречаются на многочисленных поселенческих памятниках кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1973, с. 197). Позднее, в эпоху раннего Средневековья, у населения северной части Евразии, в том числе в Уфимско-Бельском междуречье, начинают преобладать пряслица биконической формы (Сафуанов, Проценко, 2021, с. 91).

Изделия из камня представлены двумя оселками, первый – подквадратной (6,7×5,6×0,6 см), второй – прямоугольной (10,5×4×1,4 см) формы (рис. 6: 4–5).

Изделия из кости представлены одним целым лощилом из рога лося с двумя лопастями под углом 90° (рис. 6: 6), второе аналогичное изделие фрагментировано; костяными проколками (4 ед.) (из грифельной кости с заостренным концом) длиной 10, 10,2, 10,3 и 12 см (рис. 5: 7–9, 13). Подвески (амулеты), состоящие из пяти метаподий (кости ног зайца) со сквозным отверстием в верхней части, относятся к детскому погребению из раскопа А10 (рис. 5: 1–5). Также в коллекции присутствуют несколько костяных заготовок (рис. 5: 11, 16), альчик с сквозным отверстием

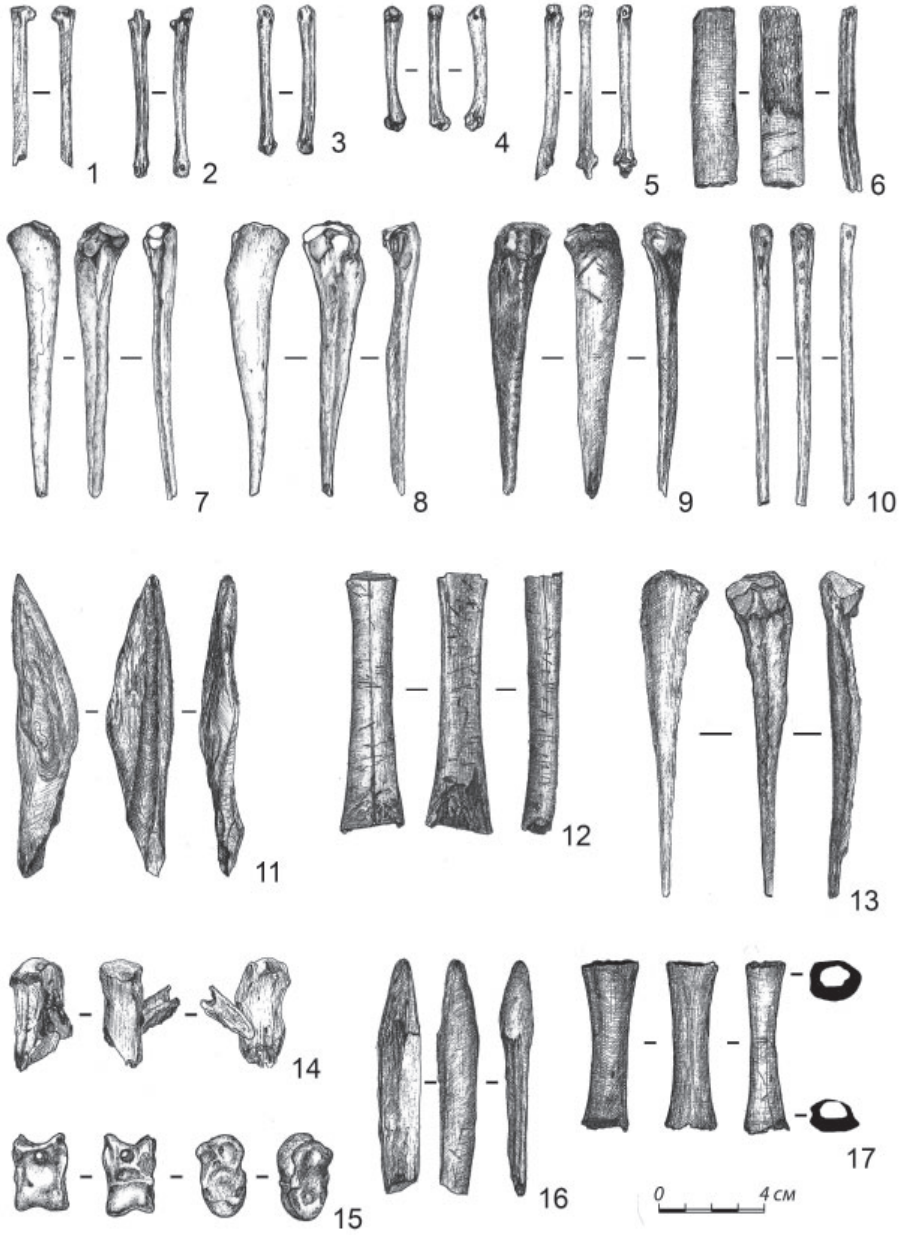

Рис. 5. Костяные изделия: 1-5; подвески из метаподия зайца; 6, 11, 16 – заготовки костяных орудий; 7-10, 13 – проколки; 14 – бронзовый наконечник стрелы, вонзившийся в верхнюю часть ребра лошади; 15 – астрагал.
1-5, 11-12, 17 – кв. А10, сл. 9, 6 – кв. А10; сл. 7; 7-9; 13 – кв. А10; сл. 5; 10 – кв. И1-И2, сл. 6; 14 – кв. А10, сл. 7-8; 15 –вал; 16 – кв. А10, сл. 2.
1-13, 15-17 – кость; 14 – кость и бронза

Fig. 5. Bone artifacts: 1–5 – pendants made of hare metapodials; 6, 11, 16 – blanks for bone tools; 7–10, 13 – borers; 14 – bronze arrowhead embedded in the upper part of a horse rib; 15 – astragalus.
1–5, 11–12, 17 – gr. A10, str. 9; 6 – gr. A10, str. 7; 7–9, 13 – gr. A10, str. 5; 10 – gr. И1–И2, str. 6; 14 – gr. A10, str. 7–8; 15 – rampart; 16 – gr. A10, str. 2. 1–13, 15–17 – bone; 14 – bone and bronze

(рис. 5: 15) и рукоять орудия, возможно ножа или шила (рис. 5: 17), из тонкой трубчатой кости животного (6,1×2×1,6 см). Таким образом, можно сказать, что насельники городища Кара-Абыз в эпоху железа активно занимались косторезным ремеслом. Отметим, что многочисленные находки костяных изделий известны на многих памятниках ананьинского времени (Ашихмина и др., 2006, с. 42–59).

Особый интерес представляют предметы-хроноиндикаторы. Следует отметить, что часть находок была получена от находчиков, которые указывали их местонахождение вблизи городища Кара-Абыз.

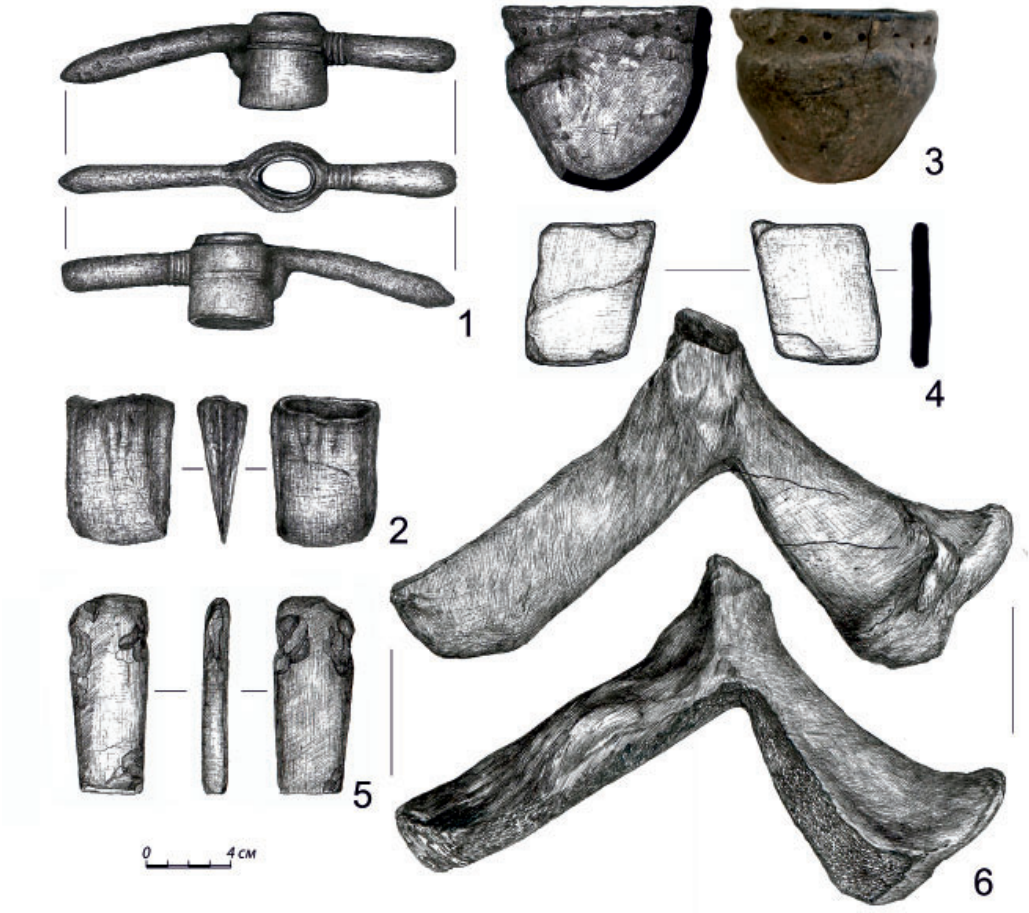

Рис. 6. Индивидуальные находки: 1 – чекан; 2 – кельт; 3 – сосуд; 4-5 точильные камни; 6 – лощило из рога лося. 1-2, 4-6 – подъемный материал; 3 – кв. А10, детское погребение
1 – железо; 2 – бронза; 3 – керамика; 4-5 – камень; 6 - кость
Fig. 6. Individual finds: 1 – hammer-axe; 2 – celt; 3 – vessel; 4–5 – grindstones; 6 – lissoir made from elk antler. 1–2, 4–6 – surface finds; 3 – gr. A10, child burial.
1 – iron; 2 – bronze; 3 – ceramic; 4–5 – stone; 6 – bone

Наконечник стрелы втульчатый, трехлопастной, с опущенными ниже втулки шипами (рис. 5: 14), вонзившийся в кость животного (фрагмент верхней части ребра лошади). Данный тип наконечников датируется С.В. Кузьминых IV–III вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 110). Бронзовый кельт с шестигранной втулкой и прямоугольной фаской (рис. 6: 2), тип КАН-62, датируемый С.В. Кузьминых концом VI – началом IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 69).

Парадная секира с плоским клинком трапециевидной формы с утолщенными валиками по верхнему и нижнему краю, выполненным в виде плавника водоплавающего животного. Обух в виде тупика. Соединение клина и обуха с втулкой оформлено гофрировкой в виде валиков. Верхний конец втулки оформлен в виде стилизованной головы хищной птицы (грифона). В ананьинской культурно-исторической области время существования «парадных» секир, по последним исследованиям, определяется второй четвертью/серединой VI–V вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Храмченкова, 2023, с. 151). По мнению С.Л. Воробьевой, появление данного артефакта в кара-абызской среде датируется не ранее конца V в. до н. э. (Воробьева, 2021, с. 296, 298).

Железный цельнометаллический чекан (тип КЧ-18), датируемый концом VI – V вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1973, с. 221; Кузьминых, 1983, с. 140; Чижевский, Волкова, 2021, с. 182), имеет открытую втулку, форма втулки – эллиптическая (рис. 6: 1). По средней части втулки проходит валик. Боек стержневидный, округлый в сечении, с четырехгранным острием. У основания бойка, в месте соединения с втулкой, расположена головка хищной

Таблица 1.
Table 1.

штыки	Кв. А10	штыки	Кв. К1	Кв. К2	Кв. И1-И2
1-2[1]	18	1	8	27	7
5	71	2	6	13	18
6	7	3	9	15	14
7	29	4	2	10	3
7-8	31	5	7	15	4
8	32	6	8	8	3
9	25	7	7	3	14
10	23	8	-	-	2
11	3	добав.[2]	-	-	17
ИТОГО	239		47	91	83

[1] Выделение штыков (лопат) соответствует описи А.В. Шмидта, хранящейся в НА ИИМК РАН

[2] Так указано в описи А.В. Шмидта

птицы (грифона?). Обух выполнен в виде утолщенного стержня, круглого в сечении, у основания обуха, в месте соединения с втулкой, изображено три валика. Размеры чекана: общая длина 19,5 мм, длина бойка (заостренная часть) 9,6 см, диаметр бойка у основания 1,1 см, диаметр бойка у конца 1,4 см; высота втулки 4,7 см, верхний диаметр втулки (наименьший) 2,7 см, диаметр обуха у основания 1,5 см, диаметр обуха у конца 1,8 см.

Отметим, что подобный вид находок достаточно редок на памятниках кара-абызской культуры. Одна из последних происходит с городища Акбердино-II. Железный чекан был отнесен исследователями к аржанскому типу и датируется второй половиной VII в. до н. э., а время существования святилища, в состав которого и входил чекан, авторами определено II–I вв. до н. э. (Овсянников, Савельев, 2019, с. 205–207).

Металлический инвентарь из сборов с городища и раскопов А.В. Шмидта дают дату в пределах конца V – III вв. до н. э. Находки, сделанные в последние годы исследований на памятнике, в том числе и за пределами цитадели, подтверждают эту дату (Проценко, 2017, с. 130; Проценко, 2018, с 241). Таким образом, общая дата существования на городище поселения эпохи раннего железа определяется концом V–III вв. до н. э.

Керамическая коллекция городища Кара-Абыз из раскопок 1928 г., хранящаяся в НМ РБ, составляет 460 фрагментов из раскопов А10 и И-К и 28 фрагментов из сборов с поверхности и разрушенных участков. Всего 488 фрагментов лепной керамики. Распределение керамики по квадратам и горизонтам представлены в таблице 1.

Основную массу керамики составляют фрагменты сосудов раннего железного века. Керамика бахмутинской культуры (III–VII вв. н. э.) встречена в количестве 33 фрагментов, что составляет 7,2% от общего количества керамики, фрагменты посуды чияликской культуры (X–XII вв. н. э.) – восемь штук, что составляет 1,8%. В непотревоженных слоях квадрата А10 один фрагмент чияликской керамики встречен на уровне пятого штыка (глубина 1,0–1,15 м). В квадрате К2 встречен один фрагмент в первом штыке и два в третьем штыке (глубина 0,4–0,6 м). Бахмутинская керамика в квадрате А10 в количестве восьми фрагментов встречена на уровне 1–5 штыков (до глубины 1,0–1,15 м), в квадрате К1 четыре фрагмента в первом-третьем штыках (до глубины 0,56–0,72 м). Таким образом, поздняя керамика встречена единично и преимущественно в верхних горизонтах культурных отложений. В связи с малочисленностью в данной публикации она рассматриваться не будет.

В керамическом комплексе раннего железного века подавляющее количество фрагментов относится к собственно кара-абызской керамике (419 фрагментов, 91% от всей коллекции). 13 фрагментов относятся к керамике гафурийского типа (рис. 9: 2–3, 7). Все они встречены в верхних горизонтах раскопов: в квадрате А10 в первом-пятом штыках, в квадрате И-К – в первом-третьем штыках. Дополнительно на этих же уровнях встречено

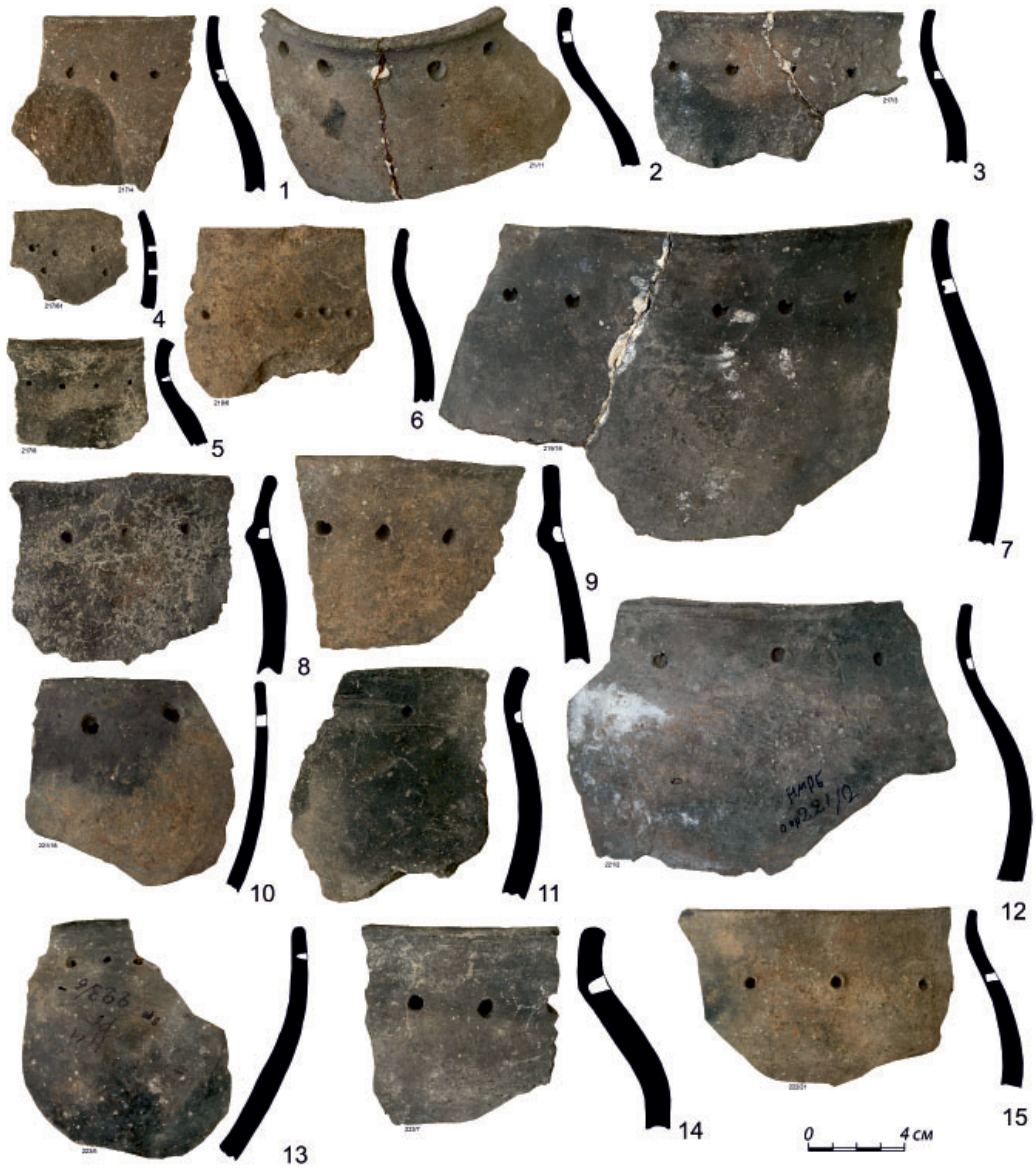

Рис. 7. Квадрат А10. Кара-абызская керамика с ямочным орнаментом.
1-5 – слой 5; 6-7 – слой 7; 8-9 – слой 7-8; 10-12 – слой 8; 13-14 – слой 10; 15 – слой 9
Fig. 7. Grid A10. Kara-Abyz pottery with dotted ornament.
1–5 – str. 5; 6–7 – str. 7; 8–9 – str. 7–8; 10–12 – str. 8; 13–14 – str. 10; 15 – str. 9

три фрагмента керамики, совмещающие кара-абызские (ямки и вдавления) и гафурийские (резные линии и каннелюр) черты (рис. 9: 1, 4, 6).

Гафурийский керамический комплекс выделен на наиболее южных кара-абызских поселениях, где его появление относится к IV в. до н. э. (Савельев, 2008). В дальнейшем данная керамика начинает распространяться к северу по кара-абызскому ареалу. Наиболее полно эта посуда представлена в Шиповском археологическом комплексе, как в культурном слое городища, так и в погребениях, где она составляет значительный процент (Пшеничнюк, 1976; Овсянников и др., 2007; Овсянников, 2023). Наиболее массовое употребление этой посуды здесь относится к III–II вв. до н. э.

К северу от Шипово гафурийская керамика, как на поселениях, так и в погребениях, встречается уже значительно реже, что и иллюстрирует материал городища Кара-Абыз. Гафурийская керамика, встреченная в раскопах А.В. Шмидта, носит как ранние (примесь талька, внутренние и внешние каннелюры – рис. 9: 3, 7), так и поздние (примесь раковины, упрощенный орнамент – рис. 9: 2) черты. Местонахождение данного типа керамики в верхних горизонтах городища соответству-

Рис. 8. Квадрат А10. Кара-абызская керамика с вдавлениями.
1-2 – слой 1-2; 3-8 – слой 5; 9-14 – слой 7; 15- слой 7-8; 16-17 – слой 9; 18 – слой 10
Fig. 8. Grid A10. Kara-Abyz ceramics with impressions.
1–2 – str. 1–2; 3–8 – str. 5; 9–14 – str. 7; 15 – str. 7–8; 16–17 – str. 9; 18 – str. 10

ет верхней дате бытования металлического инвентаря, собранного на поселении – III в. до н. э.

В керамической коллекции городища встречено два фрагмента, имеющих шнуровой орнамент. Все они происходят из квадрата А10. Один фрагмент найден в верхних отложениях на уровне пятого штыка (глубина 1,0–1,15 м). У него отсутствуют черты классической шнуровой керамики ананьинской культуры. Слабопрофилированный сосуд имел практически не выделенную низкую шейку, шнуровой орнамент в один ряд сочетается с резными насечками (рис. 9: 5). Этот фрагмент имеет синкретичный характер и иллюстрирует процесс изживания шнуровой орнаментальной традиции в кара-абызской среде.

Второй фрагмент встречен в нижнем, девятом штыке на глубине 1,7–1,92 м (рис. 9: 9). Форма сосуда (среднепрофилированный горшок с низкой шейкой) и орнамент (ямки в сочетании с двойным шнуром) и примесь раковины соответствуют позднешнуровой посуде IV–III вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 75). Облик фрагмента и его положение в культурном слое соответствует определяемой нами датировке поселения в пределах конца V – III вв. до н. э.

Рис. 9. Керамика из квадрата А10. 1, 4, 6 – смешанная гафурийско-кара-абызская керамика; 2-3, 7 – гафурийская керамика; 5, 9 – шнуровая керамика; 8, 10 – постмаклашеевская керамика
Fig. 9. Ce from grid A10. 1, 4, 6 – mixed Gafuri-Kara-Abyz pottery; 2–3, 7 – Gafuri pottery; 5, 9 – corded pottery; 8, 10 – post-Maklasheevka pottery

Наиболее ранние черты в керамической коллекции А.В. Шмидта несут два фрагмента из квадрата А10. Один встречен в десятом штыке на глубине 1,92–2,17 м (рис. 9: 8). Это часть слабопрофилированного горшка с низким, незначительно отогнутым горлом. Орнамент имеется только на шейке и состоит из ямок и насечек, нанесенных выше уровня ямок. Подобный орнамент характерен для керамики периода перехода от постмаклашеевской керамики к раннекара-абызской на памятниках Прибелья. Наиболее показательна в этом плане посуда поселения Воронки, занимающая более раннюю позицию по отношению к городищу Кара-Абыз (Овсянников, 2014). Наиболее вероятно, что этот процесс происходил на рубеже V–IV вв. до н. э. Фрагмент керамики, встреченный на одиннадцатом штыке на глубине 2,17–2,35 м квадрата А10, имеет классические постмаклашеевские черты: среднеотогнутый венчик и орнамент, сочетающий ямки и насечки-вдавления на шейке (рис. 9: 10).

Таким образом, металлический инвентарь и инокультурные керамические включения позволяют уверенно датировать кара-абызский керамический комплекс городища рубежом V–IV – III вв. до н. э.

Собственно кара-абызский керамический комплекс городища представлен 419 фрагментами, из них 351 – фрагменты верхних частей сосудов (венчики). Примесь в глине фиксируется визуально – раковина и шамот. Поверхность сосудов в подавляющем большинстве случаев хорошо выровнена и залощена. По форме сосуды делятся на две группы: слабопрофилированные низкогорлые горшки и чаши – открытые либо закрытые. В коллекции имеется шесть фрагментов уплощенных днищ. Видимо, в большинстве случаев дно сосудов было округлым и изредка уплощенным. Часть сосудов без орнамента, на других

Таблица 2. Форма и орнаментация кара-абызской керамики (венчики)
Table 2. Shape and ornamentation of the Kara-Abyz ceramics (rims)

квадрат	чаши		горшки			итого
	орнам.	неорн.	неорн.	ямки	вдавл.	
И1-И2	1	10	29	25	4	69
К1	1	1	14	20	5	41
К2	-	16	38	10	9	73
А10	3	4	49	53	59	168
итого	5/1,4%	31/8,8%	130/37%	108/30,9%	77/21,9%	351/100%
	36/10,2%		315/89,8%			

нанесен поясок либо ямок, либо вдавлений. Ямки – это фактически глубокие наколы, нанесенные гончарным стеком, изготовленным из трубчатой кости. У этих наколов ровные края, они имеют аккуратный вид и глубину практически на всю толщину сосуда (рис. 7). Нередко они дополняются выпуклинами-жемчужинами с обратной стороны (рис. 7: 8–9). Большинство фрагментов имеют ряд ямок, равномерно расположенных по шейке через примерно равные промежутки (рис. 7: 1–3, 7–15). На единичных встречены ямки, сгруппированные по три (рис. 9: 6) либо расположенные в форме треугольника (рис. 9: 4). Последние элементы являются реминисценциями постмаклашшевской традиции.

Вдавления – это неглубокие вмятинки, нанесенные как гончарными стеками (рис. 8: 1, 6, 8, 12, 14), так и пальцами или ногтями гончара (рис. 8: 2–5, 7, 9–11, 13, 15–18). Вдавления наносились равномерно по шейке сосуда либо группировались попарно (рис. 8: 8, 12, 14). Вдавления выглядят менее аккуратно, нежели ямки, они наносились более небрежно.

Распределение кара-абызской керамики по форме и орнаментации в квадратах сведены в таблицу 2. Процентные подсчеты проводились от общего количества выделенных сосудов (по сохранившимся венчикам в коллекции).

Исходя из подсчетов, большинство кара-абызской посуды городища составляют горшки (89,8% от количества всех кара-абызских сосудов). Более трети из них не имеют орнамента (37%). Около трети орнаментированы ямками (30,9%), менее трети – вдавлениями (21,9%). К чашам относится 10,2% сосудов, большинство из них без орнамента. Три чаши были орнаментированы ямками, две – насечками.

Керамическая коллекция квадрата А10 наиболее представительна, также она получена из наиболее сохранившейся части культурного слоя. Распределение основных форм керамики и её орнаментации по слоям в квадрате А10 показывает более или менее равномерное выпадение в культурный слой всех выделенных форм и орнаментаций (таблица 3). Это показывает, что в период существования городища керамический комплекс не претерпел значительных изменений.

По составу культурных компонентов, форме и орнаментации керамический комплекс городища Кара-Абыз наиболее близок посуде Чертова (Уфа-1) городища (Морозов, 2000, рис. 7). На этом памятнике кара-абызская керамика орнаментирована либо ямками, либо вдавлениями, без дополнительных элементов, так же как на городище Кара-Абыз. Также присутствует небольшая примесь гафурийской керамики, шнуровая керамика не встречена. Хронологическая позиция уфимского комплекса кара-абызской культуры определяется погребениями Уфимского могильника – IV–III вв. до н. э. (Овсянников, Яминов, 2003), что сближает его с городищем Кара-Абыз. Уфимско-Кара-Абызский куст памятников по составу посуды отличается как от южной группировки кара-абызских памятников (Акбердино – Шипово – Охлебинино), где значительный процент составляет гафурийский керамический комплекс, так и от северных поселений (Камышинское I и Биктимировское городища), где в значительной степени присутствует шнуровая керамика.

По сравнению с керамикой предыдущего этапа (V в. до н. э.), представленной на селище Воронки, посуда городища Кара-Абыз отличается более бедным орнаментом: практически отсутствуют насечки по венчику, такие допол-

нительные элементы, как насечки и отпечатки гребенчатого штампа, сопутствующие ряду ямок по шейке. Характер ямочного орнамента также отличается большей простотой. Постепенно пропадают «жемчужины» на обратной стороне ямочных наколов. Сами ямки в большинстве случаев располагаются равномерно в один ряд. Тогда как на более ранних образцах встречается группировка ямок по две-три-четыре в ряд, либо по три в форме треугольника.

Таким образом, посуда городищ Кара-Абыз и Уфа (Чертово) I представляет собой наиболее «чистый» кара-абызский керамический комплекс, датируемый IV–III вв. до н. э. и относящийся к начальной стадии существования этой культуры в Прибелье. В этот период кара-абызское население района испытывает минимальное инокультурное влияние как с севера, со стороны носителей шнуровой керамики, так и с юга, со стороны гафурийских групп.

Таблица 3. Распределение керамики по форме и орнаментации в слоях квадрата А10
Table 3. Distribution of ceramics by shape and ornamentation in the layers of square A10

шт	чаши		горшки			итого
	неорн	орнам	неорн	ямки	вдавл	
1-2			9		5	14
5	1	1	18	16	7	43
6			1	3		4
7				3	16	19
7-8	1		7	9	4	21
8	1	2	2	10	11	26
9			8	5	7	20
10	1		4	5	9	19
11				2		2
итого	4	3	49	53	59	168
	8		161			

Примечание:

[1] В 1920 г. было создано научное общество истории при Башнаркомпроссе, которое в 1922 г. преобразовано в Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии при Наркомате просвещения, а в 1926 г. – в Общество по изучению Башкирии.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Воробьева С.Л. М.И. Касьянов (1895–1944 гг.) – основатель археологического отдела Национального музея Республики Башкортостан // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 69–79.

Григорьева О.В. Документы Башкирской комплексной экспедиции АН СССР в собрании Научного архива ИИМК РАН // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) и 100-летию его фундаментального труда «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (1925) / Отв. ред. Д.А. Гайнуллин, М.Т. Кашуба. Уфа: АНО «Евразийский музей кочевых цивилизаций», 2025. С. 27–33.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–154.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. (С 10 таблицами-фототипиями и 30 рис. в тексте) // Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. Т. III / Ред. Д.Н. Анучин. М: Типография Н.И. Шарапова, 1899. С. 42–74.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В. Шиповский курганно-грунтовый могильник в Южном Приуралье / АЭБ. Т. VII. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 114 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911-1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–133.

Проценко А.С. Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 240–242.

Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33. № 4 (96). С. 62–71.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. 190 с.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 116–136.

Сафуанов Ф.Ф., Проценко А.С. Глиняные пряслица с городища Уфа-II // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 41. № 4 (104). С. 89–99.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. М.: АН СССР, 1957. С. 28–29.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. Образ головы хищной птицы в аньинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 141–168.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 1–28.

Шмидт А.В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 20–30.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze in Europe // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1937. XI. P. 13–42.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт истории, языка и литературы Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия), atliural@yandex.ru

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru.

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии. Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Vorob'eva, S. L. 2021. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 69–79 (in Russian).

Grigor'eva, O. V. 2025. In Gainullin, D. A., Kashuba, M. T. (eds.). *Problemy arkheologii i etnoistorii Vostochnoi Evropy, Sibiri i Severo-Vostochnoi Azii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu Sergeia Ivanovicha Rudenko (1885–1969) i 100-letiiu ego fundamentalnogo truda «Bashkiry. Opyt etnologicheskoi monografii» (1925) (The Issues of Archaeology and Ethnic History of Eastern Europe, Siberia and North-Eastern Eurasia Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 140th anniversary of Sergey I. Rudenko (1885–1969) and the centenary of his fundamental work "The Bashkirs. Attempt of an Ethnological Monograph" (1925))*. Ufa: Autonomous Noncommercial Organization "Eurasian Museum of the Nomadic Civilizations", 27–33 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morozov, Yu. A. 2000. In Fedorov, V. K. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2. Ufa: "Gilem" Publ., 145–154 (in Russian).

Nefedov, F. D. 1899. In Anuchun, D. N. (ed.). *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom (Materials on the archaeology of the Eastern governorates, published by the Imperial Moscow Archaeological Society)* III. Moscow: "Tipografiia N.I. Sharapova" Publ., 42–74 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 303–313 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2023. *Shipovskii kurganno-gruntovyi mogilnik v Iuzhnom Priurale (Shipovo barrow field in the Southern Urals)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Bashkortostana (Archaeology and Ethnography of Bashkortostan) VII. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasiliev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 16–57 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 127–133 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 240–242 (in Russian).

Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2019. In *Vestnik Akademii nauk RB (Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* Vol. 33, 4 (96), 62–71 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Rychkov, N. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1779 gg. (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1779.).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2008. In Yablonsky. L. T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 116–136 (in Russian).

Safuanov, F. F., Protsenko, A. S. 2021. In *Vestnik Akademii nauk RB (Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* Vol. 41, 4 (104), 89–99 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1957. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Zolotareva, I. M. *Kultura drevnikh plemen Priuralia i Zapadnoi Sibiri (Culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 28–29 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Khramchenkova, R. Kh. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 141–168 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Хозяйство Башкирии)* (8–9), 1–28 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1933. In *Problemy istorii materialnoi kultury (Issues of material culture history)* (9–10), 20–30 (in Russian).

Tallgren, A. M. 1937. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. XI, 13–42.

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Vorobyeva Svetlana L., Candidate of Historical Sciences, Bashkortostan National Museum. Soviet st., 14, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru.

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Republican Historical and Cultural "Ancient Ufa" Museum-Reserve, Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 02.03.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904, 902.1, 902.64, 903.2, 903.25, 903.59
https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.118.128

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ В РАЙОНЕ Д.ИКСКОЕ УСТЬЕ

©2026 г. А.А. Красноперов, О.В. Арматынская

Икский могильник традиционно относят к памятникам пьяноборской культуры. Пересмотр коллекции позволил уточнить ряд атрибуций. Несколько погребений однозначно определяются как «пьяноборские» по находкам специфических «этнографических» вещей – височных подвесок, полупронизок. Несколько могил не содержат культурно-диагностирующих находок, но относятся к «пьяноборскому времени» по хронологии предметов (пряжек с подвижным язычком, сюльгама, ножны). На могильнике широко представлена специфическая форма железных браслетов, более не встречающаяся. Четко определить их позволили находки на Кипчаковских могильнике и городище. Две могилы из раскопок 1988 г. (№ 68 и 72) содержат инвентарь, резко отличающийся от пьяноборского. Эти погребения относятся к чияликской культуре. Находки этого времени есть на Икском V селище под могильником, Икском I поселении и Тураевском II могильнике приблизительно в 500 м. от Икского могильника. Ситуация сочетания погребений именно этих культур в пределах одной площадки не единична, что ставит вопрос или о совпадении логики выбора ритуального пространства у этих групп населения, или об одинаковых климато-топографических условиях в эти периоды.

Ключевые слова: археология, пьяноборская культура, чияликская культура, хронология, Сюльгама, зарубинецкая культура

CULTURAL STRATIGRAPHY OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX NEARBY THE VILLAGE OF IKSKOYE USTYE

A.A. Krasnopeorov, O.V. Armatynskaya

The Ik burial ground has traditionally been attributed to the Piany Bor culture. Re-examination of the collection has allowed refinement of several attributions. Some burials are unambiguously identified as "Piany Bor" type based on finds of specific "ethnographic" artifacts — temple pendants and semi-tubular beads (polupronizki). Several burials lack culturally diagnostic artifacts but are dated to the "Piany Bor period" based on the chronology of items (buckles with movable tongues, syulgama, scabbards). The burial ground yields a distinctive shape of iron bracelets not found elsewhere; their secure identification was enabled by finds at the Kipchakovo burial ground and hillfort. Two burials from the 1988 excavations (No. 68 and 72) contain assemblages markedly distinct from the Piany Bor material culture. These burials are attributed to the Chiyalek culture. Contemporary finds occur at the Ik V unfortified settlement located beneath the burial ground, the Ik I settlement, and the Turaevo II burial ground situated approximately 500 m from the Ik burial ground. The co-occurrence of burials belonging to precisely these cultures within a single locality is not unique, raising questions either about a shared logic in the selection of ritual space among these population groups, or about similar climatic and topographic conditions during these periods.

Keywords: archaeology, Piany Bor culture, Chiyalek culture, chronology, Ω-fibula, Zarubintsy culture

Икский куст памятников расположен в районе дд. Икское Устье и Тураево Менделеевского р-на Республики Татарстан. Впервые памятники (Тураевский курган) в этой местности упомянуты Л.И. Вараксиной по работам 1929 г. (Вараксина, 1930, с. 2, № 6). Первые разведки совместно проведены аспирантами А.Х. Халиковым и В.Ф. Генингом в 1959 г. (Халиков, Генинг, 1959, лл. 136-161). Часть первоначального берега, отмеченного на старых отчетных планах, в настоящий момент утонула под водами водохранилища. На относительно ограниченной площади расположены памятник различных эпох, в т.ч. 5 Икских селищ (поселения, стоянки), 3 Тураевских и 1 Икский могильник. Основные результаты были опубликованы авторами работ (Ашихмина, 1978; Ашихмина, Клюева, 1984; Арматынская, 1988; 2007; Решетников, Красноперов, 2014).

Непосредственно Икский могильник исследовался Л.И. Ашихминой в1976 г. (Ашихмина, 1976), Г.Н. Журавлевой в 1978 г. (Клюева, 1978), Н.Л. Решетниковым в 1985 г., О.В. Арматынской в 1986, 1987 и 1988 гг. (Арматынская, 1986; 1987; 1988). Находки не из погребений, но на той же площади, выделены в самостоятельный памятник – Икское V селище.

В публикациях Икский могильник уверенно атрибутируется к пьяноборской культуре. Основаниями стали характерные «этнографические» находки.

В погребении 22 найдена сапожковая полупронизка (Ашихмина, Клюева, 1984, рис. 3: 19). Это совершенно специфический элемент именно пьяноборской культуры, нигде более не встречающийся. Прототипы найдены в андреевско-писеральских памятниках, но они отличаются пропорциями, и по времени предшествуют пьяноборским.

В погребении 36 найдена спиральновитая височная подвеска (Арматынская, 1988, рис. 3: 3), также типичное пьяноборское украшение. Сама форма известна и на других территориях, но как массовое явление показательная для «этнографического» пьяноборского костюма.

С большой вероятностью сосуд из погребения 49 (Арматынская, 1988, рис. 4: 19) является пьяноборским. Атрибуция осложняется тем, что для пьяноборской культуры, и для многих других прикамских культур, керамика систематически не описана.

Еще ряд предметов относятся к пьяноборскому времени, но не являются строго специфическими для культуры.

В погребениях 10, 23 найдены железные кольца, предположительно, рамки пряжек, а в погребении 21 – точно пряжка с язычком. Самые ранние двухсоставные (с подвижным язычком) пряжки проявляются в Европе на Кавказе (Абрамова, 1998). Датировка круглорамчатых (Абрамова, 1998, рис. 1: 1-6, 22, 23) опирается на находки в «Золотом кладбище» (Гущина, Засецкая, 1992; 1994, с. 34), в комплексах которого щитковые экземпляры полностью отсутствуют (Абрамова, 1998, с. 218), а в курганах «зубовско-воздвиженской» группы пряжки (бесщитковые) встречены лишь однажды в к.2 Зубовского хутора (Гущина, Засецкая, 1989, № 142, с. 88).

Сейчас самые ранние находки пряжек с подвижным язычком относят ко 2 пол. I в. до н.э. (Шарапова, Малашев, 2022, с. 174-175), но это единичные экземпляры, а содержащие их комплексы (Керефов, 1985, рис. 8: 4, 16: 79, 17: 1; Марченко, 1996, рис. 83: 8; Пуздровский, 2007, рис. 27-II: 8,10, 51: 7) датируются относительно широко «2 пол. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.», а не исключительно «до н.э.». широкое распространение (основной период бытования) приходится на время позже рубежа эр (Шарапова, Малашев, 2022, с. 175).

В погребении 19 найдена крупная бронзовая сюльгама. Их популярность, и типологическое разнообразие, приходится на более позднее время. Зато относительно четко фиксируется время и место (культурный круг) их появления. Самые ранние находки связаны с зарубинецкой культурой: Чаплин, п. 13, 15, 20, 33, 42, 44а, 204 (Кухаренко, 1959, табл. V: 7,12, VI: 2, VII: 5, VIII: 11,18; 1964, табл. 15: 6,7,10; Каспарова, 1993, рис. 5: 18), Воронино, п. 21 (Кухаренко, 1961, табл. 39: 26), Горошков, п. 5 (Мельниківська, 1965, рис. 4: 5), 9, 24 (Воротинская, Дробушевский, 2016, рис. 5: 2; 2024, рис. 2: 1), Погост, п. 2 (Поболь, 1969, рис. 7: 7), городище Уваровичи (Дробушевский, 2016, рис. 17: 1), селище Почеп (Заверняев, 1969, рис. 14: 16,19,20; Максимов, 1982, табл. XVII: 22,). Экземпляры как бронзовые, так и железные, круглого сечения. Ранние отличает кольцо большого диаметра. Зарубинецкие находки фиксируют точку возникновения этого вида застежек, ранее которой они не известны. По сопровождающим фибулам закрытые комплексы относятся в самых широких рамках ко II-I вв. до н.э. – I в. н.э. (Воротинская, Дробушевский, 2016, с. 17).

В погребении 45 найдены ножны. Их анализу была посвящена отдельная публикация (Красноперов, 2014). К аналогичным выводам пришел О.А. Радюш (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, с.18). Датировка укладывается в последние 2 века до н.э., а тип связан с памятниками Прикарпатья и Крыма.

В погребении 15 найдена накладка (Ашихмина, Клюева, 1984, рис. 3: 13) (рис. 1-Б: 4). Вариант с таким декором для редок, но известен в пьяноборских комплексах: Ныргында I, п. 264 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 142: 1) (рис. 1-А: 1), чуть более сложная форма: Пьяноборский, без комплекса (Генинг, 1970/1971, табл. XIX: 20) (рис. 1-А: 2). Генинг

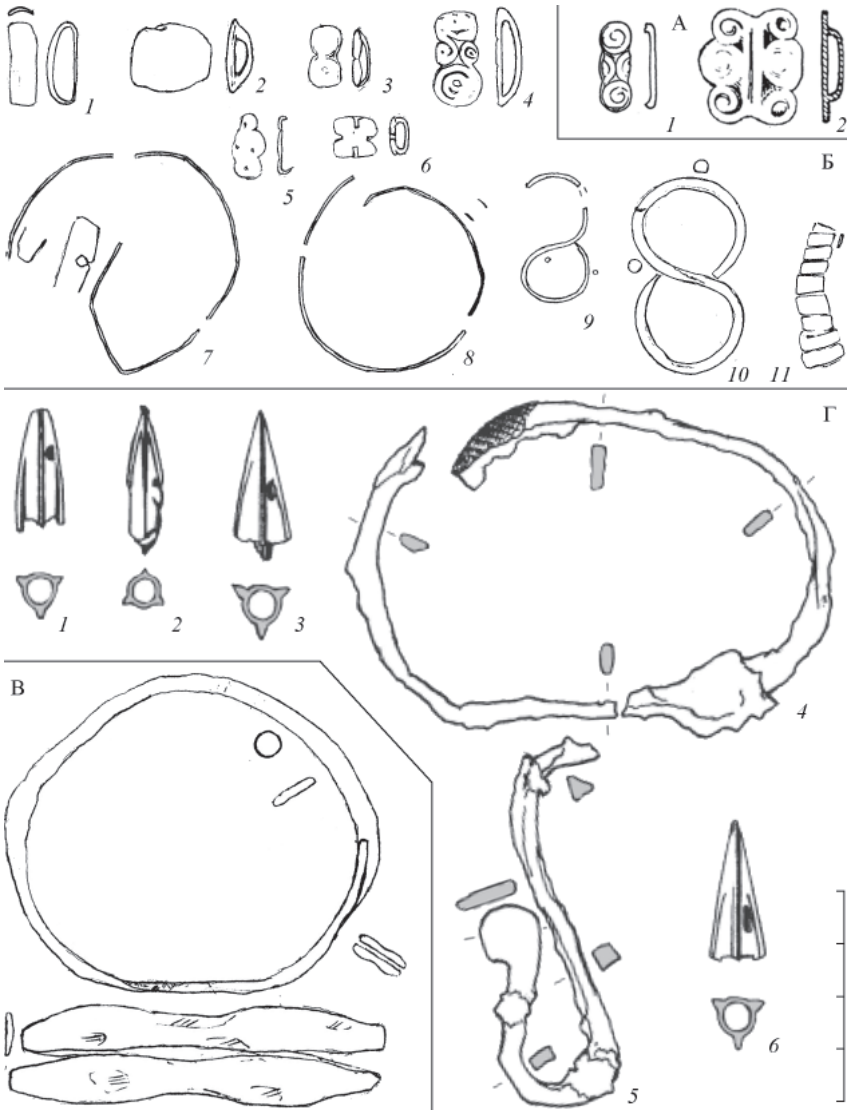

Рис. 1. Икский могильник. Пьяноборская часть. А – аналогии накладке из погребения 15. 1 – Ныргында I, п. 264; 2 – Пьяноборский могильник. Б – погребение 15, комплекс. В – браслет из погребения 48. Г – некоторое находки из погребения 1 раскопа 2006 г. на Кипчаковском I городище. А, Б, Г: 1-3,6 – бронза; В, Г: 4,5 – железо.
Fig. 1. Ik burial ground. Pyany Bor area. A – analogies to the plate from burial 15. 1 – Nyrgynda I, burial 264; 2 – Pyany Bor burial ground. Б – burial 15, complex. B – bracelet from burial 48. Г – finds from burial 1 of the 2006 excavation at the Kipchakovo I hillfort. A, Б, Г: 1-3,6 – bronze; B, Г: 4,5 – iron.

2 раза, в 2 разных года, издал один и тот же набор картинок.

Одним из характерных предметов именно для этого могильника являются браслеты. Они найдены в погребениях 10, 20, 28, 29, 31, 33, 38, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 56, 57, 63, 66 (Арматынская, 1988, рис. 3: 33) (рис. 1-В).

Долгое время их отношение к пьяноборскому комплексу было спорным – браслеты такой формы больше нигде в культуре не встречались. Идентифицировать их удалось благодаря работам на Кипчаковских могильнике и городище. В могиле 1 раскопа 2006 г. на городище (Зубов, Саттаров, 2023, рис. 10: 27) (рис. 1-Г: 4) найдены разные бляшки, обжимные обоймы, ножны для ножа, бронзовые наконечники стрел (рис.1-Г: 1-3,6), фрагмент сюльгамы (рис. 1-Г: 5), относящейся к кругу сюльгам андреевско-писеральского типа (Зубов, Саттаров, 2023, рис. 10: 24). Еще один найден на Кипчаковском I могильнике, в погребении 8 раскопа II 1994 г. (Зубов, 1994, рис. 64: 9). Материал невыразителен, кроме браслета в могиле найдены 2 типичные витые пьяноборские височные подвески относительно поздней формы (Зубов, 1994, рис. 64: 7-9).

Еще один тип находок определяется по сочетаниям в могилах, уже отнесенных к пьяноборским. Это S-образные височные подвески (Ашихмина, Клюева, 1984, рис. 3: 20; Арматынская, 1988, рис. 3: 2, 8, 9, 10, 14, 16, 17). Они известны среди пьяноборских древностей, но не характерны для них (Красноперов, 2014). Найдены в погребениях 15, 29, 30, 31, 34, 36, 37, 41, 52, 63, 66.

Ряд находок не могут быть культурно идентифицированы в силу простоты формы. Также сказывается сохранность предметов.

Однако «простота» памятника только кажущаяся. Все равно его материалы заметно отличаются от типично пьяноборских. Обработка коллекции позволила выделить еще одну группу находок. В раскопе 1988 г. было выявлено 2 захоронения, с существенно отличающимся инвентарем.

Погребение 68[1] (уч. НО/11; рис. 2: А). Парное: подросток 15-16, женщина[2]. Уровень фиксации -35 см. Могильная яма размерами 190×64 см имеет подпрямоугольные в плане очертания, ориентирована во линии С-Ю, максимальная глубина ямы 76 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, ровное; в наполнения темно- серый суглинок с вкраплениями обожженой глины и угля.

В северной частя ямы на уровне 42-71 см расчищены отдельные кости рук и ног, фрагменты черепа плохой сохранности. Анатомический порядок, скорее всего, нарушен в древности и обусловлен какими-то специфическими правилами погребального обряда. В центральной части ямы сохранились фрагменты тазовых костей и лучевых костей рук. В области скопления костей в северном конце ямы обнаружены фрагменты железных ножа в пряжки (№ 3, № 4; рис. 2-А: 1), а также бронзовая привеска (№ 2). Еще одна такая привеска найдена у костей таза (№ 2).

Пряжка железная, прямоугольной со скругленными углами формы, и подвижным прямым язычком. Сечение язычка брусковидное, сечение рамки сильно разрушено (рис. 2-А: 4). Привески – бубенчики, бронзовые, из 2-х вертикальных половин; верхняя часть, гладкая, с ушком, нижняя – с желобками, прочерченными на модели ногтем (рис. 2-А: 2,3).

Предметы не относятся к пьяноборским. Сохранность пряжки не позволяет определить ее точнее чем «средневековая». Показательны бубенчики – пуговицы, появление простых форм и малых размеров которых в костюме относится не ранее IX в. Предметы крупнее, с декором, более позднего времени. точной хронологии не имеют, но в целом относятся к XI-XIII вв.

Погребение 72 (уч.Т/15; рис. 2: Б). Женщина 20-25. Уровень фиксации -30 см. Яма подпрямоугольных в плане очертаний, ориентированная во линии СЗ-ЮВ, имеет параметры 220х66 см при максимальной глубине 86 см. В заполнения могилы светло-серый суглинок с вкраплениями угля стенки ямы отвесные, дно плоское.

На дне могилы расчищены кости черепа, фрагмент лучевой кости руки в трубчатые кости ног. Судя по расположению костей умерший был уложен вытянуто на спине. головой на ЮВ. У головы умершего с левой стороны обнаружен фрагмент бронзовой височной подвески (№ 1), а у левого бедра – фрагменты железного браслета (№ 2).

Предметы не относятся к пьяноборским. Железный браслет из дрота плоского сечения (рис. 2-Б: 2), датирующего значения не имеет. Определяющим является небольшое бронзовое височное кольцо с синей прозрачной бусиной (рис. 2-Б: 1). Тонкопроволочные височные кольца с напускной бусиной, но, чаще, металлической, характерны для раннебулгарского времени (без более дробной хронологии).

Среди находок на Икском V селище также встречены предметы этой группы – железный «лопатообразный» наконечник стрелы (1987 г., уч. К/1, № 1542/141) (рис. 2: В).

В восточной части Прикамья находки этого времени относятся к комплексу чияликской культуры. В данном случае, видимо, в раннему, постпетрогромскому или мрясимовскому, этапу (Гарустович, 2015, с. 184-188).

Таким образом, памятник минимум 2-компонентый. Оба хронологических горизонта никак не связаны между собой (рис. 3).

Основная масса могил относится к пьяноборскому времени. И, видимо, к самому началу культуры. Что ставить вопрос: Территориально он очень далеко от ядра формирования пьяноборской культуры в районе устья р.Сюни.

Минимум 2 могилы (№ 68 и 72) и отдельные находки с селища являются чияликскими.

Ситуация налегания разновременных комплексов в пределах одной площадки не

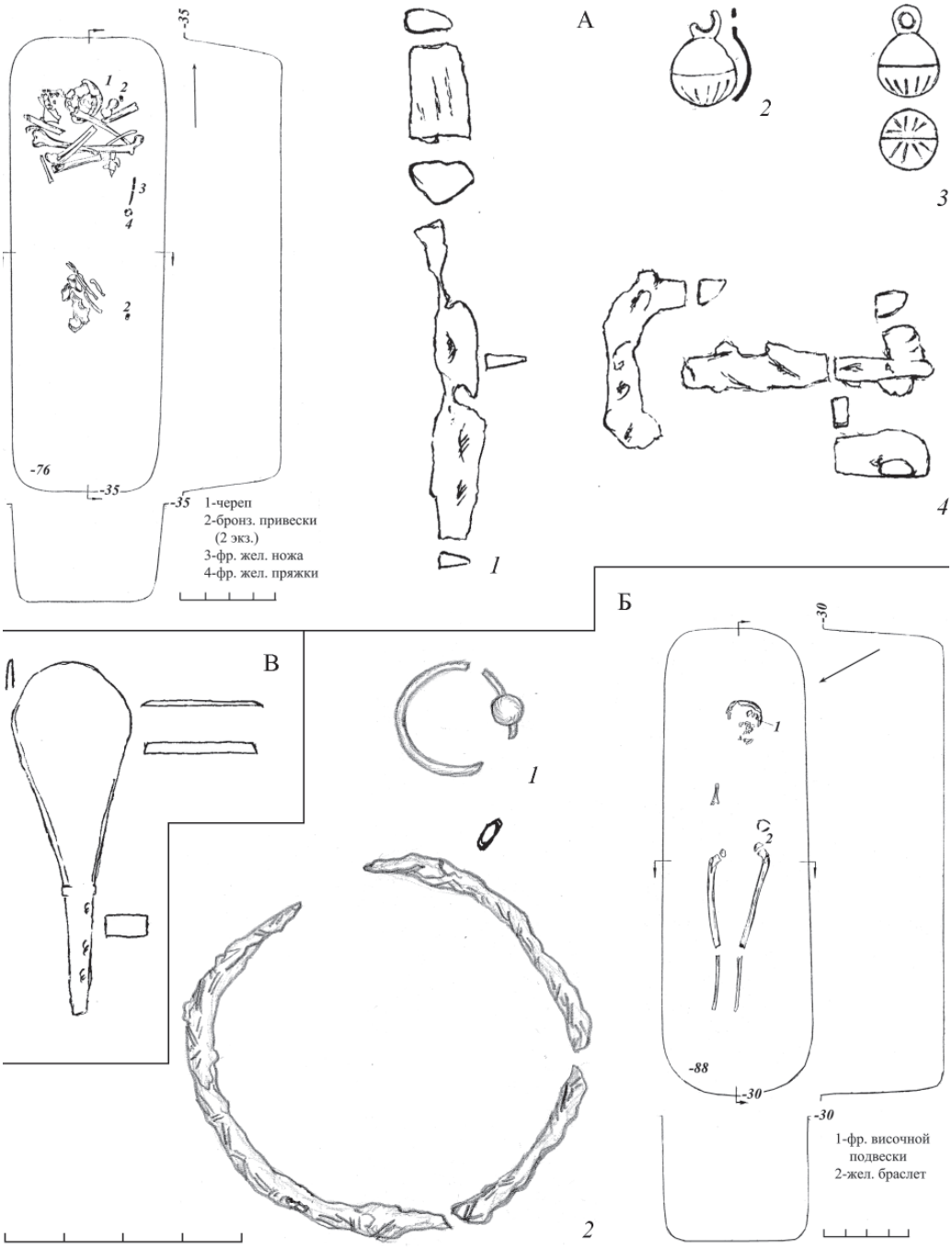

Рис. 2. Икский могильник. Чияликская часть. А – погребение 68, комплекс. Б – погребение 72, комплекс. В – наконечник стрелы с Икского V селища. А: 1,4, Б: 2, В – железо; А: 2,3 – бронза; Б: 1 – бронза, стекло.
Fig. 2. Ik burial ground. Chiyalek area. A – burial 68, complex. Б – burial 72, complex. B – arrowhead from the Ik V settlement. A: 1,4, Б: 2, B – iron; A: 2,3 – bronze; Б: 1 – bronze, glass.

уникальна. Такие случаи постоянны для азелинских могильников, «ниже» которых фиксируются памятники с каменным инвентарем (напр.: Тетюшский, Кошкинский, Худяковский могильники), а «выше» – марийские могильники (напр.: Мари-Луговской, Тюм-Тюм могильники).

Не единична она и для пьяноборских могильников. На одной площади располагаются Кушулевский III, пьяноборский, и Кушулевский I, чияликский/«древневенгерский» (Эрдейи, 1961; Гарустович, 2015, с. 190; Красноперов, 2018 (там история изучения и публикаций)) могильники.

Между пьяноборских погребений Сасыкульского могильника минимум 3: № 23, 44, 223, более поздних. По версии авторов публикации, «кушнаренковских» (Васюткин, Калинин,

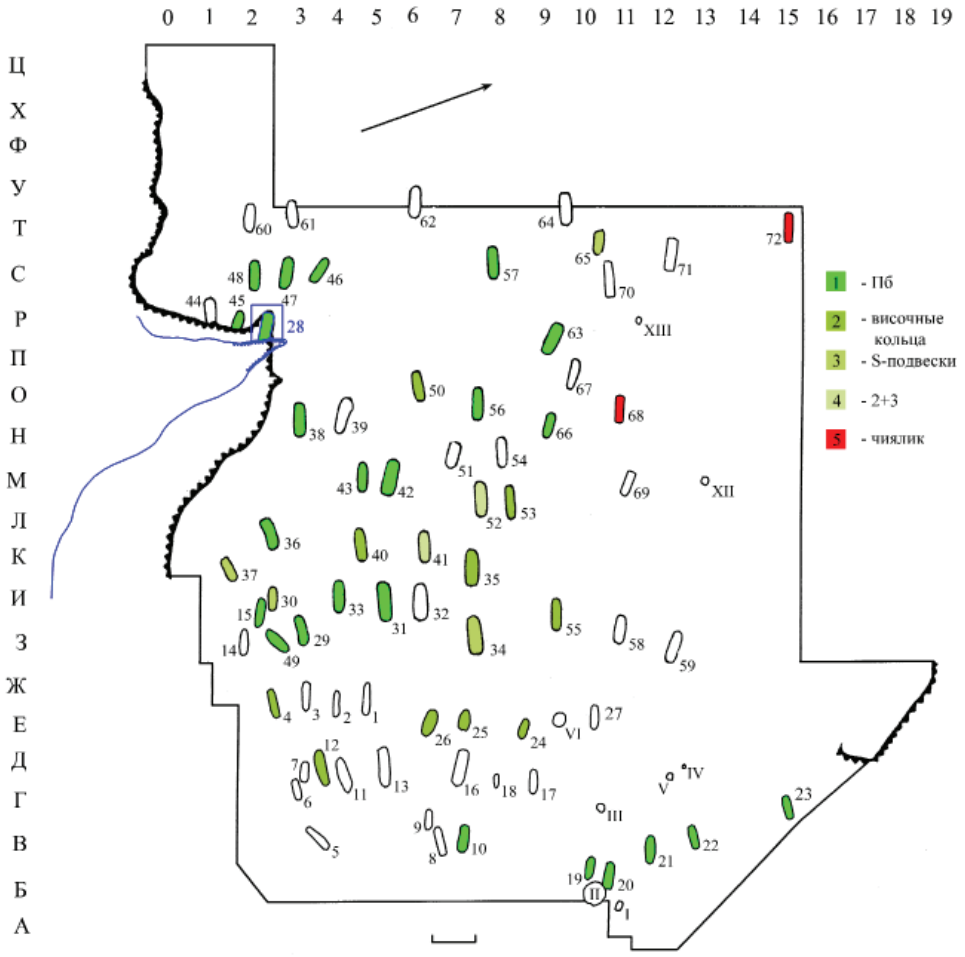

Рис. 3. Икский могильник. Планиграфия находок.
Fig. 3. Ik burial ground. Map of finds.

1986, с. 122), но возможно и позже. С площадки могильника известен бубенчик-пуговица (Васюткин, Калинин, 1976, рис. 286: 1).

Из 20 сохранившихся погребений Урманаевского II могильника одно относится к чияликскому времени. на это указывал еще С.М. Васюткин при первой публикации памятника (Васюткин, 1969), тем самым включение всего памятника в пьяноборские выборки, как это сделано в ряде диссертаций по пьяноборскому погребальному обряду, искажает картину.

В икский микрорайон входит и Тураевский II могильник, раскопанный О.В. Арматынской. Расположен он всего в 500 метрах и на одну террасу ниже и ближе к реке. Памятник по находкам (наконечники стрел, пряжки, височные подвески) и деталям обряда отнесен к домонгольским болгарским, и датирован автором раскопок и публикации XI-XIII вв. (Арматынская, 2007). Г.Н. Гарустович отнес его к поздним чияликским (Гарустович, 2015, с. 182, 187). А А.А. Чижевским с соавторами среди материалов выделено 5 могил (указаны номера только трех: № 10, 45, 51), относящиеся к раннему атабаевскому этапу маклашеевской культуры XIV-XIII вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 105-107, рис. 5: 10, 11: 6). На соседнем (около 700 м) Икском I поселении также встречены поздние находки: железный наконечник стрелы с пером «рыбий хвост» и бронзовая подвеска (Ашихмина, 1976, рис. 17: 1, 5).

Ситуация сочетания погребений именно этих культур в пределах одной площадки не единична, что ставит вопрос или о совпадении логики выбора ритуального пространства у этих групп населения, или об одинаковых климато-топографических условиях в эти периоды.

Примечания:

[1] Описания даются по отчету О.В. Арматынской без купюр и исправлений.

[2] Определения выполнены к.и.н. Г.В. Рыкушиной

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI / Ред-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1998. С. 209–229.

Арматынская О.В. Отчет о работах в Сарапульском р-не УАССР и Менделеевском р-не ТАССР в 1986 г. (Икский и Усть-Сарапульский могильники) // Архив ИА РАН. Р-1. №11802

Арматынская О.В. Отчет о работах в Менделевском р-не ТАССР, Кишертском р-не Пермской области и разведочных работах в Каракулинском р-не УАССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №12093

Арматынская О.В. Отчет об археологических исследованиях в Менделевском р-не ТАССР в 1988 г. (Икский и Тураевский II могильники) // Архив ИА РАН. Р-1. №13021

Арматынская О.В. Новые исследования Икского могильника в устье р.Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 31–42.

Арматынская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6–7 / Отв. ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2007. С. 120–130.

Ашихмина Л.И. Отчет о полевых исследованиях, проведенных в Елабужском р-не ТАССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6300

Ашихмина Л.И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. В. С. Стоколос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми филиал АН СССР, 1978. С. 38–70.

Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдмГУ, 1984. С. 44–53.

Вараксина Л.И. Материалы к археологии // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. IV. Казань, 1930. С. 32–35.

Васюткин С.М. К изучению археологических памятников в Башкирии // Вестник МГУ. История. 1969. № 5. С. 57–71.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6239, 6239а

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 27 / Гал. ред. В.М. Ляўко. Мн.: Беларуская навука, 2016. С. 5–19.

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Круглодонные миски и соотношение зарубинецкой и милоградской культур Верхнего. Поднепровья // От ранних славян до Руси. Тез. докл. научн. конф. к 100-летию со дня рожд. В.В. Седова / Отв. ред. Н.В. Лопатин, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 8–13.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть II / ВАУ. Вып. 11. Ижевск; Свердловск: Первоуральская типография, 1971. 224 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II-III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 70 / Отв. ред. М.П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 71–141.

Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратов. ун-т, 1992. С. 45–67.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Дробушевский А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1 / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Мн.: Беларуская навука, 2016. С. 38–136.

Заверняев Ф.М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / МИА. № 160 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука, 1969. С. 88–118.

Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском р-не Башкортостана в 1994 г. (открытый лист №455 от 27 июня 1994 г., форма №1) // Архив ИА РАН. Р-1. №19141

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I-III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2011. № 1. С. 13–30.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Кипчаковское городище пьяноборской культуры в лесостепной зоне Предуралья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 326–349. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.326.349

Каспарова К.В. О времени возникновения зарубинецкой культуры // Археологические вести. Вып.. 2 / Отв. ред. В.М. Массон СПб: Гелла, 1993. С. 169–190.

Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX-VII вв. до н. э. - II в. н. э.) / Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2 / сост. В.М. Батчаев, Т.Б. Барцева, Б.М. Керефов. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 135–259.

Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1978 г. в Елабужском р-не ТАССР и в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР // Архив ИА РАН. Р-1. №7097

Красноперов А.А. Погребение 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Красноперов А.А. Комментарии к плану Кушулевских I и III могильников // Этнос. Общество. Цивилизация: Пятые Кузеевские чтения. Мат-лы Всероссийской научно-практической конф. (Уфа, 27-28 сентября 2018 г.) / Ред. Р. М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Диалог, 2018. С. 367–372.

Кухаренко Ю.В. Чаплинский могильник // Памятники зарубинецкой культуры / МИА. № 70 / Под. ред. П.Н. Третьякова. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 154–180.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья / САИ. Вып. Д1-29. М.: АН СССР, 1961. 70 с., 46 табл.

Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура / САИ. Вып. Д1-19. М.: АН СССР, 1964. 68 с. 20 табл.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.: Наукова думка, 1982. 183 с.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений нижней Кубани). Краснодар: КубГУ, 1996. 338 с.

Мельниківська О.М. Поселення і могильник зарубинецької культури в південній Білорусії // Археологія. 1965. Вип. XVIII. С. 196-205.

Поболь Л.Д. Новые зарубинецкие могильники на Туровщине // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / МИА. № 160 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука, 1969. С. 119–130.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Решетников Н.Л., Красноперов А.А. Приложение 2: Разведочное обследование Икского могильника в 1985 г. // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 351.

Халиков А.Х., Генинг В.Ф. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. 1959 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1951.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (ататабевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.

Шарапова С.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I-III вв. н.э. из лесостепных памятников Тобол-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 171–192. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9

Эрдейи И. «Большая Венгрия» // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. T. XIII. С. 307–319.

Информация об авторах:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (г.. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru https://orcid.org/0000-0001-7931-4536

Арматынская Ольга Владимировна, ведущий специалист по связям с общественностью, Управление по связям с общественностью ФГБОУ ВО Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (ИжГТУ им. М.Т. Калашникова) (г. Ижевск, Россия).

REFERENCES

Abramova, M. P. 1998. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) (6). Simferopol: "Tavriya" Publ., 378–388 (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1986. *Otchet o rabotakh v Sarapulskom r-ne UASSR i Mendeleevskom r-ne TASSR v 1986 g. (Ikskii i Ust-Sarapulskii mogilniki) (Report on the work in the Sarapul district of the UASSR and the Mendeleevsk district of the TASSR in 1986 (Ik and Ust-Sarapulka burial grounds)).* Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. No 11802 (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1987. *Otchet o rabotakh v Mendelevskom r-ne TASSR, Kishertskom r-ne Permskoi oblasti i razvedochnykh rabotakh v Karakulinskom r-ne UASSR v 1987 g. (Report on work in the Mendelevsk district of the TASSR, the Kishertsky district of the Perm region and archaeological survey in the Karakulino district of the UASSR in 1987).*Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. No 12093 (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1988. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v Mendelevskom r-ne TASSR v 1988 g. (Ikskiy i Turaevskiy II mogil'niki) (Report on Archaeological Studies in the Mendelevsky District of the TASSR in 1988 (Ik and Turaevo II Burial Grounds)).* Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. No 13021 (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 31–42 (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 2015. In Garustovich, G. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 120–130 (in Russian).

Akhimshina, L. I. 1976. *Otchet o polevykh issledovaniiakh, provedennykh v Elabuzhskom r-ne TASSR v 1976 (Report on field research conducted in the Yelabuga district of the TASSR in 1976).* Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. No 6300 (in Russian).

Akhimshina, L. I. 1978. In Stokolos, V. S. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi paleometalla v Severnom Priural'e (Archaeological Monuments of the Paleometal Period in the Northern Ural Region)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 7. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 38–70 (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Klyueva, G. N. 1984. In Pliushchevskii, B. G. (ed.). *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 44–53 (in Russian).

Varaksina, L. I. 1930. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. IV. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 32–35 (in Russian).

Vasyutkin, S. M. 1969. In *Vestnik MGU. Ser. 8, Istoriia (Bulletin of Moscow University. Series 8. History)* 5, 57–71 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1976. Otchet arkheologicheskoi ekspeditsii Bashgosuniversiteta 1976 g. *(Report by the Archaeological Expedition of Bashkir State University in 1976).* Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 6239, 6239a (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). A*rkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigations in the Lower Belaya Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).

Vorotinskaya, L. S., Drobushevsky, A. I. 2016. In Lyauko, V. M. (ed. in chief.). *Materyialy pa arkhealogii Belarusi (Materials on the Archaeology of Belarus)* 27. Minsk: "Belaruskaia navuka" Publ., 5–19 (in Russian).

Vorotinskaya, L. S., Drobushevsky, A. I. 2024. In Lopatin, N. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Ot rannikh slavian do Rusi (From the Early Slavs to Old Rus).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 8–13 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. Ufa: "Gilem" Publ., 181–198 (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD)).*

Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 10. Izhevsk; Sverdlovsk: "Pervouralskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnopeorov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1989. In Abramova, M. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy (Archaeological Studies in the South of Eastern Europe).* Series:

Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 70. Moscow: State Historical Museum, 71–141 (in Russian).

Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1992. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy khronologii sarmatskoi kul'tury (Issues of the Chronology of the Sarmatian Culture)*. Saratov: Saratov University, 45–67 (in Russian).

Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. *«Zolotoe kladbishhe» Rimskoy epokhi v Prikuban'e (*"*Golden cemetery" of the Roman Age in the Kuban' basine).* Series: Rossiiskaia arkheologicheskaia biblioteka (Russian Archaeological Library) 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Drobushevsky, A. I. 2016. In Levko, O. N., Belevets, V. G. (eds.). *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period (The Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period)* 1. Minsk: "Belaruskaia navuka" Publ., 38–136 (in Russian).

Zavernyaev, F. M. 1969. In Tret'yakov, P. N. (ed.). *Novye dannye o zarubinetskoi kulture v Podneprove (New data on the Zarubintsy culture in the Dnieper region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 160. Leningrad: "Nauka" Publ., 88–118 (in Russian).

Zubov, S. E. 1994. *Nauchniy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Kipchakskom I mogil'nike v Ilishevskom raione Bashkortostana v 1992 gody (Otkrytyy list № 455 ot 27 iyunya 1994 g. forma 1) (Scientific Report on Archaeological Activities at Kipchakovo I Burial Ground in the Ilishevsky District of the Republic of Bashkortostan in 1994 (Excavation license No.* 455 *dated July 27, 1994, form 1)).* Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 19141 (in Russian).

Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Radyush, O. A. 2011. In V*oiadzher: mir i chelovek: teoreticheskij i nauchno-metodicheskij zhurnal (Voyager: World and man: a theoretical and methodical journal)* (1), 13–30 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2023 In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 326–349 (in Russian).

Kasparova, K. V. 1993. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 2. Saint Petersburg: "Gella" Publ., 169–190 (in Russian).

Kerefov, B. M. 1985. In Batchaev, V. M., Bartseva, T. B., Kerefov, B. M. (comp.). *Pamiatniki epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza (IX-VII vv. do n. e. – II v. n. e.) (The Late Bronze Age and Early Iron Age sites (IX-VII centuries BC - II century AD))*. Series: Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg. (Archaeological investigations on newly built areas of Kabardino-Balkaria, 1972-1979) Vol. 2. Nalchik: "Elbrus" Publ., 135–259 (in Russian).

Klyueva, G. N. 1978. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh, provedennykh letom 1978 g. v Elabuzhskom r-ne TASSR i v Karakulinskom i Sarapulskom r-nakh UASSR (Report on archaeological research conducted in the summer of 1978 in the Yelabuga district of the TASSR and in the Karakulino and Sarapul districts of the UASSR).* Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. No 7097 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 331–351 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2018. In Mukhametzyanova-Duggal, R. M. (ed.). *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiia: Piatye Kuzeevskie chteniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ufa, 27–28 sentiabria 2018 g.)* (*All-Russian Scientific and Practical conference "Ethnos. Society. Civilization: 5th Kuzeev's reading", Ufa, September 27–28, 2018*). Ufa: Dialog" Publ., 367–372 (in Russian).

Kukharenko, Yu. V. 1959. In Tretiakov, P. N. (ed.). *Pamiatniki zarubinetskoi kultury (Monuments of the Zarubintsy culture).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 70. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 154–180 (in Russian).

Kukharenko, Yu. V. 1961. *Pamiatniki zheleznogo veka na territorii Polesia (Iron Age sites in Polesia).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) Д1-29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kukharenko, Yu. V. 1964. *Zarubinetskaia kultura (Zarubintsy Culture).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) Д1-19. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Maksimov, E. V. 1982. *Zarubinetskaia kultura na territorii USSR (Zarubintsy culture in the USSR).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russain).

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannyh pogrebenij Nizhnej Kubani) (The Siraks of Kuban (Based on Materials from Barrow Burials of the Lower Kuban)*). Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Melnikivska, O. M. 1965. In *Arkheologiia (Archaeology)* (18), 196–205 (in Ukranian).

Pobol, L. D. 1969. In Tret'yakov, P. N. (ed.). *Novye dannye o zarubinetskoi kulture v Podneprove (New data on the Zarubintsy culture in the Dnieper region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 160. Leningrad: "Nauka" Publ., 119–130. (in Russian).

Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia of the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Reshetnikov, N. L., Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 351 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Gening, V. F., 1959. *Otchet o polevykh pabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta iazyka, literatury i istorii Kazanskogo filifla AN SSSR (Report on the field work by the archaeological expedition of the Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Found 1, R. 1, no. 1951 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 99–123 (in Russian).

Sharapova, S. V., Malashev, V. Yu. 2016. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 21 (1), 171–192 (in Russian).

Erdélyi, I. 1961. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.* Vol. XIII, 30–-319 (in Russian)

About the Authors:

Krasnopeorov Alexander A., Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS. Lomonosov., sre. 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru https://orcid.org/0000-0001-7931-4536

Armatynskaya Olga V., Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov. Studencheskaya str., 7, Izhevsk, 426069, Udmurt Republic.

Статья поступила в журнал 16.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.129.146

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ СТАРОКИРГИЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2026 г. Ч.И. Дупчур, С.Э. Зубов, Р.Р. Саттаров

В статье рассматривается коллекция наконечников стрел из Старокиргизовского могильника пьяноборской археологической культуры. Несмотря на длительную историю изучения пьяноборского вооружения, детальный анализ наконечников стрел как массовой категории инвентаря до настоящего времени не проводился. Материалы Старокиргизовского могильника, насчитывающие 303 экземпляра наконечников стрел из 33 погребений, позволяют восполнить этот пробел. Коллекция включает бронзовые (15,8%), железные (15,5%) и костяные (68,7%) наконечники. Для систематизации материала применены типологические схемы А.С. Скрипкина (для металлических наконечников) и Д.Г. Бугрова (для костяных). Анализ сочетания типов в погребальных комплексах позволил проследить хронологическую динамику. Подтверждается, что переход от бронзовых наконечников к железным произошел в короткий промежуток – в середине – второй половине I в. до н.э.; к началу I в. н.э. железные наконечники получают широкое распространение. В части костяных наконечников уточнены хронологические аспекты для отдельных форм: черешковые трехгранные и четырехгранные втульчатые наконечники тяготеют к первым векам н.э., тогда как втульчатые трехгранные сводчатой формы бытуют на всем протяжении археологической культуры. Важным хронологическим маркером является появление бипирамидального притупления острия с начала I в. н.э.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская археологическая культура, Старокиргизовский могильник, вооружение, классификация, хронология, бронзовые наконечники стрел, железные наконечники стрел, костяные наконечники стрел

CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY OF ARROWHEADS FROM THE STAROE KIRGIZOVO BURIAL GROUND OF THE PYANY BOR CULTURE

Ch.I. Dupchur, S.E. Zubov, R.R. Sattarov

The paper examines a collection of arrowheads from the Staroe Kirgizovo burial ground of the Pyany Bor archaeological culture. Despite the long history of research of Pyany Bor weaponry, a detailed analysis of arrowheads as a mass category of burial set has not been conducted to date. The materials from the Staroe Kirgizovo burial ground, comprising 303 arrowheads from 33 burials, make it possible to fill this gap. The collection includes bronze (15.8%), iron (15.5%), and bone (68.7%) arrowheads. To systematize the material, the typological schemes of A.S. Skripkin (for metal heads) and D.G. Bugrov (for bone points) were applied. An analysis of the combination of types in burial assemblages allowed the chronological dynamics to be traced. It is confirmed that the transition from bronze to iron arrowheads occurred within a short period – the middle to second half of the 1st century BC; by the beginning of the 1st century AD, iron arrowheads became widespread. Regarding bone points, chronological aspects are clarified for certain forms: stemmed triangular and socketed quadrangular arrowheads tend to date to the first centuries AD, whereas socketed triangular arrowheads of vaulted shape existed throughout the entire lifespan of the archaeological culture. An important chronological marker is the appearance of a bipyramidal blunting of the tip since the beginning of the 1st century AD.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Pyany Bor archaeological culture, Staroe Kirgizovo burial ground, weaponry, classification, chronology, bronze arrowheads, iron arrowheads, bone arrowheads.

Война как социально-политическое противоборство древних народов в своем содержании составляет многие аспекты военного дела и уровня вооруженности. Еще Гераклитом был выдвинут тезис о войне как отце всего сущего. В переводе А.В. Лебедева фрагмент 53 звучит так: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» (Лебедев, 1989; 2014).

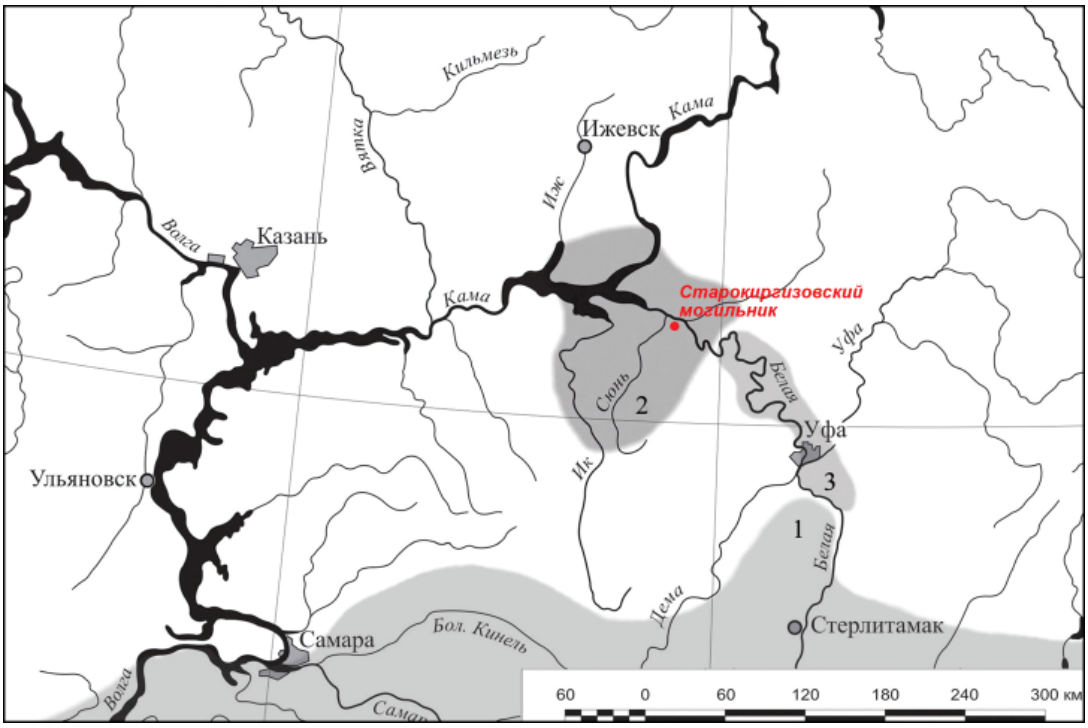

Рис. 1. Старокиргизовский могильник пьяноборской культуры на карте-схеме ареалов памятников кочевников сарматов (1) и оседлого населения пьяноборской (2) и кара-абызской (3) культур
Fig. 1. The Starokoe Kirgizovo burial ground of the Pyany Bor culture on a sketch-map showing the location of Sarmatian nomad sites (1) and the sedentary populations of the Pyany Bor (2) and Kara-Abyz (3) cultures.

Оружие как один из компонентов материальной культуры древних обществ принадлежит к важнейшим материальным источникам в изучении исторического прошлого в различные периоды развития человечества. В археологическом контексте предметы вооружения имеют весьма важное значение для изучения и реконструкции военного дела древнего населения. Кроме этого, комплекс вооружения позволяет решать проблемы культурной и хронологической атрибуции, являясь одним из важнейших элементов материальной культуры древних народов. Все это дает возможность проследить этапы развития оружия при изменении или совершенствовании технологий, применяемых для его изготовления.

Предметы вооружения пьяноборской культуры (рис. 1) неоднократно привлекали внимание исследователей. Общие обзоры всех категорий вооружения, включая наконечники стрел, были предприняты в основополагающих работах В.Ф. Генинга, Б.Б. Агеева и В.А. Иванова (Генинг, 1970, с. 81–83; Агеев, 1992, с. 45–49; Иванов, 1984).

В.Ф. Генинг в своем фундаментальном исследовании чегандинской культуры (основой этой работы послужили материалы двух могильников – Чеганда II и Ныргында II) заложил основы систематизации материала, обратив внимание на сочетания различных видов оружия в погребальных комплексах (Генинг, 1970, с. 81–83). Б.Б. Агеев, проведя титаническую работу по типологизации всего корпуса имеющейся на момент издания монографии источниковой базы пьяноборской культуры и корректируя периодизацию развития этой культуры, рассматривал эволюцию вооружения в контексте общих культурно-исторических процессов (Агеев, 1992, с. 45–49). Комплексный анализ вооружения оседлого населения Приуралья в эпоху раннего железного века был проведен В.А. Ивановым, который впервые осветил такие аспекты проблемы военного дела, как типология оружия оседлых племен Приуралья, реконструкция военно-политической структуры, развитие фортификационного дела, реконструкция на основе анализа ассортимента оружия структуры войска и его тактических приемов (Иванов, 1984, с. 4). Особо следует отметить представленный В.А. Ивановым принцип взаимовстречаемости наконечников стрел в

погребениях пьяноборской, кара-абызской и мазунинской культур (Иванов, 1984, с. 6–25).

В основу многих типологических разработок, относящихся к категории наконечников стрел, положены принципы схем А.Ф. Медведева (1966), К.Ф. Смирнова (1961, с. 31–70), М.Г. Мошковой (1962) и А.С. Скрипкина (1990, с. 63–74), которые прошли проверку временем и получили признание в научной литературе. Для Волго-Уральского региона большое значение имеют типологические разработки В.А. Иванова (1984) и Б.Б. Агеева (1992). Эти схемы, взаимно дополняя друг друга, отражают основные особенности и направления развития оружия дистанционного боя, в частности наконечников стрел. В современной историографии проблема изучения вооружения пьяноборской культуры получает новое развитие. Д.Г. Бугровым анализируются костяные наконечники стрел пьяноборской культуры на примере Тойгузинского II городища (Бугров, 2000). С.Л. Воробьевой и В.В. Куфтериным был проанализирован комплекс вооружения Ново-Сасыкульского могильника I–II вв., выявлены закономерности нахождения железных наконечников стрел и их определенных типов. Авторы отметили, что костяные втульчатые наконечники стрел в пьяноборской культуре были распространены со II в. до н. э. по II в. н. э., тогда как черешковые появились позднее – в I в. н. э. (Воробьева, Куфтерин, 2021, с. 89). С.Э. Зубов и Р.Р. Саттаров провели исследование, посвященное наконечникам стрел из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, в погребальных комплексах которого они максимально представлены в разных сочетаниях и взаимовстречаемости. Анализ погребений с наконечниками стрел одного из ярких ранних пьяноборских могильников позволил авторам сделать вывод о смене бронзовых наконечников стрел на железные в середине – второй половине I в. до н. э., повсеместно утвердившихся к началу I в. н. э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). В.И. Лясович, исследуя погребения с вооружением Юлдашевского и Кушулевского III могильника, показывает убедительное доминирование костяных наконечников стрел в оружейных наборах (Лясович, 2021а, 2021б). Хронологический анализ комплексов с наконечниками стрел Юлдашевского могильника позволил ему подтвердить вывод о наличии бронзовых наконечников у пьяноборского населения до рубежа эр (Лясович, 2021а, с. 71). В этой связи следует отметить работы А.А. Красноперова, посвященные хронологии бронзовых наконечников стрел. Исследователь подвергает критике устаревшие оценки и датировки, показывая, что обоснования ранних дат памятников с опорой на находки бронзовых наконечников стрел недостаточно аргументированы. По мнению А.А. Красноперова, бронзовые наконечники стрел продолжают бытовать и после рубежа эр, вплоть до I – начала II в. н. э. (Красноперов, 2021, с. 226–228).

Кроме хронологической оценки внимание исследователей привлекли знаки на наконечниках стрел. В ходе работы с музейными коллекциями выявлено 38 экземпляров с метками из 15 погребений пьяноборских могильников. Хронологически эти находки укладываются в интервал I в. до н. э. – II в. н. э., что позволяет рассматривать их как эпохальное явление, характерное для среднесарматского времени (Саттаров, Красноперов, Камалеев, 2024, с. 166).

Таким образом, предметы дистанционного вооружения пьяноборской культуры в целом охарактеризованы достаточно полно, однако назвать их изучение исчерпывающим и предельно решенным нельзя. В особенности это касается костяных наконечников стрел. До настоящего времени детальный анализ этой массовой категории инвентаря, только, может быть, кроме работы Д.Г. Бугрова (Бугров, 2000, с. 83–92), не проводился. Благодаря полной исследованности территории Старокиргизовского могильника мы имеем возможность рассмотреть новые аспекты использования наконечников стрел, изготовленных из разных материалов, и попытаться выйти на новые хронологические построения, прежде всего для костяных наконечников стрел.

Коллекция наконечников стрел из раскопок Старокиргизовского могильника насчитывает 303 экземпляра, происходящих из 33 погребений (рис. 2). По материалу изготовления они подразделяются на три категории: бронзовые[1], железные и костяные. Количественное соотношение категорий показывает устойчивое преобладание изделий из кости – 208 экз. (68,7% от общего числа). Металлические наконечники представлены практически равными долями: бронзовые составляют 48 экз. (15,8%), железные – 47 экз. (15,5%).

Рис. 2. Общий план Старокиргизовского могильника с указанием погребений с бронзовыми, железными и костяными наконечниками стрел
Fig. 2. General plan of the Staroe Kirgizovo burial ground, showing the burials with bronze, iron and bone arrowheads

Анализ распределения наконечников по погребениям позволяет детализировать картину. Костяные наконечники встречены в 25 из 33 погребений (75,8%), что подтверждает их массовое и регулярное использование. Бронзовые наконечники зафиксированы в 10 погребениях (30,3%), железные – в 13 (39,4%). По сочетанию материалов выделяется несколько типов наборов:

только костяные наконечники – 11 погребений;

только бронзовые – 5 погребений;

только железные – 3 погребения;

костяные и бронзовые (без железа) – 4 погребения;

костяные и железные (без бронзы) – 9 погребений;

все три категории – 1 погребение.

Таким образом, наиболее распространены смешанные комплексы, причем сочетание костяных наконечников с железными встречается более чем два раза чаще (девять погребений), чем с бронзовыми (четыре погребения).

В смешанных комплексах, включающих изделия из разных материалов, прослеживаются определенные количественные закономерности. В четырех погребениях, где сочетаются костяные и бронзовые наконечники (при отсутствии железных), общее число предметов составляет 46 экземпляров. Из них 27 приходится на бронзу (58,7%), а 19 – на кость (41,3%). В этой группе бронзовые наконечники количественно преобладают над костяными, что может указывать на их ведущую роль в данных комплексах.

В девяти погребениях, содержащих костяные и железные наконечники (без бронзы), ситуация иная. Здесь из 186 наконечников лишь 39 являются железными (21,0%), тогда как костяные составляют абсолютное большинство – 147 экз. (79,0%). Это позволяет предположить, что железные наконечники выступали скорее в качестве дополнения к массовому костяному инвентарю.

Единственное погребение, в котором представлены все три категории материалов (п. 84),

содержит пять наконечников: три бронзовых, один железный и один костяной. Малочисленность подобных сочетаний в очередной раз указывает на быструю смену бронзовых наконечников железными в переходный период.

В целом в смешанных комплексах (14 погребений) костяные наконечники наиболее многочисленны, на их долю приходится 167 из 237 предметов (70,5%). Металлические наконечники (бронзовые и железные) в сумме дают 70 экз. (29,5%), при этом железо встречается чаще бронзы (40 против 30 экз.), что объясняется большим числом погребений с железом. Приведенные данные подтверждают универсальный характер костяных наконечников.

Для систематизации материала были применены классификационные схемы, разработанные для синхронных или аналогичных древностей (прил. 1). Металлические наконечники (бронзовые и железные) классифицированы по типологии А.С. Скрипкина (1990), созданной для сарматской культуры. Костяные наконечники обработаны по классификации Д.Г. Бугрова (2000), специально предназначенной для костяных изделий Тойгузинского II городища пьяноборской культуры. Обе схемы основаны на традиционном иерархическом принципе, последовательно учитывающем материал, способ насада на древко, форму поперечного сечения пера, его общую морфологию и дополнительные детали.

В соответствии с типологией А.С. Скрипкина, для бронзовых наконечников определяющим признаком первого порядка является способ крепления. Все они относятся к втульчатым, однако внутри этого способа выделяются две группы: с выступающей втулкой и с внутренней втулкой. В первой группе втулка явно выступает за основание пера; типы здесь различаются по форме головки (треугольная или сводчатая) и по углу среза лопастей относительно втулки (прямой, острый или тупой). Важно отметить, что в классификации А.С. Скрипкина дополнительно учитывается длина головки (короткая, средняя, длинная) (Скрипкин, 1990, с. 68–69). В нашей коллекции все экземпляры имеют головку средней длины. Во второй группе втулка скрыта в пере; типы определяются наличием или отсутствием шипов на лопастях и контуром головки (сводчатым или треугольным). Железные наконечники, по А.С. Скрипкину, по способу насада делятся на черешковые и втульчатые (Скрипкин, 1990, с. 71–73). Все старокиргизовские железные наконечники – черешковые, поэтому группа здесь одна, а разделение на типы идет по форме головки (всегда треугольной), углу среза лопастей (прямой или острый) и пропорциям головки и черешка.

Классификация костяных наконечников по Д.Г. Бугрову более детальна, что обусловлено их многообразием. Первый уровень деления – способ насада: черешковые и втульчатые. Для черешковых следующим критерием становится форма сечения пера, на основании которой выделены отделы трехгранных и четырехгранных наконечников. Внутри отделов типы различаются по общему абрису: иволистные, треугольные, неправильно-ромбические для трехгранных, а для четырехгранных – листовидные, с подразделением на подтипы по наличию или отсутствию выделенного черешка.

Еще более сложную структуру имеют втульчатые костяные наконечники, составляющие основу коллекции. Здесь также первым шагом служит выделение отделов по форме сечения пера: трехгранные, четырехгранные и неправильно-многогранные. Самый многочисленный – отдел трехгранных, в котором по форме головки выделены два типа: сводчатый (тип 1) и треугольный (тип 2). Для сводчатого типа варианты различаются формой сечения (подтреугольные или подтрапециевидные) и характером основания (плоское или с выступающей втулкой). Треугольный тип (тип 2) подразделяется на подтипы в зависимости от профиля граней: бипирамидальные и без бипирамидального притупления, с прямыми либо выпукло-вогнутыми гранями. Внутри каждого подтипа варианты вновь учитывают форму сечения и тип основания. В отделах четырехгранных и многогранных дробность меньше – типы выделяются по сочетанию общей формы головки и сечения.

Анализ взаимовстречаемости типов наконечников стрел в погребениях Старокиргизовского могильника позволяет выявить устойчивые закономерности, отражающие, на наш взгляд, как хронологическую динамику, так и культурные традиции в использовании разных материалов и форм (прил. 2).

Среди бронзовых наконечников доминирует тип 18 – трехлопастные с треугольной головкой, лопасти которых срезаны на одном

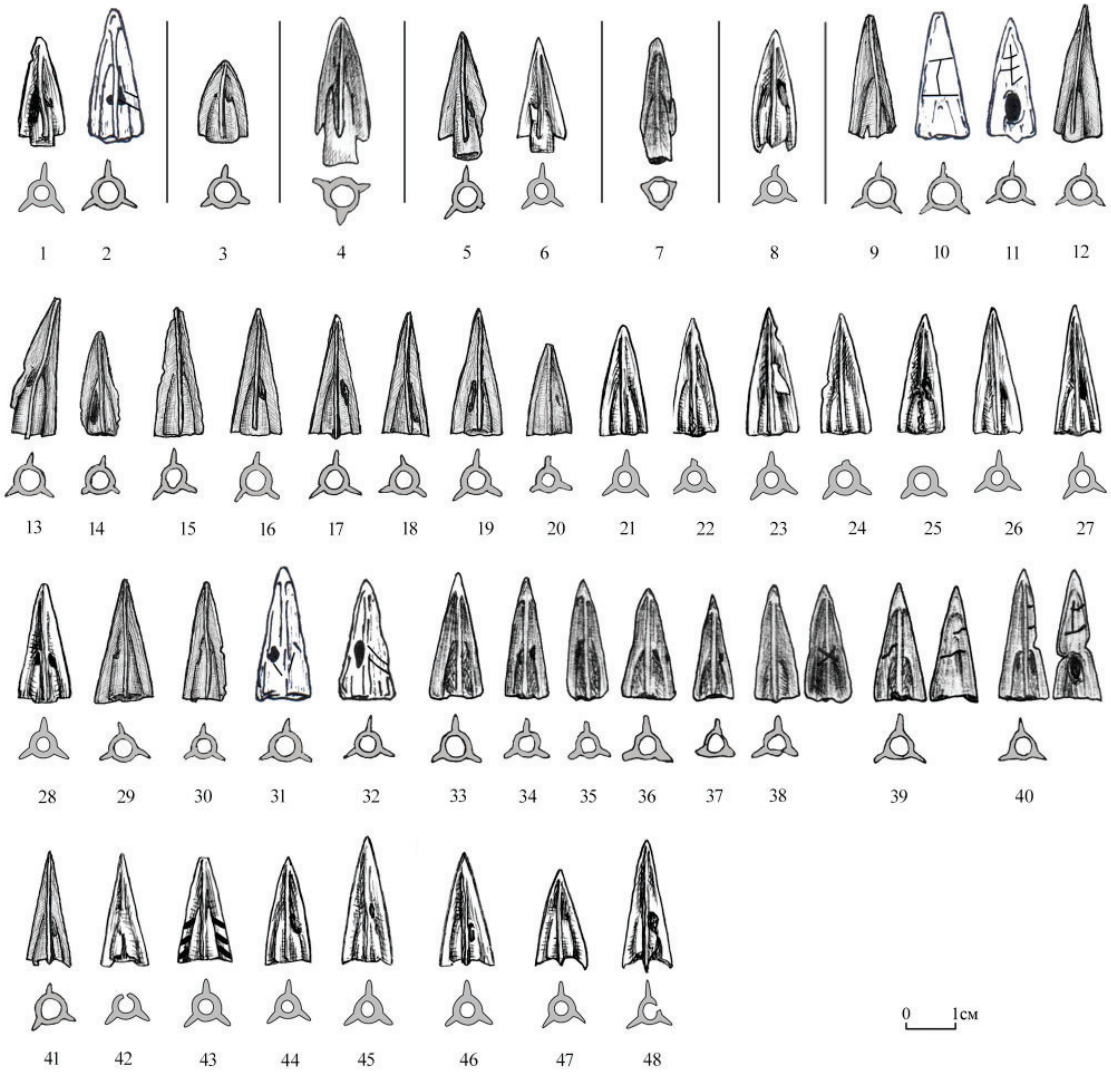

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел Старокиргизовского могильника.
Наконечники с выступающей втулкой: 1, 2 – тип 4; 3 – тип 5; 4 – тип 6; 5, 6 – тип 9; 7 – тип 10. Наконечники с внутренней втулкой: 8 – тип 17; 9-40 – тип 18; 41-48 – тип 19.
Fig. 3. Bronze arrowheads from the Staroe Kirgizovo burial ground.
Arrowheads with a protruding socket: 1, 2 – type 4; 3 – type 5; 4 – type 6; 5, 6 – type 9; 7 – type 10. Arrowheads with an internal socket: 8 – type 17; 9–40 – type 18; 41–48 – type 19.

уровне с втулкой (рис. 3: 9–40). Данный тип зафиксирован в девяти из десяти погребений, содержащих бронзу. В пяти комплексах (погребения 63, 57, 58, 56, 84) тип 18 сочетается с другими бронзовыми формами (типы 4, 5, 9, 10, 17, 19), демонстрируя вариабельность бронзового набора (рис. 3: 1–8). Исключением является погребение 89, где представлен только тип 6 (рис. 3: 4), морфологически обособленный и не встречающийся совместно с типом 18. В пяти погребениях одновременно присутствуют бронзовые наконечники стрел как с внутренней втулкой, так и выступающей, что указывает на их синхронное бытование (рис. 3).

Как уже было отмечено, в смешанных комплексах «бронза – кость» бронза обычно доминирует количественно. Костяные наконечники в этих погребениях представлены преимущественно втульчатыми трехгранными формами типа 2 – без бипирамидального притупления острия (подтипы 3 и 4) (рис. 5: 104–188). Характерно, что бронзовые типы не сочетаются с костяными втульчатыми бипирамидальными наконечниками (подтипы 1 и 2 того же типа) (рис. 5: 51–103), с четырехгранными втульчатыми формами (рис. 5: 201–205), а также с черешковыми трехгранными костяными наконечниками (рис. 5: 1–5). Крайне редки и сочетания с черешковыми четырех-

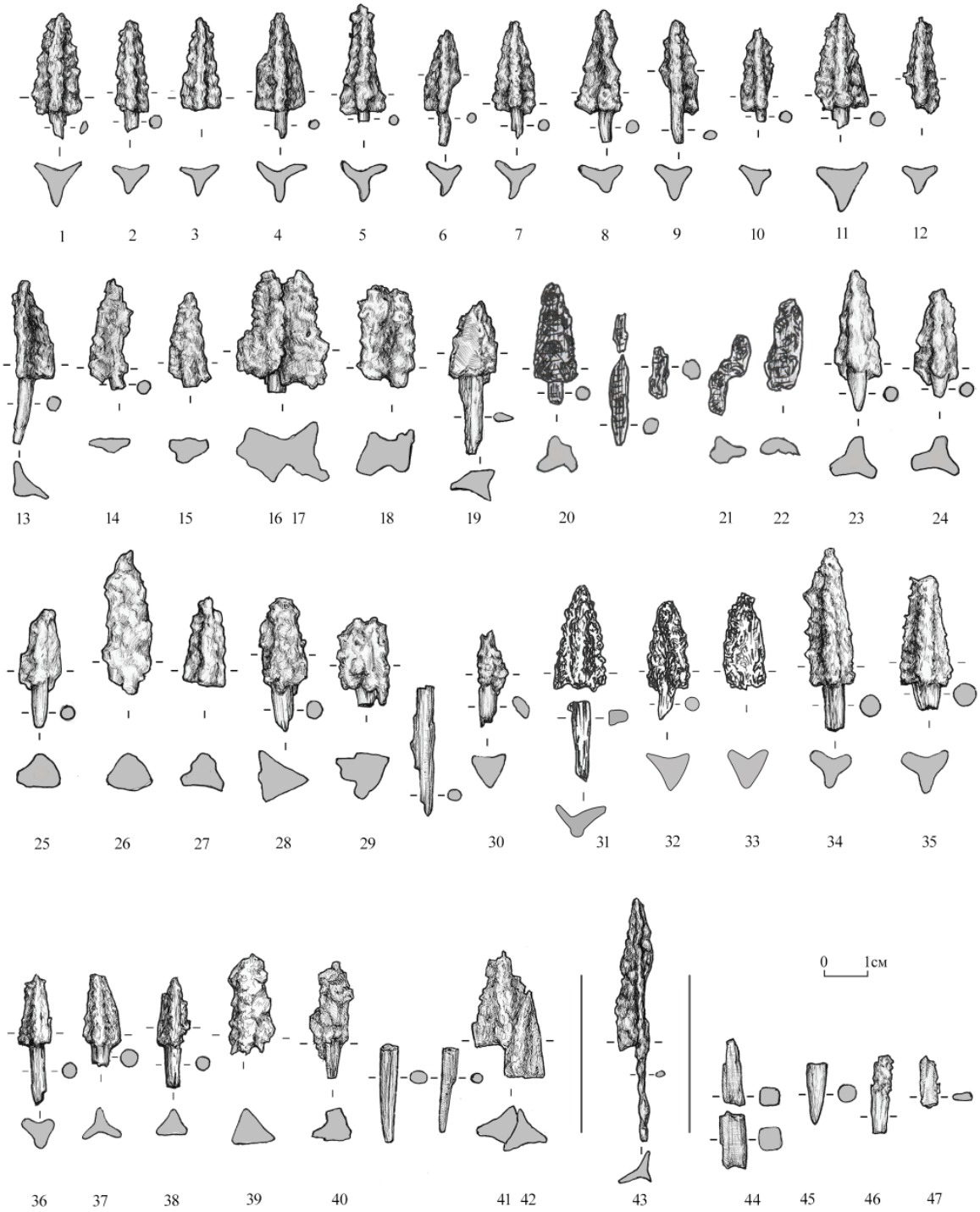

Рис. 4. Железные наконечники стрел Старокиргизовского могильника.
1-42 – тип 11; 43 – тип 12; 44-47 – неопределимые.
Fig. 4. Iron arrowheads from the Staroe Kirgizovo burial ground.
1-42 – type 11; 43 – type 12; 44-47 – indeterminate.

гранными формами (рис. 5: 6–9). Это позволяет предполагать определенную избирательность или хронологическое несовпадение наборов.

Железные наконечники демонстрируют еще более выраженное преобладание одной формы – типа 11 (трехлопастные с треугольной головкой, лопасти срезаны под прямым углом к черешку) (рис. 4: 1–42). Он зафиксирован в 10 из 13 погребений с железом. В трех комплексах (погребения 17, 1/36-72, 2/25-72) железо образует «чистые» наборы без кости.

Однако в большинстве случаев (десять погребений) железо сочетается с костяными наконечниками, причем кость всегда преобладает количественно. В таких смешанных комплексах костяные наборы достигают максимального разнообразия: здесь представлены практически все варианты втульчатого трехгранного типа 2, включая подтипы 1–4 с различным оформлением основания и сечения (рис. 5: 32–200). Показательно, что в одном погребении нередко сосуществуют сразу несколько подтипов (рис. 5) (например, в погребениях 23, 53 и 18/72), что свидетельствует об одновременном использовании разных морфологических разновидностей.

Среди костяных наконечников наиболее многочисленны втульчатые трехгранные типа 2 треугольной формы (рис. 5: 32–200), присутствующие практически во всех погребениях с костью. Их подтипы – бипирамидальные с прямыми или выпукло-вогнутыми гранями, без бипирамидального притупления и другие (рис. 5: 32–188) – часто встречаются совместно, как, например, в погребении 53, где одновременно зафиксированы подтипы 1, 2, 3, 4 (рис. 5: 35, 84, 102, 116–118, 131–136, 146, 171, 180). В чисто костяных погребениях (11 комплексов) также доминирует тип 2, однако встречаются и другие формы: черешковые (тип 1 иволистной формы – погребение 4-29/72 (рис. 5: 1, 2), тип 2 треугольной формы – погребение 20/72 (рис. 5: 3, 4), тип 3 неправильно-ромбической формы – погребение 15/72 (рис. 5: 5)), а также втульчатые четырехгранные типы 3–5 в единичных экземплярах (рис. 5: 201–205).

Проведенный анализ сочетания типов позволяет перейти к рассмотрению динамики технологических и хронологических изменений (прил. 2). Группа погребений с колчанами, содержащими бронзовые, железные и смешанные наборы наконечников, подтверждает правомерность выводов, сделанных ранее на материалах Кипчаковского курганно-грунтового могильника. Вероятно, переход пьяноборского населения от использования бронзовых наконечников стрел к железным произошел в середине – второй половине I века до н. э., а к началу I века н. э. они уже получили широкое распространение (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214).

Эта датировка подтверждается несколькими наблюдениями. Как и в случае с кипчаковскими комплексами (Саттаров, 2019, прил. 6, рис. 1), в погребении 92 вместе с колчаном, содержащим бронзовые наконечники, обнаружена крупная восьмеркообразная застежка (Саттаров и др., 2025, рис. 5: 1). Данная находка относится к периоду, когда пьяноборские восьмеркообразные застежки начинают развиваться на основе сарматских форм, что предполагает их датировку II–I вв. до н. э. (Саттаров, Камалеев, 2022, с. 242). Следовательно, колчаны с бронзовыми наконечниками следует относить ко II–I вв. до н. э., исключая их бытование в первые века нашей эры, хотя отдельные экземпляры бронзовых наконечников встречаются и позже (Агеев, 1992, с. 70, 71, 74–75; Зубов, Саттаров, 2018, с. 213). Показательно и отсутствие бронзовых наконечников в более поздних памятниках: в Новосасыкульском могильнике, датируемом первыми веками нашей эры, они не встречаются даже в единичных экземплярах. Это также подтверждает, что к началу I века н. э. бронзовые наконечники выходят из употребления, и делает выводы А.А. Красноперова об их бытовании и после рубежа эр, вплоть до I – начала II в. н.э., весьма уязвимыми (Красноперов, 2021, с. 226–228).

Крайне незначительное количество погребений с сочетанием бронзовых и железных наконечников позволяет заключить, что переход от одного материала к другому произошел в довольно короткий промежуток времени – предположительно в середине – второй половине I века до н. э. Наиболее распространенный тип 18 бронзовых наконечников (группа 1, отдел 2, рис. 3: 9–40) бытует в широкий хронологический промежуток (II–I вв. до н. э.); наконечники этого типа также встречаются и в смешанных колчанах (бронза – железо – кость). Можно предположить, что именно этот тип вне колчанов сохраняется более длительное время, вплоть до первых веков нашей эры. Однако это требует проверки с привлечением материалов других могильников пьяноборской культуры. Железные наконечники (типы 11 и 12) фиксируются уже в переходное время, а с начала I века н. э. получают широкое распространение.

Что касается костяных наконечников, их хронология выглядит следующим образом: черешковые трехгранные (группа 1, отдел 1, рис. 5: 1–5) датируются первыми веками н. э., тогда как четырехгранные (группа 1, отдел 2,

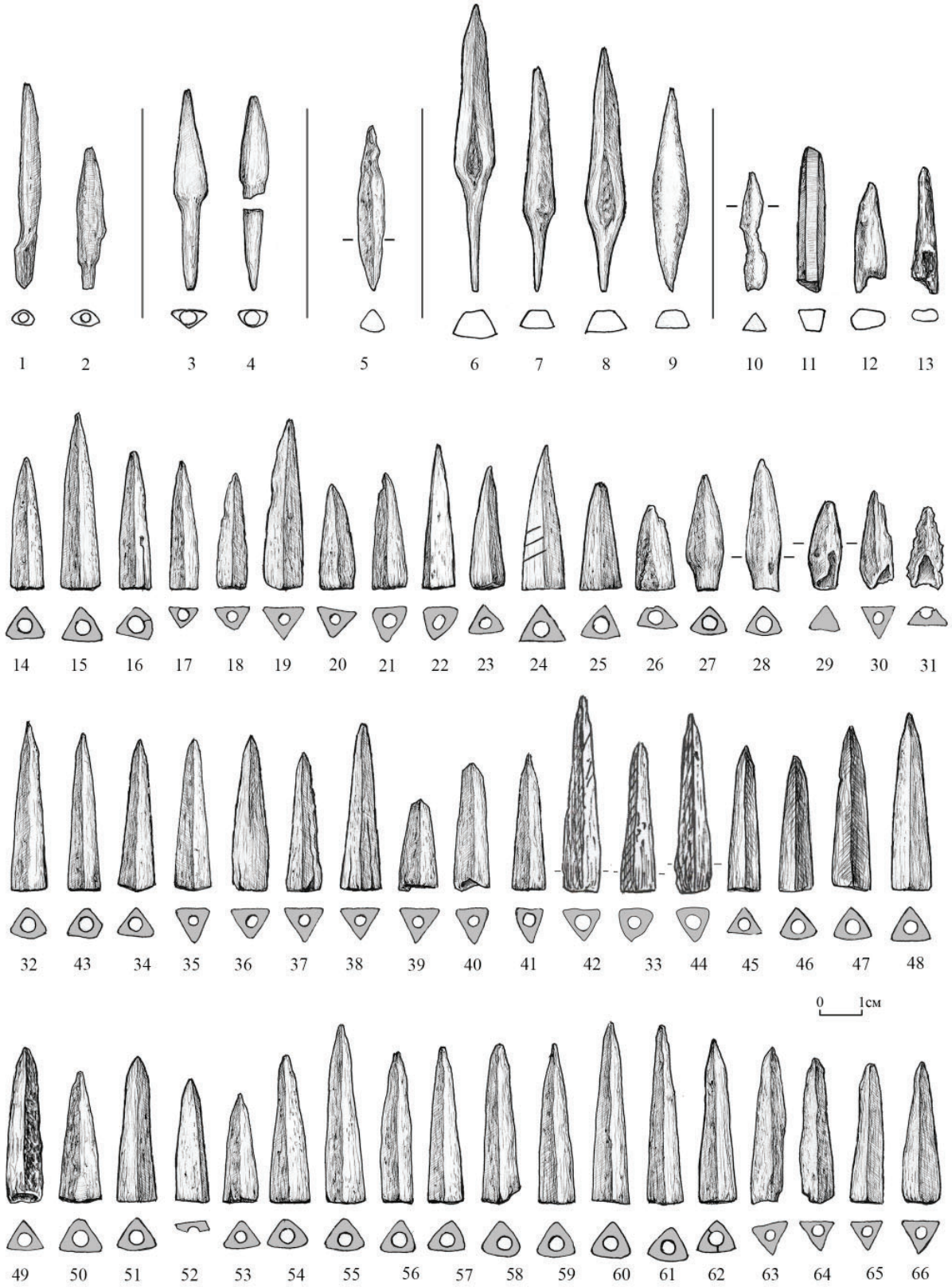
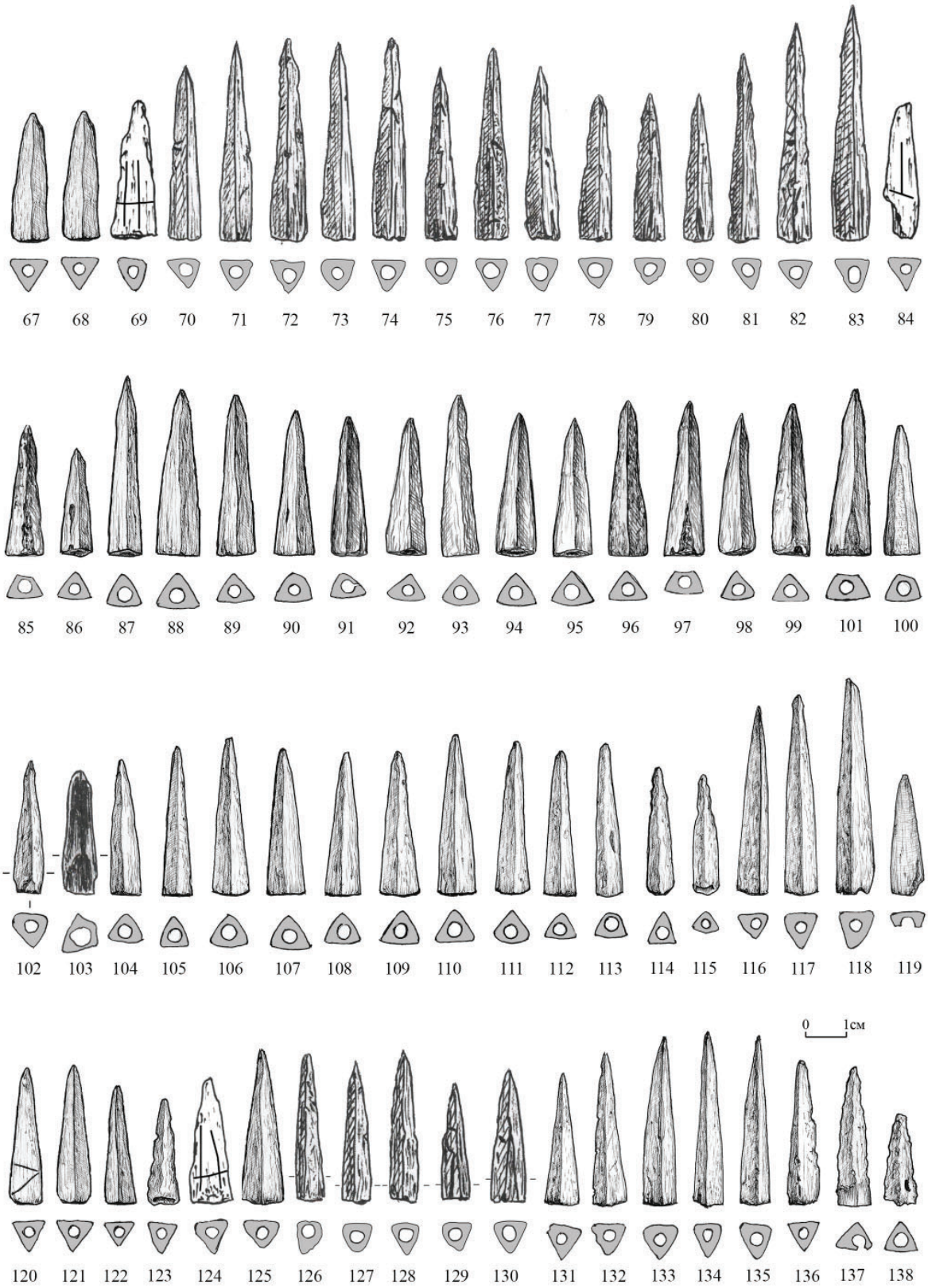

Рис. 5. Костяные наконечники стрел Старокиргизовского могильника. Черешковые наконечники. Трехгранные: 1, 2 – тип 1; 3, 4 – тип 2; 5 – тип 3. Четырехгранные: 6-8 – тип 4, подтип 1; 9 – тип 4, подтип 2. 10-13 – вероятно черешковые. Втульчатые наконечники. Трехгранные: 14-31 – тип 1 (14-25 вариант а; 26 – вариант б; 27-29 – вариант в; 30, 31 – вероятно тип 1). 32-50 – тип 2, подтип 1 (32-49 – вариант а; 50 – вариант б). 51-103 – тип 2, подтип 2 (51-99 вариант а; 100, 101 – вариант б; 102, 103 – вариант в). 104-155 – тип 2, подтип 3 (104-141

– вариант а; 142-144 – вариант б; 145-151 – вариант в; 151-155 – вероятно тип 2, подтип 3). 156-188 – тип 2, подтип 4 (156-184 – вариант а; 185 – вариант б; 186, 187 – вариант в; 188 – вероятно тип 2, подтип 4). 189-200 – вероятно тип 2. Четырехгранные: 201 – тип 3; 202 – тип 4; 203-205 – тип 5. Неправильно-многогранные: 206 – тип 6.

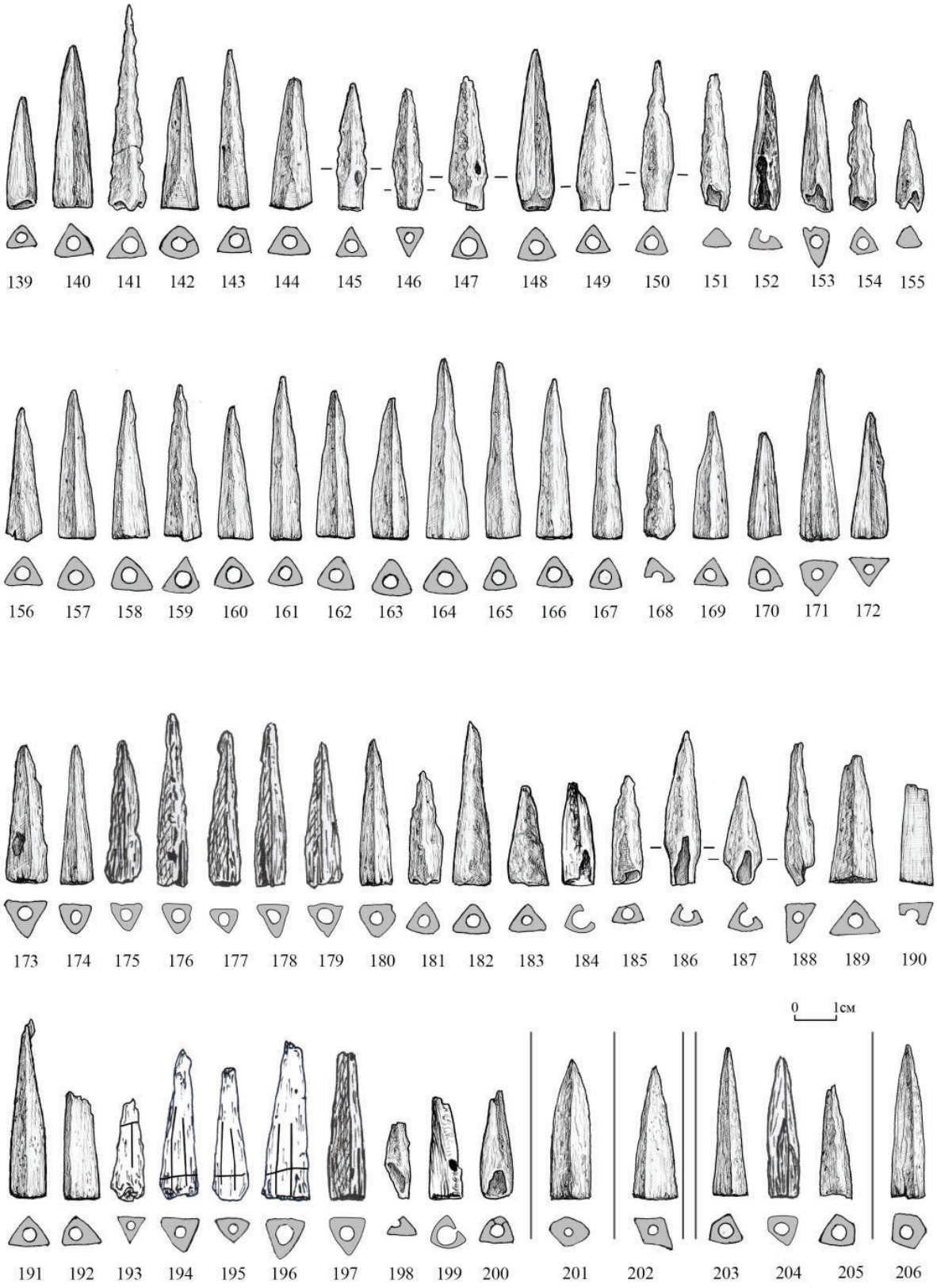

Fig. 5. Bone arrowheads from the Staroe Kirgizovo burial ground. Stemmed arrowheads. Triangular: 1, 2 – type 1; 3, 4 – type 2; 5 – type 3. Quadrangular: 6-8 – type 4, subtype 1; 9 – type 4, subtype 2. 10-13 – probably stemmed. Socketed arrowheads. Triangular: 14-31 – type 1 (14-25 variant а; 26 – variant б; 27-29 – variant в; 30, 31 – probably type 1). 32-50 – type 2, subtype 1 (32-49 – variant а; 50 – variant б). 51-103 – type 2, subtype 2 (51-99 variant а; 100, 101 – vari-

ant б; 102, 103 – variant в). 104-155 – type 2, subtype 3 (104-141 – variant a; 142-144 – variant б; 145-151 – variant в; 151-155 – probably type 2, subtype 3). 156-188 – type 2, subtype 4 (156-184 – variant a; 185 – variant б; 186, 187 – variant в; 188 – probably type 2, subtype 4). 189-200 – probably type 2. Quadrangular: 201 – type 3; 202 – type 4; 203-205 – type 5. Irregular polyhedral: 206 – type 6.

рис. 5: 6–9) бытуют в течение всего времени функционирования пьяноборской культуры. Втульчатые трехгранные наконечники сводчатой формы также встречаются на протяжении всего периода (группа 2, отдел 1, тип 1, рис. 5: 14–31), хотя экземпляры с выступающей втулкой (группа 2, отдел 1, тип 1в, рис. 5: 27–29) больше тяготеют к раннему периоду и бронзовым наконечникам. Наконечники без бипирамидального притупления (группа 2, отдел 1, тип 2, подтипы 3 и 4, рис. 5: 104–188) датируются всем периодом пьяноборской культуры, тогда как бипирамидальное притупление (группа 2, отдел 1, тип 2, подтипы 1 и 2, рис. 5: 51–103) начинает широко применяться с начала I века н. э. С первыми веками нашей эры, вероятно, следует связывать и четырехгранные втульчатые наконечники стрел (группа 2, отдел 2, рис. 5: 201–205).

Таким образом, детальный анализ такой массовой категории инвентаря, как наконечники стрел из Старокиргизовского могильника, позволяет не только систематизировать материалы погребальных комплексов, но и существенно уточнить хронологию костяных наконечников пьяноборской культуры. Кроме этого, появляется возможность внести некоторые коррективы в схему развития и использования наконечников стрел, изготовленных из разных материалов.

Примечание:

[1] Здесь и далее мы используем традиционный термин «бронзовые» для наконечников стрел, изготовленных из медных сплавов. Химическому анализу пьяноборских наконечников стрел посвящена отдельная статья С.Э. Зубова, Э.В. Камалеева и Р.Р. Саттарова, которая выйдет в печать в скором будущем в Уфимском археологическом вестнике в 2026 г.

Приложение 1 Каталог наконечников стрел Старокиргизовского могильника
Appendix 1. Catalogue of arrowheads from the Staroe Kirgizovo burial ground

Всего наконечников стрел 303 экз.

Класс 1. Бронзовые наконечники (48 экз., рис. 3).

Группа 1. Втульчатые (48 экз., рис. 3).

Отдел 1. Наконечники с выступающей втулкой (7 экз., рис. 3: 1-7).

Тип 4 – 2 экз.

Головка средняя, комбинированная, треугольная, лопасти срезаны под прямым углом к втулке (рис.. 3: 1, 2).

П. 63 (1 экз., рис. 3: 1), П. 84 (1 экз., рис. 3: 2).

Тип 5 – 1 экз.

Головка средняя, трехлопастная, сводчатая, с лопастями, срезанными под прямым углом (рис. 3: 3).

П. 58 (1 экз., рис. 3: 3).

Тип 6 – 1 экз.

Головка средняя, трехлопастная, сводчатая, с лопастями, срезанными под острым углом к втулке (рис. 3: 4).

П. 89 (1 экз., рис. 3: 4).

Тип 9, вариант 1 – 2 экз.

Трехлопастные с треугольной головкой, лопасти срезаны под острым углом к втулке. Вариант 1 - головка средней длины (рис. 3: 5, 6).

П. 63 (1 экз., рис. 3: 5), П. 57 (1 экз., рис. 3: 6).

Тип 10, вариант 2 – 1 экз.

Трехлопастные, головка треугольная, лопасти срезаны под тупым углом к втулке. Вариант 2 - с длинной головкой (рис. 3: 7).

П. 92 (1 экз., рис. 3: 7).

Отдел 2. Наконечники с внутренней втулкой (41 экз., рис. 3: 8-48).

Тип 17, вариант 1 – 1 экз.

Наконечники со сводчатой трехлопастной головкой. Лопасти оканчиваются шипами, срезанными под острым углом к втулке. Вариант 1 - головка наконечника средней длины (рис. 3: 8).

П. 63 (1 экз., рис. 3: 8).

Тип 18 – 32 экз.

Трехлопастные наконечники с треугольным контуром головки и лопастями, срезанными на одном уровне с втулкой (рис. 3: 9-40).

П. 63 (8 экз., рис. 3: 21-28), П. 92 (8 экз., рис. 3: 33-40), П. 57 (4 экз., рис. 3: 16-19), П. 51/72 (5 экз., рис. 3: 9-13), П. 58 (1 экз., рис. 3: 20), П. 83 (2 экз., рис. 3: 29, 30), П. 35 (1 экз., рис. 3: 14), П. 56 (1 экз., рис. 3: 15), П. 84 (2 экз., рис. 3: 31, 32).

Тип 19 – 8 экз.

Трехлопастные наконечники с длинной треугольной головкой. Лопасти срезаны острым углом к втулке (рис. 3: 41-48).

П. 63 (7 экз., рис. 3: 42-48), П. 57 (1 экз., рис. 3: 41).

Класс 2. Железные наконечники (47 экз., рис. 4).

Группа 2. Черешковые (41 экз., рис. 4).

Тип 11 – 40 экз.

Трехлопастные наконечники с длинной треугольной головкой. Лопасти срезаны острым углом к. втулке (рис. 4: 1-20, 23-42).

П. 84 (1 экз., рис. 4: 19), П. 23 (15 экз., рис. 4: 4-18), П. 53 (6 экз., рис. 4: 34-39), П. 18/72 (5 экз., рис.. 4: 23-27), П. 17 (3 экз., рис. 4: 28-30), П. 71 (3 экз., рис. 4: 40-42), П. 20 (3 экз., рис. 4: 1-3), П. 2/72 (1 экз., рис. 4: 20), П. 43 (2 экз., рис. 4: 32, 33), П. 42 (1 экз., рис. 4: 31).

Тип 12 – 1 экз.

Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку. Вариант 2 - головка и черешок средних размеров (рис. 4: 43).

П. 17 (1 экз., рис. 4: 43).

Неопределимые – 6 экз. (рис. 4: 21, 22, 44-47).

П. 2/72 (2 экз., рис. 4: 21, 22), П. 1-36/72 (2 экз., рис. 4: 45, 46), П. 2-25/72 (1 экз., рис. 4: 44), П. 12 (1 экз., рис. 4: 47).

Класс 3. Костяные наконечники (208 экз., рис. 5).

Группа 1. Черешковые (13 экз., рис. 5: 1-13).

Отдел 1. Трехгранные (5 экз., рис. 5: 1-5).

Тип 1 – 2 экз.

Вытянутой иволистной формы, с овальным или круглым в сечении черешком, плавно переходящим в перо (рис. 5: 1, 2).

П. 4-29/72 (2 экз., рис. 5: 1, 2).

Тип 2 – 2 экз.

Треугольной формы, с овальным или круглым в сечении черешком (рис. 5: 3, 4).

П. 20/72 (2 экз., рис. 5: 3, 4).

Тип 3 – 1 экз.

Неправильно-ромбической формы, с треугольным в сечении черешком (рис. 5: 5).

П. 15/72 (1 экз., рис. 5: 5).

Отдел 2. Четырехгранные (4 экз., рис. 5: 6-9).

Тип 4 – 4 экз.

Листовидной формы, трапециевидные в сечении с овальным или круглым в сечении черешком, плавно переходящим в перо.

Подтип 1 – 3 экз.

С выделенным черешком (рис. 5: 6-8).

П. 71 (3 экз., рис. 5: 6-8).

Подтип 2 – 1 экз.
Без выделенного черешка (рис. 5: 9).
П. 71 (1 экз., рис. 5: 9).

Неопределимые – 4 экз. (рис. 5: 10-13).
П. 56 (1 экз., рис. 5: 10), П. 84 (1 экз., рис. 5: 11), П. 71 (2 экз., рис. 5: 12, 13).

Группа 2. Втульчатые (193 экз., рис. 5: 14-206).
Отдел 1. Трехгранные (187 экз., рис. 5: 14-200).

Тип 1 – 18 экз.
Сводчатой формы (18 экз., рис. 5: 14-31).
вариант а – 12 экз.
Подтреугольные в сечении с плоским основанием (рис. 5: 14-25).
П. 53 (1 экз., рис. 5: 22), П. 18/72 (3 экз., рис. 5: 15-17), П. 71 (1 экз., рис. 5: 23), П. 20 (3 экз., рис. 5: 18-20), П. 29 (1 экз., рис. 5: 21), П. 20/72 (1 экз., рис. 5: 17), П. 2/1970 (1 экз., рис. 5: 25), П. 85 (1 экз., рис. 5: 24).

вариант б – 1 экз.
Подтрапециевидные (с брюшком) в сечении с плоским основанием (рис. 5: 26).
П. 57 (1 экз., рис. 5: 26).

вариант в – 3 экз.
Подтреугольные в сечении с выступающей втулкой (рис. 5: 27-29).
П. 58 (1 экз., рис. 5: 29), П. 56 (1 экз., рис. 5: 28), П. 18/72 (1 экз., рис. 5: 27).

В целом относятся к типу 1 – 2 экз.
П. 29 (1 экз., рис. 5: 30), П. 57 (1 экз., рис. 5: 31).

Тип 2 – 169 экз.
Треугольной формы (169 экз., рис. 5: 32-200).
Подтип 1 – 19 экз.
Бипирамидальные с прямыми гранями (19 экз., рис. 5: 32-50).

вариант а – 18 экз.
Подтреугольные в сечении с плоским основанием (рис. 5: 32-49).
П. 23 (2 экз., рис. 5: 39-40), П. 53 (1 экз., рис. 5: 35), П. 18/72 (2 экз., рис. 5: 32, 33), П. 71 (5 экз., рис. 5: 45-49), П. 20 (3 экз., рис. 5: 36-38), П. 43 (3 экз., рис. 5: 42-44), П. 29 (1 экз., рис. 5: 41), П. 20/72 (1 экз., рис. 5: 34).

вариант б – 1 экз.
Бипирамидальные с прямыми гранями. Подтрапециевидные (с брюшком) в сечении с плоским основанием (рис. 5: 50).
П. 17/72 (1 экз., рис. 5: 50).

Подтип 2 – 53 экз.
Бипирамидальные с выпукло-вогнутыми гранями (53 экз., рис. 5: 51-103).
вариант а – 49 экз.
Подтреугольные в сечении с плоским основанием (рис. 5: 51-99).
П. 53 (1 экз., рис. 5: 84), П. 18/72 (9 экз., рис. 5: 54-62), П. 71 (15 экз., рис. 5: 85-89), П. 20 (6 экз., рис. 5: 63-68), П. 43 (14 экз., рис. 5: 70-83), П. 29 (1 экз., рис. 5: 69), П. 17/72 (1 экз., рис. 5: 53), П. 2/1970 (1 экз., рис. 5: 51), П. 15/72 (1 экз., рис. 5: 52).

вариант б – 2 экз.
Подтрапециевидные (с брюшком) в сечении с плоским основанием (рис. 5: 100, 101).
П. 18/72 (1 экз., рис. 5: 101), П. 71 (1 экз., рис. 5: 100).

вариант в – 2 экз.
Подтреугольные в сечении с выступающей втулкой (рис. 5: 102, 103).
П. 53 (1 экз., рис. 5: 102), П. 2/72 (1 экз., рис. 5: 103).

Подтип 3 – 52 экз.
Без бипирамидального притупления острия с прямыми гранями (52 экз., рис. 5: 104-155).
вариант а – 38 экз.

Подтреугольные в сечении с плоским основанием (рис. 5: 104-141).

П. 57 (1 экз., рис. 5: 138), П. 23 (1 экз., рис. 5: 123), П. 53 (9 экз., рис. 5: 116-118, 131-136), П. 18/72 (10 экз., рис. 5: 104-113), П. 71 (2 экз., рис. 5: 139, 140), П. 20 (3 экз., рис. 5: 120-122), П. 43 (5 экз., рис. 5: 126-130), П. 29 (2 экз., рис. 5: 124-125), П. 20/72 (1 экз., рис. 5: 114), П. 17/72 (1 экз., рис. 5: 119), П. 55 (1 экз., рис. 5: 137), П. 15/72 (1 экз., рис. 5: 115), П. 74 (1 экз., рис. 5: 141).

вариант б – 3 экз.

Подтрапециевидные (с брюшком) в сечении с плоским основанием (рис. 5: 142-144).

П. 18/72 (2 экз., рис. 5: 142, 143), П. 17/72 (1 экз., рис. 5: 144).

вариант в – 7 экз.

Подтреугольные в сечении с выступающей втулкой (рис. 5: 145-151).

П. 57 (1 экз., рис. 5: 147), П. 58 (1 экз., рис. 5: 145), П. 56 (3 экз., рис. 5: 149-151), П. 53 (1 экз., рис. 5: 146), П. 71 (1 экз., рис. 5: 148).

В целом относятся к типу 2, подтип 3 – 4 экз. (рис. 5: 152-155).

П. 56 (1 экз., рис. 5: 155), П. 71 (1 экз., рис. 5: 152), П. 29 (1 экз., рис. 5: 153), П. 55 (1 экз., рис. 5: 154).

Подтип 4 – 33 экз.

Без бипирамидального притупления острия с выпукло-вогнутыми гранями (33 экз., рис. 5: 156-188).

вариант а – 29 экз.

Подтреугольные в сечении с плоским основанием (рис. 5: 156-184).

П. 63 (1 экз., рис. 5: 184), П. 23 (1 экз., рис. 5: 173), П. 53 (2 экз., рис. 5: 171, 180), П. 18/72 (12 экз., рис. 5: 156-167), П. 71 (2 экз., рис. 5: 182, 183), П. 20 (1 экз., рис. 5: 172), П. 43 (3 экз., рис. 5: 177-179), П. 42 (2 экз., рис. 5: 175, 176), П. 29 (1 экз., рис. 5: 174), П. 20/72 (1 экз., рис. 5: 169), П. 17/72 (1 экз., рис. 5: 168), П. 55 (1 экз., рис. 5: 181), П. 2/1970 (1 экз., рис. 5: 170).

вариант б – 1 экз.

Подтрапециевидные (с брюшком) в сечении с плоским основанием (рис. 5: 185).

П. 56 (1 экз., рис. 5: 185).

вариант в – 2 экз.

Подтреугольные в сечении с выступающей втулкой (рис. 5: 186, 187).

П. 56 (2 экз., рис. 5: 186, 187).

В целом относятся к типу 2, подтип 4 – 1 экз. (рис. 5: 188).

П. 23 (1 экз., рис. 5: 188).

В целом относятся к типу 2 – 12 экз. (рис. 5: 189-200).

П. 63 (1 экз., рис. 5: 199), П. 57 (1 экз., рис. 5: 198), П. 18/72 (1 экз., рис. 5: 191), П. 71 (1 экз., рис. 5: 200), П. 43 (1 экз., рис. 5: 197), П. 12 (1 экз., рис. 5: 193), П. 29 (3 экз., рис. 5: 194-196), П. 20/72 (1 экз., рис. 5: 192), П. 17/72 (2 экз., рис. 5: 189-190).

Отдел 2. Четырехгранные (5 экз., рис. 5: 201-205).

Тип 3 – 1 экз.

Сводчатой формы, подромбические в сечении (рис. 5: 201).

П. 53 (1 экз., рис. 5: 201).

Тип 4 – 1 экз.

Треугольной формы, подромбические в сечении (рис. 5: 202).

П. 53 (1 экз., рис. 5: 202).

Тип 5 – 3 экз.

Треугольной формы, подтрапециевидные в сечении (рис. 5: 203-205).

П. 18/72 (1 экз., рис. 5: 203), П. 43 (1 экз., рис. 5: 204), П. 55 (1 экз., рис. 5: 205).

Отдел 3. Неправильно-многогранные (1 экз., рис. 5: 206).

Тип 6 – 1 экз.

Треугольной формы, пятиугольная (пентогональная) в сечении (рис. 5: 206).

П. 53 (1 экз., рис. 5: 206).

Отсутствуют в коллекции – 2 экз.

П. 3/72 (1 экз.), П. 11-21/72 (1 экз.).

Приложение 2. Взаимовстречаемость типов наконечников стрел из погребальных комплексов Старокиргизовского могильника
Appendix 2. Interoccurrence of arrowhead types from the burial assemblages of the Staroe Kirgizovo burial ground

| Костяные | | |

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-1: бронзовые наконечники стрел // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 221–249.

Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Лясович В.И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья // Гуманитарный вектор. 2021а. № 3. С. 152–167.

Лясович В.И. Погребения с вооружением и конской уздой Кушулевского III могильника пьяноборской культуры: сравнительная характеристика // Гуманитарный вектор. 2021б. № 6. С. 62–77.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.): Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.

Саттаров Р.Р., Зубов С.Э., Дупчур Ч. И., Салимгареев И.Ф. К вопросу о датировке Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье // Археология Евразийских степей. 2025. № 5. С. 8–19.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застежки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225–247.

Саттаров Р.Р., Красноперов А.А., Камалеев Э.В. Знаки на наконечниках стрел из памятников пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2024. № 1 (47). С. 155–172.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратов. ун-та, 1990. 300 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Информация об авторах:

Дупчур Чечен-оол Ильич, главный специалист, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл, Россия); ch.dupchur@mail.ru

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaya kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bugrov, D. G., 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 83–92 (in Russian).

Vorobyeva, S. L., Kufterin, V. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 78–92 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD)).* Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 10. Sverdlovsk; Izhevsk: Ural State University (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. - first half of 1st Millennium A.D.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 221–249 (in Russian).

Lebedev, A. V. 1989. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast I. Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniia atomistiki (Fragments of the early Greek philosophers. Part I. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lebedev, A. V. 2014. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiia mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov) (Logos of Heraclitus. A reconstruction of thought and word (with a new critical edition of the fragments).* Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyasovich, V. I. 2021. In *Gumanitarnyi vector (Гуманитарный вектор)* (3), 152–167 (in Russian).

Lyasovich, V. I. 2021. In *Gumanitarnyi vector (Гуманитарный вектор)* (6), 66–77 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek, T. S. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 64. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 77–82 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the Piany Bor Culture (Late 2nd century BC - 2nd century AD)*). Diss of candidate of historical Sciences. Kazan (in Russian).

Sattarov, R. R., Zubov, S. E., Dupchur, Ch. I., Salimgareev, I. F. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 8–19 (in Russian).

Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 225–247 (in Russian).

Sattarov, R. R., Krasnopeorov, A. A., Kamaleev, E. V. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 47 (1), 155–172 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Dupchur Chechen-ool I. , Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research. Kochetov, str., 4, Kyzyl, 667000, Russian Federation; ch.dupchur@mail.ru

Zubov Sergei E., Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Sattarov Ruzil R., Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Статья поступила в журнал 10.03.2026 г.
Статья принята к публикации 01.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.147.160

ГОРОДИЩЕ ОТОЛОВО: ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ИСТОКАХ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ[1]

© 2026 г. А.Л. Смирнов

В статье изложены предварительные результаты комплексного изучения городища Отолово (Пеновский муниципальный округ, Тверская область), расположенного в истоках Западной Двины, – нового памятника эпохи раннего железного века. В ходе исследования применены современные методы: лазерное сканирование с использованием технологии LiDAR, рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) и AMS-датирование. С опорой на данные радиоуглеродного датирования (280 кал. лет до н.э. – 200 кал. лет н.э.), а также результаты анализа керамического материала и следов металлургической деятельности, городище отнесено к днепро-двинской культуре. Обнаруженные признаки железоделательного производства – шлаки, крица и печина – свидетельствуют о росте производственной активности населения региона на рубеже эр. Отмечена связь роста числа памятников с римским климатическим оптимумом, а малого количества известных селищ – с возможным их затоплением или заболачиванием.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, городище, днепро-двинская культура, радиоуглеродное датирование, керамика, крица, шлак, печина, железоделательное производство.

THE OTOLOVO HILLFORT: EARLY IRON AGE IRONWORKING IN THE HEADWATERS OF THE WESTERN DVINA RIVER[2]

A.L. Smirnov

The article presents the preliminary results of a comprehensive study of the Otolovo hillfort (Penovsky Municipal District, Tver Oblast), located in the upper reaches of the Western Dvina River – a newly discovered archaeological monument of the Early Iron Age. During the research, modern methods were applied: laser scanning using LiDAR technology, X-ray fluorescence analysis (XRF), and AMS dating. Based on radiocarbon dating data (280 cal BC – 200 cal AD), as well as the results of ceramic material analysis and evidence of metallurgical activity, the hillfort has been attributed to the Dnieper-Dvina culture. The discovered indicators of ironworking – slag, bloom, and pechina (clay lining of ancient smelting furnaces) – provide evidence of an increase in the productive activity of the region's population at the transition from BC to AD. A connection has been noted between the growing number of archaeological sites and the Roman climatic optimum, while the small number of known settlements is associated with their possible flooding or waterlogging.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, hillfort, Dnieper-Dvina culture, radiocarbon dating, ceramics, bloom, slag, pechina (clay lining of ancient smelting furnaces), ironworking.

Введение

Водораздел истоков Волги, Западной Двины, Полы и притоков Ловати (рис. 1) остаётся малоизученным регионом на археологической карте. В рамках раннего железного века здесь зафиксированы преимущественно городища и немногочисленные селища (рис. 2); могильники не выявлены. Большинство известных памятников исследовано лишь в ходе разведочных работ, вследствие чего культурно-хозяйственные особенности местного населения остаются слабо изученными. Цель настоящей статьи – представить первичные результаты исследования вновь выявленного памятника раннего железного века в истоках Западной Двины – городища Отолово.

Рельеф истоков отличается относительной молодостью с выраженными моренными грядами, которые чередуются с зандровыми равнинами. Был полностью сформирован в позднем плейстоцене ледниковыми отложениями вепсского горизонта осташковской стадии валдайского оледенения (Astakhov et al., 2016). Отложения более ранних четвертичных оледенений на поверхности не выявлены. Молодость рельефа является основным

[1] Работа выполнена в рамках плановой темы № НИОКТР 126011315527-2

[2] The work was carried out as part of the planned research topic No 126011315527-2.

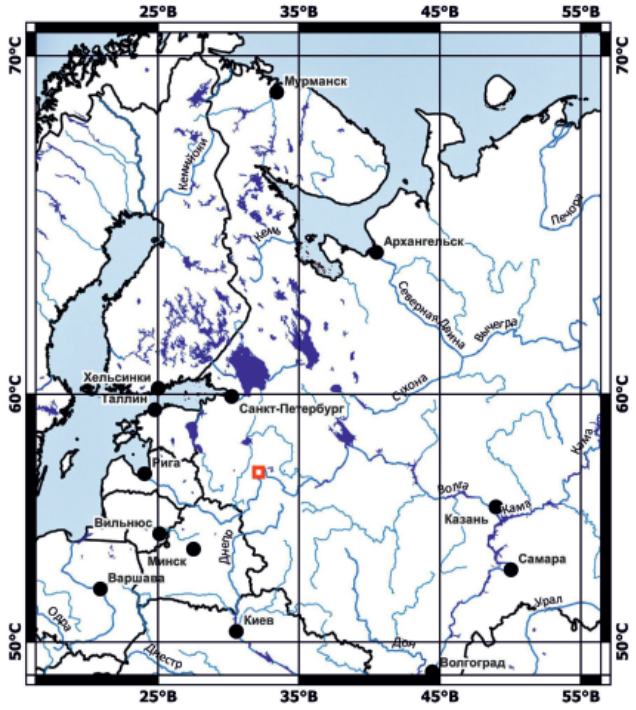

Рис. 1. Расположение района исследований (отмечен красным квадратом).
Fig. 1. Location of the study area (marked with a red square).

фактором его слабой степени преобразования современными рельефообразующими процессами, что, в свою очередь, способствует слабой сортировке отложений, значительной их пространственной неоднородности и мозаичности, слабому развитию эрозионной сети, обилию различных неровностей и замкнутых котловин, осложняющих сток и способствующих накоплению влаги (Дорофеев, Хохлова, 2016). В связи с этим территория характеризуется обилием больших и малых озёр, часто расположенных в виде цепочек в верховьях рек. Многие котловины заняты болотами разных типов, в том числе ранее бывшими озёрными комплексами.

Рельеф стал существенным ограничивающим фактором: его разнообразие и сложность препятствовали формированию крупных поселенческих и производственных центров (в отличие от соседних микрорегионов). В результате сложилась иная модель территориального развития – с преобладанием небольших центров расселения и производства (Смирнов и др., 2021; 2025; Васильев и др., 2023).

В настоящее время в регионе из-за антропогенной активности преобладают сосновые и еловые леса. В них также встречаются берёзы и осины. В сосновых лесах порой можно увидеть молодые деревья дуба черешчатого. В еловых лесах, в нижних ярусах, произрастает липа мелколистная. Северная часть района отличается более низким уровнем антропогенного воздействия, особенно на участках с выраженным холмистым рельефом. Здесь изредка встречается вяз шершавый, а ясень обыкновенный обнаруживается лишь единично. В почвенном покрове на плакорах и склонах преобладают песчаные почвы – дерново-подзолы и дерново-подбуры; в сырых понижениях распространены торфяно-подзолы, торфяно-глеевые почвы, что очень важно иметь в виду, реконструируя ресурсные возможности микрорегиона (Bobrovsky et al., 2023).

На современном этапе реконструкция изменений растительности и ландшафтов, окружающих археологические памятники, осуществляется с помощью исследований, в рамках которых ключевое значение имеют палинологический анализ – изучение пыльцы и спор, а также исследование стратиграфически сохранных отложений озёр и болот микрорегиона. Подобные работы были проведены на болоте Кривецкий мох (Mazei et al., 2020). Результаты этих изысканий позволили выявить сложную хронологическую динамику фитоценозов и отчётливо проследить влияние антропогенной активности на их формирование. Помимо этого, в последнее время были проведены большие почвенные исследования, включающие педоантраколо-гические методы, химические и рентгенофлуоресцентные анализы, направленные на изучение стратиграфии, таксономического состава углей и химические свойства культурного слоя. Благодаря использованию данных методов удалось установить неоднородность химического состава почв городищ и предположить различные функциональные свойства этих памятников, а также зафиксировать изменения в составе сжигаемой древесины (Бобровский и др., 2022; Bobrovsky et al., 2023; 2025; Смирнов, 2023; 2025).

Данные химических и рентгенофлуоресцентных исследований почвенных образцов, взятых на городищах, позволили классифицировать их, выделив три группы: различия между ними, по всей видимости, обусловлены функциональными характеристиками памятников (Bobrovsky et al., 2025; Смирнов и др., 2025).

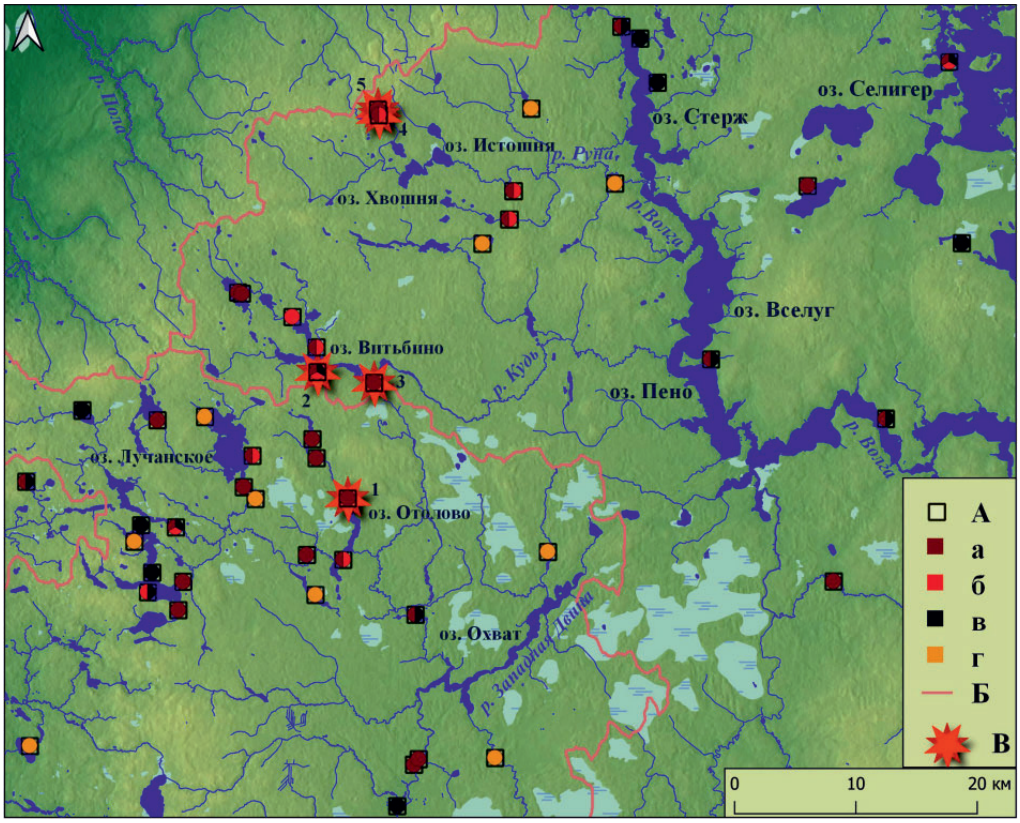

Рис. 2. Карта известных городищ в регионе: А – городища: а – раннего железного века; б – раннего средневековья; в –древнерусского времени; в – городища, с отсутствием хроноиндикаторов. Б – линия водоразделов. В – городища с уверенными следами железоделательного производства: 1 – Отолово; 2 – Витьбино; 3 – Ворошилово; 4 – Верхмарево 1; 5 – Верхмарево 2

Fig. 2. Map of revealed ancient settlements in the region: A – hillforts: a – Early Iron Age; б – Early Middle Ages; в – Old Rus period; в – sites lacking chronological indicators. Б – watershed lines. B – hillforts with confirmed evidence of ironworking production: 1 – Otolovo, 2 – Vitbino, 3 – Voroshilovo, 4 – Verkhmarevo 1, 5 – Verkhmarevo 2.

Первая группа характеризуется невысокой насыщенностью культурного слоя химическими элементами – его состав близок к фоновым лесным почвам. При этом зафиксированы превышения концентраций ряда элементов: углерода (C), фосфора (P), марганца (Mn) и цинка (Zn). Кроме того, отмечается более высокий уровень pH по сравнению с лесными почвами. Визуально слой отличается светлой окраской, а его мощность варьируется от минимальной до средней. Установить точное функциональное назначение городищ затруднительно; наиболее вероятна версия о кратковременном поселенческом использовании территории.

Вторая группа отличается насыщенной (но не максимально тёмной) окраской культурного слоя со средней мощностью. Для него характерно высокое содержание углерода (C) и серы (S), очень высокие концентрации фосфора (P) и значительная уреазная активность. Вероятно, основной вклад в формирование слоя внесли отходы, связанные с содержанием домашнего скота (прежде всего навоз). Это позволяет предположить, что на данных городищах либо длительно проживали, либо содержались домашние животные.

Третья группа представлена городищами со следами деятельности по выплавке железа (рис. 2). Культурный слой здесь имеет очень тёмную, вплоть до чёрной, окраску и содержит обильные включения колотого камня, а также шлаки и крицы. Химический анализ выявил в нём самые высокие концентрации большинства элементов, в первую очередь металлов: железа (Fe), меди (Cu), марганца (Mn), магния (Mg), цинка (Zn), алюминия (Al) и кобальта (Co). Кроме того, отмечено повышенное содержание углерода (C) и азота (N).

Данные радиоуглеродного анализа углей из культурного слоя городищ свидетельствуют о том, что пик активности населения прихо-

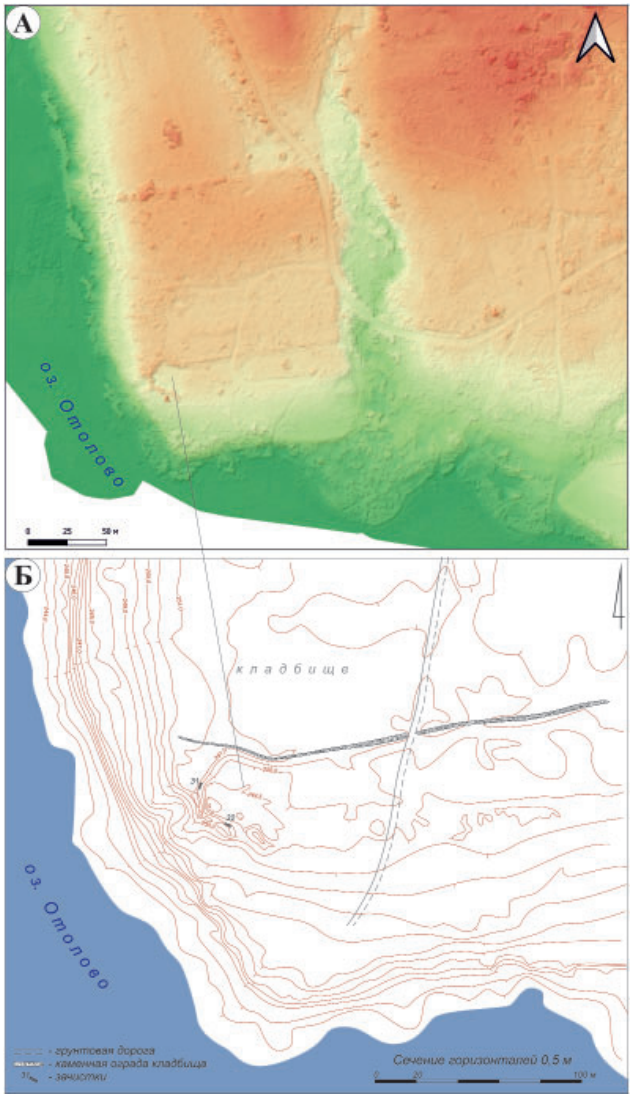

Рис. 3. Городище Отолово. А – цифровая модель местности городища и округи; Б – топографический план городища.

Fig. 3. Otolovo hillfort. A – digital terrain model of the site and its surroundings; Б – topographic plan of the hillfort

дился на период со II века до н. э. по II век н. э. (Bobrovsky et al., 2023; 2025). Исходя из обнаруженной керамики и ряда характерных предметов, можно сделать вывод, что на раннем этапе городища относились к раннедьяковской культуре, а в более позднее время – к позднедьяковской или днепро-двинской (Смирнов и др., 2025).

Городище Отолово. Описание, находки, радиоуглеродные даты

Впервые городище упоминается более ста лет назад. Согласно данным, приведённым В.А. Плетнёвым со ссылкой на В. Успенского (Плетнёв, 1903, с. 32–33), городище в погосте Отолово располагалось на мысу, огибаемом водами озера Отолово, где ранее стояла первоначальная деревянная церковь.

В 2023 году сильно разрушенный памятник был случайно обнаружен Рунским археологическим отрядом ИА РАН. Было проведено лазерное сканирование с беспилотного воздушного судна, что позволило получить точный план памятника и ближайшего рельефного контекста (рис. 3: А; Клестов, Смирнов, 2023).

Городище располагается на мысу в северной оконечности восточного берега озера Отолово, на западной окраине деревни Сухаы (Пеновский муниципальный округ, Тверская область). Озеро Отолово входит в систему озёр, которые пересекает река Волкота. Волкота является северо-западным притоком озера Охват, из которого вытекает Западная Двина. Абсолютная высота памятника – 251 метр над уровнем моря, относительная высота над урезом озера – 5–7 метров (рис. 3). С севера городище ограничено действующим кладбищем.

Городище сильно разрушено в результате интенсивной разработки карьера, и значительная часть культурного слоя была утрачена. От первоначальных контуров сохранились лишь фрагменты на южном, западном и северном склонах, демонстрирующие следы деструктивных процессов. В результате морфология городища приобрела подковообразную форму: карьер фактически уничтожил его центральную часть.

Точно установить первоначальные размеры городища сейчас затруднительно. Однако, исходя из сохранившихся остатков и типологических особенностей памятников региона, можно предположить, что городище было небольшим и имело вытянутую форму по линии запад – восток и, вероятно, размеры предположительно 40×25 м (по осям запад – восток и север – юг). Высота площадки, вероятно, не превышала 2,5 м в откосе.

На разрушенных участках западной и южной частей площадки (с её внутренней стороны) были заложены две разведочные зачистки (рис. 3: Б, 4), которые выявили схожую стратиграфию.

Верхний слой (толщиной около 1 м) – визуально однородный песок тёмно-серого до чёрного цвета, насыщенный включениями углей и камней разного размера со следами термического воздействия. В

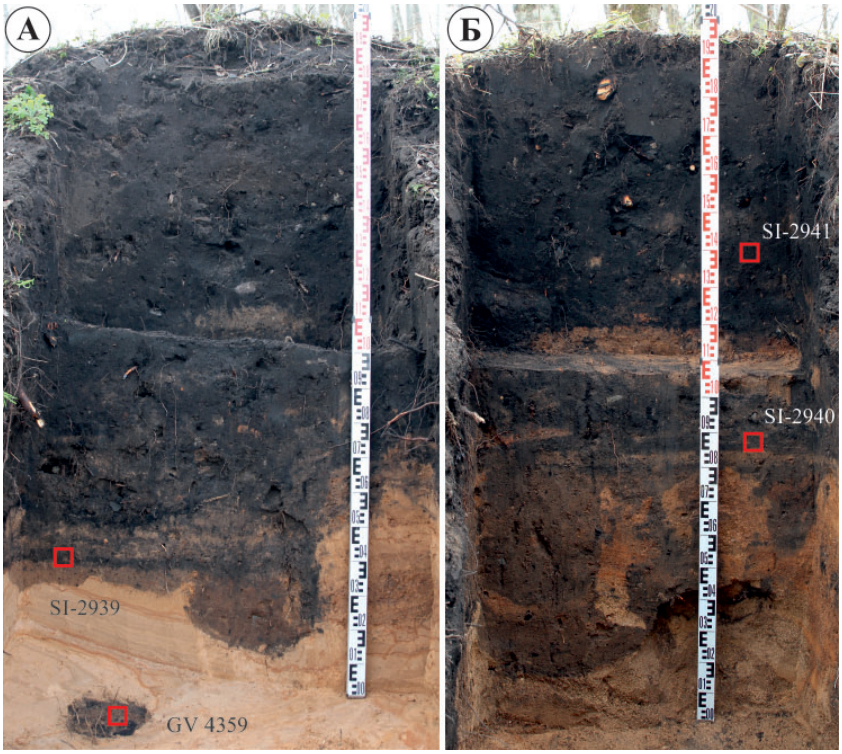

Рис. 4. Зачистки разрушений на городище Отолово. А – зачистка 1; Б – зачистка 2. Места отбора углей на радиоуглеродное датирование отмечены красными квадратами.
Fig. 4. Cleaning of destruction area at the Otolovo hillfort. A – cleaning section 1; Б – cleaning section 2. Locations where charcoal samples were collected for radiocarbon dating are marked with red squares.

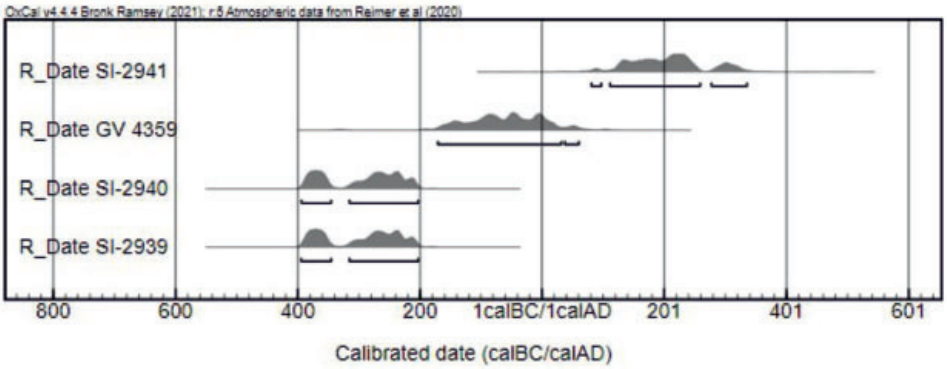

Рис. 5. Вероятностные кривые калиброванного радиоуглеродного возраста углей городища Отолово.
Fig. 5. Calibration curves showing probability ranges for radiocarbon-dated charcoal from Otolovo hillfort.

этом слое обнаружены немногочисленные фрагменты керамики, печина и шлаки. Из данного слоя в зачистке 2 получена радиоуглеродная дата – около 200 кал. лет н. э. (SI-2941).

Ниже прослеживаются прослойки серо-коричневого и тёмно-серо-коричневого мешанного песка с углистыми прослойками. Из самых нижних углистых прослоек зачисток 1 и 2 были отобраны образцы углей для радиоуглеродного датирования (рис. 4, 5), результаты которого показали схожие даты: 280 кал. лет до н. э. (SI-2939 и SI-2940).

Под углистыми прослойками прослежен серо-коричневый мешанный песок и ямы, вероятно от столбовых конструкций. Из ямы в материке зачистки 1 по образцу угля получена дата 56 кал. лет до н. э. (GV 4359).

Материк представлен палевым слоистым песком. Мощность культурного слоя достигает 180 см.

Отобранные образцы были подготовлены для радиоуглеродного датирования в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и датированы методом ускорительной масс-спектрометрии в Центре коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ – Новосибирский научный центр» (г. Новосибирск).

Радиоуглеродные даты были откалиброваны с помощью IntCal20 (Reimer et al., 2020)

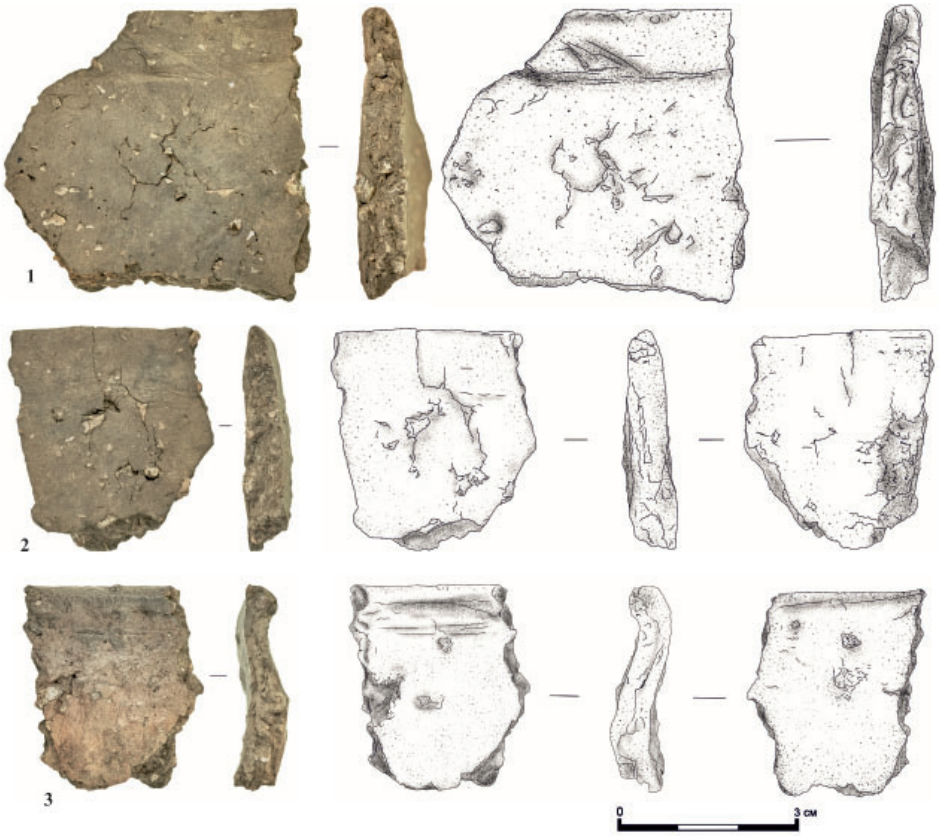

Рис. 6. Археологические находки на городище Отолово. Фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов.
Fig. 6. Archaeological finds at the Otolovo hillfort. Fragments of rims from hand-made smooth-walled vessels.

с использованием OxCal (Ramsey, 2009). Для оценки распределения календарного возраста использовали также метод оценки ядерной плотности (KDE), реализованный в OxCal (Ramsey, 2017).

Керамический материал, обнаруженный при зачистках, немногочисленен. Он представлен 25 фрагментами от лепных гладкостенных сосудов (рис. 6, 7).

Форма сосудов реконструируется по трём венчикам:

1. Венчик от прямостенного сосуда баночной формы с округлым зауженным краем (рис. 6: 2).

2. Венчик сосуда баночной формы со слегка отогнутым наружу коротким краем; под срезом заметен однолинейный отпечаток верёвки (рис. 6: 1).

3. Венчик с S-видной профилировкой (рис. 6: 3).

На изломе керамика слоистая. Внешняя поверхность черепков в основном светло-коричневая, однако встречаются и чёрные фрагменты; внутренняя поверхность – чёрная. Толщина стенок варьируется от 0,5 до 0,7 см со средним значением 0,6 см. Поверхность сосудов тщательно заглажена. В тесте отмечены примеси средней и мелкой дресвы, а также песка.

Весь керамический материал происходит из верхнего слоя, представленного темно-серым до чёрного песком.

Из верхнего слоя происходят многочисленные находки, свидетельствующие о металлургической деятельности: железный шлак (общий вес около 3 кг; рис. 9), печина (рис. 8) и крица (рис. 9: 1). Также обнаружены сильно коррозированные, не поддающиеся идентификации небольшие изделия из железа.

Печина плотная, спечённая, с ошлакованной стекловидной внутренней поверхностью. Выявлено несколько фрагментов со шлаком. Шлаки визуально определяются как плавильные и представлены как горновыми, так и выпускными (Водясов, Зайцева, 2017).

Данные выводы подтверждены результатами археометаллографического исследования, выполненного в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН[1] на небольшой части образцов шлаков и крице (рис. 9: 1, 4–8,

Рис. 7. Археологические находки на городище Отолово. Фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов.
Fig. 7. Archaeological finds at the Otolovo hillfort. Fragments of walls from hand-made smooth-walled vessels.

10–13). Установлено, что шлак представляет собой отходы металлургического производства и был получен в ходе сыродутного процесса, а металлургами этот процесс был хорошо освоен.

Кроме того, для тех же образцов шлаков был проведен рентгенофлуоресцентный анализ (рис. 9; табл.)[2], который выявил высокое содержание алюминия (Al), фосфора (P) и марганца (Mn), однако наиболее примечательно содержание железа (Fe): в большинстве образцов его доля составляет 80–90%. Это может указывать на древнее производство (Шаронов и др., 2025).

В рамках настоящего обзора ключевым является факт подтверждения присутствия железоделательного производства на городище. Детальное рассмотрение всех аспектов остатков производства и естественно-научных исследований проб грунта требует более развёрнутого описания и составляет предмет будущих исследований.

В нижнем горизонте городища в серо-коричневом мешанном песке (зачистка 1) обнаружены два кремнёвых отщепа и костные остатки животных: рёбра мелкого рогатого скота, ребро лошади со следами кухонной разделки, а также фрагменты рёбер коровы[3].

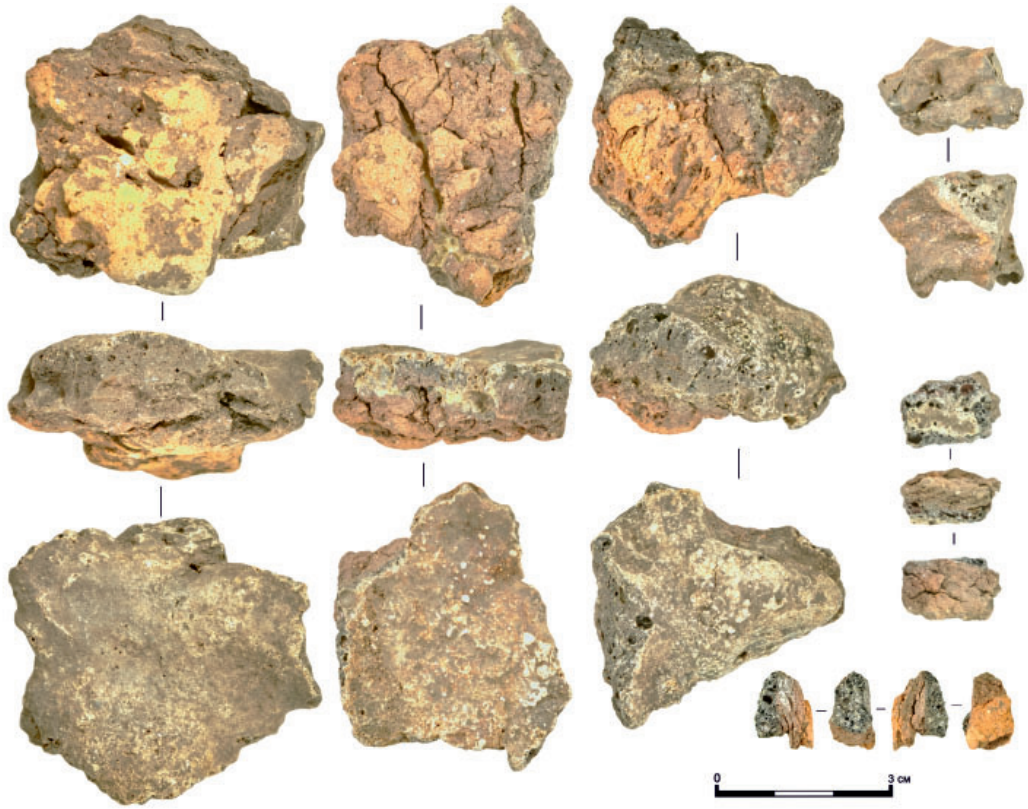

Рис. 8. Археологические находки на городище Отолово. Фрагменты печины.
Fig. 8. . Archaeological finds at the Otolovo hillfort. Fragments of burned clay.

Остатки металлообработки и керамики к данному слою достоверно не относятся.

Заключение

Данные радиоуглеродного анализа показывают несколько пиков активности на городище, и все они находятся в пределах раннего железного века – начиная с первой половины III века до н. э. и как минимум до начала III века н. э.

Коллекция керамики из культурного слоя городища характерна для третьего периода развития восточной группы днепро-двинской культуры (Короткевич, 2004а, с. 96–97). Этот период приходится на рубеж эр: нижняя граница – II век до н. э., верхняя – IV век н. э. (Короткевич, 2004б, с. 17). Раннего и позднего археологического материала на памятнике выявлено не было.

Большой интерес представляет категория находок, соотносящаяся с хронологическими рамками рубежа эр и связанная с проникновением в лесную зону массового производства железа (Короткевич, 2004б, с. 17; Егорейченко, 2011; Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011).

Наличие крицы, металлургических шлаков и печины на городище может служить убедительным свидетельством существования здесь железоделательного производства.

По топографическим особенностям расположения подобные производства характерны для днепро-двинской культуры на последнем (третьем) этапе её существования (Короткевич, Мазуркевич, 1993; Короткевич, 1995; 2004б, с. 17; Микляев, 1995). Восточнее Верхневолжских озёр аналогичные мастерские на городищах (холмах) не зафиксированы (Смирнов, 1974; Исланова, 2012; 2023; Кренке, 2019; Сыроватко, 2009).

Таким образом, археологические находки и результаты радиоуглеродного датирования демонстрируют согласованную хронологию памятника. С высокой степенью вероятности городище может быть отнесено к днепро-двинской культуре.

Установить точное функциональное назначение памятника на начальной стадии его существования без дополнительных исследований не представляется возможным. Последний пик активности на городище приходится на период функционирования железоделательного производства.

Выявление ещё одной производственной площадки в очередной раз свидетельствует

Рис. 9. Археологические находки на городище Отолово: 1 – крица; 2-14 - шлаки.
Fig. 9. Archaeological finds at the Otolovo hillfort: 1 – bloom; 2-14 – slags.

об активности населения в микрорегионе на рубеже эр (Смирнов и др., 2023; 2025).

Наличие значительного числа производственных мастерских на сравнительно небольшой территории – по крайней мере пяти (Bobrovsky et al., 2025; Смирнов и др., 2025; рис. 2) – при относительно малом количестве железных изделий, обнаруженных в ходе разведочных и раскопочных работ, может свидетельствовать о вовлечении местного сырья в торговые отношения. Однако это предположение требует подтверждения: необходимо детально сопоставить свойства изделий на обширном пространстве и проанализировать производственные отходы.

Вероятно, рост производственной активности связан с демографическим взрывом на рубеже эр, который, в свою очередь, мог быть обусловлен наступлением римского климатического оптимума (III в. до н. э. – IV в. н. э.) (Lamb, 2005; Buntgen et al., 2011; Clauzel et al., 2020). Благоприятные климатические условия могли способствовать росту населения и развитию хозяйственной деятельности.

Конечно, климатические изменения в разных местах протекали неоднородно: их проявления и временные рамки варьировались в зависимости от региона. Это обусловливает необходимость детального изучения локальных особенностей.

Для рассматриваемого региона в описываемый период фиксируется повышение температуры, достигающее максимума на рубеже эр (Кожаринов и др., 2003). Начиная со II века

Таблица. Результаты рентгенофлуоресцентных исследований шлаков. Нумерация соответствует рисунку 9.
Table. Results of X-ray fluorescence (XRF) analysis of slags. Numbering corresponds to fig. 9.

№ Рис. 9	Fe %	Si %	Al %	P %	Ti %	Mn %	S %	V %	Cr %
1	87.93	6.11	2.9	2.61	-	0.19	0.13	-	0.04
2	88.39	5.38	2.29	2.19	-	1.5	-	0.04	0.03
3	79.92	10.31	4.59	2.36	0.26	2.5	-	-	0.04
3а	78.82	11.01	4.86	2.75	0.28	2.04	-	0.04	0.03
4	84.26	10.77	2.19	1.99	-	0.29	0.1	0.08	0.3
5	78.72	13.85	3.61	1.76	0.18	1.45	0.02	0.06	0.31
6	78.66	14.31	3.08	1.46	0.23	1.52	0.32	0.09	0.3
7	82.7	10.19	2.72	1.85	0.18	0.57	0.76	0.09	0.85
8	86.19	11.22	1.7	0.25	-	0.11	0.14	-	0.35
9	76.55	17.53	7.22	1.25	0.4	0.12	0.02	-	-
10	91.24	5.34	0.95	0.81	-	1.29	0.04	0.04	0.12
11	76.85	16.86	2.87	2.61	0.18	0.37	0.11	0.04	0.1
12	85.43	9.42	1.97	2.25	-	0.34	0.05	0.12	0.3
13	83.08	11.83	1.93	2.02	-	0.85	0.03	0.05	0.1
14	83.94	10.35	2.09	1.83	0.4	0.78	0.11	0.07	0.04

н. э. фиксируется тенденция к увлажнению климата (Mazei et al., 2020), которое в данном регионе должно было сопровождаться похолоданием (Панин, Нефедов, 2010). Примечательно, что наиболее благоприятный климатический период пришёлся именно на рубеж эр. Это согласуется не только с микрорегиональными данными, но и прослеживается на обширной территории всего ареала днепродвинской культуры – в конце второго и в третьем периоде её существования (Микляев, 1995).

Производство железа требовало большого коллектива работников – для заготовки древесины и производства угля, разработки руды и осуществления самого процесса выплавки (Колчин, 1959, с. 10). При этом на территории истоков Западной Двины и Волги ещё в XV–XX веках осуществлялась промышленная добыча болотной руды (Колчин, 1953, с. 37, рис. 12), что подтверждает возможности региона для масштабного металлургического промысла.

Однако остаётся неясным, где именно проживало население данного периода. Хотя в регионе наблюдается рост числа городищ, не связанных с производственными площадками (Bobrovsky et al., 2025; Смирнов и др., 2025), их размеры невелики, а общее количество недостаточно для полного объяснения системы поселенческих памятников этого времени.

Места, ранее удобные для размещения городищ, стали активно использоваться в качестве производственных площадок. Такой переход к новому образу жизни неизбежно требовал перестройки традиционных моделей расселения. Тем не менее на территории региона до сих пор выявлено сравнительно мало селищ. Это может свидетельствовать либо о недостаточной изученности территории, либо об особенностях новой системы расселения.

Ответ на этот вопрос, вероятно, стоит искать в недавно открытом двухслойном селище Заборовка 2 (Добровольская и др., 2024; 2025). В нём материалы раннего железного века топографически расположены ниже раннесредневековых слоёв. При этом часть границы памятника, содержащая материалы раннего железного века, заходит в зону, ранее занятую озером, которое было спущено в ходе мелиоративных работ.

Существует вероятность того, что поселенческие памятники и сельскохозяйственные угодья рубежа эр в микрорегионе в настоящее время затоплены или заболочены. Следовательно, следы активности населения этого периода целесообразно искать в нетипичных локациях.

Примечания:

[1] Автор выражает благодарность д. и. н. В.И. Завьялову за проведённые исследования и консультацию.

[2] Работы проведены портативным рентгенофлуоресцентным (XRF) анализатором металлов X-MET 8000 (Hitachi) в Центре коллективного пользования Института археологии РАН. За проведённые исследования автор благодарит В.И. Данилевскую.

[3] Автор благодарит к. б. н. Е.В. Добровольскую за проведение остеологических определений.

ЛИТЕРАТУРА

Дорофеев А.А., Хохлова Е.Р. Ландшафты Тверской области. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 120 с.

Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Смирнов А.Л., Ханина Л.Г., Добровольская М.В. Динамика древесной растительности и антропогенная активность по данным анализа древесных углей из городищ раннего железного века и раннего средневековья на верхней Волге // Геоморфология. 2022. № 5. С. 7–24.

Васильев В.Л., Добровольская М.В., Смирнов А.Л., Вихрова Н.Н. Население водораздела Волги, Западной Двины и Полы в древности и средневековье (по данным топонимики, археологии, палеодемографии). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. 200 с.

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 107–115.

Добровольская М.В., Смирнов А.Л., Бобровский М.В., Челогаева Е.О., Куприянов Д.А., Тиунов А.В. Памятники культуры псковских длинных курганов в истоках Волги и Западной Двины // От ранних славян до Руси: Тезисы докладов научной конференции к 100-летию со дня рождения Валентина Васильевича Седова (г. Москва, 20–22 ноября 2024 года) / Отв. ред. Н.В. Лопатин, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 35–39.

Добровольская М.В., Смирнов А.Л., Бобровский М.В., Челогаева Е.О., Куприянов Д.А., Тиунов А.В., Носова М.Б., Сергеев А.Ю. Памятники культуры псковских длинных курганов в истоках Волги и Западной Двины // От ранних славян до Руси. К 100-летию со дня рождения Валентина Васильевича Седова. Материалы конференции, 20–22 ноября 2024 г. М.: ИА РАН, 2025. (В печати).

Егорейченко А.А. О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии (Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 года) / Отв. ред. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 2011. С. 74–80.

Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Раннеславянский мир. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2012. 218 с.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы II-VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты / Раннеславянский мир. Вып. 22. М.: ИА РАН, 2023. 440 с.

Клестов Д.А., Смирнов А.Л. Опыт применения беспилотных воздушных судов ГК Геоскан на базе Рунского отряда ИА РАН // Археология и геоинформатика. Шестая международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2023. С. 43–44.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.

Кожаринов А.В., Сирин А.А., Клименко В.В., Климанов В.А., Малясова Е.С., Слепцов А.М. Динамика растительного покрова и климата Западнодвинской низины (Тверская обл.) за последние 5 тысяч лет // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 3. С. 90–102.

Короткевич Б.С. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1995. Вып. 9. С. 120–129.

Короткевич Б.С. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2004а. 211 с.

Короткевич Б.С. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати. Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2004б. 30 с.

Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 2. С. 63–82.

Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии (Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 года) / Отв. ред. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 2011. С. 10–16.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.

Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1995. Вып. 9. С. 7–42.

Панин А.В., Нефёдов В.С. Анализ изменений уровенного режима рек и озер в верховьях Волги и Западной Двины по археолого-геоморфологическим данным // Водные Ресурсы. 2010. Т. 37. № 1. С. 17–32.

Смирнов А.Л., Меньшиков М.Ю., Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Клещенко Е.А., Тиунов А.В., Добровольская М.В. Расселение и исторические ландшафты на западе Валдая в раннем железном веке и Средневековье // РА. 2021. № 3. С. 80–96.

Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Куприянов Д.А., Ханина Л.Г., Челогаева Е.О., Бобровский М.В. Культурный слой городищ железного века и раннего средневековья в истоках Волги и Западной Двины (Руна-Заборовка, Заборовка-Лихуша, Ворошилово, археологический комплекс Верхмарево) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 198–223.

Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Челогаева Е.О., Бобровский М.В. Культурно-исторические процессы в истоках Волги и Западной Двины в I – начале II тыс. н. э // Северная Русь от древности к средневековью. Материалы Международной научной конференции (29–31 октября 2024 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2025. С. 148–161.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009. 352 с.

Шаронов И.А., Алибеков А.С., Реутова М.А., Хайдаров У., Минджи О. Об исследовании археометаллургического шлака методом рентгенофлуоресцентного анализа // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 102–111.

Astakhov V., Shkatova V., Zastrozhnov A., Chuyko M. Glaciomorphological Map of the Russian Federation // Quaternary International, 2016. Vol. 420. P. 4–14.

Bobrovsky M.V., Kupriyanov D.A., Smirnov A.L., Khanina L.G., Dobrovolskaya M.V., Tiunov A.V. Dynamics of Diversity of Woody Species Taxa under Human Impact in the Upper Volga Region (NW Russia) According to Pedoanthracological Data // Diversity. 2023. Vol. 15. P. 403.

Bobrovsky M., Smirnov A., Khanina L., Kupriyanov D., Danilevskaya V., Potapova A., Dobrovolskaya M. Functional patterns of Early Iron Age hillforts on the upper Volga River according to multi-element signatures of archaeological Dark Earth // Catena. 2025. Vol. 249. P. 108703.

Buntgen U., Tegel W., Nicolussi K., McCormick M., Frank D., Trouet V., Kaplan J. O., Herzig F., Heussner K.-U., Wanner H., Luterbacher J., Esper J. 2500 years of European climate variability and human susceptibility // Science. 2011. Vol. 331. P. 578–582.

Clauzel T., Richardin P., Ricard J., Le Béchennec Y., Amiot R., Fourel F., Phouybanhdyt B., Vinçon-Laugier A., Flandrois J.-P., Lécuyer C. The Gauls experienced the Roman Warm Period: oxygen isotope study of the Gallic site of Thézy-Glimont, Picardie, France // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 34. P.102595.

Lamb H.H. Climate, History and the Modern World. London: Routledge, 2005. 2nd Edition. 436 p.

Mazei Y.A., Tsyganov A.N., Bobrovsky M.V., Mazei N.G., Kupriyanov D.A., Gałka M., Rostanets D.V., Khazanova K.P., Stoiko T.G., Pastukhova Y.A. et al. Peatland Development, Vegetation History, Climate Change and Human Activity in the Valdai Uplands (Central European Russia) during the Holocene: A Multi-Proxy Palaeoecological Study // Diversity. 2020. Vol. 12. No 12. P. 462.

Ramsey C.B. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. P. 337–360.

Ramsey C.B. Methods for summarizing radiocarbon datasets // Radiocarbon. 2017. Vol. 59. P. 1809.

Reimer P.J., Austin W.E., Bard E., Bayliss, A., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration 927 curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

Информация об авторе:

Смирнов Алексей Леонидович, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ari1828@bk.ru.

REFERENCES

Dorofeev, A. A., Khokhkova, E. R. 2016. *Landshafty Tverskoi oblasti (Landscapes of the Tver region).* Tver: Tver State University (in Russian).

Bobrovsky, M. V., Kupriyanov, D. A., Smirnov, A. L., Dobrovolskaya, M. V. 2022. In *Geomorfologiya (Geomorphology)* 5, 7–24 (in Russian).

Vasiliev, V. L., Dobrovolskaya, M. V., Smirnov, A. L., Vikhrova, N. N. 2023. *Naselenie vodorazdela Volgi, Zapadnoi Dviny i Poly v drevnosti i srednevekove (po dannym toponimiki, arkheologii, paleodemografii) (The population of the Volga, Western Dvina, and Pola watershed in antiquity and the Middle Ages (according to toponymy, archaeology, and paleodemography)).* Veliky Novgorod: NovGU named after Yaroslav the Wise (in Russian).

Vodyasov, E. V., Zaitseva, O. V. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Tomsk State University Journal: History)* 47, 107–115 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V., Smirnov, A. L., Bobrovsky, M. V., Chelogaeva, E. O., Kupriyanova, D. A., Tiunov, A. V. 2024. In Lopatin, N. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Ot rannikh slavian do Rusi (From the early Slavs to the Old Rus).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 35–39 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V., Smirnov, A. L., Bobrovsky, M. V., Chelogaeva, E. O., Kupriyanova, D. A., Tiunov, A. V., Nosova, M. B., Sergeev, A. Yu. 2025. In Lopatin, N. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Ot rannikh slavian do Rusi (From the early Slavs to the Old Rus).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in print) (in Russian).

Egoreichenko, A. A. 2011. In Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S. (eds.). *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii: Materialy Kruglogo stola v SPbGU 23–24 iiunia 2011 goda (Transition from the Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia: Proceedings of the Round Table on June 23–24, 2011)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 74–80 (in Russian).

Islanova, I. V. 2012. *Drevnosti v verkhov'yakh Volgi (ranniy zheleznyy vek i rannee srednevekov'e) (Antiquities in the Upper Volga (Early Iron Age and Early Middle Ages)).* Series: Ranneslavianskii mir. (Early Slavic World) 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Islanova, I. V. 2023. *Kulturno-istoricheskie protsessy II-VIII vv. n. e. v basseinakh Verkhnei Volgi i Verkhnei Msty (Cultural and historical processes of the II-VIII centuries in the Upper Volga and Upper Msta basins).* Series: Ranneslavianskii mir. (Early Slavic World) 22. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Klestov, D. A., Smirnov, A. L. 2023. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i geoinformatika. Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya (Archaeology And Geoinformatics Sixth International Conference).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 43–44 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*) 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 7–120 (in Russian).

Kozharinov, A. V., Sirin, A. A., Klimenko, V. V., Klimanov, V. A., Malyasova, E. S., Sleptsov, A. M. 2003. In *Botanicheskiy zhurnal (Botanicheskii Zhurnal)* 3 (88), 90–102 (in Russian).

Korotkevich, B. S. 1995. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 9, 120–129 (in Russian).

Korotkevich, B. S. 2004. *Rannii zheleznyi vek v verkhoviakh Zapadnoi Dviny i Lovati (The Early Iron Age in the upper part of the Western Dvina and Lovat).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Korotkevich, B. S. 2004. *Rannii zheleznyi vek v verkhoviakh Zapadnoi Dviny i Lovati (The Early Iron Age in the upper part of the Western Dvina and Lovat).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Korotkevich, B. S., Mazurkevich, A. N. 1993. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 2, 63–82 (in Russian).

Koryakova, L. N., Kuzminykh, S. V., Beltikova, G. V. 2011. In Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S. (eds.). *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii: Materialy Kruglogo stola v SPbGU 23–24 iiunia 2011 goda (Transition from the Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia: Proceedings of the Round Table Head at Saint Petersburg State University on June 23–24, 2011)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 10–16 (in Russian).

Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages).* Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Miklyaev, A. M. 1995. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 9, 7–42 (in Russian).

Panin, A. V., Nefedov, V. S. 2010. In *Vodnye Resursy (Water Resources)* 1 (37), 17–32 (in Russian).

Smirnov, A. L., Menshikov, m. Yu., Bobrinsky, M. V., Kupriyanova, D. A., Kleshchenko, E. A., Tiunov, A. V., Dobrovolskaya, M. V. 2021. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 80–96 (in Russian).

Smirnov, A. L., Dobrovolskaya, M. V., Kupriyanova, D. A., Khanina, L. G., Chelogaeva, E. O., Bobrinsky, M. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 198–223 (in Russian).

Smirnov, A. L., Dobrovolskaya, M. V., Chelogaeva, E. O., Bobrinsky, M. V. 2025. In Medvedeva, M. V. (ed.). *Severnaia Rus ot drevnosti k srednevekovyu (Northern Rus from ancient times to the Middle Ages).* Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, 148–161 (in Russian).

Smirnov, K. A. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'yakovskaya kul'tura (Dyakovo Culture).* Moscow: "Nauka" Publ., 7–89 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2009. *Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury* (*South-Eastern Moscow Area in the Iron Age: Characterization of the Local Variations of the Dyakovo Culture).* Moscow: "CheBuk" Publ. (in Russian).

Sharonov, I. A., Alikbekov, A. S., Reutova, M. A., Khaidarov, U., Minjee OH. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 51 (1), 102–111 (in Russian).

Astakhov, V., Shkatova, V., Zastrozhnov, A., Chuyko, M. 2016. In *Quaternary International* (420), 4–14.

Bobrovsky, M. V., Kupriyanov, D. A., Smirnov, A. L., Khanina, L. G., Dobrovolskaya, M. V., Tiunov, A. V. 2023. In *Diversity* (15), 403.

Bobrovsky, M., Smirnov, A., Khanina, L., Kupriyanov, D., Danilevskaya, V., Potapova, A., Dobrovolskaya, M. 2025. In *Catena*. (249), 108703.

Buntgen, U., Tegel, W., Nicolussi, K., McCormick, M., Frank, D., Trouet, V., Kaplan, J. O., Herzig, F., Heussner, K.-U., Wanner, H., Luterbacher, J., Esper, J. 2011. In *Science* (331), 578–582.

Clauzel, T., Richardin, P., Ricard, J., Le Béchennec, Y., Amiot, R., Fourel, F., Phouybanhdyt, B., Vinçon-Laugier, A., Flandrois, J.-P., Lécuyer, C. 2020. In *Journal of Archaeological Science: Reports* (34), 102595.

Lamb, H. H. 2005. *Climate, History and the Modern World*. London: Routledge, 2nd Edition.

Mazei, Y. A., Tsyganov, A. N., Bobrovsky, M. V., Mazei, N. G., Kupriyanov, D. A., Gałka, M., Rostanets, D. V., Khazanova, K. P., Stoiko, T. G., Pastukhova, Y. A. et al. 2020. In *Diversity* 12 (12), 462.

Ramsey, C. B. 2009. In *Radiocarbon* (51), 337–360.

Ramsey, C. B. 2017. In *Radiocarbon* (59), 1809.

Reimer, P. J., Austin, W. E., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Hajdas, I., Heaton, T. J., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kromer, B., Manning, S. W., Muscheler, R., Palmer, J. G., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R. W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Turney, C. S. M., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S. M., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon* (62), 725–757.

About the Author:

Smirnov Alexey L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ari1828@bk.ru

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 903.2(470.1)"638.3" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.161.170

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА[1]

© 2026 г. И.Н. Макарова

В статье представлен анализ антропоморфных личин из материалов раскопок поселений и культовых мест (святилищ) бассейнов рек Печоры и Вычегды. Изделия систематизированы по степени детализации лицевых признаков и декоративных мотивов и подразделяются на простые и сложные с вариациями. Материал исследования представлен как специально отлитыми изделиями-образами, так и иными функционально значимыми предметами (зеркало, подвеска, и пр.). Впервые для региона проведено комплексное сопоставление всех найденных антропоморфных личин раннего железного века, что позволяет выявить внутренние и трансрегиональные культурные связи. Результаты проведенного исследования могут стать основой для дальнейшего изучения и реконструкции религиозных представлений древнего населения Крайнего Северо-Востока Европы.

Ключевые слова: археология, европейский Северо-Восток, ранний железный век, личины, антропоморфные личины

ANTHROPOMORPHIC FACE MASKS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE NORTH-EAST OF EUROPE[2]

I. N. Makarova

This article presents an analysis of anthropomorphic face masks discovered during excavations of settlements and cult sites (sanctuaries) in the Pechora and Vychegda river basins. The artifacts are systematized by the degree of details of the face and decorative motifs and classified into simple and complex types with variations. The studied material includes both specially cast products-images and other functionally significant items (mirrors, pendants, etc.). For the first time in this region, a comprehensive comparative analysis of all anthropomorphic masks from the Early Iron Age has been conducted, which makes it possible to identify internal and trans-regional connections. The results of fullfiled study can serve as a basis for further research and the reconstruction of the religious beliefs of the ancient populations of the Far North-East of Europe.

Keywords: archaeology, North-East of Europe, Early Iron Age, face masks, anthropomorphic masks

Разработка проблем древнего искусства давно уже стала самостоятельной и активно развивающейся сферой археологических исследований. Однако, предметы культовой пластики с территории европейского Северо-Востока (далее ЕСВ), являющиеся предметом научного интереса российских археологов, преимущественно рассматриваются исследователями в комплексе с археологическими находками с сопредельных территорий. Самыми ранними исследованиями, посвященными вопросам датировки и семантики культовых изделий ЕСВ, являются работы А.А. Спицына, который считал антропоморфные изображения иконографией шаманов (Спицын, 1906). Нельзя обойти стороной научные изыскания А.В. Шмидта (Шмидт, 1927), который первым занялся иконографией и техникой изготовления предметов пермского звериного стиля. Ему, как и В.Н. Чернецову, удалось выявить некоторые черты отличия западносибирского звериного стиля от приуральского пермского (Оборин, 1976, с. 35). Сюжеты звериного стиля и историография вопроса подробно изучались В. А. Обориным (Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988). Тщательное изуче-

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания на 2026–2030 гг. Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, по теме НИР «Выявление, изучения и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины» (№ ГР 126021217116-6).

[2] The study was carried out as a part of the state task for 2026–2030 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, on the research topic “Identification, study and preservation of the archaeological heritage of the north-east of the East European Plain” (No. GR 126021217116-6).

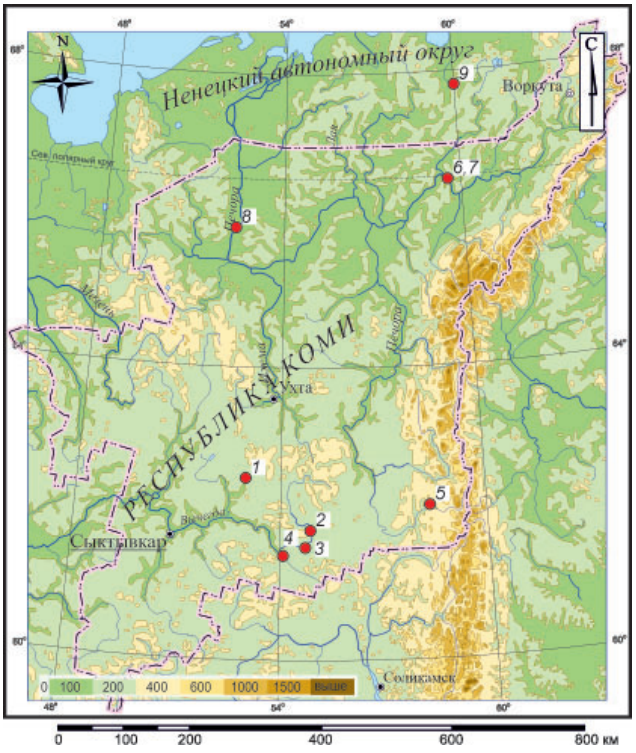

Рис. 1. Карта памятников ЕСВ. 1 - Борганъель I; 2 – Мыелдино; 3 – Парчьяг I; 4 – Себъяг I; 5 – Канинская пещера; 6 – Адакское пещерное святилище; 7 – Пожем-ты могильник; 8 – Хабариха (случайная находка); 9 – Хэйбидя-пэдарское жертвенное место.

Fig. 1. Map of sites of the North-East of Europe. 1 – Borganel I settlement; 2 – Myeldino settlement-sanctuary; 3 – Parchyag I settlement; 4 – Sebyag I settlement; 5 – Kaninsky cave; 6 – Adak cave sanctuary; 7 – Pozhem-ty burial ground; 8 – Khabarikha (chance find); 9 – Kheybidya-Pedar sacrificial site.

ние семантики и происхождения стиля было проведено Г.С. Грибовой (Грибова, 1975). Известны исследования Ю.Б. Серикова (Сериков, 2011, 2014, 2021), который неоднократно рассматривал антропоморфные образы, найденные на территории ЕСВ, в контексте сравнения с находками Среднего и Южного Урала. Местными антропо- и зооморфными образами, сюжетами и классификацией предметов звериного стиля занимались Г.М. Буров (Буров, 1965, 1992), Н.Н. Чеснокова (Чеснокова, 1988) и Т. Ю. Туркина (Туркина, 2005, 2010, 2012, 2014). Брошюры и каталоги предметов, включающих антропоморфные образы опубликованы И.О. Васкулом, В.А. Семеновым (Васкул, Семёнов, 2004) и Т. Ю. Туркиной (Туркина, 2012, 2017). Вопросами историографии звериного стиля занимается О.В. Игнатьева (Игнатьева, 2001, 2008). Многие другие исследователи изучали и изучают особенности звериного стиля, иконографию и семантику, в настоящей статье невозможно охватить весь объем имеющейся и изученной информации о культовой металлопластике народов Сибири и Урала.

Целью данной статьи является характеристика схематичных изображений человеческого лица (антропоморфных личин), выполненного в технике плоского литья или граффити на изделиях или поверхностях, на территории ЕСВ, датирующихся эпохой раннего железа. Специально антропоморфные личины ЕСВ не рассматривались подробно ни в одном известном автору исследовании. Большинство работ, с упоминанием образов человеческого лица, посвящены характеристике всех материалов памятников, в которых имеется металлопластика.

Антропоморфные личины представляют собой значимую часть древнего искусства и мифологии (Игнатьева, 2001, с. 30). Следует согласиться с мнением А.В. Збруевой, которая исходила из понимания первобытного искусства как творчества, связанного с религиозной сферой (Збруева, 1947, с. 36). Эти изображения часто встречаются на керамике, камне, металле и других материалах, отражая духовные и культовые практики древних обществ.

В коллекциях музейных фондов Научного музея археологии европейского Северо-Востока, Национального музея РК (г. Сыктывкар), Интинского краеведческого музея (г. Инта), Государственного Эрмитажа (г.. Санкт-Петербург), Государственного исторического музея (г. Москва) выявлено 27 антропоморфных личин с территории ЕСВ, одна из которых является графическим изображением на фрагменте глиняного сосуда с поселения эпохи раннего металла Конецбор I (Канивец, 1974, с. 43), остальные же являются металлическими изделиями эпохи раннего и позднего железного века, выполненные, преимущественно, в технике плоского литья.

В данном исследовании речь будет вестись о 14 антропоморфных личинах раннего железного века (рис.1), выполненных, преимущественно, в технике плоского литья, которые представлены двумя группами: простые (4 экз.): те, которые представляют собой непосредственно антропоморфный образ без зооморфных, растительных или других мотивов, включенных с композицию, а также сложные (10 экз.), включающие в себя не только

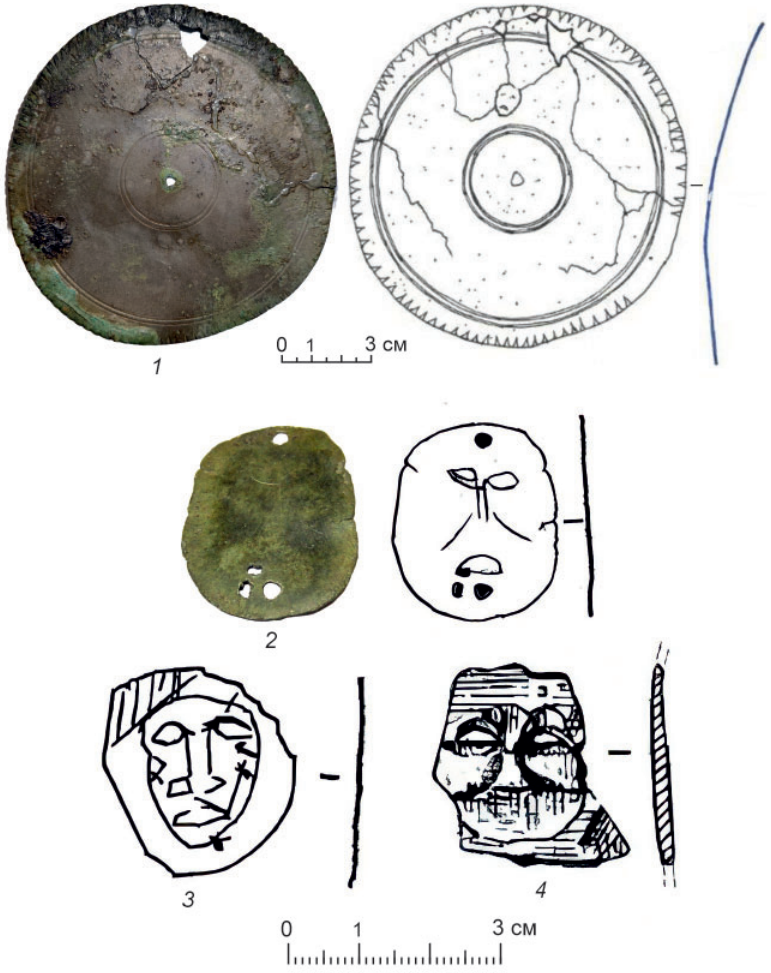

Рис. 2. Простые антропоморфные личины. 1 – могильник Пожемты (фото Интинского краеведческого музея, прорисовка по Васкулу И.О., Селезневой О.М.); 2 – Канинская пещера (фото Т.Ю. Туркиной); 3, 4 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (прорисовки по А.М. Мурыгину, 1992).
Fig. 2. Simple anthropomorphic face masks. 1 – Pozhemty burial ground (photo of the Inta museum of regional studies, drawing by I.O. Vaskul, O.M. Selezneva, 2016); 2 – Kaninskaya cave (photo by T.Yu. Turkina); 3, 4 – Heybidya-Pedar sacrificial site (drawings by A.M. Murygin, 1992).

обозначение лица и основных его черт, такие как глаза, нос, рот, но и различные дополнительные характеристики - лучи-отростки, головные уборы, зооморфные части, орнамент.

Простые личины визуально мы можем разделить на:

1) схематичный антропоморфный образ (1. экз.), (рис. 2: 1);

2) более реалистичный, детальный (3 экз.), (рис. 2: 2–4).

Уникальной для территории Европейского Северо-Востока является находка, сделанная во время раскопок могильника Пожемты 2001 г. (Интинский район Республики Коми). Здесь, в погребении № 3 вытянуто в ряд, накладываясь друг на друга, лежали четыре бронзовые бляхи, на одной из которых, имеется антропоморфное изображение, представляющий собой графическое изображение овальной головы, с двумя глазами и ртом. К сожалению, из-за коррозии поверхности металла на предмете затруднено описание личины. Диаметр изделия 11,7 см., изготовлено из зеркала с боковой ручкой-штырем, которая предварительно была отпилена. Изделие имело пробитое отверстие для крепления в центре, обрамленное двумя кругами, еще два круга нанесены у края предмета, край декорирован резным орнаментом (Васкул, Селезнева, 2016, с. 179). Подобные зеркала были широко распространены во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Интересная аналогия нашлась в Западной Сибири, в погребении 1

могильника кулайской общности Барсов городок I/9, так как и на ней прочерчены антропоморфные личины (Васкул, Селезнева, 2016, с. 180). Само зеркало как функциональный предмет также имеет значение предмета культа и является распространенным солярным символом.

На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в ходе раскопок 1967 и 1987 гг. были найдены две антропоморфные личины (рис. 2: 3, 4), одна из которых выполненная в стиле граффити (рис. 2: 3). На тонкой округлой пластине прочерчено изображение овального лица с глазами, реалистично прочерченным носом с большой переносицей, выраженными крыльями носа, и широким приоткрытым (?) ртом, оформленным незаконченным овалом. Интересной особенностью является наличие прочерченной линии над головой, с рядом вертикальной штриховки. Подобное по исполнению граффити известно на бляшке с Усть-Полуйского городища на нижней Оби (Мурыгин, 1992, с. 39). Вторая же находка является обломком антропоморфной личины с монголоидными чертами (рис. 2: 4) (Мурыгин, 1992, с. 33), выполненная на плакетке, фактурно выделяются скулы, переходящие в подбородок, изображены узкие глаза, нос.

Личина с Канинской пещеры, выполненная в технике граффити (рис. 2: 2), была найдена В.И. Канивцом в ходе раскопок 1959 г. Изделие, с начерченным на тонкой металлической пластине овальной формы, антропоморфным изображением, представляет собой подвеску, размером 2,7×2,2 см., имеет отверстие в верхней части. Отдельно контур головы не прочерчен, линиями подчеркнуты щеки, глазам мастер придал миндалевидную форму, нос с узкой переносицей изображен двумя параллельными линиями, приоткрытый рот с опущенными вниз уголками выражен полукругом.

Личин, отнесенных в категорию «сложных» существенно больше. Все они так или иначе имеют на голове некоторые лучи-отростки, рога или головной убор, что является существенным отличием от простых личин. На поселении Борганъёль I (Средняя Вычегда) в ходе разведки 1979 г. Э.С. Логиновой найдена бляшка-личина (рис. 4: 3). Это самая ранняя металлическая антропоморфная личина из известных на территории ЕСВ, датируется первой половиной I тыс. до н.э. Она представляет собой литую бляшку, выполненную в технике гравировки в низком рельефе, которая имеет подквадратно-округлую форму размером 3,5×3,5×0,2 см. На обороте для крепления к основе имеется петля. Черты лица переданы схематично, пикетажем: брови обозначены дугами, глаза миндалевидной формы, нос изображен кругом, рот передан узким овалом. В верхней части изображения, в центре «головы» – небольшой, вероятно обломанный, выступ. Помимо этого, на бляшке имеются симметричные друг другу лучи-отростки в разные стороны, два с правой стороны (один обломан), два с левой (один обломан). Некоторые части личины представлены в дублированном виде: два носа, две пары бровей, два подбородка. Л. И. Ашихмина отмечает, что проявление такой бинарности по смыслу напоминает мужское и женское начало в основе творения (Ашихмина, 2001, с. 76). Металл на личине затерт хаотично, в разные стороны.

На Верхней Вычегде, в территориально близкой друг другу группе памятников (рис.1) (поселение-святилище Мыёлдино, поселения Парчьяг I, Себъяг I) найдены стилистически схожие «рогатые» металлические личины (рис. 3). Эти личины имеют сходство по внешнему виду и стилю изображения, хоть и с некоторыми отличиями. В поселении-святилище Мыёлдино И.О. Васкулом в 1999 г. были найдены 2 плоские металлические антропоморфные рогатые личины, выполненные в технике литья в односторонней форме и имеющие размер соответственно 4,1×2,7×0,3 см. и 3,6×1,9×0,3 см. Личины отлиты в разных формах, у личины под номером один (рис. 3: 1) крупный овальный рот выражен прорезью-отверстием, в отличии от личины под номером четыре (рис. 3: 4), у которой рот представлен сжатым овалом и не является сквозным. Визуальные образы каждой личины условно состоят из трех частей: верхняя- три вертикальных выступа, имеющих конический вид, интерпретируемых как рога или стилизованное изображение ветвей, центральная- два округлых элемента, расположенных горизонтально, симметрично относительно центральной оси, которые обозначают глаза и один вытянутый, овальный элемент по центру, интерпретируемый как рот. Нижняя часть имеет отличия: на личине под номером один это такие же три выступа, как и сверху, а на личине под номером четыре выступов четы-

Рис. 3. Личины с поселений Верхней Вычегды.
1, 4 – поселение-святилище Мыёлдино I;
2 – поселение Парчъяг I (фото Е.В. Попова);
3 – поселение Сэбъяг I.

Fig. 3. Masks from settlements of the Upper Vychegda basin. 1, 4 – Myeldino I settlement-sanctuary; 2 – Parchyag I settlement (photo by E.V. Popov); 3 – Sebyag I settlement.

ре, пятый обломан, выступы тоньше, местами сливаются друг с другом. Также края личины под номером четыре орнаментированы рядом параллельных друг другу насечек. Металл отшлифован слева-направо. Согласно рентгеновскому микрозондовому анализу химического состава изделия, оно состоит на 53% из меди, на 46% из олова с незначительными примесями теллура, железа и цинка (Васкул, Семёнов, 2004, с. 26). Обе личины имеют сзади петельки для крепления.

Поселение интересно топографией, оно удалено от р. Вычегда, находится в глубине террасы, что не характерно для поселений пьяноборской эпохи с территории ЕСВ, от остальной части террасы место находки отделено гривкой, таким образом, памятник сознательно укрыт с целью ограничения доступа к нему (Васкул, Холопов, 2005, с. 38). Антропоморфные личины, а также некоторые другие предметы (бусина, бронзовая бляшка с зооморфным изображением, обоймица) располагались около очагов 3 и 5, что позволяет сделать предположение о культовом характере использования некоторых очагов памятника. В последней обобщающей работе И.О. Васкул отнёс материалы поселения-святилища Мыёлдино ко второму этапу джуджидъягской культуры гляденовской КИО (Васкул, 2021, с. 584).

Антропоморфная личина с поселения Парчъяг I (рис. 3: 2), размером 3,1×2×0,6 см. найдена в 2023 Е.В. Поповым во время раскопок поселения Парчьяг I. Изделие литое, с обратной стороны имеет штырек? для крепления. В верхней и нижней части предмета расположены лучи-отростки, похожие на пальцы с ногтями в верхней части. Сохранилось только по два отростка с верхней и нижней стороны, но не исключено, что их было три с каждой стороны (видны следы слома). На внешней стороне изделия слабо выделяются миндалевидные глаза и крупный рот овальной формы. Черты лица изображаются плавными и не ярковыраженными линиями. Датируется ранним железным веком, первой половиной I тыс. н.э. (гляденовская КИО).

Рогатая личина, найденная в 2005 г. в ходе раскопок на поселении Себъяг I (рис. 3: 3), обломана по правому краю, но, вероятно, является аналогичной личинам с поселения-святилища Мыёлдино, имеет размеры 3,7×2,6×0,3 см. Выполнена в технике плоского литья, глаза и рот изображены овалами, наверху имеется три рога (сохранились два, один из которых обломан), внизу также есть следы трех существовавших ранее ответвлений. Скорее всего, заужалась к низу, имела треугольную форму. На задней поверхности нет следов крепления. Культурно-хронологический комплекс поселения при введении в научный оборот был отнесён к пьяноборской эпохе – первой пол. I тыс. н.э. или I-IV вв. н.э. (Васкул, Холопов, 2005, с.39)

На поселении Море-ю в 1967 г. В.И. Канивец на поверхности яреев собрал археологический материал, в числе которого была металлическая личина, размером 5,7×2,6 см. (рис. 4: 5). Археологический артефакт представляет собой антропоморфную личину с конусовидным навершием, орнаментированным двумя рядами параллельных насечек слева и справа, по три с каждой стороны (коса?); отмечены

Рис. 4. Сложные антропоморфные личины: 1 – с. Хабариха (фото из каталога Люди. Звери. Боги…, 2017), 2 – Адакская пещера, 3 – поселение Борганъёль I, 4 – Канинская пещера, 5 – поселение Море-ю.
Fig. 4. Complex anthropomorphic face masks: 1 – the village of Khabarikha (photo from the catalogue "People, Animals, Gods...", 2017); 2 – Adak cave; 3 – Borganyol I settlement; 4 – Kaninskaya cave; 5 – More-yu settlement.

каплевидные глаза, узкий нос, реалистично показаны губы, линия подбородка, щеки, также у изделия выделена шея(?) или литник стойка в основании. А.М. Мурыгин находит параллели этой личине в позднекулайских культовых изделиях из парабельского культового места в Среднем Приобье и, следовательно, плакетку следует датировать II до н.э. – V в. н.э. (Мурыгин, 1992, с. 93)

Материалы Канинского пещерного святилища содержат антропоморфные личины, отнесенные к категории «сложные». Первая из них является обломанной, и невозможно с уверенностью назвать ее именно личиной, а не антропоморфной фигурой, например, ее размер 3,2×2,3см. Но сохранившаяся часть является плоской литой бронзовой пластиной с тремя отростками-лучами (рогами?) на голове, соединенных основанием-перемычкой (рис. 4: 4) . Нос передан слегка выступающим рельефом, а глаза и брови-желобками. В качестве аналогий В. И. Канивец ссылается на находки подобных изделий в Усть-Соплесском кладе и в коллекции П.И. Крузенштерна со средней Печоры (Канивец, 1964, с. 100).

Вторая личина из пещеры-святилища также является «рогатой», это бронзовая пластина с тремя углублениями, обозначающими рот и глаза, а также с отверстием для подвешивания (рис. 5). У личины в верхней части есть два небольших луча-отростка. В.И. Канивец видит аналогии данному изделию в материалах нижнеобского могильника Ленк-Понк (Канивец, 1964, с.102).

В этом же ряду следует рассмотреть личину, найденную в д. Хабариха Усть-Цилемского района Республики Коми в 1953 г. и хранящуюся на данный момент в Государственном Эрмитаже (рис. 4: 1). Она представляет собой бронзовую литую плакетку в виде стилизованной антропоморфной личины, размером 10,5×6,5 см., обрамленной композицией из трех лосиных голов, расположенных в профиль и перпендикулярно изображению лица. На личине изображены брови, каждая из которых состоит из четырех отдельно выбитых треугольников, миндалевидные глаза, узкий, реалистично отображенный нос, рот очерченный двумя опущенными дугами, верхняя из которых имеет ряд из семи

Рис. 5. Личина из Канинской пещеры (фото С.А. Родова).
Fig. 5. Face mask from Kaninskaya cave (photo by S.A. Rodov).

круглых, выступающих точек, выбиты линии щек, по две с каждой стороны; на линии рта расположены отвернутые в обе стороны образы хищной птицы (грифоны?) развёрнутые в профиль. Не типичным является наличие вертикальной полосы, отмеченной рядом из пяти выступающих точек, на подбородке. Датируется находка VI–VII вв. н.э. (Люди. Звери. Боги…, 2017, с. 88).

Личина из Адакского пещерного святилища, найденная В.А. Семёновым в 1985 г. представляет собой фигурно-прорезную плоскую подвеску с круглыми глазами, узким прочерченным носом и небольшим овальным ртом, показанными округлыми углублениями (рис. 4: 2). Изделие, размером 3,8×3.2 см., помимо петли для подвешивания, имеет четыре отростка-луча, направленных в разные стороны и изготовлено из металла красновато-коричневого цвета. Датируется исследователем железным веком (Васкул, Семёнов, 2004, с. 12).

Таким образом, антропоморфные личины раннего железного века на территории ЕСВ были достаточно распространенным сюжетом в искусстве древнего населения. Наиболее представлены находки в бассейнах р. Печоры, где обнаружено 8 личин и р. Вычегды, где нашли 5 экземпляров, большинство личин найдены на поселениях, в жертвенных местах или святилищах (рис. 1). Личины представлены как специально отлитыми изделиями-образами, так и иными функционально значимыми предметами (зеркало, подвеска и т.д.), на которые изображение лица было нанесено в последствии. Характеристика личин позволяет выявить следующие сходства: у всех отображены глаза и рот, как основные черты, указывающие на антропоморфность, в то время как нос показан на 8 личинах, а скулы или щеки у 6, зооморфные мотивы прослеживаются в 4 изделиях, орнаментация изделия в 6 случаях. Существование антропоморфных личин на ЕСВ явление закономерное, оно отражает определенный этап развития человеческой культуры, характеризующийся переходом от поклонения животным образам к созданию изображений, сходных с человеческим лицом, начиная уже с периода неолита, когда на территории ЕСВ были впервые обнаружены антропоморфные образы. Наиболее вероятно, что подобные изделия связаны с культовой и обрядовой деятельностью. На территории ЕСВ в рассматриваемый период преимущественно встречаются отлитые из металла личины или же личины в стиле граффити. Основной материал изготовления бронза- медь с примесью олова или цинка в составе. Самыми ближайшими аналогиями антропоморфных личин следует считать вещи с Западной Сибири, кулайская культура. Близкая иконография антропоморфных образов служит зачастую основанием для датировки предметов, которые являются случайными находками или найдены вне комплекса.

Благодарность:
Автор выражает благодарность за предоставленные фотографии Интинскому краеведческому музею, сотрудникам Национального музея Республики Коми (Т.Ю. Туркиной, С.А. Родову), а также Е.В. Попову – младшему научному сотруднику ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

ЛИТЕРАТУРА

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки I тысячелетия н. э. на крайнем Северо-Востоке Европы: печорский местный "звериный" стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 51–59.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурно- исторической общности на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 562–597.

Васкул И.О., Селезнева О.М. Захоронения первых веков I тыс. н. э. на озере Пожем-ты в Интинском районе Республики Коми // Археология Арктики. Вып. 3 / Отв. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград: РОС-ДОАФК, 2016. С. 170–182.

Васкул И.О., Семёнов В.А. Люди-звери-птицы Северного Приуралья. Эпоха раннего железа. Сыктывкар: СыктГУ, 2004. 26 с.

Васкул И.О., Холопов М.И. Поселение-святилище первой половины I тыс. н. э. Мыелдино на верхней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центра УрО РАН, 2005. С. 33–46.

Грибова Г.С. Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975. 148 с.

Заика А.Л. Антропоморфные личины в древнем искусстве Западной и Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 31–36.

Збруева А.В. Идеология населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Труды института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 1 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Наука, 1947. С. 25–54.

Игнатьева О.В. К проблеме изучения пермского звериного стиля // Труды КАЭЭ. Вып. I–II / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2001. С. 24–32.

Игнатьева О.В. Пермский звериный стиль в исследованиях Камской археолого-этнографической экспедиции // Труды КАЭЭ. Вып. V / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2008. С. 70–76.

*Канивец В.*И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М.: Наука, 1974. 151 с.

Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья: каталог выставки / раб.группа: С.В. Бандура, А.Л. Белицкая, Е.А. Горчакова, С.Е. Обшанская, О.Л. Семенова, А.В. Соколов, Т.Ю. Туркина, Е.А. Шаблавина. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2017. 100 с.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1976. 190 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 178 с.

Сериков Ю.Б. Антропоморфные изображения Урала в камне, глине и гравировках // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 4. С. 90–101.

Сериков Ю.Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала // Челябинский гуманитарий. 2011. № 1 (14). С. 146–161

Спицын А.А. Шаманские изображения. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 117 с.

Туркина Т.Ю. Изображения хищных зверей и птиц в искусстве населения Европейского Северо-Востока второй половины I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. VIII / Отв. ред. Н.П. Юшкин. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 119–122.

Туркина Т.Ю. Коллекция изделий с изображением людей, зверей и птиц в археологической коллекции национального музея Республики Коми // Музеи и краеведение: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. И.В. Лебедева. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2010. С. 124–131.

Туркина Т.Ю. Вклад В.И. Канивца в формирование фонда археологии и экспозиции Национального музея Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 4 (12). С. 97–99.

Туркина Т.Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-востока в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 1 (17). С. 94–102.

Чеснокова Н.Н. Классификации и типологизации в изучении археологических источников (на материале финно-угорского изобразительного искусства): учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: гос. ун-т имени 50-летия СССР, 1988. 68 с.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VI / Ред. Е. Карский. Л.: АН СССР, 1927. С. 125–167.

Информация об авторе:

Макарова Ирина Николаевна, младший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); ira130193@rambler.ru

REFERENCES

Burov, G. M. 1965. *Vychegodskiy kray. Ocherki drevney istorii (Vychegda River Area. Essays on Ancient History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Burov, G. M. 1992. In Savelieva, E. A. (ed.). *Problemy finno-ugorskoi arkheologii Urala i Povolzh’ia (Issues of the Finno-Ugric Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 51–59 (in Russian).

Vaskul, I. O. 2021. Chizhevsky, A.A., Volkova, E. V. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 562–597 (in Russian).

Vaskul, I. O., Selezneva, O. M. 2016. In Tupakhin, D. S., Fedorova, N. V. (eds.). *Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 3. Kaliningrad: “ROS-DOAFK” Publ., 170–182 (in Russian).

Vaskul I.O., Semenov V.A. 2004. *Liudi-zveri-ptitsy Severnogo Priuralia. Epokha rannego zheleza (People-animals-birds of the Northern Urals (Early Iron Age)*. Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).

Vaskul, I. O., Kholopov, M. I. 2005. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 17. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 33–46 (in Russian).

Gribova, G. S. 1975. *Permskii zverinyi stil' (Perm Animal Style)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zaika, A. L. 2021. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 69, 31–36 (in Russian).

Zbrueva A.V. 1947. In Tolstov, S. P. (ed.). *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 1. Moscow; Leningrad: “ Nauka” Publ., 25–54 (in Russian).

Ignatieva, O. V. 2001. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 1–2. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24–32 (in Russian).

Ignatieva, O. V. 2008. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 5. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 70–76 (in Russian).

Kanivets, V. I. 1974. *Pechorskoe Pripoliarye. Epokha rannego metalla (Pechora Fore-Arctic Region. The Early Metal Period).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bandura, S. V. et al. (ed.). 2017. *Liudi. Zveri. Bogi. Predmety pervobytnogo iskusstva Severnogo Priural'ya: Katalog vystavki (Humans. Animals. Gods. Primitive art items of the Northern Urals. The exposition catalogue)*. Syktyvkar: The National Museum of the Komi Republic (in Russian).

Murygin, A. M. 1992. Pechorskoe Priurale: epokha srednevekovia *(The Pechora Urals: the Middle Ages).* Moscow: Nauka Publ. (in Russian).

Oborin, V. A. 1976. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskij zverinyj stil' (Ancient Art of the Peoples of the Kama Region. Perm Zoomorphic Style)*. Perm: “Permskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Oborin, V. A., Chagin, G. N. 1988. *Chudskie drevnosti Rifeia: permskii zverinnyi stil’ (Chud Antiquities of the Riphean: the Animal style of Perm)*. Perm: “Permskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2021. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 4 (3), 90–101 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2011. In *Cheliabinskiy gumanitariy (Chelyabinsk Humanitarian)* 14 (1), 146–161 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1906. *Shamanskie izobrazheniya (Shamanic images)*. Saint Petersburg: “Tipografiia I.N. Skorokhodova” Publ. (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2005. In Yushkin, N. P. (ed.). *Geologo-arkheologicheskie issledovaniia v Timano-Severoural'skom regione* (*Geological and Archaeological Studies in the Timan-Northern Ural Region)* 8. Syktyvkar: "Geoprint*"* Publ., 119–122 (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2010. In Lebedeva, I. V. (ed.). Muzei i kraevedenie *(Museums and Local History).* Syktyvkar: National Museum of the Komi Republic, 124–131 (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2012. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 12 (4), 97–99 (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2014. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 17 (1), 94–102 (in Russian).

Chesnokova, N. N. 1988. *Klassifikatsii i tipologizatsii v izuchenii arkheologicheskikh istochnikov (na materiale finno-ugorskogo izobrazitelnogo iskusstva) (Classifications and typologies in the study of archaeological sources (based on Finno-Ugric fine art)).*Syktyvkar: State University named after the 50th anniversary of the USSR (in Russian).

Shmidt, A. V. 1927. In Karskyi, E. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Papares of the Anthropology and Ethnography Museum).* Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 125–167 (in Russian).

About the Author:

Makarova Irina N. Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167000, Komi Republic, Russia Federation; ira130193@rambler.ru

Статья поступила в журнал 02.02.2026 г.
Статья принята к публикации 30.03.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.171.180

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ VI В. ИЗ ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ[1]

©2026 г. В.В. Морозов, В.В. Ставицкий

В статье публикуется комплекс украшений второй половины VI в. с территории Восточного Закамья, точное местонахождение которого неизвестно. Вероятно, происхождение комплекса связано с разрушенными погребениями. Однотипность, достаточно узкая хронология и единая культурная принадлежность большинства вещей свидетельствует в пользу их отнесения к единому комплексу предметов. Украшения представлены: 4 сплетенными из трех проволок гривнами, 6 ажурными застежками, 1 сюльгамой, с выступающими за пределы кольца концами, 6 спиральными пронизками, 1 полой фигуркой коня, 1 булавкой с восьмерковидным звеном, 7 бронзовыми фрагментами свернутых трубочек, 3 колесовидными подвесками, 17 круглодротовыми и 1 тордированным браслетом, комком бронзовой свернутой проволоки. Наличие двух специфических предметов, характерных только для носителей именьковских традиций: булавки с восьмерковидным подвижным звеном и сюльгамы с выступающими концами, а также свернутые из пластин трубочки определяют этнокультурную принадлежность данного комплекса. В материалах именьковских могильников достаточно близкие аналогии находят и другие предметы: круглодротовые браслеты с расширенными концами, застежки с ажурной оформлением рамки, гривны, сплетенные из трех проволок, фигурка коня. К заимствованным компонентам, вероятно, относятся колесовидные подвески, наиболее широко представленные на памятниках неволинской культуры. Ряд перечисленных предметов встречаются и на бахмутинских памятниках, однако они не имеет такого широкого распространения и их аналоги не настолько точны. Хронологическая позиция Закамского комплекса находок определяется соответствием ряда изделий материалам второй группы Верх-Саинского могильника, относящихся ко второй половине VI в. Представленные материалы иллюстрируют процессы взаимодействия именьковского населения с неволинскими племенами.

Ключевые слова: археология, Восточное Закамье, именьковская культура, неволинская культура, эпоха Великого переселения народов, этнокультурные контакты

AN ARTIFACT ASSEMBLAGE OF THE VI CENTURY FROM THE EASTERN TRANS-KAMA REGION[2]

V.V. Morozov, V.V. Stavitsky

This paper deals with a assemblage of jewellery dating to the second half of the VI century, discovered in the eastern part of the Trans-Kama region; the exact location of the find remains unknown.The assemblage probably originates from disturbed burials. The typological uniformity, narrow chronological range, and common cultural affiliation of most items support their interpretation as a single artifact assemblage. The assemblage comprises four necklets twisted from three wires; six openwork clasps; one sulgama-type fastener with ends extending beyond the ring; six spiral tubular beads; one hollow horse figurine; one pin with a figure-eight movable link; seven bronze fragments of rolled tubes; three wheel-shaped pendants; seventeen round-wire bracelets and one twisted bracelet; and a lump of coiled bronze wire. The ethnic cultural attribution of this complex is determined by the presence of two diagnostic items exclusive to bearers of Imenkovo traditions: the pin with a figure-eight movable link and the sulgama with extending ends, alongside tubes formed from rolled plates. Other items found at the Imenkovo burial ground: round-wire bracelets with widened ends, clasps with an openwork design of the frame, necklets twisted from three wires and a horse figurine, have quite close analogies. Wheel-shaped pendants, most widely represented at sites of the Nevolino culture, likely represent adopted components. Several listed artifact types also occur at the Bakhmutino sites, though they are less prevalent and their analogies less precise. The chronological position of this Trans-Kama artifact assemblage

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов».

[2] The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20415 "Ethnogenesis of the peoples of the Middle Volga region in the era of the Great Migration of Peoples."

is established through correspondence between several items and materials from group II of the Verkh-Saya burial ground, dated to the second half of the VI century. The presented materials illustrate processes of interaction between the Imenkovo population and the Nevolino tribal groups.

Keywords: archaeology, Eastern Trans-Kama region, Imenkovo culture, Nevolino culture, Great Migration Period, ethnic-cultural contacts

Весной 2025 г. года на территории Восточного Закамья был выявлен комплекс украшений, изготовленных из цветного металла. Точное место находки и условия обнаружения комплекса, к сожалению, не были установлены. Его происхождение, по-видимому, связано с погребениями разрушенного могильника, поскольку некоторые предметы носят следы пребывания в огне, т. е. они могли быть связаны с кремациями. Две свернутые гривны деформированы, что достаточно характерно для кремаций именьковской культуры. Однотипность, достаточно узкая хронология и единая культурная принадлежность большинства вещей свидетельствует в пользу того, что они относятся к одному комплексу, состоящему из 48 изделий из цветного металла и фрагмента от разрубленного (?) железного ножа.

К украшениям относятся: четыре гривны, шесть застежек, одна сюльгама, шесть спиральных пронизок, одна полая фигурка коня, одна булавка, семь бронзовых фрагментов трубочек, три колесовидные подвески, 17 круглодротовых и один тордированный браслеты, комок свернутой проволоки.

Все гривны представлены фрагментами различной степени сохранности (рис. 1: 1–3; 3: 11). Они изготовлены из трех переплетенных проволок, концы которых также обернуты проволокой, но более тонкой. У всех гривен сохранился только один конец, который оформлен в виде крючка. Одна из гривен скручена в полтора оборота, еще одна свернута втрое, до диаметра браслета (рис. 1: 3; 3: 11). Ближайшие территориальные аналогии подобные гривны находят в материалах Верх-Саинского могильника, которые отмечены там в погребениях первой хронологической группы, датированных Р.Д. Голдиной и С.А. Перевозчиковой 1-й половиной VI в. (Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 356, табл. 14: 11). В монографии Р.Д. Голдиной учтено пять плетеных гривен, происходящих из могильников ломоватовской культуры, у четырех из которых замок состоит из двух крючков, Обмотка концов у них отсутствует (Голдина, 1985, с. 49, табл. XXIV: 26, 29). Фрагмент средней части гривны, сплетенной из трех проволок, найден также в погребении 7 Комаровского могильника именьковской культуры, материалы которого датируются 2-й половиной VI – началом VII в. (Петрова, 2017).

Шесть застежек имеют ажурное оформление округлой рамки (рис. 2: 1–6). Их диаметр варьируется от 4,5 до 6,5 см. По внешнему периметру кольца у четырех застежек имеет 6шесть спаренных округлых выступов, у одной – семь, еще у одной – восемь. У трех застежек внешняя поверхность кольца покрыта поперечными рубчиками (рис. 2: 2–4), у двух других – сочетанием точечных и ложношнуровых рельефных выступов (рис. 2: 5, 6). Внешняя сторона застежки наименьшего диаметра украшена только стилизованным ложношнуровым рельефом (рис. 2: 1). У пяти застежек внутренняя поверхность гладкая, а у одной – повторяет рельеф внешней поверхности (рис. 2: 6). Подобные застежки эпизодически встречаются в ряде археологических культур Прикамья и Приуралья: неволинской (Голдина, Перевозчикова, 2012, рис. 26: 16), поломской (Голдина, 2012б, рис. 6: 54), турбаслинской (Сунгатов, 1988, рис. 5: 5), бахмутинской (Смирнов, 1957, табл. VI: 6–9; VII: 4; Мажитов, 1968, табл. 8: 11; 16: 5; Колонских, 2022, рис. 4: 79, 92), кушнаренковской (Краева, Матюшко, 2018, рис. 11: 4, 5). Известны подобные находки и на территории Зауралья (Морозов, 2006). В погребениях Бирского могильника ажурные застежки с ложношнуровым орнаментом на поверхности появляются на четвертом (позднем) этапе бытования памятника, который датируется А.К. Амброзом VII в. (Амброз, 1980, с. 47). В погребениях VIII в. подобные застежки встречаются на могильниках неволинской и поломской культур (Голдина, 2012б, с. 412; Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 369). Не ранее IX в. датируется аналогичная застежка из Армиевского курганно-грунтового могильника на территории Верхнего Посурья (Белорыбкин и др., 2022, с. 82–88). Из хорошо датированных комплексов, по-видимому, наиболее ранними являются находки ажурных застежек из погребений 26, 70 могильника Коминтерн II, которые автор раскопок относит ко второй

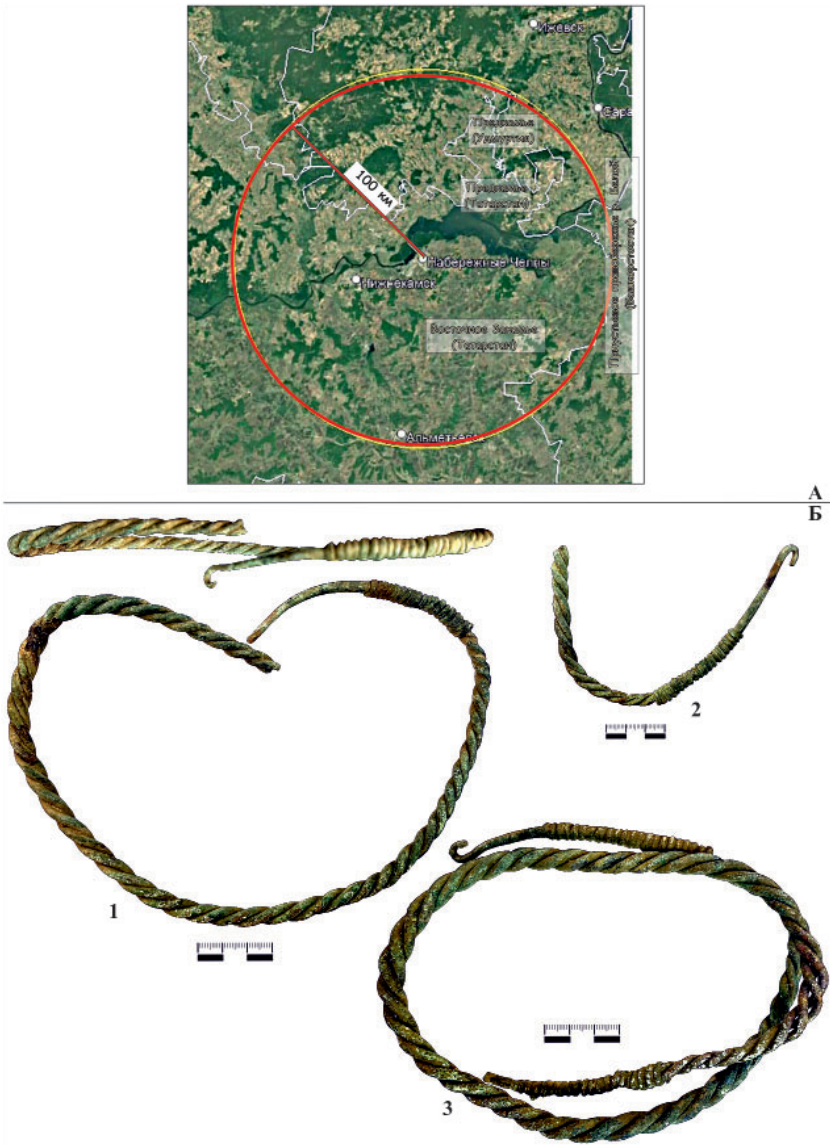

Рис. 1. А – Нижнее Прикамье и г. Набережные Челны со спутникового снимка. Радиус 100 км внутри которого, вероятно, был выявлен «Комплекс вещей VI в. из Восточного Закамья»; Б: 1-3 – «Комплекс вещей VI в. из Восточного Закамья»: гривны из витой проволоки.

Fig. 1. A: Lower Kama region and the city of Naberezhnye Chelny, satellite view. The 100-km radius within which "An artifact assemblage of the VI century from Eastern Trans-Kama region" was likely identified; Б: 1–3 – "An artifact assemblage of the VI century from Eastern Trans-Kama region": Necklets made of twisted wire.

половине VI в. (Казаков, 2021, с. 34, рис. 30: 12, 23; 59: 14; XXV). Во фрагментированном состоянии такие застежки зафиксированы в погребениях 8, 10, 17, 34 Комаровского могильника (Петрова, 2017). Известны находки ажурных застежек и на ряде иньковских поселенческих памятников. Одна застежка найдена в кладе с Новослободского городища, фрагмент застежки найден на городище Старая Майна, две – на селище в районе ипподрома г. Ульяновска, одна находка известна с территории Тетюшского района Республики Татарстан (Вязов и др., 2020а, рис. 1: 38, 39; 3: 18; 6: 14; 7: 14), две – с четвертого Новослободского селища (Семыкин, Матвеева, 2010, рис. 7: 1, 10), одна целая застежка и два фрагмента – с городища Ош Пандо (Степанов, 1960, табл. XXI: 10, 12).

Возможно, что к прототипам подобных изделий относится пластинчатая застежка из 43 погребения могильника Коминтерн II, с петлей для крепления иглы внутри кольца, не имеющая парных выступов по его внешнему периметру (Казаков, рис. 41: 37, IX).

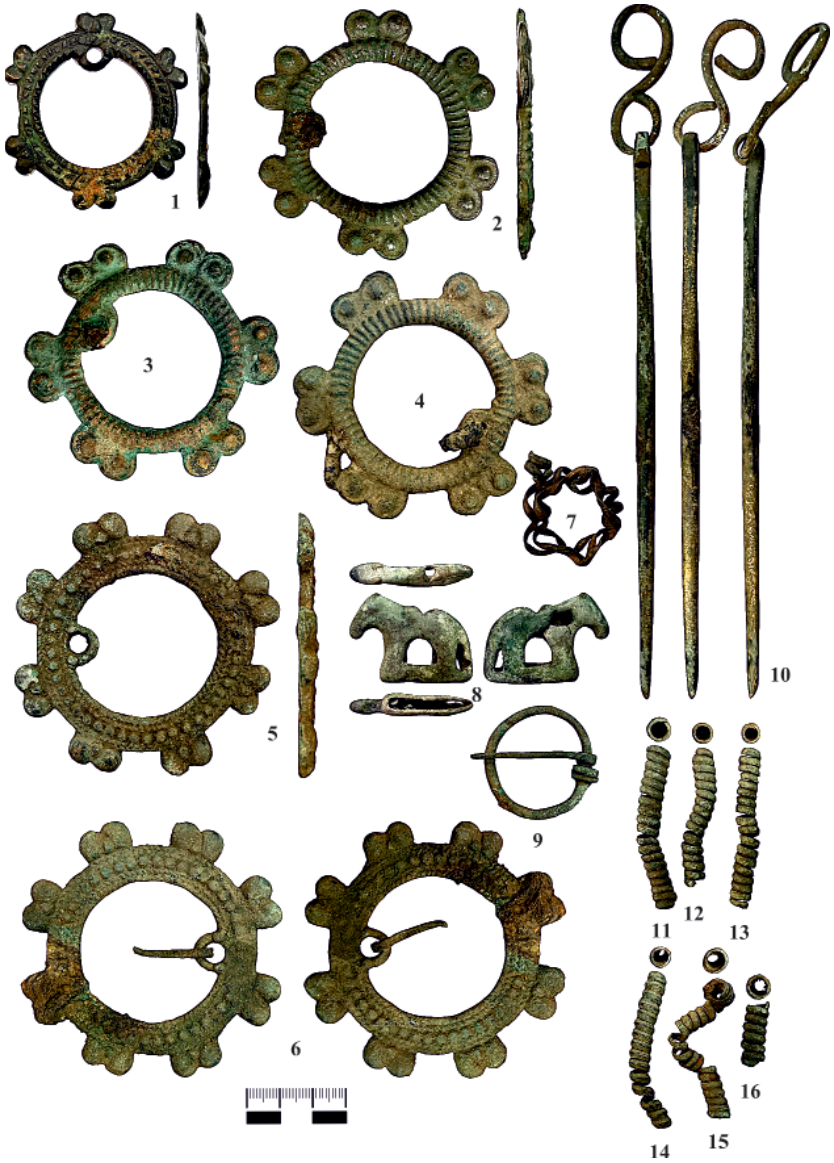

Рис. 2. «Комплекс вещей VI в. из Восточного Закамья»: 1-6 – застежки с ажурным оформлением округлой рамки; 7 – фрагмент плоской проволоки; 8 – навершие на рукоять ножа (?) с зооморфным оформлением; 9 – сюльгама со слабо выступающими за пределы кольца концами; 10 – булавка с восьмерковидным подвижным звеном; 11-16 – пронизки. 1-16 – цветной металл.

Fig. 2. "An artifact assemblage of the VI century from Eastern Trans-Kama region": 1–6 – clasps with an openwork design of round frame; 7 – fragment of flat wire; 8 – zoomorphic pommel for a knife handle (?); 9 – sulgama with ends slightly protruding beyond the ring; 10 – pin with a figure-eight movable link; 11–16 – tubular beads. 1–16 – non-ferrous metal.

Н.А. Мажитов связывал появление ажурных застежек с эволюцией колесовидных подвесок, однако в Бирском могильнике, на материалах которого эти выводы были сделаны, оба данных предмета найдены в одном погребении (Мажитов, 1968, с. 51, табл. 34: 34, 35).

В Закамском комплексе находок колесовидные подвески присутствуют в трех экземплярах (рис. 3: 1–3). Они представляют собой два кольца, соединенные друг с другом спицами. По периметру обеих колец имеются шаровидные выступы. На двух подвесках число спиц равно семи, на третьей – шести. Подвески подобной формы наиболее характерны для памятников неволинской культуры, где они имеют достаточно длительную историю бытования. Колесовидные подвески с семью спицами появляются здесь, в первой группе женских погребений Верх-Саинского могильника, в первой половине VI в. и в неизменном виде встречаются на памятнике до конца этого столетия (Голдина, Перевозчикова, 2012,

356, 358, табл. 13: 4; 15: 12). К VIII в. данные подвески утрачивают шаровидные выступы, на их внешнем кольце появляются петельки для подвешивания (Голдина, 2012а, табл. 32: 19). В единичных экземплярах колесовидные подвески ранних форм, аналогичные закамским находкам, представлены в Бирском (Мажитов, 1968, табл. 34: 34) и Харинском (Голдина, 1985, XIX: 10) могильниках.

Сюльгама с раскованными концами, слабо выступающими за пределы кольца (рис. 2: 9). Кольцевые застежки-сюльгамы эпизодически встречаются в материалах финно-угорских культур Прикамья, однако их концы не выступают за пределы кольца. Свернутые в трубочку раскованные концы, выступающие за пределы кольца, появляются в могильниках волжских финнов на рубеже V–VI вв. и быстро сменяют сюльгамы ранних типов (Ставицкий, 2013). По-видимому, форма сюльгам с выступающими концами была заимствована у них именьковским населением Среднего Посурья. Подобные находки известны на именьковских городищах Ош-Пандо (Степанов, 1960, рис. 53: 1, 4, 5, 6, 10, 11) и «Шолом» (Иваньково-Ленинское) (Вязов и др., 2020а, рис. 6: 10). Едва заметно выступающие за пределы кольца концы имеет сюльгама из 70-го погребения Коминтерновского II могильника (Казаков, 2021, рис. 59: 16).

Полая фигурка коня с отверстием для подвешивания (рис. 3: 8). Фигурки коней широко распространены в неволинской и несколько реже в ломоватовской культурах, но, как правило, они плоские, а их передние и задние ноги обычно не соединены между собой планкой, как у закамской фигурки (Голдина, Водолаго, 1990, с. 85; Голдина, 1985, с. 47). Фигурки животных, ноги и хвост которых оформлены вырезами в теле полых фигурок, характерны для верх-саинской хронологической стадии неволинской культуры второй половины VI века (Голдина, 2012а, табл. 11: 10, 11). Фигурки коней эпизодически встречаются и на памятниках именьковской культуры, но стилистически они отличаются от закамской фигурки (Казаков, 2021, рис. 12: 12; 19: 12; 70: 1, 2; 73: 12; Вязов и др., 2020а, рис. 1: 22, 23; Петрова, 2017).

Бронзовая булавка с восьмерковидным подвижным звеном с длиной иглы 17 см (рис. 2: 10). Металлические булавки подобного типа известны на всей территории распространения именьковской культуры, как на ранних, так и на поздних памятниках, и являются одним из характерных признаков костюма оставившего ее населения. Известно около 20 экземпляров таких находок. Подавляющее большинство из них представлены изделиями с подвижными восьмеркообразным звеном, длиной около 10–12 см, изготовленными из железа или из цветного сплава (Матвеева, 1993, с. 132).

Браслеты представлены 17 экз., изготовленными из дрота округлого сечения (рис. 4: 1–10, 12–18), и одним тордированным браслетом, выполненным из дрота квадратного сечения (рис. 4: 11). У ряда округлодротовых браслетов концы в различной степени утолщены, а их торцовые части уплощены (рис. 4: 1, 3, 4, 6, 7, 10, 13–15, 17, 18). У двух браслетов на концах имеются поперечные насечки (рис. 4: 1, 4). Круглодротовые браслеты с расширенными концами получают широкое распространение в ряде археологических культур лесной зоны в конце V – начале VI (Белоцерковская, 2007, с. 195). Достаточно широко известны подобные украшения на памятниках именьковской культуры (Казаков, 2021, рис. 11: 12; 13: 18: 19; 16: 22; 41: 38; 51: 1), так же как и на памятниках неволинской (Голдина, Водолаго, 1990, с. 78) и ломоватовской культур (Голдина, 1985, с. 36–37). Тордированные браслеты являются крайне редким типом изделий. Находки браслетов подобного типа на территории Прикамья нам не известны. В 58 погребении Абрамовского могильника зафиксировано височное кольцо, изготовленное из обломка тордированной гривны (Ставицкий, 2015, рис. 3: 3). Обломки тордированных гривен зафиксированы во 2 и 21 погребении Комаровского могильника именьковской культуры (Вязов и др., 2020б, с. 101; Петрова, 2017). Возможно, что тордированный браслет из закамского комплекса был изготовлен из сломанной гривны, в пользу чего может свидетельствовать и свернутая до диаметра браслета плетеная гривна из данного комплекса.

Помимо целых украшений в комплексе присутствуют шесть спиральных пронизок (рис. 2: 11–16), семь фрагментов бронзовых трубочек (рис. 3: 4–10) и пучок скрученной проволоки (рис. 2: 7). Бронзовые трубочки-пронизи широко представлены в материалах могильника Коминтерн 2 (Казаков, 2021, рис.

Рис. 3. «Комплекс вещей VI в. из Восточного Закамья»: 1-3 – колесовидные подвески; 4-10 – полые трубочки;, 11 – гривна из витой проволоки свернутая в виде браслета; 12 – обломок ножа. 1-11 – цветной металл, 12 – черный металл.

Fig. 3. "An artifact assemblage of the VI century from Eastern Trans-Kama region": 1-3 – wheel-shaped pendants; 4-10 – hollow tubes; 11 – necklet made of twisted wire, coiled into a bracelet form; 12 – fragment of a knife. 1-11 – non-ferrous metal, 12 – ferrous metal.

13: 12, 13; 15: 3; 17: 20, 21; 30: 14–19; 41: 36в; 57: 6; 59: 20), несколько реже там же встречаются спиральные пронизки (Казаков, 2021, рис. 20: 13; 41: 36б; 70: 4). Простые спиралевидные пронизки спорадически встречаются на памятниках неволинской (Голдина, Водолаго, 1990, с.84) и ломоватовской культур (Голдина, 1985, с. 37). Пронизи-трубочки в этих культурах тоже известны, но они все литые и имеют более сложную конструкцию (Голдина, Водолаго, 1990, с. 84; Голдина, 1985, с. 37).

Проанализированный комплекс находок, на наш взгляд, относится к именьковской культуре. Поскольку в нем присутствуют два специфических предмета, характерных только для носителей именьковских традиций: булавка с восьмерковидным подвижным звеном и сюльгама, а также свернутые из пластин трубочки. Следует отметить, что в материалах Коминтерновского II и Комаровского могильников достаточно близкие аналогии находят и другие предметы комплекса: круглодротовые браслеты, застежки с ажурной оформлением рамки, гривны, сплетенные из трех проволок, фигурка коня. К заимствованным компонентам комплекса, вероятно, относятся колесовидные подвески, которые наиболее широко

Рис. 4. «Комплекс вещей VI в. из Восточного Закамья»: 1-10, 12-18 – круглодротовые браслеты; 11 – тордированный браслет. 11-18 – цветной металл.
Рис. 4. "An artifact assemblage of the VI century from Eastern Trans-Kama region": 1-10, 12-18 – round-wire bracelets; 11 – twisted bracelet. 11-18 – non-ferrous metal.

представлены на памятниках неволинской культуры. Ряд перечисленных предметов, помимо неволинской культуры, встречается и на памятниках бахмутинской культуры, однако они не имеют такого широкого распространения и их аналоги не настолько точны.

Хронологическая позиция закамского комплекса находок определяется соответствием ряда изделий материалам второй группы Верх-Саинского могильника. К ним относятся: застежки с ажурными рамками, браслеты с утолщениями на концах, орнаментированные поперечными канавками, гривны, сплетенные из двух проволок, полая фигурка коня с соединенной планкой ногами (Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 322–323). При этом отсутству-

ют вещи, которые появляются в неволинской культуре в конце VI – VII вв. на её бартымской стадии развития (Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXVII).

Таким образом, данный комплекс предметов оставлен именьковским населением, которое контактировало с племенами неволинской культуры и испытало на себе их влияние. Вероятно, процессы взаимодействия имели двусторонний характер и отдельные именьковские элементы были восприняты неволинскими племенами. В частности, в именьковской среде могли быть выработаны традиции изготовления колесовидных подвесок, оформленных шаровидными утолщениями, исходной формой которых, видимо, служили кольца с подобными утолщениями по периметру. Ранее процессы инфильтрации прикамского населения на территорию Восточного Закамья были зафиксированы авторами статьи и по материалам Новобиксинтеевского клада (Морозов и др., 2022; 2025).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3−56.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 133–275.

Белорыбкин Г.Н., Измайлов И.Л., Мельниченко О.В., Осипова Т.В., Павлихин А.В., Халиков А.Х. Армиёвский курганно-грунтовый могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. 480 с.

Вязов Л.А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология Евразийских степей, 2020а. № 3. С. 354–373.

Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В., Салова Ю.А. Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2020б. № 6. С. 100–131.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV — начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция // МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012а. С. 203–285.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция // МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012б. С. 399–414.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский ун-т, 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI–начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция // МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 179–194.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Кн. 1. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Колонских А.Г. Бахмутинская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 334–344.

Краева Л.А., Матюшко И.В. Древневенгерские комплексы из раскопок в Оренбуржье // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 173–189.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.

Морозов В.М. Аятский могильник: возвращаясь к известному // Пятые Берсовские чтения / Отв. ред. В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 7–22.

Морозов В.В., Смирнов А.Л., Лыганов А.В., Данилевская В.И., Бакаев С.Е. Новобиксентеевский клад металлических изделий конца VI-VII вв. в Нижнем Прикамье // УАВ. 2023. № 23 (2). С. 253–264.

Морозов В.В., Ставицкий В.В., Смирнов А.Л., Лыганов А.В., Данилевская В.И. Новобиксентеевские клады: типология и рентгенофлуоресцентный анализ // Stratum Plus. 2025. № 5. С. 141–153.

Петрова Д.А. Отчет о раскопках Комаровского грунтового могильника в 2016 году. Казань, 2017 // Архив ИА РАН. № 54481, 54482

Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения Новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 243–254.

Смирнов А.П. Желзный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III-VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 143–150.

Ставицкий В.В. Тордированные гривны из древнемордовских могильников I тысячелетия н. э // История и археология. 2015. № 2 (22). С. 44-48.

Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1967. 211 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Информация об авторах:

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор, ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes).* Moscow: “Nauka” Publ., 3−56 (in Russian).

Akhmedov, I. R., Belotserkovskaya, I. V. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.).* Series: Ranneslavianskii mir. (Early Slavic World) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 133–275 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Mel’nichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. 2022. *Armievskiy kurganno-gruntovoy mogil'nik (Armiyevo kurgan-ground burial ground).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 28. Voronezh: “ALEKS PRINT” Publ. (in Russian).

Vyazov, L. A., Mikhailov, E. P., Makarova, E. M., Myasnikova, A. B., Myasnikov, N. S., Petrova, D. A., Salova, Yu. A., Silanov, R. A. 2020a. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 354–373 (in Russian).

Vyazov, L. A., Petrova, D. A., Kondrashin, V. V., Salova, Yu. A. 2020b. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 100–131 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul’tura v Verkhnem Prikam’e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam’ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam’ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).

Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals).* Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam’ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attri-*

bution). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 179–194 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2021. *Volgo-Kame v epokhu tiurkskikh kaganatov. Kn. 1. Kominternovskii II mogilnik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Komintern II burial ground).* Series: *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Kolonskikh, A. G. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 334–344 (in Russian).

Kraeva, L. A., Matyushko, I. V. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016)).* Budapesht, 173–189 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Ufa: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morozov, V. M. 2006. In Morozov, V. M. (ed.). *Piatye Bersovskie chteniia (Fifth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 7–22 (in Russian).

Morozov, V. V., Smirnov, A. L., Lyganov, A. V., Danilevskaya, V. I., Bakaev, S. E. 2023. *In Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 23 (2), 253–264 (in Russian)

Morozov, V. V., Stavitsky, V. V., Smirnov, A. L., Lyganov, A. V., Danilevskaya, V. I. 2025. In *Stratum Plus* (5), 141–153 (in Russian)

Petrova, D. A. 2017. *Otchet o raskopkakh Komarovskogo gruntovogo mogilnika v 2016 godu (Report on the excavation work at the Komarovka cemetery without mounds in 2016).* Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 54481, 54482 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Matveeva, G. I. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 243–254 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kultura drevnikh plemen Priuralia i Zapadnoi Sibiri (The culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–113 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 143–150 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2015. In *Istoriia i arkheologiia (History and Archaeology)* 22 (2), 44–48 (in Russian).

Stepanov, P. D. 1967. *Osh Pando (Osh Pando)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the burial sites of 5th – 8th centuries AD))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Morozov Victor V., Candidate of Historical Sciences, LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Stavitsky Vladimir V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and Social Sciences, Penza State University. V.G. Belinsky. Krasnaya, str. 40, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 10.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.181.191

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ КОМПОНЕНТАХ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДКОВ ТАТАР И БАШКИР

©2026 г. Ф.Ш. Хузин

В данной статье автор, основываясь на материалах археологии, добытых предшествующими исследователями, приходит к выводу, что практически до массовой тюркизации Южного Урала вследствие проникновения на эти земли кыпчаков-половцев, основным населением края были группы финно-угорского населения (приуральские финны, древние угры-мадьяры). В период Волжской Булгарии восточные районы современного Татарстана являлись приграничной зоной, где обитали небольшие группы волжских булгар и кочевали тюркоязычные предки башкир.

Ключевые слова: археология, средневековье, этногенез татар и башкир, общие компоненты, финно-угры, угро-мадьяры, волжские булгары, кыпчаки-половцы.

ON THE ISSUE OF SHARED COMPONENTS IN THE ETHNIC HISTORY OF THE MEDIEVAL ANCESTORS OF THE TATARS AND BASHKIRS

F.Sh. Khuzin

Based on archaeological data obtained by previous researchers, the author of this article concludes that, prior to the mass Turkification of the Southern Urals caused by the influx of the Kipchak-Cumans, the region's primary population consisted of Finno-Ugric groups (the Ural Finns and ancient Ugric-Magyars). During the period of Volga Bolgaria, the eastern regions of modern-day Tatarstan constituted a frontier zone where small groups of the Volga Bolgars resided and the Turkic-speaking ancestors of the Bashkirs nomadized.

Keywords: archaeology, Middle Ages, ethnic genesis of the Tatars and Bashkirs, common components, Finno-Ugric peoples, the Ugric-Magyars, the Volga Bolgars, the Kipchak-Cumans.

В советской официальной историографии древнетюркскую эпоху в истории Евразии принято было начинать с хуннов. В то же время появлялись исследования лингвистов (Киекбаев, 1972; Баскаков, 1969; Закиев, 2003) и археологов (Бернштам, 1947, с. 148 и сл; 1959, с. 17 и сл.; Руденко, 2006, с. 280 и сл.; Смирнов, 1971, с. 72), считавших тюркоязычными отдельные группы скифских и сако-массагетских племен степной и лесостепной зоны Евразии. Сторонником этой точки зрения был известный башкирский ученый академик АН РБ Н.А. Мажитов: "...не отрицая роли позднейших компонентов в историческом развитии башкир, накопленные материалы позволяют начальные этапы их этногенеза отнести к раннему железному веку, но не позже рубежа нашей эры" (Мажитов, Султанова, 2010, с. 118). Этот тезис повторяется и в более поздних работах Н.А. Мажитова: «… племена Южного Урала раннежелезного века под собирательным этнонимом *дау* являлись древнейшими прямыми предками башкирского народа» (Мажитов, 2013, с. 15). Имеющиеся материалы были явно недостаточны для утверждения о том, что «древнейшие этапы этногенеза башкирского народа прямо восходят к истории, культуре и языку дахо-массагетских и других синхронных им скотоводческих племен Южного Урала» и назвать этот регион «страной древних башкир, т.е. Древним Башкортостаном» (Мажитов, Султанова, 2010, с. 114, 119). Тем не менее, концепция Н.А. Мажитова нашла признание среди

части археологов, языковедов, фольклористов и приобрела в Башкортостане официальный статус.

Рассмотрим отдельные положения данной концепции, касающиеся эпоха средневековья.

Раннее средневековье, главные события которой связаны в степной и лесостепной зоне Восточной Европы с Великом переселением народов (III/IV – VIII/IX вв. н.э.), в концепции Н.А. Мажитова и его сторонников является важнейшим этапом в истории формирования этноса башкирского народа. Раннесредневековое население на современной территории Башкортостана представлено тремя основными археологическими культурами: бахмутинской/мазунинской, турбаслинской и кушнаренковской, свидетельствующими о сильной смешанности населения региона в культурном и этническом отношениях (Мажитов, 1968; Колонских, 2022; Иванов, 2002а, б). По мнению исследователей, племена бахмутинской культуры на раннем, мазунинском, этапе (III–V вв.) «являются ближайшими потомками местного оседлого населения караабызской и пьяноборской культур рубежа нашей эры» (Мажитов, Султанова, 2010, с. 134; см. также: Колонских, 2002, с. 344). Новое «бахмутинское» население формируется в процессе смешения местного мазунинского и пришлого турбаслинского, кушнаренковско-караякуповского населения при этнической доминанте первого (Колонских, 2002, с. 336), т.е. финно-угорская основа этноса бахмутинцев очевидна.

Что касается турбаслинской культуры, занимавшей относительно небольшую территорию в среднем течении р. Белой, то она оставлена, по мнению Н.А. Мажитова, тюркоязычными племенами южных степей, точнее, «переселенцами с территории Кангюя» (Мажитов, Султанова, 2010, с. 148), хотя раньше он считал турбаслинцев потомками южноуральского гунно-сарматского населения, испытавшими сильное тюркское влияние (Мажитов, 1968, с. 70–72). Большинство исследователей и сегодня придерживаются данной гипотезы (Сунгатов, 2008, с. 110; Любчанский, 2006, с. 232 и сл.; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 20 и сл.), не исключая при этом участия «зауральского саргатского элемента, который по своей культурной окраске был близок сарматскому» (Шмуратко, 2012, с. 107). Е.П. Казаков выводит турбаслинцев и близких к ним по этносу именьковцев («турбаслинско-именьковскую общность») также из позднесарматского мира эпохи Тюркских каганатов, считая оставленные ими могильники и поселения «последними индоиранскими памятниками Урало-Поволжья (Казаков, 2018, с. 116 и сл.; 2021, с. 37). Убедительным представляется нам заключение В.А. Иванова о весьма незначительном следе в этнической истории местного населения кратковременного пребывания турбаслинцев в Южном Приуралье (Иванов, Злыгостев, Антонов, 2013, с. 32), подкрепленное исследованиями антрополога Р.М. Юсупова, отрицавшего их участие в расогенетических процессах в крае в последующее время (Юсупов, 2002, с. 33 и сл.).

Что касается этнической атрибуции кушнаренковской культуры, носителей которой Н.А. Мажитов упорно относил к числу кочевников тюркского мира, то она решена окончательно и весьма убедительно в пользу угро-мадьяр. Доказательства этому можно найти в трудах современных российских и венгерских исследователей: Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова (Halikova, Halikov, 1981; Халикова, Халиков, 2018; Халиков, 2022), Е.П. Казакова (1981; 2007), В.А. Иванова, А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой (Иванов, 1999; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009), И. Фодора (2015), А. Тюрка (2007) и др. (см. также: Материалы IV Междунар. Мадьярского симпозиума, 2018) и других исследователей.

Несколько слов о городище Уфа-II, население которого, весьма пестрое в этническом отношении, археологически представлено вышеперечисленными бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской, а также некоторыми другими этнокультурными группами керамики. Как показал анализ материалов из раскопов, время функционирования памятника ограничивается IV/V – VII/VIII вв. (Белявская О.С. и др., 2022, с. 124). Попытка Н.А. Мажитова и его последователей доказать его непрерывное существование до середины XVI в. (Мажитов, Султанова, 2010, с. 179, 271, 456) лишена основания, так как в отложениях городища отсутствует комплекс материальной культуры IX – первой половины XVI вв.: нет там ни массовой керамики указанного времени, нет следов жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Имеются лишь отдельные находки, в частности, несколько монет зодотоордынского времени,

не связанных с культурным слоем. Поэтому "город Башкорт – столицу средневекового Башкортостана" на месте городища Уфа-II, согласно концепции Н.А. Мажитова, как, впрочем, и другие "города", упоминаемые в арабских источниках, следует считать не идентифицированными (Иванов, 2012; 2020; Иванов, Антонов, 2013). Да и вряд ли удастся делать это в будущем, ибо город – атрибут государственности, а для рассматриваемого времени говорить о башкирской государственности нет решительно никаких оснований.

Поскольку мы ищем общие элементы в формировании этноса и культуры башкирского и татарского народов, хочу заострить внимание на кушнаренковскую культуру, памятники которой известны как в Башкортостане (Мажитов, 1977; 1981; Иванов, 1999; 2022б), так и в Татарстане (Khalikova, Kazakov, 1977; Halikova, Halikov, 1981; Казаков, 1981; Халиков, 2022). Как было сказано выше, в современной науке практически единогласно признано, что носителями этой культуры являются древние мадьяры. Н.А. Мажитов оставался противником данной точки зрения: "Следы пребывания венгерских племен на Южном Урале археологически пока не прослеживаются. Более того, серьезные аналитические исследования привели многих археологов к выводу о том, что венгры уже после VI в. находились на правом берегу р. Волги и, следовательно, средневековые археологические памятники Южного Урала к венграм не имеют прямого отношения» (Мажитов, 2013, с. 170). При этом конкретные имена «многих археологов» не названы и не указано, какие именно археологические памятники правобережья Волги «многие венгерские археологи» считают «своими».

О том, что кушнаренковцы – древние мадьяры оставили довольно заметный след в формировании этноса и культуры средневековых башкир, свидетельствует тот факт, что практически до середины прошлого столетия в историографии, наряду с тюркской, существовала угро-мадьярская теория происхождения башкир (Кузеев, 1974). Наиболее ярким доказательством участия мадьяр в этногенезе башкир являются близкие по звучанию этнонимы племен, зафиксированные у этих двух народов (Кузеев, 1974, с. 418). Как писал в свое время известный башкирский просветитель конца XIX – начала XX вв. М.И. Уметбаева, «башкиры называли себя унгарами» (Өметбаев, 2016, б. 208).

В Татарстане начиная с 60-х годов прошлого века в течение трех десятилений изучался Танкеевский могильник ранних булгар второй половины IX – начала X вв., где было вскрыто около 1200 погребений (из предполагаемых 5 тыс.). В погребальном обряде и инвентаре погребенных ярко выступают элементы древневенгерской культуры (Казаков, 1972; 1992; Казаков, Хузин, 2022; Халикова, 1972). В 1974–1981 гг. всего в 20 км к северу от Биляра (Великого города русских летописей), в Алексеевском районе РТ, изучался также уникальный Большетиганский некрополь, где вскрыто около 150 погребений древних венгров IX–X вв. – той части венгров, которые, отколовшись от основной массы своих сородичей, уходивших на запад, остались жить среди булгар (Халиков, 1984; Казаков, Ситдиков, Хузин, 2022).

Оставшихся на прежней родине венгров, не потерявших еще свой язык и некоторые древние обычаи, нашел в районе Великого города доминиканский миссионер из Венгрии Юлиан в 1235 г. (Аннинский, 1940, с. 77–78, 80–81). Пребывание этих венгров в Волжской Булгарии завершилось полной ассимиляцией среди местного населения и сменой веры – мусульманизацией. Об этом свидетельствует эпиграфический памятник 1311 г. на Старотатарском кладбище г. Чистополя, расположенного в 50 км от бывшего Великого города. Памятник поставлен на могиле «давшего воспитание ученым, любившего на́божных, мечети воздвигавшего, множество благих дел совершившего Маджара-кази» (Хакимзянов, 1987, с. 94–95).

Таким образом, кушнаренковцев можно считать первым довольно заметным общим компонентом в формировании этноса и культуры двух родственных народов – татар и башкир. Однако угорский компонент не сыграл значительной роли в их этногенезе.

Дальнейшая история предков татар связана с Волжской Булгарией, оставившей после себя более 2 тыс. археологических памятников (в том числе около 190 городищ, 800 селищ) на территории Татарстана, в южной части Чувашии (бассейн р. Свияги), Ульяновской, Самарской и Пензенской областях (Фахрутдинов, 1975; Хузин, 2002, с. 13 и сл.).

Восточная граница государства проходила по р. Шешмы; в более восточных районах Республики Татарстан имеются лишь отдельные памятники домонгольской Булгарии (Казаков, 1978). Полагаем, что эти, в настоящее время соседние с Башкортостаном и наиболее остепнённые в природном отношении Актанышский, Сармановский, Мензелинский, Муслюмовский, Азнакаевский, Бугульминский и Бавлинский районы, являлись тогда контактной зоной между булгарами, сохранившими еще в X в. кочевой образ жизни, и полукочевым населением северо-западных башкирских земель. Да, отдельные башкирские племена там кочевали. Однако утверждение Н.А. Мажитова о том, что «вся территория Восточного Татарстана являлась исконной территорией расселения бугульминско-мензелинской группы башкир, отошедшей в состав Татарстана в 1920 г.», а также попытка его доказать существование у башкир на рубеже I–II тысячелетия н.э. «собственных государственных организаций» и принадлежности обширных земель Волжской Булгарии вплоть до бассейна р. Черемшан в Западном Закамье государству Башкортостан («Биляр строился на земле башкир…, этот город расположен на берегу р. Черемшан, служившей условной границей между болгарами и башкирами» (Мажитов, Султанова, 2010, с. 291–299, 318, 328), полностью лишены доказательств. В этом вопросе мы придерживаемся обоснованного фактами авторитетного мнения известного башкирского этнографа Р.Г. Кузеева о том, что башкиры в своем историческом развитии до XVI в. не достигли уровня создания собственного государства и жили в доклассовом обществе (Кузеев, 1974, с. 44).

На территории Башкортостана домонгольско-булгарских памятников не обнаружено. Тем не менее, А.-З. Валиди считал, что еще в X столетии “башкиры находились под покровительством Болгарского государства” (“X *гасырда ук башкортлар Болгар кулында булган”*: Вәлиди, 1992, б. 30). О башкирах под покровительством булгар писал и вышеупомянутый башкирский просветитель М.И. Уметбаев (“башкортлар... Болгар дәүләте астында булган...” (Өметбаев, 2016, б. 208).

Для домонгольского времени имеется еще один общий, достаточно заметный этнический компонент, представленный памятниками так называемого постпетрогромско-мрясимовского типа. Они оставлены пришедшими на рубеже IX–X вв. из Зауралья угорскими кочевниками (Казаков, 2004; Иванов, 2022в.). В предмонгольское время из Зауралья начинается передвижение на башкирские земли родственных петрогромцам чияликских племен, получивших условное название по поселению, изученному у с. Чиялик Актанышского района Татарстана (Казаков, 2007, с. 59). По мнению специалистов, они сыграли значительную роль в этнокультурных процессах, происходивших на территории Башкортостана и Татарстана (особенно восточных районов республики) в домонгольское и золотоордынское время (Гарустовский, 1998; Казаков, 2007, с. 61) .

В это же время, не позднее начала XII в., на территории между Волгой и Уралом появляются первые группы кыпчаков-половцев. Известно, что донские кыпчаки под предводительством хана Аепы в 1117 г. совершили поход на Булгарию, когда, как сообщает русский летописец, «высла(л) им князь болгарьскыи питие съ отравою, и пивъ, Аепа и прочие князи вси помроша» (ПСРЛ, Т. II, с. 265). Известно также, что в походе Всеволода Больше Гнездо, великого князя владимиро-суздальского, совершенного им в 1183 г. на Великий город, участвовали и «половцы Емяковы» (ПСРЛ, т. I, с. 389). Кстати, летописец, отметив тесные контакты, которые существовали между родственными кыпчаками и булгарами, пишет, что у кыпчаков «с болгары язык и род един» (Татищев, 1964, с. 128). В 1229 г. «саксини и половцы взъбегоша из низу к болгарам перед татары; и к сторожевым болгарским прибегоша, бьени от татар близ рекы, ей же имя Яик» (ПСРЛ, т. I, с. 453).

Археологические следы присутствия кыпчаков в Среднем Поволжье так же скупы, как и письменные свидетельства о них. Следует заметить, что огузо-печенежские и кыпчакские погребальные памятники X–XIII вв., по данным археологов, вплотную подходят к южным границам Волжской Булгарии. Известны они в Самарской, Оренбургской областях и в Республике Башкортостан (Васильева, 1981; Иванов, Кригер, 1988). В булгарской керамике исследователи выделяют этнокультурные группы, имеющие отношение к кыпчакам домонгольского времени. Особенно выразительны они в комплексах Биляра и Джукетау (Кокорина, 2002, с. 84, 207–209).

Есть основания считать, что именно в предмонгольское время начинаются те серьезные изменения в этнической карте края, которые в наибольшей степени проявились позже, в период Золотой Орды.

Считаем здесь уместным обратить внимание на более ранние периоды истории кыпчаков, когда они, судя по сообщению ал-Гардизи, персидского историка XI в., наряду с родственными кимаками и татарами выступили создателями Кимакского каганата, занимавшего в IX–X в. обширные земли от Иртыша почти до Урала. Не лишена основания гипотеза о возможном участии в начавшихся не позднее XI в. передвижениях кыпчаков в Восточную Европу, в том числе на земли между Волгой и Уралом, небольших групп татар, тесно контактировавших с ними.

После событий 1236 г. территория Волжской Булгарии, а также соседние земли Башкортостана, населенные разноэтничными, в основном тюркскими и тюрко-угорскими (чияликскими) племенами, оказались в составе мощного государства Джучидов, в составе которого произошла заметная нивелировка их культуры. К этому времени относятся значительное количество селищ, курганов, мусульманских могильников, иногда с надгробными памятниками, на территории Татарстана, особенно в восточных его районах, и Башкортостана. Имеются также сообщения о находках каменных балбалов в юго-восточных районах Татарстана. В историографии существует мнение о вхождении западной части современной Башкирии в состав Болгарского улуса Золотой Орды (Халиков, 1964, с. 36).

По мнению большинства исследователей, кыпчакский компонент, археологически фиксируемый с XII в., является наиболее мощным в этногенезе татар и башкир. Именно он обусловил параллельное их развитие и близость языков (Кузеев, 1992, с. 77, 79). Таким образом, практически только с золотоордынского времени археология фиксирует существование двух родственных и самостоятельных этносов, составляющих в настоящее время кыпчакскую группу тюркских языков, по классификации лингвистов (Баскаков, 1969, с. 289–290; Гарипов, 1979).

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР,1940. С. 71–112.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // СЭ. 1947. Вып. VI–VII. С. 148–158.

Бернштам А.Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение народа // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III / Ред. Г.Ф. Дебец. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1959. С. 17–22.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 202–240.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронного и диахронного анализа. М.: Наука, 1979. 303 с.

Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: ИНСАН, 2003. 495 с.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Иванов В.А. Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II) // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 404–414.

Иванов В.А. Как конструировался некрополь города «Башкорт» // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVI. С. 76–89.

Иванов В.А. Памятники бассейна р. Белой. Турбаслинская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 345–356.

Иванов В.А. Памятники бассейна р. Белой. Кушнаренковская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022б. С. 357–363.

Иванов В.А. Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2022в. С. 105–124.

Иванов В.А., Антонов И.В. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. С. 111–132.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М: Наука, 1972. С. 161–167.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 128 с.

Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.

Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума (Тобольск, 9–11 декабря 2003). Тобольск: Тобольский историко-архитектурный музей заповедник, 2003. С. 79–87.

Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2004. С. 120–128.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.

Казаков Е.П. К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволлжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 116–126.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху Тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2021.144 с.

Казаков Е.П., Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Большетиганский могильник // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 87–104.

Казаков Е.П., Хузин Ф.Ш. Танкеевский некрополь и его значение в изучении этнокультурных процессов ранней Волжской Болгарии // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 58–86.

Киекбаев Дж.Г. Введение в Урало-Алтайское языкознание. Уфа: Китап, 1972. 151 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ; ИА РАН, 2002. 383 с.

Колонских А.Г. Памятники бассейна р. Белой. Бахмутинская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 334–344.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.

Кузеев Р.Г. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины I тысячелетия нашей эры до XVI в. Препринт доклада. Уфа, 1987.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Любчанский И.Э. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 226–234.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.

Мажитов Н.А. Вопросы древней и средневековой истории башкирского народа. Уфа: Гилем, 2013. 296 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность и средневековье. Уфа: Китап, 2010. 496 с.

Материалы IV Междунар. Мадьярского симпозиума. Казань–Болгар, 15–19 октября 2018 г. // Археология Евразийских степей. 2018. № 6.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Восточная лит-ра, 1962. 580 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Восточная лит-ра, 1962. 938 с.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. (Переиздание с изменениями и дополнениями). Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 69–76.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. Алабина, 2020. 122 с.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Автореф. дис… канд. ист. наук. Уфа, 2000. 22 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 2008. 168 с.

Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.; Л.: Наука, 1964. 338 с.

Тюрк А. О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: Китап, 2007. С. 346–354.

Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зерба, 2015. 132 с.

Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.

Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 30–37.

Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника. (О судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 122–133.

Халиков А.Х. Великая Венгрия между Волгой и Уралом / Археология евразийских степей. Вып. 27. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. 160 с.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М: Наука, 1972. С. 145–160.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Казань, 2012. 32 с.

Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура / Ред. Р.М. Юсупов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21–45.

Вәлиди Әхмәд-Зәки. Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче җөзьэ / Китапны төзүче, текстның транскрипциясен әзерләүче, искәрмә-аңлатмалар, библиографик исемлек һәм ахыр сүз авторы Равил Әмирхан. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 182 б.

Мөхәмәтсәлим Өметбаев. Әҫәрҙәр. Хеҙмәттәр. Өфө: Китап, 2016. 296 б.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.

Halikova E.A., Halikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) / Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Maguar Nemzeti Múseum, 1981. 132 S.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

REFERENCES

Anninskii, S. A. 1940. In Grekov, B. D. (ed.). *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).

Baskakov, N. A. 1969. *Vvedenie v izuchenie tiurkskikh iazykov (Introduction to the study of Turkic languages).* Moscow: "Vysshaia shkola" Publ. (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (The Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Vagant" Publ. (in Russian).

Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2017. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Hillfort Ufa-II. Materials from the 2017 excavations).* Ufa: "Pervaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1947. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (6–7), 148–158 (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1959. In Debets, G. F. (ed.). *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of Kyrgiz Archaeological and Ethnographic expedition)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 17–22 (in Russian).

Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepei (The Huns/Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–240 (in Russian).

Garipov, T. M. 1979. *Kypchakskie iazyki Uralo-Povolzhia: opyt sinkhronnogo i diakhronnogo analiza (Kipchak languages of the Ural-Volga region: the experience of synchronous and diachronic analysis).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zakiev, M. Z. 2003. *Proiskhozhdenie tiurkov i tatar (Genesis of the Turkic peoples and Tatars).* Moscow: "INSAN" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric-Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 2012. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 5, 404–414 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVI, 76–89 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (**The Great Migration Period**)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 345–356 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (**The Great Migration Period**)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 357–363 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkhe-

ologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 105–124 (in Russian).

Ivanov, V. A., Antonov, I. V. 2013. In Obydennova, G. T. (ed.). *Problemy poiska i izucheniia drevnikh i srednevekovykh gorodov na Iuzhnom Urale i sopredelnykh territoriiakh (Issues of searching and studying ancient and medieval cities in the Southern Urals and neighbourhood areas).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 111–132 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161–167 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1981 In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 115–135 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2003. In *Ugry. Materialy VI Sibirskogo simpoziuma (Tobolsk, 9–11 dekabria 2003) (The Ugric peoples. Proceedings of the VI Siberian symposium (Tobolsk, december 9-11, 2003)).*Tobolsk: Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve, 79–87 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2004. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Chetvertye Bersovskie chteniya (The Fourth Bers' readings).* Ekaterinburg: "Akva-Press" Publ., 120–128 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kazakov, E. P. 2018. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 116–126 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2021. *Volgo-Kame v epokhu Tiurkskikh kaganatov. Kniga pervaia. Kominternovskii II mogilnik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Komintern II burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 87–104 (in Russian).

Kazakov, E. P., Khuzin, F. Sh. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 58–86 (in Russian).

Kiekbaev, Dzh. G. 1972. *Vvedenie v Uralo-Altaiskoe iazykoznanie (Introduction to Ural-Altaic linguistics).* Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bolgaria during the Second Half of the 11th – beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bolgar and Bolgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kolonskikh, A. G. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (**The Great Migration Period**)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 334–344 (in Russian).

Kuzeev, R. G. 1974. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia (Genesis of the Bashkir people. Ethnic composition and history of settlement).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzeev, R. G. 1987. *Problemy etnicheskoi istorii narodov Srednego Povolzhia i Iuzhnogo Urala s serediny I tysiacheletiia nashei ery do XVI v. (Issues of the ethnic history of the peoples of the Middle Volga and Southern Urals from the middle of the I millennium AD to the 16th century.).* Ufa (in Russian).

Kuzeev, R. G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzgliad na istoriiu (Peoples of the Middle Volga and Southern Ural Areas: Ethnic-Genetic Sight on History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyubchansy, I. E. 2006. In Obydennova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time).* Ufa: "Gilem" Publ., 226–234 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th — 14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 2013. *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii bashkirskogo naroda (Issues of ancient and medieval history of the Bashkirs)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 2010. *Istoriia Bashkortostana. Drevnost i srednevekov'e (History of Bashkortostan. Ancient and medieval periods).* Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

2018. *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6 (in Russian).

1962. *Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku (Laurentian Chronicle and Suzdal Chronicle according to the Academic Code)*. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

1962. *Ipat'evskaia letopis. (Ipatievskaya Chronicle). Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* IX. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 2006. *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki (The Bashkirs: Historical and Ethnographical Sketches)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1971. In Bromlei, Yu. B., Kuzeev, R. G. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 69–76 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2020. *(Drevnie vengry i ikh okruzhenie v Samarskom Povolzhye. Katalog arkheologicheskikh kollektsiy) (The Ancient Hungarians and their surroundings in the Samara Volga region. Catalog of archaeological collections).* Samara: Regional Museum of Local Lore Publ. (in Russian).

Sultanova, A. N. 2000. *Birskii mogil'nik: istoriko-arkheologicheskoe kharakteristika (Birsk Burial Ground: Historical and Archaeological Study)*. Thesis of Diss. of Historical Sciences Ufa (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv. n.e.) (Turbasly culture (based on funeral sites 5th – 8th centures CE))*. Ufa: "Gilem" Publ., (in Russian).

Tatishchev, V. N. 1964. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 3 Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Türk, A. 2007. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Formirovanie i vzaimodeistvie uralskikh narodov v izmeniaiushcheisia etnokulturnoi srede Evrazii: problemy izucheniia i istoriografiia. Chteniia pamiati K.V. Salnikova (Formation and interaction of the Uralic peoples in the changing ethnic-cultural environment of Eurasia: research challenges and historiography. Readings in memory of K.V. Salnikov)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Fodor, I. 2015. *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny* (*The Hungarians: Ancient History and the Conquest of the Homeland*). Perm: "Zebra" Publ. (in Russian).

Khakimzyanov, F. S. 1987. *Epigraficheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk (Epigraphic Monuments of Volga Bolgaria and Their Language).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1971. In Bromlei, Yu. B., Kuzeev, R. G. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 30–37 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskiy sbornik (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes. Soviet-Hungarian collected papers).* Kemerovo: Kemerevo State Universiry, 122–133 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2022. *Velikaya Vengriya mezhdu Volgoy i Uralom (Magna Hungaria between the Volga and the Urals).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 27. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ., (in Russian).

Khalikova, E. A. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 145–160 (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. In *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik) (The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2012. *Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov epokhi Velikogo pereseleniia narodov (statisticheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov) (Barrow Burial Mounds of the Kharino Type in the Upper Kama Region in the Context of Cultural and Historical Processes of the Great Migration Period (Statistical Analysis of Funerary Complexes))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

Yusupov, R. M. 2002. In Yusupov, R. M. (ed). Bashkiry. *Etnicheskaia istoriia i traditsionnaia kul'tura (The Bashkirs. Ethnic History and Traditional Culture).* Ufa: "Bashkirskaia entsiklopediia" Publ., 21–45 (in Russian).

Validi, A.-Z. 1992. *Kyskacha tөrek-tatar tarikhy. Berenche җөze (A brief Turkic-Tatar history. The first part).* Kazan: "Tatar. kit. Nəshr." Publ. (in Tatar).

Umetbaev, M. 2016. *Əçərҙər. Kheҙməttər (Essays. Proceedings).* Ufa: "Kitap" Publ. (in Bashkir).

Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. In *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest, 21–221.

Halikova, E. A., Halikov, A. H. 1981.Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Series: Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Maguar Nemzeti Múseum.

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в журнал 05.07.2024 г.
Статья принята к публикации 23.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.192.199

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

©2026 г. М. Акынджы

Вопреки тому, что волжские булгары были важными политическими и культурными деятелями в истории средневековой Евразии, они довольно поздно вошли в современную турецкую историографию. В данной работе исследуется, почему волжские булгары были включены в современную турецкую историографию так поздно и в каких идеологических и методологических рамках они были позиционированы. Волжские булгары начали изучаться в контексте преемственности турецкой истории и турецко-исламской идентичности в историографии, развивавшейся во второй половине XX века. В XXI веке, в отличие от предыдущие столетия, исследования, посвященные истории волжских булгар, стали проводиться в более научной, междисциплинарной и теоретической плоскости. Однако принятие ислама волжскими булгарами в ранний период стало темой, которая с XX века вызывает наибольший интерес в турецкой историографии. В связи с этой тенденцией турецких историков в турецкой историографии Волжские булгары в основном фигурируют в контексте турецко-исламской истории. Это привело к тому, что их уникальные этнические, культурные и региональные особенности порой оставались на втором плане. К счастью, с новым пониманием истории в XXI веке исследования Волжских булгар стали более сбалансированными, контекстуальными и оригинальными.

Ключевые слова: археология, волжские булгары, история Волжских булгар, турецкая историография, идентичность, историография

THE VOLGA BOLGARS IN MODERN TURKISH HISTORYGRAPHY

M. Akinci

Despite being significant political and cultural actors in medieval Eurasian history, the Volga Bolgars entered modern Turkish historiography relatively late. This study investigates the reasons for this delayed inclusion and the ideological and methodological frameworks within which they were positioned. The Volga Bolgars began to be studied in the context of the continuity of Turkish history and Turkish-Islamic identity in historiography that developed in the second half of the XX century. In the XXI century, unlike in previous centuries, research on the history of the Volga Bolgars is conducted in a more scientific, interdisciplinary and theoretical dimension. However, the early adoption of Islam by the Volga Bolgars has remained the topic generating the most interest in Turkish historiography since the XX century. Due to this trend among Turkish historians, the Volga Bolgars are predominantly featured in the context of Turkish-Islamic history. Consequently, their unique ethnic, cultural, and regional characteristics have sometimes been overshadowed. Fortunately, thanks to a new understanding of history in the XXI century, studies of Volga Bolgars have become more balanced, contextual and original.

Keywords: archaeology, the Volga Bolgars, history of the Volga Bolgars, Turkish historiography, identity, historiography.

Вопреки тому, что волжские булгары были одним из важных политических, экономических и культурных игроков в истории средневековой Евразии, в турецкой историографии они долгое время занимали ограниченное и незначительное место. В классический период, когда доминировало османское понимание истории, турецкая история в основном рассматривалась в контексте Анатолии, Ближнего Востока и Балкан, а северные регионы, такие как Волжский бассейн, оставались за пределами повествования. Однако со второй половины XX века, с началом развития современной турецкой историографии, турецкая история стала переосмысляться в более широкой евразийской перспективе, и в этом процессе волжские булгары стали более заметными. Превращение этой темы в самостоятельный предмет

исследования было тесно связано с методологическими преобразованиями в турецкой историографии.

Цель данной статьи – проанализировать, как Волжские булгары рассматриваются в современной турецкой историографии, в каких идеологических и методологических рамках они позиционируются. Работа основана на историографической перспективе и обсуждает, под какими заголовками современная турецкая историография интерпретирует волжских булгар, уделяя особое внимание концепциям национализма, формирования идентичности и исторической преемственности.

Первый этап исследования (1930–1980)

Современная Турецкая Республика, основанная в результате Освободительной войны (1919–1923), которую турецкий народ Анатолии выиграл против колониальных держав, основана на принципе «национального суверенитета». С самого начала существования республики большое значение придавалось написанию истории для разработки национальных кодов, которые сыграли очень важную роль в построении нового государства. Основоположник государства М. Кемаль Ататюрк, веривший в то, что национальный суверенитет может укрепиться и сохраниться только благодаря национальному историческому сознанию и национальной культуре, предпринял важные шаги в области национальной историографии. Одним из них было создание *Комиссии по турецкой истории,* целью *которой* было детальное и всестороннее изучение турецкой истории. В результате исследований этой комиссии в работе *«Основные черты турецкой истории*» впервые были приведены следующие сведения о волжских булгарах: «Булгарские турки, проживавшие в бассейне Волги и Камы, в середине VI века основали Булгарское государство. Их центром был город Булгар. Волжских ханов называли «билгуварами». Булгары установили тесные торговые связи с мусульманским миром через Харезм и в X веке, во времена Эльмас-хана, приняли ислам. Ранее они были шаманцами. Булгары сохраняли свою независимость до 13 века, пока их земли не были завоеваны туркáми, пришедшими с внуком Чингисхана Бату (1237)» (Türk Tarihinin Ana Hatları, 1930, с. 491).

Татарский ученый Юсуф Акчура (1876–1935), сыгравший важную роль в формировании исторической концепции современной Турции и одновременно являвшийся председателем созданного общества, является одним из важных деятелей, внесших вклад в становление турецкой историографии. Однако следует подчеркнуть, что не только он, но и вместе с ним националистически настроенные татарские и башкирские интеллектуалы, вынужденные в конце XIX века эмигрировать из России на османские земли, изменили перспективу написания турецкой истории. Среди этих просветителей, которые в своих исторических трудах уделяли внимание волжским булгарам, были Зеки Велиди Тоган (1890–1970), Акдес Нимет Курат (1903–1971), Садри Максуди Арсал (1880–1957), Абдулкадир Инан (1889–1976) и Ахмет Темир (1912–2003) (Arsal, 1934; Togan, 1946; Kurat, 1972; İnan, 1976; Temir, 1976). Следует подчеркнуть, что З.В. Тоган, имеющий особое значение для истории волжских булгар, совершил важное открытие в Иране, где он путешествовал до прибытия в Турцию в 1923 году. Тоган обнаружил в Мешхедской библиотеке неизвестную часть «Путешествия Ибн Фадлана», часть которой ранее была представлена и опубликована русским тюркологом Х.М. Френом. Это открытие было воспринято научным миром как революционное, поскольку оно было наиболее близким к полному тексту произведения. После открытия Тоган вернулся в Турцию и в 1925 году стал гражданином Турецкой Республики. Он стал первым, кто опубликовал научные труды о многих тюркских народах, в том числе о волжских булгарах. Основной причиной его специальных исследований, посвященных волжским булгарам, стало детальное изучение «Путешествия Ибн Фадлана» и его представление научному миру. Полный текст путешествия был опубликован в 1939 году в Лейпциге (Togan, 1939), а в том же году его критический текст был опубликован в Анкаре (Togan, 1939a). Позже различные авторы сделали переводы этого произведения на турецкий язык (Doğan, 1954; Şeşen, 1975).

Помимо историков, эмигрировавших из России в Турцию, турецкие историки также упоминают волжских булгар в своих трудах по общей истории Турции. Среди этих турецких историков лидируют Ибрагим Кафесоглу (1912–1984) и Бахаддин Огель (1924–1989) (Kafesoğlu, 1977; Ögel, 1962). В этот же пери-

од специальные статьи о волжских булгарах, написанные иностранными учеными, такими как В. Бешевлиев, К. Чегледи и А. Якубовский, были переведены и опубликованы в крупных журналах (Beşevliyev, 1945; Czegledy, 1951; Yakubovskiy, 1952). Однако в этот период исследования носили скорее ознакомительный характер и были посвящены общим историческим сведениям. Волжские булгары рассматривались в контексте упомянутых тюркских общин после периода Гоктюрков. Исследования представляли собой в основном короткие энциклопедические статьи, небольшие разделы книг или фрагменты общей истории тюрков. Эта тема еще не стала предметом специализированных исследований. Основное внимание уделяется вопросам исламизации и политической истории. Археологические и филологические исследования практически отсутствуют.

Период специализации и институционализации (1980–2000)

В процессе специализации современной турецкой историографии позиционирование волжских булгар в значительной степени формировалось на основе исторической преемственности и конструирования идентичности. В период существования республики господствующее понимание истории рассматривало турецкую историю как целостный процесс, начавшийся в Центральной Азии и распространившийся на различные географические регионы. В этом контексте волжские булгары были представлены как доказательство исторического распространения тюрков не только на юг и запад, но и на север. Однако исторические связи между волжскими булгарами и современными татарами были одной из самых обсуждаемых тем этого периода. Некоторые историки решительно подчеркивают эту преемственность, в то время как другие утверждают, что демографические и культурные преобразования, произошедшие после монгольского периода, усложнили эту связь. Подобные дискуссии выявили избирательные и идеологические аспекты турецкой историографии в процессе ее институционализации. Тем не менее в этот период интерес к данной теме на профессиональном уровне возрос, и начали появляться работы, основанные на междисциплинарных исследованиях. Так, волжские булгары перестали изучаться исключительно с политической точки зрения, на первый план вышли дискуссии об их происхождении и этногенезе, были написаны первые академические диссертации по этой теме (Tekin, 1988), а с появлением в Турции зарубежной литературы история волжских булгар стала рассматриваться в более широкой перспективе (Ögel, 1978; Kafesoğlu, 1982, 1985; Baştav, 1987). Кроме того, Турецкий фонд Диянет и Министерство национального образования начали включать в свои энциклопедии статьи «Волжские булгары», «Булгары» (Kurat, 1976, 1979; Yüce, 1992).

Современный академический период (2000–2025)

С 2000-х годов академические исследования рассматривают волжских булгар с междисциплинарной точки зрения. В работах, написанных в этот период, сравнение волжских булгар с такими политическими образованиями, как хазары и караханиды, дает поучительную картину. Хотя хазары имели турецкую идентичность, они не были мусульманами, поэтому в истории турецко-исламской цивилизации им отводилось более ограниченное место, в то время как Караханиды, с их централизованной структурой и исламской культурой, представляли собой более «идеальный» пример. Волжские булгары, несмотря на раннее принятие ислама, занимали промежуточное положение в историческом повествовании из-за своего северного географического положения. Эта ситуация показала, что даже в современной историографии географические и религиозные факторы являются определяющими. По этой причине в одной части диссертаций Караханиды оцениваются как первое мусульманское тюркское государство (Hunkan, 2005), а в другой части этот статус присваивается волжским булгарам (Koç, 2010). Однако со временем археологические данные, анализ элементов материальной культуры и структуры поселений компенсировали ограниченность письменных источников, что привело к росту числа тезисов о том, что волжские булгары были первым мусульманским тюркским государством (Topsakal, 2000, 2018; Dağ, 2023; Akıncı, 2020; Koç, 2021).

В процессе современной историографии ускорился перевод на турецкий язык книг и статей, посвященных волжским булгарам, из зарубежной литературы (Rorlich, 2000; Fahredinoff, 2001; Zekiyev, 2002; Sattarova, İzmaylov 2002; Valiulina, 2002; Kuzeyev, 2005;

Tagirov, 2007; Huzin, Şakirov, 2018; Huzin, Şakirov, 2019; Huzin, 2022).

Одним из основных критических замечаний в адрес современной турецкой историографии, в том числе и в отношении других периодов, является анахроничное применение парадигмы национального государства к обществам раннего Средневековья. Многокультурная и многоэтническая структура волжских булгар трудно поддается объяснению с помощью современных категорий идентичности, поэтому современные подходы подчеркивают необходимость оценки волжских булгар в их историческом контексте. Подобная критика турецкой историографии привела к позитивным изменениям в турецкой академической среде. Так, в современный академический период волжские булгары рассматриваются с этнической (Karatay, 2004, 2015; Koç, 2010), политической и правовой (Taşağıl, 2000; Koç, 2010; Botaşev, 2024; Özkan, 2022), экономической и торговой (Demiroğlu, 2011; Akıncı, 2017), филологической (Arıkan, 2014; Zorlu, 2022; Alkaya, Zorlu, 2022), истории и культуры города (Akıncı, 2022, 2022a, 2023, 2023a; Karagöz, 2024), социальной и художественной (Solmaz, 2018; Zufarova, 2019; Akıncı, 2018, 2022b) сторон. С 2019 года в журнале «Идил-Уральские исследования», в котором публикуются исследования по литературе, истории и культуре Поволжья, также размещаются статьи, посвященные волжским булгарам (Üren, 2023, 2024).

Место волжских булгар в современной турецкой историографии тесно связано с идеологическими ориентациями и методологическими преобразованиями в исторической науке. На сегодняшний день важным достижением для турецкой историографии является рассмотрение истории волжских булгар в их собственном историческом контексте, без национально-государственного и анахроничного подходов. Продолжение этой тенденции будет способствовать как лучшему пониманию исторической самобытности волжских булгар, так и формированию более плюралистичной и инклюзивной структуры турецкой историографии.

ЛИТЕРАТУРА

Akıncı M. İtil Bulgarlarında Ticari Hayat. Master Dissertation. Antalya, 2017.

Akıncı M. İtil Bulgar Kadınlarında Giyim-Kuşam, Takılar ve İbn Fadlan'a Göre Sosyal Hayat // *Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi.* 2018. No. 234, 45-74.

Akıncı M. Müslüman Tüccarların Orta İtil'deki İslamlaşmaya Etkisi // *Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2020. No. 21 (39), 1129-1153.

Akıncı M. İtil Bulgarlarında Kentleşme ve Kent Kültürü. Doctoral Dissertation. Antalya, 2022.

Akıncı M. Doğu Avrupa Türk Kent Modeli ve İtil Bulgar Kentleri // 9-12 Ekim Uluslararası Türk Dünyası Sempozyumu*,* Erzincan, 2022a.

Akıncı M. Tuna'dan İtil'e Ortak Kültür Unsurları: Bulgarlar In 18-22 Ekim XX. Uluslararası Türk Dünyası Sosyal Bilimler Kongresi, Bişkek, 2022b.

Akıncı M. İtil Bulgar Kentlerinin Kökeni Hakkında // Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2023. No. 55. P. 173–185.

Akıncı M. İtil Bulgarlarında Kentleşme Süreci In VI. Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Kongresi, Sinop, 2023a.

Alkaya E., Zorlu E. Dil İlişkileri Bağlamında İdil Bulgar Türkçesindeki "ılgıcı"Kelimesi In 20-22 Ekim 14. Uluslararası Dünya Dili Türkçe Sempozyumu Bildiri Kitabı. Antalya-Alanya, 2022, P. 482–490.

Arıkan İ. İdil Bulgar Kitabelerinde Geçen "Baltur" Sözcüğü Üzerine // Ankara Üni. DTC Fak. Türkoloji Dergisi. 2014. No 21 (1). P. 15–24.

Arsal S.M. Orta Asya Türk Devletleri. Ankara, 1934.

Baştav, Ş. İtil (Volga) Bulgar Devleti // Tarihte Türk Devletleri, C. 1. Ankara: Ankara Üni. Rektörlüğü Yayınları, 1987.

Beşevliyev V. Proto-Bulgar Dini (Trans. T. Acaroğlu) // Belleten*.* 1954. No 9 (34) P. 213–262.

Botashev A. Volga (İdil) Bulgar Devleti ve Hukuki Yapısı. Doctoral Dissertation. Bursa, 2024.

Czegledy K. 1951. Yiltavar Unvanı, Volga Bulgarları ile İslavların X. Asırdaki Münasebeti Meselesine Dair (Trans. İ. Kafesoğlu) // Türkiyat Mecmuası. 1951. No. 9. P. 179–187.

Dağ, İ. Türklerde yeni bir dini benimseme konusunda belirleyici hususlar: Hazar ve İtil Bulgar Örneği (VI-X. yy). Master Dissertation. Isparta, 2023.

Demiroğlu H. 2011. İtil Bulgarlarında Tarım Aletleri // İSTEM. 2011. Vol. 9 (18). P. 49–63.

Dinçer K. İdil Bulgarları. İstanbul: Selenge Yayınları, 2021.

Fahreddinof R. Bulgar Devleti'nin Tarihi Üzerine Denemeler (Trans. İ. Topsakal) // *Çukurova Üniversitesi İlahiyat Fak. Dergisi*. 2001. Vol. 1 (1)> P. 287–292.

Hunkan Ö.S. Orta Asya ilk Müslüman Türk Devleti Karahanlılar. Doctoral Dissertation. Ankara, 2005.

Huzin F.Ş. Bulgar Kentleri ve Bulgar Kentlerinin Köken Sorunları (Trans. M. Akıncı) // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2022. Vol. 4 (8). P. 999–1008.

Huzin F.Ş., Şakirov Z.G. Bilyar Arkeolojik Keşiflerinin 50. Yıl Dönümü: Büyük Şehrin Araştırma Sonuçları ve Sorunları (Trans. S. Karagöz) // Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2018. Vol. 3 (2), 123–153.

Huzin F.Ş., Şakirov Z.G. İdil (Volga) Bulgarları ve Göçebe Dünya (Trans. S. Karagöz) // *Mütefekkir*. 2019. Vol. 6 (11). P. 239–254.

İnan A. Eski Türk Dini. İstanbul, 1976.

Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 1977.

Kafesoğlu İ. Türk-Bulgarlarının Tarih ve Kültürüne Kısa Bir Bakış // Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1982. No 10 (11). P. 91–122.

Kafesoğlu İ. Bulgarların Kökeni. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1985.

Karagöz S. Orta İdil Sahasının Tarihi Coğrafyası ve İdil Bulgar Şehirleri // Ed. M. Gökçe *Türkistan'dan Türkiye'ye Türklerde Şehircilik*, 2024. P. 223–256.

Karatay O. Doğu Avrupa Türk Tarihinin Ana Hatları-Altın Orda Öncesi Dönem // Karadeniz Araştırmaları. 2004. No. 3. P. 1–70.

Karatay O. Macarlar, Başkurtlar, Bulgarlar: İdil-Ural Havzasında Etnik Adlandırmaların Doğasını Kavramak // Milletlerin Kesişme Noktası: İdil-Ural Çalıştayı -II-, 16-18 Ekim 2015, P. 101–108.

Koç D. 2010. Bulgar Boylarının Orta İdil Bölgesine Göçü ve Novinkovk Kurganları // Karadeniz Araştırmaları. 2010. No 27 (27). P. 37–57.

Koç D. Rus Kaynaklarına Göre İlk Müslüman Türk Devleti: İtil Bulgar Devleti. Doctoral Dissertation. İstanbul, 2010.

Koç D. İdil Bulgarları. İstanbul: Selenge Yay, 2021.

Kurat A.N. IV-XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.

Kurat A.N. Doğu Avrupa Türk Devletleri // Türk Dünyası El Kitabı. 1976. No. 1. P. 739–751.

Kurat A.N. Bulgar // İslam Ansiklopedisi. 1979. C.II. P. 781–801

Kuzeyev R.G. İtil-Ural Türkleri / Trans. A. Acaloğlu. İstanbul: Selenge Yayınları, 2005.

Lûtfi D. 1954. İbni Fadlan Seyahatnamesi // AÜİFD. 1954. No 3 (1/2). P. 59–80.

Ögel B. İslamiyet'ten Önce Türk Kültür Tarihi: Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre. Ankara: TTK Yayınları, 1962.

Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Ankara: TTK Yayınları, 1978.

Özcan A. İlteber Almış ve Egemenliğinin Dönüşüm Süreci // *3-7 Ekim 2022 XIX. Türk Tarih Kongresi Basılmış Bildiri*. Ankara: TTK, 2022.

Rorlich A. Trans. Süreyya Er, Volga Tatarları. İstanbul: İletişim Yayınları, 2000.

Sattarova L., İzmaylov İ. İdil Bulgar Devleti'nde Sanat (X-XIII. Yüzyıllar) // Ed. H. C. Güzel Türkler Ansiklopedisi. 2002. Vol. 6. P. 43–54.

Solmaz S. İbn Fazlan Seyahatnamesi'ne Göre İtil Bulgarları. İstanbul: Çizgi Kitabevi, 2018.

Şeşen R. İbn Fazlan Seyahatnâmesi. İstanbul, 1975.

Tagirov İ.R. Trans. İ. Kamalov, İdil Bulgarları // Avrasya Fatihi Tatarlar, 2007. P. 35–62.

Taşağıl A. İdil Bulgar Hanlığı // Diyanet İslam Ansiklopedisi. 2000. No 21. P. 472–474.

Tekin T. Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcası, Ankara: TDK, 1988.

Temir A. İdil-Ural ve Yöresi // Türk Dünyası El-Kitabı. 1976. No. 1. P. 1251–1271.

Togan Z. Ahmed ibn Fadlans Reisebericht. Leipzig: Brockhaus, 1939.

Togan, Z. İbn Fadlan'ın Seyahatnamesi: Tenkidli Metin. Ankara: TTK Yayınları, 1939a.

Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar. İstanbul: Hak Kitabevi, 1946.

Topsakal İ. X-XII. Asır İdil (Volga) Bulgarları Tarihi ve Medeniyeti. Master Dissertation. İstanbul, 2000.

Topsakal İ. İdil Bulgarları ve İslamiyet. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2018.

Türk Tarihinin Ana Hatları / ed. Afet İnan, M. Tevfik, S. Rifat, Y. Akçura, R. Galip, H. Cemil. S. Maksudi, İstanbul: İstanbul Devlet Matbaası, 1930.

Üren U. Muhayyel Hanların Gölgesinde İtil Bulgarlarının Yükselişi In İdil-Ural Araştırmaları Dergisi. 2023. No 5 (2). P. 247–259.

Üren U. İtil Boylarında Rekabet: Bulgarlar ve Moğollar // İdil-Ural Araştırmaları Dergisi. 2024. No 6 (2). P. 211-238.

Valiulina S. Ed. H. C. Güzel, İdil Bulgarlarında Cam Sanatı // Türkler Ansiklopedisi. 2002. No 6. P. 55-62.

Yakubovskiy A.J. Trans. A. İnan, IX. ve X. Asırlarda İtil ve Bulgar'ın Tarihi Topografisi Meselesine Dair // Belleten. 1952. No 16 (62). P. 274–297.

Yüce N. 1992. Bulgar // Diyanet İslam Ansiklopedisi. № 6. P. 390–391

Zekiyev M. Bolgar-Tatarların Etnogenezi ve Genel Gelişme Aşamaları // Türkler Ansiklopedis. 2002. № 2. P. 425–442.

Zorlu E. İdil Bulgar Türkçesi ve Çuvaş Türkçesi Üzerine Karşılaştırmalı Dil İncelemesi. Master Dissertation. Elazığ, 2022.

Zufarova A.G. X-XIV. Yüzyıllarda İdil-Bulgar Hanlığı Mimarisi ve Sanatı. Master Dissertation. İstanbul, 2019.

Информация об авторе:

Акынджы, Мелтем, доктор истории (г. Анталья, Турция) mltm.akinci@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-0807-1113.

REFERENCES

Akıncı, M. 2017. *İtil Bulgarlarında Ticari Hayat*. Master Dissertation. Antalya (in Turkish).

Akıncı, M. 2018. İtil Bulgar Kadınlarında Giyim-Kuşam, Takılar ve İbn Fadlan'a Göre Sosyal Hayat In *Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi*, 234, 45-74 (in Turkish).

Akıncı, M. 2020. Müslüman Tüccarların Orta İtil'deki İslamlaşmaya Etkisi In *Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 21 (39), 1129-1153 (in Turkish).

Akıncı, M. 2022. *İtil Bulgarlarında Kentleşme ve Kent Kültürü*. Doctoral Dissertation. Antalya (in Turkish).

Akıncı, M. 2022a. *Doğu Avrupa Türk Kent Modeli ve İtil Bulgar Kentleri* In *9-12 Ekim Uluslararası Türk Dünyası Sempozyumu.* Erzincan (in Turkish).

Akıncı, M. 2022b. *Tuna'dan İtil'e Ortak Kültür Unsurları: Bulgarlar* In *18-22 Ekim XX. Uluslararası Türk Dünyası Sosyal Bilimler Kongresi.* Bişkek (in Turkish).

Akıncı, M. 2023. İtil Bulgar Kentlerinin Kökeni Hakkında In *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* (55), 173–185 (in Turkish).

Akıncı, M. 2023a. İtil Bulgarlarında Kentleşme Süreci In *VI. Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Kongresi.* Sinop (in Turkish).

Alkaya, E., Zorlu, E. 2022. Dil İlişkileri Bağlamında İdil Bulgar Türkçesindeki "ılgıcı"Kelimesi In *20-22 Ekim 14. Uluslararası Dünya Dili Türkçe Sempozyumu Bildiri Kitabı*. Antalya-Alanya, 482–490 (in Turkish).

Arıkan, İ. 2014. İdil Bulgar Kitabelerinde Geçen "Baltur" Sözcüğü Üzerine In *Ankara Üni. DTC Fak. Türkoloji Dergisi,* 21 (1), 15–24 (in Turkish).

Arsal, S. M. 1934. *Orta Asya Türk Devletleri*. Ankara (in Turkish).

Baştav, Ş. 1987. İtil (Volga) Bulgar Devleti In *Tarihte Türk Devletleri*, C. 1. Ankara: Ankara Üni. Rektörlüğü Yayınları (in Turkish).

Beşevliyev, V. 1945. Trans. T. Acaroğlu, Proto-Bulgar Dini. In *Belleten,* 9 (34), 213–262 (in Turkish).

Botashev, A. 2024. *Volga (İdil) Bulgar Devleti ve Hukuki Yapısı*. Doctoral Dissertation. Bursa (in Turkish).

Czegledy, K. 1951. Trans. İ. Kafesoğlu. Yiltavar Unvanı, Volga Bulgarları ile İslavların X. Asırdaki Münasebeti Meselesine Dair. In *Türkiyat Mecmuası* 9, 179–187 (in Turkish).

Dağ, İ. 2023. *Türklerde yeni bir dini benimseme konusunda belirleyici hususlar: Hazar ve İtil Bulgar Örneği (VI-X. yy).* Master Dissertation. Isparta (in Turkish).

Demiroğlu, H. 2011. İtil Bulgarlarında Tarım Aletleri. In *İSTEM* 9 (18), 49–63 (in Turkish).

Dinçer, K. 2021. *İdil Bulgarları*. İstanbul: Selenge Yayınları (in Turkish).

Fahreddinof, R. 2001. Trans. İ. Topsakal. Bulgar Devleti'nin Tarihi Üzerine Denemeler. In *Çukurova Üniversitesi İlahiyat Fak. Dergisi* 1 (1), 287–292 (in Turkish).

Hunkan, Ö. S. 2005. *Orta Asya ilk Müslüman Türk Devleti Karahanlılar*. Doctoral Dissertation. Ankara (in Turkish).

Huzin, F. Ş. 2022. Trans. M. Akıncı. Bulgar Kentleri ve Bulgar Kentlerinin Köken Sorunları. In *Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi* 4 (8), 999–1008 (in Turkish).

Huzin, F. Ş., Şakirov, Z. G. 2018. Trans. S. Karagöz. Bilyar Arkeolojik Keşiflerinin 50. Yıl Dönümü: Büyük Şehrin Araştırma Sonuçları ve Sorunları. In *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi* 3 (2), 123–153 (in Turkish).

Huzin, F. Ş., Şakirov, Z. G. 2019. Trans. S. Karagöz. İdil (Volga) Bulgarları ve Göçebe Dünya. In *Mütefekkir* 6 (11), 239–254 (in Turkish).

İnan, A. 1976. *Eski Türk Dini*. İstanbul (in Turkish).

Kafesoğlu, İ. 1977. *Türk Milli Kültürü*. İstanbul: Ötüken Neşriyat (in Turkish).

Kafesoğlu, İ. 1982. Türk-Bulgarlarının Tarih ve Kültürüne Kısa Bir Bakış In *Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi* 10 (11), 91–122 (in Turkish).

Kafesoğlu, İ. 1985. *Bulgarların Kökeni*. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü (in Turkish).

Karagöz, S. 2024. Orta İdil Sahasının Tarihi Coğrafyası ve İdil Bulgar Şehirleri In M. Gökçe (ed.) *Türkistan'dan Türkiye'ye Türklerde Şehircilik*, 223–256 (in Turkish).

Karatay, O. 2004. Doğu Avrupa Türk Tarihinin Ana Hatları-Altın Orda Öncesi Dönem In *Karadeniz Araştırmalar* (3), 1–70 (in Turkish).

Karatay, O. 2015. Macarlar, Başkurtlar, Bulgarlar: İdil-Ural Havzasında Etnik Adlandırmaların Doğasını Kavramak In *Milletlerin Kesişme Noktası: İdil-Ural Çalıştayı -II-, 16-18 Ekim 2015* 101–108 (in Turkish).

Koç, D. 2010. Bulgar Boylarının Orta İdil Bölgesine Göçü ve Novinkovk Kurganları In *Karadeniz Araştırmaları*, 27 (27), 37–57 (in Turkish).

Koç, D. 2010. *Rus Kaynaklarına Göre İlk Müslüman Türk Devleti: İtil Bulgar Devleti*. Doctoral Dissertation. İstanbul (in Turkish).

Koç, D. 2021. *İdil Bulgarları*. İstanbul: Selenge Yay (in Turkish).

Kurat, A. N. 1972. *IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri*. Ankara.

Kurat, A. N. 1976. Doğu Avrupa Türk Devletleri In *Türk Dünyası El Kitabı* (1), 739–751 (in Turkish).

Kurat, A. N. 1979. Bulgar In *İslam Ansiklopedisi*, C.II, 781-801 (in Turkish).

Kuzeyev, R. G. 2005. A. Acaloğlu (trans.). *İtil-Ural Türkleri*. İstanbul: Selenge Yayınları (in Turkish).

Lûtfi, D. 1954. İbni Fadlan Seyahatnamesi In *AÜİFD*, 3 (1/2), 59–80 (in Turkish).

Ögel, B. 1962. *İslamiyet'ten Önce Türk Kültür Tarihi: Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre*. Ankara: TTK Yayınları (in Turkish).

Ögel, B. 1978. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Ankara: TTK Yayınları (in Turkish).

Özcan, A. 2022. İlteber Almış ve Egemenliğinin Dönüşüm Süreci In *3-7 Ekim 2022 XIX. Türk Tarih Kongresi Basılmış Bildiri*. Ankara: "TTK" Publ. (in Turkish).

Rorlich, A. 2000. Trans. Süreyya Er. *Volga Tatarları*. İstanbul: İletişim Yayınları (in Turkish).

Sattarova, L., İzmaylov, İ. 2002. İdil Bulgar Devleti'nde Sanat (X-XIII. Yüzyıllar) In Güzel, H. C. (ed.). *Türkler Ansiklopedisi,* Vol. 6, 43–54 (in Turkish).

Solmaz, S. 2018. *İbn Fazlan Seyahatnamesi'ne Göre İtil Bulgarları*. İstanbul: Çizgi Kitabevi (in Turkish).

Şeşen, R. 1975. *İbn Fazlan Seyahatnâmesi.* İstanbul (in Turkish).

Tagirov, İ. R. 2007. Trans. İ. Kamalov. İdil Bulgarları In *Avrasya Fatihi Tatarlar*, 35–62 (in Turkish).

Taşağıl, A. 2000. İdil Bulgar Hanlığı In *Diyanet İslam Ansiklopedisi* (21), 472–474 (in Turkish).

Tekin, T. 1988. *Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcası.* Ankara: "TDK" Publ. (in Turkish).

Temir, A. 1976. İdil-Ural ve Yöresi In *Türk Dünyası El-Kitabı* (1), 1251–1271 (in Turkish).

Togan, Z. 1939. *Ahmed ibn Fadlans Reisebericht*. Leipzig: Brockhaus (in Turkish).

Togan, Z. 1939a. *İbn Fadlan'ın Seyahatnamesi: Tenkidli Metin*. Ankara: TTK Yayınları (in Turkish).

Togan, Z. V. 1946. *Umumi Türk Tarihine Giriş. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar*. İstanbul: Hak Kitabevi (in Turkish).

Topsakal, İ. 2000. *X–XII. Asır İdil (Volga) Bulgarları Tarihi ve Medeniyeti*. Master Dissertation. İstanbul (in Turkish).

Topsakal, İ. 2018. *İdil Bulgarları ve İslamiyet*. İstanbul: Ötüken Yayınları (in Turkish).

Afet İnan, M. Tevfik, S. Rifat, Y. Akçura, R. Galip, H. Cemil. S. Maksudi (eds.). 1930. *Türk Tarihinin Ana Hatları*. İstanbul: İstanbul Devlet Matbaası (in Turkish).

Üren, U. 2023. Muhayyel Hanların Gölgesinde İtil Bulgarlarının Yükselişi In *İdil-Ural Araştırmaları Dergisi* 5 (2), 247–259 (in Turkish).

Üren, U. 2024. İtil Boylarında Rekabet: Bulgarlar ve Moğollar In *İdil-Ural Araştırmaları Dergisi*, 6 (2), 211–238 (in Turkish).

Valiulina, S. 2002. İdil Bulgarlarında Cam Sanatı In Güzel, H. C. (ed.). *Türkler Ansiklopedisi*. (6), 55–62 (in Turkish).

Yakubovskiy, A. J. 1952. Trans. A. İnan, IX. ve X. Asırlarda İtil ve Bulgar'ın Tarihi Topografisi Meselesine Dair In *Belleten,* 16 (62), 274–297 (in Turkish).

Yüce, N. 1992. Bulgar In *Diyanet İslam Ansiklopedisi* (6), 390–391 (in Turkish).

Zekiyev, M. 2002. Bolgar-Tatarların Etnogenezi ve Genel Gelişme Aşamaları In *Türkler Ansiklopedisi* (2), 425–442 (in Turkish).

Zorlu, E. 2022. *İdil Bulgar Türkçesi ve Çuvaş Türkçesi Üzerine Karşılaştırmalı Dil İncelemesi*. Master Dissertation. Elazığ (in Turkish).

Zufarova, A. G. 2019. *X–XIV. Yüzyıllarda İdil-Bulgar Hanlığı Mimarisi ve Sanatı*. Master Dissertation. İstanbul (in Turkish).

About the Author:

Meltem Akinci. Doctor of History. Antalya, Turkey; mltm.akinci@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-0807-1113.

Статья поступила в журнал 27.01.2026 г.
Статья принята к публикации 09.04.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.200.207

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ВОЛЖСКИХ ФИННОВ В РАБОТАХ А.Х. ХАЛИКОВА[1]

©2026 г. В.В. Ставицкий

Интерес к изучению этногенеза финно-угорских народов проявился у А.Х. Халикова в начале 1960-х годов, когда главной темой его исследований были памятника каменного и бронзового веков Среднего Поволжья. В ходе их исследований им была сформирована доброкачественная база археологических источников для изучения ранних этапов этногенеза. В основу исследования был положен ретроспективный метод, а за точку отсчета взята эпоха раннего железного века, когда территория Волго-Камья была занята населением ананьинской, городецкой и дьяковской культур, которые он считал финно-угорскими. Их происхождение он связывал с поздняковской и приказанской культурами, которые считал родственными. По его мнению, в их формировании принимало участи население волосовской культуры, ведущее свое происхождение от племен волго-камской неолитической культуры. Последующими исследованиями было установлено, что в генезисе поздняковской и приказанской культур основную роль сыграло срубное ираноязычное население, а происхождение волосовской культуры связано с носителями ямочно-гребенчатой керамики. Тем не менее, ряд высказанных А.Х. Халиковым положений, касающихся этногенеза волжских финнов, до сих пор сохранил свою актуальность.

Ключевые слова: археология, этногенез, волжские финны, каменный век, эпоха раннего железа, Волго-Камье, ананьинская культура, городецкая культура, древняя мордва, марийцы.

ISSUES OF ETHNIC GENESIS OF THE VOLGA FINNS IN THE STUDIES OF A.KH. KHALIKOV[2]

V.V. Stavitsky

A.Kh. Khalikov's interest in studying the ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples emerged in the early 1960s, when the main topic of his research was the Stone and Bronze Age sites of the Middle Volga region. In the course of their research, he formed a benign base of archaeological sources for the study of the early ethnogenesis stages. The study was based on the retrospective method, and the Early Iron Age was taken as a starting point, when the Volga-Kama territory was occupied by the population of the Ananyino, Gorodets and Dyakovo cultures, which he considered Finno-Ugric. He attributed their origin to the Pozdnyakovo and Kazan cultures, which he considered related. In his opinion, they were formed by the population of the Volosovo culture, which was descended from the tribes of the Volga-Kama Neolithic culture. Later researches established that the main role in the genesis of the Pozdnyakovo and Kazan cultures was played by the Srubnaya Iranian-speaking population, and that the origin of the Volosovo culture was connected with the bearers of dotted-and-combed ware. Nevertheless, a number of statements by A.Kh. Khalikov concerning the ethnogenesis of the Volga Finns still remain highly relevant.

Keywords: archaeology, ethnic genesis, Volga Finns, Stone Age, Early Iron Age, Volga-Kama region, Ananyino culture, Gorodets culture, the ancient Mordva people, the Mari people.

Изучение этногенеза финно-угорских народов по данным археологии было одним из основных направлений научной деятельности А.Х. Халикова. Этот факт нашел отражение в Большой российской энциклопедии, где говорится, что ему принадлежат основополагающие труды по археологии и этнокультурной истории финно-угорских и тюркских народов Восточной Европы (Большая российская энциклопедия…, 2017). Интерес к данной проблеме у Альфреда Хасановича проявился еще в тот период, когда главной темой его иссле-

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов».

[2] The work was fulfilled as a part of the Russian Science Foundation project No 25-28-20415 "Ethnic genesis of the peoples of the Middle Volga in the Migration Period".

дования являлись археологические памятники каменного и бронзового веков Среднего Поволжья, итоги изучения которых были подведены в монографии: «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья» (Халиков, 2011). Несмотря на утверждение редакторов этого издания, что монография представляет собой преимущественно историографический интерес, высокая степень её цитирования, зафиксированная сайтом Google.Академия, свидетельствует о сохранении актуальности ряда положений высказанных А.Х. Халиковым по вопросам этногенеза финно-угорских народов. В частности оживленные дискуссии среди исследователей по прежнему вызывают вопросы: о времени сложения прауральской языковой общности (Напольских, 1997), степени участия населения культуры ямочного-гребенчатой керамики в генезисе волосовских древностей и возможной финноязычной принадлежности их представителей (Никитин, 2017), о роли носителей займищенских древностей в формировании приказанской культуры (Лыганов, 2021). При этом к настоящему времени получены многочисленные новые материалы, анализ которых позволяет внести уточнение в ряд положений ранее обоснованных А.Х. Халиковым.

В 1977 г. в журнале «Советская археология» была опубликована критическая статья А.А. Формозова, в качестве одного из адресатов которой был указан и А.Х. Халиков. В статье говорилось, что стремление археологов издавать не столько факты и отчеты о раскопках, сколько исторические обобщения, защищать в качестве диссертаций не квалификацию материалов, а «главы древней истории» привело к опаснейшему явлению – подрыву источниковедческой базы наших исследований (Формозов, 1977, с.11). Однако данную критику по отношению к А.Х. Халикову нельзя признать справедливой. Поскольку 3/4 объема монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (Халиков, 1969) посвящено описанию фактов и классификации материалов, не считая того, что положенные в её основу памятники ранее были опубликованы в отдельной монографии и в ряде статей (Халиков, 1960). Следует также отметить, что достаточно обширная и доброкачественная база источников по первобытной археологии Среднего Поволжья была сформирована именно благодаря личным исследованиям А.Х. Халикова, что в итоге позволило приступить к решению проблемы ранних этапов этногенеза финно-угорских народов с опорой на конкретные археологические материалы. В основу исследования был положен ретроспективный метод, а за точку отсчета взята эпоха раннего железного века, когда обширную полосу леса и лесостепи Восточной Европы занимали две большие и родственные культурные общности. Прикамье и значительную часть Среднего Поволжья с востока заселяли племена ананьинской культуры, а западные районы вплоть до Прибалтики и Финляндии — племена городецко-дьяковской культурной общности. Носителей ананьинской культуры А.Х. Халиков рассматривал в качестве общих предков камских и пермских финнов (Халиков, 1967, с.11–13).

Не находя серьезных оснований для предположений о проникновении на рубеже бронзового и железного веков мощных групп монголоидного населения из Зауралья, А.Х. Халиков полагал, что происхождение ананьинской общности следует связывать с приказанской культурой, для носителей которой была характерна антропологическая неоднородность: преобладание монголоидных признаков на восточных памятниках и европеоидных на западных. Признание ведущей роли приказанского населения в генезисе ананьинской культуры, а поздняковского – в сложении городецко-дьяковской общности привело его к выводу об их финноязычности (Халиков, 1967, с.13–16). Приказанская культура была разделена А.Х. Халиковым на четыре этапа, а формирование памятников раннего займищенского этапа было связано с трансформацией волосовских древностей, испытавших на себе воздействие полтавкинских и срубных племен. Западная часть волосовских племен, по мнению А.Х. Халикова, приняла участие в сложении поздняковской культуры (Халиков, 1969, с.254–255).

В настоящие время займищенские памятники выделены в отдельный тип, дальнейшее развитие которого не связано с приказанскими древностями (Лыганов, 2021, с.494-508), а памятники более поздних этапов отнесены к маклашеевской культуре, генезис которой исследователи связывают с кругом предшествующих местных культур Волго-Камья и Приуралья (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с.603). Еще более радикально

изменились представления на роль поздняковских древностей в сложении городецкой культуры. Удельный вес степного (срубного) компонента в поздняковской культуре оказался значительно выше, нежели это считалось ранее, а волосовское население в этом процессе участия не принимало. К тому же территория распространения поздняковских памятников практически не выходила за пределы Среднего и Нижнего Поочья, следовательно, территория Верхнего Поволжья не входила в сферу их влияния (Ставицкий, Королев, 2021, с.509–521).

Обращаясь к изучению ранних этапов этногенеза финно-угорских народов, А.Х. Халиков исходил из предположения лингвистов о том, что их прародиной является территория Приуралья и Зауралья, откуда они впоследствии осуществляют миграцию в западном направлении. На основе корреляции лингвистических и археологических данных он пришел к выводу, что сложение уральской языковой общности относится к периоду раннего неолита, когда к востоку и западу от Урала существовали памятники с накольчато-прочерченной керамикой, западный ареал которых он связывал с волго-камской культурой. В эпоху развитого неолита, по его мнению, в результате миграции в Зауралье населения кельтминарской культуры происходит распад данной общности на самодийскую (зауральскую) и финно-угорскую. В энеолите на основе волосовско-турбинских древностей происходит обособление финноязычного населения, памятники которого помимо Волго-Камья распространяются на территорию Верхнего Поволжья (Халиков, 1969, с.383–385). Участие в данных процессах носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики А.Х. Халиковым отвергалось, поскольку он придерживался мнения, что на данной базе не вырастает ни одно археологическое образование, связанное с финно-угорскими древностями (Халиков, 1960).

Основные положения концепции А.Х. Халикова были приняты и скорректированы В.В. Напольских при разработке лингвистической модели ранних этапов финно-угорского этногенеза. По воссозданной им картине праязыкового экологического ареала, формирование прауральской общности происходило на территории Зауралья в эпоху раннего неолита (Напольских, 1997, с.125–126), тогда, как А.Х. Халиков полагал, что данные процессы протекали по обе стороны уральского хребта (Халиков, 1969, с.386). Формирование поволжских финнов, по мнению В.В. Напольских, шло в основном на базе племён создателей верхневолжского и волго-окского вариантов общности культур ложнотекстильной керамики, носители которой в раннем железном веке разделились на предковые культуры марийцев и мордвы (Напольских, 1997).

Предположение В.В. Напольских о локализации уральской праязыковой общности за Уральским хребтом требует пересмотра хронологии процессов её формирования. Поскольку на археологических источниках в эпоху раннего неолита не фиксируется заметных миграций зауральского населения на запад, даже если принять дискуссионную точку зрения о сложении керамических традиций камской культуры в результате влияния носителей памятников типа Ет-то (Выборнов, Ставицкий, 2021, с.327–328). Более аргументированным представляется формирование данной общности в эпоху мезолита. Поскольку именно существенное изменение природных условий, имевшее место в начале голоцена, стимулировало миграции древнего населения на территории, освободившиеся от ледникового щита. К эпохе неолита незаселенных территорий практически не осталось, кроме того, в результате перехода к сетевому и запорному рыболовству возросла степень оседлости населения лесной зоны. Подобные изменения привели к стабилизации этнокультурных процессов и автохтонные тенденции снова стали преобладать над миграционными. Следует отметить, что именно к началу мезолита формирование уральской языковой общинности относилось А.Х. Халиковым (Халиков, 1969, с.386).

Ключевым моментом в концепции раннего этногенеза финно-угорских народов А.Х. Халикова является признание факта единства гаринско-волосовской общности, возникшей в результате миграции камского населения на запад. Однако в неолитическое время население камской культуры не проникало в Поволжье западнее впадения в Волгу реки Суры (Выборнов и др., 2021, с.280, рис.1), следовательно, оно могло принять участие только в сложении волосовских древностей Марийского Поволжья. Однако и на данной территории памятники камской культуры

существенно уступают памятникам с ямочно-гребенчатой керамикой, носители которых сыграли главную роль в сложении протоволосовских (красномостовских) древностей (Никитин, 2017, с.33–34; Выборнов, Ставицкий, 2022, с.223). Более того, уже в эпоху раннего неолита устанавливается достаточно четкая и стабильная этнокультурная граница между населением Прикамья и Волго-Окского междуречья, что, вероятно, было связано с разницей их хозяйственно-культурных типов. Территория Прикамья относится к зоне таежных лесов, неолитическое население которых практиковало комплексное хозяйство с преобладанием охотничьего промысла. Волго-Окское междуречье входило в зону смешанных и широколиственных лесов, жители которых в большей степени были ориентированы на занятия рыбной ловлей. Причем подобное разграничение, основанное на преобладании присваивающих отраслей хозяйства, тесно связанных с определенными природно-ландшафтными условиями, сохранялось, по меньшей мере, до эпохи раннего железа, пока первое место в жизни населения данных регионов не заняло производящее хозяйство. А.Х. Халиковым приводится ряд примеров проникновения населения камской культуры на запад за пределы Прикамья (Халиков, 2011, с.21), однако все они приурочены к сравнительно слабо заселенной зоне таежных лесов и не затрагивают территории Волго-Окского междуречья (Карманов, 2021, с. 316, рис.1), то есть не выходят за пределы очерченной выше ландшафтной границы.

На Верхней Волге сложение волосовских древностей происходит в результате трансформации культуры ямочно-гребенчатой керамики, в орнаментации которой постепенно перестают использоваться ямочные вдавления, а гребенчатые оттиски становятся более разнообразными. Вероятно, в результате влияния южных культур изменяется технология приготовления глиняного теста и на смену минеральным примесям приходят органические. В итоге интеграции волосовские традиции получают распространение на той же территории зоны смешанных и широколиственных лесов, которая ранее была занята носителями ямочно-гребенчатой керамики. В эпоху бронзы на базе местных энеолитических культур происходит сложение культуры текстильной керамики, финноязычность населения которой признается большинством современных исследователей.

Формирование волжско-финской общности А.Х. Халиков относил к эпохе раннего железного века, когда, по его мнению, на основе западного массива памятников с «текстильной» керамикой происходит сложение дьяковской и городецкой культур (Халиков, 2011, с.38). Однако в образовании первоначального ядра дьяковско-городецкой общности существенную роль сыграли племена бондарихинской культуры, что привело к переходу к плоскодонным формам посуды, не характерным для культуры текстильной керамики, а также к распространению тычкового орнамента, присущего как раннедьяковским, так и ранегородецким сосудам (Ставицкий, 2018, с.336–343). Следует отметить, что последователи керамической школы А.А. Бобринского считают форму керамики более важным этнокультурным фактором, а орнаментацию относят к второстепенным, приспособительным навыкам. Сложение бондарихинской культуры происходило в лесостепной зоне на постсрубной (аким-сергеевской) основе, что предполагает ираноязычность её носителей (Ставицкий, 2021а).

Формирование древней мордвы А.Х. Халиков связывал с трансформацией городецкой культуры, испытавшей на себе влияние прикамских финнов, которое он усматривал в появление грунтовых могильников и распространении ряда украшений постананьинского облика (Халиков, 2011, с.53). Благодаря исследованиям Н.С. Мясникова стало ясно, что те материалы, которые исследователи относили к позднегородецким, не связаны своим происхождением с городецкими древностями. Территория Сурско-Свияжского междуречья не входила в основную зону распространения городецкой культуры, а находки позднегородецкой керамики с рогожным орнаментом вообще носят здесь эпизодический характер (Мясников, 2018). На подобную особенность местных материалов раннего железного века указывал и А.Х. Халиковым, отмечая их большую близость с керамикой дьяковской культуры (Халиков, 2011, с.51).

Прикамское влияние на формирование древней мордвы А.Х. Халиков связывал с носителями андреевско-писеральских древностей, вступивших в контакт с городецким населением. Однако между появлением на

территории Сурско-Свияжского междуречья андреевско-писеральских древностей и временем прекращения функционирования здесь городецких памятников фиксируется определенный хронологический разрыв, что сводит к минимуму возможность участия в древнемордовском генезисе городецких племен (Ставицкий, 2017; 2021б). Процесс распространения в указанном регионе плоскодонной неорнаментированной керамики низких пропорций, видимо, происходит на какой-то местной основе, типа носителей Чурачикского могильника, культура которого испытывает воздействие со стороны писеральско–андреевского населения. До недавнего времени генезис писеральско-андреевских древностей связывался с восточным влиянием. С.Э. Зубов усматривал его истоки на территории Зауралья (Зубов, 2018). Однако в последнее время сходные материалы были выявлены на территории Окско-Донского водораздела (Столяров, 2021), и пока не ясно, какие находки: западные или восточные, имеют хронологический приоритет? В «позднескифской» культуре Окско-Донского бассейна находят ряд аналогий и погребальные традиции писеральско-андреевского населения (Бугров, Мясников, 2018). В последнее время тезис А.Х. Халикова о влиянии прикамского населения на процесс сложения древнемордовской культуры получил подтверждение на материалах Сендимиркинского и Ражкинского могильников (Гришаков, 2005, с. 6–7; Гришаков, Мясников, 2022, с.241–250). С влиянием населения кара-абызской культуры, по нашему мнению, связано распространение в погребальной обрядности ряда раннемордовских могильников (Шемышейского, Ражкинского, Тезиковского) традиции ритуального нарушения костяков (Гришаков, 2005, с. 6–7). Кроме того, среди погребального инвентаря данных могильников встречаются характерные кара-абызские поясные накладки в виде противопоставленных голов грифонов (Красноперов, 2018, рис.22).

Генезис древнемарийских племен А.Х.мХаликов связывал с процессами вытеснения в Нижнее Посурье и Поветлужье дьяковско-городецкого населения, которое вступает здесь во взаимодействие с носителями акозинско-ахмыловских древностей, в результате чего происходит сложение азелинской прамарийской культуры. По его мнению, городецкий субстрат сыграл ведущую роль при сложении горных марийцев, а основу луговых марийцев составили азелинские и близкие им западные послеананьинские племена (Халиков, 2011, с.76–78). Впоследствии участие азелинских племен в формирование марийцев было оспорено Т.Б. Никитиной, по мнению которой сложение марийских племен происходило западнее территории их современного проживания, и было связано с памятниками Безводнинско-Ахмыловского круга. Появление носителей данных памятников на территории Вятско-Ветлужского междуречья было отнесено ко времени не ранее середины VI в., когда азелинское население в основном покинуло данную территорию, и поэтому практически не приняло участие в этногенезе марийцев (Никитина, 2002, с.173, 221). Однако по мнению И.Р. Ахмедова, в Младшем Ахмыловском могильнике есть рязано-окские фибулы, датируемые первой половиной V в. (Ахмедов, 2012). Временем не позднее рубежа V – VI вв. датируются ахмыловские погребения с сюльгамами с завернутыми в трубочку концами, не выступающими за пределы кольца (Ставицкий, 2016, с.94-95). Все это свидетельствует о том, что ряд погребений с азелинским и рязано-окским инвентарем был совершен на могильнике в одно и тоже время, следовательно имели место непосредственные контакты между их носителями. Данный факт подтверждается и наличием отдельных азелинских вещей в погребениях с инвентарем рязано-окского облика.

Таким образом несмотря на то, что с момента публикации основных положений Халиковской концепции этногенеза волжских финнов, прошло уже более 30 лет, за которые источниковая база существенно возросла, многие её положения до сих пор сохранили свою актуальность и приобрели дополнительную аргументацию.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. 2012. №. 3. С. 107–123.

Большая российская энциклопедия. Т.34. М., 2017. 799 с.

Бугров Д.Г., Мясников Н.С. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 314–335.

Выборнов А.А., Никитин В.В., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Ставицкий В.В., Березина Н.С., Андреев К.М., Морозов В.В. Волго-камская культура // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимовой. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.261–278.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Рецензия на монографию: Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2019. 632 с. // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 324–328.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы энеолита Среднего Поволжья, Прикамья и Зауралья (рец.: Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола, 2017. 765 с. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 222–229.

Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. педагогический институт, 2005. 95 с.

Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 241–250.

Зубов С.Э. История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 9–16.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.

Карманов В.Н. Памятники камской культуры в бассейне Вычегды // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.315–322.

Лыганов А.В. Памятники займищенского типа // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.494–508.

Мясников Н.С. В.Ф. Каховский и проблемы изучения памятников археологии раннего железного века и I тысячелетия н.э. в Чувашском Поволжье // Чувашская археология. Вып. 3 / Отв. ред. Н.С. Березина, Н.С. Мясников. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2018. С. 154–162.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. 257 с.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Ставицкий В.В. Хронология арочных шумящих подвесок с конями // Поволжская Археология. 2016. № 1(15). С. 90–101.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 244–258.

Ставицкий В.В. Рецензия на монографию в журнале: Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология евразийских степей. 2018. № 2. С. 7–289, 402 // Поволжская археология. 2018. № 3(25). С. 336–343.

Ставицкий В.В. Памятники аким-сергеевского типа // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021а. С.572–579.

Ставицкий В.В. Городецкая культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021б. С.313–338.

Ставицкий В.В., Королев А.И. Поздняковская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 509–521.

Столяров Е.В. Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // Поволжская археология. 2021. №. 1 (35). С. 131–147.

Формозов А.А. О критике источников в археологии // СА. 1977. №. 1. С. 5–14.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Материалы науч. конф. / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 9–36

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: изд-во Казан. ун–та, 2011. 336 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.601–637.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Akhmedov, I. R. 2012. In *Voiadzher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 3, 107–122 (in Russian).

2017. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Vol. 34. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ. (in Russian).

Bugrov, D.G., Myasnikov, N.S. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 314–335 (In Russian).

Vybornov, A.A., Nikitin, V.V., Lychagina, E.L., Gusentsova, T.M., Stavitsky, V.V., Berezina, N.S., Andreev, K.M., Morozov, V.V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Galimova, M.Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 261–278 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 324–328 (in Russian).

Vybornov, A.A., Stavitsky, V.V. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 57 (2), 222–229 (in Russian).

Grishakov, V.V. 2005. *Naselenie verhoviev Mokshi i Sury nakanune srednevekovya (Population of the upper part of the Moksha and Sura Rivers on the eve of the Middle Ages).* Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (**The Great Migration Period**)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 241–250 (in Russian).

Zubov, S. E. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 9–16 (in Russian).

Krasnopeorov, A.A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 56–86 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2021. In Sitdikov, A. G.; Galimova, M.Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 315–322 (in Russian).

Lyganov, A.V. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 494–508 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2018. In Berezina, N. S., Myasnikov, N. S. (eds.). *Chuvashskaia arkheologiia (Chuvash Archaeology)* 3. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 154–162 (in Russian).

Napolskikh, V. V. 1997. *Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku (Introduction to historical uralistics).* Izhevsk (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community).* Series: Arkheologiia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 90–101 (in Russian).

Stavitsky, V.V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 244–258 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 336–343 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 572–579 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 313–338 (in Russian).

Stavitsky, V. V., Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 509–521 (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 131–147 (in Russian).

Formozov, A. A. 1977. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 5–14 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) Vol. I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1967. In Arkhipov, G. A., Kazantsev, D. E. (eds.). *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People).* Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 9–36 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 12.08.2024 г.
Статья принята к публикации 09.10.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.208.225

СООРУЖЕНИЕ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИВОЛЖСКОМ РАЙОНЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

©2026 г. В.А. Сарапулкин, Д.С. Соловьев, В.Г. Бездудный, Р.Р. Валиев, А.И. Хазиев, А.Г. Ситдиков

До недавнего времени было известно три сооружения хазарского времени частично либо полностью построенные из обожженного кирпича – это Саркел, Семикаракорское и Красное городища. В результате работ 2024 года на поселение Малый Костюбе-1 в Приволжском районе Астраханской области был выявлен ещё один объект подобного рода. Раскопом были изучены четыре углубленные в материк «галереи» шириной 4,5–5,5 м и глубиной 0,6–09 м, расположенных паралельно друг другу на расстоянии 7–12 м. Длина «галерей», исходя из данных магнитометрии, составляет порядка 80 м. Внутри котлована обнаружены фрагменты кирпичных кладок, а также массивы бетонообразной массы состоящей из кирпичной крошки и извести, формировавшей верхнюю часть сооружений. Формат кирпича 32×32×6,5 см и 24×24×4,5 см. Кроме того, в заполнении объектов прослежено значительное количество известкового раствора. Датировка «галерей» предварительно проведена на основании планиграфических наблюдений (две траншеи частично перекрыты ямами X–XII вв.), находки тамгообразного знака, прочерченого на кирпиче, и наличию кирпича в культурных слоях расположенных неподалеку поселений хазарского времени.

Ключевые слова: археология, дельта р. Волга, салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, кирпичное сооружение, углубленные в материк траншеи.

A KHAZAR-PERIOD CONSTRUCTION IN PRIVOLZHSKY DISTRICT OF THE ASTRAKHAN REGION[2]

V.A. Sarapulkin, D.S. Solovyov, V.G. Bezdudny, R.R. Valiev, A.I. Khaziev, A.G. Sitdikov

Until recently, three structures of the Khazar period were known to be partially or completely built of burned bricks – these are Sarkel, Semikarakorsk and Krasnoe fortified settlements. As a result of the 2024 excavations at the Maly Kostyube-1 settlement in the Privolzhsky district of the Astrakhan region, another object of this kind was identified. Four "galleries" with a width of 4.5–-5.5 m and a depth of 0.6–09 m, located parallel to each other at a distance of 7–12 m, were excavated. The length of the "galleries", based on magnetometry data, is about 80 m. Fragments of brickwork were found in the trench, as well as arrays of a concrete-like mass consisting of brick grit and lime that formed the upper part of the structures. The brick size is 32×32×6.5 cm and 24×24×4.5 cm. In addition, a significant amount of lime mortar has been traced in the filling of objects. The dating of the "galleries" was previously carried out on the basis of planographic observations (two trenches has pits of the X–XII centuries), the discovery of a tamga-shaped sign drawn on brick and the presence of bricks in the cultural layers of nearby settlements of the Khazar period.

Keywords: archaeology, Volga River delta, Saltovo-Mayaki culture, Khazar Khaganate, brick structure, trenches deepened into the virgin soil.

На сегодняшний день, на территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры известно три объекта построенных с использованием обожженного кирпича. При этом, лишь Левобережное Цимлянское городище (Саркел) целиком сооружено из

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» Грант 25-27-00357. Климато-гидрологические события в период раннего средневековья (VI-X вв.) на территории дельты р. Волги.

[2] The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation project "Conducting basic scientific research and exploratory scientific research by small individual scientific groups" Grant 25-27-00357. Climatic and hydrological events in the early Middle Ages (VI-X centuries) in the Volga River delta.

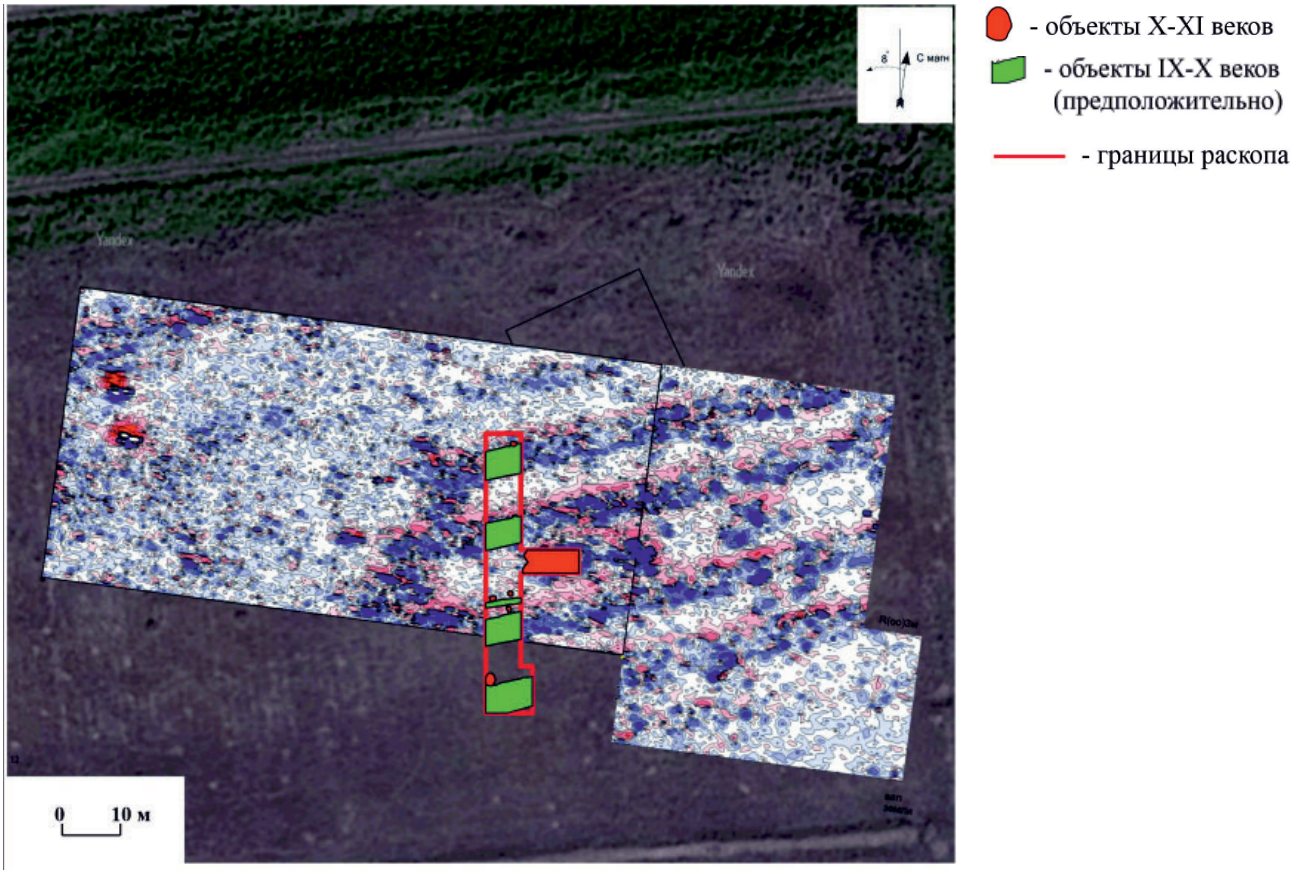

Рис. 1. Наложение раскопа 2024 года на результаты магнитометрии поверхности памятника. Съемка В.Г.Бездудного. 2023-2024 г.

Fig. 1. Overlay of the 2024 excavation area on the results of magnetometry of the site surface. Survey by V.G. Bezdudny. 2023-2024

данного материала (Раппопорт, 1959 с. 14), тогда как в конструкции Красного и Семикаракорского городищ обожженный кирпич играл явно второстепенную роль (Афанасьев, Красильников, 2012, с. 208; Флеров, 2020. с. 334). В 2023–2024 годах было выявлено и частично ракопано еще одно сооружение из обожженного кирпича, которое можно, с большой долей вероятности, отнести к хазарскому времени.

Поселение Малый Костюбе-1 выявлено В.А. Сарапулкиным в 2023 году. На современной поверхности памятника, помимо фрагментов керамики и костей животных, было зафиксировано крупное скопление битого кирпича и извести. Для определения происхождения данного скопления было заложено четыре шурфа, три из которых попали в углубленные в материк объекты, заполненные кирпичным ломом и известковым раствором. В одном шурфе удалось проследить борт котлована. В августе 2023 года сотрудником Института археологии Академии наук Республики Татарстан В.Г. Бездудным на памятнике проводились геофизические исследования – магнитометрическая съемка. В результате были зафиксированы аномалии, представляющие собой три полосы шириной от 4 до 6 м и длиной порядка 80 м, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад. В крайней, юго-западной, части линии упирались в ориентированную по линии северо-запад – юго-восток кривую. В пространстве между линиями также фиксировались пятна аномалий округлой формы (рис. 1).

Исходя из результатов археологической разведки и геомагнитной съемки было принято решение произвести раскопки памятника, целью которых являлось определение конструкции и хронологической позиции выявленных объектов, а также сопоставление данных геофизических исследований с археологическими реалиями. Работы проводились в июле-сентябре 2024 года археологической экспедицией Белгородского национального исследовательского университета совместно

с ООО «Археоцентр» и Институтом археологии АН РТ. Памятник расположен на территории Приволжского района Астраханской области. Он занимает участок аллювиальной равнины в междуречье крупных волжских проток рр. Болды и Кафтанки, в пространстве между ериками Дырыл-Деме и Акузек. Высота памятника над уровнем моря (в Балтийской системе высот) от -23,9 м до -24,2 м.

Раскоп прямоугольной формы, шириной 6 м и длиной 40 м был разбит в центральной части памятника, и с севера на юг прорезал полосы геомагнитных аномалий. Площадь раскопа, вместе с прирезками, составила 344 кв. м.

На большей части раскопа нематериковые напластования представлены пахотным слоем (мощность 0,30-0,35 м) – чёрным гумусированным суглинком с включениями кирпичной и известковой крошки, ниже которого залегал материк – желтый песок. Лишь в южной части раскопа, в пространстве между объектами №4 и №6, между горизонтом пахоты и материком фиксировалась прослойка тёмно-серого ила мощностью 0,15–0,2 м. Она не содержала находок, однако имела мелкие включения известковой крошки и кирпича. После снятия слоя ила на поверхности материка были обнаружены два фрагмента красноглиняной керамики.

В пахотном слое обнаружено 464 фрагмента круговых красноглиняных сосудов, 29 фрагментов лепных сосудов, 2 стенки сероглиняного сосуда покрытые прорезанными линиями, 318 костей млекопитающих.

После снятия пахотного слоя, на поверхности материка были зафиксированы пятна углубленных в материк объектов: четыре ориентированные по линии северо-восток – юго-запад траншеи шириной от 5 до 6 м с параллельными краями (объекты № 4, № 6, № 7, № 9); узкая иловатая полоса шириной 1 м (объект № 3), 5 круглых ям (объекты №№ 1–2, № 5, № 6а, № 9а), крупная яма округлых очертаний (объект № 8) (рис. 2).

Траншеи

Объект № 6 располагался в крайней южной части раскопа и представлял собой углубленную в материк траншею шириной 5,3-5,5 м, ориентированную по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (рис. 3: 1). Длина зафиксированного раскопом участка траншеи составила 8,3 м. Южная стенка составляла

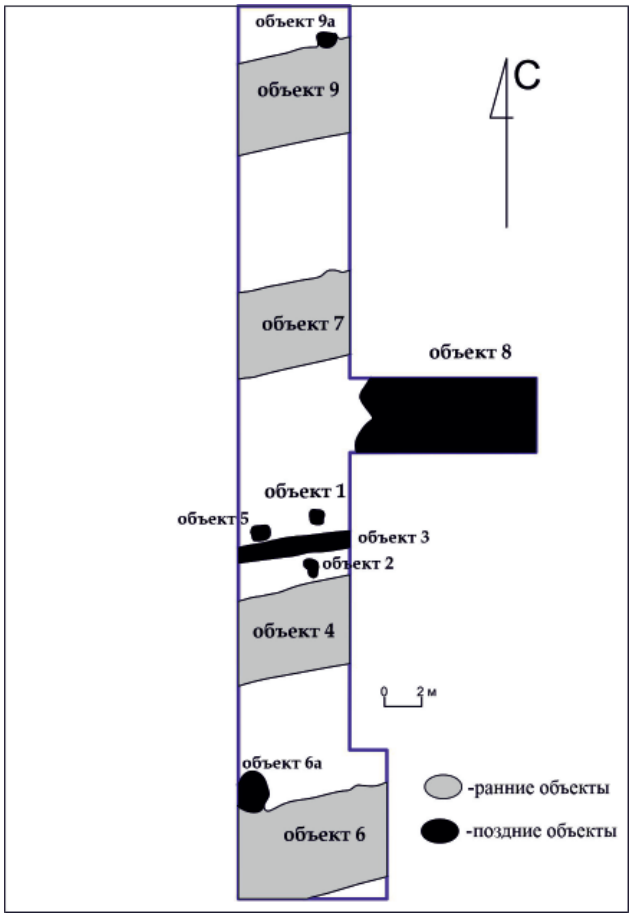

Рис. 2. План раскопа.
Fig. 2. Excavation plan.

в длину 4,4 м, северная – 7,1 м. Обе стенки параллельны друг другу. Глубина траншеи составляла 0,6–0,75 м. Заполнение объекта представляло собой известь с включениями фрагментов кирпича и кирпичной крошки. В южном борту нижняя часть заполнения имеет значительную примесь желтого песка, с хорошо заметными косонаправленными прослойками желтого песка (рис. 4: 1-2).

Археологический материал в заполнении объекта распределялся следующим образом: 0-0,2 м (от верхнего края объекта) 81 фрагмент красноглиняной круговой керамики, 8 фрагментов лепных сосудов, 157 костей млекопитающих; 0,2-0,4 м – 15 фрагментов красноглиняной круговой керамики; 2 фрагмента лепных сосудов, 149 костей млекопитающих; 0,4-0,6 – 14 фрагментов красноглиняной круговой керамики, 2 фрагмента лепных сосудов, 191 кость млекопитающих; 0,6-0,75 м – 25 фрагментов красноглиняной круговой керамики, 2 фрагмента лепных сосудов, 258 костей млекопитающих.

1.

2.

Рис. 3. Объект 6. 1 – вид с юго-запада; 2 - северная стена, вид с юго-востока.
Fig. 3. Object 6. 1 – view from the southwest; 2 – north wall, view from the southeast.

В процессе исследования заполнения было зафиксировано два скопления хаотично расположенных фрагментов кирпича. После окончательной расчистки были зафиксированы конструктивные особенности стен и дна.

Южная стенка вертикальная. Высота ее от уровня дна составляла 0,6–0,7 м. Фас стенки сформирован материковой поверхностью с включенными в него фрагментами извести и кирпича.

Северная стенка имела высоту 0,6-0,67 м. В центральной ее части зафиксирован продольный участок сохранившейся кирпичной кладки (рис. 3: 2; 4: 3). В северной части кладка разрушена круглой ямой (яма № 6а), в восточной – разобрана. Сохранившийся участок представлял собой стенку толщиной в один кирпич и высотой максимум 4 кирпича. Все кирпичи квадратной формы со стороной 32 см, толщиной 6-6,5 см. Кирпичи положены однорядным, с цепной перевязкой, способом, связующий раствор отсутсвовал, между кирпичами прослежены песчаные прослойки толщиной 0,7-1 см. Вертикальная поверх-

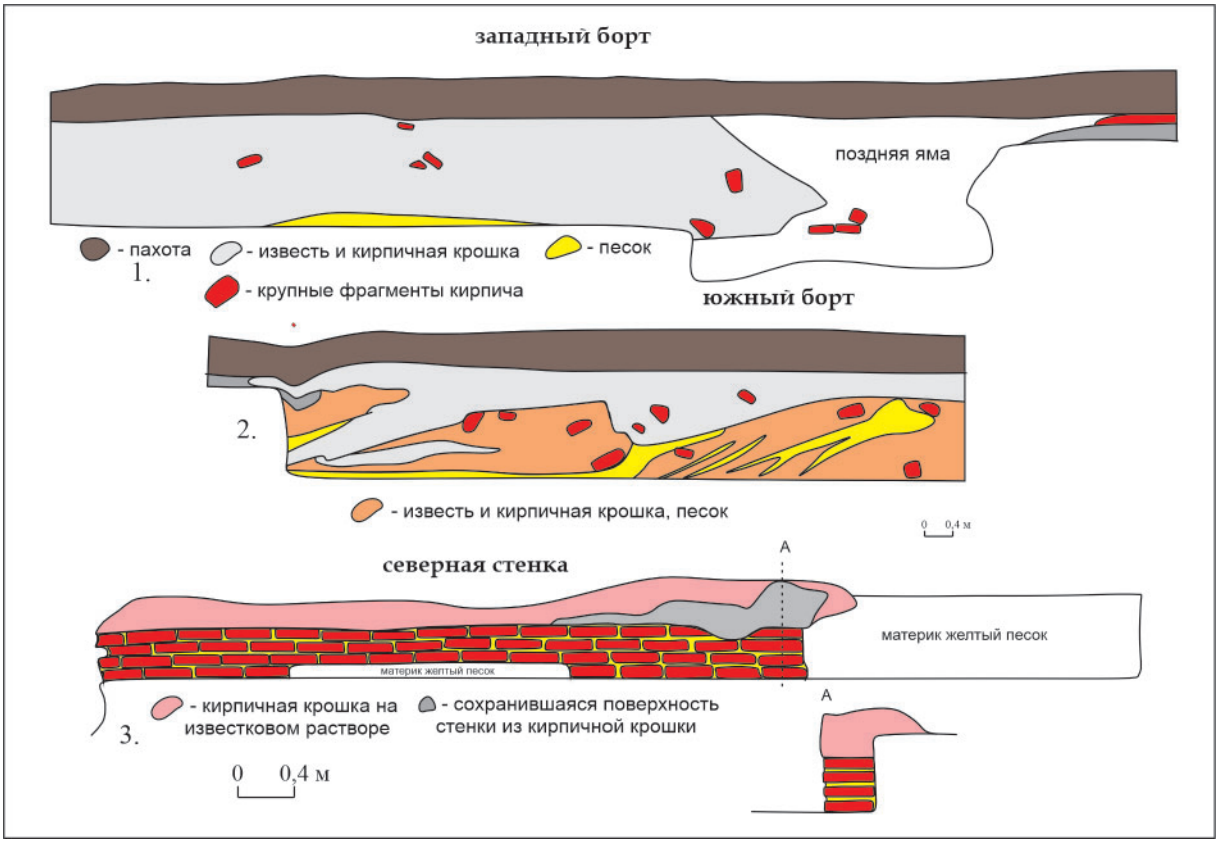

Рис. 4. Объект 6. 1-2 – разрезы объекта; 3 - фасировка стенки.
Fig. 4. Object 6. 1-2 – sections of the object; 3 - wall elevation.

ность кладки не ровная. В западной части нижние кирпичи выступают вперед по отношению к верхним. В восточной части, наоборот, верхние кирпичи нависают над нижним. Часть кирпичей отсутствует, у других, края, обращенные к центру объекта, обломаны, что свидетельствует в пользу того, что кладка разбиралась. Верхний ряд кирпичей перекрыт мощным образованием, сформированным из кирпичной крошки, скрепленной некой вяжущей субстанцией в бетонообразную массу. Размеры кирпичной фракции колеблется от 0,5 до 2 см. Массив имел высоту 0,2-0,25 м, ширину 0,3-0,35 м. Кирпичная крошка перекрывает край ямы, распространяясь в северном направлении, и возвышаясь над материком, за пределами траншеи на 0,2 м. В восточной части массива кирпичной крошки, с внутренней, стороны объекта удалось зафиксировать область, где поверхность была выровнена, формируя гладкую вертикальную стенку.

Объект имел ровное горизонтальное дно, сформированное песчаным материковым основанием. На его поверхности удалось зафиксировать два кирпича, ориентированные в одном направлении со стенками траншеи. Между ними прослежена неглубокая, 7 см яма овальной формы, размерами 0,2×0,3 м.

Объект №4 располагается в 6,8 м к северу от объекта № 6. Он представлял собой углубленную в материк траншею с параллельными стенками шириной от 4,5 до 4,6 м, глубиной 0,85-0,95 м, ориентированную по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (рис. 5: 1). Длина зафиксированной части объекта составила 6,1 м. Заполнение объекта фиксировалось по западному и восточному бортам. Восточный профиль объекта выглядел следующим образом: под пахотным слоем мощностью 0,3 м располагалось заполнение, сформированное известковой крошкой и фрагментами кирпича (рис. 6: 1). В северной части объекта зафиксирован падающий от верхнего края стенки ко дну массив желтого песка с примесью кирпича. Стратиграфия западного борта сформирована желтым песком с примесью кирпичной крошки (рис. 6: 2). Каких-либо линз и включений не зафиксировано.

Рис. 5. Объект 4. 1 – вид с юго-запада; 2 – участок северной стены; 3-4 – яма в южной стене.
Fig. 5. Object 4. 1 – view from the southwest; 2 – part of the north wall; 3-4 – pit in the south wall.

В заполнении объекта обнаружено пряслице, выточенное из стенки красноглиняного сосуда а также значительное количество керамики и костей животных, распределенных по глубине следующим образом: 0–0,2 м – 34 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 474 фрагмента костей млекопитающих; 0,2–0,4 м – 23 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 217 фрагментов костей млекопитающих; 0,4-0,6 м – 8 фрагментов красноглиняных круговых сосудов, 215 фрагментов костей млекопитающих, 0,6-0,8 м – 16 фрагментов красноглиняных круговых сосудов, 1 фрагмент лепного сосуда, 190 фрагментов костей млекопитающих; 0,8–0,9 м – 13 фрагментов красноглиняных круговых сосудов, 132 фрагмента костей млекопитающих.

После окончательной расчистки были зафиксированы конструктивные особенности стен и дна.

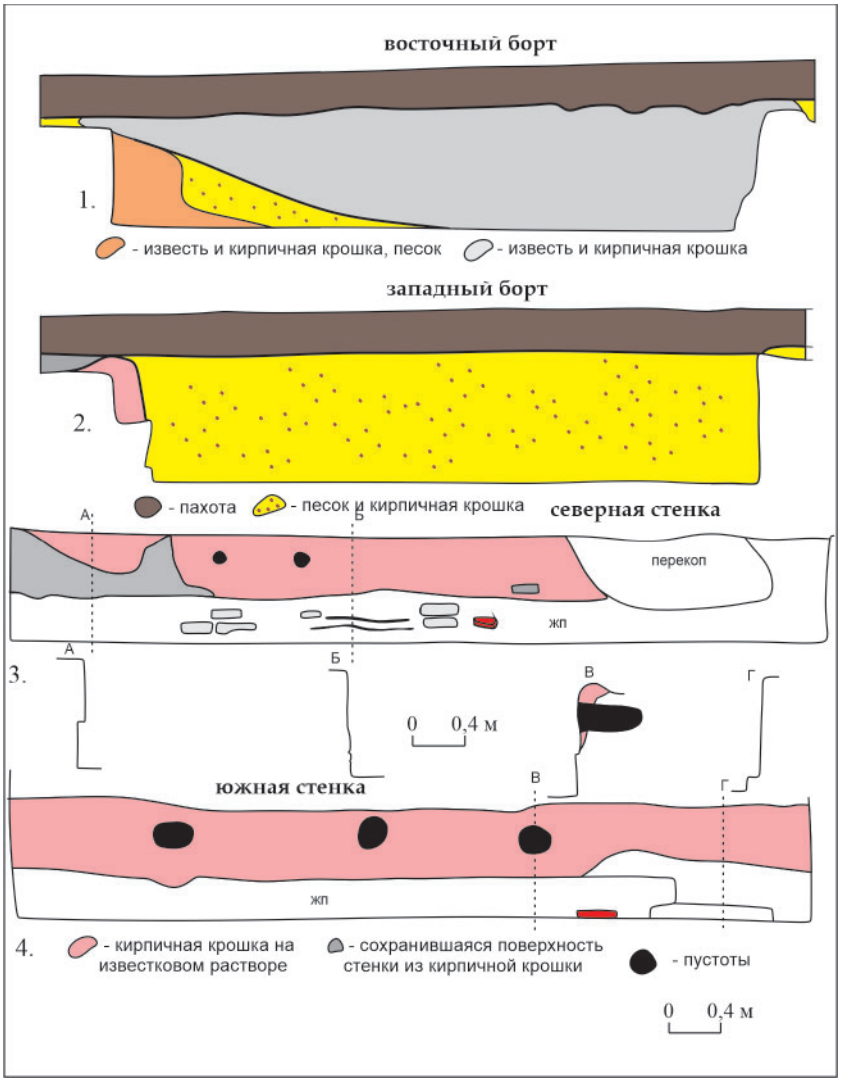

Рис. 6. Объект 4. 1-2 – разрезы объекта; 3-4 - фасировка стенок.
Fig. 6. Object 4. 1-2 – sections of the object; 3-4 – wall elevation.

Южная стенка зафиксирована на длину 6,17 м (рис. 6: 4). Верхняя ее часть сформирована массивом кирпичной крошки наглубину 0,55 м от верхнего края траншеи. В центральной части стенки, у дна, зафиксирована небольшая ступенька высотой 0,1 м и длиной 0,95 м. На дне ямы к стенке примыкал фрагмент кирпича. Ниже горизонта кирпичной крошки фиксировался небольшой, 1-2 см, выступ сформированный желтым материковым песком на высоту 0,3-0,32 м от уровня дна. В верхней части стенки, в массиве кирпичной крошки, зафиксировано три горизонтальных отверстия овальной формы, заполненные желтым песком (рис. 5: 3-4). Размеры их 0,3×0,2 м, 0,2×0,25 м, глубина отверстий составила до 0,5 м, в той части в которой их удалось изучить. К сожалению, заполнение отверстий желтым песком не всегда позволял отличить его от материк, поэтому была выбрана лишь та часть заполнения, в которой явно фиксировались следы антропогенного вмешательства в виде включений известковой крошки.

Северная стенка прослежена на длину 6,2 м (рис. 6: 3). Высота ее составила 0,82-0,9 м. Восточная часть повреждена поздним перекопом. Сохранившаяся часть, длиной 4,5 м, представляла собой вертикальную стенку с сохранившимися конструктивными элементами. На глубину 0,45-0,47 м от верхнего края траншеи стенка была сформирована кирпичной крошкой, скрепленной неким вяжушим составом до бетонообразного состояния. В крайней западной части стенки зафиксирован участок с выровненной заглаженной поверхностью, формирующей вертикальную стенку (рис. 5: 2). Длина его 1,53 м, высота от

Рис. 7. Объект 7. 1 – вид с юго-запада; 2 – участок северной стены; 3 – участок южной стены; 4 – кирпичная крошка на известковом растворе.
Fig. 7. Object 7. 1 – view from the southwest; 2 – part of the north wall; 3 – part of the south wall; 4 – brick chips on lime mortar.

0,1 до 0,48 м. В центральной части, в пределах квадратов расчищены два отверстия, заполненные желтым песком, представляющие собой горизонтальные углубления диаметром 0,1 м и 0,12 м расположенных на глубине 0,15 м от верхнего края ямы. Расстояние между отверстиями 0,5 м. Ниже участка стены сформированного кирпичной крошкой располагалась ниша, на поверхности которой фиксируются отпечатки торцевых сторон кирпича (рис. 5: 2). Помимо этого, в центральной части северной стенки, на высоте 0,1-0,15 м от дна ямы прослежены две узкие борозды шириной 2 см, длиной 0,78 м, в южной части ямы. Дно ямы плоское.

Объект №7 располагался в 11,6 м к северу от объекта №4. Он представлял собой углубленную в материк траншею шириной 4,55 м и длиной в изученной своей части 6,2 м. Глубина траншеи 0,8-0,9 м. Стенки траншеи параллельны (рис. 7: 1). Стратиграфия объекта фиксировалась по восточному и западно-

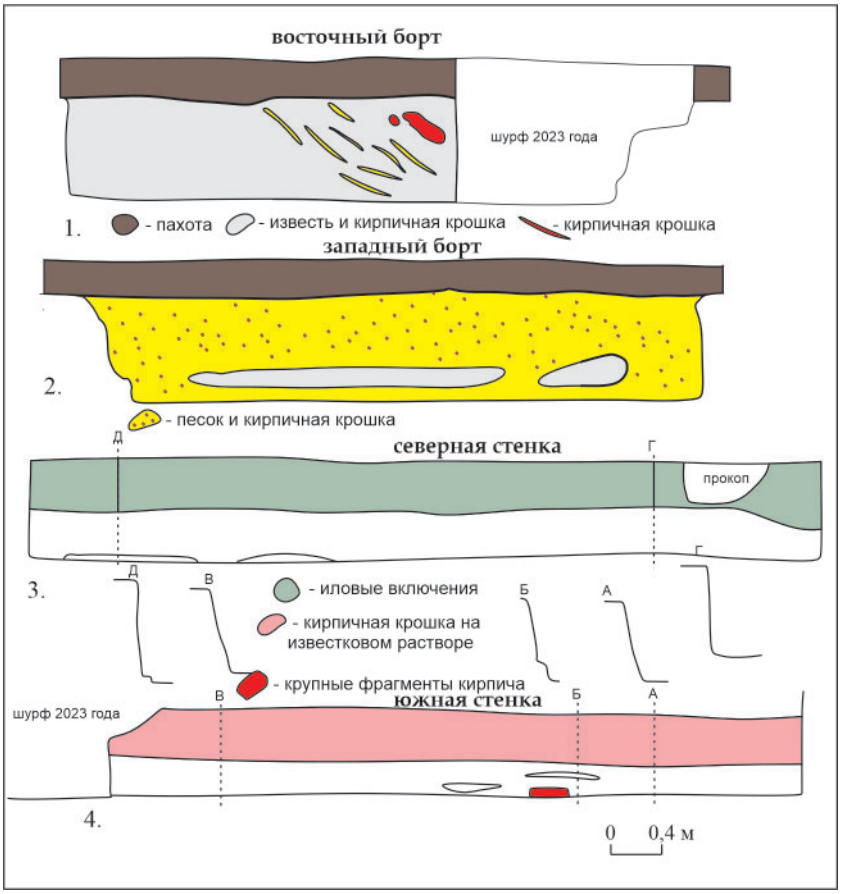

Рис. 8. Объект 8. 1-2 – разрезы объекта; 4-4 – фасировка стенок.
Fig. 8. Object 8. 1-2 – sections of the object; 4-4 – wall elevation.

му бортам. В восточном профиле заполнение представлено известковой крошкой с включениями крупного кирпича, в южной его части фиксирутся узкие песчаные линзы, толщиной 0,02 м длиной 0,3-0,4 м. Линзы направлены под углом 45 градусов ко дну с севера на юг (рис. 8: 1). В западном профиле стратиграфия сформирована желтым песком с включениями кирпича мощностью 0,8-0,9 м. На высоте 0,12 м, от дна в центральной части профиля фиксируется линза известковой крошки и кирпича длиной 2,5 м и толщиной 0,15 м (рис. 8: 2).

Находки в толще заполнения распределялись следующим образом: 0-0,2 м – 3 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 1 фрагмент лепного сосуда, 29 фрагментов костей млекопитающих; 0,2-0,4 м – 2 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 2 фрагмента лепных сосудов, 10 фрагментов костей млекопитающих; 0,4-0,6 м – 2 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 1 фрагмент лепного сосуда, 17 фрагментов костей млекопитающих; 0,6-0,8 м – 3 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 2 фрагмента лепных сосудов, 43 фрагмента костей млекопитающих.

После окончательной расчистки были зафиксированы конструктивные особенности стен и дна.

Северная стенка имела длину 6,2 м, высоту 0,82-0,77 м (рис. 8: 3). Стена вертикальная, в верхней своей части на глубину 0,4 м от края сложена напитанной илом супесью, ниже которой поверхность представлена желтым материковым песком (рис. 7: 2). В западной части стены, у дна прослежены небольшие ступеньки высотой 0,05 см, выступающие из стены на 0,05 м. Каких-либо конструктивных деталей антропогенного происхождения на поверхности не прослежено.

Южная стенка, в восточной части частично разрушена разведочным шурфом № 19 заложеном в 2023 году и фиксировалась на длину 5,45 м (рис. 8: 4). Стена вертикальная. Верхняя часть на глубину 0,4 м сформирована бетонообразным раствором состоящим из кирпичной крошкой и извести (рис. 7: 4). Данный горизонт насыщен иловатыми отложения-

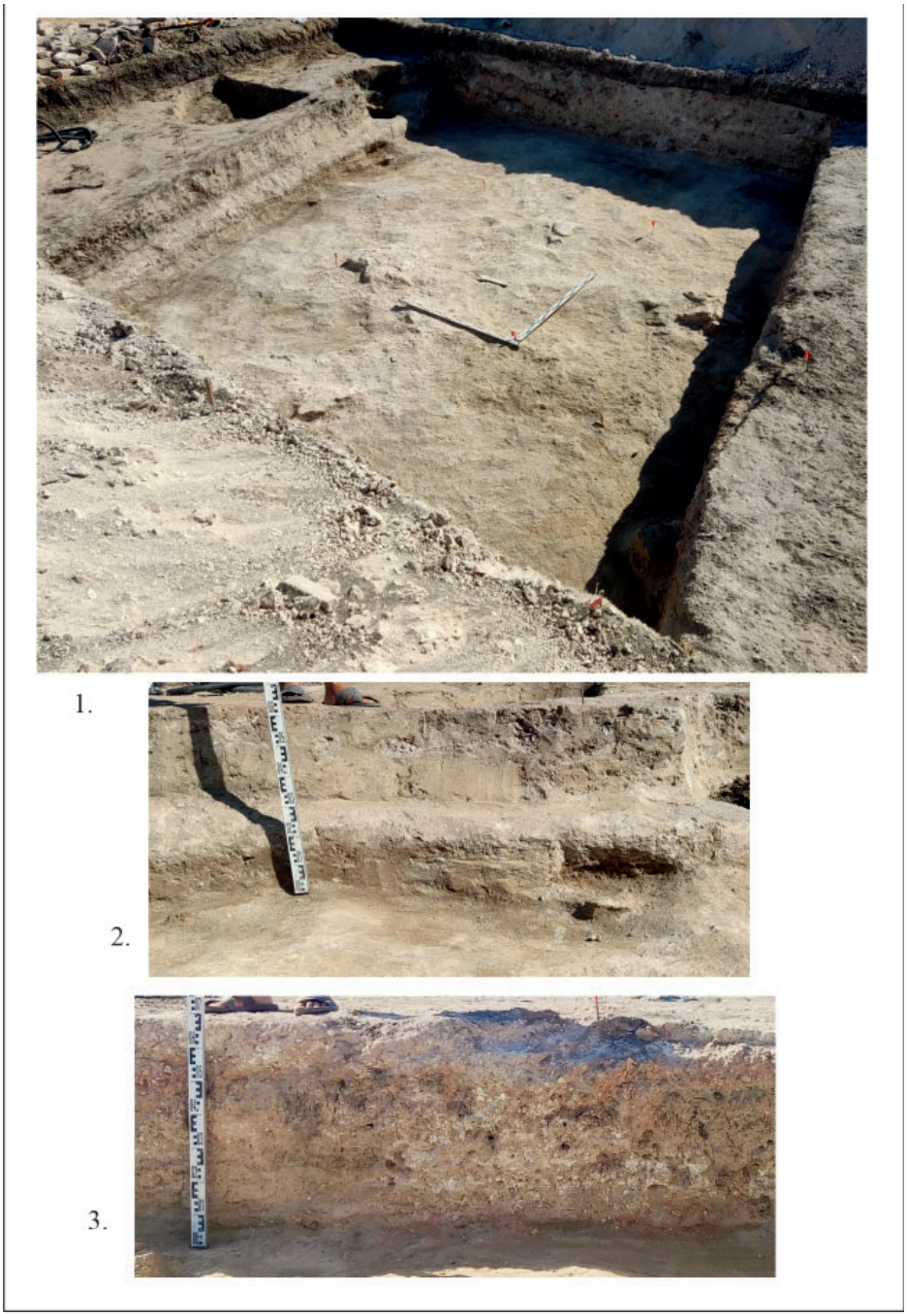

Рис. 9. Объект 9. 1 – вид с юго-запада; 2 – участок северной стены; 3 – участок южной стены.
Fig. 9. Object 9. 1 – view from the southwest; 2 – part of the north wall; 3 – part of the south wall.

ми. Ниже поверхность представляла собой желтый песок. В данной части южная стенка имеет небольшой наклон внутрь, разницу с верхом ямы составляет 0,05 м. У дна зафиксирован кирпич, ориентированный аналогично стенкам траншеи. На высоте 0,2–0,3 м от дна прослежено две горизонтальные борозды шириной 0,05 м и длиной 0,5–0,6 м. Поверхность стенки покрыта известковыми натеками (рис. 7: 3).

Дно объекта ровное, в центральной части, на поверхности дна располагалась полоска гумусированного суглинка длиной 1,7 м шириной 0,05 м, ориентированная строго перпендикулярно стенкам траншеи.

Объект № 9 располагался в 7,2 м к северу от объекта № 7. Объект представлял собой траншею с параллельными стенками, ориентированную по линии восток-север-восток – запад-юго-запад, ширина его составляла 4,8 м,

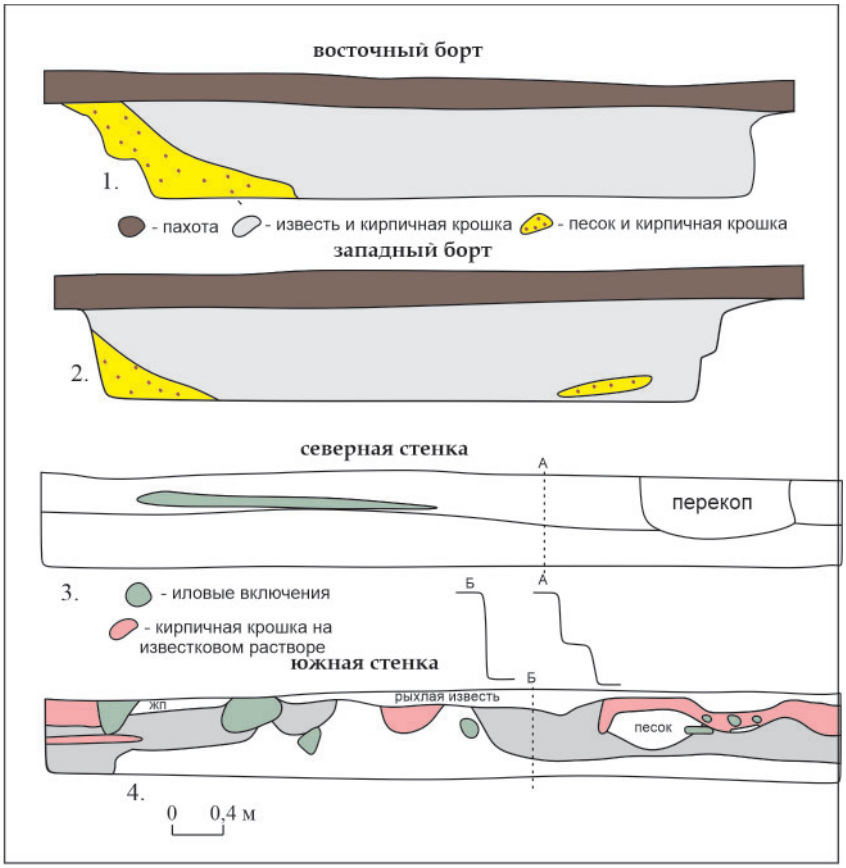

Рис. 10. Объект 9. 1-2 – разрезы объекта; 3-4 – фасировка стенок.
Fig. 10. Object 9. 1-2 – sections of the object; 3-4 – wall elevation.

длина изученной части 6,2 м, глубина траншеи – 0,8–0,95 м (рис. 9: 1). Заполнение объекта изучено по восточному и западному бортам. Стратиграфия восточного борта, в большей своей части, сформировано известковой крошкой с включениями кирпича. В северной части объекта, прослежена ниспадающая линза известковой крошки с примесью черного суглинка толщиной 0,15 м. Верхняя часть линзы фиксируется в месте соприкосновения заполнения ямы с пахотным слоем, нижняя – на высоте 0,4 м от дна ямы. Северная стенка и часть дна перекрыты наплывом желтого песка с примесью кирпича, который в своем максимуме, у края ямы, имел толщину в 0,4 м, у дна – 0,1 м (рис. 10: 1). Западный профиль также демонстрирует заполнение известковой крошкой с примесью крупных фрагментов кирпича. В южном и северном углах профилей от стенок отходили крупные области распространения желтого песка с включениями кирпича и извести. Причем в северной области, внутри, фиксировалась линза извести и кирпича. Мощность наплывов желтого песка с кирпичом и известью в северной части составляла 0,35 м, в южной – 0,45 м. Эти наплывы отходили от верха стенок и сходили на нет у дна (рис. 10: 2).

После окончательной расчистки были зафиксированы конструктивные особенности стен и дна.

Северная стенка изучена на протяжении 6,25 м (рис. 10: 3). Высота ее составила 0,90–0,85 м. Восточная часть стенки частично разрушена круглой, в плане, ямой (объект № 9а). Стенка вырублена в материковом песке. На высоте 0,4 м от поверхности зафиксирована ступенька шириной 0,2 м, ниже ступеньки поверхность стенки имеет уклон к центру траншеи. В верхней части стенки зафиксировано включение в материковую толщу иловатой линзы, длиной 2,2 м толщиной 0,1 м, расположенной на высоте 0,15–0,30 м от верхнего края ямы (рис. 9: 2).

Южная стенка изучена на длину 6,2 м (рис. 10: 4). Высота ее колебалась в пределах 0,62–0,75 м. Стенка имела вертикальную поверхность. В верхней части на большем ее протяжении фиксируется горизонт рыхлой извести мощностью до 0,15 м. Под ним, в край-

них западных и восточных частях, фиксируется область распространения кирпичной крошки. Кроме того, на верхней части поверхности стенки фиксируются обширные области включения иловатых масс в материковую основу. Нижняя часть стенки на большем протяжении сформирована желтым материковым песком. Поверхность также покрыта обширными областями известковых натеков, с включениями известковых фрагментов (рис. 9: 3).

Дно объекта ровное. На его поверхности прослежены отдельные фрагменты кирпича, находившиеся в переотложенном состоянии.

Остальные объекты представляли собой: углубленную в материк канавку шириной 1 м глубиной 0,3 м, заполненную серым илом (объект № 3); круглые, в плане, ямы диаметром 0,7–1 м, глубиной от 0,3 до 1,2 м, заполненные серым суглинком, содержавшим значительное количество крупных фрагментов кирпича, красноглинянную и лепную керамику, а также кости животных (объекты №№ 1-2, № 5, № 6а, № 9а). Две ямы № 6а и № 9а – прорезали стенки объектов № 6 и № 9. Кроме того, в прирезке, примыкавшей к центральной части раскопа с востока, прослежен крупный котлован (диаметр не менее 4 м) сооружения округлой формы, заполненного серым суглинком. В западной части котлована расчищен завал фрагментированного кирпича, возможно, сформировавшийся в результате обрушения стенки сооружения.

Находки

Индивидуальные находки немногочисленны. К ним относятся наконечник дротика из объекта № 9 (рис. 11: 1), два железных кольца из объекта № 6А и железный гвоздь из объекта № 8, глиняное пряслице, выточенное из стенки красноглиняного сосуда, орнаментированного вертикальными пролощенными полосами из объекта № 4 (рис. 11: 3).

Поливная керамика представлена шестью предметами. Наибольший интерес представляет красноглиняный, покрытый коричневой поливой венчик с уплощенным краем, имеющий поясок в районе устья и украшенный по горлу круглыми медальонами, внутри которых расположен крест с четырьмя точками по сторонам (рис. 11: 4) и фрагмент тарелки с двусторонней полихромной росписью, где внутри клеток, сформированных решеткой нанесенной коричневой краской, располагались черные и красные точки (рис. 11: 2). Оба предмета происходят из объекта №8.

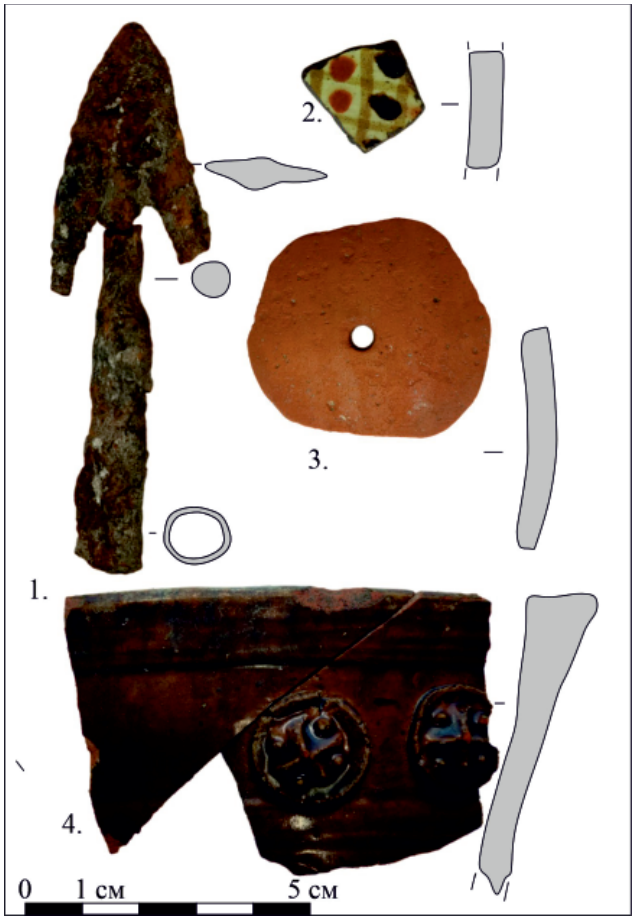

Рис. 11. Находки. 1 – наконечник дротика; 2, 4 – поливная керамика; 3 – прясло.
Fig. 11. Finds. 1 – dart tip; 2, 4 – glazed pottery; 3 – spindle whorl.

Наиболее многочисленной категорией археологического материала являлись фрагменты **красноглиняных круговых сосудов** (1118 экз.). Практически все они тонкостенные, 6-8 мм толщиной. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении фрагментов можно предположить, что они представлены частями небольших кувшинчиков с утолщением по венчику (рис. 12: 1), а также кружек с широким, до 12 см в диаметре, горлом, имевшим по краю утолщение и орнаментированные волнистым орнаментом (рис. 12: 3). К этой же категории находок относятся фрагменты горшков с сильно отогнутым венчиком (рис. 12: 4) и фрагмент узкого (3 см в диаметре) горла, имевший в основании валикообразное утолщение (рис. 12: 2).

Лепная керамика (173 экз.) представлена сосудами, изготовленными из глины со значительным включением травянистой органики.

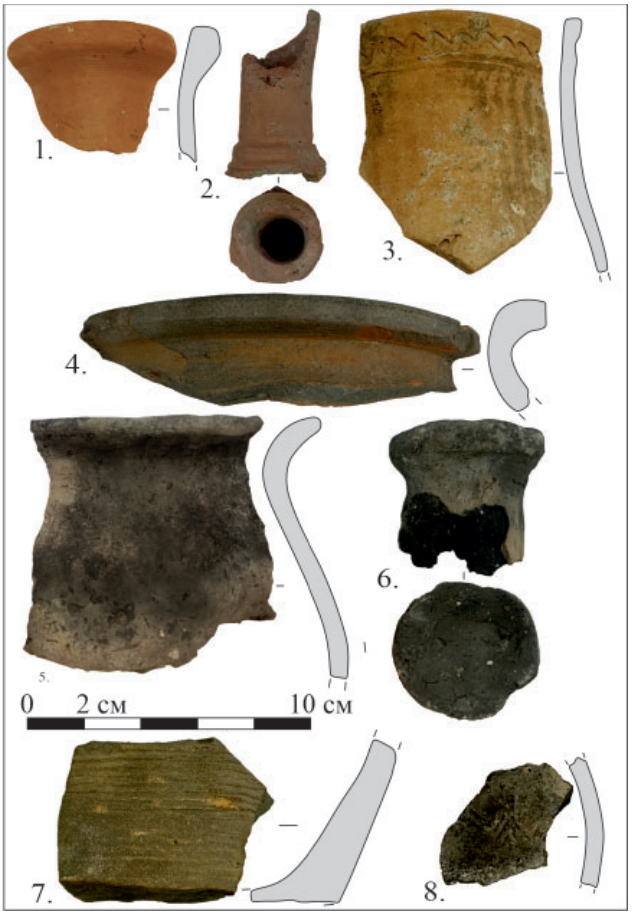

Рис. 12. Керамика. 1-4 – красноглиняная круговая керамика; 5-6 – лепная керамика; 7-8 – керамика салтово-маяцкого облика.
Fig. 12. Pottery. 1-4 – wheel-made red clay pottery; 5-6 – hand-made pottery; 7-8 – Saltovo-Mayaki-type pottery.

Большинство находок представлены стенками либо венчиками горшков. Единственный крупный фрагмент венчика позволяет говорить о том, что эти сосуды имели яйцевидное тулово и слабо отогнутый венчик (рис. 12: 5). Часть венчиков орнаментирована насечкой и пальцевыми вдавлениями по краю. Кроме того, единственными экземплярами представлены фрагменты двух крышек: пестикообразная ручка тандырной крышки (рис. 12: 6), и фрагмент крышки, орнаментированный по краю насечкой.

К числу сосудов, имеющих аналогии в материалах **салтово-маяцкой культуры**, следует отнести фрагмент лепного горшка, украшенный по плечику трехрядной волной (рис. 12: 8), и фрагмент придонной части кругового сосуда, орнаментированный линейным орнаментом (рис. 12: 7). Оба сосуда сформованы из глины с примесью мелкого песка. Кроме того, некоторое сходство с керамикой хазарского времени имеют два фрагмента краслоглиняных сосудов, орнаментированных волнистым орнаментом. Незначительное количество фрагментов керамики (12 экз.) представлено стенками круговых желтоглиняных сосудов, изготовленными из глины с примесью остроугольной минеральной фракции красного и белого цвета.

Кроме того, обнаружено 9389 костей млекопитающих и 1 кость рыбы, большая часть из которых происходит из объекта № 8.

Кирпичи

Всего в раскопе зафиксировано 5 целых кирпичей (рис 13: 3) квадратной формы (в это число не вошли кирпичи, обнаруженные в положении in situ, в виду того, что кладки не разбирались и кирпичи в них не учтены): четыре кирпича со стороной 32–32,5 см и толщиной 6,5–7,5 см (колебания измерений в пределах 1 см обусловлено неровными краями), один кирпич со стороной 24 см и толщиной 4,5 см. Также встречены фрагменты прямоугольных кирпичей шириной 16-17 см и толщиной 6,5 см, длина не установлена.

Хронологическая атрибуция выявленного материала

Большая часть находок, обнаруженных при раскопках памятника, формирует достаточно выразительный комплекс, состоящий из красноглиняной круговой тонкостенной керамики и лепных сосудов с примесью органики в тесте. Хронологическая позиция этой группы находок маркируется фрагментом сосуда из объекта № 8, украшенного решеткой с расположенными внутри нее точками, который имеет близкие аналогии с керамикой Хорезма X-XI в.в. Глазурированная чаша с подобной орнаментацией подглазурной росписью и свинцовой поливой известна на городище Замахшар (Вактурская, 1959, с. 288–290). Собственно, красноглиняная и лепная посуда близка находкам из слоев XI-XII вв городища Самосделка. (Попов, 2011, с. 60, 65, 66, 75–76). Наконечник из объекта № 9 относится к типу втульчатых двушипных, имевших широкие хронологические рамки с VIII по XIII века (Медведев, 1966, с. 56).

Несколько выделяются из общей картины немногочисленные фрагменты керамики, имеющие аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. Это стенка лепного

горшка, орнаментированного трехрядной волной, фрагмент кругового сероглиняного сосуда, украшенного линейно-волнистым орнаментом, два фрагмента красноглиняных толстостенных сосуда, орнаментированных многорядным волнистым орнаментом, и желтоглиняные круговые черепки с примесью остроугольной белой и красной минеральной фракции. Эти материалы имеют аналогии на поселении Малый Костюбе-2, расположенном в двух километрах к западу от исследованного памятника. В материалах Малой Костюбе-2 все указанные категории присутствуют в рамках одного объекта, дополняясь типичными для салтово-маяцкой культуры крупными тарными сосудами с ложновитым венчиком. Таким образом, верхний горизонт памятника может быть датирован концом X-XI веками или шире, домонгольским временем. Немногочисленные фрагменты керамики, имеющие аналогии в древностях хазарского времени, видимо можно отнести к предшествующему периоду – первой половине X либо концу IX веков.

Датировка объектов

Имеющиеся материалы позволяют достаточно точно датировать два объекта – объект №5, в заполнении которого содержался фрагмент днища кашиного сосуда и, объект №8, в заполнении которого присутствовало значительное количество поливной керамики, в том числе и упоминавшийся выше фрагмент, имеющий аналогии в материалах Средней Азии X–XI века. Вероятно, остальные круглые ямы объекты № 1, № 2, № 6а и № 9а также более-менее синхронны, объектам № 8 и № 5, о чем свидетельствует схожий характер заполнения. Также, в пользу поздней хронологической позиции круглых ям свидетельствует то, что в их заполнении прослежено огромное количество вторичного кирпича, который был получен, вероятно, в результате разбора конструкций в объектах № 4, № 6, № 7 и № 9.

Относительно углубленных в материк траншей (объектов № 4, № 7, № 9 и № 6), можно сказать лишь то, что их хронологическая позиция более ранняя по отношению к круглым ямам. Об этом свидетельствует тот факт, что объекты №9а и №6а перекрывают объекты №6 и №9, частично разрушая их. Отметим, что находки, обнаруженные в заполнении углубленных в материк траншей, в принципе аналогичны находкам из круглых

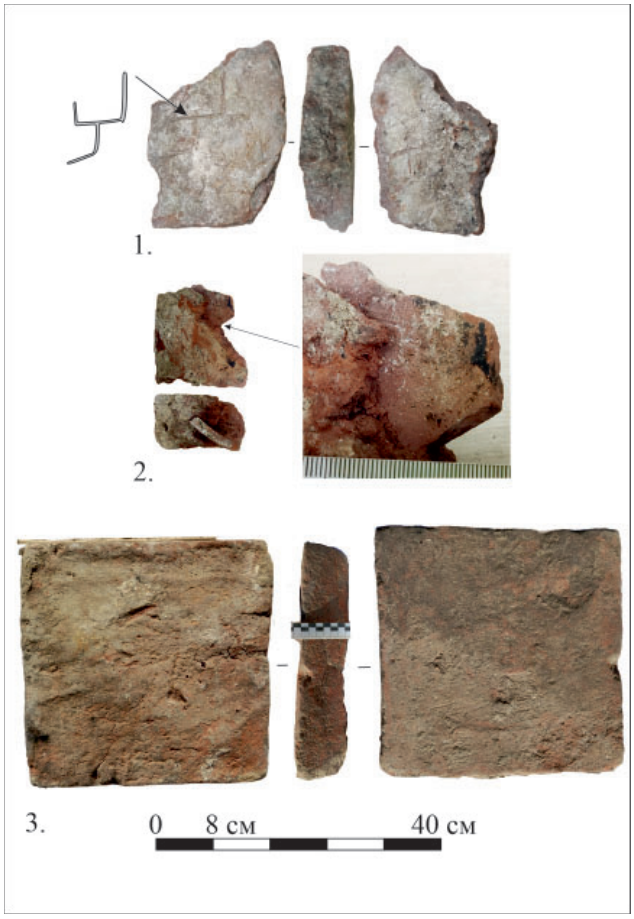

Рис. 13. Кирпичи. 1 – фрагмент кирпича с тамгообразным знаком; 2 – фрагмент кирпича со стенкой керамического сосуда в составе формовочной массы; 3 – кирпич.

Fig. 13. Bricks. 1 – fragment of a brick with a tamga-shaped sign; 2 – fragment of a brick with the wall of a ceramic vessel as part of a molding clay; 3 – brick.

ям, что можно объяснить их попаданим в заполнение объектов в процессе их археологизации. Хронологических маркеров времени сооружения объектов в нашем распоряжении не много. Исключением является фрагмент керамики, обнаруженный в куске кирпича из объекта № 4 (рис. 13: 2) и тамгообразное изображение на поверхности одного из фрагментов кирпичей (рис. 13: 1). Фрагмент керамики, подвергшийся вторичному обжигу, мало информативен. Можно лишь с уверенностью сказать, что он изготовлен из местных глин и является частью некоего толстостенного кругового сосуда. Подобные сосуды встречаются и в материалах X–XI веков, и в более ранних горизонтах. Тамгообразное изображение – двузубец с изогнутой ножкой имеет близкие аналогии в граффити, обнаруженных на кирпичах Семикарокорского городи-

ща (Флеров, 2020, с. 279), блоках Маяцкого и Хумаринского городищ (Флерова, 2001, с. 55, рис. 11, 28; с. 59, рис. 13).

В качестве свидельства ранней датировки сооружений может рассматриваться факт присутствия кирпича, аналогичного строительному материалу Малого Костюбе-1, в заполнении пифосоообразного горшка салтово-маяцкого облика, обнаруженного на поселении Малый Костюбе-2. Это говорит в пользу того, что кирпичные кладки начали разбираться еще тогда, когла в керамическом комплексе населения сохранялись элементы характерные для хазарского времени.

Таким образом, круглые ямы – объекты №1, № 2, № 5, № 6а, № 9а и № 8 могут быть отнесены к второй половине X-XI веку. Объекты № 4, № 6, № 7, № 9 следует отнести к предшествующему времени, вероятно IX – первой половине X века.

Конструкция сооружения

Определение конструкции соорженния, элементы которого представлены объектами № 4, № 6, № 7, № 9 затруднено плохой сохранностью, обусловленой рядом приичин.

Кирпичные конструкции, содержавшиеся внутри траншей, и возможно, формировавшие некие внешние объекты, были разобраны еще в древности. В пользу этого свидетельствует тот факт, что среди многочисленных фрагментов кирпича, обнаруженных в процессе раскопок, лишь единицы представлены целыми формами. При этом время разбора сооружения, вероятно, предшествовало времени появления населения, оставившего круглые ямы. Об этом говорит то, что в заполнении объектов, и прежде всего объекта № 8, где вероятно прослежена завалившаяся конструкция стены (?), также количество целого кирпича минимально. То есть, население осваивавшее территорию в конце X – начале XI веков, уже столкнулось с разобранным объектом, и использовало фрагментированный строительный материал.

Объект подвергся природным факторам разрушения, вероятно связанными с колебаниями уровня воды в волжской дельте. В пользу этого свидетельствуют участки стенок траншей, насыщенные илом, прослеженные в объектах №9 и №7. По заключению кандидата географических наук Р.Р. Макшаева заполнение объектов позволяет говорить о водном воздействии. В качестве признаков подтопления он рассматривал косонаправленные прослойки песка. В пользу подтопления также свидетельствуют иловые отложения, зафиксированные в южной части раскопа в пространстве между объектами № 6 и № 4. Примечательно, что ниже горизонта иловых отложений, на уровне материка, обнаружены фрагменты кирпича, извести, а также желтоглиняная керамика с примесью остроугольной минеральной фракции, что свидетельствует пользу того, что ил сформировался уже после сооружения и вероятно, разрушения объектов. Анализ заполнения объекта №6а позволяет говорить о том, что он был впущен в материк, уже перекрытый иловой прослойкой. Линзы ила, фиксируемые в профиле объекта, однозначно интерпретируются как результат обрушения стенок ямы.

Верхние части объектов пострадали в процессе выравнивания поверхности при сооружении и дальнейшей эксплуатации рисовых полей в XX веке.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать лишь некоторые, гипотетические предположения о первоначальном облике сооружения.

Наибольшую сохранность демонстрирует северная стенка объекта № 6, где удалось проследить участок кладки и перекрывающий ее массив кирпичную крошку, затворенную известковым раствором. Обломанные края кирпичей, выступающих из стенки в сторону центра объекта, позволяют говорить о том, что зафиксированный участок кладки в один кирпич является остатками более массивного многорядного сооружения, разобранного в древности. В пользу этого свидетельствует и факт отсутствия какой-либо отделки внешней стороны кладки. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что четырехрядная кладка представляла собой остатки покрытия пола объекта, при этом имеющиеся в нашем распоряжении данные, не позволяют уверно говорить, было ли дно «галереи» вымощено кирпичом в четыре слоя или обкладка стены переходила в однослойную вымостку пола. Наличие двух кирпичей на дне объекта, ориентированных в соответствии с направлением траншеи, также свидетельствует о том, что пол траншеи был покрыт кирпичом. Данные кирпичи, вероятно, являются уцелевшими элементами вымостки. Стенки объекта выше кладки были сложены массивом кирпичной

крошки, формируя внутри траншеи некое помещение. В пользу наличия внутри траншей пустого пространства свидетельствуют заглаженные участки массива кирпичной крошки, которые вероятно являются частью внутренней отделки помещения. Отметим, что в восточной части северного фаса траншеи, где кирпичная кладка была пролностью разобрана, стенка представляла собой просто отвесную плоскость из материкового песка.

В объекте №4 кирпичных кладок не прослежено, однако отпечатки торцов кирпичей обнаружены в нижней части северной стенки траншеи, что позволяет предположить наличие вымостки пола. Нависание массива кирпичной крошки, несущего следы заглаживания, над нижним краем стенки в западной части фаса также свидетельствет в пользу существования внутри траншеи помещения. При этом утрата кирпичной основы не привела к обрушению бетонообразного массива. Вероятно, при формировании интерьера объекта было применено другое, нежели в случае с объектом № 6, конструктивное решение – массив кирпичной крошки располагался на вырубленной в материке ступеньке – аналогичной, той, что была обнаружена в объекте № 9, к вертикальной плоскости которой примыкала кирпичная кладка.

Наличие круглых отверстий, горизонтально расположенных в южной и северной стенках объекта №4, можно предположительно связать с наличием неких армирующих конструкций, укреплявших бетонообразную массу из кирпичной крошки.

Вероятно, схожая конструкция стен фиксируется и в остальных объектах № 7 и № 9, где верхняя часть стенок сложена кирпичной крошкой, а нижняя вырублена в материковом песке. Можно предположить, что нижняя часть выстилалась кирпичом, сверху же массив кирпичной крошки формировал стенки «галереи». Крайняя северная стена объекта № 9, где зафиксирована лишь ступенька, возможно является либо недостроенной, либо в результате водной эрозии массив кирпичной крошки был полностью размыт.

Конструкция надземной части сооружения и даже сам факт его существования остается под вопросом. Стратиграфия заполнения траншей не демонстрирует заметных следов обрушения крупных массивов строительных материалов. Наоборот, ее однородный характер, и равномерное распределение археологического материала, как в плане, так и в профиле, с трудом поддаются объяснению. В случае постепенного заполнения заброшенного объекта должна была сформироваться типичная для подобных обстоятельств картина, где эпизоды разрушения премежаются с периодами почвообразования, формирую слоистую структуру профиля. Материал при этом также будет распределен неравномерно – насыщенные остатками бытовой деятельности слои будут перекрыты стерильными прослойками рухнувших конструкций. В нашем случае стратиграфия скорее напоминает заполнение намерено засыпанных ям.

Отдельный вопрос – участки, расположенные между траншеями. Если формирование горизонтальных материковых поверхностей с минимальным количеством антропогенных включений между объектами № 4 и № 7, № 7 и № 9, можно обьяснить работой скреперов, ровнявших поверхность рисовых карт, то площадь между объектами № 6 и № 4, в которой материк был перекрыт иловыми отложениями, заставляет искать иное объяснение. Факт нивелировки поверхности в древности подтверждается тем, что эта площадь, будучи ниже остальных межтраншейных участков на 10–17 см не имеет никакого уклона. В том случае если бы понижение имело естественный характер был бы зафиксирован некоторый уклон. Таким образом, можно предположить, что межтраншейные участки также являлись частью сооружения. Практически стерильная, в археологическом плане, поверхность говорит в пользу того, что до момента разрушения она была закрыта от внешнего воздействия.

В качестве рабочей гипотезы, мы можем предположить следующую реконструкцию облика сооружения – участки между траншеями это вымощенное кирпичом пространство, сами же траншеи представляли собой неглубокие «галереи» с выложенным кирпичом полом и сформированными из бетонообразной массы невысокими стенками. Высота стенок не могла быть слишком большой так как несущие способности бетонообразной массы из кирпичной крошки и извести, недостаточны для удержания большой нагрузки.

Не до конца понятным остается назначение извести, фрагменты которой в огромном количестве встречается в заполнении объектов. Вероятно, часть ее использовалось в качестве

связующего раствора, о чем свидетельствуют участки поверхности кирпичей, покрытые известью. Нельзя исключать использование данного материала в отделочных работах – об этом говорят крупные куски известкового раствора с заглаженной поверхностью, один из которых был окрашен в охристый цвет.

Также непонятным остаются некоторые особенности заполнения траншей – если в объекте №6 и в объекте № 9 оно представлено, в основном, известковой крошкой, то в объектах № 4 и объектах № 7 участки, заполненные известью, соседствуют с областями распространения желтого песка. Это свидетельствует в пользу того, что некие объекты, сооруженные с использованием известкового раствора, соседствовали с участками сооружения, где этот раствор был использован в меньшей степени.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения не позволяют достоверно реконструировать облик сооружения, что в свою очередь, не позволяет предположить его функциональное назначение. Каких-либо аналогий выявленным объъектам нам проследить не удалось. Остается надеятся, что раскопки следующих лет позволят получить новые данные.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е. Красильников К.И. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский. М.: Таус, 2012. С. 196–217.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV / Отв. ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 261–342.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II* / МИА. № 75 / *Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1959.* С. 9-39.

Попов П.В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. С. 60–88.

Флёров В.С. Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 376 с.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.;Иерусалим: Гешарим, Мосты культуры, 2001. 80 с.

Информация об авторах:

Сарапулкин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Белгородский национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия); sarapulkin@bsu.edu.ru

Соловьев Дамир Сергеевич, ООО «Археоцентр» (г. Астрахань, Россия); arheocentr@bk.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

Хазиев Айназ Ильхамович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ainaz.khaziev@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик Академии наук Республики Татарстан, директор Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Afanas'ev, G. E., Krasilnikov, K. I. 2012. In Munchaev, R. M., Korenevsky, S. N. (eds.). *Problemy arkheologii Kavkaza (Issues of the Archaeology of the Caucasus)* 1. Moscow: "Taus" Publ., 196–217 (in Russian).

Vakturskaya N. N. 1959. In Tolstov, S. P, Vorob'yeva, M. G. (eds.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm

Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–342 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 75. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9−39 (in Russian).

Popov, P. V. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 60–88 (in Russian).

Flerov, V. S. 2020. *Fortifikatsiia Khazarskogo kaganata na Nizhnem Donu. Semikarakorskoe gorodishche (Fortification of the Khazar Khaganate on the Lower Don. Semikarakorsk fortified settlement)*. Moscow: "Yask" Publ. (in Russian).

Flerova, V. E. 2001. *Obrazy i siuzhety mifologii Khazarii (Motifs and narratives of Khazar mythology)*. Moscow; Jerusalem: "Gesharim" Publ.; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Sarapulkin Vladimir A., Candidate of Historical Sciences, Docent, Belgorod National Research University. Pobedy St.,85, Belgorod, 308015, Russian Federation; sarapulkin@bsu.edu.ru

Soloviev Damir S. LLC "Archeocenter". Lenina square, 2, Astrakhan, 414000, Russian Federation; arheocentr@bk.ru; arheocentr@bk.ru

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Khaziev Ainaz I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ainaz.khaziev@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 10.06.2025 г.
Статья принята к публикации 19.11.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904; 623.11, «09/12» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.226.232

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ БУЛГАРСКИХ ДОМОНГОЛЬСКИХ ГОРОДИЩ

©2026 г. А.М. Губайдуллин

В статье рассматриваются различные вопросы, связанные с изучением городищ Волжской Булгарии. Для как можно большего раскрытия целостной картины уже недостаточно бывает только археологических раскопок площадок памятников, а также окружающих их оборонительных линий. Здесь указывается, что необходимо обращать внимание и на планировку самих городищ, их соотношение с окружающим рельефом местности. Это позволяет понять сам смысл возникновения укрепленного центра именно в конкретном месте, а также его тип расположения на местности, что может являться дополнительным подспорьем в установлении его социального статуса. Во время исследований конкретных городищ важно обращать внимание и на их системы обороны. Кроме собственно фортификационных сооружений и характера внутренней и внешней застройки конкретных поселений, необходимо рассматривать возможные биоресурсы, которые могли существовать в те времена, что выводит к важным междисциплинарным исследованиям.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, укрепленные поселения, планировка, системы обороны, междисциплинарные исследования.

ON SOME ISSUES OF STUDYING THE PRE-MONGOL BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENTS

A.M. Gubaidullin

This paper deals with different issues related to the study of the ancient settlements of Volga Bolgaria. Archaeological excavations of the sites, as well as the defensive lines surrounding them, are no longer enough to reveal the whole picture as much as possible. It is indicated here that it is necessary to pay attention to the layout of the settlements themselves, their relationship to the surrounding topography. This approach helps clarify the rationale behind the establishment of a fortified center in a specific location, as well as its topographical setting, which can serve as an additional tool for determining its social status. During the research of specific settlements, it is important to pay attention to their defensive systems. In addition to the fortifications themselves and the nature of the internal and external buildings of specific settlements, it is necessary to consider possible biological resources that could have existed at that time, which leads to important interdisciplinary research.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, fortified settlements, planning, defensive systems, interdisciplinary research.

Укрепленные поселения Волжской Булгарии домонгольского периода, независимо от их социального статуса, являлись показателем урбанистического развития государства, его политического и экономического уровня. Одно их количество, известное на сегодняшний день, достигающее не мене полутора сотен, свидетельствует о сформированной городской культуре (рис. 1). Она включала в себя архитектуру, как гражданскую, так и военную, некоторую инфраструктуру, высокий показатель ремесленного развития, а также определенный уровень логистики.

Хронологически изучение городищ Волжской Булгарии делится на три этапа. Сюда входит первоначальный период накопления различных сведений – это XVIII – 1-я треть XX вв. Он содержал поиск, выявление и описание остатков булгарских укрепленных поселений. Второй этап, длившийся с 30-х гг. до 80–90 гг. XX в., был уже связан с началом крупномасштабных археологических раскопок городищ. Следующий третий этап характеризуется не только продолжением изучения булгарских поселений городского типа, но и попытками обобщения всех накопленных

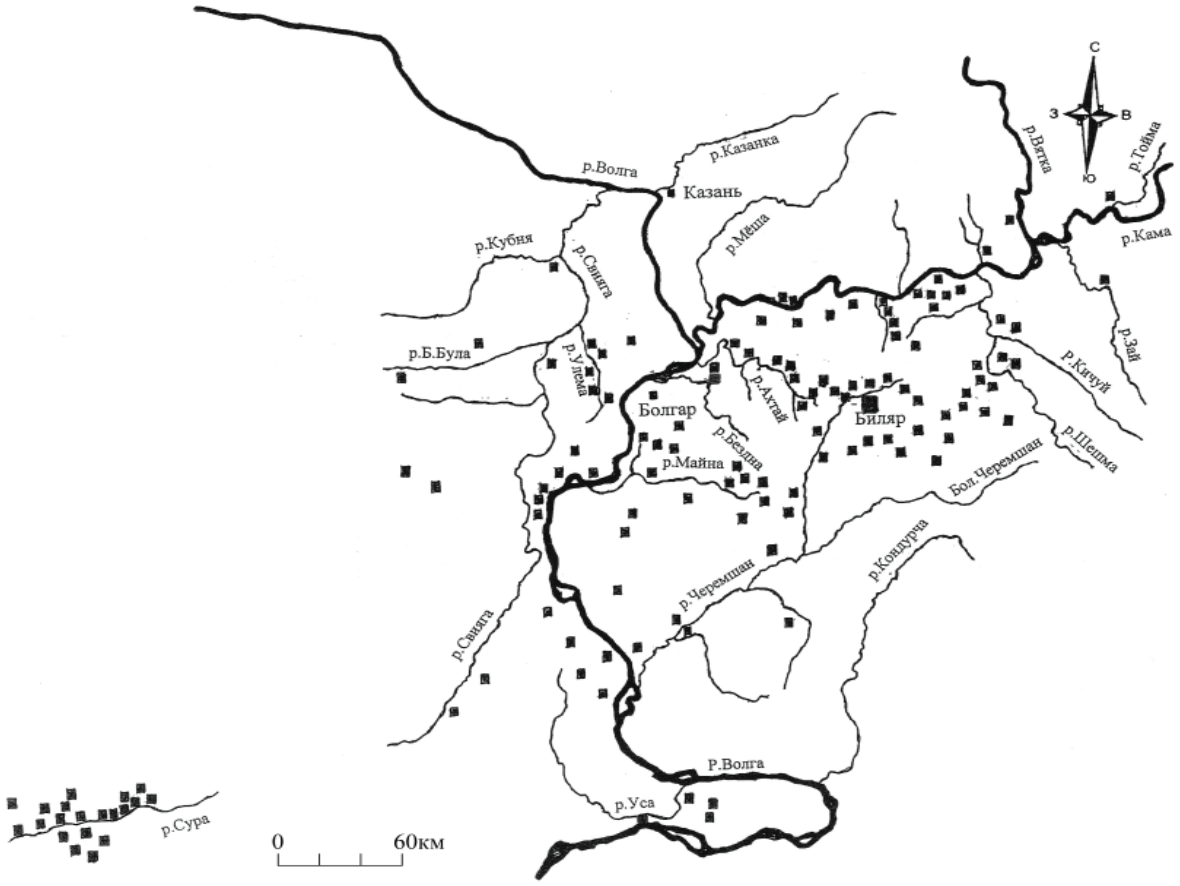

Рис. 1. Карта распространения городищ Волжской Булгарии домонгольского периода.
Fig. 1. Map of the distribution of fortified settlements in the Volga Bolgaria of the pre-Mongol period.

сведений, который длится с конца XX в. и по настоящее время.

В связи с этим, встает перед исследователями и целый ряд важных вопросов в их изучении. Для как можно большего раскрытия целостной картины уже недостаточно бывает только археологических раскопок площадок памятников, а также окружающих их оборонительных линий. Необходимо обращать внимание на планировку городищ, их соотношение с окружающим рельефом местности и не только прилегающей к ним непосредственно, но и более широкой территории. Это позволяет понять сам смысл возникновения укрепленного центра именно в конкретном месте, а также его тип расположения на местности, что может являться дополнительным подспорьем в установлении его социального статуса. Зачастую сама планировка памятника также свидетельствует об этом, т.к. чем она сложнее, тем больше вероятность определения его значимого места в хозяйственно-административном положении. Причем не всегда оно зависит от занимаемой им укрепленной площади, т.к. одним из важных показателей является наличие обширных посадов–селищ в непосредственной округе со следами развитого ремесла, большого количества предметов торговли, сельского хозяйства и, возможно, находок вооружения.

Неслучайно, что к одному из важных показателей данной культуры относятся и всегда относились фортификационные сооружения, окружавшие многие булгарские поселения. Они неизменно являлись отражением военно-инженерного развития любого государственного образования, в том числе и Булгарского государства, гарантируя само его существование на протяжении всей истории.

Во время исследований конкретных городищ важно обращать внимание на их системы обороны. Различное соотношение валов и рвов, количество оборонительных линий, устроенных в один или более поясов может

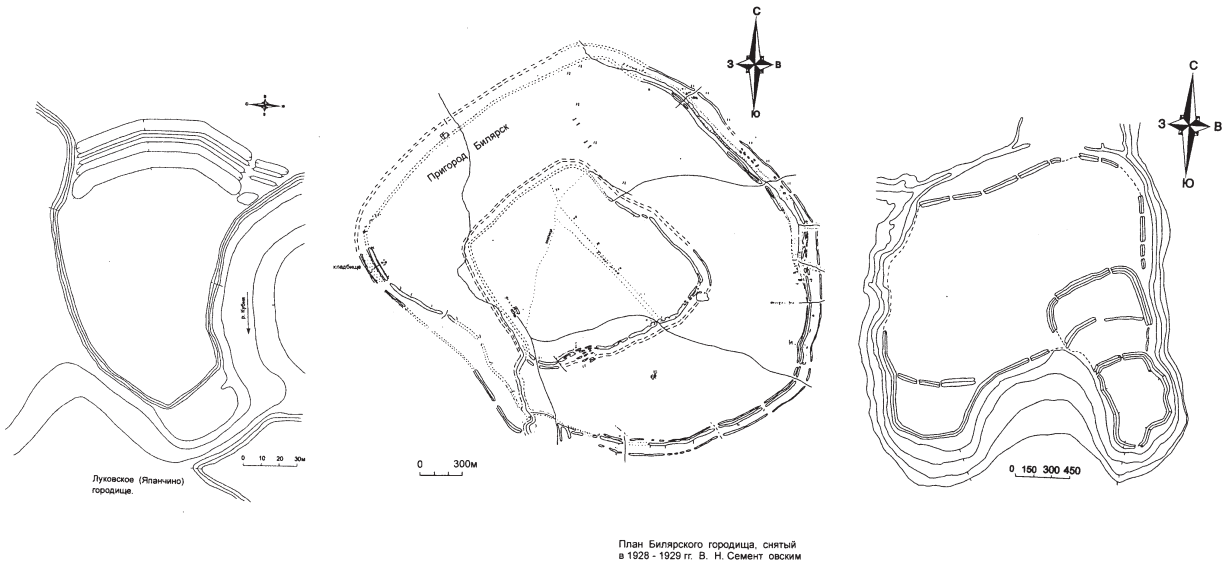

Рис. 2. Городища с разным количеством оборонительных поясов.
Fig. 2. Fortified settlements with different numbers of defensive lines.

свидетельствовать о месте конкретного поселения среди других подобных памятников, особенно небольших по занимаемой площади (рис. 2). В свою очередь, сложность данных систем у некоторых таких булгарских городищ может говорить не только о занимаемом административно-хозяйственном статусе, но также и о каком-то стратегически важном месте расположения памятника, роль которого в древности была значительной по тем или иным причинам. Автор, разумеется, не относит данные укрепленные поселения к категории крепостей, несших только охранные функции, ввиду того, что их в эпоху средневековья как таковых не существовало.

В плане изучения основных линий валов и рвов нельзя забывать и о дополнительных типах укреплений, которые могут иметься на небольших городищах. По прошествии нескольких веков они могли сильно оплыть и в наши дни не фиксируются или мало заметны. В их число входят как отрезки отдельных валов (иногда вместе со рвами), так и эскарпы, устроенные на относительно пологих склонах мысов или террас (рис. 3). В связи с этим, при комплексном археологическом исследовании памятников подчиненных рельефу местности (I тип по типологии П.А. Раппопорта) необходимо уделять внимание строению мысов или холмов, на которых расположены укрепленные поселения (Раппопорт, 1961, с. 215–220). Если некоторые из них имеют относительно пологие склоны, то данный факт должен свидетельствовать о том, что в древности они были так или иначе укреплены. Места, подходящие для подъема по ним, обязательно защищались при помощи различных средств обороны, куда могли входить ряды частокола (как вертикально установленного, так и наклонного), надолбов, специальная срезка грунта и устройство, таким образом, эскарпа. Для выявления их следов требуются специальные раскопки, которые, правда, не очень удобно проводить на относительно крутой наклонной поверхности.

В свою очередь, обычно при составлении топографических планов городищ и их укреплений, исследователи не обращают внимания на точную конфигурацию – направление линий обороны. Если сам характер топографии памятников отражается правильно, то направленность валов и рвов изображается довольно упрощенно. Она, в лучшем случае, указывается в виде извилистых линий и дается относительно верно, но не точно. Такая тенденция свидетельствует о том, что дерево-земляные объекты обороны привлекаются (и привлекались раньше) лишь в виде некоторого небольшого дополнения к основному описанию материальной культуры конкретных поселений. Даже это, к тому же, происходит не всегда. Однако сама точная направ-

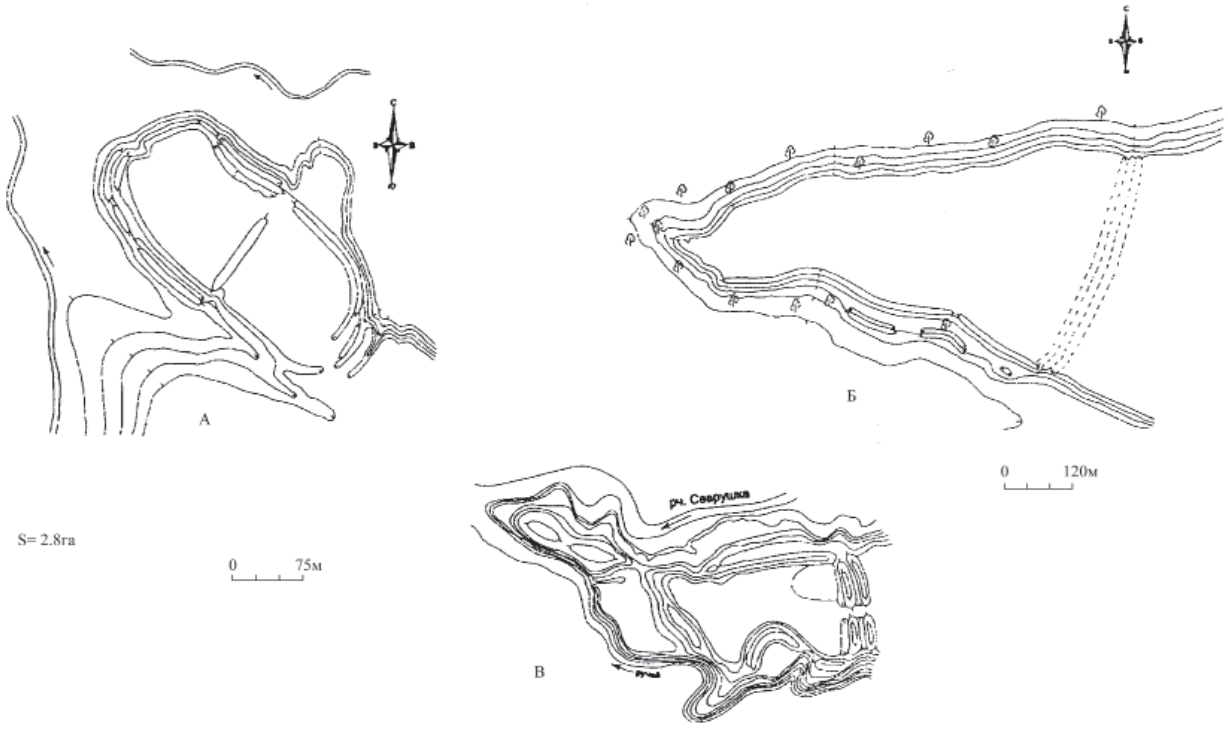

Рис. 3. Типы дополнительных укреплений.
Fig. 3. Types of additional fortifications

ленность линий укреплений может о многом свидетельствовать. Например о внутренней застройке городищ, т.к. она должна соответствовать трассировке валов и рвов. Или наоборот, последняя могла отображать характер размещения построек жилого и хозяйственного назначения на территории поселения. Это к тому, что внутренняя застройка не должна была никаким образом находиться рядом с крепостными стенами. Между ними оставляли свободное пространство для т.н. «Военной улицы», служащей не только в противопожарных целях, но и для оперативного передвижения военных отрядов во время возможной осады противником (Губайдуллин, 2006, с. 49).

Наглядный тому пример имеется у первой столицы Болгарского царства Плиски, где была зафиксирована только плотная застройка центра территории памятника. Само же внутреннее пространство вдоль крепостной стены было свободно от каких-либо строений (Рашев, 2007, с. 105). Подобный принцип соотношения построек гражданского и военного назначения существовал и на булгарских укрепленных поселениях, например Болгарском и Коминтерновском II городищах. Такое правило прослеживается и во многих городах древности, распространенных на различных обширных территориях, вплоть до Дальнего Востока включительно (Артемьева, 2014, с. 439–444). Еще одним из примеров этому, но более позднего времени, может являться строительство деревянной крепостной стены в Москве, отраженное в Воскресенской летописи под 1493 г., когда «…церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру отъ стены до дворов сто сажень да девять» (Воскресенская летопись, 1998, т. 3, с. 299).

Сами линии обороны не представляли собой просто ломаную форму, а состояли из прямых отрезков различной длины в виде исходящих и входящих углов[1]. Это делалось для более эффективного обстрела прилегающей местности (рис. 4). Кроме того, деревянные конструкции невозможно «закруглить» в силу особенностей используемого материала. Также, длина, направление этих отрезков–секций и размер образуемых ими углов не были одинаковыми. Они рассчитывались специально, в соответствии с характером занимаемом конкретным укрепленным поселением местности, а также окружающей территории. Таким образом определялись сектора обстрела на случай обороны.

Несомненно, что любое укрепленное поселение имело места проездов на их террито-

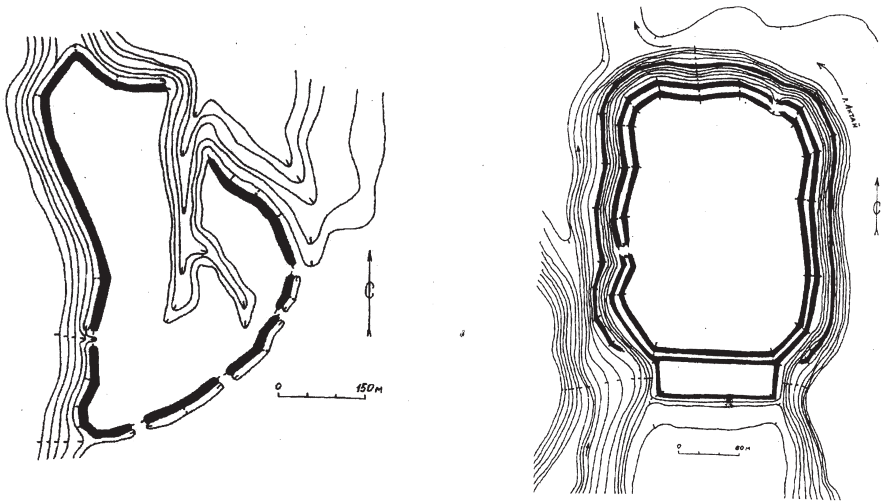

Рис. 4. Примеры ломаной формы укреплений.
Fig. 4. Examples of broken fortification shapes.

рию, которые, несомненно, всегда являлись наиболее уязвимым местом в плане обороны. В связи с этим, их во все времена стремились как можно более обезопасить от возможного неприятельского штурма. Поэтому необходимо во время исследований обращать внимание на проемы в дерево-земляных укреплениях. Некоторые из них иногда неверно связывают с остатками древних воротных проездов, т.к. они могли возникнуть в более позднее время. Чтобы не совершать подобных ошибок, нужен отдельный подход к каждому исследуемому памятнику (рис. 5). Здесь важно рассматривать его расположения на местности, соотношение с окружающим ландшафтом, а также занимаемой им площади.

Одной из немаловажных тем в установлении внешнего облика городищ Волжской Булгарии, наряду с крепостными стенами, валами и рвами, является вопрос о существовании башен и их количестве в системах обороны укрепленных поселений. Часто графические реконструкции, которые появляются в научной и научно-популярной литературе, изображают эти оборонительные элементы. Однако для этого требуются доказательства и, в первую очередь, археологические, иначе все это является голословными построениями. Данная тема очень сложна, поэтому требует отдельного рассмотрения. Для этого необходимо рассматривать целесообразность применения подобных объектов на тех или иных укрепленных поселениях, в том или ином месте, входящем в общую систему обороны. Например, немаловажен хронологический период, в котором существовало городище, общие исторические тенденции того времени и мн. др. Исключением могут быть только места проездных ворот, где крепостные башни являлись необходимым элементом (рис. 6). Вообще же, нам неизвестно какие законы и установления существовали в домонгольский период существования Булгарского государства, касающиеся правил возведения оборонительных сооружений.

Кроме собственно фортификационных сооружений, важно определить и наличие существовавших (существующих) водных ресурсов, их взаимосвязь с конкретным поселением и вероятный потреблявшийся объем воды. Последнее немаловажно для функционирования любого городища, как в мирное, так и в военное время в ходе возможных нападений и осад противником. Также, необходимо обращать внимание и на выявление других возможных биоресурсов, которые могли существовать в те времена. Например, удобных пахотных земель в ближайшей округе, благоприятной местности для выпаса скота, наличие или отсутствие возможностей для рыбных промыслов, охотничьих угодий и др. Все это выводит к важным междисциплинарным исследованиям.

Если для крупных городских центров Волжской Булгарии данная тема, так или иначе, разрабатывается, пусть и в недостаточном объеме, то по отношению к неболь-

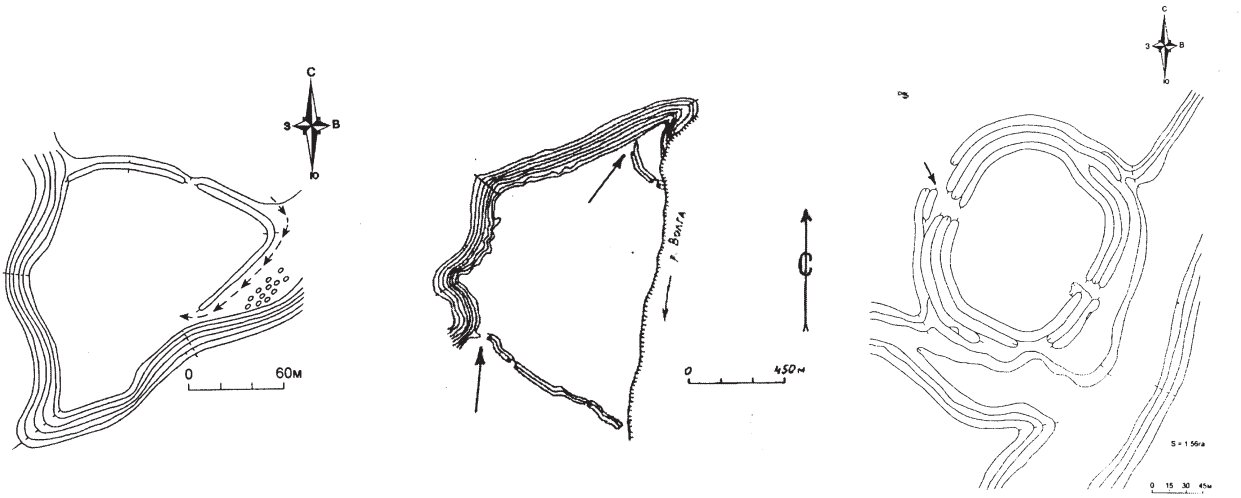

Рис. 5. Типы воротных проемов.
Fig. 5. Types of gateways.

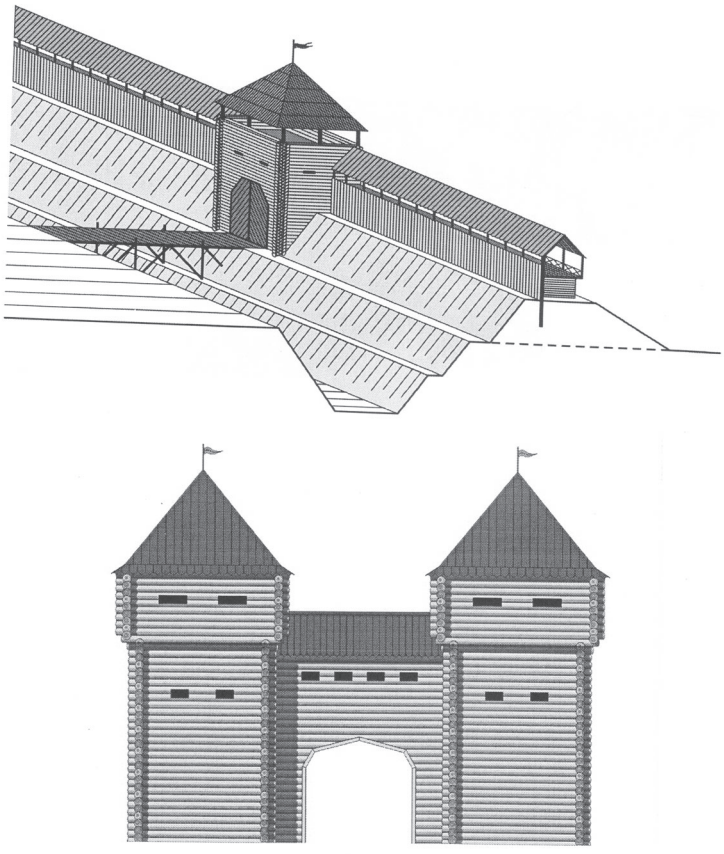

Рис. 6. Одни из типов проездных ворот.
Fig. 6. Some types of entrance gates.

шим булгарским городищам, т.н. «Малым городам», такого практически нет. И это при всем при том, что именно такие укрепленные поселения и окружающая их сельская местность являлись существенной экономической основой государственных образований не только средневековья, но и Древнего мира. Конечно, большого количества и разнообразия археозоологического материала с малых городищ трудно ожидать при исследованиях. Однако если на них встречаются какие-либо не свойственные данной местности (регио-

ну) остеологические находки, то, возможно, это свидетельствует о торговых отношениях между отдельными микро регионами или более того – нахождении конкретных поселений на важных путях торговли.

Вкратце здесь отражен перечень важных вопросов, которые необходимо учитывать в процессе изучения городищ Волжской Булгарии домонгольского периода. Эти же задачи стоят перед исследователями и для памятников золотоордынского времени. Только таким образом можно получить как можно более целостную картину, касающуюся этапов урбанизации и связанных с ней аспектов развития жизнедеятельности различных территорий и государств древности.

Примечание:

[1] Исходящий угол – угол укреплений, направленный наружу, в сторону поля. Входящий угол – угол укреплений направленный внутрь.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 439–444.

Воскресенская летопись / Русские летописи. Т. 2 / подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Узорочье, 1998. 646 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. / МИА. № 105. Л.: Наука, 1961. 244 с.

Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 104–117.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Artemieva, N. G. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 439–444 (in Russian).

Tsepkov, A.I. (ed.). 1998. *Voskresenskaia letopis (The Voskresenskaya Chronicle).* Series: Russkie letopisi (Russian Chronicles). Vol. 2. Ryazan: "Uzorochye" Publ. (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2003. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Rappoport, P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X–XV vv. (Sketches on history of military architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th – 15th centuries).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 105. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Rashev, P. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* I. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 104–117 (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 09.03.2026 г.
Статья принята к публикации 20.05.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.233.237

КАМЕННЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ИЗ МУРАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

©2026 г. М.Р. Гисматулин

В коллекции Ульяновского областного краеведческого музея представлены две каменные литейные формы, которые были обнаружены В.Н. Поливановым при раскопках Муранского могильника в 1900 г. Основное внимание в статье уделено рассмотрению створки двухсторонней формы, предназначавшейся для отливки различных изделий, в том числе пятибусинного височного кольца. В Среднем Поволжье литейные формы для отливки близких по типу височных колец происходят из ремесленных комплексов Булгара, датированных концом XIII – XIV вв. Наряду с трехбусинными височными кольцами, булгарскими мастерами было налажено производство литых височных колец с пятью бусинами. Публикуемая литейная форма позволяет проследить влияние ремесленных традиций ювелиров золотоордынского Булгара на мастеров, работавших на Муранском селище.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Золотая Орда, Муранский могильник, В.Н. Поливанов, каменная литейная форма.

STONE CASTING MOULDS FROM THE MURANKA BURIAL GROUND

M. R. Gismatulin

The collection of the Ulyanovsk museum of regional studies includes two stone casting moulds that were discovered by V.N. Polivanov during the excavations of the Muranka burial ground in 1900. The main attention in the article is paid to the consideration of the casting mould, intended for casting various products, including a five-bead temple-ring. In the Middle Volga region, casting moulds for casting similar-type temple-rings come from the Bolgar craft complexes, dating back to the end of the XIII – XIV centuries. Along with three-bead temple-rings, Bolgar craftsmen also established the production of cast temple-rings with five beads. The published casting mould allows us to trace the influence of the craft traditions of the goldsmiths of the Golden Horde Bolgar on the craftsmen who worked in the Muranka settlement.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Golden Horde, Muranka burial ground, V.N. Polivanov, stone casting mould.

Обширное Муранское селище вместе с примыкающими к нему языческим и мусульманским могильниками образуют один из наиболее значительных археологических комплексов золотоордынского периода на Симбирском – Самарском отрезке волжского пути. Мордовский (мокшанский) могильник второй половины XIII–XIV вв. был впервые исследован симбирским археологом и общественным деятелем Владимиром Николаевичем Поливановым (1848–1915). В 1890–1893, 1895, 1898–1900 и 1902 гг. под его руководством было раскопано более 800 погребений.

Раскопки 1900 г. проводились В.Н. Поливановым за счет средств, выделенных Главным управлением уделов. С 22 по 24 мая 1900 г.[1] было изучено 153 погребения. Раскопки проводились преимущественно на северо-восточной окраине могильника, а на селище была собрана коллекция, включавшая фрагменты орнаментированных сфероконусов, сосудов из кашина и штампованной керамики.

Особого внимания заслуживает факт обнаружения в 1900 г. в одном из погребений Муранского могильника двух каменных литейных форм. На заседании Архивной комиссии, состоявшемся 19 июня 1900 г., В.Н. Поливанов отметил: «…представляют большой интерес две найденные каменные формы, очевидно служившие для отливки одна – подвесок, а другая – круглых блях. Эти формы вырезаны на белом камне, легко поддающемся обработке. Нахождение их в Муранском могильнике служит указанием, что эти металлические украшения изготовлялись на месте» (Журнал XXV-го заседания…, 1901, с. 45). Значительную часть материалов раскопок Муранского могильника 1900 г. Императорская археологическая комиссия передала в историко-археологический музей Симбирской губернской

Рис. 1. Каменные литейные формы из Муранского могильника.
Fig. 1. Stone casting moulds from the Muranka burial ground.

ученой архивной комиссии в 1902 г. (Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год, 1903, с. 10).

В коллекции Ульяновского областного краеведческого музея сохранился фрагмент каменной двухсторонней формы, служившей для отливки орнаментированных свинцовых грузиков[2] (рис. 1: 1). Подобные грузики в Среднем Поволжье относятся к числу частых находок на поселениях золотоордынского периода. Размеры сохранившейся части литейной формы 5,2×4,2×2 см. На одной плоскости сохранились два литейных гнезда, а на противоположной – одно. Диаметр готового изделия составлял 2,5 см, диаметр канала – 0,7 см. На литейной форме сохранилась бумажная этикетка с первоначальным номером – «22». Именно под этим номером в каталоге коллекции Акшуатского музея В.Н. Поливанова среди материалов, происходящих из Муранского могильника, числится «формочка каменная для отливки украшений» (Александров, 1909, с. 7). В ноябре 1918 г. эта литейная форма вместе с другими экспонатами поступила в Симбирский музей.

Вторая литейная форма записана в «Книге поступлений» вместе с несколькими другими находками из раскопок 1900 г. как «форма каменная для отливки металлических изделий»[3] (рис. 1: 2). По какой-то причине она была списана в 1977 г., но при этом сохранилась в коллекции музея.

Створка литейной формы с тремя рабочими плоскостями изготовлена из светлого известняка и имеет следующие размеры: высота 8,1 см, ширина 4,5–5,3 см, толщина 2,7 см. Внутренняя плоскость отличается тщательностью обработки. В двух противолежащих углах створки просверлены углубления для соединительных штифтов. Она предназначалась для изготовления в технике литья «на выплеск» височного кольца с пятью бусинами шаровидной формы. Об этом свидетельствует наличие двух противолежащих литниковых каналов. Основной литник высотой 3,8 см имеет широкое входное отверстие (1,7 см). Плавно сужаясь, литник сначала переходит в ложе округлой формы диаметром 0,9 см и лишь затем подходит к крайней бусине височного кольца. Избыточная часть металла выплескивалась через широкое устье (0,9 см) второго литника длиной 0,8 см. Бусины разделены проволочными колечками. Проволочная обмотка также частично переходит на дужку кольца. Застежки на дужке выполнены в виде двух петелек, одна из которых имеет форму, близкую к ромбической. Размеры височного кольца 2,9×3,2 см. Диаметр бусин 0,6 см.

Вторая (внешняя) плоскость створки обработана менее тщательно. В двух противолежащих углах, в которых находились углубления для соединительных штифтов, имеются сколы. Сохранилось одно из углублений, заполненное остатками металла. На рабочей плоскости расположены неглубокие гнезда, предназначавшиеся для отливки трех нательных крестиков разной формы.

На одной из торцевых сторон имеется гнездо для отливки половины бляхи – элемента навершия головного убора. При соединении обеих створок бляха диаметром 3 см отливалась одновременно с височным кольцом. На длинных боковых сторонах, а также на торце сохранились вертикальные насечки для точного совмещения створок. На одной из боковых сторон рядом с насечками изображен небольшой круг диаметром 0,4 см. Рядом с ним,

возможно, расположены и другие знаки, но они визуально трудноразличимы.

Формы для отливки трёх- и пятибусинных колец известны на Болгарском городище (Кокорина, 2012, рис. 1; Бадеев, Коваль, 2018, рис. 6: 1). Они обнаружены на раскопах VII[4], CXVIII, CXCII и связаны с напластованиями и ремесленными комплексами конца XIII – XIV вв. Двухсторонняя форма из археологической коллекции А.Ф. Лихачева[5], предназначавшаяся для отливки трехбусинного височного кольца и бусины-подвески, отнесена к находкам с Билярского городища и его окрестностей (Кузьминых, 1985, с. 91–93). Возможно, она происходит из золотоордынского Биляра – Билярского III селища. Фрагмент двухсторонней створки литейной формы для отливки трехбусинных височных колец обнаружен на Селитренном городище (Крымина, с. 257, 259–260, рис. 6: 4, 5). На Муранском селище найдена форма для отливки височных колец с девятью бусинами (Сташенков, 2012; Сташенков, Кочкина, 2013, рис. 20, 21). Перечисленные литейные формы выполнены из известняка или сланцевых пород и предназначались для изготовления имитаций височных колец с напускными бусинами, разделенными проволочной обмоткой. Отливавшиеся в этих формах височные кольца, несмотря на разное количество бусин, имеют ряд общих признаков: шаровидная форма бусин, оформление застежек в виде петелек, наличие проволочных колечек, разделяющих бусины. При этом наблюдаются и некоторые различия. Например, на литейных формах из раскопов VII и CXCII Болгарского городища центральная часть бусин декорирована вертикальными поясками, которые, скорее всего, имитируют проволочную полоску, прикрывающую место соединительного шва двух тисненых половинок бусин.

Одновременно с височными кольцами отливались самые разнообразные изделия – серьги в виде знака вопроса, щитковые перстни, различные привески и др. На противоположных плоскостях литейных форм из раскопа CXVIII Болгарского городища и Муранского могильника расположены гнезда для отливки нательных крестов. В случае с муранской находкой можно предположить вторичное использование створки.

Трехбусинные височные кольца получили широкое распространение на территории Восточной Европы. Они отличаются по материалу и технике изготовления, а также имеют хронологические и региональные особенности. В Древней Руси в XII–XIII вв. этот тип украшений входил в состав женского головного убора как среди городского, так и сельского населения (Рябцева, 2000, с. 161–162). Литейные формы для их изготовления обнаружены в ряде крупных ремесленных центров, например древнерусском городе Серенске (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 280–281, 294, рис. 144: 19). Височные кольца с гладкими бусинами оставались популярным украшением до конца XIV в. (Степанова, 2021, с. 67).

Трехбусинные височные кольца со сканью и зернью относятся к числу массовых серебряных украшений у булгар домонгольского периода. В конце XIII – первой половине XIV в. в Булгаре было налажено производство височных колец, близких к древнерусским образцам (Руденко, 2015, с. 143–151). Появляются изделия с пятью бусинами. Из раскопа CXCII происходит створка каменной формы для одновременной отливки трех- и пятибусинных височных колец (Бадеев, Коваль, 2018, рис. 6: 1).

Обнаруженные на Муранском селище и в погребении мордовского ремесленника-литейщика каменные литейные формы предназначались для отливки пяти- и девятибусинных височных колец. Однако среди материалов Муранского могильника подобные изделия не выявлены. Для женских погребений характерны небольшие проволочные кольца с несомкнутыми концами, один из которых загнут. Они располагались по одному с каждой стороны или лишь с одной стороны головы и могли носиться не только в качестве височных колец, но и как серьги (Алихова, 1954, с. 273). Диаметр колечек из коллекции Ульяновского областного краеведческого музея – 1,5–1,95 см.

К середине XIV в. Муранское селище представляло собой крупное торгово-ремесленное поселение с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. По подсчетам А.Е. Алиховой оно занимало площадь более 200 га (Алихова, 1954, с. 260). С учетом целого комплекса значимых признаков Муранское поселение может быть отнесено к числу золотоордынских городов (Пачкалов, 2018). Крупнейшим ремесленным центром Среднего Поволжья с развитым меднолитейным и

ювелирным производством был город Булгар. Поселения, расположенные в районе Самарской Луки, являлись одним из направлений сбыта продукции булгарских мастерских. Изготовление отдельных видов украшений было налажено непосредственно на Муранском селище. Влияние ремесленных традиций ювелиров золотоордынского Булгара на мастеров, работавших на Муранском поселении, прослеживается в использовании ряда ювелирных технических приемов, а также в ассортименте выпускаемой продукции.

Примечания:

[1] В отчете СГУАК за 1900 г. отмечено, что раскопки были проведены в мае. При этом в журнале XXV-го заседания СГУАК датой раскопок указаны 22–24 июня. В данном случае, очевидно, в текст вкралась опечатка.

[2] УКМ 6629.

[3] УКМ 6378/б.

[4] Из раскопа VII (1953 г.) происходит фрагмент литейной формы для отливки трехбусинного височного кольца. ГИМ 104200/52.

[5] Национальный музей РТ. НМ РТ КП-5427/877.

ЛИТЕРАТУРА

Александров П.А. Каталог музея Владимира Николаевича Поливанова в селе Акшуате Корсунского уезда Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1909. 51 с.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА. № 42. / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.

Журнал XXV-го заседания СГУАК. 19 июня 1900 года // Отчёт о деятельности СГУАК за 1900 год. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1901. С. 44–48.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Кокорина Н.А. Знаки ремесленников на булгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 129–143.

Крымина М.М. Литейные формы золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 249–266.

Кузьминых С.В. Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 84–103.

Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1903. 51 с.

Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 707–718.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Рябцева С.С. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // Stratum plus. 2000. № 5. С. 161–182.

Сташенков Д.А. Литейная форма с Муранского селища на реке Усе // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 116–119.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 248–276.

Степанова Ю.В. Височные украшения женского головного убора Верхневолжья XIII – XV вв. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 67–80.

Информация об авторе:

Гисматулин Марат Рашитович, Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия); gismatu@yandex.ru

REFERENCES

Aleksandrov, P. A. 1909. *Katalog muzeia Vladimira Nikolaevicha Polivanova v sele Akshuate Korsunskogo uezda Simbirskoi gubernii (Catalogue of the Museum of Vladimir Nikolaevich Polivanov in the village of Akshuat, Karsun Uyezd, Simbirsk Governorate)*. Simbirsk: "Gubernskaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 259–301 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2018. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology))* 24 (2), 270–289 (in Russian).

In 1901. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1900 god (Report on the activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1900).* Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ., 44–48 (in Russian).

Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Yuvelirnoe delo «Zemli vyatichei» vo vtoroi polovine XI – XIII v. (Jeweller's craft of the "Land of vyatichi" in the second half of the 11th – 13th centuries).* Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2012. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 129–143 (in Russian).

Krymina, M. M. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 249–266 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ., 84–103 (in Russian).

1903. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1902 god (Report on the activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1902).* Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ. (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (4), 707–718 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bolgar Silver).* Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Bilyar). Vol. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Ryabtseva, S. S. 2000. In *Stratum plus* (5), 161–182 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2012. In Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology) 1 (1), 116–119 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region)).* Samara: "Samara Archaeological Society", 248–276 (in Russian).

Stepanova, Yu. V. 2014 In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 67–80 (in Russian).

About the Author:

Gismatulin Marat R., Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I. A. Goncharov, Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Статья поступила в журнал 09.03.2026 г.
Статья принята к публикации 28.05.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.238.247

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ИЗ ЛАИШЕВСКОГО СЕЛИЩА

©2026 г. Ю.А. Семыкин, К.А. Руденко

В статье рассматриваются результаты изучения железных изделий со средневекового Лаишевского селища. Оно расположено в Лаишевском районе Республики Татарстан на правом берегу реки Кама. С 1955 года селище разрушается Куйбышевским водохранилищем. В настоящее время оно почти полностью разрушено. Возникло Лаишевское селище во второй половине X века и просуществовало до начала XV в. Это поселение было крупным центром металлургии железа и металлообработки, а также региональным торговым пунктом. Расцвет Лаишевского селища приходится на XI – начало XIII в. В данной статье представлена коллекция из 34 предметов, собранных К.А. Руденко из разрушенного культурного слоя в начале 1990 годов. В их числе: 1) ножи – 28 экз., 2) база пружинного узла замка – 1 экз., 3) ключ от пружинного замка - 1 экз., 4) наконечники ремня - 2 экз., 5) проколки – 1 экз., 6) инструмент металлурга – 1 экз. Металлографическими исследованиями этих предметов, проведенными Ю.А. Семыкиным было установлено, что основная часть изделий Лаишевского селища изготовлены по технологиям, характерным для развитого этапа развития кузнечного производства, совпадающим с домонгольским периодом истории Волжской Булгарии. Лишь единичные образцы кузнечных изделий Лаишевского селища несут на себе следы технологий, характерных для золотоордынского периода – технологии косой боковой и V-образной наварки. Интересно, что в коллекции не встречена технологическая схема торцовой наварки.

Ключевые слова: археология, Лаишевское селище, Волжская Булгария, технология изготовления кузнечных изделий, булгары, датировка, ножи, археометаллография, замки, ключи, технология

TECHNOLOGY FOR MANUFACTURING BLACKSMITH PRODUCTS FROM THE LAISHEVO SETTLEMENT

Yu.A. Semykin, K.A. Rudenko

This paper deals with the results of a study of iron artifacts from the medieval Laishevo settlement. It is located in the Laishevo district of the Republic of Tatarstan on the right bank of the Kama River. Since 1955, the settlement has been destroyed by the Kuibyshev Reservoir. Currently, it is almost completely destroyed. Laishevo settlement emerged in the second half of the 10th century and existed until the early 15th century. This settlement was a major center of iron metallurgy and metalworking, as well as a regional trading post. The Laishevo settlement flourished from the 11th to early 13th centuries. This article presents a collection of 34 artifacts discovered by K.A. Rudenko from the destroyed cultural layer in the early 1990s. Among them: 1) knives - 28 pieces, 2) base of a spring lock unit - 1 piece, 3) key from a spring lock - 1 piece, 4) belt mounts - 2 pieces, 5) punch - 1 piece, 6) metallurgist's tool - 1 punch. Metallographic studies of these items, conducted by Yu. A. Semykin, established that the majority of products from the Laishevo settlement were made using technologies characteristic of the advanced stage of development of blacksmithing, coinciding with the pre-Mongol period of the Volga Bolgaria. Just a few blacksmith items from the Laishevo settlement bear traces of technologies characteristic of the Golden Horde period - the technology of oblique side and V-shaped welding. Interestingly, the technological scheme of end welding was not found in the collection.

Keywords: archaeology, Laishevo settlement, Volga Bolgaria, blacksmithing manufacturing technology, Bolgars, dating, knives, archaeometallography, locks, keys, technology.

Введение

Лаишевское селище расположено на восточной окраине г. Лаишево, Лаишевского района РТ. Оно возникло во второй половине X – начале XI в., а своего расцвета достигло во второй половине XII — начале XIII века, став местным центром ремесла и торговли. В XI–XII вв., здесь сформировался центр металлургии железа и кузнечного дела. Он локализовался в устье оврага «Большая Чакма» и западной части поселения (Руденко, 2011, с. 121, рис.3; 4). Дважды селище подвергалось разорению: в конце XI - начале XII в. и во второй четверти XIII в. После первого, активная производственная деятельность на поселении на какое-то время прервалась, но

вскоре возобновилась. После последнего, селище существенно сократилась, оставшись только в восточной части. Поселение запустело после эпидемии чумы в 50-х – 60-х гг. XIV в. Окончательно жизнь на нем угасла в начале XV в. (Руденко, 2011, с. 95–104, рис.3).

С 1955 г. памятник активно разрушается Куйбышевским водохранилищем. С 1960-х гг. оно обследовалось казанскими археологами – П.Н. Старостиным, Е.П. Казаковым, а с 1980-х – 1990-х гг. Е.А. Беговатовым (Габяшев и др., 1976; Старостин, Казаков, 1992). С конца 1980-х гг. и до начала 2000-х гг. ежегодное обследование этого памятника и охранно-спасательные раскопки проводил К.А. Руденко (Руденко, 1999; 2011, с. 97, 98). Несмотря на то, что к концу 1980-х гг. почти ⅔ территории памятника оказалась размытой (Usmanov, et al., 2021), а к началу 2010-х гг. от него осталось менее ⅓, а ¾ поселения навсегда оказалась утраченной для науки, выявленный материал оказался весьма представительным (Руденко, 2003, табл.7-10). Культурный слой памятника, кроме размыва водами водохранилища, был сильно поврежден пахотой, которая осуществлялась с XVIII–XIX в. (Руденко, 2011, с. 120, рис. 2).

Материалы и методы

С территории селища происходят многочисленные железные изделия (Руденко, 1999; Руденко, 2011, рис.8-29). Однако получить более объективную и полную характеристику технологических особенностей изготовления кузнечной продукции возможно с помощью металлографического анализа изделий. Исследованная коллекция железных предметов (34 ед.) получена в результате сборов подъемного материала К.А. Руденко в 1989 – 1991 гг. с западной и восточной частей Лаишевского селища (Руденко, 1991).

В археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета были проведены металлографические анализы 34 предметов. Для аналитических исследований использовались: металлографический микроскоп МИМ-7 и микротвердомер ПМТ-3. Методика археометаллографического исследования древних и средневековых кузнечных изделий, разработанная более 70 лет назад Б.А. Колчиным и дополненная его учениками, успешно применяется в отечественной и зарубежной археологии (Колчин. 1953, с. 10-15; Завьялов, Терехова. 2023). Такая методика была применена и при исследовании кузнечной коллекции Лаишевского селища.

Изученная коллекция включает следующие категории кузнечных изделий: 1) ножи – 28 экз., 2) база пружинного узла замка – 1 экз., 3) ключ от пружинного замка - 1 экз., 4) наконечники ремня - 2 экз., 5) проколки – 1 экз., 6) инструмент металлурга – 1 экз.

Наибольший интерес в исследованной коллекции представляют ножи, так как именно при их изготовлении древние и средневековые кузнецы применяли специальные технологические приемы, направленные на достижение высокого качества. Для этого на ножах могли использовать специально приготовленную высокоуглеродистую сталь с дальнейшей термообработкой – закалкой и отпуском, что значительно улучшало эксплуатационные характеристики изделия. Для получения высокоуглеродистой стали кузнецы применяли особую термохимическую операцию – цементацию, требующую использования специального оборудования, материалов и времени. По этой причине в древности и в средневековье сталь являлась дефицитным кузнечным сырьем, что заставляло кузнецов экономно расходовать такое сырье, применяя специальные технологические приёмы на основе кузнечной сварки.

Отмечено, что для раннего этапа становления и развития кузнечного производства характерны простые технологические приемы – ковка из простого кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной сырцовой стали, цементация рабочей части лезвия, ковка из цельностальных заготовок, наконец – ковка из заготовок, приготовленных кузнечной сваркой из полос кричного железа, неравномерно науглероженной сырцовой стали, либо – из отходов кузнечного производства путем утилизации остатков кузнечного производства. Кузнечные изделия с такими технологическими приемами в отечественной археометаллографии принято относить к I технологической группе.

На этапе формирования развитого кузнечного ремесла, практически уже в условиях государственной экономики средневековья, в кузнечной технологии начинают внедряться технологические приемы с конструктивным сочетанием специально приготовленной высокоуглеродистой стали с основой изделия из

мягкого металла. Изделия с такими технологиями относятся ко II технологической группе.

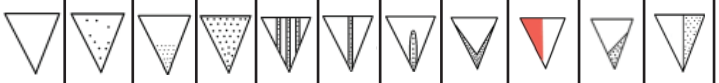
Признаками качественной кузнечной продукции считается применение термообработки – закалки в мягком и резком режиме, отжига, а также чистота выполнения кузнечной сварки и кузнечной проковки с получением чистого металла. Изучение лаишевской коллекции продолжает исследование кузнечной продукции булгарских не городских поселений, проводившихся одним из авторов (Семыкин, 2015. с. 64 – 69).

Данная коллекция отличается тем, что, скорее всего, большая часть обнаруженных здесь предметов, могла производиться именно на этом поселении.

Полученные результаты

Исходя из вышеописанных критериев, рассмотрим результаты металлографических анализов коллекции кузнечной продукции из Лаишевского селища (таблица 1).

Таблица 1. Технологические схемы кузнечной продукции Лаишевского селища.
Table 1. Technological schemes of blacksmith products from the Laishevo settlement.

№№ п/п	Категории предметов												всего	
1	Ножи	5	1	1	2	2	5	8	1		1	2		18
1а	статистика по ножам в %	5	1	1	2	2	5	8	1		1	2	28 100%	18 4Р, 14М
		Технологическая группа I 11 (39,3%)					Технологическая группа II 17 (60,7%)							
2	ключ замка		1										1	
3	наконечники ремня		2										2	
4	проколка		1										1	
5	инструмент металлурга		1										1	
6	база пружинного узла замка	1								1	1		1	
всего		6	6	1	2	2	5	8	1	1	1	2	34	18
Распределение предметов по технологическим группам всего %.		Технологическая группа I 16 (47,1%)					Технологическая группа II 18 (52,9%)						100%	52,9%

Условные обозначения к таблице 1

Пять экземпляров ножей, анализы: 1710, 1842, 2033, 2037, 2040 были откованы из простого кричного железа, а один нож – 2038 – из неравномерно науглероженной сырцовой стали. При этом на одном ноже – анализ 1710 отмечена ковка из заготовки псевдопакета. На сельских памятниках Волжской Булгарии домонгольского периода ножей из кричного железа и сырцовой стали ранее было отмечено 29% изделий (Семыкин, 2015, с. 65).

На всех шлифах выявлены ферритовые микроструктуры с микротвердостью, варьирующей в пределах от 67,6 кг/мм^2 - 82,4 кг/мм^2 - 159 кг/мм^2 до 201 кг/мм^2. Практически на всех шлифах заметны шлаки, темные точечные неметаллические включения. Отметим, что на шлифе ножа – анализ 1710 со следами псевдопакета отмечено высокое качество кузнечной сварки. Ножи из кричного железа и неравномерно науглероженной сырцовой стали составили 21,4%.

На одном экземпляре ножа – анализ 1887 отмечена технологическая схема цементации рабочей части лезвия. Эта технологическая схема составила в исследованной коллекции 3,6%. Лезвие этого ножа первоначально было отковано из неравномерно науглероженной сырцовой стали с дальнейшим науглероживанием рабочего лезвия. На шлифе с ножа

наблюдаются микроструктуры феррито-перлита и сорбита с микротвердостью 159 кг/мм^2 (феррито-перлит) и 263 кг/мм^2 (сорбит). На шлифе заметны многочисленные узкие шлаковые и мелкие темные неметаллические включения. Ножей с технологией цементации на сельских поселениях было отмечено 22,5% (Семыкин, 2015, с. 65).

По два экземпляра отмечены технологические схемы ковки ножей из цельностальных заготовок (анализы 2025 и 2035) и пакетного металла (анализы 1839 и 1889) Эти технологии составили в коллекции ножей по 3,6%. На шлифах этих ножей выявлены микроструктуры феррита и феррито-перлита с микротвердостью 89-121 кг/мм^2 (феррита) и 103-120 кг/мм^2 (феррито-перлита). На шлифах заметны шлаки и темные точечные неметаллические включения. Качество исполнения кузнечной сварки на ножах оценивается как высокое.

Ножи из цельностальных и пакетованных заготовок на сельских памятниках Волжской Булгарии ранее были отмечены на 3,2% изделий (Семыкин, 2015, с. 65).

Выше рассмотренные 11 ножей относятся к I технологической группе, составившей в коллекции 39,3%.

На пяти ножах – анализы: 1688, 1837, 2018, 2027, 2030 выявлена технологическая схема трехслойного пакета с вваркой в центр клиновидного лезвия стальной полосы. Эта группа ножей составили в коллекции 17,9%. На шлифах ножей с трехслойным пакетом Лаишевского селища на боковых полосах расположены микроструктуры феррита и феррито-перлита с микротвердостью 76 кг/мм^2 – 143 кг/мм^2, сорбита (микротвердость – 263 кг/мм^2), мартенсита (микротвердость – 229 кг/мм^2). Качество кузнечной сварки в основном – высокое. Конечная операция преимущественно – мягкая закалка, за исключением ножа – анализ 2030, где отмечены следы резкой закалки.

Установлено, что технология трехслойного пакета была привнесена в Северную Русь скандинавскими кузнецам. Наиболее ранние ножи с трехслойным пакетом появились в Северной Руси на рубеже VIII–IX вв. (Завьялов, Терехова, 2015, с. 27). Позднее ножи с технологией трехслойного пакета широко распространяются на памятниках Северо-Восточной Руси и бытуют там до середины XII в.

Специалисты выделяют два варианта технологии трехслойного пакета – 1) североевропейский (скандинавский), 2) восточноевропейский (Завьялов, Терехова, 2015, с. 27). Отличительной чертой североевропейского варианта является использование для боковых полос высокофосфористого железа, а для центральной полосы – высокоуглеродистой стали. По восточноевропейскому варианту в трехслойном пакете допускаются некоторые отступления от скандинавского стандарта, когда для боковых полос использовалось обычное кричное железо или сырцовая сталь, и даже пакетование полос однородного металла. В XIII-XIV вв. трехслойные технологии в арсенале древнерусских кузнецов полностью выходят из употребления.

Археологические данные свидетельствую о том, что аналогичная картина наблюдалась и в кузнечном производстве Волжской Булгарии. Можно говорить о том, что ножи с Лаишевского селища с трехслойным пакетом датируются в пределах X – первой половины XII вв.

Представляет интерес присутствие ножей с трехслойным пакетом на памятниках Волжской Булгарии. Технологическая схема трехслойного пакета выявлена на двух ножах с сельских памятников (Семыкин, Казаков, 1989, с. 124, табл. 1). На Остолоповском I селище, где не отмечено следов занятий населения металлургией и железообработкой (Руденко, 2012, с. 144) ножи с трехслойным пакетом встречены в единичном экземпляре (5,3%) (Семыкин, 2000).

В Болгаре трехслойный пакет занимает незначительное место (4,1%) (Семыкин, 1996, с. 109). Более представительна группа ножей с трехслойным пакетом в Джукетау (9,7%) (Семыкин, Набиуллин, 2024, с. 213). Наиболее значительное присутствие ножей с трехслойным пакетом отмечено на Билярском – 15,4% (Семыкин, 2015, с. 71) и на Красносюндюковском городищах – 18,2% (Семыкин, 2023, с 111).

Однако на ряде памятников Среднего Поволжья ножи с трехслойным пакетом не выявлены. К ним относятся: Муромский городок (Толмачева, 1982), Березовское поселение в Самарском Поволжье (Семыкин, 2024), Старомайнское городище в Ульяновской области (Семыкин, 2007), Барбашинский могильник в Самаре (Семыкин. 2008), и Армиевский

могильник (Семыкин, 2022) в Верхнем Посурье, а также Торецкое (Семыкин, 2012), Багаевское и Хмелевское поселения в Татарстане и в Саратовском Поволжье (Недашковский Семыкин, 2014).

Что же касается Лаишевского селища, то только один экземпляр ножа – анализ 1837 типологически может быть отнесен к скандинавскому варианту трехслойного пакета. Остальные пять ножей с трехслойным пакетом, предположительно относятся к восточноевропейскому варианту трехслойного пакета.

Такова картина с распределением технологии трехслойного пакета на ножах в Среднем и Нижнем Поволжье в эпоху раннего средневековья.

Большинство ножей Лаишевского селища – 8 экземпляров: анализы 1844, 1883, 2020, 2026, 2029, 2032, 2034, 2036 – были изготовлены в технологии вварки стальной лезы в основу из мягкого металла, что составило 28,6%. Основное тело ножей с технологией вварки – кричное железо и мягкая неравномерно науглероженная сырцовая сталь с микроструктурой феррита и микротвердостью в пределах от 82,4 кг/мм^2 - 129 кг/мм^2, а также феррито-перлита с микротвердостью от 143 кг/мм^2 до 178 кг/мм^2. После операции мягкой закалки во вварных лезах образовались микроструктуры сорбита с микротвердостью от 143 кг/мм^2 до 229 кг/мм^2. На одном ноже – анализ 1844, прослежена микроструктура троостита с микротвердостью 201 кг/мм^2. На двух ножах с технологией вварки – анализы 2029 и 2034 – прослежена резкая закалка. Выявлена микроструктура мартенсита с микротвердостью в пределах 305-358 кг/мм^2. Кузнечная сварка в основном высокого качества.

Технология вварки стальной лезы на ножах раннеболгарских памятников в Среднего Поволжье выявлена: в Больше-Тарханском (Семыкин, 2009) и в Танкеевском (Семыкин, 2015, с. 51) могильниках, на Абрамовском поселении (Семыкин, 2015, с. 51), на Новослободском городище (Семыкин, Матвеева, 2010, с. 251, рис. 12), занимая суммарно в материалах раннеболгарского периода 20%.

В домонгольский период технология вварки стальной лезы доминирует на памятниках как сельского типа, так и в городских центрах Волжской Булгарии, занимая в коллекциях наиболее значительные показатели: в Биляре – 31% (Семыкин, 2015, с. 70), в Джукетау – 20,5% (Семыкин, Набиуллин. 2024), на Муромском городке – почти 39% (Толмачена. 1982), на Красносюндюковском городище – 27,3% (Семыкин. 2024). На Старомайнском городище отмечены два ножа с технологией вварки стальной лезы (Семыкин, 2008) (18,1%). Один нож с вваркой стальной лезы отмечен на Хмелевском поселении (4,3%) (Недашковский, Семыкин, 2014). Технология вварки стальной лезы встречена в Армиевском (Семыкин, 2022) и Барбашинском (Семыкин. 2008) могильниках, занимая соответственно 11,5% и 28,6%.

Но на Болгарском городище ножи с технологической схемой вварки занимают одно из самых незначительных мест – всего 4,1% (Семыкин, 1996, с. 106). На Торецком селище ножей с вварными лезвиями не выявлено. Нет их на Багаевском и Березовском поселениях, что вполне закономерно, поскольку технологическая схема вварки стальной лезы в золотоордынский период вытесняется технологиями наварки стальных полос на более мягкую основу.

На двух ножах с Лаишевского селища выявлена технологическая схема ковки из двухполосных заготовок: анализы: 1687, 2028. На шлифе анализов 1687 1687 наблюдаются вертикальные полосы зон с различными микроструктурами: зона с ферритовой и феррито-перлитовой микроструктурами с микротвердостью 129 кг/мм^2, а также зона трооститовой микроструктуры с микротвердостью 358 кг/мм^2. В центре шлифа расположен вертикальный светлый сварочный шов, отделяющий зону мартенситовой микроструктуры с микротвердостью 1130 кг/мм^2. Внутри зоны с мартенситовой микроструктурой в свою очередь заметен вертикальный сварочный шов. Кузнечная сварка очень высокого качества. Конечной операцией изготовления данного ножа была резкая закалка.

Следует сказать, что резкая закалка дает очень высокую твердость, но одновременно приводит к повышенной хрупкости изделия, что могло стать причиной поломки рассматриваемого ножа. Вероятно, кузнецы знали недостаток высокой твердости изделий после резкой закалки, поэтому старались использовать мягкую закалку с отпуском стали, что и наблюдается на ножах Лаишевского селища. Зоны различных микроструктур разделены сварочным швом невысокого качества.

Следует отметить, что технология ковки качественных изделий – ножей, топоров, мотыжек из двухполосных заготовок в незначительном количестве известна в арсенале кузнецов Восточной Европы с раннеболгарского периода. (Семыкин, 2015, с. 109. Табл. 2). В незначительном количестве ножи из двухполосных заготовок встречены на памятниках городского типа домонгольского периода (Семыкин, 2015. Табл. 13).

В единичных экземплярах на ножах Лаишевской коллекции встречены две технологические схемы, характерные для кузнечного производства золотоордынского периода. Это косая боковая – анализ 1841, и V-образная – анализ 2023 наварка стальной пластины на мягкую основу. Основа ножей этой группы – кричное железо с микротвердостью ферритовой структуры 97 – 106 кг/мм^2. А в наварных пластинах отмечена углеродистая сталь с последующей мягкой закалкой на сорбит с микротвердостью в пределах 178-314 кг/мм^2.

Следует сказать, что технология боковой наварки стальных пластин на более мягкую основу известна в Среднем Поволжье с раннеболгарского периода. Она отмечена на сабле из могильника у 116 км в Самаре (Семыкин, 2015. Табл. 6). На ножах такая технология схема зафиксирована на сельских памятниках домонгольского периода - на Остолоповском I селище, где составила 5,3% (Семыкин. 2000. Табл. 1). На сельских памятниках домонгольского периода технология боковой наварки встречена на 4 ножах из 31 исследованного (12,9%) (Семыкин, Казаков. 1989. Табл. 10), В городских центрах Волжской Булгарии косая боковая наварка занимает третье место, составляя 9,2%. И на памятниках золотоордынского периода эта технологическая схема на ножах становится наиболее распространенной, занимая в коллекции Болгара 21,6% (Семыкин, 1996, с. 108).

Технологическая схема V-образной наварки известна в Среднем Поволжье уже с домонгольского периода (отмечена на двух топорах Танкеевского могильника (Семыкин. 2015. Табл. 2). V-образная наварка зафиксирована на одном кресале из Больше-Тарханского могильника (Семыкин, 2015, с. 113. Табл.7). А на ножах домонгольского периода V-образная наварка ранее была выявлена только на одном ноже с сельского памятника (Семыкин, 2015, с. 117. Табл. 10). На памятниках городского типа домонгольского периода эта технологическая схема встречена в одном случае.

Из последних исследований в коллекции ножей Джукетау выявлен 1 нож из 32 с технологической схемой V-образной наварки, что составило 3,1% (Семыкин, Набиуллин. 2024). Весьма интересна статистика технологической схемы ножей с V-образной наваркой на Болгарском городище, составившей доминирующие 15 % (Семыкин, 1996, с. 108).

Ниже рассмотрим результаты металлографических анализов оставшихся 6 предметов коллекции. Среди них особый интерес представляют два артефакта: 1) стержень с листовидным концом общей длиной 480 мм. – анализ 1843. 2) проколка ромбовидного сечения длиной 127 мм с острыми концами – анализ 1690.

С одного края предмета – анализ 1843 расположено ложковидное расширение в форме листа общей шириной 55 мм. Данный предмет имеет аналогии в материальной культуре Волжской Булгарии, в том числе среди инструментария металлургов города Болгара (Семыкин, 1996, рис. 51. Анализ 180). Этот инструмент, предположительно, использовался металлургами-чугунолитейщиками для пробивания шлаковой лётки для вытекания чугуна из горна. По данным металлографического анализа предмет был откован из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали с микроструктурой феррита и феррито-перлита и с микротвердостью от 70,6 до 143 кг/мм^2. На шлифе заметны сварочные швы со шлаками – анализ 1843. Орудие металлурга из Болгара также было отковано из простого сырья – кричного железа.

Проколка – анализ 1690 была откована из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на шлифе с проколки составляет 89,4 – 97 кг/мм^2.

Среди металлографически исследованных кузнечных артефактов с Лаишевского селища представлены два бытовых предмета от запорных устройств – от пружинных замков. На одном предмете – фрагменте базы пружинного узла, выявлена ковка из кричного железа со следами медной пайки – анализ 1890. Из неравномерно науглероженной сырцовой стали был откован фрагмент ключа от цилиндрического замка – анализ 1692. На шлифе наблюдаются микроструктуры феррита и

феррито-перлита с микротвердостью соответственно – 76,2 кг/мм^2 и 159 кг/мм^2.

И последние два металлографически исследованные предмета с Лаишевского селища – наконечники ремня аскизского типа – анализы 1693 и 1694 – были откованы из слабо прокованной сырцовой стали с микротвердостью феррито-перлита от 106 до 129 кг/мм^2.

В заключение подведем итоги исследования. Анализы свидетельствуют, что основным поделочным материалом для изготовления кузнечной продукции Лаишевского селища служили – простое кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь. Но для изготовления качественной продукции, такой, как ножи, использовалась специально приготовленная науглероженная сталь.

Продукция качественного назначения – ножи, в технологическом отношении заметно распадаются на две технологические группы, о критериях которых сказано выше. К I группе отнесено 39,3%, ко II группе – 60,7%. К первой технологической группе принадлежат изделия, откованные из простого сырья – из кричного железа и мягкой неравномерно науглероженной сырцовой стали, составив в коллекции 21,4%. В I технологической группе отмечены ножи из цельной стали и из пакетных заготовок (по 17,14%). В единичном случае в I группе отмечена технология цементации (3,6%). Когда в I технологической группе использовалась пригодная для термообработки сталь, она получала закалку. Это свидетельствует о целенаправленном использовании углеродистого сырья. Дважды отмечена в I технологической группе мягкая закалка и один раз – резкая закалка.

Ко II технологической группе отнесены изделия с трехслойным пакетом, с вваркой стальной лезы, из двухполосных заготовок, а также с косой боковой и с V-образной наваркой. II технологическая группам в коллекции ножей составила 60,7%. Большинство в этой группе принадлежит технологии вварки стальной лезы (28,6%). Второе место занимает технология трехслойного пакета (17,9%). Третье место во II технологической группе занимает технология ковки из двухполосных заготовок (7,14%). В единичных случаях отмечены технологические схемы косой боковой и V-образной наварки, характерных для кузнечного производства золотоордынского периода (по 3,6%).

Отмечено очень частое использование на кузнечных изделиях Лаишевского селища операции термообработки – на 18 ножах, что составило 64,3%. При этом применялась преимущественно мягкая закалка (на 14 ножах). Только на 4 ножах отмечена резкая закалка. Операция кузнечной сварки в основном выполнялась качественно. Но на многих изделиях фиксируются темные точечные неметаллические включения.

Заключение

Итак, можно говорить о том, что основная часть изделий качественного назначения Лаишевского селища изготовлены по технологиям, характерным для развитого этапа развития кузнечного производства, совпадающим с домонгольским периодом истории Волжской Булгарии. Лишь единичные образцы кузнечных изделий Лаишевского селища несут на себе следы технологий, характерных для золотоордынского периода – (технологии косой боковой и V-образной наварки). Интересно, что в коллекции не встречена технологическая схема торцовой наварки.

ЛИТЕРАТУРА

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 3–34.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Феномен «трехслойной технологии» (высокие технологии в средневековье) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 21–32.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Археометаллография: историографический очерк // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 106–124.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Недашковский Л.Ф., Семыкин Ю.А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с Золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаев-

ского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 3. С. 31–43.

Руденко К.А. Отчет об археологических работах в Татарии и Ульяновской области в 1990 г. Казань, 1991. 147 л // Архив ИА РАН. Р-1. №15725.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2011. № 1–2 (20–21). С. 32–151.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алекеевском районе республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2 (2). С. 137–161.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 79–108.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 88–153.

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции с Остолоповского I селища // Музей в системе ценностей Евразийской культуры. Материалы Всерос. науч.- практич. конф. / Ред. Л.Г. Алексеева. Казань: Школа, 2000. С. 204–207.

Семыкин Ю.А. Металлургия железа и кузнечное производство населения левобережья Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху средневековья // Самарский край в истории России. Вып. 3 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. 2007. С. 76–83.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства мордовского населения Среднего Поволжья в золотоордынский период (по данным металлографических исследований кузнечной продукции Барбашинского могильника) // Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер. 2008. С. 174–191.

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции из Больше-Тарханского могильника // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора ист. наук Е.П. Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 213–233.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства населения раннего Казанского ханства (по результатам металлографических исследований изделий из черного металла Торецкого поселения) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 139–160.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции из Армиёвского курганно-грунтового могильника // Белорыбкин Г.Н., Измайлов И.Л., Мельниченко О.В., Осипова Т.В., Павлихин А.В., Халиков А.Х. Армиевский курганно-грунтовый могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. С. 441–460.

Семыкин Ю.А. Железообработка населения Красносюндюковского I городища // И бронзы век и век железный. К юбилею Наталии Николаевны Тереховой / Отв. ред. В.И. Завьялов. М.: Таус, 2023. С. 106–121.

Семыкин Ю.А. Материалы к технологии кузнечной продукции эпохи Золотой Орды территории Самарской области // Археология Евразийских степей. 2024. № 3. С. 128–134.

Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Технология кузнечного производства на сельских памятниках домонгольской Волжской Булгарии // Краеведческие записки. Вып. VIII / Ред. С.Л. Сытин. Ульяновск: Приволжское кн. изд-во, 1989. С. 123–132.

Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения Новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 242–253.

Семыкин Ю.А. Набиуллин Н.Г. Новые материалы по черной металлургии и металлообработке города Джукетау // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 209–222.

Старостин П.Н., Казаков Е.П. Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 125–142.

Толмачева М.М. Техника металлического производства Волжской Болгарии в X – XIII вв. по данным металлографии // Естественные науки и археология в изучении древних производств / Отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука 1982. С. 56–63.

Usmanov B.M., Gainullin I.I, Gafurov A.M., Rudenko K.A., Ivanov M.A. Using multitemporal remote sensing data for evaluation of the Kuibyshev reservoir bank transformation (Laishevo and Ostolopovo archaeological sites, Tatarstan, Russia) // Proceedings of SPIE. Vol. 11863, Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII, 118630D (12 September 2021). 11 p. DOI: 10.1117/12.2599931.

Информация об авторах:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент. Институт истории и культуры Ульяновской области ОГАУК "Ленинский мемориал" (г. Ульяновск, Россия); semiku@mail.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Gabyashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

Zavyalov, V. I., Terekhova, N. N., 2015. In *Istoricheskii format (Historical format)* 4, 21–32 (in Russian).

Zavyalov, V.I., Terekhova, N.N. 2023. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 2, 106–124 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Semykin, Yu. A., 2014. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 156. Book 3. Kazan: Kazan State University, 31–43 (in Russian).

Rudenko, K.A., 1991. *Otchet o arkheologicheskikh rabotakh v Tatarii i Ul'yanovskoi oblasti v 1990 g. (Report on archaeological surveys in Tataria and the Ulyanovsk region in 1990)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1, R-1, dossier 15725 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Recent Researches in Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions).* Izhevsk-Glazov Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 73–102 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2011. *Tatarskaya arkheologiya (Tatar Archaeology)* 20–21 (1-2), 32–151 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (2), 137–161 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar – Capital of Pre-Mongol Bolgaria).* Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 79–108. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 88–153 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2000. In Alekseeva, L. G. (ed.) *Muzei v sisteme tsennostei Evraziiskoi kul'tury (Museum in the system of values of Eurasian culture)* Kazan: "Shkola" Publ., 204–207 (in Russian).

Semykin, Yu. A., 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore, 76–83 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2008. In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Samara period of life).* Saratov: "Novyy veter" Publ., 174–191 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 213–233 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye Voprosy arkheologii Povolzh'ya. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 139–160 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bolgaria in the 8th – early 13th centuries).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 21. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2022. In Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Melnichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. *Armievskiy kurganno-gruntovyy mogil'nik (Armiyovo barrow and subsoil burial ground).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 28. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ., 441–460 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2023. In Zavyalov, V. I. (ed.) *I bronzy vek i vek zheleznyi. K yubileyu Natalii Nikolaevny Terekhovoi (And the Bronze Age and the Iron Age. On the anniversary of Natalia Nikolaevna Terekhova)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2024 In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 128–134 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Kazakov, E. P. 1989. In Sytin, S. L. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 8. Ulyanovslk: "Privolzhskoe kn. izd-vo" Publ., 123–132 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Matveev, G. I. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 242–253 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Nabiullin, N. G. 2024 In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 209–222 (in Russian).

Starostin, P. N., Kazakov, E. P. 1992. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research

Tolmacheva M. M. 1982. In Staniukovich, A. K. (ed.). *Estestvennye nauki i arkheologiia v izuchenii drevnikh proizvodstv (Natural Sciences and Archaeology in Studies of Ancient Industries)*. Moscow: Moscow Society of Naturalists, 56–63 (in Russian).

Usmanov, B. M., Gainullin, I. I, Gafurov, A. M., Rudenko, K. A., Ivanov, M. A. 2021. In *Proceedings of SPIE. Vol. 11863, Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII, 118630D (12 September 2021).* DOI: 10.1117/12.2599931

About the Authors:

Semikin Yuri A. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Associate Professor at the Institute of History and Culture of the Ulyanovsk Region (IHC OGAUK "Lenin Memorial"), 9th May St., 58, apt. 13. Ulyanovsk 432046, Ulyanovsk District, Russian Federation, semiku@mail.ru

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 26.02.2026 г.
Статья принята к публикации 23.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 908 (480.41) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.248.260

РОМАШКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: К ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ПОСЕЛЕНИЯ

©2026 г. А.З. Нигамаев

Ромашкинское (Староромашкинское) городище и прилегающие к нему со всех сторон посады и могильники представляют собой крупнейший археологический комплекс домонгольской эпохи восточнее Биляра. С 2013 г. комплекс планомерно изучается Елабужской археологической экспедицией. Одной из тем исследований последних лет является антропология населения данного домонгольского города. Человеческие останки в виде цельных костяков или единичных костей присутствуют в каждом раскопе. В 2023 г. в двух небольших раскопах, заложенных в восточном и южном посадах, было изучено 4 «мусульманских погребения». Антропологический и судебно-медицинский анализы показали, что «погребенные» имели сублапоидно-субуральский (3) или европеоидный (1) облики, они умерли насильственной смертью в возрасте от 20 до 45 лет. Была проведена реконструкция внешнего облика мужчины-европеоида и женщины-сублапоноида. Отдельные костные материалы данных людей были отправлены на радиокарбонный анализ С14, в результате чего получено интересная информация, подтверждающая время гибели данного города.

Ключевые слова: археология, Ромашкинское городище, посад, домонгольский период, население, керамика, погребение, костяк, анализ, датировка.

THE ROMASHKINO ARCHAEOLOGICAL ASSEMBLAGE: ON THE ISSUE OF THE SETTLEMENT'S DESTRUCTION

A.Z. Nigamaev

The Romashkino (Staroye Romashkino) fortified settlement and along with its surrounding posads (suburbs) and burial grounds, constitutes the largest pre-Mongol archaeological complex located east of Bilyar. Since 2013, it has been systematically studied by the Yelabuga archaeological expedition. The anthropology of the population of this pre-Mongol urban settlement has been one of the focus of recent research. Every excavation trench yields human remains, from entire skeletons to individual bones. In 2023, 4 «muslim burials» were studied in two small excavation areas laid in the eastern and southern posads. Anthropological and forensic analysis showed that the «buried» had Sub-Lapponoid-Sub-Uralic (3) or Europoid (1) physical type, aged from 20 to 45 years, were killed by violence. Facial reconstructions were performed for a Europoid male and a Sub-Lapponoid female. Select bone samples from these individuals were submitted for radiocarbon (C14) dating, yielding fascinating data that corroborates the timeline of the destruction of this settlement.

Keywords: archaeology, Romashkino fortified settlement, posad, pre-Mongol period, population, pottery, burial, skeleton, analysis, dating.

Ромашкинский (Староромашкинский) археологический комплекс является одним из крупных памятников, расположенных восточнее Биляра. Он состоит из одноименного городища, трех посадов и нескольких могильников. Археологической литературе к нему же приписывают расположенный в 2 км юго-западнее кладбище «Ташбилге» («Ханское») с надмогильными камнями золотоордынской эпохи и находящийся еще южнее позднеболгарское селище. Вопрос по последним двум памятникам остается открытым.

Городище занимает северо-восточную часть ровной площадки между речкой Толкишка и ручейком Артъелга (сейчас названия перепутаны). Географически оно расположено в 16 км южнее Камы и 0,5 км – нынешнего села Старое Ромашкино Чистопольского района Республики Татарстан. От Биляра до комплекса по прямой 42 км и 52 км по старой дороге (рис. 1).

По уточненным данным городище с земляными укреплениями занимает территорию 39814 кв. м. (3,98 га), без укреплений – 26271 кв. м. (2,63 га). Укрепления с юго-запада и северо-востока представлены двумя линиями валов и рвов. Общая площадь трех посадов, окруживших городище почти со всех сторон

Рис. 1. Местоположение Ромашкинского археологического комплекса.
Fig. 1. Location of the Romashkino archaeological complex.

с примыкающими к ним могильниками чуть более 950000 кв. м. (95 га), а площадь всего Ромашкинского комплекса – почти 99 га (Нигамаев, 2021, с. 56). Сейчас территория комплекса уменьшается в связи природными и антропогенными факторами, наиболее значимыми из которых являются расширяющиеся овраги и наличие водохранилища (рис. 2).

Впервые научно памятник исследовался А.К. Буличем в 1925 г. (Булич, 1926). В 1952 г. здесь работала КАЭ (Хлебникова, 1962; Фахрутдинов, 1975, с.147, № 1137; Археологические памятники.., 1988,с. 70), 1989 – К.А. Руденко (Руденко, 1990), 2008 – Н.Г. Набиуллин (Набиуллин, 2009). С 2013 г. на Ромашкинском комплексе работает Елабужская археологическая экспедиция. За это время в пределах 9 раскопов было вскрыто 796 кв. м.

Мощность культурного слоя вне объектов на городище доходит до 100 см. Стратиграфия его показывает формирование этого слоя в домонгольский период, верхняя треть которого переработана в результате вспашки в XVII-XIX вв. и задернована. В пределах раскопов полностью или частично исследованы 65 ямных конструкций, 6 жилищ с печями-каменками и т.н. 8 «погребений». Кстати, жилища здесь относятся к двум типам, отличающимися ориентацией по сторонам света, наличием ям-кладовок и конструкционными особенностями печей-каменок.

Наиболее массовым материалом на Ромашкинском археологическом комплексе являются фрагменты глиняной посуды (рис. 3-5). Всего за годы раскопок на памятнике было собрано 77078 фрагментов гончарной и лепной керамики. При определении принадлежности к той или иной этнокультурной группе посуды населения Волжской Болгарии использовался метод выделения групп керамики по комплексу признаков, разработанный Т.А. Хлебниковой (1984; 1988).

Староромашкинский комплекс будущи памятником только домонгольской эпохи интересен для дальнейшего изучения. В материальной культуре его населения, в частности в керамической посуде, присутствуют своеобразные черты, чего нет в других домонгольских памятниках (Нигамаев, 2017, с. 240). Они могут внести определенную ясность в этнокультурные процессы происходящие в данном

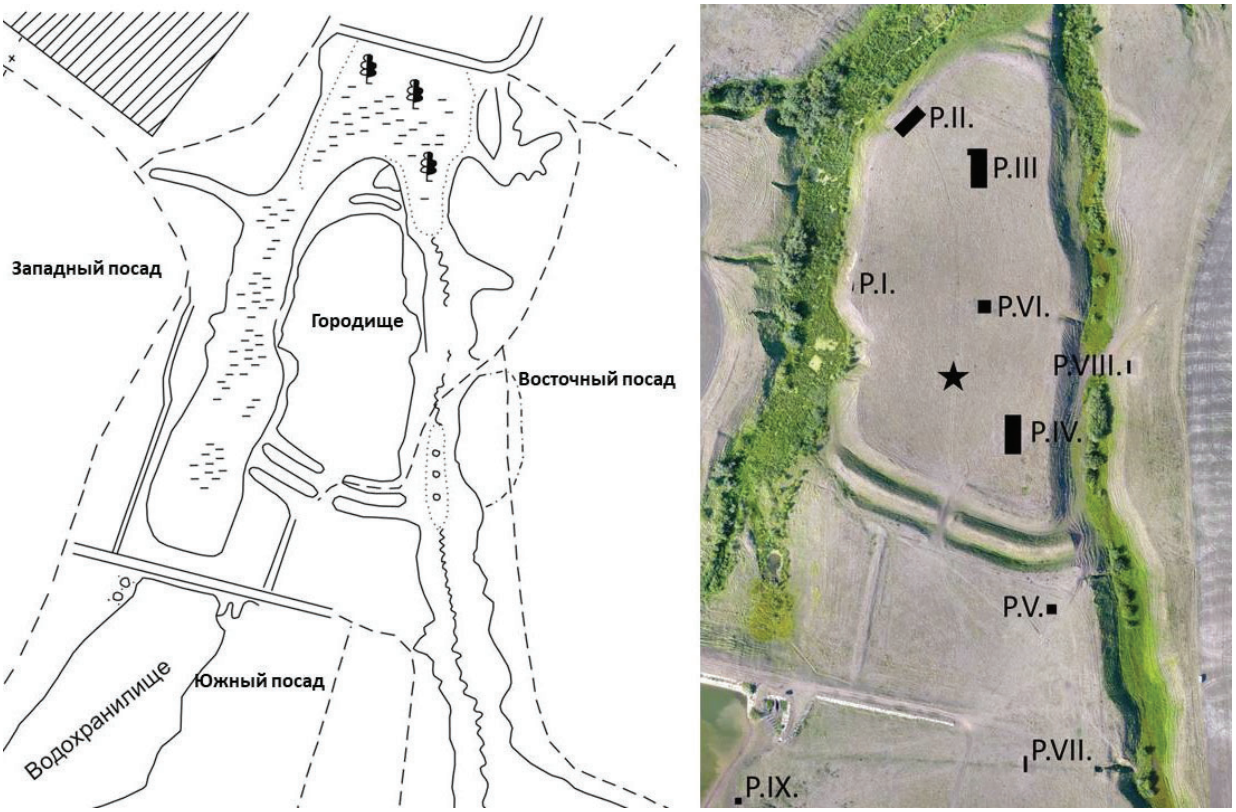

Рис. 2. План Ромашкинского археологического комплекса и расположение раскопов.
Fig. 2. Plan of the Romashkino archaeological complex and the location of the excavation areas.

Рис. 3. Общеболгарская посуда.
Fig. 3. Pottery of the common Bolgar type

регионе (Купцова, 2019). Надо отметить, что исследование одного из трех огромных посадов комплекса только начаты, а домонгольские могильники пока вообще не оконтурены.

С самого начала нашего исследования в раскопах мы встречались с человеческими останками. Если в раскопе II 2013 г. это были детские челюсти, кости взрослых людей, то в последующих раскопах мы уже сталкивались т.н. «погребениями» у жилищ (рис. 6,7). Скопление человеческих черепов было выявлено и на месте лагеря, в 30 м юго-восточнее

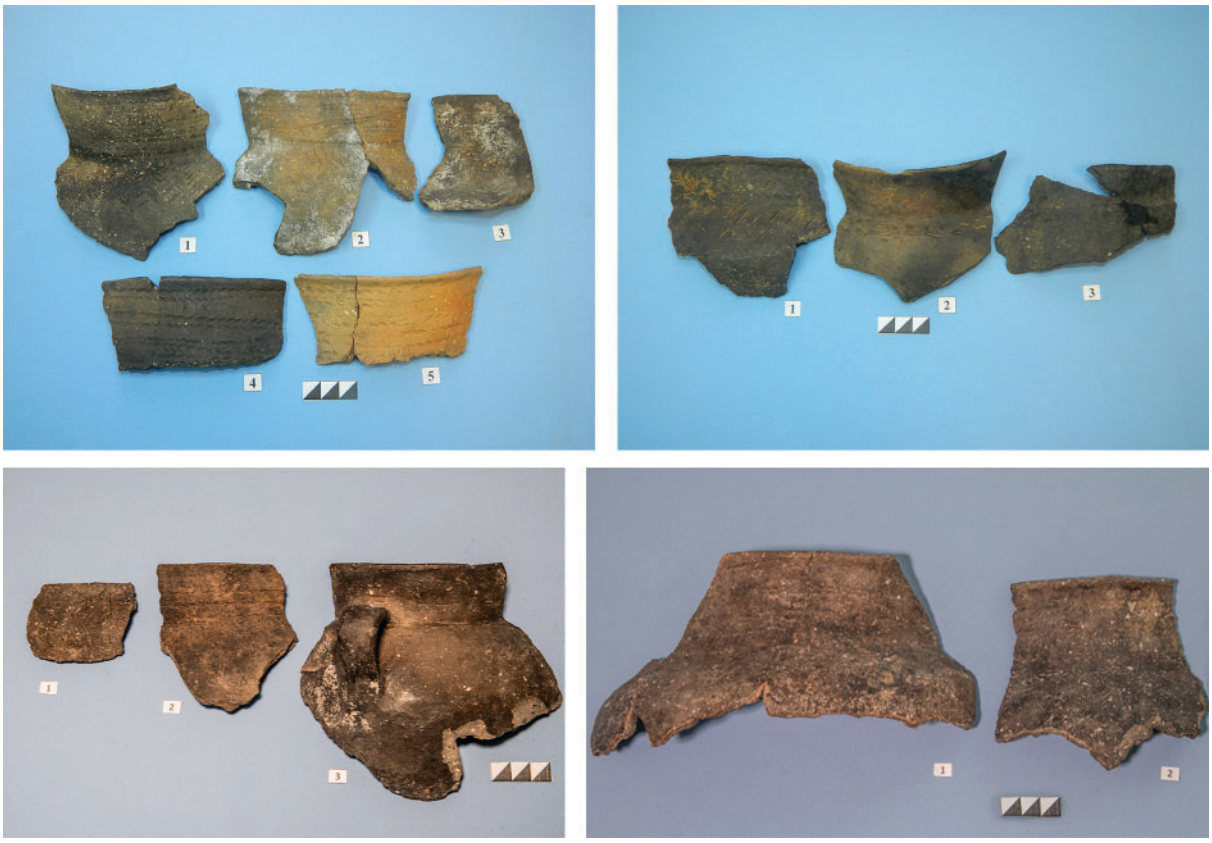

Рис. 4. Керамика VII группы.
Fig. 4. Pottery of group VII.

Рис. 5. Керамика VIII группы.
Fig. 5. Pottery of group VIII.

Таблица 1
Table 1

	I гр. (%)	**VII гр.** (%)	**VIII гр.** (%)	**XIII гр.** (%)	**XVII гр.** (%)	**XVIII гр.** (%)	**Остальн.** (%)	**Всего** (%)
Раскоп II	12850 (87,3)	1396 (9,4)	30 (0,2)	273 (2)	40 (0,2)	2 (0,01)	119 (0,81)	14710 (100)
Раскоп III	24553 (86,7)	3166 (11,3)	18 (0,06)	295 (1,04)	65 (0,2)	-	251 (0,87)	28320 (100)
Раскоп IV	19791 (91,2)	1181 (5,4)	38 (0,1)	386 (1,7)	57 (0,2)	3 (0,01)	226 (1)	21681 (100)
Раскоп V	1003 (85,4)	104 (8,8)	3 (0,2)	37 (3,1)	2 (0,1)	-	25 (2,1)	1174 (100)
Раскоп VI	7004 (89,3)	219 (2,7)	17 (0,21)	253 (3,2)	19 (0,2)	-	324 (4,39)	7836 (100)
Раскоп VII	1305 (90,9)	70 (4,9)	4 (0,2)	35 (2,5)	8 (0,6)	-	14 (0,9)	1436 (100)
Раскоп VIII	552 (90)	14 (2)	1 (0,3)	10 (1,4)	2 (0,8)	-	28 (5), из них 19 - XI гр. (3)	607 (100)
Раскоп IX	1188 (90,4)	42 (3,1)	1 (0,07)	65 (4,9)	5 (0,3)	-	13 (1)	1314
Всего	68246 (88,54)	6192 (8,3)	112 (0,15)	1354 (1,76)	198 (0,26)	5 (0,006)	1000 (1,3)	77078 (100)

городища. В 2022 г. в разных местах восточного и южного посадов были отмечены выступающие из под дерна человеческие черепа, некоторые из них уже были частично разбиты (рис. 8). В связи с этим в 2023 г. было принято решение вскрыть данные разрушающиеся останки и детально их обследовать.

Раскоп VIII. **Погребение 1а.** Во время осмотра прилегающей к городищу территории в 2022 г. на краю восточного посада над оврагом р. Артъелга Н.Гариф под дерном был обнаружен выступающий череп, имеющий разрушения затеменной области. Занимает центральную часть участка 4 раскопа VIII (рис. 9). Погребенный лежит не совсем прямо. Верхняя половина имеет ориентацию ВСВ – ЗЮЗ, нижняя ЮВ – СЗ. Ногами уходит за пределы раскопа (рис. 10). Полная длина костяка 167 см. Голова повернута лицом на кыйблу. Руки сложены на уровне живота, правая поверх левой. По предварительному осмотру погребенный был определен как женщина средних лет. Но антропологический анализ (И.Р. Газимзянов) показал принадлежность субъекта к взрослому мужчине старше 45 лет. Антропологический тип данного индивида характеризуется смешанными признаками и сочетает в своем физическом облике как европеоидные черты (неширокое и низкое лицо), так и монголоидные особенности (несильное выступание носа, общий лицевой прогнатизм). В целом, данный краниокомплекс характерен, прежде всего, для местного поволжско-приуральского населения, носителей субуральского морфотипа.

Согласно судебно-медицинскому исследованию (А.И. Жолобов, И.А. Сошников, акт № 2-пл) погребенные останки принадлежат мужчине 45-50 лет. И антропологическое, и судебно- медицинское исследования отмечают наличие на правой теменной кости дефекта, образовавшегося в результате ударного (пробивного) воздействия тупого твердого предмета, имеющего форму на протяжении погружения двух крестообразно соединяющихся прямоугольников разметами 5х11 мм и 5х10 мм. Удар был нанесен под прямым углом с большой силой и пробил на черепе дырку 10 мм (рис. 11). Края отверстия сглажены и имеет следы заживления. Наличия признаков заживления в окружности перелома, а также наличия следов локального скопления в пространстве между внутрен-

Рис. 6. Погребения из раскопа III (2016 г.).
Fig. 6. Burials at the excavation III (2016).

Рис. 7. Останки людей из раскопа IV (2017 г.).
Fig. 7. Human remains from the excavation IV (2017).

ней поверхностью черепа и наружным листком твердой мозговой оболочки указывает на давность образования дырчатого перелома правой теменной кости, т.е. после нанесения удара человек был жив еще 1-2 месяца.

На крыле правой подвздошной кости скелета обнаружены два повреждения ударного воздействия тупого твердого предмета оставившие пробития костной поверхности 8x8x8 мм и 3x8x2 мм. Криминалистический анализ не смог определить особенности травмирующего предмета.

Погребение 1б. Во время зачистки погребения 1а нами было выявлено, что внизу лежит еще один костяк (рис. 10). Он лежит на спине по направлению головой на запад, лицом на

Рис. 8. Места выявления скоплений человеческих останков и отдельных костяков.
Fig. 8. Places of discovered accumulations of human remains and individual skeletons.

юг. Левая рука на паху, правая вытянута вдоль туловища. Длина костяка 164-165 см.По предварительному осмотру погребение 1б было определено как мужское. Предполагалось, что здесь могли быть уложены близкие люди, например, муж (1б) и жена (1а). Согласно антропологическому анализу данный «краниотип подростка-девушки характеризуется плоским и низким прогнатным лицом, что в сочетании со слабым углом выступания носа и брахикранной черепной коробкой может указывать …на ее лапоноидный (уральский) физический облик, который был распространен с древности в антропологическом соста-

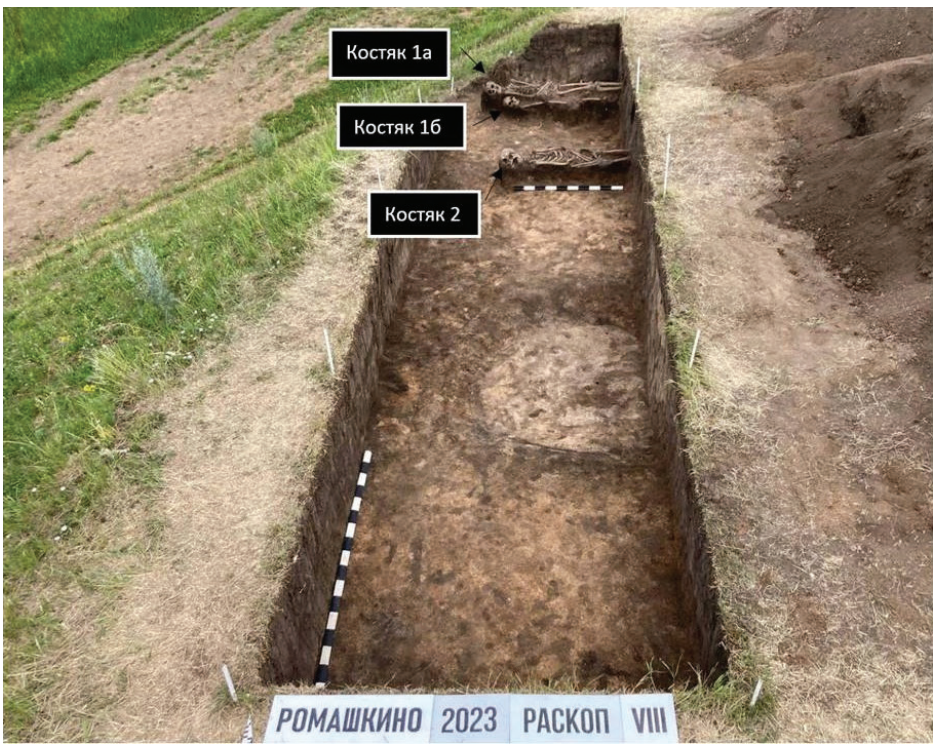

Рис. 9. Раскоп VIII (2023 г.) с указанием погребений.
Fig. 9. Excavation VIII (2023) indicating burials.

Рис. 10. Погребение 1 раскопа VIII.
Fig. 10. Burial 1 of excavation VIII.

ве местного поволжско-уральского населения финно-угорского генезиса».

По результатам судебно-медицинской экспертизы костяк принадлежит юноше 15-18 лет, на первом шейном позвонке и черепе которого обнаружено повреждение, морфологические признаки чего свидетельствуют об образовании его в результате ударного (пробивного) воздействия удлиненного тупого предмета имеющей форму поперечного сечения на протяжения погружения, приближающуюся к прямоугольной размером 8х12 мм (рис. 12). Удар был нанесен под углом, снаружи-внутрь, сзади-наперед, снизу-верх, слева-направо. Предмет воздействовал с большой кинетической энергией, достаточной для образования дырчатого перелома дуги первого позвонка. Отсутствие признаков заживления свидетельствует на причинение данных повреждений непосредственно перед

Рис. 11. Следы пробивного воздействия на костях погребения 1а.
Fig. 11. Traces of penetration on the bones of burial 1a.

Рис. 12. Следы повреждений на костях погребения 1б.
Fig. 12. Traces of damage on the bones of burial 1b.

наступлением смерти. Удар и разрушение атлантовой кости считался в средневековье «щадящей смертью».

Погребение 2. Костяк выявлен на северо-восточной части участке 3 около 120 см южнее погребений 1. Ногами уходит на востоке за пределы раскопа (рис. 13). Полная длина – 169 см. Погребенный лежит на правом боку, левая рука согнута в локте, кисть ее на крыле правой подвздошной кости, правая вытянута вдоль туловища, кисть ее закрывает кисть левой руки. Ориентация головой на запад. Нами костяк был определен как мужской.

Антропологический анализ определил костяк как принадлежащий мужчине зрелого возраста в пределах 35-45 лет хорошо выраженного европеоидного облика (рис. 14). Судебно-медицинская экспертиза определила возраст данного мужчины в пределах 29-38 лет. Признаков болезней, приведшей к смерти не выявлено. Мужчина мог быть убит поражением мягких тканей (области живота, горла).

Рис. 13. Погребение 2 раскопа VIII.
Fig. 13. Burial 2 at the excavation VIII.

Рис. 14. Череп мужчины европеоидного облика раскопа VIII.
Fig. 14. Skull of a male with Caucasoid features from the excavation VIII.

Наличие зерновых ям рядом с погребенными показывает об их «погребений» внутри жилищной усадьбы.

Погребение 1 раскопа IX. В ходе осмотра прилегающей к городищу с юга территории на краю водохранилища был обнаружен череп, выступающий из-под дерна. В 2023 г. здесь был заложен небольшой (16 кв.м.) раскоп IX. На уч. А/1 был расчищен костяк, лежащий на спине, чуть повернутый на правый бок, оринтированный головой на ЗСЗ (рис. 15). Левая нога прямая, правая чуть согнута на колене. Левая рукая лежит чуть выше правой подвздошной кости, правая несколько откинута вдоль тулова. Сохранность костяка хуже костяков раскопа VIII из-за близости уровня воды пруда. На левой теменной кости на черепе большое сквозное отверстие подтреугольной формы. Длина костяка 159-163 см. По положению погребенного и по морфологии костей скелет был описан как мужской.

Согласно научному отчету по антропологической экспертизе скелет, судя по костям таза и черепу, принадлежал молодой женщине в возрасте 16-20 лет. Антропологический тип данного субъекта определяется как смешанный, сочетающий европеоидные и монголоидные черты, что, вообще, было характерно для местных древних урало-поволжских групп населения, являвшихся носителями

Рис. 15. Погребение 1 раскопа IX (2023 г.).
Fig. 15. Burial 1 at the excavation IX (2023).

признаков уральской расы (низкое и плоское лицо сопровождается несильно выступающим носом).

Судебно-медицинские исследования определили предположительный костный возраст около 20-24 лет. Пол женский. Костные дефекты на черепе в области теменной и височной костей слева, а также в области основания черепа не отображают конструктивные особенности травмирующего предмета. Признаки полного косо-поперечного перелома костей левого предплечья указывает на образование его в результате однократного ударного воздействия тупого твердого предмета (рис. 16). Данные характерны для так называемого «парирующего» перелома, когда рука согнута в локтевом суставе под прямым углом прикрывая голову, как показано на рисунке. Отсутствие признаков заживления указывает на причинение данных повреждений непосредственно перед наступлением смерти.

Рис. 16. Реконструкция травмы предплечья костяка из раскопа IX.
Fig. 16. Reconstruction of the forearm injury of the skeleton from excavation IX.

Положение рук усопшего не является строгим критерием полового определения погребенного. Зачастую сложенные на уровне груди руки могут быть объяснены посмертным затвердением тела. Но османский теолог Мулла Хосроу (ум. 1480 г.) в своей работе «Дурар аль-хуккам шарх гурар ал-ахкам» объясняет, что в ханафитском масхабе во время погребения руки усопшего должны быть вытянуты вдоль туловища. Правда не уточняет – они должны быть абсолютно ровные или чуть приподняты на подвздошные кости. В тоже время в шафиитском масхабе руки могут быть уложены на груди, лишь с условием, что кисть правой руки должна прикрывать кисть левой. Известно, что шафииты менее лояльно относились к язычникам, чем ханафиты, но более лояльны чем маликиты. Получил ли распространение шафиитский масхаб среди болгар лишь в золотоордынское время, как считалось раньше, остается дискуссионным.

Важно было уточнить время гибели этих людей. Образцы материала из погребения 2 раскопа VIII и погребения I раскопа IX отправлены в Санкт-Петербург для датировки. Еще в 2022 г. в раскопе VI на месте сгоревшего жилища нам удалось собрать образцы угля и провести анализ в Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А.И. Герцена. Под руководством д.г.-м.н. М. А. Кулковой нам удалось определить возраст гибели данного сооружения в промежутке с 1236 по 1277 гг. В подтверждении данной даты гибели города калиброванный возраст смерти мужчины из погребения 2 по амплитудному максимуму приходится на 1240-1242 гг.

Комплекс является остатками довольно значительного болгарского города домонгольской эпохи, но в известных на сегодняшний день письменных источниках поселения на данном месте не упоминается. У местного населения с. Старое Ромашкино исторического названия объекта не сохранилось, т.к. до его появления здесь не позднее 1645 г. (жители

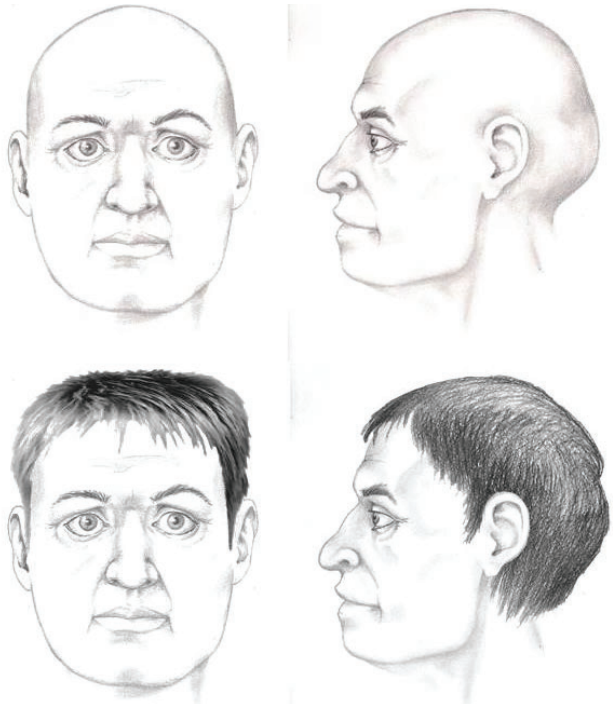

Рис. 17. Реконструкция внешнего облика мужчины из погребения 2 раскопа VIII.
Fig. 17. Facial reconstruction of a male from burial 2 at the excavation VIII.

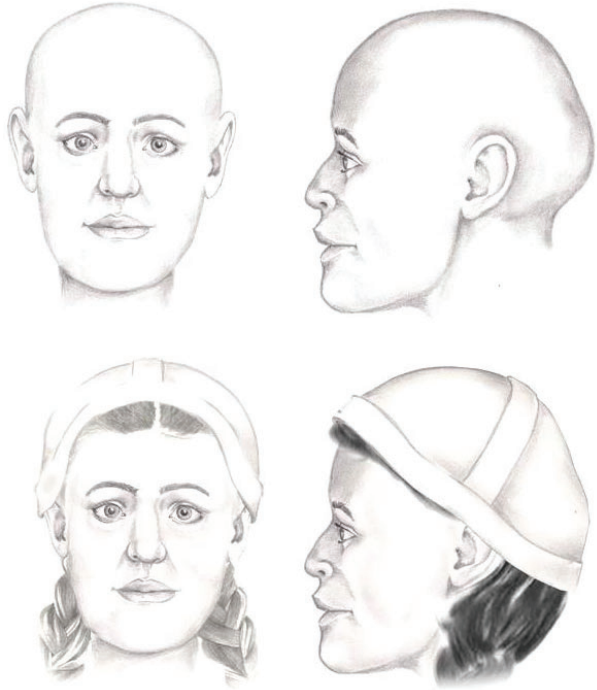

Рис. 18. Реконструкция внешнего облика женщины из погребения 1 раскопа IX.
Fig. 18. Facial reconstruction of a female from burial 1 at the excavation IX.

Таблица 2. Результаты определения абсолютного возраста образцов костяков из Ромашкинского городища (г. Толкиш)
Table 2. Results of absolute age determination for skeletal samples from the Romashkino fortified settlement (Tolkish urban settlement).

№ п/п	Идентификатор образца (Заказчик)	Шифр образца (Исполнитель)	Абсолютный возраст 14C, BP	Калиброванный возраст (2σ), calAD
1.	Раскоп VIII, Ромашкинское городище, погр. 2	SPb_4186	756±25	1225-1285
2.	Раскоп IX, Ромашкинское городище, погр. 1	SPb_4187	990±25	994-1154

деревни переселившиеся из-за Волги татары-мишары) эти земли некоторое время являлись «пустошью». Из-за формы городища сельчане называет его «Калюш» («калоша»), хотя среди окрестных казанских татар используется и название «Кала» («крепость, город»). В плане местности 1859 г. памятник назван как «Городок Айша». Но учитывая традиции именования средневековых городов, а также топографических особенностей местности больше вероятности, что забытое название города было Толкиш.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Булич А.К. Булгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // ВНОТ. 1926. № 4. С. 76−80.

Купцова М.С. Прикамско-приуральский компонент в керамическом комплексе Староромашкинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 239–242.

Набиуллин Н.Г. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях городища «Калюш» (Старо-Ромашкинское) на территории Чистопольского муниципального района Республики Татарстан в 2008 г. Казань, 2010. 18 с. 27 илл.

Нигамаев А.З. Города Прикамья в позднедомонгольский и раннезолотоордынский периоды: к вопросу о преемственности населения // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 239–242.

Нигамаев А.З. Староромашкинский археологический комплекс: некоторые итоги и перспективы исследования // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 55–64.

Руденко К.А. Отчет о разведках в Чистопольском р-не Татарской АССР в 1989 г. Казань, 1990 / Архив ИА РАН, № 12730. Л.11.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство Волжских болгар X – XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 93–152.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984. 240 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Информация об авторе:

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга, Россия); доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет (г. Набережные Челны, Россия); alnig.07@mail.ru.

REFERENCES

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Bulich, A. K. 1926. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies)* 4, 76–80 (in Russian).

Kuptsova, M. S. 2019. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1, 239–242 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2010. *Otchet ob okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniiakh gorodishcha «Kaliush» (Staro-Romashkinskoe) na territorii Chistopol'skogo municipal'nogo raiona Respubliki Tatarstan v 2008 g. (Report on Security and Rescue Archaeological Studies at Kalyush (Staroe Romashkino) Hillfort in Chistopolsky Municipal District of the Republic of Tatarstan in 2008).* Kazan (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2017. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1, 239–242 (in Russian)

Nigamaev, A. Z. 2021. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 55–64 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1990. *Otchet o razvedkakh v Chistopol'skom raione Tatarskoi ASSR v 1989 g. (Report on Explorations in Chistopolsky District of the Tatar ASSR in 1989).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 12730, 11 (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware ft he Volga Bolgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 252–268 (in Russian).

About the Author:

Nigamaev Albert Z., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya St., 89, Yelabuga, 423604, Republic of Tatarstan; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, 423806 Republic of Tatarstan, Russian Federation; alnig.07@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 17.11.2025 г.

УДК 902/904; 903.53 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.261.269

«ВСАДНИЧЕСКОЕ» ПОГРЕБЕНИЕ В СЫРЦОВОЙ ОГРАДЕ МОГИЛЬНИКА ЛЕБЕДЕВКА VIII[1]

© 2026 г. Д.В.Марыксин

В статье рассматриваются археологические материалы, полученные при проведении в 2014 г. раскопок могильника Лебедевка VIII, расположенного на горе Есен-Амантау в Каратобинском районе Западно-Казахстанской области. Данный могильник является самым южным среди всех могильником Лебедевского микрорайона. Особенностью данного могильника является преобладание курганов, сооруженных в эпоху средневековья, в отличие от остальных могильников Лебедевского микрорайона (могильники Лебедевка I-VII), возведенных в эпоху раннего железного века. В южной части могильника Лебедевка VIII был раскопан курган 12, который представлял собой круглую сырцовую ограду с кирпичным надмогильным сооружением над одним из погребений. Внутри мавзолея было совершено два захоронения, одно из которых относится к всадническим с сопровождением инвентаря. Здесь обнаружены железные стремена, удила, ножницы, бронзовое зеркало и бронзовые ременные накладки. Особый интерес представляют два зооморфных ременных наконечника, на одном из которых изображено рогатое животное, а на второй - трехпалый дракон. Они являются фактически единственными золотоордынскими накладками, обнаруженными в закрытом комплексе. На данный момент данное погребение является редким «всадническим» погребением времён Золотой Орды, обнаруженным в сырцовой ограде.

Ключевые слова: археология, Лебедевский микрорайон, Западный Казахстан, Золотая Орда, трехпалый дракон, сырцовый мавзолей.

A “HORSEMAN” BURIAL IN A MUDBRICK ENCLOSURE AT THE LEBEDEVKA VIII BURIAL GROUND[2]

D.V. Maryksin

This paper examins the archaeological material obtained during the 2014 excavations at the Lebedevka VIII burial ground, located on the Mount Esen-Amantau in the Karatobe district of the West Kazakhstan Region. This burial ground is the southernmost among all the burial grounds of the Lebedevka micro-district. A distinctive feature of this burial ground is the predominance of barrows constructed in the medieval period, in contrast to the other burial grounds of the Lebedevka micro-district (Lebedevka I–VII burial grounds), which were erected in the Early Iron Age. In the southern part of the Lebedevka VIII burial ground, barrow 12 was excavated. It consisted of a circular mudbrick fence with a brick grave structure over one of the burials. Two burials were found inside the mausoleum, one of which is classified as a “horseman” burial accompanied by grave goods. Items discovered include iron stirrups, a bridle bit, scissors, a bronze mirror and bronze belt mounts. Particularly noteworthy are two zoomorphic belt-end, one of which depicts a horned animal, and the other—a three-toed dragon. These are currently the only Golden Horde period mounts discovered in a closed assemblage. At present, this burial represents a rare example of a “horseman” burial from the Golden Horde period found in a mudbrick enclosure.

Keywords: archaeology, Lebedevka micro-region, Western Kazakhstan, Golden Horde, three-toed dragon, mudbrick mausoleum.

Введение. Курганы в окрестностях села Сегизсай (Лебедевка) были открыты экспедицией Уральского пединститута под руководством Г.И. Багрикова в 1966-1967 гг. Тогда же в комплексах Лебедёвка II и IV Г.И. Багриков исследовал несколько позднесарматских и два средневековых погребения. Начиная с 1977 года, в течение четырёх полевых сезо-

[1] Работа выполнена в рамках программы программно-целевого финансирования МНВО РК BR24992939 «Сырдарья и Каратау в древности и средневековье: генезис и трансформация культур»

[2] The work was carried out as a part of the targeted financing program of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan BR24992939 "Syrdarya and Karatau in antiquity and the Middle Ages: genesis and transformation of cultures"

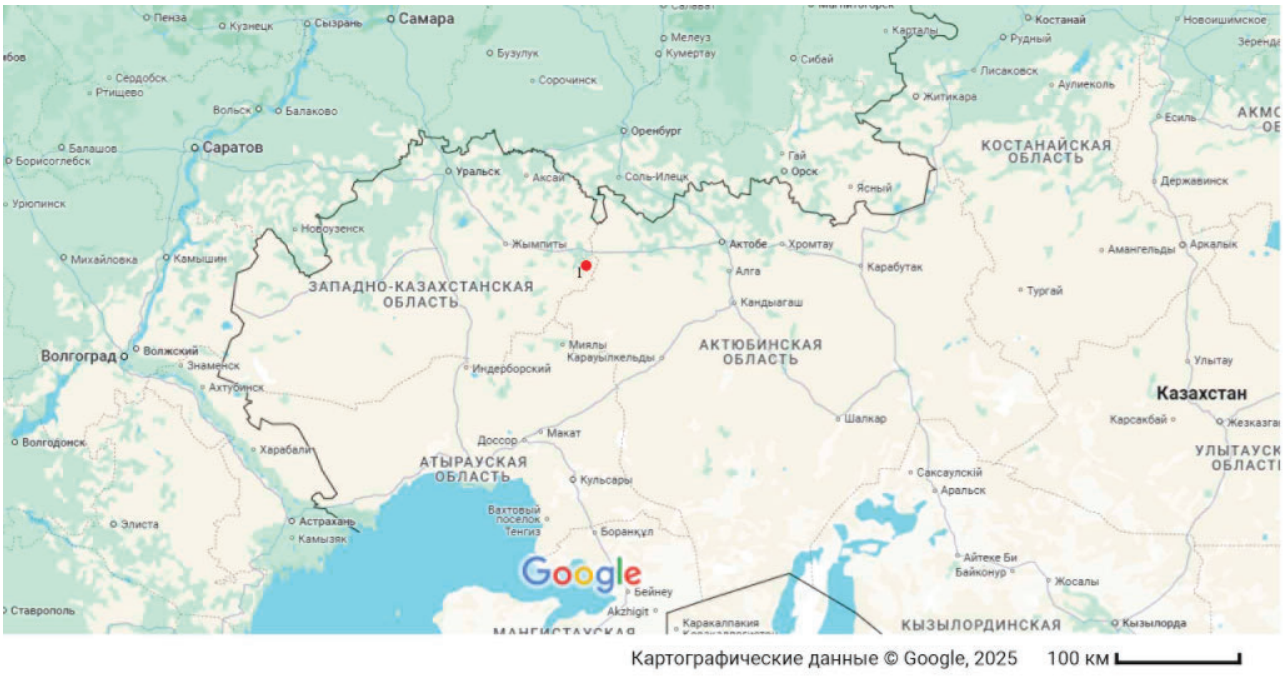

Рис. 1. Расположение могильника Лебедевка VIII на карте Республики Казахстан.
Fig. 1. Location of Lebedevka VIII burial ground on the map of the Republic of Kazakhstan.

нов исследования Лебедёвских комплексов проводила совместная экспедиция Института археологии АН СССР (М. Г. Мошкова) и Уральского пединститута (Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер), в ходе которых среди абсолютного большинства позднесарматских погребений было выявлено 8 позднекочевнических, расположенных в окрестностях пос. Лебедёвка в верховьях р. Калдыгайты, на востоке Западно-Казахстанской области, т.е. именно в глубинных и малоисследованных районах южноуральской степи. Всего выявлено более 300 курганов, объединённых в восемь комплексов.

Комплекс Лебедевка VIII расположен в 1 км к северо-западу от пос. Егиндиколь. В 1978 году в данном могильнике было исследовано 7 курганов, из которых четыре (1, 3, 5 и 6) относятся к эпохе средневековья. Позднее раскопки в могильнике были проведены под руководством автора в 2011 и в 2014 годах, когда было раскопано 5 курганов. Ниже приводятся наиболее представительные материалы могильника, обнаруженные в кургане 12.

Основная часть

Курган 12, раскопанный в 2014 году, располагался в южной части комплекса. Курган являлся аварийным, так как располагался на трассе газопровода, разрушившего насыпь. На поверхности были обнаружены многочисленные фрагменты жженых и сырцовых кирпичей. Диаметр разрушенного кургана составлял 5 м.

После зачистки поверхности насыпи выявилось круглое башнеобразное сооружение. Диаметр его - 4-4,4 м, внутренний диаметр мавзолея - 2,7 м. Толщина стен составляет 0,65-0,7 м. Стены мавзолея сложены толщиной в три кирпича. Стены сохранились до 8 слоев кирпича. Нижние ряды сложены толщиной до пяти кирпичей и составляют 1,1 м. Кирпич клиновидной формы размером 22х25-26х6 см. Внутри сооружения, в его северо-восточной части расположена сагана, расположенная вплотную к северной стенке мавзолея. Сагана пирамидальной формы. Нижний ярус имеет размер 2,3х0,9 м и построен в три-четыре кирпича. Размер кирпича - 26х19х5 см. На нём расположен верхний ярус высотой в 6-7 рядов кирпича. Размер кирпичей верхнего яруса - 30х15х6 см. Размер верхнего яруса саганы - 1,7х0,6 см. Внутри ограды было выявлено два погребения.

Погребение 1 располагалось в могильной яме размером 2,3х0,95 м в южной части саганы. Погребенный расположен вытянуто на спине с доворотом на правый бок, ориентирован головой на запад. Череп расположен на затылочных костях. Сохранность костей скелета плохая, большая часть фрагментиро-

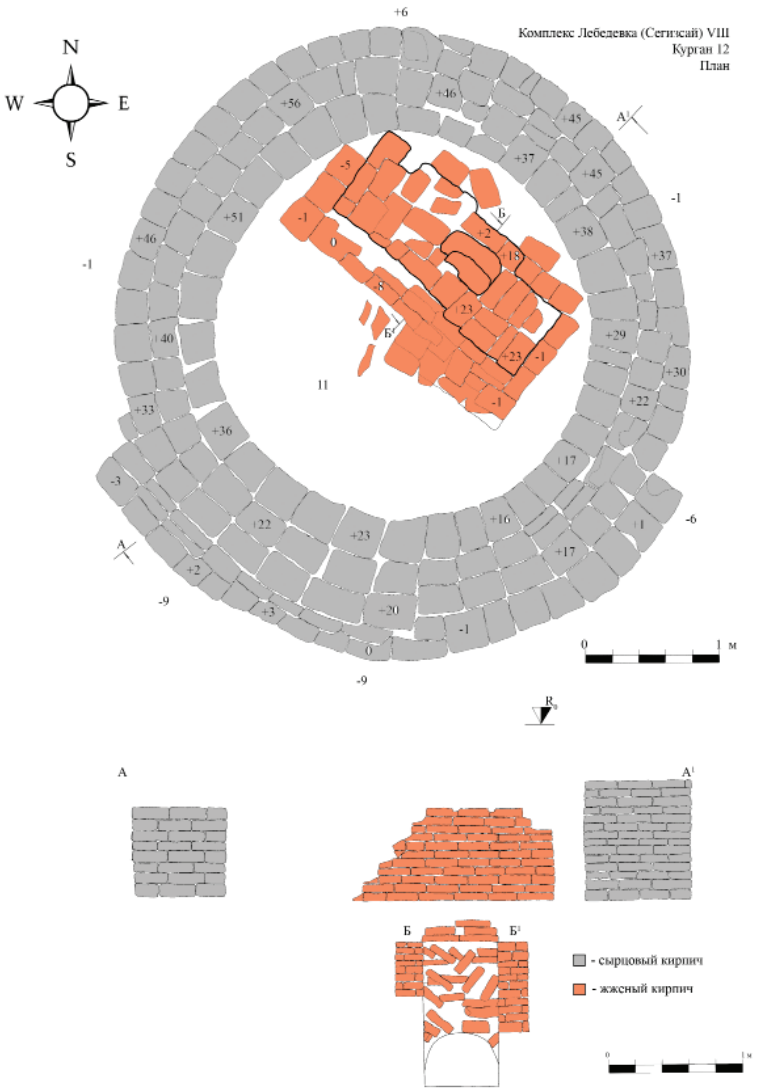

Рис. 2. Могильник Лебедевка VIII. План кургана 12
Fig. 2. Lebedevka VIII burial ground. Plan of barrow 12

вана. Правая рука вытянута, слегка согнута в локте таким образом, что кисть расположена под правой половиной таза. Левая рука вытянута вдоль туловища. Ноги вытянуты, слегка отставлены в левую сторону. Между тазовыми костями обнаружен очень сильно коррозированный железный предмет.

Погребение 2 располагалось в могильной яме размером 2,3х0,65 м. Погребенный расположен вытянуто на спине, ориентирован головой на северо-запад (300^0). Череп фрагментирован, расположен на затылочных костях. Руки погребенного вытянуты вдоль туловища, кисти расположены под тазовыми костями. Ноги вытянуты, слегка сомкнуты в стопах.

В могильной яме между черепом и западной стенкой обнаружена бронзовая пластина с нечёткими (ломаными) краями. Между берцовыми костями правой ноги и стенкой ямы обнаружены железные шарнирные ножницы, под которыми располагался фрагмент бронзового зеркала. На северной стенке ямы вблизи стоп погребенного обнаружено железное стремя, расположенное подножкой вверх. По юго-западной стенке ямы расположены железные удила, на которых обнаружены два крестообразных фрагмента сыромятного ремня с бронзовыми накладками в зверином стиле. На небольшом уступе восточной стенки обнаружен третий фрагмент сыромятного ремня в виде оконечника с бронзовой накладкой на нём. Под удилами обнаружено второе железное стремя. Оба стремени арочной формы, верхняя часть дужки расплюще-

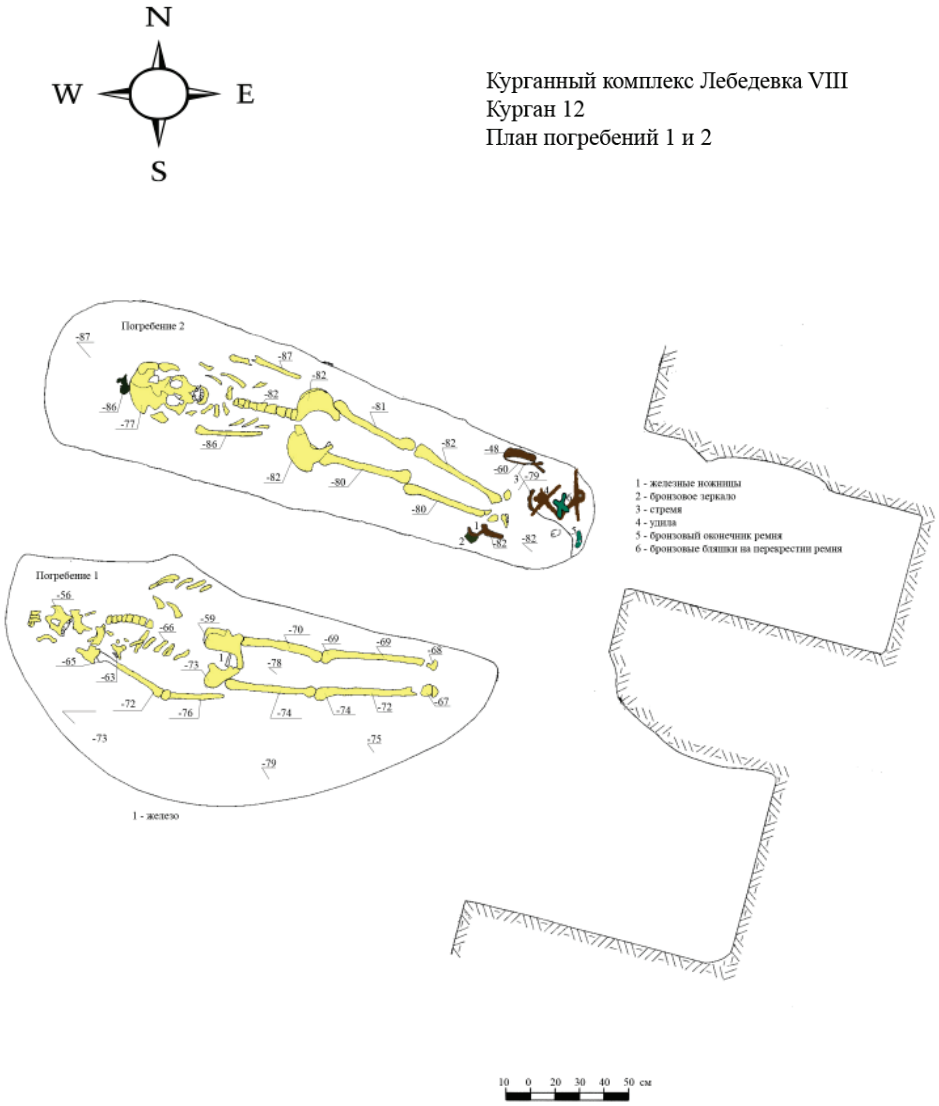

Рис. 3. План погребений 1 и 2 кургана 12 могильника Лебедевка VIII
Fig. 3. Plan of burials 1 and 2 of barrow 12 at the Lebedevka VIII burial ground

на и заострена. Подножка широкая. Сверху данного скопления инвентаря располагались треугольные в сечении фрагменты железа, являющиеся окантовками седла или колчана, среди них обнаружено три обоймы с кольцами на них.

Анализ погребального инвентаря

Удила двусоставные с подвижными кольцами и стержневидными псалиями с симметричным боковым расположением стержней на внутренних сторонах подвижных колец по типологии Е.П.Мыськова относятся в Отделу А, типу I, подтипу б (Мыськов, 2015, с. 64). Данный тип удил редок среди золотоордынских древностей и до этого были встречены лишь на территории Нижнего Поволжья в могильниках Аткарск, Бахтияровка, Золотушинская северная, Красная деревня и Козицкое. Они датируются не ранее середины XIII в. В целом, удила со стержневидными псалиями встречались с чучелами или костяками коней.

Выявленные стремена относятся к наиболее распространенному типу в золотоордынское время - стремена с прорезью в верхней части дужки без выделенного путлища с арочной дужкой с выгнутой широкой подножкой. По типологии Е.П.Мыськова они относятся к Отделу А, типу I, подтипу б (Мыськов, 2015, с. 56). По типологии В.А. Кригера они относятся к типу Д III (Кригер, 2012, с. 26). Считается, что существует очень слабая связь находок стремян с различными кирпичными конструкциями. Среди 1088 погребений Волго-Донских степей, проанализированных

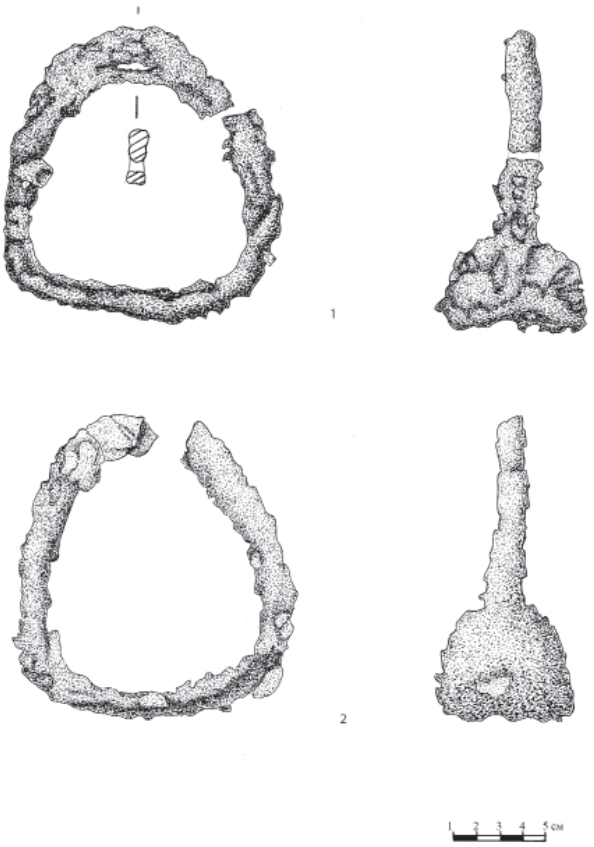

Рис. 4. Погребение 2 кургана 12 могильника Лебедевка VIII. Стремена
Fig. 4. Burial 2 of barrow 12 at the Lebedevka VIII burial ground. Stirrups

Е.П.Мыськовым, стремена зафиксированы лишь в 5 сооружениях из сырцовых и жженых кирпичей - надгробие (Степной 1, 1/2), прямоугольная вымостка (Зубовка, 7/1), круглые ограды (Зубовка, 12/1; Маляевка VI, 2/2) и прямоугольная ограда (Калиновский, 45/2) (Мыськов, 2015, с. 54).

Железные шарнирные ножницы с кольцами на концах, лежавшие на фрагменте зеркала. Данный тип ножниц является наиболее распространенным в золотоордынское время. Длина ножниц - 18,3 см, диаметр колец - 3,9 см.

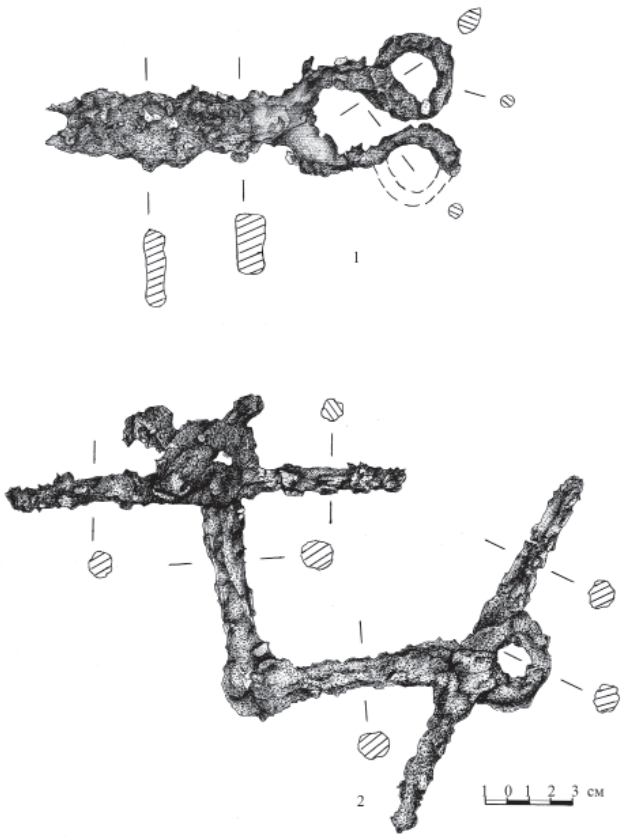
Фрагмент зеркала диаметром 5,9 см, с боковой ручкой. Зеркало с концентрическим кругом и ромбами, вписанными в него. Зеркало близко типу В III по типологии К.А.Руденко (2004, С. 114);

Оконечник ремня с изображением дракона имеет аналогии среди случайных находок, обнаруженных на территории Саратовской области и датированных концом XIII-XIV вв.

Рис. 5. Погребение 2 кургана 12 могильника Лебедевка VIII. Удила и ножницы
Fig. 5. Burial 2 of barrow 12 at the Lebedevka VIII burial ground. Horse bits and scissors

(Исаков, Афоньков, Архангельский, Павленко, Шереметьев, 2014, с. 240). В закрытом комплексе он обнаружен в слое 3 раскопа 1 Самосдельского городища, который датируется золотоордынским временем (Зиливинская, 2011, с. 33)[1]. Также подобный оконечник выявлен в кургане 145 Зевакинского могильника, который датируется IX-X вв. н.э. (Арсланова, 2013, с. 37).

Наконечник ремня с изображением рогатого животного в настоящее время имеет аналогии. Один подобный наконечник был обнаружен в 1966 г. на поверхности Приморской стоянки Калачевского района Волгоградской области и был датирован VIII-IX вв. н.э. (Культура…, 2001, с. 24). Второй подобный оконечник, но интерпретированный как изображение волка был обнаружен на поверхности городища Биляр и продатирована XI–XIII вв. н.э. (Измайлов, с. 464). По типологии Поляковой он относится к Отделу В-V – с округлым

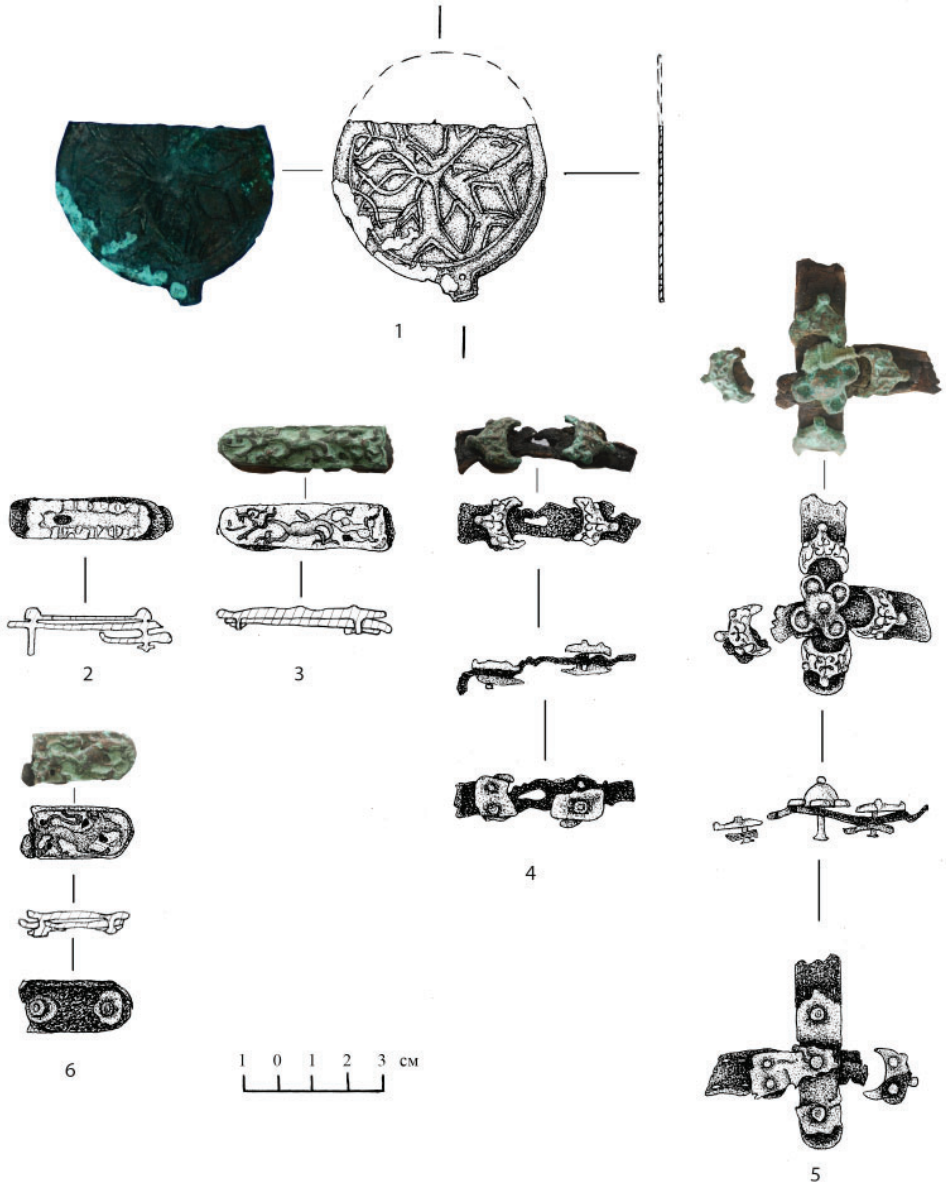

Рис. 6. Погребение 2 кургана 12 могильника Лебедевка VIII. Бронзовое зеркало и накладки на ремень.
Fig. 6. Burial 2 of barrow 12 at the Lebedevka VIII burial ground. Bronze mirror and belt mounts.

передним концом и фигурным вырезом в основании, подтипу B-V-2б – с изображением рогатого животного (Полякова, 1996, с. 197, рис. 66, *36*; с. 200). Ей к тому моменту было известно 3 экземпляра подобных наконечников, которые датируются ею золотоордынским временем (Полякова, 1996, с. 212).

Треугольные в сечении фрагменты железа могут быть остатками

Заключение

Согласно В.А.Иванову к числу «всаднических» следует отнести погребения, содержащие остатки конской шкуры (череп и кости ног), целой туши коня или принадлежностей конской сбруи (Иванов, 2007, с. 211). В выборке из 205 золотоордынских погребений Южного Приуралья, представленной им, всаднические составляют 29,7%, из которых конские захоронения составляют 12,7%, а в 17% были обнаружены принадлежности конской сбруи, но без костей коня (Иванов, 2007, с. 211). Следует сказать, что к числу погребений, содержащих шкуру коня отнесены погребения в курганах 13 и 14 могильника Мокринский I (Иванов, 2007, с. 213-214). Согласно же отчёта Г.А.Кушаева и Б.Ф.Железчикова в кургане 13 костей лошади не было обнаружено, в кургане же 14 в насыпи обнаружены

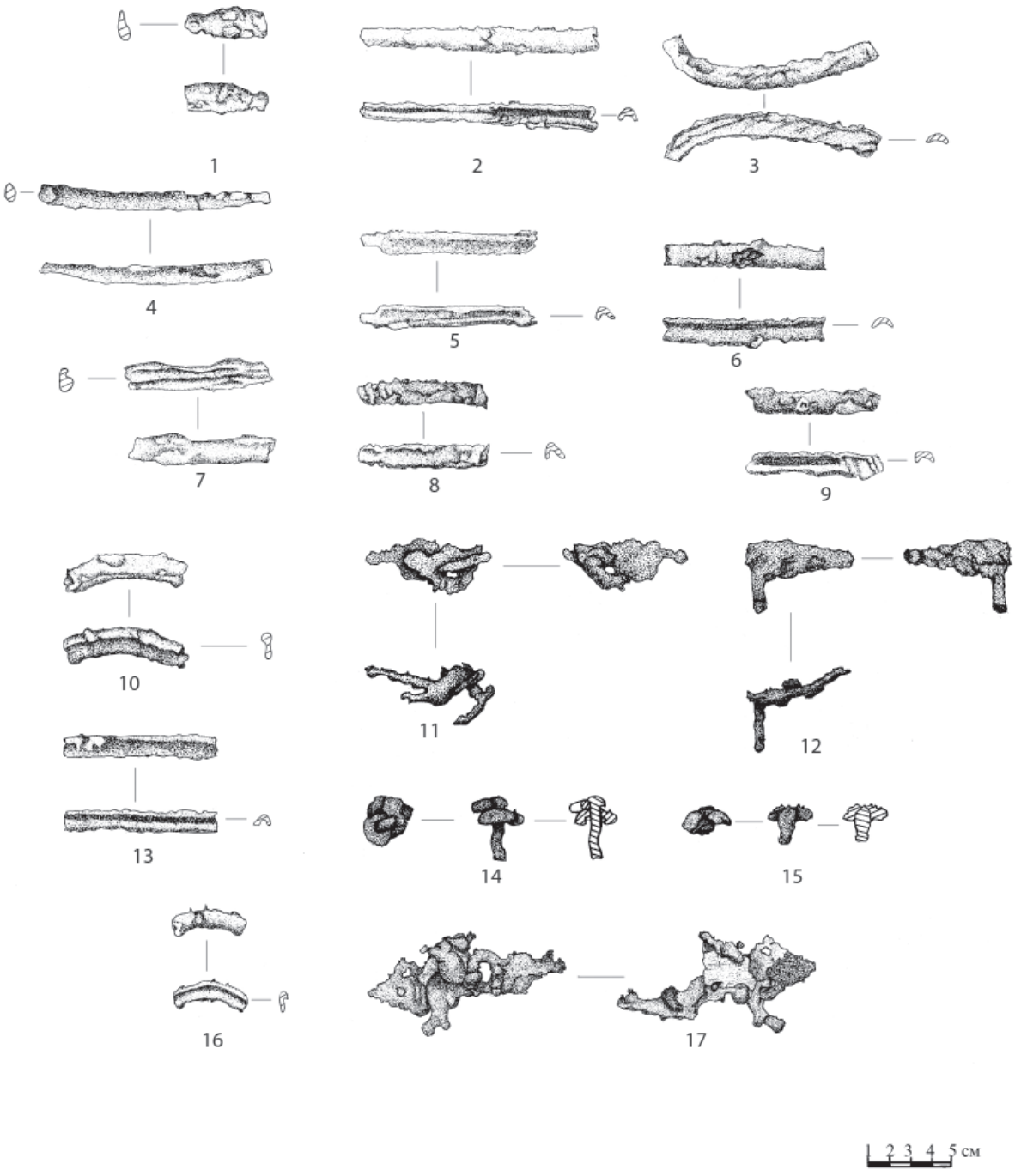

Рис. 7 Погребение 2 кургана 12 могильника Лебедевка VIII. Железные предметы плохой сохранности
Fig. 7 Burial 2 of barrow 12 at the Lebedevka VIII burial ground. Poorly preserved iron artifacts

две челюсти лошади, череп лошади и кости лошади на глубине 14-20 см от современной поверхности, которые не связаны с погребениями (Кушаев, Железчиков, 1976, с. 50-53). В работах А.А.Бисембаева проанализированы материалы 103 погребений, в которых обнаружено 25 стремян и 16 удил, но не указано общее количество захоронений, которые можно отнести к «всадническим» (Бисембаев, 2003, с. 130-131; Бисембаев, 2010, с. 131-132).

На территории же Волго-Донских степей согласно фундаментальному исследованию Е.П.Мыськова.

В настоящее время круглые в плане сырцовые ограды на территории Западно-Казахстанской области обнаружены в могильниках Караултобе I и Тонкерис III (Марыксин, 2012, с. 243-248)

Примечание:

[1] Автор выражает признательность Д.В.Васильеву за консультацию в датировке слоя 3 раскопа 1 Самосдельского городища

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 405 с.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Полиграфсервис, 2003. 232 с.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: ИП Жанадилов С.Т., 2010, 248 с.

Зиливинская Э.Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. С. 13–35.

Иванов В.А. Золотоордынские всадники степей Южного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2/2007. С. 211-219.

Измайлов И.Л. Средневековые булгары: становление этнополитической общности в VIII – первой половине XIII в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 736 с.

Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 233–246.

Круглов Е.В., Котеньков С.А., Тимофеев А.А., Соловьев Д.С. Огузы в Нижнем Поволжье в середине X – начале XI в. (по материалам работ археологической экспедиции Астраханского государственного педагогического института в 1981 и 1984 годах) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 17 / под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь: Печатный Двор, 2024. С. 159-224

Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических раскопках Уральского пединститута в 1975 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МНВО РК. Оп. 17, Д. 1467. 92 с.

Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т.14. №. 3 /2012. С. 243–248

Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог / автор-сост. Н.В. Хабарова. Волгоград: Панорама, 2001. 33 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. № 1-2 (12-13). С. 111–156

Информация об авторе:

Марыксин Денис Валерьевич, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, Западно-Казахстанский филиал (г. Актобе, Казахстан); maryxin@mail.ru

REFERENCES

Arslanova, F. H. 2013. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (Essays on medieval archaeology of the Upper Irtysh)*. Astana: Publishing group of the branch of the Institute of Archeology n.a. A.Kh. Margulan in Astana (in Russian).

Bisembaev, A. A. 2003. *Arkheologicheskie pamyatniki kochevnikov srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.) (Archaeological Monuments of the Medieval Nomads of the Middle Ages of West Kazakhstan (8th – 18th centuries))*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).

Bisembaev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekovia Zapadnogo Kazakhstana (The nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan).* Aktobe: "Zhanadilov S.T." Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation).* Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 13–35 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (2), 211–219 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2022. *Srednevekovye bulgary: stanovlenie etnopoliticheskoi obshchnosti v VIII – pervoi polovine XIII v. (The Medieval Bolgars: the formation of an ethnic-political community in the 8th – first half of the 13th century).* Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Arkhangelskiy, M. S., Pavlenko, Yu. A., Sheremet'ev, N. B. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 233–246 (in Russian).

Kruglov, E. V., Kotenkov, S. A., Timofeev, A. A., Solov'ev, D. S. 2024. In Prokopenko Yu. A., Malakhova, S. M. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the North Caucasus peoples)* 17. Stavropol: "Pechatnyy Dvor" Publ., 159-224 (in Russian).

Kushaev, G. A., Zhelezchikov, B. F. 1976. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Ural'skogo pedinstituta v 1975 g. (Report on archaeological excavations of the Ural Pedagogical Institute in 1975).* Ural'sk. Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan. Dossier 1467 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* vol. 14, nr. 3, 243–248 (in Russian).

Khabarova, N. V. (comp.). 2001. *Kultura srednevekovykh kochevnikov i gorodov Zolotoi Ordy (Culture of medieval nomads and cities of the Golden Horde)*. Volgograd: "Panorama" Publ. (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (The Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaya arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 111–156 (in Russian).

About the Author:

Maryksin Denid V. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, West Kazakhstan Branch. Turgenev str. 100, Aktobe, 03000, Kazakhstan; maryxin@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.07.2025 г.
Статья принята к публикации 12.12.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.270.285

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТЕПНЫХ ГОРОДАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

©2026 г. Э.Д. Зиливинская

Статья посвящена анализу строительных технологий в золотоордынских городах степной зоны. Здания здесь строили из сырцового и обоженного кирпича. Из сырцового кирпича строили как жилые, так и общественные здания. Обожженный кирпич использовался для возведения монументальных общественных и дворцовых построек. Технология производства сырца достаточно проста, его могли изготавливать, как профессиональные строители, так и простые горожане. Для производства обоженного кирпича предназначались специальные двухкамерные горны. Горны для обжига кирпича строились не только в городах, но и в степи, в местах возведения кирпичных мавзолеев на некрополях знати. Квадратные обожженные кирпичи по форме и размерам аналогичны хорезмийским. Здания в Золотой Орде строились без фундамента, фундамент мог быть сделан только для высоких построек, например, минаретов. Стены домов штукатурились глиной и алебастром. Фигурные кирпичные вымостки пола также имеют аналогии в Средней Азии. В качестве декора применялись наборные мозаики из кашинных изразцов как монохромных, так и полихромных. Также использовались элементы их резного ганча. Архитектурный декор свидетельствует о связях со Средней Азией и через Закавказье – с Ираном. В целом строительные технологии являются отражением мультикультурности полиэтничного золотоордынского государства.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, города, строительство, технологии, сырцовый кирпич, обоженный кирпич, изразцы, резной ганч, дерево.

CONSTRUCTION MATERIALS AND CONSTRUCTION TECHNOLOGIES IN THE STEPPE CITIES OF THE GOLDEN HORDE

E.D. Zilivinskaya

The article deals with the analysis of construction technologies in the Golden Horde cities of the steppe zone. In the Golden Horde cities of the steppe zone, buildings were constructed from adobe and fired bricks. Both residential and public buildings were constructed from adobe bricks. Fired bricks were used to build monumental public and palace buildings. The technology for producing adobe is quite simple, and it could be produced by both professional builders and ordinary citizens. Special two-chamber kilns were intended for the production of fired bricks. Kilns for firing bricks were built not only in cities, but also in the steppe, in places where brick mausoleums were erected in the necropolises of the nobility. The square fired bricks are similar in shape and size to those of Khorezm. Buildings in the Golden Horde were built without foundations; foundations could only be made for tall buildings, such as minarets. The walls of the houses were plastered with clay and alabaster. The figured brick paving of the floor also has analogies in Central Asia. The decor used mosaics of kashin tiles, both monochrome and polychrome. Elements of their carved ganch were also used. The architectural decor testifies to connections with Central Asia and, via Transcaucasia, with Iran. In general, construction technologies are a reflection of the multiculturalism of the multiethnic Golden Horde state.

Keywords: archaeology, Golden Horde, cities, construction, technologies, adobe brick, fired brick, tiles, carved ganch, wood.

Введение

В городах Золотой Орды исследовано большое количество монументальных построек, таких как мечети, медресе, мавзолеи, общественные бани, усадебные и дворцовые здания. Они имели четкую, разработанную планировку, и были украшенными различными видами декора. Совершенно очевидно, что для возведения таких зданий требовались архитектурные знания и наличие квалифицированных строителей. В то же время дома простых жителей, скорее всего, строились самостоятельно без привлечения профессионалов.

Архитектурные формы монументальных построек в городах Золотой Орды хорошо известны и достаточно подробно проанализированы (Зиливинская, 2014; 2019). Что же касается строительной техники, строительных приемов, материалов, из которых возводились здания, то сведения о них разбросаны в множестве публикаций, и строительное дело в Золотой Орде не рассматривалось как отдельная тема. Достаточно заметить, что в классической работе Г.А. Федорова-Давыдова, посвященной почти всем аспектам городской жизни, глава «Строительство» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–77) посвящена, в основном, обзору различных категорий зданий. Анализу собственно строительных материалов и некоторых строительных приемов отведено всего две страницы (Федоров-Давыдов, 1994, с. 72–74).

Здания в Золотой Орде строили из камня, обожженного и необожженного кирпича и дерева. Общественные и культовые сооружения чаще всего были каменными или кирпичными. Из сырца возводились менее презентабельные общественные здания и жилые дома. Дерево также применялось преимущественно для постройки жилых домов. При этом отдельные деревянные конструкции имелись и в капитальных постройках. Если рассматривать все золотоордынское государство, то на его территории можно выделить районы, где преобладало строительство из тех или иных материалов. В Волжской Болгарии, Крыму и Приднестровье превалировало каменное строительство. При этом кирпич там тоже использовался, но наиболее значимые постройки возводились из камня. Кирпичное строительство характерно для всей степной зоны, где отсутствовали месторождения камня, зато всегда можно было найти сырье для изготовления кирпичей. В отдельных регионах (Северный Кавказ, Водянское городище) сочеталось строительство из камня и кирпича. Дерево использовалось везде, но в различных масштабах. В данной статье рассматривается использование строительных материалов и строительных технологий в золотоордынских городах степного пояса на примере Селитренного городища, как наиболее исследованного памятника. В ней приводятся данные только о строительстве из сырцовых и обожженных кирпичей. Строительству из дерева, камня, а также комбинации различных материалов будут посвящены последующие работы.

Кирпичное строительство

В городах степной и лесостепной зоны крупные общественные постройки и жилые дома возводились из обожженного и сырцового кирпича. Сырьем для производства кирпича являлась глина, которую добывали на месте. При раскопках золотоордынских городов часто находят бесформенные ямы значительной площади и глубины. Эти ямы являются карьерами для добычи глины. После изготовления необходимого количества кирпичей, эти карьеры забрасывались и засыпались мусором.

Технология производства сырцового кирпича хорошо известна на примере Средней Азии. Взрыхленный суглинок увлажняли до состояния рабочего теста, затем месили и 1–2 суток выдерживали в бучильных ямах. Сырцовые кирпичи делали в специальных формах без дна, которые выкладывались на ровной площадке (рис. 1). Чтобы глина не приставала к стенкам формы, их смачивали водой. Формы заполнялись глиной, которая трамбовалась специальными колотушками. Примерно через 12 часов форму снимали, и кирпич оставался лежать на земле. Сушка сырцовых кирпичей, сложенных «в елки» велась очень медленно, в затененном месте (под навесом) (Притыко, 1951, с. 79; Писарчик, 1954, с. 229). Для получения качественного сырца продолжительность сушки должна была занимать от года до трех лет (Витрувий, 1936, с. 32; Гражданкина, 1951, с. 9).

Из сырцового кирпича в городах Золотой Орды строили как общественные здания, так и частные дома. Форматы сырцовых кирпичей весьма разнообразны. Их можно разделить на две группы – большеформатные и малоформатные. Большеформатные кирпич имели размеры 40–42×17–20×5–7 см, 44–45×22–23×5–6 см, 50–52×25–26×7 см. Из таких кирпичей были сложены стены медресе и усадебных домов усадеб № 1 и № 2 (рис. 2) на Селитренном городище (Зиливинская, 2014, с. 64; 2019, с. 120, 122), а также некоторые внутренние конструкции зданий. Сырцовые кирпичи, применявшиеся для возведения внешних стен, имеют серо-желтый цвет, большую плотность и в их тесте нет или имеются в очень малом количестве органические примеси[1].

Рис. 1. Изготовление сырцового кирпича в современности (Интернет, открытый доступ).
Fig. 1. Production of adobe bricks in modern times (Internet, open access).

Малоформатный сырцовый кирпич очень разнообразен по размерам. Только на двух раскопах Селитренного городища зафиксированы сырцы следующих форматов: 21×20×4 см, 22×16×6 см, 22×20×6 см, 24×16–17×7 см, 26×17–20×7 см, 26×21×5 см, 28×16×8 см, 28×15×4 см, 28×15×4 см, 30×20×5 см, 30×16×4 см, 32×14×6 см, 32–33×16–17×4–5 см, 34×15–16×4,5–5 см, 34×23×5 см, 32×13–16×4 см, 32×20×5 см, 32–33×15–17×5 см, 34×16×4 см, 36×16–18×4–4,5 см, 36×23×5,5 см, 37×20×6 см, 38×16×5 см (Зиливинская, 2008). Из малоформатного кирпича возводились внутренние конструкции зданий, а также стены небольших домов, принадлежавших рядовому населению городов. По своему качеству такой сырец может быть менее плотным, в нем фиксируется присутствие самана, то есть органических примесей – рубленной соломы или навоза. Цвет сырцов часто зависит от примесей и варьируется от серо-желтого до темно-серого, почти черного. Темный цвет обычно свидетельствует о значительной примеси речного ила[2].

Большеформатные сырцы хорошего качества изготавливались, скорее всего, профессиональными строителями по определенным стандартам. Малоформатный сырец могли изготавливать как строительные бригады, так и непосредственно сами горожане. Поэтому такие кирпичи часто имеют худшее качество, состав их формовочной массы и размеры весьма вариативны. Никакие стандарты здесь не прослеживаются.

Сырцовые кирпичи, в большинстве своем прямоугольные, но изредка встречаются и плоские квадратные или почти квадратные размерами 21×21×4 см, 22×22×5 см, 23–24×22–23×5 см, 24–25×22–23×5 см. Эти размеры совпадают с размерами обожженных кирпичей (см. ниже). То есть квадратные сырцы изготовлялись в тех же формах, что и заготовки для обожженных.

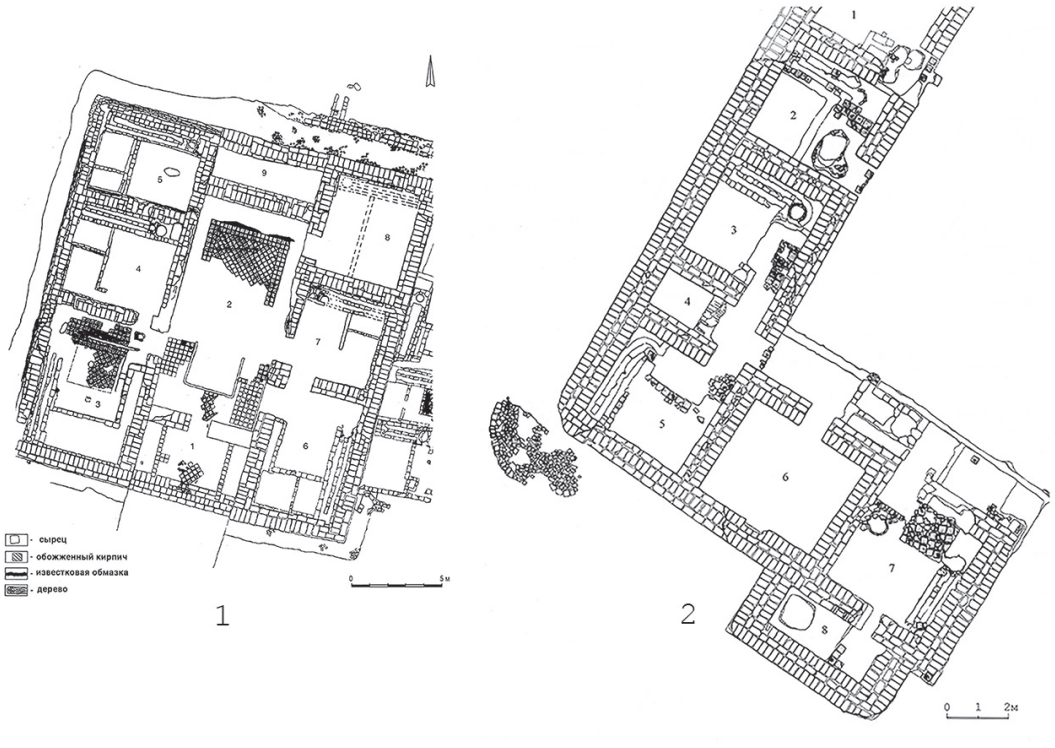

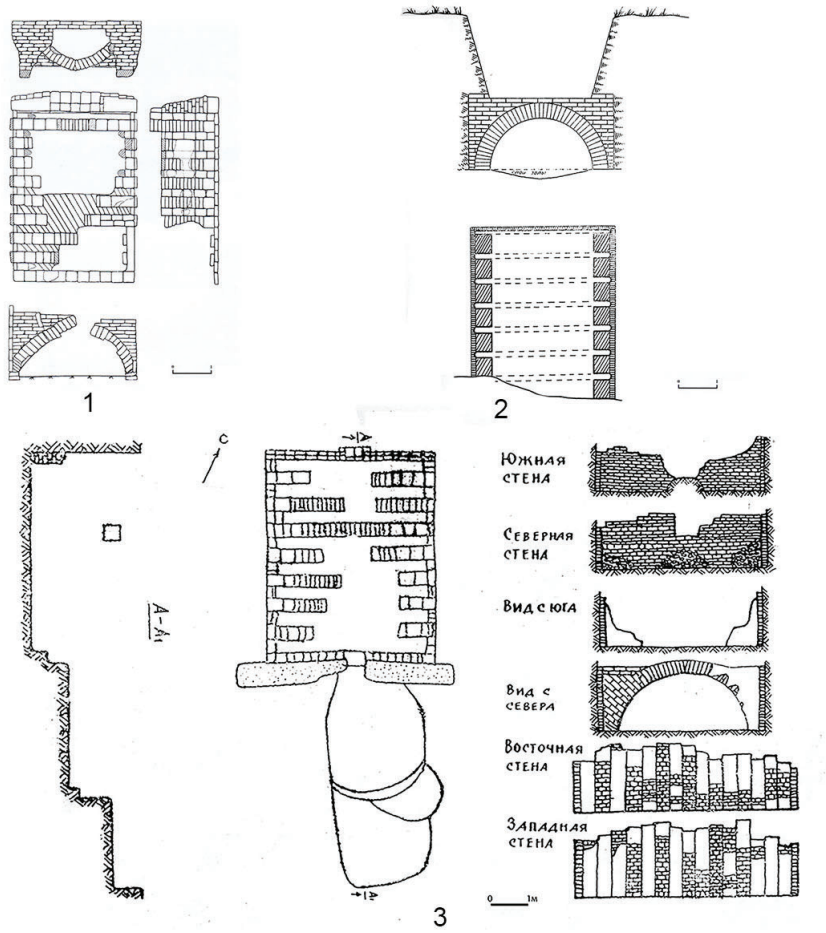
Рис. 2. Здания из сырцового кирпича, внешние стены из большеформатного сырца, внутренние конструкции из малоформатного: 1 – усадьба 2 на Селитренном городище; 2 – здание медресе на Селитренном городище (Зиливинская, 2019, с. 308; 2014, с. 299).

Fig. 2. Buildings made of adobe bricks, external walls made of large-format adobe, internal structures made of small-format: 1 – homestead 2 at Selitrennoye settlement; 2 – madrasah building at the Selitrennoye settlement (Zilivinskaya, 2019, p. 308; 2014, p. 299).

Общественные постройки и дворцовые здания в Золотой Орде строили из обожженного кирпича. Заготовки для обожженных кирпичей, так же, как и сырцы делались в деревянных формах. Пока глина не застывала, формы с кирпичами лежали плашмя на открытой площадке. Об этом, в частности, свидетельствуют следы собак, часто находимые на поверхности обожженных кирпичей. Затем вынутые из форм сырые кирпичи просушивались и после полной просушки обжигались.

Для обжига кирпича были предназначены специальные горны, которые исследованы во многих золотоордынских городах (рис. 3). Горны были двухкамерными. Они представляли собой большие прямоугольные сооружения, стенки которых выкладывались из сырцовых кирпичей. Нижняя топочная камера обычно заглублялась в землю. Перпендикулярно к длинным стенам камеры выкладывались прямоугольные выступы. Между ними вдоль длинной оси камеры оставался широкий проход для огня и дыма. На выступы опирались арочные перекрытия, между которыми оставались щели. Верхняя часть арок являлась подом обжигательной камеры, на котором раскладывались обжигаемые кирпичи. Вместе с ними могли обжигать и неполивную керамику. По данным этнографии известно, что кирпичи ставились на ребро в несколько слоев (до 25). После укладки кирпича проемы в стенах обжигательной камеры замуровывали, а поверх уложенного кирпича делали крышку из нескольких слоев кирпичного лома, обмазанного слоем глины. В крышке оставляли отверстия для выхода дыма. После прогорания топлива топка печи и отверстия в крышке замуровываются и кирпич постепенно остывает. Лучшей топкой для таких горнов считается сухая колючка, камыш, стебли хлопка. В печи размерами 4×6 гязов (3,3×5 м) за одну закладку можно обжечь 25000 кирпичей. Весь цикл работ по подготовке и одной закладке печи занимал 10 дней при 10 рабочих (Писарчик, 1954, с. 231–234).

Горны для обжига кирпича подобной конструкции известны в Болгаре, Белгороде на Днестре, Старом Орхее, Сарайчике, Жайыке

4

Рис. 3. Горны для обжига кирпича, планы, разрезы фото: 1 – в Жайыке; 2 – в Сарайчике; 3 – на могильнике «301 км» (по: Калменов, 2014, с. 147, фото 10; Пацевич, 1957, с. 113; Шнадштейн, 1990, с. 48-49).
Fig. 3. Brick kilns, plans, sections, photos: 1 – in Zhaiyk; 2 – in Saraishyq; 3 – at the burial ground "301 km" (according to Kalmenov, 2014, p. 147, photo 10; Patsevich, 1957, p. 113; Shnadshtein, 1990, p. 48-49).

(рис. 7, 8) (Хованская, 1954, с. 366; Кравченко, 1986, с. 40–41; Полевой, 1969, с. 87; Пацевич, 1957, с. 111; Калменов, 2014, с. 69–73). На Селитренном городище в разных его частях, но всегда около воды, которая необходима для замешивания глины, найдено несколько горнов. (Пигарев, 2015, с. 68–71, 86–87, 100). Горны для обжига кирпича строились не толь-

ко в городах, но и в степи, в тех местах, где планировалось возведение кирпичных мавзолеев на некрополях знати. Возле большого двухкамерного мавзолея в некрополе «301 км» в Ахтубинском районе Астраханской области раскопан горн (рис. 7: 3), в котором обжигали кирпич для строительства усыпальницы (Шнадштейн, 1990, с. 38–40). На могильнике Мокринский I в Западном Казахстане также исследована кирпичеобжигательная печь (Марыксин, 2010, с.312). Следует отметить, что технология производства обожженного кирпича достаточно стандартна. Об этом свидетельствует сходство конструкции горнов как в Средней Азии и Золотой Орде, так на Руси и в Византии. (Рапопорт, 1994, с. 19; Остерхаут, 2005, с. 143–144).

Обожженные кирпичи в Золотой Орде были почти исключительно квадратными. Данные о размерах обожженных кирпичей на Царевском городище приводит В.Л. Егоров. Они равняются 20×20×3,5 см, 21×21×3,5 см, 21×21×4 см, 20×20×4,5 см, 20,5×21,5×4,5 см, 20,5×20,5×5 см, 20,5×21×5,5см, 25,5×25,5×5 см. Наиболее распространен формат с длиной стороны в 20–21 см при толщине 4,5–5 см (Егоров, 1970, с. 184). На Селитренном городище наблюдаются сходные форматы жженых кирпичей: 19×19×4 см, 20,5×20,5×4 см, 21×21×4–5 см, 22×22×4–5 см, 22,5×22,5×4 см, 23×23×5 см, 24×24×4,5–5,5 см.

Сравнив форму и размеры золотоордынского кирпича с кирпичами раннемонгольских городов и городов различных регионов Средней Азии, В.Л. Егоров убедительно доказал сходство его с хорезмийским. (Егоров, 1970, с. 184). В монгольских постройках XIII–XIV вв. применялся прямоугольный кирпич размерами 29–34×14–16×5 см (Древнемонгольские…, 1965, с. 29, 67, 73, 83, 316, 346–347). В Средней Азии на территории Ферганы, Южного Казахстана, Таджикистана, в районе Ташкента преобладал кирпич удлиненной формы, в то время как в Термезе, Мерве и Хорезме, с античности и вплоть до монгольского завоевания кирпич был исключительно квадратным[3]. Размеры его сокращались во времени и к XIII в. наиболее распространен был кирпич со стороной 18–22 см[4] (Воронина, 1952, с. 90–91).

Сырцовые и кирпичные постройки в городах Нижнего Поволжья строились без фундамента. При возведении крупных зданий на выровненном участке делалась разметка и на местах, где должны были быть заложены стены, прокапывались неглубокие (около 5 см) канавки (рис. 4: 1). В них укладывался нижний слой кладки стен. По таким канавкам на Селитренном городище была прослежена планировка Джума мечети, кирпичные стены которой были почти полностью выбраны добытчиками кирпича (Зиливинская, 2009, с. 354; 2014, с. 24). Фундамент могли иметь только очень высокие сооружения, например, минареты. На Селитренном городище был исследован фундамент минарета глубиной 2,3 м. Заполнение ямы фундамента состояло из чередующихся слоев крупных меловых камней толщиной 40 см и битого кирпича, залитого известковым раствором толщиной 10 см. Всего было по четыре слоя каждого вида (рис. 4: 2–4). На этот фундамент был поставлен кирпичный цоколь минарета. В то же время минарет Водянского городища фундамента не имел, и его цоколь был заглублен в землю всего на 20–30 см (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 125).

Кладка стен из сырцового кирпича всегда велась на глиняном растворе и имела хорошую перевязку. Строение стен из крупноформатного кирпича было хорошо прослежено в усадьбах № 1, 2 и медресе Селитренного городища (рис. 2). Основания стен толщиной 105–110 см состояли из слоев в два кирпича, положенного в тычок, чередующихся со слоями, где между двумя рядами, лежащими ложком, один ряд положен тычком. Начиная с шестого слоя кладки, стены сужаются до 80-90 см, и каждый слой ее составляет два ряда кирпичей, один из которых положен в тычок, а другой – в ложок. Расположение рядов в слоях чередуется (Зиливинская, 2008, с. 8–9; 2014, с. 64).

Стены из обожженного кирпича большей частью в настоящее время разобраны, однако по сохранившимся фрагментам можно сделать выводы о применявшихся системах кладки. Кладка из обожженного кирпича также большей частью делалась на глиняном растворе, но в некоторых случаях могла быть и на известковом. Кладки обычно имеют хорошую перевязку, со смещением каждого следующего слоя примерно на половину кирпича. Часто, особенно в нижней части стен, прослеживается панцирная кладка, когда фасы стен

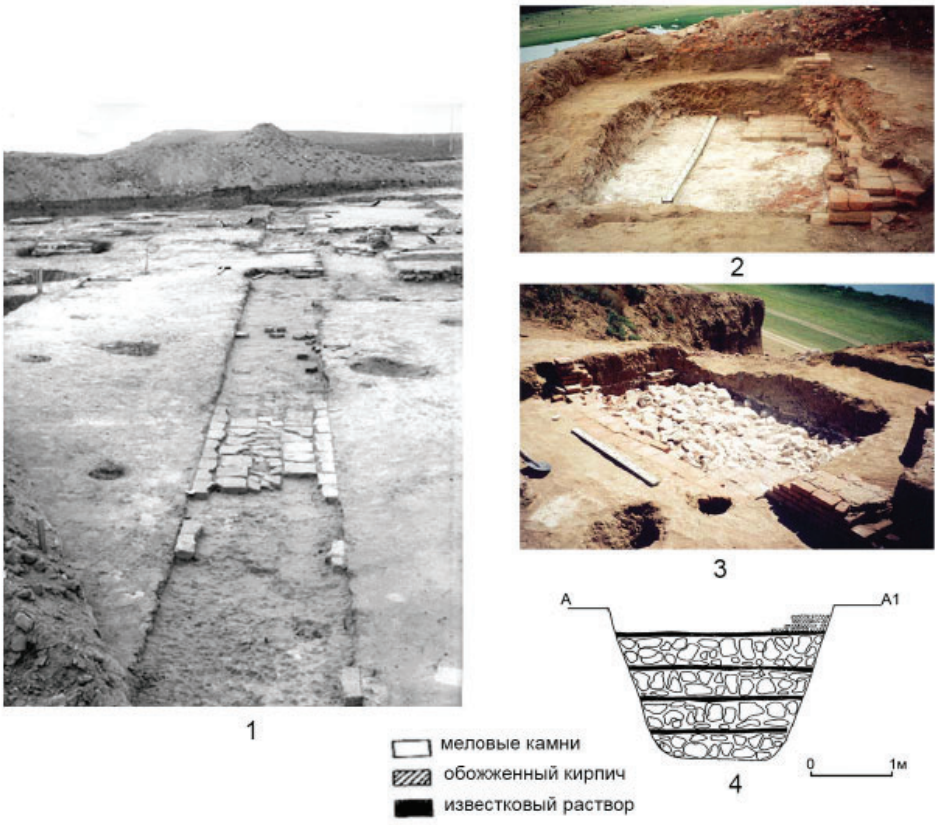

Рис. 4. Разметка под стеной мечети (1), фундамент минарета на Селитренном городище: 2–3 фото; 4 – разрез (Зиливинская, 2014, с. 248, 281–282).
Fig. 4. Markings under the wall of the mosque (1), foundation of the minaret at the Selitrennoye settlement: 2–3 – photos; 4 – section (Zilivinskaya, 2014, p. 248, 281–282).

сложены из целых кирпичей, а пространство между ними заложено обломками.

Стены зданий обычно штукатурились. Стены из сырцового кирпича покрывались штукатуркой изнутри и снаружи, стены из обожженного кирпича – чаще всего изнутри. Для выравнивания поверхности стены обмазывались толстым (до 5 см) слоем глиняной обмазки, в который, для того, чтобы он не трескался, добавляли саман (рубленную солому, траву или навоз). Обмазка покрывалась тонким слоем декоративной штукатурки, которая могла быть глиняной или белой, алебастровой[5]. При ремонтах облупившуюся штукатурку покрывали новым слоем, поэтому по количеству слоев штукатурки на стенах можно определить количество ремонтов и косвенно – длительность существования здания. Стены и полы бань покрывались слоем водостойкого раствора, вероятно, сходного по составу со среднеазиатским «кыром». «Кыр» состоит из растительной золы и извести, иногда с добавками гипса, виноградной патоки и яичных белков (Гражданкина, 1951, с. 30). В банях стены часто раскрашивали красками красного, синего и желтого цветов (Хованская, 1954, с. 406, 414; Зиливинская, 2019, с. 81).

В общественных зданиях и небольших жилых домах пол находился на уровне окружающей поверхности. В крупных усадебных зданиях его часто поднимали, для чего внутри стен насыпали слой субструкции толщиной 40-60 см (Зиливинская, 2019, с. 122, 125). Полы могли быть земляными, глинобитными или вымощенными обожженным кирпичом. В мечети на Водянском городище пол был выстлан досками (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 129). В небогатых домах кирпичная вымостка пола могла занимать лишь часть помещения, чаще всего, вокруг тошны, и кирпичи были уложены на глиняном растворе. В богатых усадебных и дворцовых зданиях кирпичи вымостки пола скреплялись белым известковым раствором.

В парадных помещениях полы мостились фигурно. Например, в парадном зале усадь-

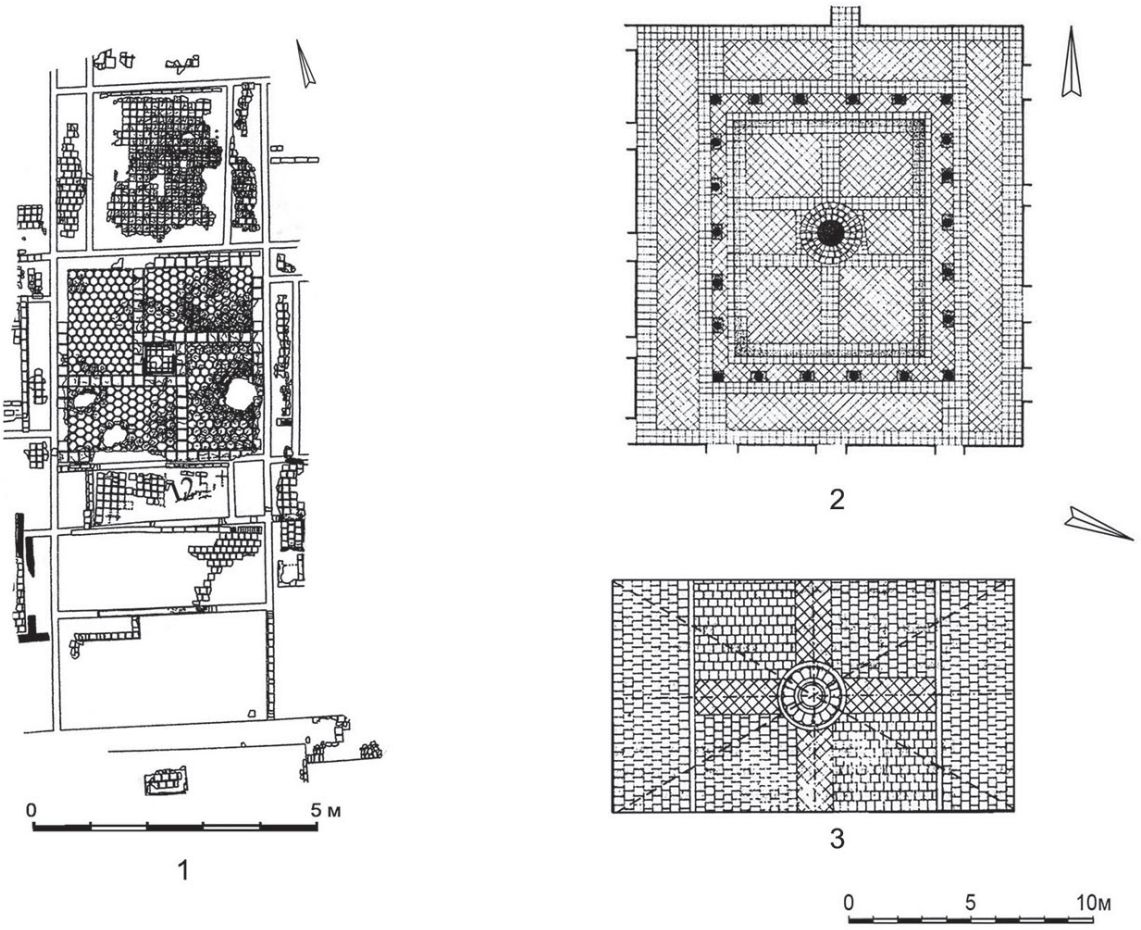

Рис. 5. Фигурная вымостка полов: 1 – усадьба № 3 на Селитренном городище; 2 – внутренний двор «нижнего дворца»; 3 – здание на цитадели Варахши (Зиливинская, 2019, с. 313; Хмельницкий, 1992, с 208, 218).
Fig. 5. Figured paving of floors: 1 – homestead No. 3 on the Selitrennoye settlement; 2 – inner courtyard of the "lower palace"; 3 – building at the Varakhsha citadel (Zilivinskaya, 2019, p. 313; Khmelnitsky, 1992, pp. 208, 218).

бы 2 на Селитренном городище (рис. 2: 1) центральная часть была выложена кирпичами, положенными ромбом, а по краю был сделан бордюр из прямо лежащих кирпичей. В зале усадьбы 3 квадратный бордюр вокруг расположенной в центре тошнау, дорожки, идущие от углов этого квадрата, и бордюр вокруг всего пола были выложены крупными (34×34×5 см) плитами. В результате образовывалась свастикообразная фигура. Пространство между плитами было вымощено шестиугольной кирпичной плиткой (сечением 26 см и толщиной 5 см). Пол мог быть декорирован поливными кирпичами. Окантовку из поливных кирпичей бирюзового цвета имели тошнау в усадьбах 2 и 3. В одном из помещений общественной бани Сарая пол состоял из чередования шестиугольных кирпичей и треугольных изразцов (Зиливинская, 2019, с. 81).

Фигурные кладки полов были заимствованы, скорее всего в Средней Азии, где они были широко распространены в культовых и гражданских постройках (рис. 5: 2, 3). Такие сложные вымостки, состоящие из чередования рядов кирпичей, участков диагональной кладки и шестиугольных плит присутствуют во дворе «нижнего дворца» X в. и в помещениях «верхнего дворца» XI в. в Хульбуке, в усадьбе на городище Сайёд и в здании X – начала XI вв. на цитадели Варахши (Хмельницкий, 1992, с. 206–209, 218, 245; 2006, с. 52, 96). Свастикообразная фигура в усадьбе 3 также часто применяется в X–XII вв. в Средней Азии для оформления полов и потолков. Эта фигура создает оптический эффект вращения и поэтому называется «вертун» (Хмельницкий, 2006, с. 43–44, 98–99).

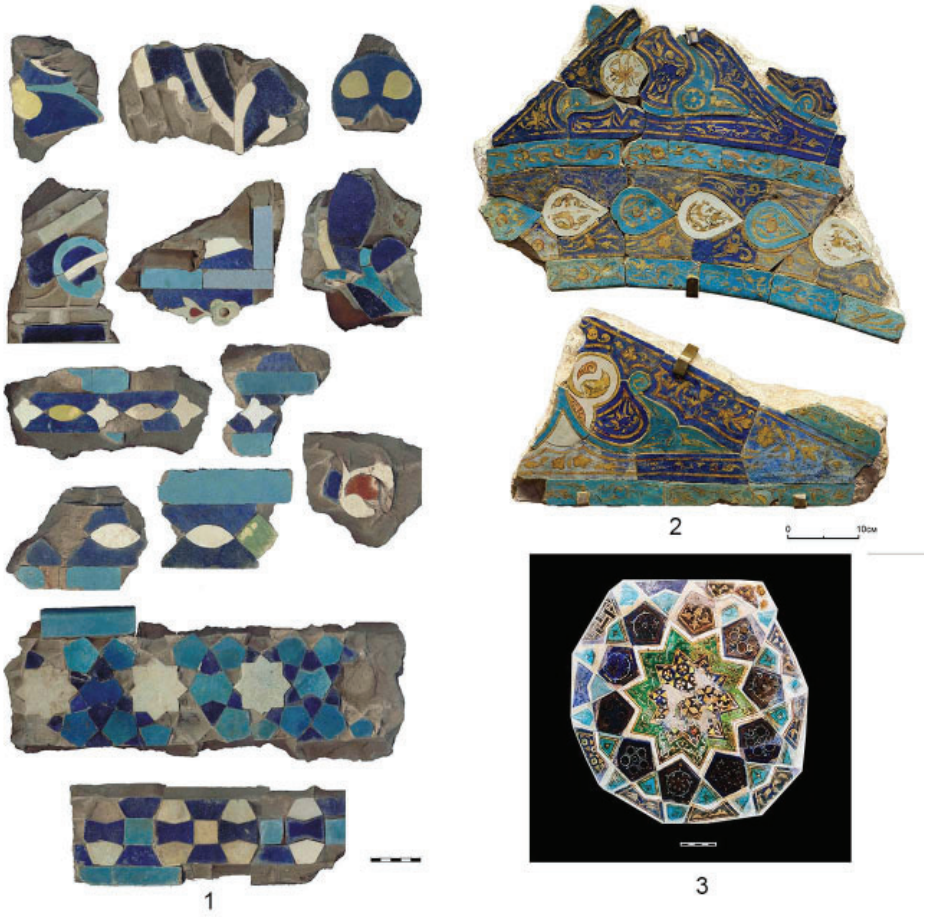

Рис. 6. Мозаичная облицовка стен: 1 – усадьба № 4; 2 – пристройка к мечети; усадьба № 4 Селитренного городища (Зиливинская, 2014, с. 249; 2019, с. 318, 327).
Fig. 6. Mosaic wall siding: 1 – homestead No. 4; 2 – a structure attached to the mosque; homestead No. 4 at the Selitrennoye settlement (Zilivinskaya, 2014, p. 249; 2019, pp. 318, 327).

Еще одним из приемов оформления пола является бордюр из кирпичей, поставленных на ребро поперек оси кладки. Такой бордюр окаймляет внутренний дворик Джума мечети Сарая (Зиливинская, 2014, с. 25). В Средней Азии он носит название «дандана».

Стены зданий в зоне кирпичного и сырцового строительства также украшались различными декоративными элементами. Самые простые из них – это красноглинянные или кашинные кирпичи прямоугольной или квадратной формы, лицевая поверхность которых покрыта синей или бирюзовой поливой. На Селитренном городище была найдена облицовка цокольной части минарета. На ее поверхности были выложены синими и бирюзовыми кирпичами (16×10×4,5 см) фигуры в виде ромбов. (Зиливинская, 2014, с. 50). Для кладки стволов минаретов и куполов применялись поливные кирпичи с закругленной лицевой поверхностью. Внешний декор стен мог состоять из резных и штампованных терракотовых плиток без поливы или покрытых поливой белого или бирюзового цветов (Федоров-Давыдов, 1994, с. 152; Зеленеев и др., 2023, с. 15-16). Наибольшее распространение для внешней и внутренней декорировки получили майолики с подглазурной росписью и наборные мозаики. Мозаики состояли из элементов белого, бирюзового, синего, желтого и красного цветов (рис. 6: 1). Элементы мозаик выпиливались из больших кашинных плит и далее выкладывались в различных комбинациях. (Федоров-Давыдов, 1976, с. 122; 1994, с. 147). Из мозаичных элементов могли быть сложены декоративные панно или бордюры, окаймлявшие дверные проемы или же они могли покрывать поверхность всех стен (Зиливинская, 2019, с. 129). Для декорировки помещений применялись мозаики

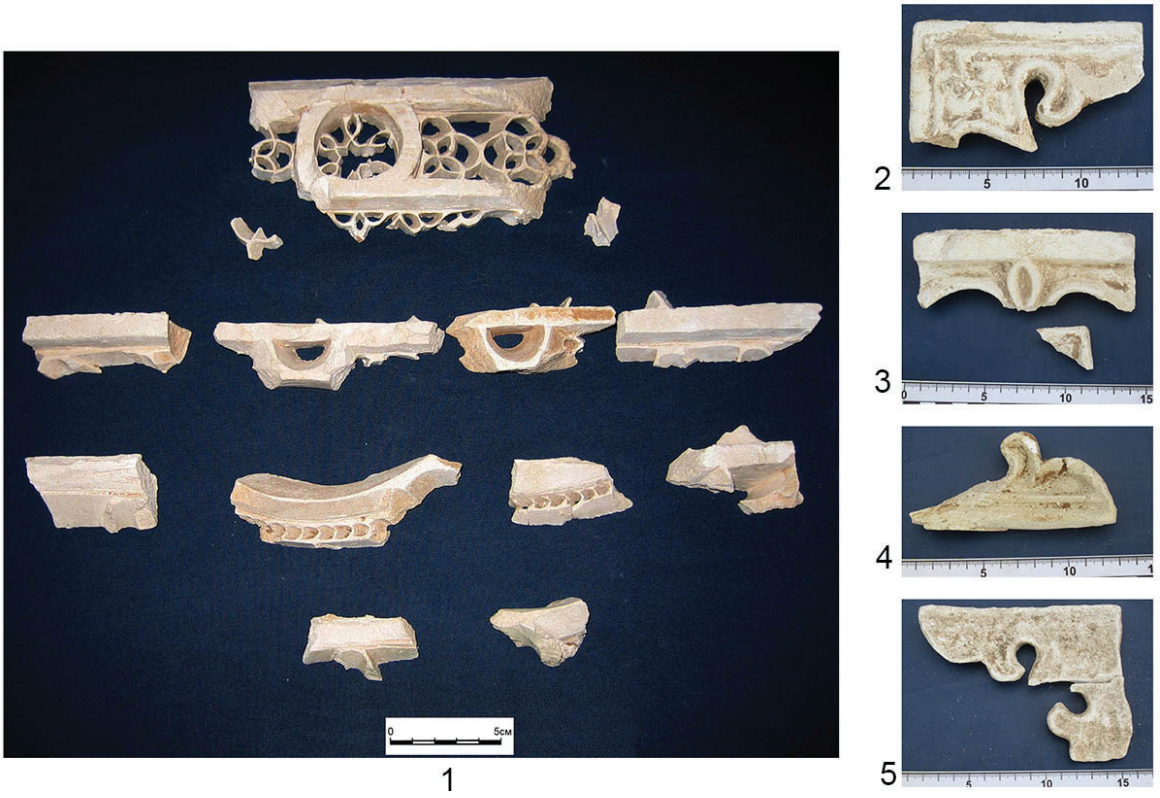

Рис. 7. Ганчевый декор: 1 – решетки «панджара» из усадьбы № 4; 2–5 – декоративные панели из усадьбы №5 Селитренного городища (Зиливинская, 2019, с. 328; материалы раскопок автора).
Fig. 7. Ganch decor: 1 – "panjara" lattices from homestead No. 4; 2–5 – decorative panels from homestead No. 5 at the Selitrennoye settlement (Zilivinskaya, 2019, p. 328; materials from excavations by the author).

с золотой фольгой на красном фоне (рис. 6: 2). Часть фриза из такой мозаики была найдена в Джума мечети Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1994, с. 147; Зиливинская, 2014, с. 27). Наибольшим великолепием отличались мозаики из изразцов с надглазурной росписью и золочением. Панно из таких элементов различной формы, расцветки и орнаментации (рис. 6: 3) украшали стены парадного зала усадьбы 3 Селитренного городища (Зиливинская, 2019, с. 126) а также, вероятно, интерьер мавзолея № 1 у села Лапас (Зеленеев и др., 2023, с. 17).

Менее распространенным видом декора в Золотой Орде являлся резной и штампованный ганч. В общественных зданиях и богатых домах окна были закрыты ажурными ганчевыми решетками-панджара, в которые часто вставляли прозрачные и цветные стекла (рис. 7: 1) (Зиливинская, 2014, с. 128; 1919, с. 80). При раскопках иногда находят ганчевые панели, украшенные резным или штампованным орнаментом (рис. 7: 2–5). Прямоугольными ганчевыми вставками с меандровым орнаментом и куфическими надписями был украшен ствол минарета на Водянском городище (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 126).

Занимаясь изучением архитектурного декора, Г.А. Федоров-Давыдов пришел к выводу, что традиция изготовления наборных мозаик и майолик с надглазурной росписью проникла в Золотую Орду из Ирана через Закавказье. Однако, золотоордынский архитектурный декор отличается своеобразием, что выражается в применении красного цвета в мозаиках и обильной позолоты в майоликах. Что касается орнаментальных мотивов, то в них ощущается влияние Средней Азии и сельджукской Малой Азии (Федоров-Давыдов, 2976, с. 125; 1994, с. 164–166).

К сожалению, у нас почти нет археологических данных о перекрытии кирпичных и сырцовых построек. Тем не менее, можно предполагать, что большинство из них имело плоское балочное перекрытие. Из чего дела-

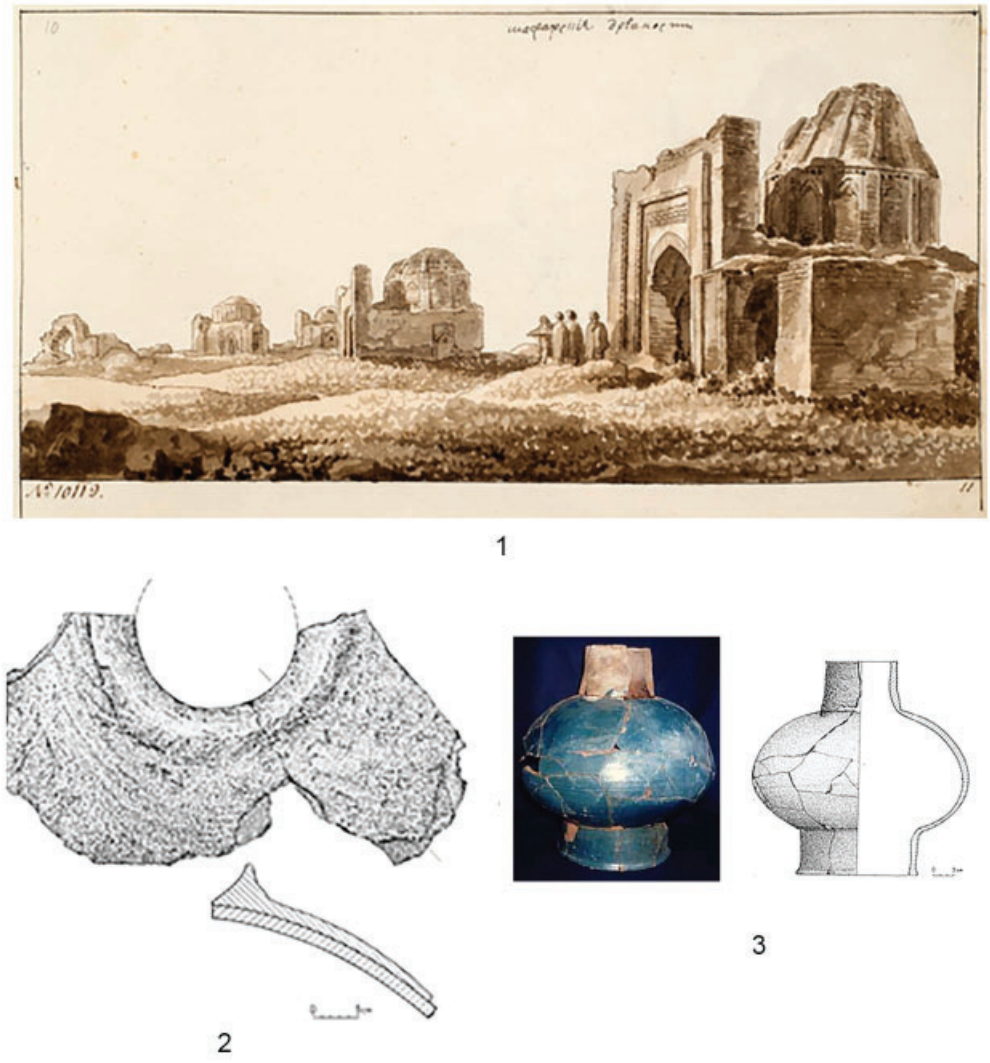

Рис. 8. Купольные перекрытия в Золотой Орде: 1 – акварель М.М. Иванова с изображением маджарских мавзолеев; 2 – алебастровая облицовка внутренней поверхности купола; 3 –керамическое навершие купола (кубба) (Зиливинская, 2014, с. 371; 2022, с. 308).

Fig. 8. Domig in the Golden Horde: 1 – M.M. Ivanov's watercolor illustration of the Majar mausoleums; 2 – alabaster facing of the dome inner surface; ceramic dome top (Zilivinskaya, 2014, p. 371; 2022, p. 308).

лись крыши, мы не знаем. Мавзолеи перекрывались двойными куполами. Внутренние купола были полусферическими, внешние, в большинстве случаев – шатровыми. Судить об этом мы можем по рисункам усыпальниц (рис. 8: 1) XVIII–XIX вв. (Зиливинская, 2014, с. 97–168). Несомненно, купольные перекрытия имело и большинство помещений общественных бань. О наличии куполов свидетельствуют и такие находки, как фрагменты тромпов, части облицовки куполов и керамические навершия (кубба) (рис. 8: 2, 3). Трапециевидные поливные кирпичи от облицовки куполов были найдены при раскопках мавзолеев у с. Лапас (Зеленеев и др., 2023, с. 12). Небольшие купола могли быть и в жилых зданиях. В дворцовом здании на Ахтубинском городище в центральной части находились четыре колонны, которые, вероятно, поддерживали купол диаметром 4,3 м (Плахов, 2008, с. 126–127). В одном из помещений большого усадебного дома на юго-восточной окраине Селитренного городища были найдены фрагменты ганчевых сталактитов (мукарнас) от ниши тромпа купола (рис. 9).

Выводы

Анализ строительных материалов и связанных с ними строительных технологий, применяемых в золотоордынских городах степной

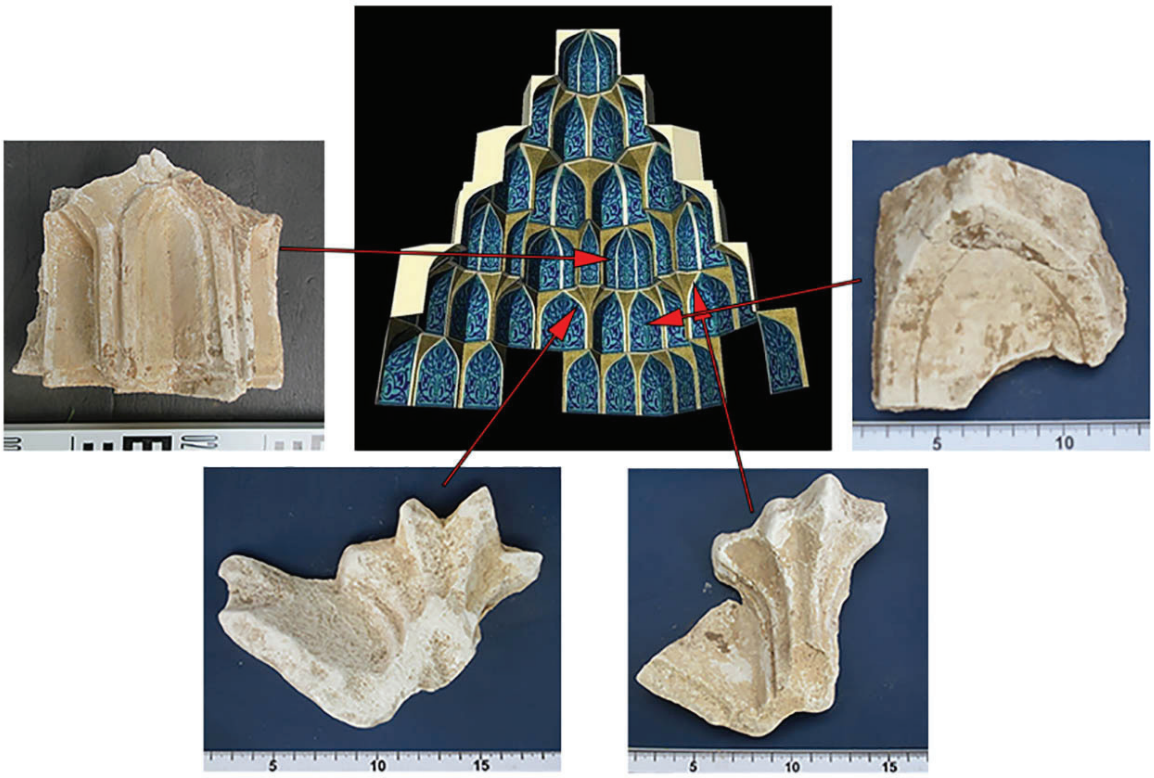

Рис. 9. Фрагменты ганчевых сталактитов (мукарнас) от тромпа из усадьбы № 5 Селитренного городища (материалы раскопок автора).
Fig. 9. Fragments of ganch stalactite vaulting (muqarnas) from a squinche of the homestead No. 5 at the Selitrennoye settlement (materials from excavations by the author).

зоны, свидетельствует о тесной связи со строительным делом Средней Азии. Жилые дома и общественные здания возводились здесь из сырцового и обожженного кирпича, причем формат кирпича часто совпадает со среднеазиатским (хорезмийским). Выкладка полов в виде фигурных вымосток, декорировка стен мозаиками и полихромными майоликами, использование резного и штампованного ганча для оформления оконных проемов, стен и тромпов также указывают на связь с традициями Среднего Востока.

В целом строительные технологии так же, как и архитектура являются отражением мультикультурности полиэтничного золотоордынского государства.

Примечания:

[1] Анализы состава формовочной массы большеформатных сырцовых кирпичей не проводились, данные приводятся на основе визуального осмотра.

[2] В лабораторрии ИЭА РАН были исследованы образцы сырцов с LI раскопа Салитренного городища методом ИК-Фурье спектрографии. Результаты анализа позволяют предположить, что в качестве связующего вещества при производстве кирпича использовался речной ил.

[3] Современные исследователи часто называют золотоордынский кирпич «плинфой». Однако это в корне неверно. Во всех архитектурных словарях понятие «плинфа» расшифровывается как «византийский кирпич». Стандартный византийский кирпич имеет сторону 32-36 см и толщину 3,5-5 см (Остерхаут, 2005, с. 144). Поэтому плинфой можно называть плоские квадратные кирпичи в средневековых постройках Древней Руси и Крыма, где действительно было сильно влияние Византии. Что касается золотоордынских городов Нижнего Поволжья, то производство кирпича, как и многое другое в ремесле и строительном деле, здесь было заимствовано, скорее всего, из Хорезма.

[4] Ю.А. Зеленеев отрицает значение сравнения кирпичей по формату. Он говорит о том, что кирпич универсален и представлен двумя основными формами – прямоугольной и квадратной. Попытка сравнения размеров, по его

мнению, является «тупиковым методом» (Зеленеев, 2013, с. 95). Это утверждение довольно странно, так как на материалах Средней Азии убедительно доказано, что форма и формат кирпича маркируют как отдельные регионы, так и хронологические периоды (Воронина, 1952, с. 90-91).

[5] В лаборатирии ИЭА РАН был проведен анализ штукатурок из раскопок Селитренного городища. Для определения элементного состава образцов был использован метод рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на российском анализаторе МТА-169. Анализ позволил установить, что в качестве вяжущего вещества в образцах использовался алебастр.

ЛИТЕРАТУРА

Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1936. 331 с.

Воронина В.Л. Строительная техника Древнего Хорезма // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 гг. / ТХАЭЭ. Т. I / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1952. С. 87–105.

Воронина В.Л. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник II / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. Т. XLVII / Отв. Ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1959. С. 299–352.

Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Узбекистана // Строительные материалы Узбекистана / Отв. ред. Е.П. Залесский. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1951. С. 5–35.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 371 с.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 172–193.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. АП Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 108–166.

Зеленеев Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII-XIV вв. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. 328 с.

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М., Сивицкий М.В., Ситдиков А.Г., Сарыбаев М.К. Строительные материалы мавзолея № 1 ханского некрополя у пос. Лапас (предварительный анализ) // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 8–20.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Астраханский университет, 2008. 172 с.

Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // Archaeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 349–385.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество. Казань: АН РТ, 2019. 353 с.

Зиливинская Э.Д. О форме куполов в Золотой Орде // Пензенский археологический сборник. Вып. 5/ Под общей ред. Г. Н. Белорыбкина.. Пенза: ПИРО, 2022. С. 293–308.

Калменов М.Д. Исследования городища Жайык в 2012-2014 гг. // Средневековые города бассейна реки Урал / Отв. ред. М.Н. Сдыков. Уральск: Полиграфсервис, 2014. С. 64–91.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 186 с.

Марыксин Д.В. Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Отв. ред. Д.П. Васильев. Астрахань: АГУ, 2010. С. 312–317.

Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М.: КОРВИН ПРЕСС, 2005. 332 с.

Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. Вып. 69 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1957. С. 111–114.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.

Писарчик А.К. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины // Среднеазиатский этнографический сборник I / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. Т. XXI / Отв. Ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1954. С. 216–298.

Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 125–141.

Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев: АН МолдССР, 1969. 211 с.

Притыко Г.И. Сырцовые строительные материалы // Строительные материалы Узбекистана / Отв. ред. Е.П. Залесский. Ташкент: АН УзССР, 1951. С. 72–85.

Рапопорт П.А. Строительное производство на Руси X-XIII вв. СПб.: РАН, 1994. 160 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига: Continent, 1992. 344 с.

Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX-XII веков. Берлин: Savadowski-Verlag, 2006. 152 с.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 340–368.

Хованская О.С. Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 392–423.

Шнадштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района. Астрахань: Волга, 1990. 64 с.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (г. Москва, Россия) eziliv@mail.ru

REFERENCES

Vitruvii. 1936. *Desyat' knig ob arkhitekture (Ten Books on Architecture)*. Moscow: “Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury” Publ. (in Russian).

Voronina, V. L. 1952. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii* 1945–1948 *(Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in* 1945–1948*).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 87–105 (in Russian).

Voronina, V. L. 1959. In Tolstov, S. P., Zdanko, T. A. (eds.). *Sredneaziatskij etnograficheskij sbornik II. (Central Asian ethnographic collected papers II)*. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* vol. 47. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 299–352 (in Russian).

Grazhdankina, N. S. 1951. In Zalesskiy, E. P. (ed.). *Stroitel'nye materialy Uzbekistana (Construction materials of Uzbekistan).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 5–35 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Cities)*. Moscow: “Nauka” Publ., (in Russian).

Egorov, V. L. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 164. Moscow: “Nauka” Publ., 172–193 (in Russian).

Egorov, V. L., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 108–166 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2013. *Ocherki etnokul'turnoj istorii Povolzh'ya XIII–XIV vv. (Essays on the ethnic-cultural history of the Volga region in the XIII–XIV centuries).* Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M., Sivitskiy, M. V., Sitdikov, A. G., Sarybaev, M. K. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 8–20. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2008. *Usad'by zolotoordynskikh gorodov (Mansions of Golden Horde Cities)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archaeologia Abrahamica. Issledovaniya v oblasti arheologii i hudozhestvennoj tradicii iudaizma, hristianstva i islama (Archaeologia Abrahamica. Research in the field of archaeology and artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 349–385. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: "PIRO" Publ., 293–308 (in Russian).

Kalmenov M.D. 2014. In Sdykov, M. N. (ed.). *Srednevekovye goroda basseina reki Ural (Medieval Cities in the Ural River Basin).* Ural'sk: "Poligrafservis" Publ., 64–91 (in Russian).

Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.) (Medieval Belgorod on the Dniester (Late 13th – 14th cc.)).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Maryksin, D. V. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 312–317 (in Russian).

Ousterhaut, R. 2005. *Vizantijskie stroiteli (Byzantine builders).* Kyiv; Moscow: "KORVIN" PRESS (in Russian).

Patsevich, G. I. 1957. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 69. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 111–114 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2015. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Sarai (Selitrennoe gorodishche) (Pottery production in the Golden Horde city of Sarai (Selitrennoye settlement)).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pisarchik, A. K. 1954. In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Sredneaziatskij etnograficheskij sbornik I. (Central Asian ethnographic collected papers I).* Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 216–298 (in Russian).

Plakhov, V. V. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. Donetsk: Donetsk National University, 125–144 (in Russian).

Polevoi, L. L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v.* (*Urban Pottery of the Prut-Dniester Region in the 14th c.*). Chisinau: Academy of Sciences of the *Moldova* SSR (in Russian)., 1969. 211 s.

Prityko, G. I. 1951. In Zalesskiy, E. P. (ed.). *Stroitel'nye materialy Uzbekistana (Construction materials of Uzbekistan).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 72–85 (in Russian).

Rapoport, P. A. 1994. *Stroitel'noe proizvodstvo na Rusi X-XIII vv. (Construction production in Old Rus in the X-XIII centuries).* Saint Petersburg.: Russian Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of the nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* (*Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khmel'nitskiy, S. G. 1992. *Mezhdu arabami i tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Sredney Azii (Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia).* Berlin – Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Khmel'nitskiy, S. 2006. *Dvortsy Khuttalya. Idei i formy grazhdanskoy arkhitektury Sredney Azii IX–XII vekov* (*Palaces of Khuttal. Ideas and forms of civil architecture of Central Asia of the 9th-12th centuries).* Berlin: "Savadowski-Verlag" Publ. (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 340–368 (in Russian)..

Khovanskaya, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 392–423 (in Russian)..

Shnadshtein, E. V. 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki Astrakhanskoi oblasti. Putevoditel po pamiatnikam arkheologii Akhtubinskogo raiona (Archaeological sites of the Astrakhan region. Guide to the archaeological sites of the Akhtubinsk district).* Astrakhan: “Volga” Publ. (in Russain).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 30.04.2025 г.
Статья принята к публикации 16.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01; 737.1 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.286.301

БУЛГАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В МАТЕРИАЛАХ АМОКСАРСКОГО МОГИЛЬНИКА X-XII ВВ.

©2026 г. Т.Б. Никитина, Д. Г. Мухаметшин

В статье проанализированы материалы Амоксарского могильника в зоне Чебоксарского водохранилища. По погребальному обряду и украшениям памятник близок марийским памятникам Ветлужско-Вятского междуречья X–XII вв. Располагаясь на окраине указанного региона, население было постоянно подвержено инокультурному влиянию. В материальной культуре выделяется комплекс вещей, имеющих связь с Волжской Булгарией: куфические дирхамы, и подражания им, монетовидные подвески, детали наборных поясов, привески в форме бубенчиков типа II A1B (по Казакову), металлические шаровидные пронизки, малые или средние бусы так называемого «измерского типа», каменные бусы и подвески из сердолика и горного хрусталя, булгарский сосуд. Кашинные бусы и бусы с бело-голубыми глазками на темной основе, имеющие южное происхождение также поступали через булгарских торговцев. Нумизматический материал представлен 4 экземплярами, чеканенными в Волжской Булгарии. Выявленные вещи свидетельствуют о торговом характере их поступления. Картографирование находок показывает, что Амоксарский могильник отличается от аналогичных памятников Ветлужско-Вятского междуречья многообразием булгарских вещей как в типологическом, так и в количественном выражении. Это обстоятельство позволяет предполагать возможность существования в определенной близости торговой фактории.

Ключевые слова: археология, Чебоксарское водохранилище, Ветлужско-Вятское междуречье, остров Амоксар, Волжская Булгария, X-XII вв., могильник, марийская культура, дирхамы, артефакты.

BOLGAR HERITAGE IN MATERIALS FROM THE AMOKSAR BURIAL GROUND OF THE X-XII CENTURIES

T.B. Nikitina, D.G. Mukhametshin

The article analyzes materials from the Amoksar burial ground, located in the zone of the Cheboksary Reservoir. In terms of funerary rites and ornaments, the site is similar to the Mari burial sites of the Vetluga-Vyatka interfluve from the 10th–12th centuries. The population was constantly subjected to foreign cultural influence, being situated on the periphery of this region. Within the material culture, a distinct set of items shows connections with Volga Bulgaria: Kufic dirhams and their imitations, coin-shaped pendants, components of composite belts, pendants in the form of bells of type II A1V (according to Kazakov), spherical metal beads, small or medium-sized beads of the so-called "measuring type," stone beads and pendants made of carnelian and rock crystal, and a Bulgar vessel. Kashin (faience) beads and beads with white-blue eyelets on a dark base are of southern origin. The discovered items are the result of trade. Mapping the finds shows that the Amoksar burial ground differs from similar sites in the Vetluga-Vyatka interfluve in the diversity of Bulgar artifacts, both typologically and quantitatively. This circumstance suggests the possible existence of a trading post in close proximity.

Keywords: archaeology, Cheboksary Reservoir, Vetluga-Vyatka interfluve, Amoksar Island, Volga Bulgaria, 10th–12th centuries, burial ground, Mari culture, dirhams, artifacts.

Введение. Амоксарский могильник располагается на острове Амоксар в акватории Чебоксарского водохранилища на территории Моргаушского района Чувашской республики. Остров образовался в результате подъема Чебоксарского водохранилища. До подъема воды это была высокая дюна в левобережной пойме р. Волги с юго-западной стороны от пойменного озера Амоксар (рис. 1). В лоцманской карте 1927 года озеро имело название Пооскар. Северная часть дюны хорошо выражена топографически, имеет высоту не менее 20 м от современного уровня воды. На самом высоком месте располагается языческое мольбище, на котором совершают обряды чуваши и марийцы с левого берега Волги. По леген-

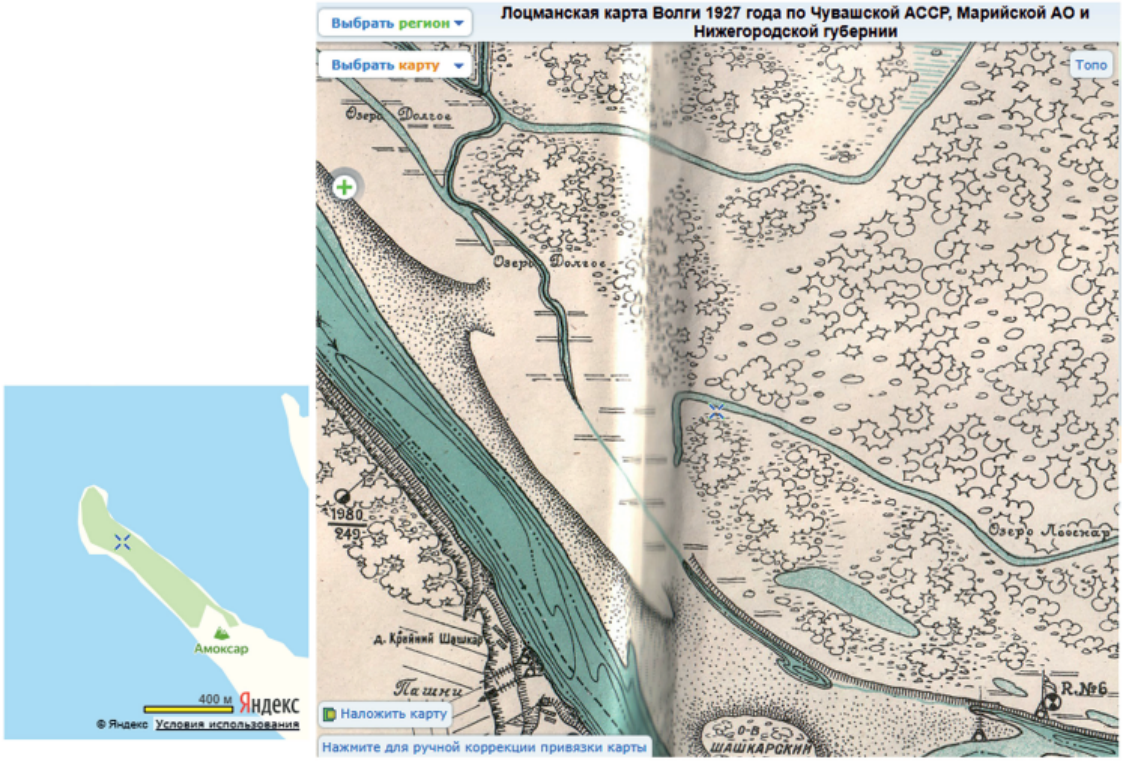

Рис. 1. Схема расположения Амоксарского могильника www.etomesto.ru/map-chuvashiya 1927
Fig. 1. The layout of the Amoksar burial ground www.etomesto.ru/map-chuvashiya 1927

дам и преданиям это место именуется «Гора Амоксар», «Амаксарская киремет» или гора «Ама ту».

Наиболее популярной является легенда об «Амаксарской киремети». В предании говорится о войске предводителя Амака (Амак çар) пришедшем сюда из столицы Волжской Булгарии Биляра (Пӳлер) после гибели государства от нашествия монголо-татар. Войско жило в землянках, но позднее переселилось на правобережье Волги, основав большое количество деревень и их выселков.... (Мадуров, 2004, с. 14).

Памятник был открыт осенью 2021 года в результате совместной работы Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) и Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). В 2022-2025 гг. отрядом Марийской археологической экспедиции МарНИИЯЛИ под руководством Т.Б. Никитиной проведены стационарные исследования, вскрыта площадь 550 м^2, на которой изучено 34 погребения.

Первые результаты раскопок были опубликованы в 2-х статьях (Никитина, 2023; Никитина, Акилбаев, 2024). Исследователями отмечено, что ряд погребений содержат украшения, являющиеся этнодиагностирующими элементами марийской культуры, известные по материалам средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012, с. 83): шумящие подвески и составные элементы головного убора – обернутая вокруг головы в несколько оборотов металлическая цепочка и браслетообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут. В составе инвентаря обнаружены украшения (усатые перстни, зооморфные подвески, браслеты, наборные пояса), имеющие более широкое распространение и за пределами Ветлужско-Вятского междуречья. Располагаясь на окраине указанного региона в зоне активных контактов (торговых, культурных и т.д.) различных групп населения, оставившие эту территорию жители были подвержены инокультурному влиянию.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов из Амоксарского могильника, подтвержающих торговую активность булгар в Марийско-Чувашском Поволжье в домонгольский период.

Результаты исследования. Одним из важнейших направлений деятельности местного населения являлось взаимодействие с булгарами.

Нумизматический материал (монеты, их подражания и монетовидные подвески) обнаружены в 10 погребениях: в 3 мужских погребениях (пп. 4, 12, 17), в 3 женских (пп. 9, 14, 19). Половую принадлежность погребенных в четырех могилах (пп. 24, 25, 31, 34) по составу инвентаря определить не представляется возможным. В идентифицированных мужских захоронениях изделия располагались у черепа, а в женских – в составе ожерелий. В погребениях с неустановленной половой принадлежностью, монеты и монетовидные подвески входили также в состав ожерелий.

Нумизматический материал Амоксарского могильника отличается разнообразием и объединен в таблицу 1.

Нумизматический материал представлен 4 экземплярами, чеканенными в Волжской Булгарии, 1 саманидским дирхамом, 2 восточно-европейскими подражаниями (одно из них, возможно южно-русского происхождения). Все монеты имеют отверстия, подтверждающие факт их использования в качестве украшений, а, следовательно, и длительного бытования у населения, оставившего Амоксарский могильник.

Два дирхама (№ 1 и 2) были обнаружены в одном погребении 31 в ожерелье совместно с полыми серебряными бусами (рис. 2: 1, 2).

№1. Дирхам. Амиры Волжской Булгарии. Мумин б. Ахмад. Сувар, 366 г.х.

В верхней части надпись разместилось граффити «Лиллах?». Приклепано ушко для использования в качестве подвески. Ушко к строчкам текста располагается перпендикулярно.

Таблица 1
Table 1

	инд.№	вес	размер	местонахождение	материал[1]
1	АМ-2024/19	2,41	27	Амоксарский могильник, погр. 31	АР
2	АМ-2024/19	1,92	24	Амоксарский могильник, погр. 31	АР
3	АМ-2022/206	1,40	28	Амоксарскиймогильн., погр. 34	АР
4	АМ-2023/56	2,23	32×30	Амоксарский могильник, погр. 25	АР
5	АМ-2023/56	2,92	26×27	Амоксарский могильник, погр. 25	АР
6	АМ	?	30	Амоксарский могильник, погр. 14	АР
7	АМ-2022/255	0,90	27	Амоксарский могильник, погр. 17	АР
8	АМ-2022/1	0,35	27×15	Амоксарский могильник, погр. 4	АР
9	АМ-2022/175	6,45	32	Амоксарский могильник, погр. 12	сплав
10	АМ-2022/87-2	6,44	31	Амоксарский могильник, погр. 9	сплав
11	АМ-2022/210	6,44	32	Амоксарскиймогильник, погр. 14	сплав
12	АМ-2023/7-1	5,74	33	Амоксарский могильник, погр. 19	сплав
13	АМ-2022/215	5,60	33	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
14	АМ-2022/214	5,58	30	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
15	АМ-2022/87-1	5,53	32	Амоксарский могильник, погр. 9	сплав
16	АМ-2023/7-2	5,47	29	Амоксарский могильник, погр. 19	сплав
17	АМ-2022/213	5,46	33	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
18	АМ-2022/212	5,38	33	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
19	АМ-2022/211	5,23	33	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
20	АМ-2022/206	5,07	28	Амоксарский могильник, погр. 14	сплав
21	АМ-2022/205	4,54	30	Амоксарскиймогильник, погр. 14	сплав
22	АМ-2022/87-3	4,32	30	Амоксарский могильник, погр. 9	сплав
23	АМ-2023/48	?	30	Амоксарский могильник, погр. 24	сплав
24	АМ-2022/87-4	2,93	30×25	Амоксарский могильник, погр. 9	глина
25	АМ-2022/87-5	2,89	28	Амоксарский могильник, погр. 9	глина
26	АМ-2022/87-6	1,62		Амоксарский могильник, погр. 9	глина
27	АМ-2022/87			Амоксарский могильник, погр. 9	глина

[1] Определение визуально

Рис. 2 (номер на рисунке соответствует номеру в таблице 1) №№ 1, 2 – погр. 31; № 3 – погр. 34; №№ 4, 5 – погр. 25; № 6 – погр. 14; № 7 – погр. 17; № 8 – погр. 4
Fig. 2 (the number in the figure corresponds to the number in table 1) No. 1, 2 –burial 31; No. 3 – burial 34; No. 4, 5 – burial 25; No. 6 – burial 14; No. 7 – burial 17; No. 8 – burial 4

№2. Брактеат оборотной стороны. Волжская Булгария. Саманиды. Наср 2 б. Ахмад с именем ал-Муктадир. [301-320] гг.х.

Имеет круглое отверстие, пробитое с обратной стороны, рядом припаяно ушко с петлей для ремешка. Ушко припаяно и по отношению к строчкам текста располагается под углом около 45^0.

№3. Брактеат лицевой стороны. Амиры Волжской Булгарии. Булгар, 365 г.х. Очень сильно искаженные и частично зеркальные надписи.

Обнаружен в п. 34 (рис. 2: 3). Имеет 5 отверстий, пробитых с оборотной стороны. Два отверстия по краю и возможно в центре имеют круглый контур и могли использоваться для продевания ремешков ожерелья или для крепления к одежде. Два отверстия имеют другую форму, были пробиты острым предметом с треугольным сечением (кончиком ножа –?), и, вероятно, связаны с выполнением какого-то дополнительного ритуала. Рядом располагалась яма, заполненная красным песком, предположительно охрой, с включениями на разной глубине многочисленного бисера.

№5. Дирхам. Саманиды. Нух б. Наср с именем халифа ал-Муттаки. Андараба, (33)4 г.х. Дирхам из п. 25 имеет признаки некачественной чеканки из низкопробного сере-

бра (рис. 2: 5). Первичные небольшие сверленные парные отверстия с краю не портили монету. Вторично парные отверстия пробивали широко друг от друга, как у монетовидных подвесок. Третий раз проделали отверстие для приклепанного металлического ушка.

№6. Подражание. Волжская Булгария. Анонимное. Монетный двор под коррозионной коркой, 322(?) г.х.

Происходит из погр. 14 (рис. 2: 6). Имеется одно круглое отверстие с тщательно обработанными краями, расположено к строчкам надписи под углом.

№4. Имитация восточно-европейская. Атрибуции не поддается. X в.

Находилась в погребении 25 совместно с дирхамом №5 в одном ожерелье (рис. 2: 4). Имеется приклепанное ушко с петлей для привешивания.

Две односторонние подвески изготовлены из серебра.

№7. Брактеат оборотной стороны. Восточно-европейское (возможно, южно-русское) подражание дирхаму Исмаилу [б. Ахмаду].

Монетовидная подвеска (односторонняя) на тонкой пластине (№ 7) обнаружена в п. 17 (рис. 2: 7) у черепа мужчины. Дважды пробита (отверстия различной величины), оба отверстия по отношению к строчкам надписи расположены под углом.

№8. Атрибуции не поддается.

Вторая монетовидная подвеска (№ 8) находилась также в районе черепа в п. 4. Выполнена из фольги, сохранность очень плохая (рис. 2: 8).

№9.-24. Литые монетовидные подвески.

16 таких отлитых медно-свинцовых(?) монетовидных подвесок имеют два отверстия. Они выявлены в пяти погребениях Амоксарского могильника. Обилием подвесок выделяется погребение № 14 – восемь подвесок.

Впервые на аналогичные артефакты обратил внимание Г.А. Федоров-Давыдов и опубликовал в 1984 г. 9 подвесок (Федоров-Давыдов, 1984, с. 165, 166, 167) и 2 экземпляра в 2001 г. (Федоров-Давыдов, 2001). В дальнейшем монетовидные подвески публиковали неоднократно (Казаков, 1991; 1993; Хузин, 2001, с. 480, рис. 69: 9; Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012; Лебедев и др., 2012; Мухаметшин, Гомзин, 2018; Мухаметшин, 2022).

На основании собранных материалов предприняты попытки классификации подвесок, позволяющие в определенной степени ответить на вопросы о месте их изготовления и периоде бытования.

Исследователям удалось восстановить процесс производства подвесок. Установлено, что первоначально арабографичные легенды вырезались на металлическом маточнике. Надпись на подвесках полностью искажена. Легенды на маточнике вырезались без оглядки на оригиналы, однако, на некоторых из них (например, №15) улавливается имя саманидского амира Насра? ибн Ахмада (914-943 гг.), но это не может служить датирующим признаком изготовления этих артефактов. В тоже время, это не случайно. Монеты с этими именами были массовыми и получили в Волжской Булгарии самое широкое распространение.

Далее изготовливались глиняные литейные формы для отливки украшений. Подвески имеют два близко отстоящих отверстия, сформированных в процессе литья. В.П. Лебедев (на основании расположения отверстий по часовому циферблату по отношению к строкам «легенд» и сравнению изображений между собой) выделял тождественные экземпляры. Таким образом, выделил подвески, изготовленные в одной мастерской с использованием одного маточника (Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012 с. 169).

Более детальная классификация подвесок была разработана Д.Г. Мухаметшиным на базе материалов Ульяновской области. Было выделено 6 типов монетовидных подвесок (маточников). Подвески II и III типа с более простым рисунком получили широкое распространение. Подвески с более сложным рисунком с двумя круговыми «легендами», с «надписями» близкими к оригиналу (т.е. типы IV, V, VI) встречаются реже и датируются более ранним временем. Самый распространенный тип подвесок – I является наиболее поздним. Такой переход от «сложного к простому» наблюдается у серебряных как монетах-подражаниях, так и односторонних подражаниях (брактеатах) (Мухаметшин, 2022, с. 264).

По предварительным данным монетовидные подвески встречаются на марийских могильниках часто: Дубовский, Веселовский, Русенихинский. Подвески Амоксарского могильника имеют вес 4,32 – 6,45 г. Диаметр подвесок от 27 до 35 мм. Все подвески двухсторонние.

Рис. 2а. (продолжение) № 9 – погр. 12; № 10,15 – погр. 9; №№ 11,13,14 – погр. 14; №№ 12,16 – погр. 19
Fig. 2a. (continuation) No. 9 – burial 12; No. 10,15 – burial 9; No. 11,13,14 – burial 14; No. 12,16 – burial 19

Монетовидные литые подвески получили широкое распространение, по состоянию на 2012 известны: в Ветлужско-Вятском междуречье (16), Удмуртии (1), Пензенской (7), Пермской (13), Ульяновской (40), Нижегородской (3) областях и больше всего в Татарстане (59). Таким образом, ареал их распространения охватывает собственно булгарские земли, так и булгарские поселения и фактории в Прикамье и Верхнем Посурье. Географическим центром их распространения и бытования определяется Болгарское городище. Вероятно, что маточники для отливки подвесок вырезались в Булгаре. Вопрос о едином центре изготовления остается открытым и на сегодняшний день не имеет однозначного ответа. Для этого нужно выделить подвески, отлитые в одной форме. Г.А. Федоров-Давыдов, исследуя аналогичный нумизматический материал Дубовского могильника из Килемарского района Республики Мари Эл, отметил 5 подвесок в п. 40 Дубовского могильника, отлитых в одной форме и 2 в другой, на основании чего допускал, что «литье производилось где-то в соседнем поселке, так как иначе подбор тождественных монетовидных подвесок в одном погребении был бы маловероятен». То же самое он писал об односторонних оттисках – «оттиски сделаны с одного подражания дирхему, свидетельствующие, что такие оттиски делались где–то по соседству с могильником» (Федоров-Давыдов,

Рис. 2б. (продолжение) №№ 17-21 – погр. 14; 22,24 – погр. 9; 23 – погр. 24
Fig. 2b. (continuation) No. 17-21 – burial 14; 22,24 – burial 9; 23 – burial 24

1984, с. 166). Здесь речь может идти только об отливке самих подвесок, но не об изготовлении маточника.

Для установления различий и выделения вариантов монетовидных подвесок нами условно были определены их лицевые и обратные стороны. Среди самой многочисленной группы подвесок за лицевую сторону принята сторона с близким начертанием Насир (б. Ахмад) в третьей строке. За оборотную сторону три строки с невысокими палочковидными знаками. Подвески одинакового типа отличаются по расположению отверстий, по диаметру отливки и по начертанию отдельных знаков. Такие отличия могли возникнуть в процессе выправления самой формы. Что такие выправления были говорит заделка отверстий на отдельных формах, следы которых выделялись при отливке новых украшений. Из-за многократного использования формы для отливки изнашивались, что приводило к размытию изображений на отливке.

В.П. Лебедев на основании своих наблюдений пришел к выводу, что литые монетовидные подвески подражают не куфическим дирхемам, а фалсам, появление, которых в Среднем Поволжье относится к последней четверти X – началу XI вв. (В.П. Лебедев, Е.А. Беговатов, Р.Х. Храмченкова, 2012, с. 169). Однако в V типе есть еще внешняя имитация круговой надписи, состоящая из чередований «S-образного» орнамента. Скорее всего,

Рис. 3. Элементы поясных украшений: 1-7 – погребение 25; 8-10 – погребение 26; 11 – погребение 9; 12,13 – погребение 11
Fig. 3. Elements of belt ornaments: 1-7 – burial 25; 8-10 – burial 26; 11 – burial 9; 12,13 – burial 11

подвески повторяют изображение с подражаний дирхаму. Например, круговые «легенды» подражания (№ 4) соответствуют «легенде» монетовидных подвесок. *Таким образом, материалы Амоксарского могильника позволяют предположить, что монетовидные подвески могли производиться на местах с применением готовых маточников.*

В 5 погребениях (пп. 9, 11, 23, 25, 26) Амоксарского могильника обнаружены детали наборных поясов. В 2-х из них совместно с монетами и монетовидными подвесками.

В п. 9 сохранились фрагменты поясного набора в виде ременной ленты и 22 накладок (рис. 3: 11). К сожалению, в этом месте с уровня современной дневной поверхности был введен кладоискательский вкоп, в результате чего остальная часть пояса стала достоянием кладоискателей. Накладки имеют сердцевидную форму размерами 1,3 - 1,5 см со слегка выпуклой поверхностью, бордюр из насечек по контуру и изображение овала на поверхности. Крепились на ремень мысиком вбок с помощью двух шпеньков, расположенных по центральной оси изделия. Такие накладки обнаружены в пп. 5 и 16 древнемарийского могильника Нижняя стрелка, аналогии известны в материалах болгарского Измер-

ского селища (Казаков 2001, рис. 1: 37), в комплексах Огурдинского могильника середины – конца XI вв. в Пермском Предуралье. Единичные находки в Шокшево и Тимирево В.В. Мурашевой датированы концом X – началом XI вв. (Мурашева, 2000, рис. 31: *1Б*). В упомянутых выше погребениях 5 и 16 Нижней стрелки обнаружены также пряжки аналогичные пряжке из п. 26 Амоксарского могильника (рис. 3: 8-10), что также подтверждает близость появления традиции таких поясных наборов.

В п. 25 фрагментов пояса лежали в изголовье совместно с бусами и были представлены поясными кольцами, 3 наконечниками, круглыми накладками двух типов (рис. 3: 1-7). В погребении 11 поясной набор представлен мелкими накладками с изображением личины и литым наконечником с обоймой (рис. 3: 12-13). Кольцевидные накладки в одних комплексах с зооморфными мелкими накладками, наконечником с загнутыми краями (типа обоймы) для крепления имеют аналогии в булгарских памятниках и в Пермском Предуралье.

Несмотря на то, что целых поясов не обнаружено, следует заметить, что все составные части характерны для поясных наборов группы 6 из могильников Ветлужско-Вятского междуречья, которые, имели иную, чем в Пермском Предуралье комплектацию пояса. На территорию Ветлужско-Вятского междуречья они поступали, по всей вероятности, из Волжской Булгарии (Никитина, 2023а). Один из авторов данной статьи ранее уже высказывала предположение, что, нельзя исключать возможность сборки поясов на месте из привезенных деталей.

Определенный интерес представляют привески в форме бубенчиков из двух половинок с раздутым туловом ребристой формы с продольными овальными выступами (рис. 4: 16): пп. 7, 8, 9, 26, 27, 28. Наиболее часто зафиксировано их использование в составе ожерелий.

При публикации материалов булгарских селищ Е.П. Казаков выделил эти украшения в булгарский тип II А1В (Казаков, 1991, с. 118, рис. 40: 53-55). Они фиксируются в материалах I Измерского селища (Казаков, 1991, с. 115; Казаков, 1992, рис. 40: 53-55), 1 Семеновского селища с конца X–XI вв. (Руденко, 2022, с. 416, рис. 3: 7,8; Полякова, 1996, рис. 63: 29). Остолоповское селище с находками таких бубенчиков К.А. Руденко датирует с рубежа X–XI вв. и до последней трети XII в. (Руденко, 2021. рис. 2: 6, с. 75). Иногда такие находки называют пуговицами. Обнаружены в единичных экземплярах также в погребениях мрясимовского/постпетрогромского типа (Иванов, 2022, с. 121, рис. 6:17), на Рождественном могильнике в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008, с. 405, рис. 196: 66).

В памятниках Ветлужско-Вятского междуречья и Марийско-Чувашского Поволжья подобные изделия являются частой находкой в погребениях XI века. Интересная география распределения находок (рис. 6): наибольшее распространение получили в памятниках на Волге в непосредственной близости к Волжской Булгарии, по мере продвижения на запад и север или вглубь территорий, удаленных от основной водной артерии, процент погребений с такими находками на памятниках убывает до полного исчезновения признака: Амоксарский (в 34 объектах – 6 с бубенчиками – 17,6%; Анаткасинский (32 объекта – 4 с бубенчиками– 12,5%), Дубовский (84 – 7 – 8,3%- соответственно), Нижняя стрелка (53 – 4 – 7,5%), Выжум (61 – 2 – 3,3%), Русениха (33 – 1 – 3,0), Веселовский (34 – 1 – 2,9%; Красногорский (14 – 1 – 7,1%). Как и в Амоксарском могильнике, в большинстве памятников они используются в составе ожерелий, а также накосников.

В погребениях 25, 31 вместе с дирхамами найдены металлические шаровидные пронизки разных размеров (11 экз.) (рис. 5: 34-39). Подобные изделия в других памятниках Ветлужско-Вятского междуречья и Марийско-Чувашского Поволжья нам неизвестны, но отмечены исследователями еще в период ранней Волжской Булгарии на Большетарханском и Танкеевском могильниках (Генинг, Халиков, 1964, с. 57, табл. XV: 11; Казаков, 1992, с. 176, рис. 63: 28).

Одной из особенностей Амоксарского могильника является наличие большого количества стеклянных бус – 466 экз. В целом, бусы для могильников Ветлужско-Вятского междуречья являются достаточно редкой находкой.

Особенно интересно наблюдать за одной категорией – кашинные бусы (рис. 4: 15; 5:

17-23), которые имеют ту же тенденцию в географии распространения по территории Ветлужско-Вятского междуречья и территории Марийско-Чувашского Поволжья, что и рассмотренные выше бубенчики. В погребениях Амоксарского могильника встречаются кашинные зонные ребристые и одна зонная гладкая бусы с бирюзовой прозрачной глазурью: пп. 1, 10, 16, 18, 25, 26, 28 (общее количество – 19 экз.). В других могильниках Вятско-Ветлужского междуречья аналогичные бусы известны в единичных экземплярах: Выжумский могильник, жк 12 (5 экз.), в п. 40 рубежа XI–XII в. Дубовского могильника (Никитина, 2012, с. 72, рис. 244: 2), в погребениях 5 и 11-а XI в. могильника Нижняя Стрелка (Никитина, 2012, с. 68, рис. 291: 1-3, 19,21).

Их изготовление было известно в Иране, Средней Азии, Азербайджане, откуда они распространились на широкую территорию вплоть до Европы, где их присутствие отмечено в памятниках X в. (The Ancent... 1996, 188–189). Достаточно полная сводка кашинных бус на территории Руси X–XIV вв. выполнена В.Ю. Ковалем (Коваль, 2010, с. 178-180), который отметил на Руси 20 пунктов с кашинными бусами. В большинстве случаев они представлены незначительными и даже единичными экземплярами. Наиболее выразительная серия 373 бусин из 56 могильников Ижорского плато (Новгородская земля) относится к более позднему периоду их бытования (вторая половина XIII–XIV вв.) (Коваль, 2010, с. 179).

Известны эти бусы были и в Волжской Булгарии, где они были найдены на памятниках широкого диапазона бытования от X в до золотоордынского времени. Наиболее ранние экземпляры найдены в погребении 65 – X в. Больше Тиганского могильника и с бирюзовой и коричневой глазурью в нескольких погребениях Танкеевского могильника, в Биляре (Руденко, 2015, ил. 259), в Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 169), на Измерском селище.

Учитывая хронологию бус на различных территориях можно констатировать возрастание вероятности их основного поступления в район расположения Амоксарского могильника именно из Волжской Булгарии. Поэтому представляется вполне закономерным, что при продвижении в западном и северном направлениях их количество резко сокращается.

В Амоксарском могильнике обнаружены также каменные бусы и подвески, обычно не характерные для территории Ветлужско-Вятского междуречья, которые, по нашему мнению, могли быть привезены из Волжской Булгарии.

Каменные бусы представлены изделиями из сердолика и горного хрусталя. В этом отношении наиболее богато погребение 25 (рис. 4: 1-10). Сердоликовые бусы представлены: шаровидными в сечении круглой (1 экз.) и эллипсовидной (1 экз.) форм, граненными в сечении бипирамидальными (3 экз.), битрапецоидной (1 экз.), призматической (2 экз.) форм.

Бусы из горного хрусталя в количестве 3 экз. имеют призматическую форму.

Все каменные бусы имеют многочисленные аналогии в коллекциях Болгарского, Селитренного и Увекского городищ, в Биляре и Суваре (Полубояринова, 1991, с. 26, 27; Руденко, 2015, илл. 258, 290). Подробная сводка каменных бус Волжской Булгарии сделана М. Полубояриновой, которая вполне убедительно доказала их местное происхождение (Полубояринова, 1991, с. 106).

В п. 12 Амоксарского могильника обнаружены подвески из сердолика (рис. 3: 6-14): каплевидные, круглые в поперечном сечении (3 экз.), ромбовидные (6 экз.), треугольные расширяющиеся книзу с прямым основанием (2 экз.). Все разновидности известны на Селитренном и Болгарском городищах (Полубояринова, 1991, с. 61, 62).

В 5 погребениях присутствуют малые или средние зонные бусы с тремя симметрично расположенными выпуклыми глазками на непрозрачной основе (пп.1, 9, 25, 29, 32) (рис. 3: 4,5; 4: 24,26).

Подобные бусы известны в большом количестве на сельских памятниках Среднего Поволжья, связанных с культурой булгар: Измерском I, Лаишевском, Мурзихинском (Валиулина, 2008, с. 292, 293); единичные экземпляры в слоях городских центров Волжской Булгарии: в Булгаре, на Билярском городище, на Джукетау (Валиулина, 2005, с. 99; 2022, с. 93). Появляются они в Волжском бассейне, по мнению С.И. Валиулиной в XI в., ближе к середине столетия (Валиулина, 2008, с. 292). Учитывая наиболее массовые находки таких изделий на Измерском селище в литературе за ними в последнее время закрепилось название бусы измерского

Рис. 4. Вещи Амоксарского могильника, связанные с булгарской культурой.
1 – сосуд между погребениями; 2 – погребение 9; 3,4 – погребение 8; 5 – погребение 32; 6-14 – погребение 12; 15 – погребение 26; 16 – погребение 28

Fig. 4. Items from the Amoksar burial ground related to the Bolgar culture.
1 – vessel between burials; 2 – burial 9; 3,4 – burial 8; 5 – burial 32; 6-14 – burial 12; 15 – burial 26; 16 – burial 28

типа, хотя все признают, что их изготовление следует связывать с византийской ремесленной традицией. На Измерском селище происходило изготовление бус с использованием полуфабрикатов (вторичное стекло), то есть, в мастерских с неполным производственным циклом – типа Б, об этом неоднократно писала С.И. Валиулина.

На Амоксарском могильнике погребения с треугольными бусами встречены в 14,7% от всех изученных погребений. У населения, оставившего погребальные некрополи в Ветлужско-Вятском междуречье, находки подобных бус нечасты. Наибольший процент в соседнем с Амоксаром могильнике «Чебоксарский городок» – 33,3%, на остальных памятниках это небольшие серии – Выжумский могильник – 6,6%, Выжумский III могильник – 4,2% и Дубовский могильник – 1,2%.

Посредством булгарских купцов также, вероятно доставлялись и другие товары южного происхождения: глазчатые бусы (рис. 3,4), раковины каури (рис. 3: 2) и т.д.

Особый интерес представляет сосуд типа кружки. Кружка относится к общебулгарской керамике, или керамике первой этнокультурной группы[1]. Сосуд с широкой горловиной подцилиндрической формы, с низким, но широким туловом (почти вдвое меньше его диаметра). Цвет сосуда – красно-коричневого цвета. Высота сосуда – 12 см, диаметр

Рис 5. Амоксарский могильник, погребение 25. 1-10 – камень; 11-23, 24-26, 30-32 – стекло; 27-29, 34-42 – цветной металл (серебро)
Fig. 5. Amoksar burial ground, burial 25. 1-10 – stone; 11-23, 24-26, 30-32 – glass; 27-29, 34-42 – non-ferrous metal (silver)

по венчику – 9,5 см, диаметр дна – 6,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 13,8 см. Кружка имеет ручку, ширина ручки от 2,2 до 2,7 см, овальная в сечении. По верхней части тулова отмечен линейный орнамент. Из-за наплыва глины, орнамент местами носит прерывистый (пунктирный) характер. Нижняя (придонная) часть тулова имеет вертикальное лощение по сухой (смоченной) поверхности вертикальными частыми линиями. На днище сосуда отчетливо прослеживается бортик, ширина от 1,5 до 2,5 мм, а также фиксируются следы подсыпки (из золы?). Искусственные примеси в составе формовочной массы не обнаружены. Кружки имеют широкую датировку X-XII вв.

В связи с тем, что монеты Амоксарского могильника датированы 365-366/975-977 гг. и подражания, подвески (АР) имеют близкую дату изготовления и могли быть произведены не ранее последней четверти X века. Учитывая сильную степень истертости поверхности на значительной части подвесок, свидетельствующую о долговременном использовании, очевидно, что в погребения они могли попасть не ранее XI в. Вещевой инвентарь также укладывается в хронологические рамки конца X – начала XII вв.

Выявленные вещи свидетельствуют о торговом характере их поступления. Картографирование находок показывает, что Амоксарский могильник отличается от анало-

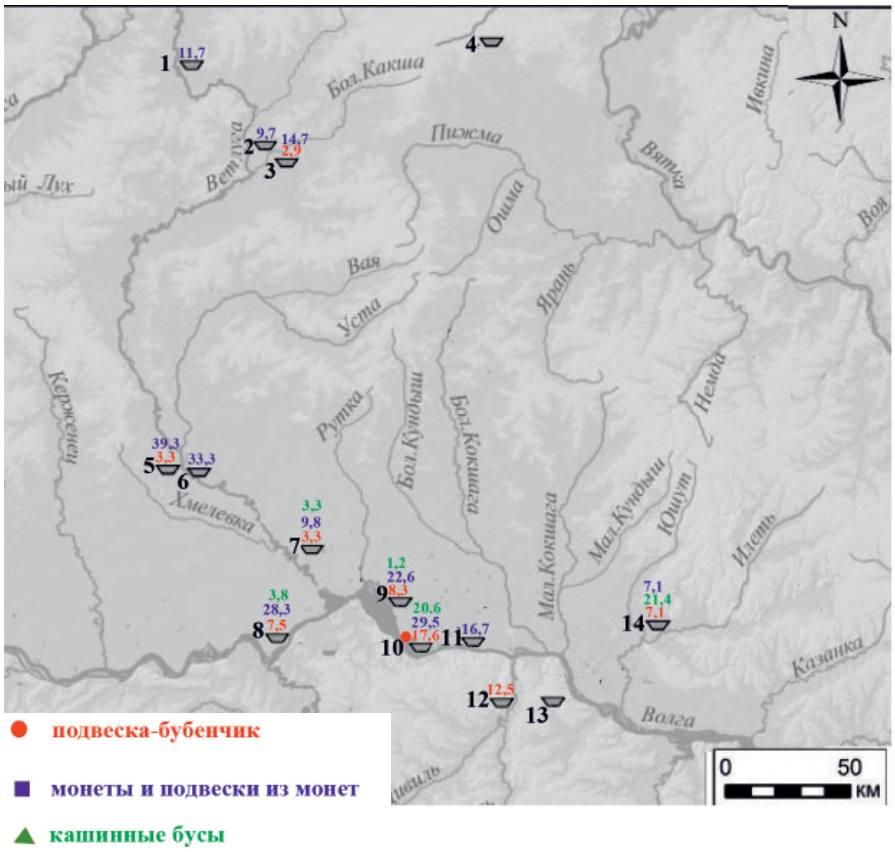

Рис. 6. Памятники Ветлужско-Вятского междуречья. 1 – могильник Кузинские хутора; 2 – могильник Черемисское кладбище; 3 – Веселовский могильник; 4 – Юмский могильник; 5 – Русенихинский могильник; 6 – могильник Затон Михеева; 7 – Выжумский могильник; 8 – могильник Нижняя стрелка; 9 – Дубовский могильник; 10 – Амоксарский могильник; 11 – могильник Чебоксарский городок; 12 – Анаткасинский могильник; 13 – погребение Девлетгильдино; 14 – Красногорский могильник

Fig. 6. Monuments of the Vetluga-Vyatka interfluve. 1 – Kuzinskiye khutora burial ground; 2 – Cheremisskoye cemetery burial ground; 3 – Veselovsky burial ground; 4 – Yumsky burial ground; 5 – Rusenikha burial ground; 6 – Zaton Mikheeva burial ground; 7 – Vyzhum burial ground; 8 – Nizhnyaya Strelka burial ground; 9 – Dubovsky burial ground; 10 – Amoksar burial ground; 11 – Cheboksarsky Gorodok burial ground; 12 – Anatkasi burial ground; 13 – Devletgildino burial ground; 14 – Krasnogorsk burial ground

гичных памятников Ветлужско-Вятского междуречья многообразием булгарских вещей как в типологическом, так и в количественном выражении. Это обстоятельство позволяет предполагать возможность существования в определенной близости торговой фактории.

Необходимо дополнительное обследование островов в этом регионе.

Примечания:

[1] Анализ сосуда произведен А.И.Михеевой

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский фил. Института истории и археологии УрО РАН, 2008. 603 с.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: КГУ, 2005. 280 с.

Валиулина С.И. Стеклянные бусы Семеновского I и Измерского I селищ // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 288–298.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Иванов В.А. Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология

Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 105–124.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 332 с.

Казаков Е.П. Работы раннеболгарской экспедиции в 2000 году // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 61–63.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век. М.: Наука, 2010. 269 с.

Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Яз»; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 163–174.

Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е. Нумизматические находки на булгарских домонгольских памятниках в Ульяновской области // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 154–171.

Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

Мухаметшин Д.Г. Типология подражаний куфическим дирхемам // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.) / Отв. ред. А.С. Беляков. М.: ГИМ, 2000. С. 59–61.

Мухаметшин Д.Г. Типология булгарских литых монетовидных подвесок из Ульяновской области // Краеведческие записки. Вып. 19 / Ред. Ю.К. Володина, О.Е. Бородина, В.И. Лосева, М.Р. Гисматулин. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2022. С. 259–269.

Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А. Монеты волжских булгар из Русенихинского могильника Нижегородской обл. // Сборник материалов III–IV Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия» / Ред. Г.М. Бирюкова и др.. Болгар: Корпорация технологий продвижения, 2018. С. 90–111.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Амоксарский могильник: легенда и действительность по археологическим материалам // Мари и чуваши: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 35–48.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Будапешт: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 2023a. 228 с.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В. О погребальном обряде Амоксарского могильника X–XII вв. (по материалам раскопок 2021–2023 гг.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 168–181.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных метало // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова, 1996. С. 154–268.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79.

Руденко К.А. Сельские поселения // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 408–433.

Федоров-Давыдов. Г.А. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 160–172.

Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматический сборник. Часть XIV. Нумизматика в Историческом музее. / Труды ГИМ. Вып. 115 / Отв. ред. А. М. Беляков, А. А. Молчанов.М.: ГИМ, 2001. С. 89–99.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

The Ancent Hungarians. Exhibition Catalogue / Istvan Fodor (ed.) Budapest. 1996. 480 p.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник БГИАМЗ, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Россия); djamil78@list.ru

REFERENCES

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Valiulina, S. I. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX–XVI vekakh (Rural Rus in the 9th – 16th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ., 288–298 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 105–124 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ.,61–63 (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th – 17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lebedev, V. P., Begovatov, E. A., Khramchenkova, R. Kh. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: "Yaz" Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 163–174 (in Russian).

Lebedev, V. P., Trushin, I. D., Kozhevin, A. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: "Shkola" Publ., 154–171 (in Russian).

Madurov, D. F. 2004. *Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashei (Traditional decorative art and the Chuvash people festivals).* Cheboksary: "Chuvash. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th–13th Centuries))*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2000. In Belyakov, A. S. (ed.). *Vos'maya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (8th All-Russian numismatics conference).* Moscow: State Historical Museum, 59–61 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2022. In Volodina, Yu. K., Borodina, O. E., Loseva, V. I., Gismatulin, M. R. (eds.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 19. Ul'ianovsk: "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia" Publ., 259–269 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In Biryukova, G. M. et al. (eds.). *Bolgarskii muzei-zapovednik – khranitel' kul'turnogo naslediia (Bolgar Museum-Reserve as Keeper of Cultural Heritage)*. Bolgar: "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia" Publ., 90–111 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area).* Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. In Ertsikova, G. A. (ed.). *Mari i chuvashi: etnokulturnyi dialog v istoricheskoi retrospective (Mari and the Chuvash: an ethnic-cultural dialogue in historical retrospect).* Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 35–48 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX–XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve, IX-XI centuries)*. Budapesht: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet (in Russian and Hungarian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 168–181 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bolgar Silver). Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Bilyar).* Vol. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 408–433 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 160–172 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. In Belyakov, A. M., Molchanov, A. A. (eds.). *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* (14) *umizmatika v istoricheskom muzee (Numismatics in Historical Museum)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 115. Moscow: State Historical Museum, 89–99 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

Istvan Fodor (ed.) 1996. *The Ancent Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest.

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Mukhametshin Dzhamil G. Candidate of Historical Sciences. Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarovyh St., 67, Bolgar, 422840, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; djamil78@list.ru

Статья поступила в журнал 08.03.2026 г.
Статья принята к публикации 26.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.302.310

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛА ИЗ СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (МАТЕРИАЛЫ 2017-2018 ГГ.)

©2026 г. Е.М. Пигарёв, Р.Х. Храмченкова

В работе представлены результаты анализа химического состава стекла из раскопа III Селитренного городища. Образцы были изучены методом эмиссионного спектрального анализа. В состав выборки вошли 42 находки различного цвета и фактуры. Сравнительный анализ материалов исследований показал достаточно однородный химический состав и что все стекло изготовлено по единой рецептуре. Концентрации 10-14% натрия и 4-9% калия в находках свидетельствуют об использовании при варке стекла золы растений. Окраска производилась традиционными красителями: голубой и бирюзовый - ионной медью, красный - молекулярной медью, желтый - свинцовой добавкой, белый - оловянной. Глухое стекло было получено посредством оловянной компоненты. Сопоставление результатов по микроэлементам выявил некоторые особенности стеклянных находок.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Селитренное городище, стеклоделательная мастерская, средневековые технологии, химический состав, джучидская нумизматика.

CHEMICAL COMPOSITION OF GLASS FROM THE GLASS-MAKING WORKSHOP AT THE SELITRENNOYE SETTLEMENT (MATERIALS FROM THE 2017–2018 FIELD SEASONS)

E.M. Pigarev, R. Kh. Khramchenkova

The paper deals with the results of an analysis of the chemical composition of glass from the excavation III at the Selitrennoye settlement. The samples were analyzed using optical emission spectroscopy. The sample assemblage comprised 42 finds of various colours and textures. A comparative analysis of the data revealed a highly homogeneous chemical composition, indicating that all the glass was manufactured according to a single recipe The concentrations of 10-14% sodium and 4-9% potassium in the finds suggest that plant ash was used in the glass-making process. The coloring was done with traditional dyes: blue and turquoise were produced with ionic copper, red by molecular copper, yellow by lead-temper and white by tin-temper. Opaque glass was produced using a tin-based agent. A comparison of the trace element profiles revealed specific characteristics of these glass finds.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Selitrennoye settlement, glass-making workshop, medieval technologies, chemical composition, Jochid numismatics

В 1967 г. на Селитренном городище на месте скопления обломков стекла был заложен раскоп №III площадью 120 кв.м, на котором были обнаружены хозяйственные ямы и развалы производственных конструкций - печей и горнов. В ходе раскопок были найдены бусы, перстни, вставки для перстней, браслеты, стержни-заготовки для «глазков», полуфабрикаты и отходы производства, что дало возможность интерпретировать раскопанный объект, как стеклоделательную мастерскую (Галкин, 1984, с. 213–221).

В 2017 г. изучение этой мастерской было возобновлено, после расширения раскопа общая площадь исследований составила 640 м^2.[1] В 2018 г. были зафиксированы границы раскопа 1967 г., что позволило связать все раскопы единым планом и выделить на территории усадьбы производственную, жилую и хозяйственно-бытовую зоны. В ходе исследований обнаружены хозяйственные ямы, котлованы и многокомнатный усадебный дом (Пигарев, 2025, с. 404–407).

В культурном слое, ямах и заполнении помещений дома были найдены стеклянные украшения: свыше 2000 целых и фрагментированных бус, перстней, вставок, браслетов, около 60 оконных дисков, свыше 3 фрагментов стеклянной посуды, более 600 полуфабрикатов (кусков пастового стекла различных

Рис. 1. Образцы стеклянных находок раскопа III: а – яма 6, б – яма 13, в – яма 16.
Fig. 1. Samples of glass findings from the excavation III: a – pit 6, б – pit 13, в – pit 16.

размеров и цветов), свыше 400 стержней для орнаментации и большое количество отходов производства (рис. 1).

В трех ямах и в заполнении дома были обнаружены многочисленные фрагменты красноглинянной поливной керамики, печной припас, брак гончарного производства. Это показывает, что в определенный период в мастерской было или изменено, или добавлено новое направление – производство глазурованной (поливной) посуды.

За время изучения стеклоделательной мастерской (1967-2025 гг.) было обнаружено 710 экземпляров медных пулов, большая часть которых выпущена на столичных монетных дворах Сарай и Сарай ал-Джедида. Кроме того, в комплексе встречены пулы монетных дворов Хаджи-Тархана, Гюлистана, Хорезма, Мохши. Монетные находки позволяют выделить исторические периоды жизнедеятельности усадьбы: первый период - конец 1330-х – 1340-е гг., второй - конец 1340-х - 1350-е гг.; третий – 1350-е – 1370-е гг.; четвертый – 1380-е – начало XV в. Анализ нумизматического комплекса показал, что жизнь на территории ремесленной усадьбы происходила, не прерываясь, с конца 1330-х годов до начала XV в., с некоторым снижением экономической активности в 1370-х гг.

Изучение вещевого комплекса раскопа показало, что в разные периоды существования усадьбы происходило изменение ремесленной деятельности её жителей. Производства изделий из стекла и глазурованной керамики относятся к первым хронологическим периодам. Анализ монетного комплекса дал следующие результаты: ямы, связанные с производством стекла, имеют в своем комплексе монеты 1330–1350-х годов; ямы (№ 3, 6, 11), связанные с производством керамики – монеты 1340–60-х годов.

Кроме производства стекла и керамики зафиксированы и другие виды ремесленной деятельности жителей усадьбы – обработка

полудрагоценных камней и кости, изготовление предметов из цветных металлов и алебастра, обработка рыбы (возможно, связанная с изготовлением рыбьего клея). В настоящей работе рассмотрен вопрос, связанный с одним из первых ремесленных направлений - производством изделий из стекла. Фрагменты стеклянных изделий и производственные отходы встречены как в культурном слое, так и в закрытых объектах.

Яма №6 (2017 г.) обнаружена в квадратах А/1-2, имела округлую форму, частично уходит в восточный борт раскопа; размеры в пределах раскопа 240х130 см. Заполнение ямы представлено слоем рыхлой темно-коричневой супеси с включением целых и фрагментированных изделий из стекла. В яме обнаружено 2 монеты, одна из которых нечитаемая, вторая: анонимный медный пул, тип «цветочная розетка», 1350-е гг., бита в Сарай ал-Джадида.

Кв.Д-5 шт.2 (2017 г.): представлен слоем плотной коричневой супеси с находками золотоордынского времени. Слой датируется монетой: анонимный медный пул, тип «цветочная розетка», 1350-е гг., бита в Сарай ал-Джадида.

Кв.Л-11 шт.2 (2018 г.): представлен слоем серой супеси с обломками сырцового кирпича, перекрывающим остатки усадебного дома, в котором встречено: 4 медных монеты 1330-х гг., 12 экз. – 1340-х гг., 13 экз. – 1350-х гг., 6 экз. – 1360-х гг., 2 экз. – 1370-х гг., 2 экз. – 1390-х гг.

Яма №13 (2018 г.) обнаружена в кв.Ж-4, имела округлую форму, размером 140х130 см. Заполнением ямы служила рыхлая коричневая супесь с включением остатков стеклоделательного производства (1152 экз.). В яме обнаружено 2 монеты, одна из которых (в нижней части заполнения) нечитаемая, вторая (верхний уровень заполнения): анонимный медный пул 776 г.х., битый в Сарай ал-Джадида.

Яма №16 (2018 г.) обнаружена в кв.Ж-2-3, вскрыта частично, т.к. уходит за пределы раскопа; размеры в пределах раскопа 330х248 см. Заполнением ямы служила рыхлая темно-коричневая супесь с отходами стеклопроизводства (635 экз.). В яме обнаружена 1 медная монета: анонимный пул, тип «лев и солнце» 737 г.х., битый в Сарае.

2017 г. и 2018 г. без указания объектов и штыков – просев отвала раскопа 1967 г.

Как было указано выше, в ходе археологических изысканий в раскопе было обнаружено большое количество находок, таких как пенахальмоза, капельки стекла, производственный брак, фрагменты и целые виды оконного стекла, бусин, перстней, браслетов, что наряду с горнами и печами доказывает местное стекловарение. В статье Д.О. Кутузовой и Е.Е. Воробьевой дается предварительное описание находок данного комплекса (Кутузова, Воробьева, 2018). В настоящей работе проведено исследование 42 образцов стекла различной в рассматриваемом раскопе локализацией. Для анализа было отобрано стекло различного цвета и фактуры. Можно отметить широкое цветовое разнообразие стеклянных фрагментов: красный, бирюзовый, желтый, голубой, оранжевый, зеленый, оливковый, лиловый, белый, бесцветный. В аналитическую группу вошли фрагменты многоцветных бусин, обломки колец, браслетов и трубок. На рис.2 представлена часть исследованного материала.

Химический состав стекла был изучен методом эмиссионного спектрального анализа, соответствующего количественному анализу III категории точности. Сущность методики описана в работе (Храмченкова и др., 2017). В таблице 1 приведен макро-состав стекла, в таблице 2 – микроэлементный состав. Для большего удобства сравнительного анализа аналитические результаты в таблице были разделены по цветовым группам. Итоговое содержание определяется умножением значения в таблице (С) на 10 в степени, указанной в столбце (n).

Как показали аналитические данные, все находки изготовлены из однотипного стекла, сваренного на натрий-калиевой золе с содержанием Na 10-20% и K 4-9% с совершенно идентичным микроэлементным составом (за исключением элементов, являющихся микрокомпонентами и добавками минеральных красителей). Это является абсолютным доказательством не только одной технологической и рецептурной базы, но и одних и тех же сырьевых источников, включая зольную компоненту.

В части образцов выявлена достаточно высокая концентрация кальция, что может свидетельствовать о специальной технологической добавке кальцитовой компоненты. Обращает на себя внимание тот факт, что в голубых фрагментах (третья и четвертая стро-

Таблица 1. Макро-состав стекла раскопа III Селитренного городища, концентрация = Cx10^{n}.
Table 1. Macro-composition of the glass from the excavation III at the Selitrennoye settlement, concentration = Cx10^{n}.

№обр	элемент	статиграфия/ n	Pb	Sn	Cu	Ca	Fe	Al	Mg	Mn	Ti	Na	K	Si
n	шифр		0	0	0	0	0	0	0	-2	-1	-1	-1	0
9	бесцветный	P.III, Д5, шт2	0,12	0,006	0,02	3,08	0,86	5,16	2,12	0,03	0,25	16,8	7,63	63,2
29	бесцветный	P.III, Я.13	0	3E-04	0	**8,61**	0,18	5,1	3,41	0,03	0,03	12,2	8,21	61,9
42	бело-голубой	P.III, Я.16	2,02	**5,22**	0,06	**0,15**	0,59	**0,98**	0,51	0,1	0,26	14,2	4,67	71
22	св. гол. глух.	P.III, Л11, шт2	8,48	**9,58**	0,14	1,96	0,36	**1,99**	0,48	0,12	0,22	12,4	5,97	57,7
16	т.бир.прозр	P.III	0,31	0,17	0,96	1,25	0,57	5,12	1,23	0,1	0,38	14,8	7,51	67,2
32	бирюз.прозр.	P.III, Я.13	0,11	0,55	1,19	3,28	0,36	5,58	0,91	0,03	0,28	14,2	5,32	67,8
38	бирюзовый	P.III, Я.13	0,75	1,37	1,19	5,16	0,64	5,67	2,49	0,02	0,35	11,5	4,53	66,3
31	бирюз.глух.	P.III, Я.13	1,32	2,48	0,92	3,57	0,36	5,86	1,25	0,03	0,56	13,9	5,89	63,8
21	бир. с бороз.	P.III, Л11, шт2	0,56	1,48	1,61	5,12	0,86	6,05	1,83	0,05	0,31	15,9	6,53	59,6
18	бирюз.глух.	P.III	0,93	5,13	1,38	4,47	0,72	6,33	1,48	0,02	0,23	15	5,16	59
3	бирюзовый	P..III, яма 6	0,62	1,94	0,79	**8,05**	0,36	4,63	1,45	**0,16**	0,28	13,5	9,68	57,8
24	бирюзовый	P.III, Л11, шт2	2,05	1,94	1,98	3,36	0,72	4,73	1,16	0,03	0,31	12,9	5,83	64,3
11	бирюзовый	P.III, Д5, шт2	0,75	2,84	1,01	1,96	0,57	2,28	1,83	0,05	0,28	14,9	4,84	68,5
15	полива бирюз.	P.III, Д5, шт2	0,47	0,71	0,72	4,97	0,64	6,23	1,27	0,04	0,26	15,2	7,14	62,1
28	желтый	P.III, Я.13	6,81	6,16	0,07	1,68	0,72	5,86	0,83	0,18	0,23	10,5	4,72	62,1
39	желтый	P.III, Я.13	14,9	9,51	0,08	1,55	0,39	3,48	0,76	0,14	0,18	9,82	3,84	55,2
2	желтый	P..III, яма 6	7,95	3,53	0,04	**7,56**	0,33	4,81	2,57	0,12	0,23	12	7,73	53
12	желтый	P.III, Д5, шт2	11,3	5,63	0,31	1,82	0,29	5,18	0,96	0,25	0,21	14,1	5,02	54,6
13	оранж. с глазком	P.III, Д5, шт2	2,91	4,12	1,14	**5,88**	0,57	5,86	1,83	0,23	0,25	17,2	6,53	53,2
33	оранжевый	P.III, Я.13	13	6,95	0,07	2,12	0,57	5,12	0,99	0,17	0,22	11,3	4,84	54,6
34	коричневый	P.III, Я.13	0,52	0,007	0,04	**7,35**	0,3	5,48	1,83	0,16	0,27	13	5,51	65,2
19	крас. с бороз.	P.III, Л11, шт2	0,53	1,99	0,98	4,13	2,15	5,48	2,34	0,11	0,29	13,8	5,32	62,7
17	красн.глух.	P.III	0,74	2,39	1,13	4,06	0,43	4,73	1,48	0,16	0,23	15,1	5,25	63,9
10	крас. с бороз.	P.III, Д5, шт2	1,73	2,17	1,14	4,18	1,72	5,83	1,83	0,27	0,25	12,8	6,01	61,8
41	красный	P.III, Я.16	1,19	2,05	1,43	3,49	1,56	5,48	1,16	0,1	0,25	14,1	4,42	64,1
8	кр-б/полосы	P.III, Д5, шт2	0,35	3,86	0,17	3,16	0,89	4,03	2,92	0,23	0,38	12,6	9,47	61,7
14	зел-голубой	P.III, Д5, шт2	0	7E-04	0	2,94	0,86	6,05	2,18	0,03	0,27	14,8	6,12	66,3
6	зел-голубой	P..III, яма 6	0,72	0,17	0,09	**10,2**	0,29	5,48	4,15	0,06	0,35	14,9	9,68	53,6
5	зеленый	P..III, яма 6	3,97	1,63	0,56	**5,61**	0,29	4,82	1,62	0,03	0,19	10,1	8,83	62,1
27	зеленый	P.III, Я.13	2,92	2,17	**0,84**	2,87	0,64	**7,92**	1,33	0,03	0,28	10,3	5,32	65,3
26	оливк.прозр.	P.III, Я.13	0,01	9E-04	0	3,21	0,57	5,86	2,99	0,06	0,32	11,6	7,27	67,7
30	лиловый	P.III, Я.13	0,01	9E-04	0,01	4,56	0,43	5,86	0,83	0,19	0,25	13,1	5,12	69,4
4	б-ч/полосы	P..III, яма 6	0,83	0,89	0,22	2,48	1,28	4,73	1,22	**0,19**	0,25	12,8	7,26	67,5
35	чер-жел-бел	P.III, Я.13	2,39	2,96	0,24	3,08	0,57	4,73	0,96	0,04	0,23	13,3	5,93	65,2
36	черн с глазк.	P.III, Я.13	0,61	0,78	0,44	4,48	1,29	5,48	1,66	0,08	0,33	13,2	4,92	66,4
40	черн. с золот	P.III, Я.13	0,16	0,034	0,01	**6,32**	0,43	6,19	2,82	0,04	0,25	11,3	4,29	68,1
37	черный	P.III, Я.13	1,73	0,99	0,14	4,41	0,86	3,68	1,46	0,1	0,28	14,4	5,44	66,3
25	черный	P.III, Я.13	0,01	7E-04	0,01	**7,28**	0,72	6,71	2,32	0,02	0,31	12,8	7,26	62,3
7	черный	P.III, Д5, шт2	0,26	0,083	0,02	**6,32**	0,86	5,21	2,73	0,09	0,43	14,5	8,29	60,5
20	черный	P.III, Л11, шт2	0,58	0,12	0,22	**7,56**	0,72	5,49	2,18	0,08	0,34	15,4	4,65	61,9
23	черный	P.III, Л11, шт2	0,11	0,007	0,01	**5,18**	0,64	5,1	2,66	0,04	0,32	12,6	7,93	65,3
1	черный	P..III, яма 6	0,05	0,014	0	**1,43**	0,72	2,84	2,99	0,01	0,02	**20,2**	4,59	66,3

Таблица 2. Микроэлементный состав стекла раскопа III Селитренного городища. Концентрация = Cx10^{n}.
Table 2. Microelement composition of the glass from the excavation III at the Selitrennoye settlement. Concentration = Cx10^{n}.

№обр	элемент	статиграфия/	Ag	As	B	Ba	Be	Co	Cr	Ga	Li	Mo	Nb	Ni	P	Sb	Sc	Sr	V	Y	Yb	Zn	Zr
n	шифр	n	-4	-2	-3	-2	-4	-3	-3	-3	-3	-4	-3	-3	-1	-3	-3	-2	-3	-3	-4	-2	-2
9	бесцветный	P.III, Д5, шт2	0,08	0,3	12	1,5	0,7	0,7	11	2,3	4	1,2	0,8	1,8	0,3	1	0,8	1,5	2	1,3	0,9	0,3	1,8
29	бесцветный	P.III, Я.13	0,02	0,5	10	6	1,2	0,8	5	1,7	4	1,1	0,6	1	0,2	1,8	0,9	1,2	1,2	0,9	0,9	0,3	0,9
42	бело-голубой	P.III, Я.16	0,5	0,3	3,2	4,8	1	1,3	8	2,3	5	1,3	0,8	1,8	0,5	1,6	0,7	1,7	2,4	0,9	0,9	0,4	0,7
22	св. гол. глух.	P.III, Л11, шт2	1	0,3	7	1,5	0,9	1,2	14	1,5	4	2,5	0,8	1,9	0,2	25	0,5	1,8	1,9	0,9	0,8	0,6	1,5
16	т.бир.прозр	P.III	1,9	0,2	8	1	0,8	33	12	2,3	5	1,5	1,3	1,8	0,2	3	0,7	0,7	2,5	0,9	0,9	0,3	1
32	бирюз.прозр.	P.III, Я.13	1,5	0,4	5	3,5	0,9	0,8	5	1,5	4	1	0,7	2,7	0,3	40	1,2	0,8	1,5	1,4	1	0,6	0,8
38	бирюзовый	P.III, Я.13	1,5	0,2	8	3,8	0,8	1,1	9	1,9	4	1	0,8	1,8	0,4	47	1,2	1,5	1,7	1	1	0,3	0,8
31	бирюз.глух.	P.III, Я.13	4	0,2	4	2,5	1,2	1,1	6	1,6	4,5	1,3	0,7	2	0,4	2,1	0,8	1,2	1,5	1,3	1,2	0,4	0,8
21	бир. с бороз.	P.III, Л11, шт2	12	0,3	5	1,8	1,5	0,9	14	2,3	4	1,2	0,6	1,8	0,3	1,5	0,8	0,9	1,7	1	0,8	0,3	1
18	бирюз.глух.	P.III	15	0,2	6	2	1	0,6	17	1,9	3,8	1,4	1,2	1,8	0,5	2,4	0,7	2,5	1,6	1	1,1	0,4	0,9
3	бирюзовый	P..III, яма 6	12	0,2	8	3	1,5	0,3	6	2	4	1,3	0,7	1,6	0,5	2	1,5	1	2,4	1,8	0,9	0,4	1,7
24	бирюзовый	P.III, Л11, шт2	3	0,2	8	2,8	0,8	5,7	5	2	3	1,2	1,2	1,9	0,2	2	0,5	0,9	1,3	0,8	0,8	0,3	0,5
11	бирюзовый	P.III, Д5, шт2	3,2	0,3	6	1,5	0,9	7	15	2	3,5	1,8	1,2	1,7	0,5	1,8	1,2	0,9	1,7	1	0,7	0,2	0,6
15	полива бирюз.	P.III, Д5, шт2	3,8	0,4	4,5	2	1	0,7	13	1,9	4,5	1,2	1,5	2,1	0,4	1,5	2	1,9	1,6	1,5	1,2	0,2	1,2
28	желтый	P.III, Я.13	2	0,5	6	3	1,3	0,6	22	1,8	3	1,5	0,7	1,5	0,3	27	0,6	1	3,5	1,2	0,7	18	1
39	желтый	P.III, Я.13	4,8	0,1	7	3,1	0,7	1,4	2	1,5	4	1,3	0,7	1,2	0,3	19	0,7	1,2	1,1	0,8	0,8	48	1
2	желтый	P..III, яма 6	30	0,4	12	4	1,2	0,6	7	1,8	3,8	1,7	0,9	1,5	1,5	8	0,5	3,7	1,4	1	1,1	31	2,8
12	желтый	P.III, Д5, шт2	25	0,3	7	2,8	1	0,7	8	1,8	4	2,4	0,9	1,9	0,3	28	0,7	2	4,9	0,7	0,8	0,4	2,1
13	оранж. с глазком	P.III, Д5, шт2	2,9	0,5	6	3	0,9	1	8	1,7	5	2	1,5	1,8	0,4	12	0,7	2,5	15	0,9	1	78	1,2
33	оранжевый	P.III, Я.13	4	0,4	7	3	1	1,2	6	1,9	3,4	1,8	0,8	2,1	0,4	31	0,9	1,4	2,8	0,8	0,9	79	1,7
34	коричневый	P.III, Я.13	0,2	0,4	18	4	1,2	0,9	15	1,8	4	1,3	0,9	1,8	0,4	12	0,7	1,8	2,2	1	0,8	0,3	1,5
19	крас. с бороз.	P.III, Л11, шт2	7,3	0,2	6	2,5	1	0,7	8	2,1	4,9	1,5	0,8	1,8	0,5	2	1,4	1	1,9	1,1	1	0,4	1,2
17	красн.глух.	P.III	5,4	0,2	6	1,2	0,8	3,5	9	2,5	3,8	1,7	0,9	2,8	0,4	4,2	1	0,5	1,9	0,8	0,8	29	1,3
10	крас. с бороз.	P.III, Д5, шт2	12	0,2	15	3	1	0,9	3	2	3,5	1,5	0,7	2	0,2	10	0,7	1,8	4	1,1	1,2	25	1,8
41	красный	P.III, Я.16	12	0,4	3,3	3,5	0,7	1,3	16	1,9	4,5	1,2	1	3	0,3	2,4	0,7	1,2	1,4	0,7	0,9	0,4	0,8
8	кр-б/полосы	P.III, Д5, шт2	2	0,3	4	0,9	1	0,5	6	0,8	4	1	0,6	1,5	0,4	2	0,7	0,9	1,5	0,9	0,8	0,5	1,2
14	зел-голубой	P.III, Д5, шт2	0,08	0,4	1,5	1,6	1,2	0,9	15	0,9	4	1,4	0,8	1,4	0,3	1	0,9	1,5	1,7	0,8	1	0,4	1,1

6	зел-голубой	Р..Ш, яма 6	1,3	0,2	19	4	0,9	0,4	14	2	6	1,8	0,6	1,4	0,4	1,5	1,2	5	3	1,5	1,4	0,4	1,8
5	зеленый	Р..Ш, яма 6	12	0,1	20	3	1,4	0,5	4,8	1,3	4,5	2,3	0,6	1,6	0,5	6	0,9	3,5	2,1	0,8	0,8	0,5	0,9
27	зеленый	Р.Ш, Я.13	4	0,2	6	5	1	2,3	14	1,7	4	1,5	0,7	2,2	0,4	18	0,8	1,8	3,1	0,9	1	0,3	1,5
26	оливк.прозр.	Р.Ш, Я.13	0,02	0,15	6	3,2	1	0,9	4	1,3	5	1,5	0,8	1,3	0,3	3,5	0,8	1,8	2,5	1,1	0,7	0,7	0,9
30	лиловый	Р.Ш, Я.13	0,2	0,2	4,2	3	1	0,9	12	1,2	4	1,3	0,8	1,2	0,5	1,5	0,9	1	1,8	0,9	0,8	0,5	0,9
4	б-ч/полосы	Р..Ш, яма 6	1,1	0,4	8	1,7	0,9	0,6	11	1,8	5	1,3	0,8	1,7	0,6	2,3	0,7	0,8	2,6	1,2	0,9	12	1
35	чер-жел-бел	Р.Ш, Я.13	0,4	0,5	28	2,1	0,9	2,1	15	2,5	4,4	1,5	0,7	2,3	0,3	4,2	1	0,9	3,1	1,2	1,2	1,1	0,13
36	черн с глазк.	Р.Ш, Я.13	0,8	0,6	17	3,3	0,9	1	5	2,1	4	2,4	0,8	1,8	0,4	1,4	0,9	1,2	1,8	0,9	1	0,5	0,9
40	черн. с золот	Р.Ш, Я.13	0,02	0,3	3,5	3,6	0,9	0,8	4,5	1,7	3,5	1,5	0,7	1,3	0,3	2,1	0,6	1,4	1,8	1,3	1	0,6	1,4
37	черный	Р.Ш, Я.13	0,1	0,2	9	5	0,8	1,4	3	1,9	4,5	1,8	0,8	1,9	0,2	2,4	0,8	1,3	1,7	0,9	0,8	0,5	0,7
25	черный	Р.Ш, Я.13	0,05	0,2	26	2,1	0,9	1,6	12	1,9	3,5	1,2	0,8	1,3	0,3	1,7	0,9	1,2	2,8	1,5	0,9	0,3	1,9
7	черный	Р.Ш, Д5, шт2	0,05	0,04	18	2	0,8	0,9	14	2,3	5	2,5	0,7	1,8	0,5	1	0,8	2,5	2,5	1,2	1,2	0,6	2
20	черный	Р.Ш, Л11, шт2	0,7	0,1	5	1,8	1,2	1,7	9	1,8	5	1,6	0,8	1,7	1,2	1,5	1	1,2	2	0,8	1	0,3	1,4
23	черный	Р.Ш, Л11, шт2	0,3	0,4	25	2,5	1,2	1,5	8	1,8	4,5	1,7	0,7	1,1	0,6	6	0,7	1,2	2,3	1,4	1,2	0,3	0,8
1	черный	Р..Ш, яма 6	0,05	0,5	5	0,8	0,8	0,1	3	0,8	5	1	0,8	0,9	0,5	1,5	0,8	0,7	1,8	0,8	0,7	0,3	0,6

ки таблицы 1) концентрация алюминия существенно ниже по сравнению со всем другим изученным материалом. Это обстоятельство может говорить об использовании в процессе варки стекла этого цвета особой, возможно более очищенной золы.

При изготовлении стекла средневековые мастера использовали традиционные красители. Окраска голубого и бирюзового цвета была получена ионной медью, красный цвет дала молекулярная медь, желтая окраска обусловлена добавкой сульфата свинца, белая – оксидом олова. Непрозрачное стекло глушилось посредством той же оловянной компоненты. В темно-бирюзовое стекло из ямы 6 был добавлен кобальт для получения более глубокого цвета. Прямая корреляция между медью и серебром для всех находок свидетельствует о едином источнике медного красителя, рис.3. Повышенные показатели серебра для двух желтых образцов может говорить, вероятнее всего, о том, что данные фрагменты являются остатками стекла, использованного для изготовления украшений с серебряным декором.

Несмотря на единую зольную рецептуру и значительное сходство химического состава проб, более детальный анализ выявляет некоторые отличительные особенности ряда образцов, имеющих тот же цвет, что и основная группа. Особо ярко эта картина наблюдается для большой группы стекла черного цвета. Если отвлечься от красителей в полосатых фрагментах, два артефакта из ямы 6 выделяются повышенной концентрацией марганца в одном, и низким кальцием с высоким натрием в 20% в другом. В другой большой группе бирюзового стекла отличительными характеристиками обладает фрагмент из той же ямы 6. Зеленый и зелено-голубой фрагменты этого же участка отличаются от стекла другой локализации, причем между собой эти две пробы очень схожи.

Обнаружение мастерских по производству стекла и стекольной продукции является редкостью и может считаться большим везением. Наличие большого количества однотипных стеклянных находок еще не служит доказательством существования стеклоделательного производства, особенно если их место нахождения привязано к торговым или базарным местам. Необходимый доказательный комплекс приведен в работе S. Paynteri D. Dungworth (Paynter, Dubgworth, 2018).

Рис. 2. Образцы стекла раскопа III Селитренного городища.
Fig. 2. Samples of glass from the excavation III at the Selitrennoye settlement.

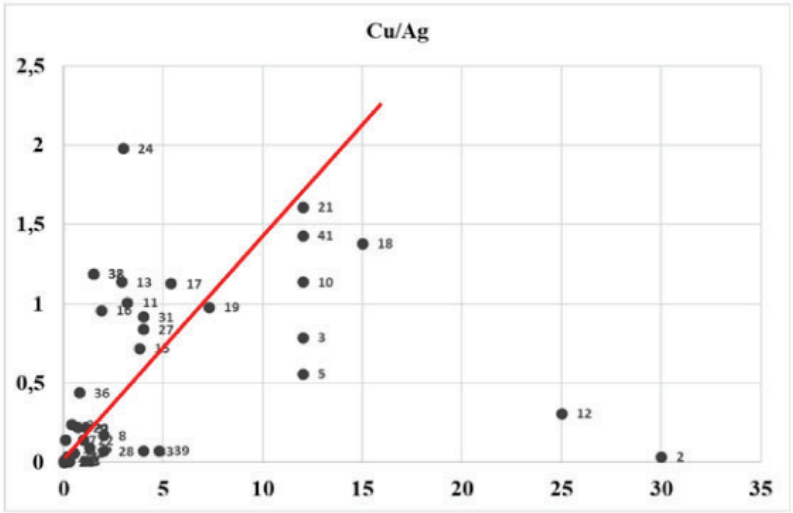

Рис. 3. Диаграмма прямой корреляции между медью и серебром.
Fig. 3. Direct correlation diagram between copper and silver.

Активным исследователем археологических материалов, касающихся производства стекла, является О.С. Румянцева. Ей принадлежат описание и характеристики стеклоделательного производства в Римское время и эпоху раннего средневековья согласно данным отечественных и зарубежных археологов (Румянцева, 2011). Она же изучила вопрос о существовании стеклообрабатывающих комплексов на Среднем Днестре (Румянцева, 2014, 2020) и показала их отсутствие в Алма-Кермене (Румянцева, 2020). Подробные результаты по междисциплинарному исследованию стеклоделательных мастерских с анализом стекла

приведены в работе по Киевскому Подолу (Журухина, Храмченкова, 2012).

Особая важность информации о химическом составе стекла с производственных комплексов заключается в возможности определить существующие аналоги и, тем самым, выявить источники импорта стеклянных археологических находок. Именно анализ химического состава зачастую дает доказательную базу местного производства (Schibille&al, 2018). Анализ химического состава стекла позволил определить технологические особенности производства стекла XVIII-XIX веков в Казани (Sitdikov et al, 2016)

Согласно М.А. Безбородову выделяется два типа археологических мастерских: в одной осуществляются все виды работ со стеклом, от варения до изготовления полуфабрикатов и готовой продукции, в других – изделия изготовляются из полуфабрикатов (Лихтер, Щапова, 1991, с. 244). Мастерскую раскопа III Селитренного городища в полной мере можно отнести к первому типу, так как все стекло имеет одну и ту же зольную основу с идентичным макро- и микроэлементным составами. Объективная информация, полученная в ходе анализа химического состава, выявила в раскопе локализацию (яма 6) со стеклом, имеющим некоторые отличительные особенности. Связано это с временными изменениями в технологии переработки зольной компоненты, с использованием иной сырьевой базы или с рецептурными особенностями красителей может дать более детальный анализ стратиграфии раскопа и дальнейшие исследования археологического материала.

Примечание:

[1] Работы проводились в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 годы)» в рамках исполнения: п.1.15 «Проведение II этапа историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюркотатарских городов за пределами Республики Татарстан».

ЛИТЕРАТУРА

Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. №2. С. 213–221.

Журухина Е.Ю., Храмченкова Р.Х. Стеклоделательные мастерские Киевского подола // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 226–234.

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М. Изучение стеклоделательной мастерской Селитренного городища (работы 2017-2019 гг.) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 18–20.

Кутузова Д.О., Воробьева Е.Е. Стеклоделательное ремесло нижневолжских столиц Золотой Орды: предварительные результаты раскопок 2017 года Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 103–108.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Ред. Д.А. Авдусин. М.: МГУ, 1991. С. 244–259.

Пигарёв Е.М. Исследование стеклоделательной мастерской Селитренного городища // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда в Красноярске. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 404–407.

Румянцева О.С. Стеклообрабатывающий комплекс в Комарове на Среднем Днестре: основные признаки, характер, сырьевая база // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 398–402.

Румянцева О.С. Стеклоделательная мастерская и находки стекла в Комарове: импорт, сырье, продукция? // Stratum Plus. 2020. № 4. С. 83–93.

Румянцева О.С. О стеклоделательной мастерской в Алма-Кермене // РА. 2020. № 2. С. 72–84.

Храмченкова Р.Х., Дегри П., Ситдиков А.Г., Каплан П.Ю. Динамика изменения химического состава русского стекла XVIII-XIX веков // Стекло и керамика. 2017. № 5. С. 38–42.

Sarah Paynter, David Dungworth. Archaeological Evidence for Glassworking: Guidelines for Recovering, Analysing and Interpreting Evidence. Swindon. Historic England. 2018. Доступно по URL: https://historic-england.org.uk/research/methods/archaeology/materials-science/ (дата обращения: 12.06.2024)

Schibille N, Meek A, Wypyski MT, Kröger J, Rosser-Owen M, Wade Haddon R. The glass walls of Samarra (Iraq): Ninth-century Abbasid glass production and imports // PLoS ONE. 2018 No 13(8): e 0201749. doi.org/10.1371/journal.pone.0201749

Sitdikov A.G., Abdullin Kh.M., Khramchenkova R.Kh., Kaplan P.Y. Kazan glass factory of XVIII-XIX centuries: history, archaeology, discoveries // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2016. Vol. 6. November Special Edition. P. 2869–2875.

Информация об авторах:

Пигарёв Евгений Михайлович, доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); rezidahram@mail.ru

REFERENCES

Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 213–221 (in Russian).

Zhuruhina, E. Yu., Khramchenkova, R. Kh. 2012. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* 29 (3), 226-234 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare* (*Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara*) III. Samara: Samara State Pedagogical University, 18–20 (in Russian).

Kutuzova, D. O., Vorob'eva, E. E. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), 103–108 (in Russian).

Lihter, Yu. A., Shchapova, Yu. L. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (on History of the Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 244–259 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2025. In Derevyanko, A. P., Makarov N. A., Polyakov, A. V., Mandryka, P. V. (eds.). *Trudy VII (XXIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Krasnoyarske (Proceedings of the 7th (23rd) All-Russia Archaeological Congress in Krasnoyarsk)*. Vol. II. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 404–407 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 398–402 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2020. In *Stratum Plus* (4), 83–93 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2020. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 72–84 (in Russian).

Khramchenkova, R. Kh., Degri, P., Sitdikov, A. G., Kaplan, P. Yu. 2017. In *Steklo i keramika (Glass and Ceramics)* (5), 38–42 (in Russian).

Sarah Paynter, David Dungworth. 2018. *Historic England. Archaeological Evidence for Glassworking: Guidelines for Recovering, Analysing and Interpreting Evidence*. Swindon. Historic England. Available at: https://historicengland.org.uk/research/methods/archaeology/materials-science/ (Accessed: 12.06.2024)

Schibille, N, Meek, A, Wypyski, MT, Kröger, J, Rosser-Owen, M, Wade Haddon, R. 2018. In *PLoS ONE* 13(8): e 0201749. doi.org/10.1371/journal.pone.0201749

Sitdikov, A. G., Abdullin, Kh. M., Khramchenkova, R. Kh., Kaplan, P. Y. 2016. In *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 6, November Special Edition, 2869–2875.

About the Authors:

Pigarev Evgeny M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; rezidahram@mail.ru

Статья поступила в журнал 12.03.2026 г.
Статья принята к публикации 23.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 737.1(574) «12-13» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.311.317

УЧАСТИЕ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ПРИАРАЛЬЯ В XIII – XIV ВВ.

©2026 г. П.Н. Петров

Цель работы — установить степень вовлеченности монетной продукции Среднего Поволжья в товарно-денежные отношения Южного Приаралья в XIII–XIV вв. Была проведена оценка состава монетных масс, обслуживавших рынки Южного Приаралья как в XIII, так и в XIV веках. Указано на регулярное и практически бесперебойное обеспечение поступления в изучаемый регион хорезмийской монеты на протяжение обоих столетий. Описана единственная находка небольшого клада булгарских пулов середины XIII века, обнаруженная в области средневекового Дженда и дана оценка этому факту. В XIII столетии денежное обращение изучаемого региона формировалось практически без участия монетной продукции Поволжья и иных западных областей Улуса Джучи. К такому же выводу приводит нас отсутствие монет Среднего Поволжья и в XIV в. Произошедшие изменения в денежном обращении в XIV веке привели к возникновению нового направления денежных потоков из области Сарай в сторону Хорезма, но это не изменило ситуации в отношении поступления монет Булгара или/и Мохши на рынки Приаралья.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Южное Приаралье, Дженд, Барчин, Сыгнак, Среднее Поволжье, Булгар, XIII-XIV вв., монетная масса

THE PARTICIPATION OF JUCHID COINS FROM THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE MONETARY CIRCULATION OF THE ARAL SEA AREA IN THE XIII – XIV CENTURIES

P.N. Petrov

The aim of this work is to determine the degree of involvement of coinage from the Middle Volga region in the commodity-money relations of the Southern Aral Sea region in the 13th–14th centuries. In the course of this work, an assessment was made of the composition of the coin stock that served the markets of the Southern Aral Sea region in both the 13th and 14th centuries. It is noted that there was a regular and virtually uninterrupted supply of Khwarezmian coins to the studied region throughout both centuries. The single find of a small hoard of Bulgar puls from the mid-13th century, discovered in the area of medieval Jend, is described, and an assessment of this fact is provided. In the 13th century, the monetary circulation of the studied region was formed with virtually no participation of coinage from the Volga region and other western areas of the Ulus of Jochi. The absence of coins from the Middle Volga in the 14th century also leads us to the same conclusion. The changes that occurred in monetary circulation in the 14th century led to the emergence of a new direction of monetary flows from the Sarai region towards Khwarezm, but this did not change the situation regarding the influx of coins from Bulgar and/or Mokhshi to the markets of the Aral Sea region.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Southern Aral Sea region, Jend, Barchin, Sygnak, Middle Volga region, Bulgar, 13th-14th centuries, coin mass

Южное Приаралье – самые удаленные от поволжской столицы Золотой Орды территории с многочисленными караван-сараями и крупными торговыми центрами. Это логистический узел на пути с Запада на Восток, с Юга на Север. В период функционирования «Шелкового пути», который был перекрыт в начале XV века китайским императором Мин Юнлэ (1402-1424 гг.), эта развязка торговых трасс связывала различные регионы Золотой Орды в XIII – XIV вв. Конечно, сухопутные дороги о которых здесь и идет речь – не единственные трассы в Южное Приаралье. Видимо, эксплуатировались и караванные трассы, проходившие и севернее Арала (например, направление Оренбург – Кызылорда). Не исключено, что товары переправляли и водным путем по Аральскому морю. Но в настоящее время нами эти трассы не прослеживаются несмотря на то, что нумизматиче-

ские источники явно указывают на возможность их существования.

Караваны направлялись с Поволжья через историческую область Хорезм к городам Улуса Джучи – Дженд, Йангикент, Барчанлиг (Барчин), Сыгнак, Узканд каждый из которых в разное время играл большую или меньшую роли в раскрытии торгового потенциала данной территории. Далее трассы шли либо через горы Каратау в сторону Сузака и далее на Восток, либо на север, либо на юг в Отрарский оазис, где они также разветвлялись. Следует отметить, что существовала трасса из Хорезма непосредственно в Отрарский оазис через пустыню, минуя дороги на Дженд.

Отрар в области Параб был еще одним важным логистическим и торговым центром, располагавшимся на разветвлении караванных трасс в среднем течении Сыр-Дарьи. В эпоху Караханидов главным областным центром являлся город Кедер, роль которого затем перешла к расположенному в непосредственной близости городу Отрару. Отрар также оказался связан с историей Джучидов, поскольку с приходом к власти Менгу этот регион и прилегающие области были изъяты из владений Чагатаидов и переданы Джучидам. Здесь чеканились медные посеребренные дирхамы и фалсы Отрара, обращение которых однозначно фиксируется даже в области Шаш. Эта территория находилась под управлением Джучидов до 663/1264 г., когда Чагатаид Алгу, восстанавливавший родовые владения по ярлыку Хубилай хана, уничтожил их власть на данной территории (Петров и др., 2014). Населенные пункты были просто выжжены. Следы пожаров и запустения прослеживаются археологами на многих археологических памятниках и одновременно обнаруживается прекращение чеканки медных посеребренных дирхамов и их использование в регионе. Количество же кладов периода нашествия Алгу огромно (только автору известно более 100, но это далеко не полный перечень). Таким образом, Джучиды владели Отрарским оазисом, областями Испиджаба, Шаша и, видимо, Тараза почти 15 лет во второй трети XIII в., контролируя торговые и денежные потоки, серебряные рудники Сузака и Шелджи.

Данный краткий экскурс важен для формирования представления о масштабах джучидских владений в Южном Приаралье в разные периоды существования Улуса Джучи и для характеристики монетной массы, формировавшейся в интересующем нас регионе.

Целью настоящего исследования является выяснение присутствия и влияния продукции денежных центров Среднего Поволжья на монетное обращение в Южном Приаральском регионе в XIII – XIV вв.

Термин Южное Приаралье здесь определяет только области средневековых городов Дженд (ныне городище Дженкала) до границ с областью Хорезм, Йангикент (городище Дженкала) на Сыр-Дарье, Барчин (городище Кышкала) на Сыр-Дарье, а также Узканд и Сыгнак (с соответствующими названиями городищ).

В течение XIII и XIV вв. характер денежного обращения в Золотой Орде менялся в зависимости от степени развитости товарно-денежных отношений в том или ином регионе. Те торговые и логистические очаги, которые были активны еще в домонгольский период, постепенно после завоевания Чингизидами в XIII в. сыграли роль катализаторов в активизации товарно-денежных отношений. Это такие центры как Крым, Булгар, Хорезм, Приаралье и Отрарский оазис. Именно на этих территориях достаточно быстро началась чеканка собственной монеты. Надо отметить, что в Золотой Орде только в Приаралье и Хорезме в XIII в. регулярно выпускали золотые динары. Региональный характер монетного обращения, когда местная монета практически не уходила за пределы своего региона (исключая чеканное золото), было нормальным явлением. В случае обнаружения локальности хождения медной монеты, такая особенность представляется естественной и оправданной. Медные пулы имели принудительное обращение (по сути это были знаки денег), регулируемое указами и управляемое местным реформированием, характеризующимся регулярной сменой типов. Когда наблюдается локальность обращения серебряной чеканной продукции монетных дворов, которая по своей природе должна преодолевать любые территориальные барьеры, то в каждом таком случае требуется индивидуальное изучение вопроса и выяснение причин таких территориальных ограничений хождения дирхамов.

В Приаральском регионе чеканка джучидской меди и серебра началась еще до 665/1266 г., когда трон ханства занял Менгу-Тимур (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 64-66,

Рис. 1. Пулы Булгара №1-5 – с именем ан-Насир ли-дин Аллаха, №6-7 – с именем Менгу каана, №8 – атрибуции не поддается.
Fig. 1. Bolgar puls: № 1-5 – with the name of an-Nasir li-din Allah, № 6-7 – with the name of Möngke Khagan, № 8 – attribution is not possible.

№6-19). С приходом хана Менгу-Тимура на всех монетах появилась его тамга . В области Хорезм изготовление медных пулов началось только в начале XIV в. в 708/1308-1309 г. (Федоров-Давыдов, 1965, с. 189, тип 1). В отношении хорезмийской чеканки мы затронули вопрос не случайно. Вся территория Приаралья (кроме развалин Узканда и Сыгнака), причем, не только городов, но и мелких многочисленных стоянок на побережье каналов и рек, содержит большое количество джучидских серебряных дирхамов, битых в Хорезме с середины XIII в. (650-х/1250-х – редко, чаще 660-х – 680-х/1260-х-1280-х гг.). Встречаются и монеты с именем каана Менгу, но без его тамги. То есть, развитие товарно-денежных отношений в Приаралье опирается не только на собственную чеканку монет, но и на активное участие как хорезмийских товаров, так и денежных потоков из этой области. Заметим, что в XIII в. потоков чеканной серебряной монеты из Хорезма в Поволжье мы не наблюдаем совсем. Единичные и крайне редкие случайные утраты таких монет на Нижней Волге никак не могут быть названы денежным потоком хорезмийского чеканного серебра, а скорее могут рассматриваться как маркеры караванных трасс. Данный наблюдаемый «феномен» не случаен и наверняка связан с целенаправленной денежной политикой властей как минимум области Хорезм. В этом столетии не наблюдается и явных следов денежного потока с Поволжья в Южное Приаралье.

В этой связи крайне интересной и неожиданной является находка комплекса монет Булгара, зафиксированная мной на территории Кызылординской области в ходе нумизматической экспедиции Центрального государственного музея РК в 2023 г.х. Находка является случайной и была сделана местным жителем без применения металлодетектора у

старого русла реки Жанадарья. Точное место находки установить (проверить) не удалось, но по рассказам находчика она сделана примерно в 30 км от городища Дженкала в направлении археологического памятника Чирик-Рабат. Комплекс представляет собой кладик (рис. 1) из 8 исключительно медных монет Булгара (по размеру – кошелек). Вероятно, он был завернут в тряпку, которая истлела за века в солончаковой почве. В его состав входит 2 типа пулов. 1 экземпляр атрибутировать не удается из-за сильной «истертости» сторон пула (рис. 1, №8). Приведем их параметры: тип «ан-Насир» №1-5 – 5 экз. (в=2,80; 2,88; 0,73; 3,35; 3,12 г) (Бугарчев, 2021, с. 124, рис. 1, №2); тип «Менгу каан» с тамгой ⋿⋿ №6-7 – 2 экз. (в=2,81; 1,80 г) (Бугарчев, 2021, с. 124, рис. 1, №3); тип не устанавливается №8 – 1 экз. (в=1,67 г). В этом комплексе нет пулов ан-Насира архаичного (самого раннего) типа, но есть монета №7 с именем Менгу каана перечеканенная из пула «ан-Насира». Весовые характеристики монет соответствуют опубликованным ранее (Бугарчев, 2021, с. 125, рис. 2). Их типология и состав комплекса указывают на время его сложения и утраты – начало правления Менгу каана. Но мы не можем точно сказать, в какой год началась чеканка булгарских монет с именем этого каана, поэтому ориентировочно отнесем ее к первому году его правления – к 651/1253 г., когда новые именные пулы обращались еще вместе с монетами предыдущей эмиссии. Итак, время утраты кошелька с булгарскими монетами можно записать как tpq = 1253 г.

Надо сказать, что автором были изучены более двадцати тысяч джучидских монет XIII века как в кладах, так и единичных утрат с территории Южного Приаралья и Присырдарьинских регионов вплоть до Отрарского оазиса. При этом поволжских монет зафиксировано не было. Находка клада пулов Булгара является первой и единственной, происходящей не только со Среднего Поволжья, но и вообще с Поволжья. Подчеркнем, что состав обнаруженного клада сформировался именно в Булгаре, поскольку эти пулы не имели широкого и массового распространения в других регионах Улуса Джучи. Следовательно, мы имеем дело с фактом, свидетельствующем о непосредственном присутствии посланцев Булгара в Приаралье. Но характер этого контакта (был ли он торговым или был связан с выполнением служебных обязанностей владельца клада) установить уже невозможно.

В XIII в. чеканная продукция не только Поволжья, но и остальных Западных регионов Улуса Джучи практически не участвовала в формировании монетной массы Южного Приаралья. Известна лишь одна серебряная монета Крыма начала второй половины XIII века, встреченная в Отрарском кладе (Байпаков и др., 1981, с. 46, №17; Петров и др., 2014, с. 136, табл.3 №1 и 246, №355). На много чаще в находках и кладах встречаются дирхамы Сельджуков Рума. Несколько сотен просмотренных монет, происходящих как с территории Отрарского оазиса, так и с торговой трассы в Китай через горы Хантау, биты исключительно до 663/1264 г., т.е. до разорительного нападения Алгу (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 340). Такие находки мы относим к *маркерам*, помечающим своим присутствием торговые трассы, но не формирующим монетную массу местных рынков. Эти иноземные экземпляры участвуют в товарно-денежных отношениях, видимо, в качестве товара – серебра, а не в качестве монетной продукции (что подразумевает их более низкую покупательскую способность по сравнению с местной продукцией монетных дворов такого же веса и пробы).

Итак, *монетная масса местных рынков Южного Приаралья в XIII веке формировалась благодаря работы местных монетных дворов и очень активному поступлению хорезмийского чеканного серебра*. С 1271 г. наблюдается практически прекращение серебряной чеканки монетного двора Дженд. Возможно, снизилась интенсивность или полностью прекратилась работа по выпуску дирхамов на других монетных производствах. Было ли это результатом утраты влияния Джучидов на работу серебряных рудников Шелджи и Сузака после 663/1264 г. – можно только предполагать. Место местных массовых выпусков Дженда с 670/1271 г. и до 685/1286 г. включительно занял хорезмийский дирхам, а с 686/1287 г. началась также местная чеканка дирхамов нескольких номиналов дома Ордуидов. Эти номиналы были рассчитаны под весовые стандарты именно хорезмийских дирхамов, что обеспечивало удобство их использования между потребителями и продавцами при розничной торговле в

условиях доминирования на рынке продукции хорезмийского монетного двора. Денежные эмиссии Джучидов Поволжья и других западных регионов в XIII в. не принимали участия в развитии товарно-денежных отношений Южного Приаралья. Это подтверждается также фактом отсутствия находок таких монет на трассах, идущих с полуострова Мангышлак (Астафьев, Петров, 2017) и с Поволжья в изучаемый регион. Важно, что на известной в настоящее время трассе через средневековый Сарайчук (как и в самом Сарайчуке) по нумизматическим данным товарно-денежные отношения активизировались не ранее начала XIV в. (Жумабаев и др., 2025; Петров и др., 2022; Петров и др., 2023; Петров и др., 2024).

Именно в XIV в. происходят серьезные изменения в монетном обращении Южного Приаралья, причем, не в первое десятилетие, а с приходом к власти хана Узбека. При нем начинается чеканка пулов:

- именных пулов в Барчине в 731/1330-1331 г. и продолжается анонимная в 737/1336-1337 г. (Петров и др., 2023, с. 81-82 и 85, №5-10),

- анонимная с изображением пятиконечной звезды в Сыгнаке в 738/1337-1338 г. (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 91 и 110, №2-5 и рис. 1),

- анонимная в Йангикенте в 737(?) и 738 гг.х. (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 76-77, №1-4).

Не исключено, что серебряные дирхамы без указания монетного двора и года, битые в районе устья Сырдарьи, также следует относить к периоду правления Узбек хана. Их датировка периодом XIII века не подтверждается, поскольку ни в одном кладе XIII века ни с серебряными, ни с медными монетами они не присутствуют, но встречаются в кладах исключительно XIV в. не ранее 740-х/1340-х гг. (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 140–141 и 153, №20-25).

То есть, *монетная масса, обеспечивающая розничную торговлю на местных рынках в первой трети XIV века, стала активно пополняться продукцией местных же монетных дворов, однако, в основном медной продукцией. Поступление хорезмийского дирхама при этом не прекратилось, и мы наблюдаем весь хронологический спектр таких выпусков в денежном обращении Южного Приаралья*. Видимо в этот же период пока в незначительном количестве началось поступление сарайских Поволжских пулов (тип «лев и солнце»). Резкое увеличение монетной массы для средневековых городов Дженд, Барчин и Узканд фиксируется в 730-е – 740-е/1330-е – 1340-е гг., а максимум достигается в 750-е – 760-е/1350-е – 1360-е гг. (Петров, Атыгаев, Белтенов, 2023, с. 247, 251, 261, 280). Причем это касается и медной и серебряной монеты. Если местные рынки были наполнены пулами в значительной степени местных же монетных дворов с большой долей сарайской медной продукции, то масса чеканного серебра состояла в основном из хорезмийских дирхамов XIV века с существенным присутствием поволжских дангов, причем в основном монетных дворов: Сарай, Сарай ал-Джадида, Сарай ал-Махруса и изредка Гулистана. Сарайчук же регулярно восполнял постоянную потребность в монете исключительно сарайской монетой. Автору известен лишь один клад джучидских дирхамов, происходящий с Южного Приаралья, состоявший из примерно 1600 монет, в состав которого входило около 10 дангов, битых в Мохши и 2 данга Булгар ал-Махруса, 2 данга Саджара 710/1310 г. Остальные данги были хорезмийскими (с 706/1306-1307 г. до начала 770-х/1370-х гг.) и поволжскими (с 710/1310-1311 г. вплоть до 770-х/1370-х гг.). Поскольку нам удалось осмотреть лишь небольшую часть клада в 52 экземпляра, то реконструировать его состав и оценить время тезаврации не представляется возможным. Это также единственная известная автору находка монет XIV века Среднего Поволжья в кладах изучаемого региона. Единичных находок монет средневолжской чеканки этого столетия до сих пор зафиксировано не было.

Такая *статистика находок указывает на то, что монеты Среднего Поволжья ни в XIII, ни в XIV вв. просто не доходила до Южного Приаралья*. Во второй трети XIII века изначально это было связано в значительной степени с естественной локальностью обращения из-за удаленности монетных дворов друг от друга, а также с незначительным количеством эмиссионных центров для столь обширных территорий Улуса Джучидов. Позднее существование локальностей обращения было обусловлено проведением таргетированной политики властей, направленной на удержание притока серебра для поддержания местной экономики (в первую очередь торговли) и в целях проведения опре-

деленной фискальной политики в некоторых регионах страны и в частности в Булгарском вилайате (Бугарчев и др., 2018). По мере развития торговли, ремесел, возникновения новых городов вдоль трасс «Шелкового пути» начинали функционировать и новые эмиссионные центры, формировались удобные логистические пункты. Все это приводило к развитию товарно-денежных отношений. Сформировавшиеся в XIII веке направления движения денежных (монетных) потоков в XIV в. в основном сохранились. Но появилось и новое активное направление движения монетных масс – исключительно через Сарайчук и краткосрочно в 760-х – 770-х гг.х. через Мангышлак в историческую область Хорезм, а затем далее. Монетная продукция Среднего Поволжья пополняла денежную массу рынков Поволжья вплоть до Северного Кавказа (до Маджара включительно). В этот поток включилась и монетная продукция Булгарского вилайата в 730-е/1330-ее гг.х. Отсутствие следов движения монетных масс Крыма в первой трети XIV века в направлении Сарайчука в настоящее время автору представляется необъяснимой, если только не предположить проведения здесь также таргетированной политики, направленной на удержание чеканного серебра в пределах определенного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е., Петров П.Н. Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование) // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 101–115.

Бугарчев А.И. О весовых характеристиках медных булгарских монет XIII в. // РА. 2021. № 2. С. 123–130.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории) / Отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 20–60.

Жумабаев А.Ж., Петров П.Н., Астафьев А.Е. Логистические центры XIV века на «Шелковом пути» в Западном Казахстане по нумизматическим данным // Stratum plus. 2025. № 6. С. 183–197.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы: Хикари, 2014. 284 с.

Петров П.Н., Ахметова У.Т., Жумабаев А.Ж. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Клады. Ч. II. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 845–860.

Петров П.Н., Ахметова У.Т., Касенов М.С., Биккиняев Н.Х. Монетные находки XIII – XIV вв. на караванных трассах Сарайчука // Stratum plus. 2024. № 6. С. 103–118.

Петров П.Н., Атыгаев Н.А., Белтенов Ж.М. Деньги на «Шелковом пути» (территория Казахстана, XIII – XIV вв.). Алматы: ЦГМ РК, 2023. 400 с.

Петров П.Н., Муктар А.К., Биккиняев Н.Х., Жумабаев А.Ж. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 382–404.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Наука, 1965. С. 179–219.

Информация об авторе:

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8125-769X; ppn2022@yandex.ru

REFERENCES

Astafyev, A.E., Petrov, P.N. 2017. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 101–115 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 123–130 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv.(Coin Hoards of 13th – the fifst third of 14th Centuries from Wilāyat Bulghār)* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Baypakov, K. M., Nastich, V. N. 1981. In Margulan A. Kh. (ed.). *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii) (Kazakhstan in the Feudalism Era (Issues of Ethnic-political History)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. 20–62 (in Russian).

Zhumabayev, A. Zh., Petrov, P. N., Astafyev, A. E. 2025. *Stratum plus*. (6), 183–197 (in Russian).

Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoi Mongolskoi imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov na territorii Kazakhstana (Minting and monetary circulation in the Great Mongol Empire, the Chagatai and Jochid states in the territory of Kazakhstan)*. Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Petrov, P. N., Akhmetova, U. T., Zhumabayev, A. Zh. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* (15), 845–860 (in Russian).

Petrov, P. N., Akhmetova, U. T., Kasenov, M. S., Bikkinyaev, N. Kh. 2024. In *Stratum plus* (6), 103–118 (in Russian).

Petrov, P. N., Atygayev, N. A., Beltenov, Zh. M. 2023. *Dengi na «Shelkovom puti» (territoriia Kazakhstana, XIII – XIV vv.) (Money on the Silk Road (territory of Kazakhstan, XIII-XIV centuries)*. Almaty: Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, (in Russian).

Petrov, P. N., Muktar, A. K., Bikkenyayev, N. Kh., Zhumabayev, A. Zh. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* (14), 382–404 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1965. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 179–219 (in Russian).

About the Author:

Petrov Pavel N., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. (Kazan, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8125-769X; ppn2022@yandex.ru

Статья поступила в журнал 04.03.2026 г.
Статья принята к публикации 05.06.2026 г.

УДК 902/904 94(47).031:737.1 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.318.328

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ В ПОВОЛЖЬЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КИТАЙСКИХ МОНЕТ

© 2026 г. И.Е. Алексеев, Л.И. Алексеева

Целью исследования являются обобщение, анализ и систематизация ранее опубликованных и введение в научный оборот новых данных о средневековых монетах Китая, найденных в XIX – нач. XXI вв. на территории золотоордынских поселений Поволжья и Северного Кавказа. Осуществлена и уточнена атрибуция вновь выявленных и опубликованных нумизматических памятников. Зафиксирована информация о находках более 39-и монет, из которых в настоящее время атрибутированы 28 (1 – Империя Тан, 24 – Северная Сун, 3 – Южная Сун). География и состав находок опровергают мнение о том, что таковые носят «случайный» и «единичный» характер. Данные нумизматические памятники являются ценным свидетельством взаимодействия Государства Джучидов (Золотой Орды) с Китаем и его обширным степным «пограничьем». Основные маршруты их проникновения сюда пролегали через государства Чагатаидов и Хулагуидов (южносунские монеты). В силу своей специфики китайские монеты не могли быть полноценными участниками местного денежного обращения и, вероятно, использовались в качестве амулетов, оберегов, игровых жетонов или «заупокойного дара». Авторы статьи указывают на необходимость учёта в процессе поиска данных о нумизматических памятниках китайского происхождения, помимо контекстно документированных, также депаспортизированных находок, которые зафиксированы в каталогах, хранятся в музеях и частных коллекциях.

Ключевые слова: археология; нумизматика; Государство Джучидов (Золотая Орда); китайские монеты VII–XIII вв.; Болгарское, Красноярское, Маджарское, Селитренное, Увекское, Царевское городища; Империя Сун; атрибуция нумизматических памятников

ON THE ISSUE OF FINDS OF MEDIEVAL CHINESE COINS IN THE VOLGA REGION AND THE NORTH CAUCASUS

I.E. Alekseev, L.I. Alekseeva

The aim of this study is to summarize, analyze, and systematize previously published data, as well as to introduce new data into scientific discourse regarding medieval Chinese coins found between the 19th and early 21st centuries in the Golden Horde settlements of the Volga region and the North Caucasus. The attribution of newly discovered and published numismatic monuments was carried out and clarified. Information on the finds of more than 39 coins was recorded, of which 28 have currently been attributed (1 – Tang Empire, 24 – Northern Song, 3 – Southern Song). The geography and composition of the findings refute the opinion that they were «chance» and «solitary» finds . These numismatic monuments are valuable evidence of the interaction of the Jochid State (Golden Horde) with China and the vast steppe «borderland». The main routes of their penetration here ran through the states of the Chagataids and Hulaguids (Southern Song coins). Due to their specificity, Chinese coins could not be full participants in local monetary circulation and were presumably used as amulets, charms, game tokens or «gifts to the dead». The authors of the article point out the need to take into account, in the process of searching for data on numismatic monuments of Chinese origin, in addition to contextually documented, also de-certified finds that are recorded in catalogues, stored in museums and private collections.

Keywords: archaeology; numismatics; Jochid State (Golden Horde); Chinese coins of the 7th–13th centuries; Bolgar, Krasnoyarsk, Madzhar, Selitrennoye, Uvek, Tsarev settlements; Song Empire; attribution of numismatic monuments

К настоящему времени учёными собрано множество доказательств китайского влияния на государственное и общественное развитие, экономику, культуру, военное дело и иные сферы жизни Монгольской империи и созданных Чингизидами государственных образований, в том числе Государства Джучидов (Золотой Орды) (Нарожный, Нарожная, 2009, с. 58–59; Нефёдов, 2008, с. 497–502, 561–564, 572–573; Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 67;

Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 48–50). Вместе с тем, сведения о таких важных материальных свидетельствах «китайского присутствия», каковыми являются выпущенные в Китае монеты, до сих пор носят разрозненный и несистематизированный характер.

В данной связи особую актуальность приобретают поиск и обобщение данных о находках (в том числе депаспортизированных) китайских монет на территории Поволжья и Северного Кавказа. При этом весьма примечательными являются не только сами нумизматические памятники (н.п.), но и научные гипотезы о предполагаемых времени, путях и обстоятельствах их проникновения в столь удалённые от Китая регионы.

Повышенный интерес вызывают китайские монеты, которые находят в Среднем Поволжье – на территории Волжской Булгарии и Булгарского вилайята Золотой Орды. В подавляющем большинстве эти н.п. представляют собой бронзовые или железные литые монеты круглой формы с квадратным отверстием в центре, известные как «вэни», «чохи», «цяни» или «кэши».

Нам известно, по крайней мере, о 3-х китайских средневековых монетах, найденных в разное время на **Болгарском городище (Татарстан) и в его окрестностях**. Причём, все они были отлиты в Империи Сун (Северная Сун) (960–1127), во время правления императоров Чжэнь-цзуна (Чжао Хэна) (997–1022) (1 экз.) и Хуэй-цзуна (Чжао Цзи) (1101–1125) (2 экз.).

О первой из них сообщил профессор Императорского Санкт-Петербургского университета В.П. Васильев (1818–1900) в письме профессору Императорского Казанского университета (ИКУ) С.М. Шпилевскому (1833–1907). Придав большое значение находке, С.М. Шпилевский прочёл его на общем собрании членов Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при ИКУ 30 ноября 1878 г. (Протокол V-го общего собрания…, 1879, с. 121). Выдержки из письма были опубликованы под заголовком «О замечательной китайской монете конца X или начала XI века, приобретённой в селе Болгарах в августе 1877 года» (Васильев, 1879). Как сообщалось, монета была подарена ему секретарём Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациским (Гацисским) (1838–1893) во время экскурсии в Болгары участников IV Археологического съезда. Сам А.С. Гациский приобрёл монету у кого-то из местных жителей, и, по словам самого В.П. Васильева, «зная, что болгарские обыватели сбывают охотникам в числе редкостей и австрийские крейцеры, и жетоны Наполеона, можно было бы и не обратить внимания на такую находку, но год монеты свидетельствует, что её едва ли мог завести сюда какой-нибудь новейший путешественник, или ловкий продавщик добыть чрез несколько рук» (Васильев, 1879, с. 122). Он также исключил «всякое подозрение в подделке», аргументировав это тем, что, «хотя в Китае, если вам угодно, подделают всякую монету, но настоящая эра ничего не вызывает в археологическом воспоминании» (Васильев, 1879, с. 122).

В.П. Васильев определил, что найденная монета была выпущена при императоре Северной Сун Чжэнь-цзуне (Чжао Хэне) (997–1022) – в период его правления под девизом «Сянь Пин» (Васильев, 1879, с. 122) («[Эпоха] всеобщего спокойствия [мира]») (998–1003) (Шевцов, 2020, с. 19) (по В.П. Васильеву: 998–1004) (Васильев, 1879, с. 122). При этом вес, диаметр и прорисовку монеты он не привёл.

Известно, что монеты данного типа, отливавшиеся в 998–1003 гг., содержат на лицевой стороне (л.с.) надпись (легенду) (стиль письма «кайшу») – «咸平元寶», где «咸平» («Сянь Пин») – девиз правления, а «元寶» («юань бао») («великая [изначальная, основная] драгоценность») – название монеты. Поле оборотной стороны (о.с.) пустое (Шевцов, 2020, с. 19 – № 5.0).

При этом, как указывает исследователь С.Н. Шевцов, помимо монет достоинством (номиналом) 1 вэнь (стандартный диаметр 24–25 мм), известны также «довольно редкие монеты увеличенного размера 28–34 мм и около 40 мм с широким ободком» (номинал не установлен) (Шевцов, 2020, с. 19). Однако из-за отсутствия информации о размере монеты, принадлежавшей В.П. Васильеву, определить её достоинство не представляется возможным.

Профессор В.П. Васильев предположил, что эта монета «была занесена в Болгары современниками», то есть попала сюда в период существования Волжской Булгарии – в конце X – начале XI вв., но не из самой Северной Сун, а, вероятнее всего, из «Царства

Ся» (Си Ся) – от тангутов, которые владели «иногда и частью Туркестана, и кочевьями Монголии в этом краю, и имели сообщения с дальним северо-западом, на котором стоял Булгар» (Васильев, 1879, с. 123). Вместе с тем, он ошибочно полагал, что китайские монеты переливались для изготовления новых при каждой перемене девизов правления, хотя, как известно, в силу особенностей денежного обращения в Китае, прежние эмиссии по большей части не изымались, а продолжали использоваться в последующие века (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 66–67) и вполне могли попасть в Среднее Поволжье и в золотоордынскую эпоху.

В.П. Васильев и С.М. Шпилевский придавали большое значение китайскому н.п. «Но уже если бы была только одна эта монета, – писал В.П. Васильев, – так всё-таки она доказывает, что хоть такие далёкие страны да знали друг друга, хоть слабое сообщение между ними да было» (Васильев, 1879, с. 123). С.М. Шпилевский, в свою очередь, упомянул о находке и выводах В.П. Васильева в своей речи, произнесённой 19 марта 1879 г. на I годичном публичном собрании ОАИЭ при ИКУ (Шпилевский, 1884, с. 22).

В разное время после этого в литературе появлялись сообщения об обнаружении здесь китайских монет. Однако большинство из них попало в частные руки, вследствие чего таковые так и не были атрибутированы, паспортизированы и опубликованы.

Уже на упомянутом общем собрании археолог и нумизмат В.К. Савельев (1810–1882) сообщил, вслед за С.М. Шпилевским, «о некоторых фактах приобретения в здешнем краю медных китайских монет» (Протокол V-го общего собрания…, 1879, с. 121). Однако развития тема не получила.

Необходимо также упомянуть о «китайской коллекции» профессора ИКУ Н.Ф. Высоцкого (1843–1922), в которой, помимо монет Нового времени, присутствовал интересный монетовидный жетон. В 1896 г. было издано подготовленное профессором ИКУ Н.Ф. Катановым (1862–1922) описание коллекции, составленной из «китайских вещей», поступавших из разных мест Российской империи (в т.ч. и Казанской губернии), а также из-за рубежа.

При этом Н.Ф. Катановым была описана «храмовая медаль или монета» весом ¾ золотника (3,2 г) «с изображением на одной стороне скачущей налево лошади и с 4-мя иероглифами на другой стороне, из которых верхний читается “Таң”, а нижний “Цзяң” и значит “сильный”» (Катанов, 1908, с. 459). При этом он затруднился дать ответ, «к какому периоду истории относится эта редкая монета или медаль» (Катанов, 1908, с. 459).

Примечательно, что похожий бронзовый литой монетовидный жетон с изображением стоящей лошади (с повёрнутой влево головой) и легендой на л.с. «синий жеребец» (диаметр – 28 мм) был найден в 2000 г. при исследовании могильника «Маячный бугор I», относящемуся к **Красноярскому городищу золотоордынской эпохи (Астраханская область)** (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 65–66). Как отмечают Е.М. Пигарёв и Сяолинь Ма, данный жетон использовался в качестве фишки в игре «Дрессированная лошадь», приобретшей большую популярность во времена Северной Сун. Причём, подобные жетоны, называвшиеся «Монеты для игры в лошадь», «выпускались, по-видимому, вплоть до правления императора Гуан Сюя (1875–1908) Империи Великой Цин (1644–1911 гг.), но игра уже не была так популярна, как в Средневековье» (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 66).

В разное время ОАИЭ при ИКУ приобретало для своего музея у лиц, имевших отношение к Казанской губернии, монеты, среди которых попадались и китайские. Например, в числе н.п., купленных «из имущества» А.И. Соколова (1824–1893), значился: «Серебряный слиток с китайскими буквами на обеих сторонах. 1 шт.» (Новые приобретения…, 1898, с. 432), в числе предметов и монет (среди которых было «500 медных монет Золотой Орды»), присланных «из Болгар сторожем Тазетдиновым», – «2 китайские монеты» (Протоколы…, 1909, с. 10). Про найденные в Прикамье «два китайских серебряных слитка (каждый обрезанный) XII–XIII веков, несомненно завезённых сюда торговлей в эпоху Золотой Орды», упоминал в одной из своих статей и Г.А. Фёдоров-Давыдов (1931–2000) (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 49).

Археолог М.Г. Худяков (1894–1936) в заметке «Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах» отмечал, что: «Сношение Болгар с Китаем, известные по находкам в Болгарах китайских монет и зеркал, получают новое подтверждение» (Худяков, 1919, с. 119).

Рис. 1. Монеты Северной Сун, найденные на территории Поволжья (публикуются впервые): 1 – император Хуэй-цзун, период правления под девизом «Чун Нин» (1102–1106) (обломок) (вес не известен, диаметр 33 мм); 2 – император Хуэй-цзун, период правления под девизом «Да Гуань» (1107–1110) (вес 15,98 г, диаметр 41 мм); 3 – император Шэнь-цзун, период правления под девизом «Си Нин» (1068–1077) (вес 4,46 г, диаметр 30 мм).
Fig. 1. Coins of the Northern Song, found in the Volga region (published for the first time): 1 – Emperor Huizong, reign period "Chong Ning" (1102-1106) (fragment) (weight unknown, diameter 33 mm); 2 – Emperor Huizong, reign period "Da Guan" (1107-1110) (weight 15.98 g, diameter 41 mm); 3 – Emperor Shenzong, reign period "Xi Ning" (1068-1077) (weight 4.46 g, diameter 30 mm).

Проводившиеся в советское время археологические раскопки не выявили на Болгарском городище китайских н.п. (по крайней мере, нам не удалось обнаружить на сей счёт каких-либо публикаций), хотя других материальных свидетельств «китайского присутствия» здесь оказалось предостаточно. Как указывали в «Трудах Куйбышевской археологической экспедиции» А.П. Смирнов и Н.Я. Мерперт, «раскопки послевоенных лет и, особенно, Куйбышевской экспедиции показали, что не мусульманский восток, в частности Иран, занимал первое место в торговых связях болгар»: «По-видимому, большое значение имели Китай, Хорезм, Закавказье и, в особенности, Русь» (Материалы и исследования…, 1954, с. 19).

Масштабное «освоение» в начале XXI в. Болгарского городища и его окрестностей, как археологами, так и многочисленными частными «находчиками», также не принесло сенсаций, однако заметно прибавило историй о депаспортизированных находках.

В 2005 г. «к востоку от Малого Минарета» (Мухаметшин, 2019, с. 244) (Болгарское городище, I сектор) была найдена китайская монета (обломок – примерно ½), переданная в 2006 г. С.А. Зарифуллиным в Музей Болгарской цивилизации (МБЦ), где она ныне и хранится (инв. № Нум.Ф.-13705). С разрешения руководства МБЦ мы осуществили атрибуцию данного н.п. по предоставленному снимку (рис. 1: 1). На л.с. монеты диаметром 33 мм (предположительно бронзовой) сохранилось только 2 из 4-х иероглифов – «崇» и «重», поле о.с. – пустое.

Нами установлено, что эта монета была выпущена при императоре Северной Сун Хуэй-цзуне (Чжао Цзи) (1101–1125) – в период его правления под девизом «Чун Нин» («[Эпоха] почитания спокойствия») (1102–1106) (стиль письма «лишу»). Полная легенда – «崇寧重寶», где «崇寧» («Чун Нин») – девиз правления, а «重寶» («чжун бао») («тяжёлое сокровище») – название монеты. Известно, что данные монеты с иероглифами в стиле письма «лишу» отливались в 1103–1105 гг., а экз. диаметром около 30 мм соотносят с достоинством 2 или 3 вэня (Шевцов, 2020, с. 27).

При этом имеются устные свидетельства частных лиц (в том числе, местных жителей) об обнаружении на Болгарском городище и в его окрестностях в конце 1990-х–2010-х гг., по крайней мере, ещё 2-х средневековых китай-

ских монет (среди которых одна – железная). Оба н.п. «осели» в частных коллекциях, в связи с чем стали практически недоступны для изучения.

Нам удалось собрать сведения о бронзовой монете начала XII в., принадлежавшей одному (ныне уже покойному) казанскому коллекционеру – обладателю большого собрания джучидских монет булгарской чеканки XIII в. Согласно его утверждению, эта монета, как и хранящаяся в МБЦ, была найдена в начале 2000-х гг. «в районе Болгара». Ободок монеты частично повреждён, на поле имеется трещина. Первоначально она была погнута и покрыта неровной буро-зелёной патиной, которая сошла после химической чистки (рис. 1: 2).

Нами установлено, что эта монета (вес – 15,98 г, диаметр – 41 мм) также была выпущена при императоре Северной Сун Хуэйцзуне (Чжао Цзи) (1101–1125) – в период его правления под девизом «Да Гуань» («[Эпоха] великого созерцания») (1107–1110).

Монеты данного типа, отливавшиеся в 1107–1110 гг., содержат на л.с. легенду (стиль письма «кайшу» – почерк «тонкий золотой») – «大觀通寶», где «大觀» («Да Гуань») – девиз правления, а «通寶» («тун бао») («имеющее хождение [обращающееся, ходячее] сокровище») – название монеты (Шевцов, 2020, с. 28). Поле о.с. пустое. Исходя из размера монеты, её достоинство определяется в 10 вэней, что является самым большим номиналом для данного типа.

Эта монета из частной коллекции очевидным образом коррелирует с найденной на Болгарском городище, что может служить косвенным подтверждением подлинности информации о месте её обнаружения. Данные ещё об одной китайской монете из Болгара пока получить не удалось.

Более репрезентативно выглядят находки н.п., сделанные на территории золотоордынских поселений в Нижнем Поволжье.

Так, Е.М. Пигарёв и Сяолинь Ма, помимо вышеупомянутого жетона (игральной фишки), отлитого, согласно их предположениям, «в Китае в период правления династии Северная Сун или чжурчжэньской династии Цзинь» (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 66), сообщают ещё о 2-х н.п., найденных в ходе исследования Селитренного городища (Астраханская область), где, вероятно, находилась столица Золотой Орды XIV–XV вв. – г. Сарай ал-Джадид (Новый Сарай). Обе монеты были также «найдены случайно на поверхности городища и не привязаны к каким-либо археологическим объектам» (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 66).

Одна бронзовая монета (диаметром – 24 мм) была выпущена при императоре Северной Сун Чжэнь-цзуне (Чжао Хэне) (997–1022) – в период его правления под девизом «Да Чжун Сян Фу» («[Эпоха] “благовещих талисманных письмен справедливого пути”») (1008–1016) (Шевцов, 2020, с. 19–20).

Известно, что монеты данного типа, отливавшиеся в 1008–1016 гг., содержат на л.с. легенду (стиль письма «кайшу») – «祥符元寶», где «祥符» («Сян Фу») – фрагмент девиза правления, а «元寶» («юань бао») – название монеты. Поле о.с. пустое (Шевцов, 2020, с. 19–20 – № 7.1). Исходя из размера монеты, её достоинство определяется в 1 вэнь.

Вторая бронзовая монета (обломок – «¼ часть») (предполагаемый диаметр – 25 мм), с одним сохранившимся иероглифом – «聖» (архаичный стиль письма «чжуань»), была отнесена исследователями к эмиссиям императоров Северной Сун Жэнь-цзуна (Чжао Чжэня) (1023–1063) – в период его правления под девизом «Тянь Шэн» («[Эпоха правления] небесного избранника») (1023–1032) или Чжэ-цзуна (Чжао Сюя) (1085–1100) – в период его правления под девизом «Шао Шэн» («[Эпоха] унаследования [продолжения] монаршего дела») (1094–1098) (Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 66).

Известно, что монеты означенного типа императора Жэнь-цзуна (Чжао Чжэня) – достоинством 1 вэнь, отливавшиеся в 1023–1032 гг., содержат на л.с. легенду – «天聖元寶», где «天聖» («Тянь Шэн») – девиз правления, а «元寶» («юань бао») – название монеты. Поле о.с. пустое (Шевцов, 2020, с. 20 – № 9.2). Соответствующие монеты императора Чжэ-цзуна (Чжао Сюя) – достоинством 1 и 2 вэня, отливавшиеся с 1094 по 1098 гг., содержат на л.с. легенду – «紹聖元寶», где «紹聖» («Шао Шэн») – девиз правления, а «元寶» («юань бао») – название монеты. Поле о.с. пустое (Шевцов, 2020, с. 26 – № 20.1.2).

Помимо этих задокументированных монет, известно ещё о 18 китайских н.п. с Селитренного городища. В видеоматериале «Китайские артефакты из Золотой Орды», размещённом 10 февраля 2024 г. на медиапортале Государ-

ственного исторического музея (ГИМ), сообщается о находке во время археологических раскопок Селитренного городища в 1985–1994 гг. (на объекте «Усадьба № 2»), в числе прочего, клада бронзовых монет, соединённых кожаным шнурком.

Вероятно, именно об этих н.п. писал Г.А. Фёдоров-Давыдов в статье «Торговля нижневолжских городов Золотой Орды»: «Хотя и редко, – отмечал он, – в золотоордынских городах встречаются китайские монеты. На Селитренном городище был найден небольшой клад китайских бронзовых монет XIII в.» (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 50). Об этом же кладе упоминают Ю.Д. Обухов (Обухов, 2001, с. 128) и П.Н. Петров (Петров, 2013, с. 204).

Известно, что в состав клада, хранящегося в ГИМ, входят монеты, отлитые: в Империи Тан (618–907) (1 экз.) и Империи Сун – в Северной Сун (960–1127) (16 экз.) и Южной Сун (1127–1279) (1 экз.). Точная атрибуция не приводится (Китайские артефакты…, 2024).

Очевидно, что находки средневековых китайских монет в Нижнем Поволжье далеко не ограничиваются вышеозначенными н.п. Нам, в частности, известна бронзовая монета, привезённая в начале 2000-х гг. «из-под Астрахани», вполне вписывающаяся в северосунскую «линейку». Она заметно корродирована (истончена), вследствие чего в поле образовались трещины и механическое отверстие, но при этом на ней сохранилась ровная зелёная патина (рис. 1: 3). Такое состояние не характерно для монет, бывших в связке, скорее всего, этот н.п. долгое время находился в земле или иле.

Нами установлено, что данная монета (вес – 4,46 г, диаметр – 30 мм) была выпущена при императоре Северной Сун Шэнь-цзуне (Чжао Сюе) (1067–1085) – в период его правления под девизом «Си Нин» («[Эпоха] процветания мира и спокойствия») (1068–1077) (архаичный стиль письма «чжуань»). Монеты данного типа и размера, отливавшиеся в 1071–1077 гг., содержат на л.с. легенду – «熙寧重寶», где «熙寧» («Си Нин») – девиз правления, а «重寶» («чжун бао») – название монеты (Шевцов, 2020, с. 24 – № 17.2.3). Поле о.с. пустое. Экз. диаметром 28–30 мм соотносят с достоинством «выше одного вэня» (Шевцов, 2020, с. 24).

Помимо Селитренного и Красноярского городищ, имеются также задокументированные сведения о находках средневековых китайских монет на **Царевском городище (Волгоградская область)**, где, предположительно находился золотоордынский г. Гюлистан.

Известно, что в середине XIX в. – при епископе Саратовском и Царицынском Иакове (И.И. Вечеркове) (1792–1850) – здесь проводило «раскопки» духовенство, «которое составляло описание епархии в историческом, археологическом и статистическом отношениях» (Лебедев, 1911, с. 5). В 1844 г. епископ прислал через профессора И.А. Смирнова-Платонова (1814–1860) в библиотеку Казанской духовной академии (где были созданы, в том числе, «кабинет редкостей» и «мюнц-кабинет») «8 татарских и 8 китайских монет, сделанное на тафте изображение тибетского божества с тибетскою надписью и 4 каменных обломка из царевских развалин» (Знаменский, 1892, с. 523–524).

Сведения о китайских монетах имеются и в отчётах о пополнении историко-археологического музея Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК), среди «особенно выдающихся поступлений» в который значились: «Коллекция китайских предметов, разные бытовые вещи и монеты. В числе китайских предметов представляет большой интерес каменная печатка с тамгой, напоминающей родовой знак Бату Хана. Получены от члена Ком[исс]ии Е.А. Ивановой. (По каталогу №№ 2548 и 2557)» (Щеглов, 1915, с. 215).

В Волгоградском областном краеведческом музее хранится бронзовая китайская монета (инв. № 23551/3), найденная в 1973 г. при раскопках В.И. Мамонтовым окрестностей с. Царева (курган 16, погребение 1). Снимок л.с. и сведения о монете опубликованы в 2005 г. в каталоге выставки «Золотая Орда. История и культура», организованной Государственным Эрмитажем совместно с Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль» (Каталог выставки…, 2005, с. 101, 210).

Данная монета (диаметром 25 мм) была выпущена при императоре Северной Сун Жэнь-цзуне (Чжао Чжэне) (1023–1063) – в период его правления под девизом «Бао Юань» («Драгоценное первенство») (1038–1040). Известно, что монеты данного типа (архаичный тип письма «чжуань»), отливавшиеся с 1039 г. до, предположительно, 1054

г. (Шевцов, 2020, с. 21), содержат на л.с. легенду – «皇宋通寶» («Хуан Сун тун бао») – «Обращающаяся [ходячая] драгоценность [монета] августейшей империи Сун» и обладают достоинством 1 вэнь. Поле о.с. пустое (Шевцов, 2020, с. 21 – № 12.2).

Документально зафиксированы находки китайских монет и на **Увекском городище (г. Саратов)**, где в XIII–XV вв. существовал золотоордынский г. Укек. Так, Л.Ф. Недашковский в статье «Монетные находки с Увекского городища по архивным данным» упомянул о 2-х медных китайских монетах, которые «могли относиться и к золотоордынской эпохе» (Недашковский, 2017, с. 86). При этом известно только, что таковые были куплены СУАК, наряду с другими предметами и монетами, у местных жителей: одна – в 1905 г., другая – в 1912 г. (приобретена А.А. Кротковым) (Недашковский, 2017, с. 90, 96).

Отмечены также находки средневековых китайских монет, сделанные на **Северном Кавказе**: около г. Будёновска (Ставропольский край), где располагался золотоордынский г. Маджар. Известно о нескольких н.п., обнаруженных в разное время (начиная с 1907 г.) на территории г. Маджара и в Северо-Западном Прикаспии (Нарожный, Нарожная, 2009, с. 58).

Однако при этом атрибутированы только две монеты (предположительно одного типа и достоинства): одна – обнаруженная во второй половине 1950-х гг. и связанная «с развеянным позднекочевническим захоронением» около селения Ачикулак в Дагестане, вторая – «случайно поднятая» в 1996 г. «на распахиваемом поле близ современного г. Будёновска» и впервые опубликованная Ю.Д. Обуховым (вес – 10,5 г, «диаметр круглого диска 34,0 мм») (Нарожный, Нарожная, 2009, с. 58).

Монеты данного типа выпускались при императоре Южной Сун Нин-цзуне (Чжао Ко) (1194/1195–1224) – в период его правления под девизом «Цзя Тай» («[Эпоха] счастливого благоденствия») (1201–1204). Они содержат на л.с. легенду – «嘉泰通寶» («Цзя Тай тун бао»), где «嘉泰» («Цзя Тай») – девиз правления, а «通寶» («тун бао») – название монеты. Поле о.с. пустое. Исходя из размера монеты, её достоинство определяется в 3 вэня.

Таблица 1. Сводные данные о китайских монетах, найденных в Поволжье и на Северном Кавказе.
Table 1. Consolidated data on Chinese coins found in the Volga region and the North Caucasus.

Место находки	Количество известных н.п. (экз.)	Количество атрибутированных н.п. (экз.)	Распределение атрибутированных н.п. по периодам (государствам, династиям) (экз.)
Болгарское городище (Республика Татарстан)	более 4-х	3	Северная Сун – 3
Селитренное городище (Астраханская область)	20	20	Империя Тан – 1 Северная Сун – 18 Южная Сун – 1
Красноярское городище (Астраханская область)	1 (монетовидный жетон)	1	Северная Сун (?) – 1
Астраханская область	1	1	Северная Сун – 1
Укекское городище (г. Саратов)	2 (?)	–	–
Царевское городище (Волгоградская область)	более 9-и	1	Северная Сун – 1
Северный Кавказ	более 2-х (в т.ч.: 1 – Маджар, 1 – Ачикулак)	2	Южная Сун – 2
Итого	более 39-и	28	Империя Тан – 1 Северная Сун – 24 Южная Сун – 3

Ниже приводятся сводные данные об упомянутых выше н.п.

Таким образом, собрана информация о находках в Поволжье и на Северном Кавказе более 39-и средневековых китайских монет. Причём, находки н.п. зафиксированы на территории большинства крупных («столичных») городов Золотой Орды: на Болгарском, Красноярском, Маджарском, Селитренном, Увекском и Царевском городищах. Большинство – 24 монеты из числа атрибутированных – были отлиты в Северной Сун (960–1127), 3 – в Южной Сун (1127–1279) и 1 – в Империи Тан (618–907).

Вероятно, большая часть из них попала сюда уже в золотоордынскую эпоху. Маршруты проникновения монет могли быть самыми разными, но, вероятнее всего, они пролегали через Государство Чагатаидов. Не исключено, что часть северосунских монет попадала сюда не из самого Китая, а из различных областей, контролируемых Чагатаидами, где они были также распространены.

Существует несколько гипотез относительно путей и времени проникновения на Северный Кавказ южносунских монет, из которых наиболее аргументированной представляется предположение П.Н. Петрова, что они могли попасть туда «из Ильханского Ирана» – «не ранее 1201–1204 гг., но не позднее (1260-х – 1310) 1360-х годов» (погребение Ачикулак) (Петров, 2013, с. 204). Вместе с тем, присутствие в кладе китайских монет с Селитренного городища, вместе с танскими и северосунскими н.п., монеты Южной Сун может свидетельствовать и о других маршрутах (в данном случае, вероятнее всего, монеты «путешествовали» с купцами по разным странам). Монеты могли быть привнесены сюда как купцами и уйгурскими чиновниками, так и собственно монголами (в качестве «трофеев») (Нарожный, 2017, с. 120–121).

Имеется несколько предположений о возможном использовании китайских монет в Золотой Орде. Причём, многие исследователи сходятся во мнении, что в силу своей специфики они не могли полноценно участвовать в денежном обращении (Петров, 2013, с. 203; Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 67) (как, например, хулагуидские и чагатаидские монеты).

Высказываются предположения, что китайские монеты, содержавшие «благопожелания», использовались в качестве амулетов (нашивавшихся на одежду и т.д.), оберегов (которые, в частности, закладывались в основание дома), одного из видов «погребального инвентаря» (с сохранением роли «денег», но уже в «загробном мире») или жетонов для игры в «конные шахматы» (Нарожный, 2017, с. 125; Пигарёв, Сяолинь Ма, 2017, с. 67; Китайские артефакты…, 2024). Дискуссионной является гипотеза о том, что они, наравне с другими монетами, выполняли функцию «заупокойного дара» («обола Харона» или «обола мёртвых») (Нарожный, 2017, с. 120–121, 125).

Принимая во внимание важность исследовательской работы по выявлению, изучению и обобщению сведений о н.п. китайского происхождения для развития исторических знаний о взаимодействии Востока и Запада, Китая и Золотой Орды, культурном обмене между цивилизациями и народами, необходимо организовать таковую на системной основе, с привлечением широкого круга специалистов из числа археологов, нумизматов и архивистов.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.П. О замечательной китайской монете конца X или начала XI века, приобретённой в селе Болгарах в августе 1877 года // ИОАИЭ. 1897. Т. I. С. 122–123.

Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 года). Вып. II. Казань: Типография ИКУ, 1892. [4], IV, 593 с.

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки / Ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Катанов Н.Ф. О некоторых предметах из китайской коллекции почётного члена Общества Археологии, Истории и Этнографии ордин. проф. Н.Ф. Высоцкого // ИОАИЭ. 1908. Т. XXIV. С. 454–461.

Китайские артефакты из Золотой Орды. ГИМ: Медиапортал Исторического музея (10 февраля 2024 г.). Доступно по: URL: https://mediashm.ru/?p=3716 (дата обращения: 18.03.2025)

Лебедев А.А. Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ нижегородский и арзамасский, и его рукописное собрание (вместо предисловия) // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 27. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1911. С. 1–96

Мухаметшин Д.Г. Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 240–251.

Нарожный Е.И. Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 116–127.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа. Историко-археологические этюды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37). С. 52–61.

Недашковский Л.Ф. Монетные находки с Увекского городища по архивным данным // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 84–97.

Нефёдов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008. 752 с.

Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV. С. 429–433.

Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 128–130.

Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 191–216.

Пигарёв Е.М., Сяолинь Ма. Находки китайских монет на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 65–68, 220.

Протокол V-го общего собрания гг. членов Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 30-го ноября 1878 года // ИОАИЭ. 1879. Т. I. С. 118–121.

Протоколы Общего собрания и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1908 год. Казань: Типо-литография ИКУ, 1909. 63, (1) с.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. 508 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья Вып. 1 / ред. Ю.А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 38–59.

Худяков М.Г. Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 117–120.

Шевцов С.Н. Империя Северная Сун. Монеты и события. Китай 960–1127 гг. М.: Маска, 2020. 128 с.

Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии Золотницкий Н.И. Заметка о названиях Булгар, Биляр и Морквашы. Казань: Типография ИКУ, 1884. 56 с.

Щеглов С.А. Историко-археологический музей Комиссии в 1914 году // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1915. С. 213–217.

Информация об авторах:

Алексеев Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Главы (Раиса) Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (г. Казань, Россия); alekse-igor@yandex.ru

Алексеева Лада Игоревна, ассистент кафедры теории и практики иностранных языков, Высшая школа зарубежной филологии и межкультурной коммуникации им И.А. Бодуэна де Куртенэ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); LadIAlekseeva@kpfu.ru

REFERENCES

Vasiliev, V. P. 1879. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* I. Kazan, 122–123 (in Russian).

Znamenskiy, P. V. 1892. *Istoriia Kazanskoi dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniia (1842–1870 goda) (History of the Kazan Theological Academy during the first /pre-reform/ period of its existence (1842–1870))* II. Kazan: Imperial Kazan University (in Russian).

Piotrovskiy, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

Katanov, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIV. Kazan, 454–461 (in Russian).

Kitaiskie artefakty iz Zolotoi Ordy. GIM: Mediaportal Istoricheskogo muzeia (Chinese artifacts from the Golden Horde. State Historical Museum: Media portal of the Historical Museum) (10.02.2024). Available at: URL: https://mediashm.ru/?p=3716 (accessed 18.03.2025) (in Russian).

Lebedev, A. A. 1911. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 27. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 1–96 (in Russian).

Muxametshin, D. G. 2019. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 240–251 (in Russian).

Narozhnyi, E. I. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 116–127 (in Russian).

Narozhnyi, E. I., Narozhnaya, F. B. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 37 (1), 52–61 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 84–97 (in Russian).

Nefedov, S. A. 2008. *Faktornyi analiz istoricheskogo protsessa. Istoriia Vostoka (Factor analysis of the historical process. History of the East).* Moscow: "Territoriya budushhego" Publ. (in Russian).

In 1898. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIV. Kazan, 429–433 (in Russian).

Obukhov, Yu. D. 2001. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. II: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Issue II: Archaeology, Anthropology, Palaeoclimatology)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ.,128–130 (in Russian).

Petrov, P. N. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 191–216 (in Russian).

Pigarev, E. M., Xiaolin Ma, 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 65–68, 220 (in Russian).

In 1879. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* I. Kazan, 118–121 (in Russian).

1909. *Protokoly Obshchego sobraniia i zasedanii Soveta Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete za 1908 god (Minutes of the general meeting and council session of the Society of Archaeology, History, and Ethnography at Imperial Kazan University for 1908).* Kazan: Imperial Kazan University (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1954. *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. F. 1998. In Zeleneev, Yu. A., Fedorov-Davydov, G. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Archaeological Materials and Studies of the Volga Region)* 1. Ioshkar-Ola: Mari State University, 38–59 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXX (1). Kazan, 117–120 (in Russian).

Shevtsov, S. N. 2020. *Imperiia Severnaia Sun. Monety i sobytiia. Kitai 960–1127 gg. (Northern Song Empire. Coins and events. China 960–1127).* Moscow: "Maska" Publ. (in Russian).

Shpilevskiy, S. M. 1884. *O zadachakh deiatelnosti Kazanskogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii. Zolotnitskii N.I. Zametka o nazvaniiakh Bulgar, Biliar i Morkvashy (On the objectives of the Kazan Society of Archaeology, History and Ethnography. Zolotnitsky N.I. Note on the names Bolgar, Bilyar and Morkvashi)*. Kazan: Imperial Kazan University (in Russian).

Shcheglov, S.A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 213–217 (in Russian).

About the Authors:

Alekseev Igor E., Candidate of Historical Sciences. Administration of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan. Department of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan on internal policy. Kremlin, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; alekse-igor@yandex.ru

Alekseeva Lada I. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; LadIAlekseeva@kpfu.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

ХРОНИКА

УДК 9 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.329.356

«И ТЕМ СИЛЬНЕЕ У МЕНЯ ЖЕЛАНИЕ ОБМЕНЯТЬСЯ С ВАМИ МЫСЛЯМИ ПО ПОВОДУ НАУКИ»: А.В. ШМИДТ И А.М. ТАЛЬГРЕН В ПЕРЕПИСКЕ (1922–1929 ГГ.)[1]

©2026 г. С. В. Кузьминых

Статья посвящена обзору переписки А.В. Шмидта и А.М. Тальгрена – одного из крупнейших европейских археологов первой половины XX века, которого Алексей Викторович называл своим учителем в археологии. Корреспонденция Шмидта отложилась в фонде Тальгрена в рукописном отделе Национальной библиотеки (Coll. 230.9) и в его рабочем архиве в Музейном ведомстве Финляндии (папки «Tallgren 3, 12, 13, 19»), письма финского археолога – в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН. Два первых письма российского ученого адресованы в 1922–1923 гг. из Перми, остальные относятся к ленинградскому периоду его жизни и деятельности. Переписка характеризует экспедиционную, научную и педагогическую деятельность Шмидта в Пермском университете и краеведческом музее, а с 1924 г. – в Музее антропологии и этнографии АН СССР. Она восполняет многие важные и неизвестные ранее детали того, как ученый-египтолог вырос в крупнейшего на Урале в 1920-е гг. археолога-профессионала; приоткрывает нам «рабочую кухню» исследователя, историю создания его важнейших трудов и перипетии с их изданием; выявляет действительно уникальную роль Тальгрена в научном росте Шмидта. С конца 1929 г. переписка между ними прерывается. Причина тому – известное «дело С.А. Жебелёва» и публичное выступление финского археолога в его защиту, после которого Тальгрен стал персоной non grata в СССР. Этот год стал поворотным в научном творчестве Шмидта. С переходом в ГАИМК началась его «перековка» на марксистские «рельсы» и отход в большинстве публикаций от традиций русской археологии начала XX века.

Ключевые слова: А.В. Шмидт, А.М. Тальгрен, А.С. Лебедев, археология Волго-Уралья, Кольского полуострова и Северного Кавказа, Пермский университет, Музей антропологии и этнографии, переписка, полемика.

«AND THE STRONGER MY DESIRE IS TO EXCHANGE THOUGHTS WITH YOU ABOUT SCIENCE»: A.V. SCHMIDT AND A.M. TALLGREN IN CORRESPONDENCE (1922–1929)[2]

S. V. Kuzminykh

The article deals with review of the correspondence between A.V. Shmidt and A.M. Tallgren, one of the leading European archaeologists of the first half of the XX century, whom Aleksey Viktorovich called his mentor in archaeology. Correspondence by Shmidt is housed in the Tallgren collection in the manuscript department of the National Library (Coll. 230.9) and in his working archive at the Finnish National Board of Antiquities (folders «Tallgren 3, 12, 13, 19»). The Finnish archaeologist's letters are in the Manuscript Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The first two letters from the Russian scholar are dated 1922–1923 and were sent from Perm; the rest belong to the Leningrad period of his life and work. The correspondence characterizes Schmidt's field, research, and teaching activities at Perm University and the Museum of regional studies, and from 1924 at the Museum of Anthropology and Ethnog-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25–18–00790, https://rscf.ru/project/25–18–00790/, «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН.

[2] The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00790, https://rscf.ru/project/25-18-00790 /, "Russian archaeology in the system of international scientific communications between the two world wars" at the Institute of Archaeology RAS.

raphy of the USSR Academy of Sciences. It fills in many important and previously unknown details of how the Egyptologist grew into the leading professional archaeologist in the Urals in the 1920s; it opens a window into the "behind-the-scenes" workings of the researcher, the history of the creation of his most important works and the vicissitudes of their publication; and reveals the truly unique role of Tallgren in Schmidt's scholarly development. The correspondence between them from the end of 1929 was interrupted. This was due to the well-known «Case of academician S.A. Zhebelev» and the Finnish archaeologist's public defense, after which Tallgren became persona non grata in the USSR. This year marked a turning point in Schmidt's scholarly career. With his transfer to GAIMK, his "reforging" onto Marxist "tracks" began, along with a departure in most of his publications from the traditions of early 20th-century Russian archaeology.

Keywords: A.V. Shmidt, A.M. Tallgren, A.S. Lebedev, archaeology of the Volga-Ural region, the Kola Peninsula, the North Caucasus, Perm University, the Museum of Anthropology and Ethnography, correspondence, controversy.

В 2024 г. исполнилось 130 лет со дня рождения одного из основоположников научного археологического изучения Волго-Уралья Алексея Викторовича Шмидта. В истории советской археологии Шмидт не был безвестной фигурой. Научное наследие ученого, его поиски и концепции привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Важнейшие работы о нем принадлежат М.Г. Худякову (1935), Е.С. Богословскому (1968), А.В. Коробейникову и Т.И. Оконниковой (2007), М.В. Медведевой и Е.Г. Застрожновой (2026). В их основе – анализ трудов Шмидта и официальных документов. Но в изучении биографии ученого, его многогранной и многотрудной деятельности пока что ограниченно используется эпистолярное наследие Шмидта. Особенно важно обращение к переписке Алексея Викторовича с А.М. Тальгреном, одним из крупнейших европейских археологов первой трети XX века. Письма приоткрывают некоторые неизвестные ранее страницы биографии Шмидта, характеризуют его как незаурядную личность, умелого организатора науки, талантливого педагога и исследователя, сумевшего в тяжелейших условиях после окончания гражданской войны не только сохранить преподавание археологии в Пермском университете, но и приступить к систематическому археологическому изучению Среднего и Верхнего Прикамья. С переходом Шмидта в конце 1923 г. в Музей антропологии и этнографии АН СССР эти исследования приобрели еще более регулярный и масштабный характер, охватывая, кроме Прикамья, районы Среднего Урала, Башкирии, Северного Кавказа и Кольского полуострова.

Настоящая статья посвящена обзору переписки Шмидта и Тальгрена. Сами письма публикуются в другом издании[1]. Они знакомят нас с подробностями того, как востоковед, ученый-египтолог стал крупнейшим на Урале в 1920-е годы археологом-профессионалом, автором раскопок уникальных древних и средневековых памятников – Турбинского, Константиновского, Кольского Оленеостровского, Качки, Неволинского, Бахмутинского могильников, Галкинского и Кара-Абызского городищ, поселения Лёвшино и др., создателем первых обобщающих исторических очерков о древностях севера и северо-востока Европейской России. Письма приоткрывает нам «рабочую кухню» исследователя, историю создания его важнейших трудов и перипетии с их изданием. Они характеризуют действительно уникальную роль Тальгрена в научном становлении и профессиональном росте Шмидта.

Диалог А.В. Шмидта и А.М. Тальгрена начался в декабре 1922 г. и продолжался до конца 1929 г., когда Алексей Викторович прервал переписку с финским ученым, которого называл своим учителем в доисторической археологи (№ 4, 15, 19 и др.). Вероятно, это решение далось Шмидту нелегко, но из памяти было трудно вытравить увольнение из МАЭ в ходе «чистки» Академии наук, арест и ссылку в 1925 г., новое увольнение в 1929 г., невозможность восстановления в прежней должности в МАЭ и переход на работу в ГАИМК (Медведева, Застрожнова, 2026, с. 24, 25). Российский археолог сознавал, чем может обернуться для него продолжение переписки с Тальгреном. Табу на контакты с финским ученым положило известное «дело академика С.А. Жебелёва» и публичное выступление Михаила Марковича[2] в его защиту, после которого он вплоть до 1935 г. стал персоной non grata в Советском Союзе (Тункина, 2000;

Кузьминых, Салминен, 2016). С 1929 г. переписку с Тальгреном прервала большая часть его корреспондентов из СССР.

Диалог Шмидта и Тальгрена шел не только в переписке: их очное знакомство состоялось в 1924 г. в Кунсткамере; общение продолжилось и в 1925 г. (№ 13). Алексей Викторович очень сожалел, что не смог увидеться с коллегой и учителем летом 1928 г. (№ 37), когда руководил работами Башкирской экспедиции (Шмидт, 1929). Финский археолог совершил в том году длительную поездку по музеям и научным центрам СССР, вновь посетил Пермь, где спустя годы встретился с А.С. Лебедевым (Salminen, 2003, kuva 50). Шмидту хотелось бы обменяться с Тальгреном мнениями «по многим вопросам археологии Восточной России и Восточной Европы вообще» (№ 37). Личные встречи и общение были для него, конечно, дороги. В марте 1927 г. он спрашивал Михаила Марковича: «Можно ли надеется увидеть Вас вскоре в Ленинграде? Мы скучаем по Вашим так оживлявшим нашу работу посещениям» (№ 27) – и эта фраза отнюдь не дань вежливости и уважения к учителю, а насущная потребность в прямом диалоге.

Тем не менее, именно переписка – в согласии с традициями той эпохи – стала основной формой общения ученых. Она донесла до нас основные темы, проблемы, детали и подробности их диалога. Став в 1919 г. преподавателем (доцентом) Пермского университета, а с 1920 г. еще и заведующим археологическим отделом областного музея (Богословский, 1968, с. 150, 151), Шмидт всецело погрузился в археологию Прикамья и, конечно же, стремился познакомиться с финским археологом – лучшим знатоком доисторических древностей севера и северо-востока Европейской России. В своем первом письме он отметил, что «если бы не условия переживаемого момента, возможно, давно смог бы осуществить» это намерение.

В Пермском областном музее с лета 1922 г. стал работать А.С. Лебедев, переехавший сюда из Вятки, хорошо знавший Михаила Марковича еще с 1909 г., состоявший с ним в переписке (Кузьминых, Мельникова, Ванюшева, 2008) и инициировавший перевод с финского и издание на русском языке книги Тальгрена о краеведении в Финляндии (Тальгрен, 1913). Со Шмидтом у Лебедева, имевшего давний опыт археологических исследований Пижемского городища на р. Вятке (Лебедев, 1908), сложились добрые товарищеские отношения, и именно под его влиянием Алексей Викторович начал свой диалог с Тальгреном.

Шмидт в первом письме коротко представился финскому ученому, сообщив, что является воспитанником историко-филологического факультета Петроградского университета, где специализировался по истории древнего Востока и где его учителями были профессора Б.А. Тураев и М.И. Ростовцев, что доисторической археологией стал заниматься лишь в 1918 г., оказавшись в Перми. О кипучей работе Тальгрена в области археологии и краеведения он был наслышан не только от своих коллег А.А. Спицына и А.С. Лебедева, но судит о ней главным образом по его трудам, которые «являются для меня настольными книгами, по ним я проходил и прохожу строгую методическую школу, столь важную для работающего в этой науке» (№1). Алексей Викторович отметил, что только приступил к исследованиям в Прикамье, что еще ничего не опубликовал, но ряд работ подготовил в печати.

Начальным опытом исследовательской работы по археологии региона стал для него доклад «Происхождение и развитие некоторых мотивов в искусстве Камской чуди», прочитанный в апреле 1921 г. в Обществе философских, исторических и социальных наук при Пермском университете, построенный в основном на материалах коллекций Теплоуховых (Богословский, 1968, с. 151). Идеи, озвученные в этом докладе, легли в основу последующих трудов ученого (Шмидт, 1925а; 1927; Schmidt, 1929a; 1930–1932) и его диалога с финским ученым.

С первых же пермских писем в переписке обсуждаются несколько тем и проблем. Важнейшие среди них:

– *археологические новости и экспедиционные планы*;

– *вопросы и ответы в диалоге Тальгрена и Шмидта*;

– *проблемы, связанные с изданием трудов Шмидта в России и за рубежом*;

– *международные научные связи российского археолога*;

– *достижения отечественной археологии в 1920-е годы*;

– *Тальгрен и ГАИМК*;

– получение и взаимный обмен литературой, а также информацией о новых изданиях по археологии;

– становление Шмидта как археолога-профессионала, ведущего исследователя древностей Прикамья и Приуралья в 1920-е годы.

Археологические новости и экспедиционные планы – неизменная тема переписки российских и советских археологов с Тальгреном[3]. Новости, сообщаемые Шмидтом, касаются самых разных сфер археологии, каких-то примечательных событий, реже информации личного характера. Среди них можно выделить персональные сведения о коллегах и их исследованиях, информацию о выставках, юбилеях, докладах, подготовке к печати научных трудов и рецензий, уникальных находках, наводнении 1924 г. в Ленинграде.

С самого начала переписки Алексей Викторович делится подробными *сведениями «из области personalia нашей науки»*, рассказывая о деятельности старшего и среднего поколения русских археологов – А.А. Спицына, Б.В. Фармаковского, Г.И. Боровки, О.Ф. Вальдгауера, С.А. Теплоухова, В.А. Городцова, П.П. Ефименко, Б.Ф. Адлера, М.Г. Худякова, А.С. Лебедева, Ф.В. Баллода, В.Я. Толмачева (№ 1). В письмах разных лет дана информация об археологических раскопках С.И. Руденко на Алтае, С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки в Монголии, М.П. Грязнова под Томском (курганы у «Троянова городка»), Б.В. Фармаковского и Б.Л. Богаевского в Ольвии (№ 5). Памятуя о раскопках Тальгрена в 1909 г. на Галичском (Туровском) поселении Шмидт сообщил, что студент Кузьминский привез из Галича до пуда керамики (№ 5).

В следующих письмах (№ 6, 8, 9) эти сведения детализируются: П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловский исследовали мустьерские памятники на Русской равнине (близ Брянска и в Костенках) и в Крыму (Киик-Коба); С.И. Руденко выявил интересные погребения VII в. на Алтае; С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка вели раскопки могильника хуннской знати Ноин-Ула в Северной Монголии; Теплоухов, кроме того, продолжил изучение археологического микрорайона в Батенях на Енисее, а М.П. Грязнов – «Троянова городка»; Ф.А. Фиельструп привез несколько каменных «баб» из Семиречья; Д.Н. Эдинг раскопал уникальный памятник с деревянными изделиями на Горбуновском торфянике (№ 13).

С каждым годом информация о раскопках охватывала все новые и новые регионы СССР: курганы бронзового века и с «готскими» вещами в Чувашии (П.П. Ефименко), памятники различных эпох в Нижегородском крае (Б.С. Жуков), Ильская палеолитическая стоянка на Кубани (С.Н. Замятнин), андроновские курганы и поселения в Оренбуржье (М.П. Грязнов), курганы той же культуры к северу от Минусинска (Г.П. Сосновский), курганы срубной культуры в Самарском крае (В.А. Городцов), средневековые городища на р. Чепце (С.Г. Матвеев, А.П. Смирнов). разведочные работы в Туве (С.А. Теплоухов) и в Восточной Монголии (Г.И. Боровка), поселения каменного века близ Красноярска (Н.К. Ауэрбах), памятники эпохи бронзы в Азербайджане (И.И. Мещанинов, А.А. Миллер) и т.д. (№ 15, 16, 18, 29).

Шмидт доводит до Тальгрена информацию *об археологических выставках* в Ленинграде: палеоэтнологической 1923–1926 гг. в Русском музее (Отчетная выставка… 1924), сасанидской 1923 г. в Эрмитаже (Временная… 1922), по итогам полевых работ в ГАИМК. На выставке 1927 г. в Академии (№ 34) он особо выделил раскопки П.П. Ефименко курганов бронзового века (отнесенных позднее к абашевской, балановской и атликасинской культурам) и могильников сармато-готского времени в Чувашии (Ефименко, 1929; Ефименко, Третьяков, 1961), М.Г. Худякова – Вичмарского могильника позднепьяноборского времени на Вятке (Худяков, 1929); много интересного, по его мнению, дали работы по эпохе камня и в Закавказье (раскопки А.А. Миллера и Б.А. Латынина) (Археологические… 1962, с. 44). Внимание исследователя привлекли также наскальные рисунки на р. Тагил, исполненные студентом В.Н. Чернецовым, – «писаницы может быть не очень древние, вогульские (?)»[4].

В 1925 г. Академия наук отмечала *двухсотлетний юбилей* (Сорокина, 2005). Событие нашло отражение в письмах Шмидта того года (№ 8): он, как и другие сотрудники Кунсткамеры, был занят в подготовительных мероприятиях. Алексей Викторович извинялся в этой связи за задержку ответов на письма Тальгрена, касавшиеся, прежде всего, статьи о Турбино. Его работа над популярной книжкой по первобытной культуре (№ 10), вероятно, была госзаданием юбилейного

года. Тогда же удалось опубликовать какие-то ее части (Шмидт, 1925б; 1926а). Возможно, над этой же книгой он работал в тюрьме в начале 1926 г. (№ 13). В завершенном виде она не вышла, но наработки, по-видимому, использовались при написании более поздних текстов (Шмидт, 1932а; 1932б; 1933; 1934).

Высокая степень доверия позволяла Шмидту познакомить Тальгрена не только со своими российскими публикациями, но и *с докладами в различных аудиториях*. В январе 1923 г. он сообщил финскому ученому о подготовке к информационному докладу «Яфетиты и связанные с ними исследования академика Н.Я. Марра» в научном обществе Пермского университета (№ 2). В апреле того же года там же состоялся его доклад «Заселение и древнейшие культуры Прикамья» (№ 3), через год, уже в МАЭ, – доклад о древнейших связях (неолит и ранняя бронза) между Восточной Европой и Сибирью. Основные идеи для него с некоторыми дополнениями были взяты из работ Тальгрена и Айлио. «Соответственно Вашей точке зрения, я защищал европейское происхождение ряда элементов сибирской культуры. Возражения сводились к необходимости осторожности в этих вопросах, т.к. из Сибири известно очень мало материала: сам я, конечно, тоже указывал на это» (№ 4).

Ранее уже упоминался доклад Шмидта о турбинской керамике I группы как гляденовской (№ 17). Памятуя о краеведческих занятиях Тальгрена (Тальгрен, 1913), Алексей Викторович сообщил о конференции в Свердловске в декабре 1926 г., куда он направлялся со своим докладом «о краеведении в связи с археологией. Коснусь при этом Ваших работ в Эстонии» (№ 22). Через четыре месяца он поделился впечатлениями о докладе М.П. Грязнова о енисейском и иртышском центрах бронзовой культуры в Сибири (№ 26). По всей видимости, первый опыт классификации минусинских и алтайских кельтов эпох бронзы и раннего железа (работу удалось опубликовать только перед войной; Грязнов, 1941) навел Шмидта на вопрос: «не возникли ли в Семипалатинском крае некоторые типы кельтов самостоятельно (как на Украине). Впрочем, у меня пока недостаточно фактов в пользу такого предположения» (№ 26).

Немало строк в переписке посвящено *подготовке к печати трудов и рецензий* Шмидта и его ленинградских коллег, а также выходу этих работ. Из первых рук Тальгрен получил информацию (№ 6) о рецензии на свою книгу об ананьинской культуре (Tallgren, 1919) в журнале «Борьба классов» («вот где приходится печатать!») (Шмидт, 1924б); следом ему был отправлен и сам номер журнала (№ 8); в этом же письме речь идет о подготовке статей о Качке и керамике ананьинской и ломоватовской культур. В ноябре 1925 г. Алексей Викторович сообщил (№ 9), что надеется скоро опубликовать работу о «шаманских изображениях» (Шмидт, 1927), в марте 1926 г. статья была завершена (№ 13), в сентябре анонсирован ее выход (№ 16), а также статьи «Древний Восток и русский Север» (Шмидт, 1926б). Осталось не ясным, о какой работе, созданной в тюрьме, Шмидт написал Тальгрену в том же мартовском послании (№ 13).

В блоке писем 1927–1928 гг. (№ 25, 27, 28, 32, 33) обсуждалось очередное «партийное» задание Академии наук, а именно: участие Алексея Викторовича в «Финно-угорском сборнике» с очерком «по истории русской археологии в областях финно-угорского расселения». Этот раздел (Шмидт, 1928) не принес ему удовлетворения: «печатание происходило без меня, и я не держал корректуру. Так как работу пришлось сокращать, то тем более вкралось много ошибок. Еще хуже, что я не успел окончательно отделать ее, и она получилась unübersichtlich [с неясностями]» (№ 32). Шмидт сетовал на то, что не имел возможности осветить в очерке историю археологии финно-угров вне пределов СССР. Тальгрен, тем не менее, положительно оценил «Финно-угорский сборник» и раздел своего ученика в нем (Tallgren, 1931).

В планы российского ученого этих лет входило также издание «Corpus semulaerorum permicorum»; для него были готовы иллюстрации (70–80 фото), «большей частью в натуральную величину, многие из которых не изданы» (№ 27). Завершить подготовку корпуса к печати Шмидту не удалось. Несколько раз он возвращался в письмах к долгожданной статье о «птицах» (Шмидт, 1927), основа которой была заложена еще в начале 1920-х гг. в Перми. Выход сборника МАЭ со статьей «К вопросу о происхождении пермского звериного стиля» несколько раз откладывался (№ 27, 28). К Тальгрену она попала лишь в июне–июле 1927 г. (№ 29).

Тема о «птицах» не оставляла Алексея Викторовича и в последующие годы. В своем предпоследнем письме в Хельсинки в марте 1929 г. (№ 41) он сообщил Михаилу Марковичу, что работает сейчас «над зауральскими фигурными изображениями». К счастью, эта часть материалов урало-сибирского звериного стиля была опубликована еще при жизни ученого (Schmidt, 1929; 1930–1932).

Шмидт обращает внимание в письмах также на скорый выход статей П.П. Ефименко о «готских» культурах на Оке и его раскопках палеолита в Костенках (Ефименко, 1926а; 1926б), С.А. Теплоухова – о древних погребениях в Минусинском крае (Теплоухов, 1927), брошюры Л.А. Мацулевича о «готских» вещах в Крыму (Мацулевич, 1926б). Придавая особую важность работе Теплоухова, Шмидт информирует Тальгрена о задержке с ее изданием (№ 23, 26, 27). В мае 1927 г. известие о выходе труда Теплоухова (№ 28) сопровождается коротким восклицанием: «Прекрасная работа!». Месяцем ранее Алексей Викторович сравнил ее с трудом Мергарта «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926): «между прочим, насколько могу судить, эта работа во многих важных пунктах разойдется с мнениями Г. Мергарта; думаю, что Теплоухов более прав, чем австрийский археолог» (№ 27). Тальгрен в итоге разделил эту оценку российского коллеги (Tallgren, 1927b; 1928d).

Письма Шмидта являются первоисточником *об уникальных находках в Приуралье*. В их числе древнеегипетская статуэтка бога Амона – «первый случай находки египетской вещи в России севернее Саратовской губернии» (№ 2; Шмидт, 1924а; 1926б), каменная булава бородинского типа на р. Велве (№ 3; Aspelin, 1877b, Fig. 627), клин из кости мамонта (что указывает на наличие палеолитических местонахождений в Пермском крае; № 3), знаменитый медный нож из постнеолитического Лёвшинского поселения (№ 20; Шмидт, 1940), «парадная» секира с городища Кара-Абыз, сходная «с воткинской (и пинежскими), но без звериной морды голов хищной птицы» (№ 30; Шмидт, 1929, табл. I: 15) и др.

В октябрьском письме 1924 г. Алексей Викторович коротко коснулся последствий *масштабного наводнения*, которое Ленинград пережил в предшествующем месяце (23.09.1924). Информация касалась, прежде всего, коллекций МАЭ и Русского музея; «наш музей пострадал от наводнения немного: только десяток ящиков, находившихся в подвале, оказались подмоченными. Все это уже высушено. Сильно пострадал Русский музей, где громадные этнографические фонды (¾ всего имущества) хранились в подвале и оказались залитыми» (№ 5).

Крайне скупо Шмидт и Тальгрен делятся в переписке *информацией личного характера*. Так, в первом письме из Петрограда российский ученый сообщил, что прибыл в северную столицу «для окончания магистерских экзаменов» (№ 3). Из письма, отправленного в октябре 1924 г. из санатория в Детском (б. Царском) селе, мы узнаем о его переезде на новую квартиру (№ 5). В следующем послании (№ 6) он жалуется на занятость лекциями, отвлекающими от работы над обещанными Тальгрену статьями, радуется, когда был отменен курс лекций по истории Греции. Встречные вопросы личного плана Шмидт задавал и финскому коллеге, в частности, интересуясь в октябре 1927 г. его поездкой в Константинополь и Грецию, получением изданий МАЭ (№ 32), книг и журналов, отправленных из других научных центров СССР.

В диалоге ученых невозможно было обойти раскопки древних и средневековых памятников в различных регионах Европейской России, предпринятых Шмидтом, – разговор шел, прежде всего, об *экспедиционных планах и результатах полевых исследований*.

С началом работы в МАЭ для российского археолога остро встал вопрос о финансировании раскопок на Западном и Среднем Урале в 1925 г. Накануне нового года он обратился к Тальгрену с просьбой «достать некоторые средства на раскопки на Урале» (№ 6). Российская академия наук первоначально «отказала в средствах на экспедиции нашего Музея в будущем году», «вопрос этот становится для меня очень важным (ведь Турбино угрожает застройка), и я буду Вам очень благодарен, если что-нибудь удастся сделать» (№ 6). Судя по всему, при встрече летом 1924 г. в Кунсткамере финский ученый обещал Шмидту изыскать какую-то сумму на раскопки, прежде всего Турбино, но в итоге вопрос благополучно разрешился. Алексей Викторович в июне написал в Хельсинки, что «получил деньги на раскопки около Перми – 250 рублей», но работы начнет не раньше сентября (№ 8).

В 1926 г. финансирование урезали – 200 р. (№ 13); в планах раскопки в Кунгурском крае. На исследования в 1927 г. Шмидт получил уже 800 р., предполагая работать в следующих пунктах: «Турбино (в связи с находкой железных предметов и явной принадлежностью почти всей керамики гляденовской эпохе необходимо новое доследование), Неволино (продолжать раскопки 1926 г.), Карасье Озеро или другие «неолитические» стоянки около Свердловска–Екатеринбурга, Златоуст (могильник бронзового века?) (№ 25)».

В планах Шмидта на 1926 г. была организация экспедиции на Среднюю Волгу (№ 12), но далее намерений дело, похоже, не пошло. В июле того года он сообщил Тальгрену о раскопках под Кунгуром Неволинского могильника (около 30 погребений) (№ 14). Через год, в июле 1927 г., Алексей Викторович направился на Южный Урал, сначала в Златоуст – «искать центры уральской бронзовой культуры» (№ 29). В сентябре он продолжил раскопки в Неволино, близ Златоуста, в Турбино («еще 1 кельт и 2 кольца»), близ оз. Березовского в бассейне Исети. Материалы поселения конца эпохи бронзы на этом озере привлекли внимание Шмидта и Тальгрена к проблеме андроновских памятников в Среднем Зауралье (№ 30, 31). По мнению российского ученого, андроновская культура «сыграла немалую роль в культурном подъеме Зауралья в эпоху бронзы» (№ 30).

О планах раскопок на Кольском полуострове (равно как и о небольших работах на Урале) Шмидт впервые сообщил Тальгрену в декабре 1927 г. (№ 35). Год 1928-й прошел под знаком масштабных работ Башкирской экспедиции в правобережье р. Белой. Полевые работы этого года оказались для Алексея Викторовича очень успешными: «в Лапландии исследовался могильник с костяной и кремневой индустрией (Шмидт, 1930), стоянка арктического неолита на Белом море около Кузомети (Там же, с. 120), в Башкирии – Кара-Абыз (уфимская культура), Бахмутино IV–VII вв., стоянка у Чандара, осмотрел ряд городищ» (№ 37; Шмидт, 1929). Летом 1929 г. из-за увольнения из МАЭ комиссией Ю.П. Фигатнера, деятельность которой положила начало печально известному «Академическому делу» (Медведева, Застрожнова, 2026, с. 24, 25), Шмидт в экспедицию не ездил; Тальгрену он написал, что занялся разработкой старых материалов (№ 42). Это сообщение оказалось последним в его диалоге с учителем. В нем Алексей Викторович ни словом не обмолвился об увольнении из МАЭ и нарастающих проблемах со здоровьем (туберкулез горла).

Вопросы и ответы в диалоге Тальгрена и Шмидта составляют основное ядро переписки, а по сути полемики между ними, начиная с первых пермских писем (№ 2, 3). В нем выделяется в качестве базового блок ответов российского археолога на вопросы финского коллеги. Сохранившиеся письма Тальгрена в этом отношении достаточно скупы, кроме единственного (№ 44), насыщенного важными высказываниями и информацией. О новостях и планах Михаила Марковича мы судим, прежде всего, из контекста ответов Шмидта. Казалось бы, ученые находились в науке в разных «весовых» категориях, но это не стало для пермского археолога сдерживающим фактором: «все-таки позволю себе высказаться по поводу некоторых Ваших взглядов и мнений» (№ 2) и, кроме того, по всем затронутым в дискуссии вопросам «мне бы очень хотелось выслушать Ваше авторитетное мнение».

Это был отклик на первое письмо Тальгрена, в котором финский археолог коснулся вопросов происхождения фибул пьяноборской культуры и коньковых подвесок (тип Zaoussailov II, fig. 35), развития типов топоров и других железных предметов, хронологии находок из Турбино и начала функционирования Гляденовского костища.

Шмидт согласился с тем, что истоки пьяноборских фибул не связаны с Кавказом. Выводы Тальгрена о развитии железных топоров и других орудий помогли Алексею Викторовичу «лучше разобраться в хронологии многих предметов из собрания Теплоуховых» (№ 2). Оба ученых признали неубедительность взглядов Я. Аппельгрен-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1915) на происхождение упомянутого выше типа коньковых подвесок, но не сошлись в вопросе о хронологии бронз из Турбино. Шмидт не решился датировать знаменитый кинжал с архарами (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66: 3) эпохой до 1000 г. до н.э. и придерживался поначалу ранних представлений Тальгрена на хронологию сейминско-турбинских бронз (Tallgren, 1911; 1916). Он считал, что «может быть около устья Чусовой, в отдаленном уголке ананьинской куль-

туры, сохранились до более позднего времени предметы до-ананьинских типов, как и самые ананьинские вещи бытовали, например, в Сибири и в последующие культурные эпохи…». При этом российский ученый указывал, что «в Турбине в лице золотой бусы найден остаток пьяноборской, а может быть и более поздней эпохи». В итоге вопросы хронологии и культурной принадлежности памятника разрешились лишь с началом его раскопок, когда четко наметилось родство погребений и приношений Турбино и Сеймы и был выделен комплекс материалов раннего железного века, связанный с селищем гляденовской культуры (Schmidt, 1927, S. 14).

С первым письмом от Тальгрена Алексей Викторович получил книгу «L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale» (Tallgren, 1919). По мнению Шмидта, финский археолог новаторски подошел к ее созданию: «никто до Вас не сумел представить ананьинскую культуру в целом виде. Ваша работа поразила меня полнотой материала. Она исчерпывающе охватывает ананьинскую культуру» (№ 2). Тем не менее, в некоторых «второстепенных» случаях российский ученый отстаивал собственную точку зрения. Он был уверен, что птицевидная фигурка с Пижемского городища (Tallgren, 1919, fig. 56) «старше гляденовских» исходя из соображений стилистического характера, что ее можно отнести к ананьинской эпохе и «считать прототипом всех позднейших птиц». Не согласился он и с датировкой начала использования Гляденовского костища с ананьинского времени: «слишком мало там нашлось предметов ананьинского типа – 20–30 штук на ок. 23000 других предметов, которые ведь в огромном большинстве, безусловно, более поздние. Нельзя ли предположить, что немногие ананьинские предметы, попавшие в костище, находились в употреблении до гляденовской эпохи?». Костище, по его мнению, не древнее 2 в. до н.э.

Ответы на вопросы Тальгрена и полемика продолжились через несколько месяцев (№ 3). В основном они касались каких-либо конкретных предметов, их местонахождения, хранения, аналогий, но прежде всего связи гляденовских изображений с собственно чудскими VI–IX вв. Шмидт называл последние ломоватовскими и считал, что они восходят к гляденовским фигуркам. Российский ученый пришел к заключению, что «клады Ухты, Кишерти и Пешковой вообще содержат более древние вещи, чем прочие местонахождения». Он не стал настаивать на своей точке зрения относительно хронологии Турбино: «я не имел под руками керамики и не могу судить о ней». По поводу Галкинского городища Шмидт, пересмотрев коллекцию керамики, по-прежнему настаивал на ананьинской принадлежности памятника. Важно его наблюдение о морфологическом облике некоторых массивных ананьинских кельтов с шестигранным устьем втулки из Пермской губернии, украшенных пояском и треугольниками (Кузьминых, 1983, табл. XIV: 10, XV: 9), и их сходстве с СТ-типом Pielavesi (Tallgren, 1911, Abb. 88) и некоторыми уральскими (иткульскими) орудиями (№ 3). Эта догадка оказалась прозорливой (Кузьминых, 1991).

Завершая письмо, ученый отметил, что по возвращении в Пермь летом 1924 г. запланировал подробные разведки в районе устья р. Чусовой, о необходимости которых Тальгрен ему уже указавал. Другое место, требующее организации поисков, – р. Велва в Соликамском у. с находкой булавы бородинского типа (№ 3).

В связи с публикацией статьи «Туйский всадник» (Шмидт, 1925а) финский археолог в очередном письме поднял вопрос о надежности датировки вещей этого комплекса. Алексей Викторович летом 1925 г. побывал на месте находки статуэтки и убедился, что все предметы, перечисленные в архиве Теплоуховых, найдены на небольшой площадке с культурным слоем до 20–50 см. При этом он согласился с Тальгреном, что «действительно, находки в окрестных местностях мало что говорят для датировки. И если бы я писал не в 1923 г., а теперь, я бы выпустил эту часть» (№ 10).

В ряде писем обсуждаются вопросы, связанные с изданием ESA (№ 10, 13, 15, 33, 42), находками в Сабиновке (№ 11), на городище Лобач (специфические сосуды – Kugelamphore) (№ 11), Мальцеве (клад или погребения IX–X вв.) (№ 32, 33), р. Ломоватовке (№ 34), погребениями в пещере Малый Вашкур (последние передал в распоряжение финского ученого) (№ 33). Шмидт поблагодарил редактора ESA за рецензию на его труды (№ 33), которую тот планировал поместить в очередном номере журнала (Tallgren, 1928c), и предложение опубликовать материалы Поломско-

го могильника в Финляндии (№ 34). Со своей стороны он откликнулся на просьбу Михаила Марковича (№ 32) и помог тому при работе над большой программной статьей о пермских древностях (Tallgren, 1928a).

Шмидту также было небезразлично мнение Тальгрена о наиболее выдающихся результатах археологических исследований в СССР. Судя по письмам, к их числу отнесены работы Б.С. Жукова на Льяловской неолитической стоянке (№ 7, 11), которая изучалась с опорой на широкий спектр естественнонаучных методов и новаторские подходы к полевой практике (Жуков, 1925; Кузьминых, Лопатина, 2024, с. 218, 219). В этой же серии работ – статья П.П. Ефименко (1926a) о культуре рязано-окских могильников эпохи раннего Средневековья, созданная с использованием статистико-комбинаторных методов; оценка финского археолога, чуждого данных новаций, весьма интересовала Шмидта (№ 9, 16, 19). Он также привлек внимание Тальгрена к трудам археолога из Покровска П.Д. Рау (№ 26, 32), чьи разработки периодизации и хронологии погребальных древностей III–I тыс. до н.э. в степных районах Нижнего Поволжья (Rau, 1927a; 1927b) легли в основу последующих работ Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова, В.П. Шилова, Н.Я. Мерперта и других ученых. Среди полевых исследований в Волго-Уралье неизгладимое впечатление на Шмидта произвели раскопки Д.Н. Эдинга на Горбуновском торфянике под Нижним Тагилом («идолы, ложки из дерева и т.д.»); Алексей Викторович неоднократно интересовался: знаком ли Тальгрен с результатами этих работ (№ 14, 15, 36).

Поражает разнообразие вопросов и откликов, нашедших отражение в переписке, – от информационных (отправка Тальгрену копий академических отчетов, № 35; о плане поездки в Берлин, № 41), справочных (издание Лабарту, № 19; статья о раскопках на Кольском полуострове, № 41) до дискуссионных научных (датировка шаманских изображений, № 24; своеобразие башкирских культур, № 37). Порою они парадоксальны, как, например, вопрос финского археолога (№ 11): знаком ли Шмидт с исследованием Андерссона о древностях Ганьсу (Andersson, 1925). Но знакомство с памятниками типа Яншао с расписной керамикой, сходными со среднеазиатскими (Анау) и восточноевропейскими (Триполье), раскрывает причину интереса Тальгрена и археологов Европы к труду шведского ученого.

Совсем не дежурным является, казалось бы, обычный вопрос о выходе книги учителя о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926) и ее изучении (№ 13, 20). Для Алексея Викторовича было крайне важно сравнить собственную систематизацию древностей востока России с предложенной Тальгреном для юга Восточной Европы; в общих чертах их подходы совпали (№ 17). Шмидт весьма высоко оценил труд финского ученого: «Вы старую точку зрения “ex oriente lux” заменили новой “ex occidente lux”! В целом и в деталях Ваша книга является ценнейшим научным вкладом в археологию Восточной Европы. Теперь мы имеем благодаря Вам хронологию и систематику южнорусских древностей. Целая эпоха открылась перед нами там, где привыкли видеть почти пустое место. В частности, бронза востока России теперь представляется совершенно иначе, чем ранее» (№ 23).

Столь же небезразличен для Шмидта вопрос о выходе номера ESA IV (№ 33), посвященного юбилею А.А. Спицына, и готовности предоставить для сборника статью (Schmidt, 1929b). На вопрос Тальгрена: когда же Спицын издаст Бродовский и Горбунятский могильники, российский ученый ответил, что планирует издать книгу «Ломоватовская культура» с материалами этих памятников, а также из Неволино, но пока занят подготовкой к изданию Турбино (№ 33). В итоге оба проекта довести до публикации ему не удалось.

В череде вопросов и откликов особый интерес представляют сохранившиеся открытки (№ 43, 45) и письмо Тальгрена (№ 44). В феврале 1927 г. он сообщил Шмидту, что МАЭ вскоре получит новую серию трудов, изданных Финно-угорским и Финским археологическим обществами, а также ESA I. Михаила Марковича интересуют планы летних раскопок ученика. Сам же он никуда не выезжает в силу обязательств (тексты по археологии России) перед Максом Фасмером для его серии «Очерков славянской филологии и истории культуры», издаваемой с 1925 г. В февральской открытке 1929 г. редактор ESA известил Шмидта о получении рукописи его статьи в спицынский сборник (Schmidt, 1929b) и прислал список работ по археологии Лапландии (№ 45).

Информационно насыщенным являтся письмо финского археолога от 30 октября 1927 г. (№ 44). Алексей Викторович получил его спустя неделю (22 октября) после отправки письма в Хельсинки (№ 32), в котором откликнулся на ряд просьб и вопросов Тальгрена, информировал о своей текущей научной деятельности, поездках по городам Волго-Уралья и Западного Кавказа. В ответном письме Михаил Маркович поблагодарил Шмидта за ценную иформацию, выразил уверенность, что его наблюдения, касающиеся громадного значения Приуралья в доисторические времена, «скоро будут напечатаны», высоко оценил статью С.А. Теплоухова (1927) о периодизации древних погребений в Минусинском крае (по раскопкам в микрорайоне Батени), сообщил о своей скорой публикации (Tallgren, 1928b, S. 158, 159, Abb. 23–26) андроновских материалов А.О. Гейкеля из-под Кургана (Heikel, 1894). Тальгрен, кроме того, выразил надежду, что Шмидту удастся оперативно издать свои пермские материалы: «это мое живейшее пожелание, имеется [в виду] описание кладов и могильников. Ваша Kačka [Schmidt, 1927b] – очень важная работа. Ваши пермские птицы [Шмидт, 1927] – очень содержательное исследование».

Михаил Маркович информировал коллегу о недавно состоявшемся в Хельсинки съезде родиноведов, на котором сделал доклад о памятниках старины в Финляндии. Среди наиболее значимых он выделил доклад У.Т. Сирелиуса об этнографических исследованиях финской деревни. Отмечая научно-популярный характер съезда, Тальгрен заметил, что его «больше интересует сейчас чисто научная деятельность и главным образом археология востока», тем не менее, разыскания в области краеведения и генеалогии не оставляли его до конца жизни (Kivikoski, 1954a, p. 112, 113; 1954b). Отвечая на вопрос Шмидта, Тальгрен подтвердил, что прошедшим летом был в Константинополе и Греции, что «в археологическом отношении поездка не дала нового материала для выяснения восточноевропейской старины. Но для меня лично это было очень приятное путешествие» (№ 44).

Проблемы, связанные с изданием трудов Шмидта в России и за рубежом, обсуждались на протяжении всех семи лет его диалога с Тальгреном в переписке и, очевидно, при личных встречах. На них с самого начала шел разговор о подготовке российским ученым рукописи монографии «о доистории Урала». В октябре 1924 г. Алексей Викторович написал в Хельсинки о завершении этой большой работы (№ 5), но с изданием книги возникли проблемы. Через год, в декабре 1925 г., он сообщил: «О книге по Уралу нечего сказать не могу. Пока ее нигде нельзя напечатать» (№ 10).

Рукопись данной книги под названием «Некоторые мотивы искусства Пермской чуди» сохранилась в РА ИИМК, по плану к ней «должно было быть приложено около 130 таблиц и иллюстраций», структура и краткое содержание работы описаны в литературе (Богословский, 1968, с. 152, 153). Е.С. Богословский полагал, что ряд опубликованных работ Шмидта, вышедших после 1923 г., являются либо главами, либо переработанными в самостоятельные статьи частями этой монографии (Богословский, 1968, с. 153). Речь идет, прежде всего, о статьях «Туйский всадник: (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией)» и «К вопросу о происхождении пермского звериного стиля» (Шмидт, 1925a; 1927). В новые тексты Алексей Викторович, ввел, по мнению Богословского (1968, с. 152), только поправки по систематизции и периодизации археологических культур и памятников.

Своя предыстория связана с публикацией Турбинского могильника и селища. Тальгрен, знакомый с покупкой уникальных бронзовых предметов с Шустовой горы С.И. Сергеевым и И.Н. Глушковым (Спицын, 1926), будучи проездом в Перми (6–12.08.1915) на пути в экспедицию в Минусинскую котловину, посетил не только губернский музей, но и ряд археологических памятников в окрестностях города – Лёвшино, Галкино, Турбино, Гляденово, обработал материалы частной коллекции М.Н. Зеликмана. Финский археолог предполагал наличие могильника бронзового века на Шустовой горе, близкого по культурной принадлежности Сейме, и планировал его полевые исследования, но в условиях военного времени провести их не удалось (Tallgren, 1919, p. 56). Именно Тальгрен обратил внимание Шмидта на древности у д. Турбино и в 1923 г. даже упрекнул того в отказе от их изучения. В итоге Алексей Викторович в том же году провел предварительные разведки

в районе находок бронзовых предметов; они позволили уточнить характер ранее найденных материалов (Богословский, 1968, с. 154), а в 1924–1927 гг. заложил в центре Шустовой горы свои раскопы (Schmidt, 1927a).

Представленная Тальгрену статья о раскопках в Турбино датирована мартом 1925 г. (Schmidt, S. 14), т.е. в нее включены только результаты исследований 1924 г. Издать статью быстро не удалось: в работе она была больше трех лет. Первоначально российский археолог планировал сам перевести ее на немецкий язык, но в декабре 1924 г. попросил Михаила Марковича о переводе статьи в Хельсинки: «мое материальное положение стало хуже» (№ 6). В июне 1925 г. он послал статью Тальгрену, дал ему картбланш на сокращение текста и перестановку иллюстраций (№ 7), а в конце ноября поблагодарил за согласие просмотреть корректуру, а также за публикацию всех рисунков (№ 9).

Задержка с выходом статьи привела к тому, что Шмидт в январе или феврале 1926 г. обратился к Тальгрену с вопросом: возможно ли приложение к статье с материалами, полученными в ходе раскопок 1925 г., включая кельт типа Pielavesi, серпентенитовое кольцо и большую серию кремневых изделий (№ 12). Макет журнала «Finnisch-ugrische Forschungen», по-видимому, был уже сверстан. В итоге поместить приложение не удалось. Вскоре, в марте–апреле 1926 г., Алексей Викторович держал в руках финальную корректуру статьи (№ 13).

В самих письмах в б*о*льшей степени обсуждались проблемы, связанные с керамикой из слоя Шустовой горы (№ 3), нежели с могильником эпохи бронзы. Уже первое разведочное обследование 1923 г. привело Шмидта к пониманию того, что погребения бронзового века перекрыты здесь селищем гляденовской культуры, керамика которой доминировала в культурном слое (Schmidt, 1927a, Taf. III: 2–4). Турбинской керамике I группы как гляденовской был посвящен один из его докладов в МАЭ в ноябре 1926 г. (№ 17). Работу с материалами могильника и селища Алексей Викторович продолжил в последующие годы – об этом идет речь в последнем послании Тальгрену в октябре 1929 г. (№ 42). Но довести монографическое исследование Турбино ему не довелось. Материалы селища позднее опубликовал Н.А. Прокошев (1940), а могильника – О.Н. Бадер (1964).

Раннесредневековый могильник Качка – второй выдающийся памятник, публикация которого потребовала немалых усилий Шмидта как автора и Тальгрена как редактора. Научная программа прикамских исследований российского археолога была направлена главным образом на изучение древностей конца раннего железного века и Средневековья. Качка как могильник эпохи великого переселения народов в б*о*льшей степени, нежели комплекс памятников у д. Турбино, вписывался в данную программу, и не случайно этому некрополю в переписке уделено более пристальное внимание, хотя Шмидт и отмечал, что «ставил себе только узкую задачу: проследить пути проникновения «сармато-готских» вещей на север» (№ 25).

О планах подготовки статьи о Качке российский ученый написал Тальгрену в июне 1925 г. (№ 8), через полгода он повторил эту информацию и дал знать, что с января 1926 г. берется за подготовку материалов памятника к публикации (№ 9) и пришлет эту статью в первую очередь (№ 10). В октябре того же года работа над ней была завершена (№ 16), но объем статьи превысил 40 000 знаков. В этой связи Шмидт задает вопрос: пересылать статью в Хельсинки или нет. Тальгрен через короткое время, сознавая ключевую роль памятника в этнокультурной истории региона, сообщил, что зарезервировал место для Качки в готовящемся к изданию первом выпуске ESA (№ 17). С переводом статьи на немецкий язык в Ленинграде возникли проблемы (снова дорого!), и Алексей Викторович попросил перевести ее в Хельсинки.

В конце ноября Шмидт написал редактору ESA о возникших проблемах с передачей статьи в печать (№ 18). С.Ф. Ольденбург – непременный секретарь Академии наук не дал согласия на ее публикацию за границей, хотя, со слов российского археолога, за него «заступились» академики Е.Ф. Карский и И.И. Крачковский. В сердцах он написал Михаилу Марковичу: «вся эта история меня очень взволновала, так как создается ужасное положение: новых моих работ фактически нельзя печатать, так как возможности русских издательств очень ограничены» (№ 24); в итоге разрешение все же было дано. Главной причиной согласия Ольденбурга Шмидт посчитал «невозможность напечатать столь большое число воспроизведений

[иллюстраций] в издании Академии наук» (№ 19). В следующих письмах обсуждался уже рабочий процесс подготовки рукописи к печати: проверка корректуры и клише изображений (№ 22, 24, 25), сокращение иллюстраций (№ 20). Алексей Викторович с извинениями сетовал на то, что статья о Качке отняла у Тальгрена слишком много времени (№ 24). Работа с корректурой завершилась в феврале 1927 г. (№ 25), а уже в марте автор получил оттиски статьи (Schmidt, 1927b). Российский ученый сердечно поблагодарил за них редактора ESA (№ 26), особо отметил высокую полиграфическую культуру финских археологических изданий, включая ESA I – рисунки к статье «Kačka» «вызвали здесь у нас [в МАЭ и ГАИМК] общий восторг» (№ 25).

В 1928 г. возникли сложности с публикацией за границей материалов раскопок Оленеостровского могильника эпохи раннего металла на Кольском полуострове и средневековых – в Среднем и Верхнем Прикамье. Алексей Викторович сообщил в Хельсинки, что нет шансов издать их за рубежом (№ 37). В ESA эти материалы действительно не поступили: они не отложились в рабочем архиве Тальгрена. С трудом Шмидт получил разрешение на публикацию статьи о курганных погребениях бронзового века близ станицы Константиновской на Кубани (№ 37, 38), предназначенной для сборника в честь 70-летия А.А. Спицына (ESA IV). В ходе редподготовки он запросил статью на доработку, внес в нее существенные дополнения и изменения (№ 39) и повторно вернул редактору ESA (№ 40).

В научном наследии ученого эта статья (Schmidt, 1929b) единственная, что – помимо его лекционных занятий в ЛГУ (№ 36) – отражает разработку древностей бронзового века Прикубанья, включая не только погребения у станицы Константиновской, но также Майкопский курган и дольмены Царской (Новосвободной). В статье нашла также отражение его полемика с Тальгреном по поводу датировки и синхронизации этих памятников (Трифонов, 2023, с. 202–207). Кроме статьи весьма важными являются замечания Шмидта в январском письме 1928 г. (№ 36): «Склонен думать, что на Кубани имеется минимум два культурных типа: I – Grosskurgane, II – более поздний типа Константиновки и т.д. Второй тип может быть синхронен фатьяновской культуре, отчасти Сейме, может быть андроновской культуре. Сейма все же несколько позднее и соответствует примерно самому концу этой эпохи, которую я объединяю названием II период русской бронзы. Впрочем, все это пока предварительные размышления…»; «Майкоп относится приблизительно к ММ II–III, скорее ММ III. Эту дату можно подкрепить и месопотамским материалом!».

Международные научные связи российского археолога отражены в переписке достаточно скупо, но следует помнить, что Музей антропологии и этнографии, в штате которого состоял Шмидт, был не только одним из крупнейших в Академии наук, но и являлся участником многих научных проектов с зарубежными музеями и университетами в 1920-е гг. Вовлеченность ученого в эту деятельность МАЭ подробно раскрыта в статье Е.С. Соболевой (2021).

Научные связи Шмидта с зарубежными коллегами, помимо встреч в Кунсткамере и ГАИМК, шли главным образом по линии книжного обмена. Кроме Тальгрена в этой сети контактов были другие финские археологи – А. Европеус, Ю. Айлио (№ 2) и К. Нордман (№ 10, 11, 18), венгерский – Н. Феттих (№ 25), австрийский – Г. Мергарт (№ 18), некоторые русские ученые-эмигранты, в частности, М.И. Ростовцев (№ 9, 10, 25), с которыми Алексей Викторович обменивался книгами, оттисками статей и посланиями. Он откликнулся на просьбу Мергарта, переданную первоначально через Тальгрена (№ 8), откорректировав и восполнив для австрийского коллеги информацию о погребальном инвентаре андроновского могильника Малый Койтас на Иртыше, хранящемся в МАЭ, но эти усилия оказались тщетными: совместная публикация Мергарта и Тальгрена в итоге не состоялась (Детлова, Кузьминых, 2026).

В 1920-е гг. среди археологов европейских стран была обычной практика обмена небольшими коллекциями керамики разных эпох, прежде всего для учебных целей. Такой обмен пытался наладить с Тальгреном в годы его работы в Тартуском университете Б.С. Жуков (Кузьминых, 2023, с. 13). О намерении послать в Хельсинки несколько образцов керамики из Турбино, Лёвшина и других мест Прикамья сообщает и Шмидт (№ 9). В последующих письмах этот вопрос не обсуждался – неизвестно, осуществился ли этот план.

В 1929 г. в Берлине состоялся Международный съезд археологов, посвященный столетию Германского археологического института (Дложевський, 1929). Шмидт был в числе советских археологов (Б.С. Жуков, П.С. Рыков, П.Д. Рау, Г.И. Боровка, С.С. Дложевский, М.Ф. Болтенко, Г.И. Петров, К.Н. Книпович и др.), кто получил на него персональные приглашения (Детлова, Кузьминых, 2024, с. 751). Об этом он сообщил Тальгрену в марте 1929 г., предполагая на обратном пути, вероятно, в июле месяце, заехать в Финляндию (№ 41), но в итоге поездка Алексея Викторовича на съезд не состоялась. Академия наук, возможно, в связи с «делом Жебелёва» или его увольнением из МАЭ, отказала ученому в командировке в Германию и ряд европейских стран.

Несмотря на объективные сложности с полевыми исследованиями и публикацией материалов раскопок, Шмидт постоянно обращал внимание Тальгрена на *достижения отечественной археологии в 1920-е годы*. В ряде писем из Перми и Ленинграда им отмечено оживление работ в стране в области доисторической археологии (№ 1), а также рост «интереса к изучению финно-угров России, чем занимается у нас ряд молодых работников» (№ 25).

В письмах ученого дана, прежде всего, высокая оценка результатов раскопок и изданий ленинградцев – сотрудников ГАИМК, Эрмитажа и МАЭ Б.В. Фармаковского (№ 5), П.П. Ефименко (№ 6, 8, 9, 15, 16, 19, 29, 34), С.А. Теплоухова (№ 5, 6, 9, 15, 18, 23, 26, 28, 29), А.А. Миллера (№ 9, 15, 16, 34, 42), М.П. Грязнова (№ 5, 6, 9, 15, 26), С.Н. Замятнина (№ 9, 15, 29, 42), Г.А. Бонч-Осмоловского (№ 5, 6, 8, 9, 15), С.И. Руденко (№ 5, 6, 8), Г.И. Боровки (№ 5, 6, 8, 15), Г.П. Сосновского (№ 15, 42), М.Г. Худякова (№ 29, 34), Л.А. Мацулевича (№ 16), И.И. Мещанинова (№ 15), студента В.Н.Чернецова (№ 34), а также москвичей – сотрудников Института антропологии 1 МГУ и Исторического музея Б.С. Жукова (№ 11, 16), В.А. Городцова (№ 15), Д.Н. Эдинга (№ 13, 15), С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова (№ 15) и реже коллег из провинции – П.Д. Рау (№ 26, 32) и Н.К. Ауэрбаха (№ 15).

Шмидт информировал (№ 6, 8) финского археолога о выходе книги Г.Ф. Осборна «Человек древнего каменного века» (Осборн, 1924) со вступительными статьями Б.Н. Вишневского (1924а; 1924б), монографии М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925), сборника «Древний Мир» с обзором В.А. Городцова об археологических раскопках и разведках в Советской России в 1919–1923 гг. (Городцов, 1924), статей П.П. Ефименко (1926а; 1926б; 1926в; 1929), С.А. Теплоухова (1922; 1926; 1927; 1929), Б.С. Жукова (1925; 1926), М.П. Грязнова (1927) и других коллег. Он сообщил Тальгрену некоторые подробности о Первой конференции археологов СССР, приуроченной к столетию Керченского музея (№ 15). Шмидт, отсутствовавший в Керчи, посчитал, что съезд не совсем удался, поскольку среди его участников не было таких видных археологов, как С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, Г.И. Боровка, Г.А. Бонч-Осмоловский. С этим субъективным мнением вряд ли можно согласиться: Керченская конференция, безусловно, сыграла положительную роль в консолидации отечественных археологов в первое послереволюционное десятилетие (Мацулевич, 1926а), хотя, конечно, она не дотягивала по своим масштабам до уваровских археологических съездов.

Алексей Викторович в ходе своих поездок в Челябинск, Уфу, Самару, Сталинград, Новороссийск, Геленджик, зная об интересе Тальгрена к археологическим материалам в музеях СССР, информировал его о том, что «всюду видел массу интересного»: в Самаре – клад сармато-готских вещей (Гольмстен, 1928, с. 134, 135, рис. 54–63), в Уфе – новую секиру (Шмидт, 1929, табл. I: 15), «Челябинск полон андроновской керамикой [Минко, 1907; Дурылин, 1927], Сталинград – хвалынской [Рыков, 1926; 1927; Минаева, 1932], интересны дольмены под Геленджиком» (№ 30, 32). Михаил Маркович не оставался безучастным к сведениям Шмидта и других советских коллег, полученным в переписке и в ходе собственных поездок 1924, 1925 и 1928 гг. Информация нашла отражение в его очерках об археологических работах в СССР и библиографических обзорах тех лет (Tallgren, 1925d; 1927a). В письме Шмидту в октябре 1927 г. он отметил: «как много у Вас всего нового» (№ 44), обратив особое внимание на Прикамье как исследовательский регион, который всегда был в центре научных интересов финского археолога. Не случайно в этом письме Тальгрен подчеркнул, что «Приуралье имело громадное значение в доисторические

времена» (№ 44). Михаил Маркович в письмах и рецензиях высоко оценивал научные труды своего ученика (Tallgren, 1928c). Обращает на себя внимание редкое признание для сдержанной по тону огромной русской переписки Тальгрена в финале того же письма Шмидту: «Я Вас люблю!» (№ 44).

Тальгрен и ГАИМК. В диалоге ученых немало строк посвящено конкретным примерам взаимодействия финского археолога с советскими коллегами, но важно также увидеть, как складывались его отношения с организационными структурами отечественной археологии. Некоторая информация об этом дошла до нас в письмах Шмидта.

До 1917 г. вопросы поездок в Россию с экспедиционными и научными целями решались Тальгреном через Императорскую археологическую комиссию. Организуя свою первую послереволюционную поездку 1924 г., Михаил Маркович обратился за содействием в ГАИМК. В письме от 24 мая он просит Академию направить представление в Народный комиссариат иностранных дел о выдаче ему визы для поездки в Россию с научной целью и по возможности оперативно переслать ему необходимые документы. Он планирует поработать уже в июне в библиотеках Ленинграда и Москвы и, может быть, Нижнего Новгорода. «Ближайшей целью моих изысканий ставится культура медного века Северной и Средней России и ее позднейший железный период» (РА ИИМК. Ф. 2/1924. Д. 61. Л. 1, 1об). ГАИМК в лице ученого секретаря Б.В. Фармаковского сообщила 3 июня в Хельсинки, что связалась с Главнаукой для содействия в получении визы: «в приезде Вашем заинтересована и Академия, и центральные музеи Ленинграда и Москвы» (РА ИИМК. Ф. 2/1924. Д. 61., л. 3). С этого начались тесные контакты Тальгрена с питерскими и московскими учеными, а затем и с коллегами из регионов. Финский археолог восстановил связи со своими дореволюциоными корреспондентами (А.А. Спицын, В.А. Городцов, Б.В. Фармаковский, Н.Я. Марр, В.В. Гольмстен, М.Г. Худяков, А.С. Лебедев, Н.Е. Макаренко и др.), но основная сеть его контактов пришлась уже на последующее поколение отечественных ученых, к которому относился и А.В. Шмидт.

Многолетние исследования древностей Северной Евразии вывели Тальгрена как ученого и эксперта на лидирующие позиции в Европе и СССР. С началом издания журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» появилось связующее звено между западной и советской археологией – финский ученый стал играть ключевую роль в международных научных коммуникациях второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Все это не могло не найти признания и соответствующей реакции в руководстве ГАИМК. Шмидт в сентябре 1926 г. сообщил Михаилу Марковичу о его избрании членом-корреспондентом Академии; эту новость озвучил Н.Я. Марр на открытом собрании ГАИМК (№ 15). Алексей Викторович, поздравляя Тальгрена, добавил: «Мне, как Вашему ученику, было особенно радостным услышать о Вашем избрании».

В ГАИМК, как и в других научных и университетских центрах страны, положительно была встречена инициатива редактора ESA издать сборник в честь 70-летия старейшего сотрудника Академии А.А. Спицына. Шмидт горячо поддержал эту идею (№ 23). По просьбе Тальгрена он уточнил день рождения Александра Андреевича (№ 24). Для информационного письма-приглашения в сборник выполнил другую просьбу своего учителя: передал через сотрудника консульства Финляндии в Ленинграде г-на Toikka фото Спицына (№ 10, 11). В итоге, несмотря на сложности, возникшие в связи с «делом Жебелёва», когда бо́льшая часть авторов из ГАИМК (кроме В.И. Равдоникаса, Т.С. Пассек и Б.А. Латынина) «ушла» из ESA IV, благодаря усилиям Б.С. Жукова юбилейное издание все же состоялось (Кузьминых, 2023, с. 17–19). Шмидт, конечно, был благодарен Тальгрену за приглашение в спицынский сборник.

Получение и обмен литературой, прежде всего изданной в Финляндии, балтийских и скандинавских странах, становится доминирующей темой с самого начала переписки Шмидта и Тальгрена. Первая мировая война, годы революции и гражданской войны прервали международный книгообмен и возможности покупки книг за границей. Для Алексея Викторовича на первых порах была важна сама информация о новых изданиях, и в этом отношении обращение за содействием к финскому археологу было беспроигрышным. Михаил Маркович откликнулся уже на первые просьбы из Перми о книжном «голоде» в провинции, прислав в начале 1923 г.

труд об ананьинской культуре (Tallgren, 1919), 2 том «Collection Zaussaïlov» (Tallgren, 1918a) и книгу Юлиуса Айлио (Ailio, 1922). Для Шмидта эта посылка стала исключительно важным стимулом к продолжению исследований: «я чувствую в себе новый сильный порыв к научной работе» (№ 2).

Тальгрен не оставил без внимания ни одной просьбы российского коллеги, подарив ему свои основные монографические труды, посвященные древностям Северной Евразии (Tallgren, 1911; 1916; 1917; 1918a; 1919; 1922; 1926), и послав в ответ на запросы Шмидта крайне необходимые тому в работе статьи, отсутствующие в библиотеках Ленинграда (Tallgren, 1918b; 1920; 1923a; 1923b; 1924a; 1924b; 1925a; 1925c; 1927a). Получив книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926), Алексей Викторович отметил, что она ставит перед русскими археологами задачу выделения «отдельных культурных областей в намеченном Вами целом», что «на востоке, на Урале, мы, в частности, вероятно тоже будем иметь центр эпохи Турбино–Дербедень» (№ 17, 18). С началом раскопок Кольского Оленеостровского могильника для Шмидта стала крайне важна информация об археологических исследованиях в Лапландии, опубликованная в скандинавских странах и Финляндии, и вновь ему на помощь пришел Тальгрен (№ 41, 45).

При содействии Михаила Марковича российский ученый стал обладателем таких уникальных изданий, как сборник в честь 70-летия основоположника финской археологии Й.Р. Аспелина (№ 11; SMYA. 1912. T. XXVI), всех томов знаменитого аспелинского атласа «Antiquités du nord Finno-ougrien» (№ 25; Aspelin, 1877a; 1877b; 1878; 1880; 1884), в том числе и полученных для МАЭ выпусков, отсутствующих в библиотеке музея (№ 43). Через Тальгрена Алексей Викторович осуществлял связь и обмен литературой с европейскими (Г. Мергарт, Н. Феттих; № 8, 25) и финскими археологами (А. Европеус, Ю. Айлио, К. Нордман; № 2, 11, 18). С.В. Иванов, коллега Шмидта по Кунсткамере и в будущем выдающийся этнограф-сибириевед, получил весьма важную для его исследований статью (№ 21, 23), которую прислал выдающийся финский этнограф У.Т. Сирелиус (Sirelius, 1925). Посредничеством Тальгрена и Шмидта – порою довольно беззастенчиво – пользовались многие археологи МАЭ и ГАИМК (№ 5, 11).

Письма российского археолога не лишены конспирации в тех случаях, когда он просил редактора ESA переслать некоторые статьи, в частности, «Туйский всадник» (Шмидт, 1925a) и «Kačka» (Schmidt, 1927b), своему университетскому учителю (№ 9, 10, 25). Для Михаила Марковича, конечно, не являлось секретом, что речь шла об опальном в Советской России М.И. Ростовцеве.

Не следует думать, что в получении и обмене литературы был заинтересован только российский ученый. Для Тальгрена как исследователя евразийских древностей и редактора крупного международного журнала приток новой литературы по археологии СССР был жизненно важен, и он всячески поддерживал нити контактов и связей с советскими коллегами и учреждениями. Новая информация оперативно включалась в работы финского археолога (Tallgren, 1925a; 1925b; 1925c; 1928a). Это особенно было важно при подготовке книги о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926). Перу Тальгрена принадлежат, кроме того, аннотированные библиографические обзоры новейшей археологической литературы, изданной в Советском Союзе (Tallgren,1925d; 1927a), а также рецензии на труды советских и западных ученых (Kivikoski, 1954b), в том числе Шмидта (Tallgren, 1928c).

Алексей Викторович регулярно информировал редактора ESA о доступных дореволюционных и новых изданиях в музеях и учреждениях Перми и Ленинграда (№ 6); сообщал о том, кто из коллег берется прислать Тальгрену те или иные книги и сборники, и неоднократно спрашивал, получил ли он эти издания (№ 10, 16, 19, 21, 29, 32). У ленинградских букинистов Шмидту бросился в глаза богатый выбор старых трудов по археологии (№ 9). Время от времени, исходя из финансовых возможностей, он пополнял у них личную библиотеку, а в Хельсинки дал знать, что готов приобрести для финского ученого работы, которые его заинтересуют (№ 11).

Уже при первом знакомстве в 1924 г. Тальгрен, как следует из контекста писем, передал российскому коллеге некоторую сумму денег для приобретения необходимых ему изданий по археологии, а также для оплаты в музеях фотографий предметов, когда возникнет

необходимость срочно заказать их в качестве иллюстраций для готовящихся публикаций. Для передачи денег Михаил Маркович прибегал также к содействию сотрудника финского консульства в Ленинграде г-на Тойкка (№ 6). Его услугами Шмидт также пользовался для передачи в Хельсинки срочной корреспонденции, ожидаемой редактором ESA – фото А.А. Спицына, корректуры статей (№ 10). В ряде писем Шмидт держит отчет о потраченных средствах (№ 6). Он неоднократно предлагал Тальгрену передать деньги на покупку или подписку нужных ему и библиотеке МАЭ финских журналов, не попавших в Петроград в годы революции и гражданской войны. Алексей Викторович, как вариант, был готов возместить расходы финского коллеги покупкой для него книг у ленинградских букинистов (№ 11) или обменом на «Сборники» МАЭ (№ 25).

Становление Шмидта как археолога-профессионала, ведущего исследователя древностей Прикамья и Приуралья в 1920-е годы является ключевой темой, вытекающей из его переписки и диалога с Тальгреном. Учителями Алексея Викторовича в Петроградском университете, как известно, были известные русские востоковеды Б.А. Тураев и В.В. Струве, историки античности М.И. Ростовцев и С.А. Жебелёв, этнограф Л.Я. Штернберг; египтологическую подготовку он прошел под началом Б.А. Тураева (Богословский, 1968, с. 149). Смену вектора научных интересов и вхождение в доисторическую археологию северо-востока Европы Шмидт прошел самостоятельно, но при негласной опеке, консультациях и помощи Тальгрена, которого называл своим учителем в археологии (№ 1, 4, 19 и др.).

Финский ученый в полном смысле значения этого слова, конечно, не был учителем российского археолога. Элла Кивикоски вспоминала, что Тальгрена, состоявшего профессором университетов Тарту и Хельсинки, на склоне лет угнетала мысль, что им «не подготовлено ни одного ученика; всю жизнь он гнался за масштабом работ, а надо было бы, возможно, пахать свое поле глубже и воспитывать новое поколение исследователей, которые могли бы продолжить его дело» (Kivikoski, 1954a, p. 117, 118). Отсутствие непосредственных учеников объяснялось, по ее мнению, особым подходом ученого к преподаванию: «Он никогда не заставлял студентов идти вслед за собой, по проторенным тропам, основной своей задачей он видел стимулирование познавательного интереса молодежи, хотел лишь познакомить их с фундаментальными задачами и научными проблемами и открыть им глаза на широкое поле для собственных исследований» (Kivikoski, 1954a, p. 118).

Этот подход Тальгрена к преподаванию для Шмидта и других молодых археологов СССР, не являвшихся непосредственно студентами, аспирантами или сотрудниками Михаила Марковича, необходимо рассматривать как учебу в незримом, неофициальном научном колледже, когда главным образом в заочном общении с финским ученым осуществлялось взаимодействие, обучение и помощь от старшего собрата по науке. Вернувшись из поездки 1925 г., «Тальгрен отмечал, что количество материала в России так возросло, что он уже не верит, что когда-либо сможет весь его изучить, но, к его удовольствию, в России появились собственные молодые исследователи данной проблематики, которые могли бы продолжать работу» (Kivikoski, 1954a, p. 106). Алексей Викторович Шмидт был в числе тех молодых российских археологов, на кого Тальгрен возлагал особые надежды. Свидетельством тому, прежде всего, тон их общения, а также содержание переписки и круг обсуждаемых в ней проблем.

В первых же пермских письмах (№ 1, 2) Шмидт перешел к обсуждению некоторых взглядов финского ученого о прикамских древностях, прежде всего о хронологии и культурной принадлежности Турбинских могильника и селища, надежности атрибуции Туйского «всадника», начала функционирования Гляденовского костища, происхождения фибул пьяноборской культуры и коньковых подвесок, развития типов железных топоров; он предложил называть чудские изображения ломоватовскими (№ 3), их истоки усматривает в культовом литье раннего железного века (Ананьино, Гляденовское костище).

Книги и статьи, присланные финским ученым, дали Алексею Викторовичу повод и возможность поделиться мыслями об ананьинской и «готской» культурах в Волго-Уралье (№ 8), подготовить рецензию на книгу Тальгрена об ананьинской эпохе (Шмидт, 1924б), задуматься над статьей о могильнике Качка. Статьи Михаила Марковича (Tallgren,

1925a; 1925b) стимулировали обсуждение связей Древнего Востока и Восточной Европы в бронзовом веке, позволили согласиться с датировкой Турбино временем Сеймы и Галича, открыли совершенно новые для Шмидта проблемы в археологии Европейской России, как-то: хронология и систематизация южнорусских древностей, идолы Галичского «клада» и их связь с Кавказом и Малой Азией, «готский» стиль в Пруссии и др. После каждого сезона раскопок российский археолог делился с Тальгреном наблюдениями о новых материалах, подсказанными его интуицией. Примечательно эссе по итогам работ Башкирской экспедиции в октябрьском письме 1928 г.: «Башкирские культуры по керамике отличаются и от костеносных, и других нижнекамских, и от пермских. Мне кажется, можно уже говорить о культурных провинциях (этнических?) в разные эпохи железного века» (№ 37).

Важно отметить, что в методическом отношении ранние работы Шмидта перекликаются с трудами Тальгрена. Несмотря на удачное использование типологического метода при публикации Турбино, Качки, погребений из станицы Константиновской, жертвенных мест Камско-Уральского края, культового литья Прикамья, Урала и Западной Сибири (Шмидт, 1925a; 1927; 1932б; Schmidt, 1927a; 1927b; 1929a; 1929b; 1930–1932), в этих работах, как и в книгах и статьях финского археолога, аналогии и их поиск играли для исследователя заметно б*о*льшую роль, чем сама классификация материалов. По-видимому, неосознанно, на опыте работ Тальгрена, российский археолог опирался в своих исследованиях на географико-хронологический метод. Тальгрен использовал его «для создания общей картины какой-либо культуры, которую затем сопоставлял с другими культурами и с которой, в свою очередь, сопоставлял каждую находку» (Салминен, 2011, с. 136). Именно в таком ключе использовал Шмидт этот метод при написании обобщающих трудов по археологии севера и востока Европейской России (Шмидт, 1928; 1932б; 1934), несмотря на марксистскую фразеологию в некоторых из них.

Вынужденная «перековка» ученого на марксистские «рельсы» произошла с переходом в ГАИМК в 1929 г. Этот год стал рубежным в научном творчестве Шмидта, началом отхода от традиций русской археологии начала XX века и того неофициального научного колледжа, в котором шел его диалог с Тальгреном и произошло становление как археолога-профессионала, ведущего исследователя древностей Прикамья и Приуралья в 1920-е годы. В начале 1930-х гг. Шмидт был вынужден включиться в пропагандистскую кампанию по осуждению финской экспанции в археологической и этнографической науке (Худяков, 1931; Пальвадре, 1931; Шмидт, 1932в). Следует признать, что Алексей Викторович сумел уклониться от резких выпадов в адрес финской археологии, направив основной критический пафос на разбор высказываний русских дореволюционных историков о финно-угорских народах России. Имя Тальгрена в его статье вовсе не упоминалось.

Переписка Алексея Викторовича Шмидта и Арне Михаэля Тальгрена показывает, насколько важен был для каждого из них диалог в письмах. Полемика по многим актуальным вопросам, безусловно, способствовала дальнейшим поискам и разработке дискуссионных проблем восточноевропейской археологии в 1920-е годы – и они нашло отражение в трудах российского и финского исследователей. Для нас, спустя десятилетия, этот разговор в письмах важен хотя бы потому, что позволяет глубже и яснее рассмотреть пути развития советской археологии и судьбы ее творцов.

Благодарности. Искренняя признательность за помощь и содействие коллегам Тимо Салминену и Аско Парполе (Хельсинки), Наталье Беловой и Марии Медведевой (Санкт-Петербург), Михаилу Казанскому (Париж–Москва), Екатерине Детловой (Красноярск), Екатерине Чуйкиной и Михаилу Перескокову (Пермь), Дмитрию и Виктории Старостиным, Евгению Азарову (Москва), Александру Жульникову (Петрозаводск), Константину Руденко (Казань), Елизавете Черных (Ижевск), Виктору Мерцу (Павлодар).

Примечание:

[1] Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2026.№ 2, ред. Л.Б. Вишняцкий. Тексты в АЕС. 2026. №3 и ПАЖМИ. 2026. №2 являются частями единого исследования, которое по техническим

причинам пришлось разделить на две части. В этой связи в настоящей статье сохраняются ссылки на номера писем, публикуемых в ПАЖМИ.

[2] Так величали А.М. Тальгрена в России и СССР. Под этим именем он представился своим русским коллегам еще в первую поездку в Россию в 1908 г. (Сакса, Таавитсайнен, 2000, с. 63; Кузьминых, Сафонов, 2009, с. 152). На это имя были оформлены в тот и последующие годы официальные документы финского археолога для поездки в Россию, прошение о получении открытого листа в Археологическую комиссию и разрешение на ношение оружия на время экспедиций. Как свидетельствуют материалы эпистолярного архива ученого в Национальной библиотеке Финляндии (Coll. 230), именно так обращались к Тальгрену его близкие коллеги и ученики из европейских стран (Г. фон Мергарт, Э.Х. Миннз, Э. Лайд и др.), которые были так же тесно связаны с археологией Северной Евразии.

[3] См. об этом подробнее в опубликованных письмах А.А. Спицына, В.А. Городцова, А.С. Лебедева, Ф.К. Волкова, Б.С. Жукова, Н.Е. Макаренко, И.В. Фабрициус, С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, С.Н. Замятнина, С.А. Локтюшева, Б.А. Латынина и Т.С. Пассек, П.С. Рыкова, П.Д. Рау, В.Н. Чернецова и др. (Сакса, Таавитсайнен, 2000; Кузьминых, 2006; 2014; 2023; Кузьминых и др., 2008; Кузьминых, Сафонов, 2009; 2014; 2016; и др.).

[4] В 1927 г. В.Н. Чернецов начал сбор материалов по наскальным изображениям Урала на р. Тагил. В дальнейшем он продолжил исследования в 1938, 1957–1960 гг. (Чернецов, 1971).

ЛИТЕРАТУРА

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 164 с.

Богословский Е.С. Материалы к изучению научной деятельности А.В. Шмидта в Пермском университете // Ученые записки ПГУ. № 191 / Труды КАЭ. Вып. 4 / Ред. Ф.С. Горовой, В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 147–156.

Вишневский Б.Н. Древность человека в свете новейших исследований // Осборн Г.Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Пер с англ. Л.: Путь к знанию, 1924а. С. 391–438.

Вишневский Б.Н. Доисторический человек в России (каменный век) // Осборн Г.Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Пер с англ. Л.: Путь к знанию, 1924б. С. 439–508.

Временная выставка сасанидских древностей / Отв. ред. И.А. Орбели. Пг.: ГЭ, 1922. 15 с.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // В.А. Городцову – XL / ТСА РАНИОН. Т. IV / Ред. В.М. Фриче. М.: РАНИОН, 1928. С. 125–137.

Городцов В.А. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год // Древний мир. Вып. 1 / Отв.ред. Ф.В. Баллод. М.: НИИ, 1924. С. 2–20.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / Матер. Особого комитета по исслед. союз. и автоном. республик. Вып. 3. Серия казакстанская / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. I. С. 237–271.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Германский археологический институт в переписке с археологами и востоковедами России и СССР (по материалам архива DAI) // Man sieht nur, was man weiß. Man weiß nur, was man sieht: Globalhistorische Perspektiven auf interkulturelle Phänomene der Mobilität. Festschrift für Hermann Parzinger zum 65. Geburtstag / Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 33 / Hrsg. Schneeweiß J. u.a. Rahden/Westf.: Leidorf, 2024. С. 739–760.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Об археологии и не только: два письма А.В. Шмидта Геро фон Мергарту // Археология Евразийских степей. 2026. № 2. С. 8–19.

Дложевський С.С. 1-й Міжнародний з'їзд археологів у Берліні // Україна. 1929. Кн. 6. С. 173–175.

Дурылин С.Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. Челябинск: Изд. музея и Об-ва изучения местного края, 1927. С. 56–71.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л.: ГРМ, 1926а. С. 59–84.

Ефименко П.П. Экспедиция для изучения палеолитических культур // Сообщения [Сб. РАИМК]. 1926б. Т. 1. С. 319–320.

Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция [1926 г.] // Сообщения [Сб. РАИМК]. 1926в. Т. 1. С. 318–319.

Ефименко П.П. Работы палеоэтнологического отряда [Средне-Волжской экспедиции 1926–1927 гг.] в Чувашской республике // Сообщения [Сб. РАИМК]. 1929. Т. 2. С. 160–173.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье / МИА. № 97 / Ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1961. С. 43–110.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова, Москов. уезда // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 37–78. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Жуков Б.С. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 гг. // Этнография. 1926. №1–2. С. 179–192.

Коробейников А.В., Оконникова Т.И. А.В. Шмидт – один из основателей Прикамской археологии. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2007. 375 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Кельты Северной Евразии раннего железного века: сейминско-турбинская линия развития // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1991. С. 96–98.

Кузьминых С.В. Письма В.Н. Чернецова А.М.Тальгрену: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. М.Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006. С. 17–34.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 122–141.

Кузьминых С.В. Б.С. Жуков – лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А.М. Тальгреном) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.

Кузьминых С.В., Лопатина О.А. Б.С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого // РА. 2024. № 1. С. 213–227.

Кузьминых С.В., Мельникова О.М., Ванюшева К.В. (публ.) «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрену // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2008. Вып. 2. С. 171–210.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А.М. Тальгрен – редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 40–44.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи / Ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 145–162.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрен в переписке: от диалога к разрыву отношений // РА. 2014. № 4. С. 145–154.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Из эпистолярного наследия С.Н. Замятнина: письма к А.М. Тальгрену (1925–1926) // Музей-заповедник «Костёнки» – площадка интеграционных проектов: Матер. межрегион. конф. (Воронеж, 14 августа 2014 г.) / Отв. ред. В.Н. Ковалевский. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 2016. С. 19–26.

Лебедев А.С. Пижемское городище // ИОАИЭ. 1908. Т. XXIII, вып. 6. С. 448–457.

Мацулевич Л.А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения [Сб. РАИМК]. 1926а. Т. I. С. 271–286.

Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи / Памятники Государственного Эрмитажа. Т. 2. Л.: ГЭ, 1926б. 66 с.

Медведева М.В., Застрожнова Е.Г. Неизвестные страницы биографии А.В. Шмидта: от МАЭ до ГАИМК // Археология Евразийских степей. 2026. № 2. С. 20–30.

Минаева Т.М. Сталинградский музей краеведения. (Историко-культурный отдел) // Советский музей. 1932. № 3. С. 94–97.

Минко Н.К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском у. Оренбургской губ. в 1906 г. // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Т. 26 / Ред. Р. Г. Миквиц. Екатеринбург: типография В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и К°, 1907.. С. 105–119.

Осборн Г.Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство / Пер с англ. Под ред. и с доп. Б.Н. Вишневского. Л.: Путь к знанию, 1924. 528 с., 137 илл.

Отчетная выставка Этнографического отдела за 1923 г. Пг.: ГРМ, 1924. 32 с.

Пальвадре М.Ю. Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма // СЭ. 1931. № 1–2. С. 39–43.

Прокошев Н.А. Селище у дер. Турбино // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. № 1 / Ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 111–120.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. VI, 621 с.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.: (Предварительный отчет) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ. 1926. Т. 1. С. 89–134.

Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ. 1927. Т. 2. С. 79–100.

Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.П. Переписка Б.А. Латынина и Т.С. Пассек с А.М. Тальгреном (1926–1931) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: ГЭ, 2000. С. 63–75.

Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрен и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. 2011. № 4. С. 130–139.

Соболева Е.С. Африка в Музее антропологии и этнографии (конец XIX в. — 1920-е годы): коллекции и сотрудники // Африканистика в МАЭ: к юбилейным датам / Сборник МАЭ. Т. 68 / Отв. ред. А.Ю. Желтов. СПб.: МАЭ, 2021. С. 27–46.

Сорокина М.Ю. Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Вып. 3 / Ред. Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 206–235.

Спицын А.А. Турбинские находки // Пермский краеведческий сборник. 1926. Т. 2. С. 2–5.

Тальгрен А.М. Родиноведение в Финляндии: (задачи, история и современная его организация) / Пер. с фин. Л.К Тимофеева. СПб.: тип. А.Г. Розена, 1913. 111 с.

Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географический вестник. 1922. Т. I, вып. 2–3. С. 27–29.

Теплоухов С.А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: ГРМ, 1926. С. 88–94.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. III, вып. 2. Л.: ГРМ, 1927. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л.: ГРМ, 1929. С. 41–62.

Трифонов В.А. Взгляды на периодизацию и хронологию майкопской культуры в исторической перспективе: от Н.И. Веселовского до А.А. Иессена // Археологические вести. Вып. 38 / Отв. ред. М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 175–221.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах / Bibliotheca Classica Petropolitana. Вып. II / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.

Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3–4. С. 75–82.

Худяков М.Г. Финская экспанция в археологической науке // СГАИМК. 1931. №11–12. С. 23–29.

Худяков М.Г. Вклад А.В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–10. С. 129–143.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала / САИ. Вып. В4–12 (2). М.: Наука, 1971. 120 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Шмидт А.В. Древнеегипетская статуэтка в Пермском крае // Человек и природа. Л., 1924а. №5–6. С. 488.

Шмидт А.В. Рец.: A.M. Tallgren. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // Борьба классов. 1924б. № 1–2. С. 300–305.

Шмидт А.В. Туйский всадник: (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. i / Ред. В.В. Бартольд. Л.: Госиздат, 1925а. Т. 1. С. 410–434.

Шмидт А.В. Пермский округ в доисторическом прошлом // Экономика. 1925б. №10. С. 55–58.

Шмидт А.В. Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи // Экономика. 1926а. №5. С. 75–78.

Шмидт А.В. Древний Восток и русский Север // Новый Восток. 1926б. №13–14. С. 343–350.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. Т. VI / Отв. ред. Е. Карский. Л.: АН СССР, 1927а. С. 125–164.

Шмидт А.В. Археологическое изучение древностей севера СССР // Финно-угорский сборник / сост. С.Ф Ольденбург. Л.: АН СССР, 1928а. С. 135–242.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Акад. наук (Предварит. отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. №8–9. Прил. [№2]. 28 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник / Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23 / Ред. Д.А. Золотарев. Л.: АН СССР, 1930. С. 119–169.

Шмидт А.В. Типы родового общества по археологическим данным // Первобытное общество / Ред. Н.М. Маторин. М.: Журн.-газет. объединение, 1932а. С. 235–254.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края / ИГАИМК. Т. XIII, вып. 1–2. Л.: ГАИМК, 1932б. 46 с.

Шмидт А.В. О работах русских археологов по финнам // СГАИМК. 1932в. № 3–4. С. 35–43.

Шмидт А.В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 20–30.

Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Зубарева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В Из истории родового общества на территории СССР / ИГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. С. 13–96.

Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. Т. V / Отв. ред. В.В. Струве, И.И. Мещанинов. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 1–30.

Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet / SMYA. T. XXXII:3. Helsinki, 1922b. 81 p.

Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu. T. 5. Stockholm, 1925. 56 p.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. I. Ages de la pierre et du bronze. Helsinki: G.W. Edlung, 1877a. X, 94 p.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. II. L'Age du fer. Antiquites Permiennes. Helsinki: G.W. Edlung, 1877b. Pp. 95–174.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. III. L'Age du fer. Antiquites Morduines, Mériennes et Tschoudes. Helsinki: G.W. Edlung, 1878. Pp. 178–242.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. IV. L'Age du fer. Antiquites de la Finlande. Helsinki: G.W. Edlung, 1880. Pp. 243–318.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-ougrien. T. V. L'Age du fer. Antiquites des Provinces Baltiques. Helsinki: G.W. Edlung, 1884. Pp. 319–400.

Appelgren-Kivalo H. Kansallisuusmääräyksisiä muinaistieteessä // Suomen Museo. 1915. T. XXII. Pp. 1–27.

Heikel A.O. Antiquités de la Sibérie occidentale conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d´Ékaterinebourg, de Moscou et d´Helsingfors / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. T. VI. Helsingfors, 1894. X, 110 p.

Kivikoski Ella. A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954a. P. 77–121.

Kivikoski Ella. The Bibliography of A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954b. Pp. 122–145.

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co, 1926. 191 S.

Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga: (Ergebnisse die Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik) / Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 1. Hft. 1–2. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1927a. 112 S.

Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926 / Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 2. Hft. 1. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1927b. 79 S.

Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 / SMYA. Vol. 110. Helsinki, 2003. 278 S.

Schmidt A. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927a. Bd. XVIII:1–3. S. 1–14.

Schmidt A. Kačka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung (III–V Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927b. Vol. I. S. 18–50.

Schmidt A. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens // Artibus Asiae. 1929a. T. LI (1). S. 224–228.

Schmidt A. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Beiträge zur Erforschung der paläometallischen Kulturen des Kubangebietes // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929b. Vol. IV. S. 9–21.

Schmidt A. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens // Artibus Asiae. 1930–1932. №1. S. 4–22.

Sirelius U.T. Vogel- und Pferdemotive der karelischen und ingermanländischen Broderien // Studia Orientalia. 1925. Bd. 1. S. 372–388.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland / SMYA. T. XXV: 1. Helsinki, 1911. IX, 229 S.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du. Helsingfors, 1916. 47 p., XVI pl.

Tallgren A.M. Catalogue de la collection de la M. Znamenski / SMYA. 1917. T. XXIX: 4. 29 p., VI pl.

Tallgren A.M. Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918a. 59 p., XII pl.

Tallgren A.M. Bronzezeitliches im Uralgebirge // SUSA. 1918b. T. XXX:23. S. 1–16.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II / SMYA. T. XXXI:1. Helsinki, 1919. 203 p.

Tallgren A.M. Den äldsta östryska bronsåldern // Rig. 1920. T. III: 1–2. S. 65–72.

Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. / Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis. 1922. Bd. III:6. 140 S.

Tallgren A.M. L'ethnographie préhistorique de la Russie du nord et des états Baltiques du nord // Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis. 1923a. Bd. IV:4. P. 1–24.

Tallgren A.M. De förhistoriska nationalitetsförhållandena i nordöstra Europa och speciellt i Ostbaltikum // Rig. 1923b.T. 6. S. 127–136.

Tallgren A.M. Fatjanovokulturen i Centralryssland // FM. 1924a. T. XXXI. S. 1–30.

Tallgren A.M. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien jusqu'au IX:e siècle de notre ère // SMYA. 1924b. T. XXXV:3. 31 p.

Tallgren A.M. The Copper Idols from Galich and their Relatives // Studia Orientalia. 1925a. T. I. P. 312–341.

Tallgren A.M. Zur frühen Metallkultur Südrusslands // Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie Alfred Götze dargebracht. Leipzig, 1925b. S. 66–76.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // FUF, Anzeiger. 1925c. Bd. XVII. S. 1–40.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. II. Helsinki, 1926. 248 p.

Tallgren A.M. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927a. Vol. I. S. 139–188.

Tallgren A.M. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s., XII taf. // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927b. Vol. I. S. 189–192.

Tallgren A.M. Permian Studies // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928a. Vol. III. P. 63–92.

Tallgren A.M. Die russishen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928b. Vol. III. P. 141–164.

Tallgren A.M. Рец.: A.V. Schmidt. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля (Zur Frage nach dem Ursprung des permischen Tierstiles). Сборник Музея антропологии и этнографии VI. S. 125–164, Taf. I–III. 1927; A.V. Schmidt. Туйский всадник (Die Reiterfigur vom Tuja-Tale). Записки колл. Востоковед. I. 1925 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928c. Vol. III. S. 188–191.

Tallgren A.M. Рец.: S. Teplouchov. Древние погребения в Минусинском крае. Мат[ериалы] по этнографии III (1927), s. 57–112; M. P. Grjaznov. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казакстане. Сборник «Казаки» II (1927), s. 172–257; P. Rykov. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Изв[естия] Краеведческ[ого] института II (1927), 22 s.; S. Durylin. Челябинские курганы. Сборн[ик] мат[ериалов] по изучению Челябинского округа I (1927), s. 56–71 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928d. Vol. III. S. 186–188.

Tallgren A.M. Рец.: Рец.: Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. Ленинград, 1928. 350 с. // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. Vol. VI. S. 215–217.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

REFERENCES

In Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, O. N. 1964. *Drevneishie metallurgi Priuralia (The oldest metallurgists of the Urals).* Moscow: "Nauka“ Publ. (in Russian).

Bogoslovskiy, E. S. 1968. In Gorovoi, F. A., Oborin, V. A. (eds.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 4. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 145–161 (in Russian).

Vishnevskiy, B. N. 1924. In Osborn, G. F. *Chelovek drevnego kamennogo veka. Sreda, zhizn, iskusstvo (The Making of the Human Animal: Environment, Life, Art)*. Leningrad: “Put k znaniiu” Publ., 391–438 (in Russian).

Vishnevskiy, B. N. 1924. In Osborn, G. F. *Chelovek drevnego kamennogo veka. Sreda, zhizn, iskusstvo (The Making of the Human Animal: Environment, Life, Art).* Leningrad: “Put k znaniiu” Publ., 439–508 (in Russian).

Orbeli, I. A. (ed.). 1922. *Vremennaia vystavka sasanidskikh drevnostei (Temporary exhibition of Sassanian antiquities).* Petrograd: State Hermitage Museum (in Russian).

Golmsten, V. V. 1928. In Friche, V. M. (ed.). *V.A. Gorodtsovu – XL (V.A. Gorodtsov – XL).* Series: Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences) 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 125–137 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1924. In Ballod, F. V. (ed.). *Drevniy mir (The ancient world)* 1. Moscow, 2–20 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1927. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: antropologicheskie ocherki (Cossacks: Anthropological Essays).* Series: Materialy Osobogo komiteta po issledovaniyu soyuznykh i avtonomnykh respublik. Ser. Kazakstanskaya (*Proceedings of the Special Committee for the Study of Union and Autonomous Republics. Series: Kazakstan*) 3. Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 179–221 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1941. In *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Papers of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum)* 1. Leningrad, 237–271 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzmonykh, S. V. 2024. In Schneeweiß J. u.a. (Hrsg.). *Man sieht nur, was man weiß. Man weiß nur, was man sieht: Globalhistorische Perspektiven auf interkulturelle Phänomene der Mobilität. Festschrift für Hermann Parzinger zum 65. Geburtstag*. Series: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 33. Rahden/Westf.: Leidorf, 739–760 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzmonykh, S. V. 2026. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–19 (in Russian).

Dlozhevskiy, S. N. 1929. In *Ukraina (Ukraine)* 6, 173–175 (in Ukranian).

Durylin, S. N. 1927. In *Sbornik materialov po izucheniiu Cheliabinskogo okruga (Collection of materials on the study of the Chelyabinsk region)* Book 1. Chelyabinsk, 56–71 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1926. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 1 (III). Leningrad, 59–84 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1926. In *Soobshcheniia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the Russian Academy of the History of Material Culture*) 1, 319–320 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1926. In *Soobshcheniia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the Russian Academy of the History of Material Culture*) 1, 318–319 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1929. In *Soobshcheniia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the Russian Academy of the History of Material Culture*) 2, 160–173 (in Russian).

Efimenko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1961. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Abashevskaia kultura v Srednem Povolzhe (Abashevo culture in the Middle Volga region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 97. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 43–110 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo institute (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 37–78 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1926. In *Etnografiya (Ethnology)* 1–2, 179–192 (in Russian).

Korobeinikov, A. V., Okonnikova, T. I. 2007. *A.V. Shmidt – odin iz osnovatelei Prikamskoi arkheologii (A.V. Shmidt is one of the founders of the Kama Archaeology).* Izhevsk: Udmurt Satte University (in Russian)

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1991. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri (Issues of Chronology and Periodization of Archaeological Sites of South Siberia*). Barnaul: Altai State University, 96–98 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2006. In Kosarev, M. F. (ed.). *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamiati Valeriia Nikolaevicha Chernetsova (The Worldview of Ancient and Traditional Societies of Eurasia. In Memory of Valery Nikolaevich Chernetsov).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 17–34 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 10 (2), 122–141 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–66 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., lopatina, O. A. 2024. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 213–227 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Melnikova, O. M., Vanyusheva, K. V. 2008. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (2), 171–210 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Salminen, T. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation).* Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 40–44 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2009. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 145–162 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2014. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 145–154 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2016. In Kovalevskii, V. N. (ed.). *Muzei-zapovednik «Kostenki» – ploshchadka integratsionnykh proektov (Kostyonki Museum-Reserve – a platform for integration projects).* Voronezh: "Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo" Publ., 19–26 (in Russian).

Lebedev, A. S. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIII, 6, 448–457 (in Russian).

Matsylevich, L. A. 1926б. In *Soobshcheniia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the Russian Academy of the History of Material Culture*) 1, 271–286 (in Russian).

Matsylevich, L. A. 1926. *Serebrianaia chasha iz Kerchi (Silver bowl from Kerch).* Series: Pamiatniki Gosudarstvennogo Ermitazha (Monuments of the State Hermitage Museum) 2. Leningrad: The State Hermitage Museum (in Russian).

Medvedeva, M. V., Zastrozhnova, E. G. 2026. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 20–30 (in Russian).

Minaeva, T. M. 1932. In *Sovetskii muzei (The Soviet Museum)* 3, 94–97 (in Russian).

Minko ,N. K. 1907. In Mikvits, R. G. (ed.). *Zapiski Ural'skogo Obshchestva Liubitelei Estestvoznaniia (Notes of the Urals Society of Devotees of Natural Science)* 26. Yekaterinburg: "V. N. Alekseev, P. N. Galina and Co" Publ., 105−119 (in Russian).

Osborn, G. F. 1924. *Chelovek drevnego kamennogo veka. Sreda, zhizn, iskusstvo (The Human of the Early Stone Age: Environment, Life, Art)*. Leningrad: "Put k znaniiu" Publ. (in Russian).

1924. *Otchetnaia vystavka Etnograficheskogo otdela za 1923 g. (Report exhibition of the Ethnographic Department for 1923)* Leningrad: The State Russian Museum (in Russian).

Alekseev, V. P. 1962. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 49–59 (in Russian).

Prokoshev, N. A. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Urala i Prikamia (Archaeological sites of the Urals and Kama region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology*)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 111–120 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and the Bosporus. Critical review of literary and archaeological monuments).* Leningrad: Russian Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Rykov, P. S. 1926. In *Izvestiia kraevedcheskogo instituta izucheniia Iuzhno-Volzhskoi oblasti pri SGU (Proceedings of the Local History Institute for the study of the South Volga region at SSU)* Vol. 1, 89–134 (in Russian).

Rykov, P. S. 1927. In *Izvestiia kraevedcheskogo instituta izucheniia Iuzhno-Volzhskoi oblasti pri SGU (Proceedings of the Local History Institute for the study of the South Volga region at SSU)* Vol. 2, 79–100 (in Russian).

Saksa, A. I., Taavinsainen, Yu. P. 2000. In Piotrovskiy, M. B. (ed.). *Sudba uchenogo. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia Borisa Aleksandrovicha Latynina (The fate of the scientist. On the 100th anniversary of the birth of Boris Alksxandrovich Latynin).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 63–75 (in Russian).

Salminen, T. 2011. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 130–139 (in Russian).

Soboleva, E. S. 2021. In Zheltov, A. Yu. (ed.). *Afrikanistika v MAE RAN: k iubileinym datam (African studies at the MAE RAS: to celebrating anniversaries)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) 68. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 27–46 (in Russian).

Sorokina, M. Yu. 2005. In Kolchinskiy, E. I., Konashev, M. B. (eds.). *Na perelome: Otechestvennaia nauka v kontse XIX–XX vv. (At a turning point: Russian science in the late 19th–20th centuries).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 206–235 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1926. In *Permskiy kraevedcheskii sbornik (Perm Local Lore Compendium)* 2, 2–5 (in Russian).

Tallgren, A. M. 1913. *Rodinovedenie v Finliandii: (zadachi, istoriia i sovremennaia ego organizatsiia) (Homeland studies in Finland: (objectives, history and its modern organization)).* Saint Petersburg: "A.G. Rozen" Publ. (in Russian).

Tepoloukhov, S. A. 1922. In *Geograficheskу vestnik (Geographical Bulletin)* I (2–3), 27–29 (in Russian).

Tepoloukhov, S. A. 1926. In *Etnograficheskie ekspeditsii 1924 i 1925 gg. (Ethnographic expeditions of 1924 and 1925.).* Leningrad: The State Russian Museum, 88–94 (in Russian).

Tepoloukhov, S. A. 1927. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 2 (III). Leningrad: The State Russian Museum, 57–112 (in Russian).

Tepoloukhov, S. A. 1929. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* Vol. IV, issue 2. Leningrad: The State Russian Museum, 41–62 (in Russian).

Trifonov, V. A. 2023. In Kashuba, M. T. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 38. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 175–221 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2000. In Gavrilov, A. K. (ed.). *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii (The ancient world and us. Classical heritage in Europe and Russia).* Series: Bibliotheca Classica Petropolitana II. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 116–161 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXXIV, 3–4, 75–82 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture*) 11–12, 23–29 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1935. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Historical Issues of Pre-Capitalist Societies)* 9–10, 129–143 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1971. *Naskalnye izobrazheniia Urala (Rock paintings of the Urals)* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4-12 (2). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiia Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shmidt, A. V. 1924. In *Chelovek i priroda (A human and Nature)* 5–6, 488 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1924. In *Borba klassov (Class struggle)* (1–2), 300–305 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1925. In Bartold, V. V. (ed.). *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR. T. V (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum). Vol. 1.* Leningrad: "Gosizdat" Publ., 410–434 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1925. In *Ekonomika (Economics)* 10, 55–58 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1926. In *Ekonomika (Economics)* 5, 75–78 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1926. In *Novyi Vostok (New East*) 13–14, 343–350 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1928. In Karskiy, E. (ed.). *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Collection of papers of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera))* 6 Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 125–164 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1928. In Oldenburg, S. F. (comp.). *Finno-ugorskii sbornik (The Finno-Ugric collection).* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 135–242 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Economy of Bashkiria)* Appendix to No. 8–9. Separate edition. 28 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1930. In Zolotarev, D. A. (ed.). *Kol'skiy sbornik (The Kola collection of papers)*. Series: Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy (Materials of the expeditionary research commission) 23. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 119–169 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1932. In Matorin, N. M. (ed*.). Pervobytnoe obshchestvo (Primeval society).* Moscow: "Zhurn.-gazet. Obieedinenie" Publ., 235–254 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1932. *Zhertvennye mesta Kamsko-Uralskogo kraia (Sacrificial sites of the Kama-Ural region).* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) 13 (1–2). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Shmidt, A. V. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture*) 3–4, 46–48 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1933. In *Problemy istorii materialnoi kultur (Issues of the history of material culture)* 9–10, 20–30 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1934. In Bader, O. N., Voevodsky, M. V., Dmitriev, P. A., Zubareva, A. V., Tret'yakov, P. N., Shmidt, A. V. 1935. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (**From the history of the tribal society on the territory of USSR).*** **Series:** Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 106. Moscow; Leningrad: "Gossotsekgiz" Publ., 13–96 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1940. In Struve, V. V., Meshchaninov, I. I. (eds.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 5. Moscow: Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1–30 (in Russian).

Ailio, J. 1922. *Karjalaiset soikeat kupurasoljet*. Series: SMYA. T. XXXII: 3. Helsinki. (in Finnish)

Andersson, J. G. 1925. *Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu*. T. 5. Stockholm. (in Finnish)

Aspelin, J. R. 1877. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. I. Ages de la pierre et du bronze*. Helsinki: G.W. Edlung. X,. (in Finnish)

Aspelin, J. R. 1877. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. II. L'Age du fer. Antiquites Permiennes*. Helsinki: G.W. Edlung, 95–174. (in Finnish)

Aspelin, J. R. 1878. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. III. L'Age du fer. Antiquites Morduines, Mériennes et Tschoudes*. Helsinki: G.W. Edlung, 178–242. (in Finnish)

Aspelin, J. R. 1880. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. IV. L'Age du fer. Antiquites de la Finlande*. Helsinki: G.W. Edlung, 243–318. (in Finnish)

Aspelin, J. R. 1884. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-ougrien. T. V. L'Age du fer. Antiquites des Provinces Baltiques*. Helsinki: G.W. Edlung, 319–400 (in Finnish)

Appelgren-Kivalo, H. 1915. In *Suomen Museo*. T. XXII, 1–27 (in Finnish)

Heikel, A. O. 1894. *Antiquités de la Sibérie occidentale conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d´Ékaterinebourg, de Moscou et d´Helsingfors*. Series: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. T. VI. Helsingfors.

Kivikoski, Ella. 1954. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, Supplementary Volume, 77–121.

Kivikoski, Ella. 1954. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, Supplementary Volume, 122–145.

Merhart G. von. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co.

Rau, P. 1927. *Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga: (Ergebnisse die Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik)* Series: Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 1. Hft. 1–2. Pokrovsk: Nemgosisdat.

Rau, P. 1927. *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926*. Series: Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 2. Hft. 1. Pokrovsk: Nemgosisdat.

Salminen, T. 2003. *Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935.* Series: SMYA. Vol. 110. Helsinki.

Schmidt, A. 1927In *Finnisch-ugrische Forschungen.* Bd. XVIII:1–3, 1–14.

Schmidt, A. 1927. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua* I, 18–50.

Schmidt, A. 1929. In *Artibus Asiae* LI (1), 224–228.

Schmidt, A. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. IV, 9–21.

Schmidt, A. 1930–1932. In *Artibus Asiae* (1), 4–22.

Sirelius, U. T. 1925. In *Studia Orientalia*. Bd. 1, 372–388.

Tallgren, A. M. 1911. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland* / Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.T. XXV: 1. Helsinki.

Tallgren, A. M. 1916. *Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du*. Helsingfors.

Tallgren, A. M. 1917. *Catalogue de la collection de la M. Znamenski* Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXXV: 3, 31.

Tallgren, A. M. 1918. *Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary*. Helsingfors.

Tallgren, A. M. 1918. In *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. XXX: 23, 1–16.

Tallgren, A. M. 1919. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. XXXI: 1. Helsinki.

Tallgren, A. M. 1920. In *Rig*. T. III: 1–2, 65–72.

Tallgren, A. M. 1922. *Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr*. Series: Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis. Bd. III: 6.

Tallgren, A. M. 1923. In *Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis*. Bd. IV: 4, 1–24.

Tallgren, A. M. 1923. In *Rig*. 6, 127–136.

Tallgren, A. M. 1924. In *Finsk Museum*. 1924a. XXXI, 1–30.

Tallgren, A. M. 1924. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. XXXV: 3, 31.

Tallgren, A. M. 1925. In *Studia Orientalia*. Vol. I, 312–341.

Tallgren, A. M. 1925. In *Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie Alfred Götze dargebracht*. Leipzig, 66–76.

Tallgren, A. M. 1925. In *Finnisch-ugrische Forschungen.* Bd. XVII, 1–40.

Tallgren, A. M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. II. Helsinki.

Tallgren, A. M. 1927. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. I, 139–188.

Tallgren, A. M. 1927. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. I, 189–192.

Tallgren, A. M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 63–92.

Tallgren, A. M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 141–164.

Tallgren, A. M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 188–191.

Tallgren, A. M. 1928. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. III, 186–188.

Tallgren, A. M. 1931. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. VI, 215–217.

About the Author:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 05.06.2026 г.
Статья принята к публикации 10.06.2026 г.

УДК 902(470.5)(092)(045) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.357.365

АРХЕОЛОГ А. В. ШМИДТ: У ИСТОКОВ УНИВЕРСИТЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПРИУРАЛЬЕ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

©2026 г. О.М. Мельникова

Обращение к биографии известного советского археолога А. В. Шмидта связано со 130-летием со дня его рождения. В статье обращается внимание на феномен празднования юбилея археолога как средство поддержания исторической памяти археологического сообщества. На основе анализа источников рассматривается пермский период в биографии А. В. Шмидта. Показан городской повседневный контекст, который влиял на становление университета в Перми и работу преподавателей. Дается оценка вклада А. В. Шмидта в становление университетского музея изящных искусств и древностей. Показывается, как молодой ученый в начале своей профессиональной карьеры стал первым преподавателем археологии в Пермском университете, заложив содержательные и методические основы университетской археологии в Приуралье в целом. А. В. Шмидт своей деятельностью убедительно продемонстрировал тезис о том, что университетский преподаватель обязательно должен быть исследователем: необходимость актуализации учебных занятий требует постоянных научных исследований, в свою очередь, университетская лекция из необходимости упорядочения информации требует научного обобщения рассматриваемого материала. Это сыграло значимую роль в становлении А. В. Шмидта как ученого-археолога.

Ключевые слова: археология, А. В. Шмидт, юбилей, история археологии, Пермский университет, Приуралье.

ARCHAEOLOGIST A.V. SHMIDT: AT THE ORIGINS OF UNIVERSITY ARCHAEOLOGY IN THE CIS-URALS (ON THE 130TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

O. M. Melnikova

This review of the biography of the famous Soviet archaeologist A.V. Shmidt is dedicated to the 130th anniversary of his birth. The author draws attention to the phenomenon of celebrating the anniversary of an archaeologist as a means of consolidating and preserving the historical memory of the archaeological community. Based on the analysis of sources, the author examines the Perm period in the biography of A.V. Shmidt. It shows the urban everyday context that influenced the development of the university and the work of teachers. His contribution to the development of the University Museum of Fine Arts and Antiquities is appreciated. It tells how, at the beginning of his professional career, a young scientist was the first to teach archaeology at Perm University, becoming one of the founders of university archaeology in the cis-Urals Region. A.V. Shmidt convincingly demonstrated with his work the thesis that a university lecturer must necessarily be a researcher: at a university, the need to update academic lectures requires constant research, while a university lecture, due to the need to systematize information, requires scientific generalization. This played a significant role in the development of A.V. Shmidt as an archaeologist.

Keywords: archaeology, A.V. Shmidt, anniversary, history of archaeology, Perm University, the Urals.

130-летие со дня рождения археолога А.В. Шмидта является важным поводом для размышлений относительно феномена юбилеев в развитии науки в целом и археологии в частности. Они позволяют обозначить место юбилеев в современном развитии науки, дают возможность задуматься о функциях празднования юбилеев, влияют на оценку вклада конкретных ученых и научных учреждений в развитие научного знания (Мельникова, 2025, с. 47–51).

В разных дисциплинах сформировались свои подходы и проблемные сферы в изучении юбилеев. Опыт наук, обращавшихся к этой теме с точки зрения своего предмета, показывает, что юбилей носит не только мемориальный характер. Он характеризует эпоху, выбирающую те или иные круглые

даты для празднования, а значит, чествование юбиляров определяет значение ученого или учреждения для государства и развития науки. Посредством празднования происходит осмысление научных достижений конкретных ученых. Будучи инструментом поддержания исторической памяти, юбилеи несут на себе отпечаток времени, его идеологии, общественных и профессиональных ценностей, поэтому изучение празднования тех или иных юбилеев в историческом контексте может оказаться важным для понимания процесса развития науки.

В начале советской эпохи стал вырабатываться сценарий празднования юбилеев, в том числе и научных. Государством постепенно формировалась отечественная традиция празднования юбилейных дат, в том числе и современная. Она регламентировалась целым рядом документов. Это постановление СНК СССР 1925 г. «О порядке разрешения празднования юбилеев» (Постановление…, 1925, с. 633–635), постановление СНК СССР 1926 г. «О разъяснении постановления СНК СССР от 1 декабря 1925 г. о порядке разрешения празднования юбилеев» (Постановление…, 1926, с. 224–226). В 1958 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР в постановлении «О наведении порядка в праздновании юбилеев» были определены сроки празднования юбилеев: «Для исторических событий и организаций – в дни 50-летия, 100-летия и далее через каждые 50 лет со дня основания или свершения события, а для отдельных лиц – в дни 50-летия или другого последующего 10-летия» (Постановление…, 1958, с. 556–558).

Для истории археологии методологически ценны наблюдения омских историков, обративших внимание на то, что юбилеи выступают значимой формой коллективной памяти сообщества историков и обосновавших подходы к их исследованию (Корзун, Ковалев, Груздинская, 2021, с. 23–26).

Такое же методологическое значение для истории и историографии археологии имеют наблюдения культурологов, предложивших выделить самостоятельную предметную область исследований как юбилееведение и разработавших детальную типологию юбилеев (Евтушенко, 2012, с. 94–95).

История отечественной археологии богата юбилеями ученых, чьей неутомимой деятельностью закладывался фундамент научного знания, совершенствовались методы археологического исследования, создавались образовательные структуры, на которых базируется современная наука. Поэтому посредством празднования юбилеев осуществляется связь настоящего с прошлым и моделируется будущее науки.

В археологии сформировался многокомпонентный канон празднования юбилеев: в честь юбиляров (учреждений и ученых) открываются выставки, проводятся научные конференции, издаются биографии, переиздаются произведения археологов, в их честь печатаются сборники статей. Частью празднования являются юбилейные статьи на страницах научной периодики. При этом жанр юбилейных биографических статей весьма специфичен по отбору биографического материала. На это обратил внимание нижегородской историк А.А. Кузнецов: они являются «"сборкой" исключительно положительных черт и качеств ученых» (Кузнецов, 2019, с. 103–132).

Все эти размышления полезны и для осмысления деятельности археолога А.В. Шмидта в связи с празднованием его 130-летия, одним из предназначений которого является поддержание исторической памяти об истоках региональной археологии, университетской в частности, восходящих к истории Пермского университета, юбиляра 2026 года. Сведения о пермском периоде его жизни отложились в фонде р-180 «Пермский государственный университет им. А.М. Горького» в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Особый интерес среди них представляют «Предисловие к фонду р-180 «Пермский государственный университет им. А.М. Горького», «Переписка по личному составу историко-филологического факультета. 1918–1919 гг.» (Оп. 1. Д. 532), «Отчеты о деятельности, списки преподавателей, программа обучения» (Оп. 1. Д. 535а), «Алексей Викторович Шмидт» (Оп. 2. Д. 404).

Именно в Перми А.В. Шмидтом был дан импульс серьезному развитию университетской археологии, получивший дальнейшее развитие в послевоенные годы стараниями О.Н. Бадера, воспитавшего плеяду выдающихся учеников, последователи которых продолжают трудиться в разных регионах обширного Урало-Поволжского региона.

Пермская археология к 1916 г. имела значительные традиции в археологическом изучении губернии, но именно университет позволил соединить в единый процесс научные занятия археологией и образовательную деятельность. Образованное сообщество губернского города многое сделало для обретения университета: в октябре 1916 г. было образовано Пермское отделение Петроградского университета. А летом 1917 г. комиссия по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения Временного Правительства приняла решение об образовании в Перми самостоятельного университета, в составе которого был историко-филологический факультет (Корчагин, 2006, с. 239).

Для понимания оптики, в которой создавался университет, достаточно представить, как город отреагировал на его открытие. Пермяки приветствовали это событие. Газета «Пермская жизнь» писала по этому поводу: «Год назад никто и не думал, что обширный Пермский край обогатится высшим учебным заведением. Все внимание и правительства, и общества поглощено войной <…>, казалось бы, что удовлетворение всех остальных нужд должно отодвинуться далеко вперед, все может быть потом, а не теперь, после окончания войны. Но прошло менее года, и осуществилось то, что грезилось пермякам в более или менее отдаленном будущем. Открывается университет» (Пермская жизнь, 1 октября 1916 г., № 245, https://permnewspapers.ru/vipusk/permskaya-zhizn-01-10-1916/ (дата обращения 01.10.2025)).

Университет стал достойным дополнением к инфраструктуре губернского города, в котором к 1917 году вместе с пригородами проживало 125 600 жителей. В Перми работало несколько типографий, библиотек, город имел телеграф, был телефонизирован, имел свой театр и музей (Корчагин, 2006, с. 217–218). В губернском центре существовала широкая сеть образовательных учреждений. По подсчетам П.А. Корчагина, к моменту открытия университета в Перми было 13 мужских учебных заведений, три гимназии, реальное училище, духовная семинария, торговая школа, духовное, коммерческое, речное, железнодорожное, ремесленное и два городских училища, пять женских гимназий, епархиальное училище и учительская семинария (Корчагин, 2006, с. 231).

Но дух университета в Пермь был привнесен Петроградским университетом. Именно ему многие науки, как и университетская археология, обязаны своими основаниями. Историко-филологический факультет состоял из нескольких кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русской литературы и русского языка, славянской филологии, всеобщей истории, русской истории, истории и теории искусств, романо-германской филологии. К началу первого, 1916–1917 учебного года, согласно «Списку преподавателей и служащих Пермского отделения Петроградского университета», было 12 преподавателей, среди которых были историки Б.Л. Богаевский, Б.Д. Греков, Н.П. Оттокар, С.Ф. Платонов (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 1266. Л. 2).

Студентами Пермского отделения Петроградского университета в 1916 г. принимались выпускники средних учебных заведений Архангельской, Вологодской, Вятской губерний, Оренбургского учебного округа. На историко-филологический факультет принимались лица, окончившие средние учебные заведения Сибири (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 532. Л. 52). В первый учебный год на историко-филологический факультет было набрано 22 студента (среди них и сестра А.В. Шмидта Раиса). Занятия посещали и вольнослушатели. Документы сохранили сведения о том, что в 1916–1917 учебном году занятия на историко-филологическом факультете посещали одна слушательница, пять посторонних слушателей и 35 вольнослушательниц (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 521. Л. 18).

Процесс складывания первой генерации преподавателей из числа приехавшей в Пермь молодой плеяды петроградских приват-доцентов и оставленных для подготовки к профессорскому званию вчерашних выпускников был непростым. Радость создания университета была омрачена событиями Октябрьской революции и гражданской войны. Последняя дважды прокатилась через Пермь, нанеся значительный ущерб городу. В августе 1919 г. Пермь стала советской. Но два года в условиях гражданской войны были полны лишений. Только при отступлении армии Колчака в Перми было разрушено несколько заводов, взорван пролет железнодорожного моста, сгорело 107 пароходов, 112 барж с зерном и текстилем (Корчагин, 2006, с. 289).

В таких условиях университету было непросто начинать свою работу, а преподаватели сетовали на бытовые и профессиональные неудобства. Историк Б.Д. Греков отмечал впоследствии: «Отсутствие квартир, книг, архивов, вялая работа университета в плохо приспособленном помещении заставляли испытывать скверность от сознания, что жизнь уходит» (Цит. по: Горская, 2001, с. 595).

Именно в таких условиях в Перми начинается профессиональная карьера А.В. Шмидта. В 1916 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, специализируясь по истории Древнего Востока. Его научным руководителем был известный египтолог Б.А. Тураев. Научные знания, методологическая выучка, полученные А.В. Шмидтом у выдающихся ученых С.А. Жебелева, М.И. Ростовцева, В.В. Струве, Л.Я. Штернберга дали ему возможность продолжить научно-педагогическую карьеру в университете: он был оставлен на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию со специализацией по истории Древнего Востока.

Отец Алексея Викторовича, Виктор Карлович, доктор медицины, так же, как многие его коллеги, был командирован в Пермь для чтения лекций по анатомии. В 1923–1924 г. он был ректором университета. В Перми оказалась и его сестра Раиса (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 522б. Л. 2).

Во вновь созданном университете А.В. Шмидту сложно было заниматься египтологией. В дореволюционных российских университетах не было также и кафедр археологии, специальной подготовки археологов не велось. Обе эти предметные сферы находились в ведении дисциплин кафедр всеобщей истории. Отчасти функции этих двух наук брали на себя университетские музеи изящных искусств и древностей, входившие в структуру классических университетов еще по университетскому Уставу 1884 г. Музеи должны были служить учебным, научным и просветительским целям университета. Такой музей стал создаваться и в Перми с самого начала его открытия. Это стало делом не только университета, но и всего образованного сообщества города: известные в Перми люди жертвовали открывающемуся музею искусств и древностей редкие экспонаты. Первая коллекция из фрагментов краснофигурной керамики поступила в музей уже в октябре 1916 г. (Стабровский, 1994, с. 152).

В октябре 1917 г. первый заведующий университетским музеем, специалист по античной истории профессор Б.Л. Богаевский был избран деканом историко-филологического факультета (Мельникова, 2003, с. 41). По его инициативе 22 мая 1918 г в университете была учреждена должность хранителя музея древностей, которая была предложена А.В. Шмидту (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 404. Л. 4, 5).

Позднее Б.Л. Богаевский, рекомендовавший Алексея Викторовича на эту должность, писал: «В феврале 1918 г. с целью усилить работу по организации музея древностей я обратился к Алексею Викторовичу Шмидту с предложением взять на себя труд по приведению в порядок нумизматического отдела музея, подготовить к печати каталог русских монет и составить карточный каталог фотографий и диапозитивов с памятников искусства, литографий, гравюр с картин известных художников. Означенная работа требует обширных специальных знаний, и она может быть доверена лишь лицу, знакомому с нумизматикой, историей и историей искусств. Таким лицом и является А.В. Шмидт» (Цит. по: Богословский, 1968, с. 149).

В первые советские годы своего существования, несмотря на гражданскую войну, музей комплектовался как за счет реквизированных в ходе революционных событий частных коллекций, так и за счет средств самого университета. В архивах сохранилось несколько удостоверений А.В. Шмидта о его командировании Правлением Пермского университета в Петроград по делам, связанным с оборудованием вещественными памятниками археологического и художественного характера музея древностей и их закупкой, и со специальным поручением собрать сведения об имеющихся в продаже ученых книжных собраниях и библиотеках (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 8). Во время одной из таких поездок А.В. Шмидт приобрел у часового мастера А.Ф. Эльтермана собрание греческих и египетских предметов из бронзы, стекла, кости, керамики и терракоты. Всего в количестве 1800 экземпляров на сумму 35 тысяч рублей. В начале 1920 г. купленные вещи благополучно прибыли в Пермь и поступили в университет (Стабровский, 1994, с. 153).

Одновременно с работой в музее А.В. Шмидт начинает преподавательскую деятельность. В 1917–1918 гг. прежняя система университетского образования еще не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующим временем, постепенно адаптируясь к новым общественно-политическим условиям. Сохранялись многие учебные дисциплины. Дореволюционные программы в университетах не предполагали обучение студентов ни мировой, ни тем более региональной археологии. Однако можно утверждать, что фундамент университетского археологического образования в Перми и шире – в Приуралье – был заложен А.В. Шмидтом.

Согласно ежегодным отчетам по кафедре всеобщей истории, впервые А.В. Шмидт начал преподавание в 1919 г. Это были курсы истории культуры Древнего Востока и истории первобытной культуры. После упразднения в 1920 г. историко-филологического факультета он преподает курсы по культуре Древнего Востока, истории экономического быта древнего мира, ведет просеминарий по египтологии на факультете общественных наук, куда вошла кафедра всеобщей истории (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 7). В следующем, 1920–1921 уч. г. А.В. Шмидту поручены курсы по истории культуры Древнего Востока, доисторической культуре, истории торговых сношений Древнего Востока, египетской культуре (ГАПК. Ф.р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 19). В «Отчете» о деятельности преподавателя за 1920-1921 гг. в разделе «Преподавательская работа» А. В. Шмидт указывал, что он вел курсы истории культуры Древнего Востока, доисторической археологии и руководил просеминарием «Греческие источники для египетской религии» (ГАПК. Ф.р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 26).

Широко известно высказывание о том, что в университете учебное без научного светит, но не греет. Его справедливость подтверждает и деятельность А.В. Шмидта. С 1920 г. он одновременно с работой в университете стал заведовать археологическим отделом Пермского музея. Работа с коллекций наследников А.Е. Теплоухова, несомненно, способствовала знакомству с местным археологическим материалом, побуждала к его научному осмыслению (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 1).

Он стремится увидеть эти материалы не только в музейных коллекциях, но и непосредственно в поле. Начиная с лета 1920 г. А.В. Шмидт совершает целенаправленные поездки по уездам Пермской губернии (Чердынь, Усолье, Оханск, Оса и другие), а также в Екатеринбург Здесь он осматривает и изучает местные древности Приуральского края (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 18). Эти поездки по региону впоследствии станут ежегодными (см.: Худяков,1935, с. 130–131). По заданию университета летом 1921 г. А.В. Шмидт едет в Левшинскую, Хохловскую и другие волости Пермского уезда для производства археологических разведок и раскопок (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 66). Тогда же он расширяет географию своих поездок: в уездном городе Сарапуле им были обследованы археологические собрания музея местного края, а в Казани – коллекции Общества археологии, истории и этнографии при университете (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 26). Кстати, об этих поездках ученый будет вспоминать и позднее. Вернувшись в Ленинград в 1924 г., он писал в Сарапульский музей местного края: «…прошу не отказать сообщить мне, какие поступления в археологический отдел музея имели место с 1921 года» (Мельникова, 2014, с. 64).

Богатое археологическими памятниками Приуралье открывало для А.В. Шмидта возможности переориентации научных интересов с истории Древнего Востока на изучение археологии и в конечном итоге формировало серьезный исследовательский интерес к местной тематике. В образовательном процессе это привело к тому, что с 1923 г. в учебном поручении А.В. Шмидта впервые появляются дисциплины, связанные с региональной археологией: он начинает вести дисциплины «История Пермского края» и «Доисторическая археология и история Пермского края» (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 69). Подготовка этих курсов, с одной стороны, требовала глубокого знания местного археологического материала, с другой стороны, его изложение в студенческой аудитории требовало научных обобщений, аргументированных оснований для его упорядочения, что и было сделано ученым. Анализ схемы систематизации прикамских древностей, апробированных ученым в этих университетских курсах, был сделан М.Г. Худяковым в статье «Вклад

А.В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья» (Худяков, 1935, с. 129).

Усвоению студентами тем по региональной археологии способствовала деятельность, связанная с пополнением коллекций музея древностей и их использованием в учебном процессе. Появились первые студенты, проявившие интерес к археологии. Источники сохранили имя студентки Н.И. Долининой, выполнявшей под руководством А.В. Шмидта работу по изучению археологических памятников в окрестностях города Кунгура (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 26).

А.В. Шмидт стал практиковать и такой метод обучения студентов, как экскурсии на археологические памятники региона: известны сведения о двух таких экскурсиях на Гляденовское костище и Галкинское городище в Пермском уезде (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 26).

Глубокое погружение в региональную проблематику принесло результаты в виде первых научных обобщений, представленных научному сообществу. Уже в 1920 г. по итогам своих поездок по Пермской губернии и результатам работы в местном музее А.В. Шмидт подготовил два доклада «Некоторые мотивы искусства Пермской Чуди» и «Первобытные обитатели Прикамья и их культура», которые были прочитаны в Уральском обществе любителей естествознания и в Обществе философских, исторических и социальных наук при Пермском университете. Спустя два года для сотрудников отдела древностей и специалистов по доисторической археологии он подготовил и прочитал доклад «Доисторические культуры Прикамья». В период пребывания в Петрограде по делам музея древностей А.В. Шмидт выступил в Русском археологическом обществе с докладом «Об урало-туркестанских связях в домусульманскую эпоху» (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 3).

Исследовательская и преподавательская работа А. В. Шмидта была значима и заметна для Пермского университета. Неслучайно в 1920 г. ректор подписал ходатайство об освобождении А.В. Шмидта от призыва на военную службу ввиду того, что в университете «отсутствует другой специалист по археологии и древней истории» (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 26). Обратим внимание, что в документе на первом месте указана специализация А.В. Шмидта как археолога, что свидетельствует о том, что за время работы в Перми он сформировался как ученый-археолог.

В 1924 г. стал завершающим годом работы А.В. Шмидта в Пермском университете. Он вернулся в Петроград, началась его работа в Музее антропологии и этнографии АН СССР в качестве научного сотрудника 1 разряда (Богословский, 1968, с. 155) (в некоторых публикациях упоминается дата возвращения в Петроград – 1923 г., но в справочнике «Весь Петроград/Ленинград» имя А.В. Шмидта и его домашний адрес появляется в 1924 г. (Весь Ленинград…, 1924, с. 303)). Однако переезд не привел к смене научных интересов ученого: прикамская тематика стала ключевой в исследовательской деятельности. Практически каждый год А.В. Шмидт проводил работы в Прикамье и Приуралье (Худяков, 1935, с. 130–131). Часть коллекций из этих раскопок оказалась и в университетском музее древностей (Археологические экспедиции ГАИМК, 1962, с. 20).

В 1932 г. А.В. Шмидт возглавил одну из крупнейших довоенных советских археологических экспедиций – Камскую археологическую экспедицию ГАИМК, начавшую многолетние работы в зоне строительства Камской ГЭС. Под руководством А.В. Шмидта были проведены обследования долины реки Камы в зоне предстоящего затопления (маршрут общей протяженностью 850 км) (Археологические экспедиции ГАИМК, 1962, с. 75).

О.Н. Бадер, пришедший в Пермский университет почти через 20 лет после А.В. Шмидта, приняв у него своеобразную эстафету развития университетской археологии, напишет: «Наиболее серьезными работами самого А.В. Шмидта были: изучение и датировка поздненеолитической Левшинской стоянки, могильника бронзовой эпохи у с. Турбино, выделение кара-абызского варианта ананьинской культуры на р. Белой, изучение и датировка памятников харинского и ломоватовского типа, а также опубликование первого обобщающего исследования о первобытном обществе в Прикамье, хотя и основанного на еще недостаточном материале» (Бадер, 1953, с. 4–5).

Возвращаясь к юбилею А.В. Шмидта, можно подчеркнуть тот факт, что имя ученого прочно закрепилось в исторической памяти археологического сообщества. Ни одна проблемная историография, касающаяся

исследования эпох и регионов, составивших научный интерес А.В. Шмидта, не обходится без обращения к его работам. Внимание ученых-археологов к юбиляру подтверждает актуальность его наследия для науки. Отмечая научной конференцией «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии» 130-летний юбилей А.В. Шмидта, современное поколение археологов оценивает его вклад в приращение научного знания, разработку исследовательской методологии. Самим празднованием юбилея археологическое сообщество обеспечивает как сохранение культурной памяти научного сообщества, так и преемственность в развитии науки.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Бадер О.Н Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947-1952 гг.) // Ученые записки МолотовГУ. Т. IX. Труды КАЭ Вып.3. / Отв. Ред. В. Ф. Тиунов. Харьков: Харьк. ун-т, 1953. С. 4–88.

Богословский Е.С. Материалы к изучению научной деятельности А.В. Шмидта в Пермском университете // Ученые записки ПГУ. № 191 / Труды КАЭ. Вып. 4 / Ред. Ф.С. Горовой, В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 147–156.

Весь Ленинград адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1924 год. Л., 1924. 920 с. Доступно по URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1266032/ (дата обращения 11.10.2025).

Горская Н.А. Греков Борис Дмитриевич // Историки России. Биографии / Отв. ред. А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С.594-601.

Евутшенко А.Г. Юбилей как ключ к пониманию духовных устремлений нации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 93–96.

Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. №2. С. 23–26.

Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. Пермь: Книжный мир, 2006. 320 с.

Кузнецов А.А. Миф о провинциальном историке в XX в. (на примере С.И. Архангельского) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычков. Омск: Ом. гос. ун-та, 2019. С. 103–132.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) / МИКВАЭ. Т. 7. Ижевск: УдГУ, 2003. 180 с.

Мельникова О.М. Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900-1930-х гг.). Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. 136 с.

Мельникова О.М. Феномен юбилея: исследовательские возможности в изучении истории археологии // Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2025. С. 47–51.

Пермская жизнь, 1 октября 1916 г., № 245. Доступно по URL: https://permnewspapers.ru/vipusk/permskaya-zhizn-01-10-1916/ (дата обращения 01.10.2025).

Постановление СНК СССР «О порядке разрешения празднования юбилеев» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1925 г. № 40-85. Отдел первый. М., б. г. С.633-635.

Постановление Совнаркома СССР «О разъяснении постановления СНК СССР от 1 декабря 1925 г. о порядке разрешения празднования юбилеев» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1926 г. № 1-41. Отдел первый. М., б. г. С. 224-226.

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. О наведении порядка в праздновании юбилеев. 12 декабря 1958 г. № 1571361 // Собрание постановлений правительства СССР за 1958 г. № 1-20. М.: Госюриздат, б. г. С.556-558.

Стабровский А.С. Из истории коллекций художественного фонда музея истории Пермского университета // Античность и средневековье Европы / Отв. ред. А.В. Колобов. Пермь: Пермский университет, 1994. С. 151–155.

Худяков М.Г. Вклад А. В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9-10. С. 129–132.

Информация об авторе:

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, зав. кафедрой, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); superlvovich2012@yandex.ru

REFERENCES

Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, M. A. 1953. In Tiunov, V. F. (ed.). *Uchenye zapiski Molotovskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Molotov University)* IX (3). Khar'kov: Khar'kov State University, 192–193 (in Russian).

Bogoslovskiy, E. S. 1968. In Gorovoi, F. A., Oborin, V. A. (eds.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 191. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 4. Perm: Perm State University, 145–161 (in Russian).

1924. *Ves' Leningrad adresnaya i spravochnaya kniga g. Leningrada na 1924 god. (The whole of Leningrad address and reference book of Leningrad for 1924).* Leningrad. Available at: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1266032/ (accessed 11.10.2025) (in Russian).

Gorskaya, N. A. 2001. In Chernobaev, A. A. (ed.). *Istoriki Rossii. Biografii (Historians of Russia. Biographies).* Moscow: "ROSSPEN" Publ., 594-601 (in Russian).

Evtushenko, A. G. 2012. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv (The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts)* (1), 93–96 (in Russian).

Korzun, V. P., Kovalev M. V., Gruzdinskaya V. S. 2021. In *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki (Bulletin of the Russian Foundation for basic research. Humanities and social sciences)* (2), 23–26 (in Russian).

Korchagin, P.A. 2006. *Gubernskaya stolica Perm' (The provincial capital of Perm*). Perm: "Knizhnyi mir"Publ. (in Russian).

Kuznetsov, A. A. 2019. In Korzun, V. P., Bychkov, S. P. (eds.). *Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik (The world of a historian. Historiographic collection)* 12. Omsk: Omsk State University 103–132. (in Russian).

Mel'nikova, O. M. 2003. *Permskaya nauchnaya arkheologicheskaya shkola O.N. Badera (1946–1955 gg.) (Perm scientific archaeological school of O.N. Bader (1946-1955)).* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 7. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Mel'nikova, O. M. 2014. *Arkheologiia v rossiiskoi provintsii: issledovateli, nauchnye obshchestva, paradigmy (po materialam arkheologicheskikh issledovanii na territorii Udmurtii v 1900–1930-kh gg.) (Archaeology in the Russian province: researchers, scientific societies, paradigms (based on archaeological research on the territory of Udmurtia in the 1900-1930s)).* Izhevsk: "Institut kompiuternykh issledovanii" Publ. (in Russian).

Mel'nikova, O. M. 2025. In Sorokina, I. A. (ed.). *Akademiia nauk i arkheologiia v regionakh: vzaimodeistvie i sotrudnichestvo (k 300-letiiu RAN) (Academy of Sciences and archaeology in the regions: interaction and cooperation (on the occasion of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–51 (in Russian).

Permskaya zhizn' (*Perm Life)* 1916 (245) Available at: https://permnewspapers.ru/vipusk/permskaya-zhizn-01-10-1916/ (accessed 01.10.2025).

1925. In *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1925 g. (Collection of laws and decrees of the Worker-Peasant Government of the USSR, 1925)* 40–85. Moscow, 633–635 (in Russian).

1926. In Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1926 g. *(Collection of laws and orders of the Worker-Peasant Government of the USSR for 1926)* 1–41. Moscow, 224-226 (in Russian).

1958. In *Sobranie postanovlenij pravitel'stva SSSR za 1958 g. (Collection of USSR government resolutions for 1958)* 1–20. Moscow: "Gosyurizdat" Publ., 556–558 (in Russian).

Stabrovskiy, A. S. 1994. In Kolobov, A. V. (ed.). *Antichnost i srednevekove Evropy (Antiquity and the Middle Ages of Europe).* Perm: Perm State University, 151–155 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1935. In *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Issues of Pre-Capitalist Societies History)* (9−10), 129–132 (in Russian).

About the Author:

Melnikova Olga M. Doctor of Historical Sciences, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; superlvovich2012@yandex.ru

Статья поступила в журнал 20.01.2026 г.
Статья принята к публикации 06.05.2026 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИК – главная инвентарная книга
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – геоинформационная система
ГРМ – Государственный Русский музей
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьев-Амурского
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/ Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МАЭ ИАЭ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НМ РБ. ДФ. НВ – Национальный музей Республики Башкортостан. Документальный фонд. Научно-вспомогательный фонд.
НМ РБ. ДФ. ОФ – Национальный музей Республики Башкортостан. Документальный фонд. Основной фонд.
НМ РБ. НА: Национальный музей Республики Башкортостан. Научный архив.
НМ РБ. ФА. ОФ – Национальный музей Республики Башкортостан. Фонд археологии. Основной фонд.
НПЦ по ОИПИКРО – Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области
ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.; Пг.
ОАН – объект археологического наследия
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
ПК – поздняковская культура
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РЖВ – ранний железный век
РНФ – Российский научный фонд
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение РАН
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20
Дата подписи в печать 26.06.2026
Дата выхода в свет 30.06.2026
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,78
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+

